

# ДНЕВНИК СОКОЛОВА

ОСНОВАТЕЛЯ ПОЛЯРНОЙ СТАНЦИИ  
НА ОСТРОВЕ КОТЕЛЬНЫЙ



Paulsen





*В. И. Соколов (1908–1941)*

# *Дневник Соколова*

---

основателя полярной станции  
на острове Котельный



Paulsen  
Москва 2015

УДК 910.1

ББК 84

С594

*Издательство «Паулсен»  
выражает благодарность за неоценимую помощь:*

ОАО «ЗАПСИБГАЗПРОМ»

ВОДОПЬЯНОВУ ЮРИЮ ЛЕОНИДОВИЧУ,  
Генеральному директору ОАО «Запсибгазпром»,  
Генеральному директору ООО «ИФК «Метрополь»

ЧИЛИНГАРОВУ АРТУРУ НИКОЛАЕВИЧУ,  
Специальному представителю Президента РФ по международному  
сотрудничеству в Арктике и Антарктике,  
Герою Советского Союза, Герою России, Члену-корреспонденту РАН

СЛИПЕНЧУКУ МИХАИЛУ ВИКТОРОВИЧУ,  
Заместителю председателя Комитета по природным ресурсам,  
природопользованию и экологии  
Государственной думы ФС РФ VI созыва,  
Заведующему Кафедрой Рационального Природопользования  
Географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,  
Профессору, Доктору экономических наук

Соколов В. И.

Дневник Соколова, основателя полярной станции на острове Котель-  
ный. – М.: «Паулсен», 2015. – 504 с.: ил. 87

ISBN 978-5-98797-110-9

Чего ждать от дневников двадцатитрехлетнего человека? – чувств, мыслей о будущем пути. Вот и наш автор отправляется в путь. Только точно знает куда – на необитаемый остров. Знает зачем – организовать на ледяном взморье полярную станцию. Пятнадцать таких станций создали в течение второго Международного полярного года (1932–1933), чтобы обеспечить морской и авиационный штурм Арктики. Эти семь лет, с 1932-го по 1939-й, – арктический «вестерн» с преодолениями, любовью, конфликтами, взаимовыручкой, неповторимой возможностью первопроходцев увековечить свои имена на карте мира. Имя автора этих дневников тоже стало топонимом на обжитой им земле: в северной оконечности острова Котельный течет река Соколова. Первая публикация дневников начальника станции на острове Котельный расскажет читателю о короткой героической жизни этого замечательного человека.

ISBN 978-5-98797-110-9

© В. И. Соколов, наследники, 2015  
© «Паулсен», 2015

## ПРЕДИСЛОВИЕ

---

*Артур Чилингаров,  
Герой Советского Союза, Герой России,  
Доктор географических наук,  
Член-корреспондент РАН, Президент  
Государственной полярной академии,  
Первый вице-президент Русского  
географического общества*



Вы держите в руках уникальный документ. В чём его уникальность?

30-е годы прошлого века всё дальше от нас. Свидетелей, которые могли бы нам рассказать о том, что происходило в то время в Арктике и в стране в целом, не осталось. Остались только свидетельства, а они не могут быть полными. Поэтому каждый ранее неизвестный документ, неожиданно всплывающий из глубин времени и восполняющий наши знания о событиях тех лет, весьма ценен.

В истории освоения Арктики есть если не белые, то как бы светло-серые пятна. Мы хорошо знаем, например, послевоенную историю освоения острова Котельный в архипелаге Новосибирских островов, когда на полярной станции с 1949 года до середины 60-х работал сначала аэрологом, а затем начальником этой станции легендарный полярник Арнольд Богданович Будрецкий, впоследствии начальник станции Северный Полюс-23, нескольких станций в Антарктиде. Не говоря уже о более поздних временах, неоднократных экспедициях Дмитрия Шпаро и других. Неплохо осведомлены о дореволюционном этапе исследований острова – экспедициях Ляхова, Санникова, Геденштрома, Анжу, Бунге, Толля, исследованиях Пшеницына и Решетникова. Их имена увековечены на карте острова. А начало советского периода его освоения – тридцатые годы прошлого века – в литературе практически не отражены. Но ведь именно в это время начался новый, грандиозный и героический этап освоения Арктики, который получил продолжение в наши дни.

Дневник В. И. Соколова, сохранённый его семьёй в условиях войны, эвакуации, неоднократных переездов, восполняет пробел в наших знаниях.

Пожалуй, это единственный широкодоступный источник, из которого читатель во всех подробностях, день за днём, может проследить все события, подчас драматические, при которых возникла и работала первая полярная станция на острове Котельный. Узнает о людях, создававших станцию, с их разными характерами и порой непростыми взаимоотношениями, о взаимовыручке, максимальной, большей, чем от них требовалось, самоотдаче. Как был организован быт, когда люди пришли на голый берег, где не было ни жилья, ни связи с Большой землёй. И в этих условиях по результатам работы станция была признана одной из лучших в Арктике.

Книга содержит ряд уникальных, интересных фактов. Впервые в литературе, например, подробно описаны чрезвычайные события, которые привели к появлению на карте Котельного таких названий, как залив Стахановцев Арктики и бухта Темпа.

Со страниц дневника ярко проступает и личность самого автора – Владимира Ивановича Соколова, настоящего романтика Арктики, человека высокого долга, волевого, упорного в достижении цели и в то же время умелого организатора, авторитетного руководителя, тактичного и внимательного к людям.

Становится понятным, почему в свои 32 года он был награждён одной из высших наград того времени – орденом Трудового Красного Знамени. А имя Владимира Ивановича увековечено на карте острова Котельный – на северо-западе острова есть река Соколова.

## ЖИЗНЬ И РЕКА СОКОЛОВА

---

*Владимир Соколов  
о дневниках отца*



Несколько слов о том, как я пришёл к мысли опубликовать дневник моего отца. Это решение пришло ко мне не сразу. Отец погиб на фронте в октябре 1941 года, я родился в декабре. Мы не пересеклись во времени. Мама больше замуж не выходила. Первый её муж был репрессирован в 1937 году, впоследствии реабилитирован. Отца мне в какой-то степени заменял старший брат, он старше меня на 14 лет. И с тех пор, как помню себя, слышал рассказы мамы об отце. На видном месте всегда стояла его фотография с орденом Трудового Красного Знамени на форменном морском кителе. Уже в раннем детстве я услышал это словосочетание – остров Котельный. Услышал о полярной станции на этом острове. О том, как полярники около года оставались без радиосвязи. Об отчаянных и рискованных поездках отца на собаках с Котельного на Ляховские острова за радиоаппаратурой, долгих, упорных и, к сожалению, безуспешных попытках наладить связь. В году примерно 1952-м, когда мне было лет десять, мама принесла довольно толстую книгу. Она называлась «Три зимовки во льдах Арктики». Автором её был Константин Бадин, капитан ледокола «Седов». Посвящена она дрейфу зажатых льдами судов «Седов», «Малыгин» и «Садко». И каков же был мой детский восторг, когда на странице, как сейчас помню, 118, я прочёл небольшой абзац о моём отце и трёх его товарищах. Полярная станция Котельного служила промежуточной базой при эвакуации экипажей этих судов. И четверо её сотрудников проделали огромную работу, обеспечив самолётам взлётно-посадочную полосу, а сотням людей – горячее питание и ночлег.

А ещё у отца был близкий друг со времён совместной учёбы в Ленинградском государственном университете, Михаил Артемьевич Кузнецов. В дневнике он упоминается под инициалами МАК. После войны наши семьи продолжали дружить, хотя его семья жила в Ленинграде, а наша в Москве. Михаил Артемьевич время от времени приезжал в Москву в командировку и всегда останавливался у нас. Каждый его приезд был для меня праздником. Я был очень привязан к нему и называл дядей Мишей. От него я услышал многое о своём отце. В очередной раз он приехал к нам, когда я учился в шестом классе. Это был год первой Советской антарктической экспедиции. Михаил Артемьевич был её участником, в Москве он проходил подготовку к ней. Я по газетам следил за всеми событиями в Антарктиде, вёл журнал и делал доклады в школе. А в декабре в наш класс со своими воспоминаниями приходил Эрнст Теодорович Кренкель, знаменитый папановец, который знал моего отца. И надо же было мне заболеть как раз в этот момент!

В небольшом чемоданчике мама хранила несколько экземпляров тонкой книжки «Три года на острове Котельном», написанной отцом, и пару стопок общих тетрадей. Это были дневники отца. Он их вёл с четырнадцати лет, с 1923 года. Воспоминания его охватывают и события раннего детства, начало Первой мировой войны. А дальше идут школьные годы. Нежелание заниматься скучной, однообразной сидячей работой, стремление к яркой, полной приключений жизни привело его в конце концов на географический факультет Ленинградского государственного университета. А дальше – первые экспедиции и, наконец, две зимовки на Котельном.

Дневники, к сожалению, местами затруднительны для чтения из-за неразборчивого почерка. Когда у меня появился компьютер, я решил перепечатать их, с тем чтобы их было удобно читать моей семье, сыну, внуку и так далее. Я не думал, что дневники могут быть интересны кому-нибудь ещё. Времени с тех пор прошло много, событий в Арктике – тоже. Война, опять же. В 30-х годах было открыто много полярных станций, станция на Котельном – только одна из них. Наверняка на каждой происходили не менее важные и интересные события. Времена были героические. Кому сейчас интересно, кто работал на станции восемьдесят лет назад? Моя семья знает, и этого достаточно. Оказалось, я был не прав.

Перепечатывая дневник, я отслеживал по карте путь отца от Большого Невера через Якутск, Булун, Тикси, Казачье и далее до Котельного. А вот карты Котельного, Новосибирских островов в магазинах не нашёл. И как я сразу не догадался поискать в интернете?! После некоторых усилий нашёл

подробную топографическую карту части острова. Карта была большая и вся не помещалась на экране монитора. Я начал изучать её с юго-западной части, перемещаясь на север. С интересом находил знакомые по дневнику русские и якутские названия. Вот поварня Делисей (в дневнике Елисей, видно, так воспринималось на слух). Мыс Медвежий, Урасалах, Амбардах, Нерпалах, Темп, река Пшеницына... И тут у меня перехватило горло и слёзы навернулись на глаза... Река Соколова. Значит, не забыли. Значит, кто-то высоко оценил его вклад. И не просто не забыли, а сделали так, чтобы не забыли другие, и не только современники.

У меня не было ни малейших сомнений в том, что река названа именем моего отца. К этому времени я изучил всё доступное мне, что касалось событий на острове. Фамилия Соколов в связи с островом больше не попадалась. Но это была только моя внутренняя уверенность. Для других это могло быть совсем не так очевидно. В конце концов я нашёл бесспорное доказательство. В книге С. В. Попова «Морские имена Якутии» есть несколько страниц, которые вкратце описывают те же события, что и дневник. Описание начинается с фразы: *«Река Соколова на острове Котельном напоминает нам о первом начальнике полярной станции на этом острове Владимире Ивановиче Соколове»*.

Мне захотелось разыскать Сергея Владимировича Попова: узнать, кто и когда решил дать реке такое название. Может быть, эти люди знали отца, возможно, у них были какие-то документы, неизвестные мне. Но... я опоздал. Сергей Владимирович умер в 1996 году.

Так я пришёл к мысли, что сведения, содержащиеся в дневнике, могут быть интересны и важны не только для меня и моей семьи.

А дальше стал интересоваться, что знают об истории возникновения первой полярной станции на Котельном, о людях, её основавших, те, кто уже в наше время поработал на этой станции. Благодаря интернету и социальным сетям связывался с бывшими её сотрудниками. Ездили с моей женой Ириной в Петербург, встречались там с патриархом-полярником Арнольдом Богдановичем Будрецким в его небольшой квартирке в Индустриальном проезде. Он проработал на Котельном около пятнадцати лет начиная с 1949 года, сначала аэрологом, а потом начальником полярной станции. И оказалось, что реку знают, а чьим именем она названа, не знает никто. Это неудивительно. За исключением упомянутой книги Попова, выпущенной в 1987 году, никаких сведений об истории станции, о людях, её основавших, практически нет. То же самое в интернете. Хорошо известна дореволюционная история освоения острова начиная с XVIII века. Имена Ляхова, Геденштрома,

Пшеницына, Анжу, Толля, Санникова и многих других исследователей нанесены на карту Новосибирских островов.

Много информации есть о послевоенной истории острова вплоть до наших дней. А 30-е годы XX столетия находятся в густой тени. Но ведь это самое начало нового грандиозного и героического этапа освоения Арктики, который продолжается до сих пор. Этот пробел необходимо восполнить.

Работая над дневником и общаясь с разными людьми, так или иначе связанными с Котельным, я пришёл к выводу, что дневник является единственным источником важных и интересных для истории фактов. Таким фактом, например, является история появления на карте острова широко известного теперь названия «бухта Темпа». Это не просто красивое название. «Темп» – такое имя носила шхуна, прибывшая на полярную станцию в сентябре 1936 года. Только благодаря самоотверженному, я хочу подчеркнуть, в полном смысле этого слова самоотверженному поступку экипажа «Темпа», полярной станции Котельного удалось продолжить работу. А это, в свою очередь, в значительной степени повлияло и на многие дальнейшие события полярной истории.

Хотелось узнать, найдет ли моё субъективное мнение отклик людей, обладающих большим опытом работы в Арктике. И я решил обратиться к Дмитрию Игоревичу Шпаро, за многочисленными экспедициями которого следил по газетам и журналам с 1970-х годов и который не раз бывал на Котельном. Шпаро посчитал важной публикацию дневника настолько, что порекомендовал меня Артуру Николаевичу Чилингарову, пожалуй, самому авторитетному в стране специалисту по Арктике и Антарктике. Для Чилингарова тоже многие факты, отражённые в дневнике, стали открытием. Он высоко оценил его содержание. В его лице я получил мощную поддержку. Сомнения развеялись – дневник должен увидеть свет.

*Тетрадь № 1*

---

**23 ФЕВРАЛЯ 1932 – 4 ФЕВРАЛЯ 1933**



## **ПЕРВАЯ ЗИМОВКА**

---

### **Из Отчёта о работе полярной станции на о-ве Котельный за 1935/1936 год**

Летом 1933 года на с-з берегу о-ва Котельный Якутским Гидрометеорологическим институтом, входившим в систему Гимекома СССР, была организована полярная станция (приближённые координаты 76 град. 02 мин. с. ш. и 138 град. 02 мин. в. д. от Гринвича).

Зимовщиками, прибывшими сюда с материка на собаках последним зимним путём, были выстроены жилой дом из плавника, юрта якутского типа, пристроенная к дому, и баня. В навигацию 1933 года подброска продовольствия не состоялась, и зимовщики (два человека) в апреле 1934 года станцию вынуждены были покинуть.

Владимир Соколов,  
6 февраля 1932 г.



РСФСР  
Народный Комисариат Просвещения  
ГЛАВНАУКА  
ГОСУДАРСТВЕННОЕ  
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ  
ОБЩЕСТВО  
Ленинград, Демидов пер., 8-а  
Телефон 555-76

„9“ И Ю Н Я 1931 г.  
№ 655

Уважаемый Товарищ!

Всесоюзное Географическое Общество,  
желая пользоваться участием Вашим, в  
трудах своих, избрало Вас, своим Дейст-  
вительным Членом, о чем и уведомляет  
Вас.

При сем препровождаются два бланка,  
которые по заполнении, покорнейше про-  
шу вернуть в Канцелярию Общества.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕСТВА

*А. И. Шокальский*

В. И.  
СОКОЛОВУ.

## 1932 год

### В далёкую Якутию. Поезд Москва – Большой Невер

*23 февраля. Вторник*

Снова мчит меня поезд в далёкую Якутию. Только-только успел вернуться – и снова в дорогу. И не куда-нибудь, а на остров Котельный лежит мой путь. Эти два года работы в тяжёлых своеобразных условиях должны быть для меня хорошей школой.

...

Ехали мы из Якутска большой компанией. Кроме нас четверых, Нижне-Ленской экспедиции, ехали ещё Турутин – временный капитан «Лены», Шимановский и ещё девушка в штанах – Воробьёва Евдокия Ивановна, а теперь для меня просто Дуся, ну, может быть, если выражаться точнее, то с прибавлением впереди имени маленького эпитета, употребляемого, когда человек очень приятен, очень мил. Ой, проговорился!

Ехали вместе, всё шло своим порядком, и лишь в конце нашего совместного пути я почувствовал, что мне не всё равно, встретимся ли мы в дальнейшем в Ленинграде или же нет... Почувствовал это особенно сильно, когда расставались на Б. Невере при посадке её в вагон. А потом встретились снова в Ленинграде. 17 января я принимал вместе с Мишей гостью. 22-го же числа были вместе в театре на утреннем спектакле, смотрели «Взрыв», а вечером я провожал её домой по парку в Слуцке, и расстались мы лишь после... крепкого-крепкого поцелуя... Спустя восемь дней мы расстались большими-большими друзьями, расстались на целых два года. За короткое время Дуся стала для меня дорогим, любимым человеком.

*5 марта. Суббота. Б. Невер*

Второго ночью приехали в Большой Невер. Встретили здесь нашего товарища по пути, посланного из Москвы вперёд, – Мильчакова. За

время пути сюда он успел «жениться» на соседке по вагону и лишь за несколько дней до нашего приезда отправил её к прежнему мужу. В день приезда получил телеграмму от Шимановского о том, что им дано распоряжение в Якутск о высылке в Невер 5 тысяч. На следующий день деньги я получил. За вагон уплатил 3067 руб. – меньше, чем предполагал. Вчера на машине № 64 отправил Шашина, а на № 59 – Мильчакова. Груз оказался больше, чем два грузовика, и оставшийся груз – около тонны – должны были отправить сегодня, но машин мало, и идут они в короткие рейсы. Поэтому сегодня мне не выехать. Обещают дать машину завтра. Едем на автомобилях до Чульмана (260 км от Незаметного) – дальше гужевым транспортом. Наши грузы пойдут вне очереди.

Живу в комнате, предоставленной колхозом. Вчера сюда же вселили женщину с ребёнком. Удобств, конечно, немного, но крыша над головой есть.

Чего нет, так это обещанного письма от Дуси. Спрашиваю на почте каждый день, и всё напрасно. Забыла, видно, Дуся обо мне. А я уж четыре письма ей отправил. Теперь есть возможность получить от неё письмо только в Якутске. А если его и там не будет?..

### **На последней ж.-д. станции: экспедиция начинается.**

#### **Переезд Б. Невер – Тында на попутном грузовике**

*7 марта. Понедельник*

Ну, сегодня, кажется, вырвусь из Невера. Вчера не удалось – из гаража вышло только две машины, да и те лишь способные идти на ближние расстояния. Покидая последнюю ж.-д. станцию, можно сказать: экспедиция начинается. Когда-то и при каких обстоятельствах я вновь увижу светлую полосу вдаль уходящих рельсов?

Переезд на грузовике № 73 «Ярославич» Б. Невер – Тында. Шофёр Золотых. В конце первого часа пути сдали задние покрышки. Пришлось ждать попутной машины. Вскоре пришёл № 100. С помощью домкрата через час сменили покрышки. Вместе поехали дальше. Ночёвка в Тынде в помещении для шофёров.

#### **Тында – Нагорный**

*8 марта. Вторник*

Переезд Тында – Нагорный. Приключений никаких. Всё время еду в кабине вместе с шофёром и плотником Первушиным. Ночёвка в Нагорном. Накормили хорошим обедом (в Тынде отказали).

## **Нагорный – Хотомь**

*9 марта. Среда*

Утром выехали из Нагорного. В два часа прибыли в Чульман. Здесь встретили Шашина и Мильчакова. Весь привезённый ими груз уже в санях верблюжьего каравана. Говорят, что в Незаметный придут через 11–15 суток. Я на машине еду до Хотоми – 75 км от Чульмана и, таким образом, обгоняю их караван. Распрощался с товарищами. Возможно, буду ждать их в Незаметном, предварительно подготовив транспорт на Якутск. Караван вышел вперёд нас, и через час мы их обогнали.

В километрах 25-ти до Хотоми застали нас сумерки. Фары машины оказались не в порядке, и пришлось ждать рассвета. Спали в домике магистральных рабочих. Угощали бражкой. Машина работала с перерывами всю ночь. К счастью, бензина хватило (1 банку дала встречная машина).

## **Хотомь – Васильевка на лошадях**

*10 марта. Четверг*

Утром выехали дальше. В избушке забыл свою кружку. В Хотоми повезло – оказались свободные лошади. Перегрузил груз с машины на лошадей. Пришлось немало повозиться с горохом, рисом, манкой – мешки дорогой лопнули, и содержимое наполовину рассыпалось. Пришлось всё пересыпать в новые кули – раздобыли у зав. пунктом – и собрать рассыпавшееся (конечно, с мусором). Запасся провизией – 4 кило солёной кеты (сухой засол) да кило сахару. Хлеб ещё есть ларинский. В 4 часа тронулись в дорогу. Пили чай в Зимовье и Половинке. Прошли 34 км. Знакомые уже места навевают воспоминания о недавнем возвращении из Якутска.

*11 марта. Пятница*

Переход Ивота – Васильевка с чаем в Малом Нимныре. В том самом зимовье, где мы, возвращаясь из Якутска, провели ночь с 11 на 12 декабря – первую ночь на Амуро-Якутской магистрали. Особенно хорошо вспоминаю утро 12-го числа, когда мы, позавтракав, ждали подачи автомобиля.

Началась вьюга, местами дорога сильно занесена. Кони временами вставали, видимо, утомились.

12 марта. Суббота

Возчики решили устроить дневку – дать отдых лошадям. Вьюга свищет вовсю, заметая дорогу. Здесь, у Васильевки, стоят засыпанные снегом пять автомобилей. Унылая картина. Днём бреюсь, сплю, читаю Э. Золя. Вечером – письмо Дусе.

### **Васильевка – Б. Нимныр**

13 марта. Воскресенье

Переход Васильевка – Большой Нимныр – 28 км. Сплошное купание в сугробах снега. Первые 8 км прошли в пять часов, из которых четыре часа затратили на самые первые, самые трудные 4 км. Лошади выбивались из сил, и лишь бич заставлял их вырывать возы из «нырков». Вторая половина пути была сносная. Вечером в зимовье встретился и разговаривал с участниками Индигирской экспедиции НКПС (*эксп. Народного комиссариата путей сообщения*) – той самой экспедиции, в которую я чуть было не попал в конце 1930 года. Был здесь и географ, но с ним мне не удалось побеседовать – он уже вечером спал, а утром их экспедиция уехала рано. Говорят, что существование хребта Черского подтверждается, только нет в нём высот более 2000 м, и количество цепей – менее указанного Обручевым.

### **Б. Нимныр – Юхта**

14 марта. Понедельник

Переход Б. Нимныр – Юхта. Ночёвка в Чистом зимовье. Народу мало, расположение удобно.

### **Юхта – Незаметное**

15 марта. Вторник

Переход Юхта – Незаметное – 50 км. День светлый, солнечный.

Дорога хорошая, всё больше под гору. Шли быстро. Вечером при солнечном закате вышли в Незаметный, в котором я был три месяца назад. Ночевал у моего возчика Литвинцева.

16 марта. Среда

Перебрался к возчику Янову – он пригласил меня ещё во время дороги. Груз сдал на хранение в центральную базу. На почте на мой адрес – ничего.

Транспортный отдел говорит, что лошадей Транспортного союза дать не могут – мобилизовали на срочные перевозки по АЯМу (*Амуро-Якутская магистраль*). Должны прибыть обозы якутов, с ними можно будет отправить наш груз. Пока ничего им не возражал, груз ещё далеко.

*17 марта. Четверг*

На почте по-старому пусто. Послал телеграммы домой и Шимановскому. Вечером пытался говорить по телефону с Большим Нимныром – хотел узнать, не приходил ли наш груз, но связь прервана. В транспортном отделе новые сведения – числа 20-го в Якутск идёт 7 лошадей. С ними можно послать наш груз. Эх, если б к этому времени подоспели верблюды! Мы бы быстро двинулись дальше.

День тёплый, с крыши каплет. Это вносит беспокойство. Удрали ли мы от весны и если удрали, то как далеко?

*18 марта. Пятница*

На солнечной стороне с крыш каплет, но ветерок холодный. Утром на рынке пытался произвести закупки, но купил только два кружка молока – 4 фунта по 1,5 руб. за фунт.

...

Вчера в «А-Я» (газета «Автономная Якутия», с 8.07.32 – «Соц. Якутия») прочёл, что 15 февраля в Олёкминске из-за неосторожного обращения с огнём сгорел самолёт Л-33, на котором прошлой весной я совершил перелёт из Иркутска в Якутск.

*19 марта. Суббота*

В транспортной артели у якута, только что приехавшего из Хотымы, узнал, что позавчера мои товарищи с грузом ночевали на Васильевке. Значит, в эту ночь ночуют на Юхте, следующую – на Приисковой и 21-го вечером должны быть в Незаметном. 21-го же на Якутск направляется 7 лошадей. Вот бы они вышли 22-го, а наш груз пришёл бы 21-го! Отобрав самый срочный, я тогда 22-го отправился бы на Якутск.

Свободное время провожу главным образом за чтением. Ещё в Ларинске начал и здесь закончил «Лурд» Э. Золя. Затем сегодня закончил «Творчество» его же – редко встречаются такие хорошие книги. Прочёл томик рассказов Соколова-Микитова, тоже хорошее впечатление. А сегодня у якута удалось купить пять хороших книг: четыре издания «Академия», главным образом мемуары, и пятая – Э. Золя «Чрево Парижа». Кроме того, сегодня же в книжном магазине купил сборник «Недра» за старые годы.

Приобрёл билет на «Коварство и любовь». Завтра пойду смотреть. Забавно, как-то здесь сумеют её поставить?

*20 марта. Воскресенье*

Только что пришёл со спектакля. Посмотрел три картины из семи. Больше смотреть не захотелось. Играли нельзя сказать, чтоб плохо, но на меня, как это часто бывает, когда я в людных местах один, напало какое-то грустное настроение, и я решил уйти. Пришёл на квартиру, зажёл две свечи и вот – пишу. Пожалуй, напишу Мишке в Ленинград.

...

Завтра к вечеру ожидаю прибытия нашего груза. Лошади отправляются на Якутск 22-го.

**Груз экспедиции прибыл караваном верблюдов.**

**В ожидании фуража и денег**

*21 марта. Понедельник*

Днём за обедом вижу – идёт караван верблюдов. Наскоро допил чай и побежал: уж не наш ли? И действительно, оказалось, что наш груз прибыл. Мало того: оказывается, Шашин и Мильчаков приехали ещё вчера к вечеру и не могли отыскать меня (а я на почте оставил письмо Мильчакову, – он его не спросил, – где был указан мой адрес).

Завтра с двумя тоннами первоочередного груза отправляюсь на Якутск. Шашин и Мильчаков пока остаются для организации переброски всего остального груза. А сейчас, хотя уже и поздно, нужно написать письмо Мише (вчера не дописал) и... и, конечно, Дусе. Пишу, пишу ей, а от неё нет ни звука, ни строчки, ни слова. В Якутске будет! Не может быть, чтобы она мне не написала, чтобы она забыла обо мне.

*22 марта. Вторник*

Уехать не удалось. Когда были получены наряды на весь груз, вдруг отказали в выдаче фуража. И к кому бы я ни обращался – и к секретарю райкома партии, и к председателю правления треста, – ничего не вышло. Выдадут, если Наркомснаб Якутии согласится на отгрузку Якутснабу того количества фуража, которое необходимо для нашего продвижения, или если будет разрешение от Востокзолота. Послал молнию в Востокзолото Яковлеву. Сегодня вызывал к прямому проводу Шимановского и Наркомснаба Якутии.

Завтра я с тремя тоннами, возможно, всё-таки уйду на Якутск. Об этом предварительно договорился с возчиком Сельченко и с председателем транспортной группы. Едут на своём фураже. Если разрешение

на фураж получено будет, то соответствующая часть фуража им будет выдана по возвращении их в Незаметный. Если же получим отказ, то оплачиваем фураж по рыночной стоимости.

Вечером, возвращаясь от наблюдателя Варенцова, у которого поместились Шашин и Мильчаков, любовался лунным затмением.

### *23 март. Среда. 7 часов вечера*

Сегодня на Якутск не ушли. В 12 час. дня должны были говорить по прямому проводу с Наркомснабом Якутии и Шимановским, но провод оказался повреждённым, и переговоры пришлось отложить до 10 час. вечера.

Заклучил договора с тремя возчиками на перевозку 210 пудов груза и меня. В случае неполучения фуража оплачиваем разницу между стоимостью фуража Якутзолота и рыночной ценой. В Якутзолоте цена тонны овса 550 руб., сена – 450 руб., а на рынке куль овса – 100 руб. и пуд сена – 15 руб. На 8 лошадей погрузили две трети всего груза. Нужны ещё 5–6 лошадей, и тогда весь груз будет в Якутске. Выезжаем завтра утром. Вчера послал молнию о высылке 3000 руб., т. к. мы сидим почти без денег, и это тормозит получение остальных лошадей.

Интересно, как пройдёт сегодняшний разговор по прямому проводу.

### **Выход из Незаметного на Якутск**

#### *24 марта. Четверг. Незаметный*

Вчера вечером говорил по прямому проводу с Андреевым. Наркомснаб не явился, а Шимановский ещё в Иркутске. Объяснил положение с фуражом, сообщил в подтверждение телеграммы-молнии о необходимости высылать нам 3000 руб. Обещал выслать завтра. Сообщил, что Ильин выехал в Верхоянск 17 марта. Я сделал заявку на подготовку транспорта на Верхоянск к 8 апреля. На этом разговор закончили. Сегодня же утром, придя к возчику Сельченко, узнал, что он подыскал 4 лошади, могущие взять остатки груза. Живо на квартиру к ребятам, их – на ноги: сложить багаж, получить продукты на дорогу, погрузить везы. От ребят – на почту, снова молнию Андрееву:

«ДЕНЬГИ НЕ ВЫСЫЛАЙТЕ ВЫЕЗЖАЕМ ПОЛНОСТЬЮ».

Послал телеграмму и в Иркутск Шимановскому.

Сейчас сижу на квартире. Попил чаю с мясными пирожками и жду лошади, которая должна взять мой багаж. Как хорошо, что удалось двинуть весь груз. Возчики обещают прийти в Якутск на 12-е сутки. Если мы 6-го будем в Якутске, это будет хорошо.

Но, надо сказать, Котельный под большой угрозой, и его может спасти лишь исключительно быстрое продвижение из Якутска в Казачье. Если же здесь будет задержка – Котельный на этот год будет сорван.

*25 марта. Пятница. Брылёвское зимовье*

Наконец – в пути. Выехали вчера в 7 вечера, ночевали на первом зимовье – Фирсовском. 4 лошади ушли вперёд, иду с 4 лошадьми Сельченко. Сзади ещё китаец с двумя возами груза и ребята на 3 якутских лошадях. Сельченко перед выездом подвыпил и не помнит первого участка пути. С ним – его помощник-старикашка, пассажирка, женщина лет 35–40, и собака Подька. Лошади идут хорошо, но дорога сильно унавожена (ползём). Возы высокие и довольно тяжёлые. Попили чаю, едем дальше.

...

В этом зимовье мы провели последнюю ночь – с 7 на 8 декабря, при возвращении из Нижне-Ленской экспедиции.

*26 марта. Суббота*

Вчера дошли до «Верхней резиденции» (зимовье на Алдане). Здесь ночевали. Ночью нас догнали ребята, едущие не на 3, а на 8 лошадях. Догнал также и китаец. Рано утром при светлой солнечной погоде тронулись по Алдану. До «Средней резиденции» (второго Алданского зимовья) – 30 вёрст.

Пришли туда после обеда. Очень труден был подъём возов на берег: круто и сплошь навоз. Запрягали по две лошади в один воз.

После чая пошли дальше, через водораздел к Амгинскому зимовью. Этот участок – 18 вёрст. Прошёл пешком с Шашиным (их обоз со «Средней резиденции» вышел раньше, но мы его скоро догнали). По пути стреляли из дробовика во что придётся.

...

Вспоминаю, как мы мёрзли три месяца назад, ночью при ветре и сильном морозе, идя обозом по Алдану. А сейчас весьма тепло, к обеду даже сыро.

*27 марта. Воскресенье*

Ночевали на Амге. Утром пошёл вперёд пешком. Видел полузамёрзшие наши следы – в том месте, где мы на берегу Торы провели ночь с 5 на 6 декабря.

Ребята уходят вперёд, но мы застаём их в первом зимовье, где пьём чай, и также вечером, когда пришли на ночлег. Но здесь мы были недолго: через час после нашего прихода якуты погнали своих лошадей дальше. Их лошадёнкам достаётся. Корму почти никакого и «барда-барда» – без остановки.

*28 марта. Понедельник*

Днём на пятом зимовье пришлось заменять возчика китайца Чан Шу Лина якутами. Китаец, оказывается, совершенно не имеет фуража для своей пары коней и ни копейки денег. Да и кони очень слабы. Хорошо, что подвернулся попутчик, взявший доставку груза до Якутска за 10 руб. с пуда. Доставить обязался к 12 апреля.

Погода целый день стояла солнечная, тёплая.

*29 марта. Вторник*

Вышли утром с четвёртого зимовья, где ночевали при довольно хорошей погоде. После же обеда в третьей зимовке погода ухудшилась, поднялся ветер, и к тому времени, когда мы остановились на ночлег во втором зимовье, повалил сильный снег. Ребята на якутских лошадях ушли вперёд, завтра на Иситской базе должны их догнать.

*30 марта. Среда*

Со второго зимовья вышли рано, в 5 час. 15 мин. утра. В 3 часа дня были уже в недавно отстроенном новом зимовье при Иситской базе. Четыре месяца тому назад, когда мы здесь проезжали, это зимовье не было ещё отстроено, и мы ночевали в тёмном старом зимовье. А новое зимовье выглядит дворцом: крепко поставленное, высокое, с высокой тесовой крышей (все зимовья по тракту плоские, без крыш). Пожалуй, лучший дом базы. Есть и красный уголок.

...

Ровно четыре месяца тому назад, 30 ноября, мы прощались с Леной, пили за скорое возвращение на Лену, за встречу на её берегах. И вот – здравствуй, Лена! Я вернулся к тебе, правда, чтобы в скором времени снова с тобой расстаться, отправившись, на этот раз на север, не по твоим капризным волнам, а по льду спящей зимой Яны. Скоро и мои товарищи по прошлой поездке вернутся на Лену: Шимановский (если уже не вернулся) продолжать дело ГИМЕИНа (*Гидрометеорологический институт мин-ва высшего и среднего спец. обр. СССР. Обр. в 1930-м в Москве, с 1945-го в Ленинграде. Филиал в Якутске*), Ушаков

и Войцеховский – чтобы по Лене отправиться на Солахтырь. Скоро, месяца через два, вернётся и Дуся – продолжать творить своё солнечное дело.

*31 марта. Четверг*

Утром будит меня Сычёв – спутник Сельченко – вставайте, с воза пропал куль с вашими вещами. Вскочил, вышел на улицу – и действительно куля с моим заячьим одеялом, бобриковой коричневой тужуркой и вещевого мешка со свитером и парой грязного белья нет. Спёрли. На земле нашли вывалившиеся из этого же куля камусы и оленьи чулки (*камус – полоса шкуры с оленьей ноги на подбой лыж и на обувь, шерстью наружу, также мягкие оленьи сапоги; оленьи чулки – уктасы*). Собаки спали у соседнего воза – и ничего. А говорят, здесь почти никогда не воровали. Несомненно, это дело местных жителей, обратников никого не было, не проезжали, а находящиеся здесь возчики не возьмут. Написал заявление зав. базой, сейчас снесу, о том, чтобы в случае обнаружения похищенных вещей передал их в ГИМЕ-ИН. Неприятный случай. И уже второй за нашу поездку.

...

Относительно кражи подал заявление зав. базой. Он обещал принять меры к розыску, тем более что за последнее время были кражи и с базы. Он подозревает знакомого наших возчиков, с которым они вчера вместе выпивали, некоего Лукашевского, бывшего председателя Иситского сельсовета, отстранённого за злоупотребления.

...

Вышли с Иситской базы только в 5-м часу вечера. Дорога хорошая. Пили чай в Крестьяхе. Пошли дальше и на ночёвку остановились в Жургинской, пройдя от базы 33–34 км. Вместе с нами ночует якут, сменивший на пятом зимовье китайца.

**До Якутска – еще 286 вёрст.**

**Закончил «Чрево Парижа» Э. Золя**

*1 апреля. Пятница. Утро. Турчинское*

Вот и апрель – уже настоящий, серьёзный весенний месяц. И здесь солнце хорошо прогревает, а что сейчас делается там, в европейской части, в Ленинграде, в Волочке! Весна, вероятно, в полном разгаре. Позавчера, приехав на базу, решил побриться. Взглянул в зеркало – физиономия совсем бронзовая. Сильно напекло солнце. А сколько ещё солнца впереди!

Просмотрел по карте оставшийся до Якутска путь. Всего осталось 286 вёрст. Нужно обязательно 5-го прибыть в Якутск. Наметил ночёвки следующим образом: в Синском – 62 версты, в Тит-Арынском – 52 версты, Булгуняхтханском – 60 вёрст, Улаханском – 56 вёрст и, наконец, Якутск – 63 версты. Если мы таким образом будем двигаться, то 5-го вечером будем в Якутске.

Из Синского хочу дать телеграммы в Якутск и в Ленинград.

### *2 апреля. Суббота. Утро. Синское*

Вчера прошли много, не меньше 65 км. Из Жургинской вышли в 11 час. утра. Погода ясная, но прохладный ветерок. В 5 час. вечера остановились пить чай в Ой-Муране. Мимо Ат-Давана проходили в 10 час. вечера. Это деревня, стоящая на высоком берегу и снизу, с дороги, почти не видная, навеивает мысли о рассказе Короленко «Ат-Даван», стараюсь его вспомнить, но в памяти осталось мало. Хотелось бы здесь заночевать, быть может, ночёвка была бы в том самом доме, где останавливался Короленко (кто знает!), но нужно идти дальше, до Синского.

В Синское приходим в 2 часа ночи. Почти целый час проканителлись с устройством на ночлег. Всюду отказывают. В конце концов остановились на маленьком постоялом дворе, набитом битком. Для того чтобы лечь спать, пришлось вынести маленький столик, за которым пили чай.

Сегодня погода теплее вчерашнего. Достал из ящика новую книжку: Серафимович «Разлив», «Против течения». Буду читать, сидя на возу. Вчера к вечеру закончил «Чрево Парижа» Э. Золя, начатую ещё в Незаметном.

В кооперативе купили кило печенья, кило сахара, который как раз к утру был на исходе. Теперь хватит до Якутска.

Узнал, что ежедневно между Покровском и Якутском курсирует грузовик, забирающий пассажиров. Если удастся, поеду на нём. Это даст возможность попасть в Якутск, по крайней мере, на сутки раньше груза, подготовить всё для его приёма. О подготовке взвешивания груза и расчёте с возчиками послал в ГИМЕИН телеграмму.

### *3 апреля. Воскресенье. Батамайская*

Из Синского вчера вышли поздно, в 11 час. 15 мин. Шли медленно и только в 6 час. вечера были в Батамайской. Решил, что здесь нужно заночевать, чтобы перейти с вечерней езды на утреннюю. Не остановись

на ночлег здесь, мы бы в следующую деревню, Тит-Аринскую, пришли бы снова поздней ночью. Теперь же из Батамайской выходим утром в 7 час. и уже рано вечером встали на ночлег. Тогда и завтра удастся выйти рано. 5-го числа в Якутск не придём, придём лишь 6-го. Я же надеюсь при помощи автомобиля быть в Якутске всё же 5-го.

...

Сегодня моему дневнику девять лет.

#### *4 апреля. Понедельник. Утро. Еланское*

Вчера после чая в Тит-Аринской пошёл вперёд пешком – возчики повели лошадей на водопой. Шёл не торопясь, но лошади отставали всё больше и больше, и с середины пути, пройдя 10–11 вёрст от Тит-Аринской, я вовсе потерял их из виду. Так и прошёл пешком до Еланского все 22 версты. Пассажирка тоже шла следом. Возчики пришли в Еланское лишь через полтора часа после нас. Оказывается, кобыла, шедшая впереди, пристала и везти отказалась. Воз пришлось оставить верстах в трёх от деревни. За ним потом пришлось вернуться.

Сегодня нашли одну лошадь до Бестяха. Подали в Якутск телеграмму, чтобы товарищ Сельченко, находящийся сейчас в Якутске, срочно выехал навстречу на двух лошадях.

...

Ночевавшие сегодня с нами трое служащих, возвращающихся из Якутска в Центр, говорят, что никакого автомобиля между Якутском и Покровском не встречали. Даже нет следов автомобиля. Скверно, если автомобиль не ходит.

#### *5 апреля. Вторник. Утро. Бестяхская*

За вчерашний день прошли 52 версты. Ночевали в большом чистом доме. Чисто не только внутри, но и снаружи – двор блещет чистотой и порядком. До Якутска осталось 104 версты. Завтра к ночи нужно обязательно быть там.

Погода, бывшая последние дни холодной и ветреной, потеплела. Легче будет лошадям – легко скользят сани. Приходится увеличивать груз трёх лошадей: разгружать воз возчика, вёзшего груз от Еланского до Бестяха. Дальше, как его ни уговаривали, везти не согласился, здесь же возчиков нет совершенно – все кони в работе. Для кобылы оставляют лишь пассажирку да один ящик груза. Авось да дотянет. Сегодня вечером или завтра утром можем повстречаться с возчиком, выехавшим на помощь из Якутска.

**Якутск, ГИМЕИН.**

**Хорошо жить, веря в дружбу, в любовь, в новую встречу**

*6 апреля. Среда. 12 часов ночи. Якутск, ГИМЕИН. Общежитие*

Лёжа на полу, накрывшись «собакой». От Дуси два письма, в одном из них – фотокарточка. Что писать ещё?

*19 апреля. Вторник*

Сижу в помещении Табагинской школы, в 25 км от Якутска. С двумя ребятами, Бронером и Яськовым, организую здесь метеорологическую станцию. Ввиду позднего прибытия в Якутск и отчаянного состояния транспорта на севере, нынче весной на Котельный попасть нельзя. Остаюсь здесь, в Якутске, до последнего парохода – на нём в конце августа или начале сентября – в Булун, откуда, дождавшись зимнего пути, – в Казачье, и к весне дальше – на Котельный. Все подробности хочется занести в дневник потом, не сейчас.

Сейчас хочу занести сюда то, что написала мне Дуся – её два письма доставили мне столько радости, как, кажется, никакие письма до сих пор. Написаны они карандашом, некоторые места трудно уже разобрать, а я хочу, чтобы эти письма – их содержание – сохранились как можно дольше, навсегда.

Первое письмо, вложенное в обыкновенного размера и цвета (серовато-голубой) конверт со штампом «Ленинград 17-232» с адресом, написанным фиолетовыми чернилами (без указания отправителя), было следующего содержания:

*«Володя, милый, сегодня получила твоё письмо из Москвы, писать в Москву уже поздно, поэтому отправлю в Ларинское. Я так рада ему, какой ты славный, что написал его. Принёс мне его в столовой Зацепин и спрашивает: «Не от Шимановского?» Я говорю, нет, по почерку. Я знала, что от тебя, не видя его; но я должна быть спокойна, и я разорвала конверт и посмотрела подпись, потом спрятала его, потому что боялась выдать себя. Показала конверт МАКу (Михаил Артемьевич Кузнецов, близкий друг В. И. С. со студ. скамьи ЛГУ), прочитала только потом, после обеда, – ждала Фрейберг, она обедала, сейчас перечитала снова, показала МАКу половину его, т. е. то, что говорится о сборах, о Шимановском, об актинометрии. МАК прочитал и ушёл – заходил на минутку. Говорит, что завтра дежурный, поговорим после, обещал снять меня, пошлю тогда тебе фотографию. Да, кстати, а может, и некстати, – мысли у меня прыгают, но всё равно ты не будешь строгим*

*судьей и не осудишь за отсутствие логики! Сегодня первый день жизни нашей «коммуны». МАК не так давно внёс предложение – купить картошки и по вечерам варить её у нас»...*

## **Месяц пребывания в Якутске пролетел**

*7 мая. Суббота. Якутск*

Не дописал в прошлый раз Дусино письмо. Насколько помню, исчезло настроение, ну и бросил, и вот с тех пор не брал перо в руки, чтобы занести что-либо в дневник. Из Тобаги вернулся давно, 23 апреля, а 24-го выезжали с постановкой в подшефную деревню Марху. Месяц пребывания в Якутске пролетел быстро, незаметно. Через два месяца, которые, я надеюсь, пройдут так же легко, можно будет ожидать приезда Дуси... Не знаю, что принесёт нам обоим эта встреча, боюсь думать, но раз суждено ей быть, то пусть будет. Во всяком случае, вновь мы встретимся на короткий срок, на какой-нибудь месяц, может быть, с небольшим. И хорошо будет, если осенью, уезжая с последним паромом на север, я оставлю здесь, в Якутске, большого-большого друга, весточка от которого будет большим праздником для меня, который хоть и будет далеко, но всё же значительно скрасит тяжёлую жизнь на станции. А если я уеду, и этого друга не будет, как не было ещё недавно – не будет по каким-либо причинам, – с тяжёлым, давящим чувством уеду я на север.

Поздно вечером получил третье письмо от Дуси, написанное, к сожалению, ещё давным-давно, со штампом Витебского вокзала в Ленинграде от 18 февраля. Это письмо было адресовано в Незаметный, узнав о чём из предыдущих писем, я вытребовал его сюда, в Якутск.

Сейчас хочу написать ответ, хотя этот ответ сможет начать своё движение к Слуцку лишь только через месяц. Посланные мной четыре телеграммы пока что остались без ответа. Две из них не доставлены – был указан адрес «Слуцк», а нужно «Слуцк Ленинградский». Об этом узнал, получив телеграфное извещение, что в «Слуцке Белорусском» адресат не разыскан. После этого послал ещё пару телеграмм, последняя позавчера – жду на них ответа.

*8 мая. Воскресенье*

Занимаюсь радиоделом, изучаю приём на слух. Занимаюсь вместе с Мильчаковым и Шашиным. Руководит нами Фехнер, радист, вернувшийся недавно с Ляховского острова и вынужденный отсиживаться

в Якутске до отхода первого парохода вверх. Занимаемся успешно, принимаем сейчас знаков 25–30 в минуту. В соседней комнате установили батареи, там и проводим занятия.

*19 мая. Четверг*

Сейчас перечитал все три Дусины письма, и так стыдно, так стыдно стало за своё поведение в последние дни! Ведь надо подумать, как же я виноват перед Дусей, если здесь, в Якутске, дожидаясь её возвращения, занялся ухаживанием. Верно, дело далеко ещё не зашло, ограничилось поцелуями – но довольно! Так завтра Валентине Игнатьевне и объясню: пусть сердится, но продолжать в том же духе я больше не в состоянии. Нужно кончать, кончать решительно. Лишь тогда я смогу взглянуть в глаза Дуси, если больше этого не повторится.

А вестей от Дуси – никаких. Почему – не знаю. Не может быть, чтобы, получив мои телеграммы, она бы не ответила. Такой и мысли не допускаю и знаю, что не ошибаюсь. Положительный или отрицательный, но ответ был бы. Или мои телеграммы не доходят, или её. Скорее первое. Сегодня послал ещё телеграмму – срочную – с нетерпением буду ждать результатов. И от МАКа – ни-че-го! Сразу видно, что причина не в них. Ох, скорее бы получить телеграммы, потом письма, а затем увидеть, услышать, ощутить моего милого друга!

*26 мая. Четверг*

Я часто бываю в городе, всегда захожу на телеграф за телеграммами для ГИМЕИНа. И каждый раз несу в ГИМЕИН кучу телеграмм – сводки с метеостанций, а для себя – ни слова! Каждый раз теплится надежда: вот увижу листы бумаги со словами приветов, но... все листы пестрят однообразными цифрами – сообщениями о погоде. 21-го тоже был на почте и, получив пачку телеграмм, узнал для себя неожиданную, но желанную весть. Одна из телеграмм, адресованных Шимановскому, сообщала:

«ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЫЕХАЛИ ВОЙЦЕХОВСКИЙ ШОСТАК  
ВОРОБЬЁВА МЕХАНИК РАЦИИ ТЧК ВМЕСТЕ СТОЛЯРОВЫМ  
ВЫЕЗЖАЮ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТОГО УШАКОВ».

Значит, Дуся уже не в Слуцке, а в дороге и, вероятно, сейчас, когда я пишу эти строчки, уже подъезжает к Иркутску. Интересно, что и я в прошлом году выехал из Ленинграда тоже 19 мая.

Меньше чем через месяц, числа около 20 июня, я встречусь с Дусей. О ней, об этой встрече, думаю постоянно. Интересно, какой она будет?!

*1 июня. Пятница*

Сегодня получил повестку на заказное письмо. Письмо из Иркутска. А в Иркутске последнее время был один лишь человек, от которого я бы мог получить письмо. Этот человек – Дуся. И всё-таки в душе сидит какое-то сомнение: а вдруг не от неё? Верно, есть лишь один шанс из ста, что автор письма – не она, но и этот шанс меня «мал-мал» нервирует. Позавчера я пережил порядочное разочарование и поэтому боюсь пережить его вновь: был в городе, как всегда пошёл опорожнить почтовый ящик № 36, ящик ГИМЕИНа, и вот среди писем нашёл одно и для себя, – а я писем уж не получал с 5 мая! На штампе – Слуцк, 6-VI. Вместо марки штамп: «Бесплатно на основ.» и т. д. Смутило меня число: 6 июня. Я же знал, что Дуся выехала из Ленинграда 19 мая. Так кто же его написал? На конверте почерк словно бы Дуси, те же нетвёрдые буквы. В нетерпении, обычно же я «выдерживаю» письмо и этим продлеваю удовольствие неведения – что-то там написано? – в нетерпении вскрываю письмо, и о, ужас, – в нём моё отосланное Дусе второе из Якутска письмо в 12 страниц мелкого убористого шрифта! А я-то старался, писал! Изволь, читай сам. На конверте моего письма написано: «Е. И. Воробьёва выехала в Якутск 19 мая. Письмо получено 26 мая». Вот поэтому-то я и опасаюсь. Как бы и здесь какого-либо подвоха не вышло. Хотя, кажется, теперь не существует ничего, что бы могло меня достойно наказать за то, что я в последнее время вёл себя по отношению к Дусе как низкий-низкий человек. Но об этом тяжело писать, напишу когда-либо позднее. Нужно больше таким негодяем не быть, и хоть этим загладить хотя бы крупницу своей вины.

### **Пароход «Пропагандист». Восьмые сутки в пути**

*2 августа. Вторник*

Далеко на юге остался Якутск. Уже восьмые сутки мы в пути, только что прошли Кумак-Сурт – знакомые по прошлому году места.

Вот этапы нашего пути: 25-го окончание погрузки баржи – под дождём, посадка на пароход «Пропагандист», прощание со знакомыми, «дядями» Веней и Васей, вскоре отправляющимися на Нордвик, с Вейсом, Шимановским, последний поцелуй (подальше от людских глаз), последнее рукопожатие (при людях) с Дусей. Я обещал, что, что бы ни случилось, – полюблю ли я кого-либо другого (кстати, это абсолютно невозможно), или она выйдет замуж, меня не дождавшись, – и я буду знать об этом, всё равно я обещал приложить все силы к тому, чтобы потом, по возвращении с Котельного, нам вновь встретиться. И я

знаю, может быть, это одна из моих странностей, что я приложу все старания, чтобы её увидеть. Я сам не знаю, что меня к ней влечёт: она ведь значительно – на четыре года – старше меня.

**Вместе с зимовщиками во главе с Фрейбергом  
выбрали место для первой станции в бухте Тикси**

*5 августа. Пятница. 19 час. 45 мин. Бухта Тикси*

Прошли остров Бруснева. Подходим к заливу Булункган (*далее – зал. Булункан*), месту стоянки. Погода безветренная, пасмурная. Мелкий дождь.

*6 августа. Суббота*

День сегодня для Тикси – прекрасный. Солнечный, тёплый, несколько ветреный. Целый день был посвящён выбору места для станции. Осмотрели берега Булункана, на «Якуте» ходили в залив Сого. После долгих размышлений и разговоров остановили свой выбор на берегу Сого. На высоком участке берега будет поставлена станция. Место для целей метеорологических хорошее, открытое; минус его – мало виден морской горизонт. Другие недостатки: неудобен подход судов (открыто для волн, сравнительно отмельный берег и отдалённость, 10–12 км, рейда речных судов).

Выгрузка будет весьма сложна, займёт немало времени. Ну а Булункан подходит менее – закрыт горизонт с юга градусов на 6 близлежащей горой, что для целей актинометрии, говорят, сильно и сильно вредит.

*22 августа. Понедельник*

Уже не залив Булункан, а один из мысов залива Сого. Раскинулся целый городок: семь палаток, дом (без крыши и с необитаемыми стенами), сарай с ящиками и достраиваемая баня. Да и народу сейчас немного: восемь рабочих Ленско-Колымской экспедиции, трое собственных, жена и двое детей одного из наших рабочих – Петухова, Фрейберг, Войцеховский, Лазуркин («Мензуркин»), я, Дудкин, Володя Криденер – мой земляк, Тотарчук, Шашин и Андреев – вот состав жильцов нашего городка в зал. Сого. Целых двадцать три человека.

О нашей жизни сейчас много писать не придётся – времени нет. Опишу сегодняшний день, он послужит примером, кусочком нашей жизни.

Утро. 6 часов. Просыпаюсь от глухого тарахтения будильника: сегодня дежурный из нашей палатки – Володя Криденер, и это его будит будильник. В 6 час. побудка рабочих, чай, и в 7 выход на работу. Все

остальные спят дальше, чуть не до 9-ти. В 10-м – кофе, иваси, ситный. Кофе со сгущенным молоком. Все завтракают в нашей палатке. После завтрака очистил шкуркой мой топорик – подарок Шимановского, – привёл его в светлый вид, а затем вместе с Лазуркиным и Войцеховским таскал на носилках дёрн на крышу бани, в ближайшее время предназначенной для женщин и детей сотрудников экспедиции, т. е. для Фрейбергов и Войцеховской. Около 12 часов сели передохнуть. Мельком взглянул на морской горизонт и ничего на нём замечательного не увидел. Но минут через десять Войцеховский крикнул: «Пароход!» На горизонте ясен столб дыма. Суматоха. Бинокли. Предположения: «Литке» – ожидаемый мною, «Сибиряков» – ожидаемый всеми остальными. Рвём красную материю, собираемся поднимать флаг на радиомачту. Вглядываемся тщательнее и видим не одну посудину, а целых три. Когда ясно разобрали баржу, то убедились в речном характере судов. Проклинали всё на свете. По-моему, пришёл «...» с баржей и какой-то мотобот. Завтра из Булункана должен прийти рабочий, он всё расскажет, кто это посетил Тикси.

### **Море Лаптевых. Залив Булункан. Пароход «Пропагандист»**

*4 сентября. Воскресенье. День первый. Море Лаптевых.*

*Залив Булункан. Каюта № 6, 1-го класса, пароход «Пропагандист»*

Утро. Попил в каюте Богатырёва чай, собираюсь пешком идти в Сого, на станцию. Там остались мои палатки, нужно взять письма для отсылки в Якутск и дальше, нужно проститься с зимовщиками. Погода хорошая, тихая. Только бы плыть. Богатырёв говорит, что в Булун попадём числу к 20 сентября. Я не тужу, что поздно. Чем меньше сидки в Булуне, тем лучше. И так, вероятно, придётся там проканителиться не меньше месяца.

Сейчас в Булункане стоят один пароход «Пропагандист» и две баржи: «Белка» и «61». Вчера «Лена» увела баржи «62» и «65» в залив Неелова для погрузки рыбаков и рыбы. Завтра должна вернуться сюда в том случае, если будет известно, что «Пропагандист» уйдёт с «Лениным» в Колыму, чтобы забрать «Белку». «61» будет, вероятно, тоже отправлен в Колыму. Сейчас все в недоумении: «Сибиряков» 30-го увёл «Партизана» и «Якута» с нач. экспедиции Чечехиным. 1-го Николай Васильевич прислал телеграмму из Якутска с распоряжением вернуться всему каравану в Якутск. Вчера же приняли новую, отменяющую предыдущую телеграмму и приказывающую «Пропагандисту» ждать «Ленина». Сегодня должен быть ответ.

...

В Сого пешком не иду. Туда через короткое время пойдёт «Пропагандист». Буду писать письмо Дусе.

*5 сентября. Понедельник. Зал. Сого. Станция.*

*Палатка Фрейберга, Войцеховского, Лазуркина*

Лежу на постели Фрейберга – на медвежьей шкуре, собираюсь спать, уже 12-й час ночи. Пришедший вчера в Сого «Пропагандист» сегодня утром вернулся в Булункан. Принята телеграмма о выводе «Леной» барж с рыбаками из устьев. Как быть «Пропагандисту», до какого времени ждать «Ленина» – ничего не сказано. А ждать много нельзя, время позднее, караван барж может застрять в пути, не дойдя до Якутска. В прошлом году «Лена» вышла в обратный рейс из Тикси 5 сентября и в Якутск пришла 18 октября, побросав на пути три баржи. Нынче та же угроза, если «Пропагандиста» уведёт «Ленин».

Богатырёв сидит как на иголках, ждёт распоряжения из Якутска, а Якутск дипломатично отмалчивается, надеясь на приход «Ленина».

Для меня было бы удобнее плыть в Булун на «Пропагандисте» – тёплая, чистая каюта, готовое питание. Это будет, если не придёт «Лена». Если же она здесь в скором времени появится, придётся перебираться на хорошо памятную с прошлого года «Белку»: большая общая каюта, собственное кустарное питание. «Белка» должна зайти в Трофимовскую и Оленёкскую протоки, и вот это меня привлекает – хочется хотя бы на барже пройти ещё по двум основным Ленским протокам. В любом случае попаду в Булун в конце сентября. Это хорошо – недолго придётся ждать зимнего пути. Я больше всего боюсь такого пункта, главное занятие в котором будет ожидание. Верно, у меня там найдётся и работа: нужно приобрести тордох (*тордох – охотничья конусовидная палатка с покрытием из оленьих шкур, переносное жилище якутов*), подготовить зимнюю одежду, провести геологические экскурсии в окрестностях Булуна. Снова придётся посетить Куаранах – побывавший у нас в конце августа гидрограф Абрамович сообщил, что в 10 км от устья встретил пласт угля мощностью в 6 м. Нужно проверить. В прошлом году я прошёл километров 6 от устья и встретил угольный пласт наибольшей мощностью в 75 см. Во всяком случае, в 6 м не верю.

...

Сегодня передана по радио первая метеосводка. Переданы в ГИМЕИН и получены им две моих телеграммы: одна о переброске груза

«Сибиряковым» – несколько дней назад, вторая – о заброске строительного инструмента из Верхоянска в Казачье – сегодня.

...

Под марш «Праздник ромашки» «пущена» первая печь – плита в первом доме. Ханыгин, строитель её, чувствует себя на высоте. Огонь горит хорошо, кажется, всё в порядке.

...

Помогал в разборке всякого добра и размещении его в кладовой при доме. Вечером с Геннадием и Николаем Васильевичем под парусом долго – был противный ветер – плавали за пресной водой в речку Кобчик. Был такой сильный отлив, что даже на нашей мелко сидящей рыбацкой лодке не удалось войти в речку, взяли воду на баре (*бар – наносная мель при впадении реки в море*), чуть-чуть солоноватую.

Пишу всё это на узких полосках бумаги – будет время, перепишу в дневник.

*6 сентября. Вторник. «Пропагандист». Булункан*

Пишу с опозданием. Уже не 6-е, а 7-е число – 2 часа ночи. Только что прибыл из Сого на моторном боте станции, сегодня приведённом из Арангостаха (получен от Тус-Балыка в обмен на находящийся в Якутске «Выдвиженец»). В четыре часа дня получена телеграмма о немедленном выходе всего каравана в Якутск. По сему случаю вечером на станции «банкет» – отметили мой отъезд. <...>

*8 сентября. Четверг. «Пропагандист». Залив Неелова*

Уже целые сутки стоим без движения – не позволяет сильный ветер. Времени у меня много, пишу письмо Дусе в Якутск.

*9 сентября. Пятница. День первый. «Пропагандист».*

*Быковская протока*

Мы, кажется, уже недалеко от «Столба». Идём очень медленно, сильный встречный ветер. Утром сами сидели на мели, вечером стаскиваем с мели катер Интегралсоюза.

Немного читал Ляховский сборник, полученный с «Сибирякова», немного играл в шашки, много, очень много писал Дусе, думал о ней.

*10 сентября. Суббота. День второй*

В 10 час. 30 мин. подошли к «Столбу». Стояли здесь несколько часов, к вечеру, дождавшись «Лены», собиравшей рыбу по Оленёкской про-

токе, тронулись на Булун. Богатырёв говорит, что послезавтра нам в Булуне ещё не быть. А мне кажется, что приплывём. Во время стоянки парохода у песка Столбового сходил на берег, гулял – погода чудесная была. Вдали виднелась хорошо заметная Американская гора и напротив неё – белое пятнышко, очевидно, дом сагосторцев, не добравшихся до Сагастыря. Зимовщики намерены организовать станцию при деревне Кыттях, в 2 км от Сагастыря, и работать там, сменяясь по два человека.

Продолжал письмо Дусе, но сегодня написал не много, отвлекает ввалившийся в мою каюту пассажир – экономист Наркомвода.

*11 сентября. Воскресенье. День третий*

Тёмная ночь. Стоим верстах в семи ниже Кумохсурта. В темноте с шумом напоролись на камни, но всё обошлось благополучно, пробоины не оказалось, и сейчас, после усиленной работы задним ходом, снова плаваем. Днём во время остановки у Тас-Ары взял несколько образцов с богатым палеонтологическим материалом – сплошь ракушняк. В прошлом году здесь мне менее посчастливилось, и образцы с Тас-Ары были значительно беднее.

*12 сентября. Понедельник. День четвёртый*

Потихоньку плывём вверх, собирая рыбу при чудесной, тёплой, ясной погоде. Проходим замечательно красивые места, которыми можно любоваться не уставая.

Вечером у Чекуровки долго любовался живописной картиной. Почти весь день играл в шашки и читал книжку Строда о гражданской войне в Якутии. Писем не писал никому.

*13 сентября. Вторник. День пятый*

Стоим у Кеб-Сарая, против хорошо знакомой речки Чубукулах, верстах в 15-ти от Булуна. Темно, дождавшись рассвета, выйдем на Булун. Там мне придётся расстаться с готовой квартирой и столом и приобрести в Булуне и новый стол, и новую квартиру. Днём грузили дрова у устья одной из рек, названия которой не помню. Бродил по лесу, собирал бруснику. Вернулся на пароход с опухшим глазом, раздутой губой и опухшей щекой – это меня разделала мошка. Ведь уже середина сентября, а мошки в лесу сколько угодно. Нынче замечательно тёплая осень, долго нет морозов, снега. В прошлом году уж давно вершины гор были припудрены свежим снежком, первый снег выпал 17 августа, а нынче ничего этого нет. Удивительно тёплая осень!

Закончил письмо Дусе. Вышло капитально – 52 странички. Долго провозится с чтением, с разбором моего почерка. Написал письмо и МАКу в Уэлен. Ох, не скоро он его получит!

**Кюсюр. Охота на доставленную сюда водку.**

**Стрижёв (о-в Стрижёва), каюр экспедиции Толля:**

**Земли Санникова нет, проводники поддакивали, чтобы угодить**

*14 сентября. Среда. День шестой*

В 6-м часу утра бросили якорь в Кюсюре. По сему случаю встать пришлось раньше обычного. Утром встретил радиста Рогова, он рассказал мне последние радионовости: «Сибиряков» благополучно довёл «Партизана» и «Якута» до Колымы, сейчас уже миновал мыс Северный; «Литке» с большим трудом довёл свой караван до Колымы; «Ленин» потерпел аварию на пути в Тикси у устья Индигирки, но всё же благополучно вернулся в Колыму.

Выгрузил ли «Сибиряков» груз на о-ве Ляховский – он не знает, а на моё имя с Ляховского сообщений нет. Послал туда молнию с запросом. Устроился очень удобно в Якутпушнине, помог Д. Пшёнников. Занимаю целую комнату и двухспальную кровать. Тепло, обогревают две печи.

Не то сегодня, не то вчера из Якутска вниз вышел «Кольвиц». Ожидать его здесь можно числа 20–21-го. Он должен привести мне письмо от Д. «Лена» возвращается в Тикси, оттуда пойдёт в губу Буор-Хая выручать выкинутый на берег на обратном пути из Яны в Лену бот «Эстафета» с баржей.

*15 сентября. Четверг. День седьмой*

Мрачный, суровый день: разбушевалась река – сильный порывистый ветер. «Пропагандист» ещё не ушёл. Если такая погода будет продолжаться – придётся ему отстаиваться. Воспользовался задержкой парохода и написал ещё два письма: Шимановскому и домой.

Встретил здесь знакомого по прошлому году лекпома Фокина (*лекпом – лекарский помощник, исп. в первые годы сов. власти*). Уезжает в Якутск после почти двухлетней работы здесь, в Булунском районе. Его постигло несчастье – умерла жена. Одновременно получил известие о смерти матери в Якутске и тяжёлой болезни брата. Впечатления север оставил у него тяжёлые. «Счастья север не приносит», – его вывод. Может быть, он и прав...

Вчера вечером познакомился с директором Оленсовхоза Пшённиковым Василием. Весьма симпатичный, энергичный человек. Обещал

мне содействие во всём. Много дал практических деловых указаний и советов.

*16 сентября. Пятница. День восьмой*

Утром, взяв баржи, «Пропагандист» покинул Кюсюр, оставив для «Лены» или «Кольвица» шхуну «Полярная звезда», нынче зимой снятую с мели (в Нееловом заливе). Началась охота на доставленную сюда Вейсом для Котельного и Ляховского водку. Имелось: для Котельного 50 бутылок, для Ляховского – 40. В первый же день приезда Пшёнников «оповестил» меня, что взял с согласия Вейса 10 бутылок взаимнообразно до прихода «Кольвица», т. к. Якутпушнина сейчас этим добром не располагает. Конечно, пришлось согласиться.

Вечером ко мне является некто Мамедов, грузин, с запиской: «Начальнику Ляховской экспедиции т. Соколову. В целях поддержания своей истощённой силы моей силы прошу Вас выдать мне, если можно, 1 бутылки водки. Надеюсь, что Вы не откажетесь. Следующую стоимость уплачу, сколько бы она не (зачёркнуто) стоила.

С надеждой Зав. Сагастырской пром. охот (непонятно) Мамедов. Завхоз Якутпушнины Шестаков». Почерк зав. складом Мушникова. Я отказал.

Моя столовая – «Пропагандист» – уже далеко. Питаюсь сегодня сухим компотом и сахаром. Нужно выяснить дело с питанием.

Был на рации, от ляховцев никакого ответа на мою молнию нет. Послал телеграммы Вангенгейму и Шимановскому – сообщаю состояние дел.

*17 сентября. Суббота. День девятый*

В оленеводтресте встретил очень интересного человека – каюра экспедиции Толля, Петра Иннокентьевича Стрижёва, того самого Стрижёва, чьим именем назван открытый этой экспедицией остров, лежащий на юг от Бельковского. Рассказал много интересного, но времени у него было очень мало, и потому расспрашивать его пришлось поверхностно. Заберусь я к нему как-нибудь вечером с карандашом и тетрадью и буду записывать все его рассказы. Стрижёв сейчас худощавый седой старик, но ещё бодрый, с повреждёнными ногами и тоненьким голосом (голос потерял во время бандитизма в Казачьем в 29–30-м г.). Очень был рад он поговорить о прошлом с человеком, который знает об этой экспедиции и который собирается на два года в знакомые для него, Стрижёва, места. Существование

Земли Санникова отрицает, говорит, что ничего нет, что Толлю показалось, а его проводники-якуты лишь поддакивали, чтобы угодить начальству.

Поздно вечером занимался шахматами с геоботаником Вл. Ив. Душечкиным, однокурсником-биологом, помню которого с университета. Добродушный верзила, работал нынче в Хара-Улахских горах по изучению и учёту пастбищных оленьих угодий. Хороший парень.

### 19 сентября. Понедельник

Утренников так и нет, слякоть, грязь, дождь. А в прошлом году в это время были морозные ночи и ясные дни. Отвратительная сейчас погода.

Вчера плавали в Булун. Привёз посылку мотористу Ляховской станции Долгих, ичиги (*ичиги – высокие сапоги из мягкой кожи*) для нас, и два пакета – инструкции для Котельного и Ляховского. Обратно плыли с грузом – из Булуна в Кюсюр переезжала семья Стрижёва. Реку переплыли при спокойной погоде, но как пошли бечевой (*бечевая – узкая полоса земли вдоль берега, по к-рой идут бурлаки*), поднялся ветер. Повозились немало, в особенности проходя мелкое устье р. Куаранах, пришлось набрать воды, притом довольно-таки холодной, через голенища сапог.

Сегодня утром составил список всего полученного для Котельного, отошло в ГИМЕИН; после обеда немного играл в шахматы с Иоффе – работником речного транспорта, пробирающимся на Колыму; вечером слушал разбитый граммофон того же Иоффе.

На рации – снова никаких новостей. Почему нет ответа на молнию – понять не могу. Читаю «Красный смех» Леонида Андреева.

### 20 сентября. Вторник

Хорошо сказал Андреев о дороге: «Дорога... возлюбленная того, кто свободен: её нужно поцеловать при встрече и оплакать при прощании».

...

На рации сказали, что для меня передавалось две телеграммы – одна с Ляховского, другая из дома, но ввиду плохой слышимости ни одной не удалось принять. Завтра должны быть приняты обязательно. Интересно, каковы вести!

У меня, кажется, установился твёрдый распорядок дня: встаю в 7 часов, завтракаю, сажусь писать (списки и пр.). Работаю до 5 часов

и отправляюсь (пообедав) на рацию за телеграммами. Оттуда прямо в Оленсовхоз – к Душечкину, Иоффе и Пшённикову. Но там тоже не весело, и я, посидев немного, возвращаюсь восвояси. Здесь играю в шашки, пишу письма и дневник, читаю. И к 12-ти часам я уже сплю.

### *21 сентября. Среда*

Рация снова не смогла принять полностью адресованные мне телеграммы, но для меня вполне достаточно и того, что они пришли. С Ляховского принято:

«ГРУЗ ДОСТАВЛЕН ЛЯХОВ БЛАГОПОЛУЧНО  
МУКИ ЧЕТЫРЕ КУЛЯ ОСТАЛИСЬ ПАРОХОДЕ ПРИЧИНЕ ОТСУТСТВИЯ  
ЗАВХОЗА ВРЕМЯ ВЫГРУЗКИ...»

Недопринято слова четыре. Завтра, вероятно, я буду иметь полную телеграмму. Теперь я смело могу действовать, никакие сомнения меня мучить не будут, поскорей бы только Шимановский выслал деньги. Из дома сообщают о получении моей телеграммы. Там по-прежнему всё благополучно.

### *22 сентября. Четверг*

Скоро ночь, нужно ложиться спать. Начал новое письмо Дусе, у меня появилась какая-то потребность писать и писать ей. Это письмо пошлю с «Кольвицем».

Сегодня заходил каюр Болтунов, один из наших прошлогодних проводников-тунгусов. Узнали друг друга не сразу. Хотелось с ним потолковать, но он не знает русского языка, а я – якутского.

Гуси тянут на юг вовсю. Вероятно, это уже последние дни отлёта гусей.

Вечером, как обычно, заходил в Оленсовхоз к Душечкину и Пшённикову.

Жду из Якутска денег, их отсутствие тормозит начало работы.

### *23 сентября. Пятница*

Получил две телеграммы. Одна:

«ПОЛУЧИЛА ПИСЬМО ТЕЛЕГРАММУ ПРИВЕТСТВУЮ  
ЖЕЛАЮ УСПЕХА ПОДРОБНОСТИ ПОЧТОЙ ДУСЯ».

Вторая:

«ПОСЫЛКИ ВЕРХОЯНСК ОТПРАВЛЕНЫ ПИСЬМА КУШНАРЁВОЙ  
ЖДИТЕ ВАЛЯ».

Как приятно, как хорошо неожиданно получить несколько дружеских тёплых слов!

...

В прошлом году 23 сентября мы на пароходе, уходящем вверх, покинули Булун. Не на пароходе, а точнее, на барже «Белка». А нынче я собираюсь в сторону противоположную, но настроение от этого у меня несколько не хуже.

Дополучил последние слова телеграммы с Ляховского: «Муки не надо привет Дудкин».

Гуси ещё летят, но уже мало. Охотники возвращаются с пустыми руками.

#### *24 сентября. Суббота*

Весь день занят баней и шахматами. Сами возили дрова и воду. Сами – это я, Душечкин, Иоффе и ещё Шевчук, плотник.

Пока печь топилась, дулись в шахматы, после бани тоже. Я только в последнее время заинтересовался шахматами и могу играть часами, несмотря на то, что почти всегда проигрываю. Но я не унываю, ведь только-только стал учиться.

#### *8 октября. Суббота*

3-го числа в Булун пришла шхуна «Пионер», производившая изыскания морской воздушной трассы между устьями рек Лены и Колымы. Узнали, что «Эстафета», её баржа и «Лена» выброшены на берег у мыса Буор-Хая. «Лена» разбита и больше плавать уже не будет. Команды этих судов большей частью остались в Тикси на станции и выйдут оттуда на оленях.

4-го шхуна ушла вверх. 5-го плавал в Булун на метеостанцию за динамо-машиной, переданной туда «Сынком». Плыли при большой, но пологой волне, при верховом ветре. 6-го пришлось просидеть в Булуне, т. к. ветер усилился так, что вся Лена поседела, и лишь вчера утром удалось удрать из Булуна. Во время нашего возвращения ветер переменялся с южного на северный и пошёл снег. Идёт он уж вторые сутки при сильном ветре. Сейчас вернулся я с радиостанции, шёл по колено в снегу.

Мороза же всё так и нет, под снегом вода или мягкая земля.

От Шимановского за всё время – ни слова. Денег по-прежнему нет. Приходится сидеть и ждать. А между тем нужно готовиться к отъезду. Было б хоть слово, хотя бы объяснение отсутствия денег. Если и в дальнейшем на все мои запросы Шимановский будет отвечать молчанием, то я отвечу тем же – все сведения о ходе работ буду сообщать исключительно в ГИМЕКОМ (*Гидрометеорологический комитет*), а ГИМЕИНу – ничего.

*9 октября. Воскресенье*

Напрасно я так ругаю Шимановского: сегодня получил 5 тыс. рублей, высланных ещё 23 сентября, т. е. ни больше ни меньше чем 16 суток тому назад! Вот яркий пример работы связи. На рации говорят, что в Якутске ждут отправки в Булун 400 телеграмм.

Возможно, что среди них есть и для меня.

Теперь у меня руки развязаны, начинаю действовать. Сегодня приобрёл трёх собак у Оленсовхоза за 330 рублей. Дорого, но собаки хорошие. Завтра получаю целый ряд вещей в Якутпушнине.

Погода тихая, безветренная, тёплая. Необычайное явление: часов в 11 утра над Леной пролетала стая лебедей штук в 20. Летели с севера на юг. Чем вызвано такое запоздание – не знаю. Ведь последних улетающих птиц мы видели недели две тому назад.

*10 октября. Понедельник*

У Ландина узнал, что все наши промышленники находятся на Ляховском с 39 оленями и двумя упряжками собак. Чем кормят собак – не имею представления. Да и для оленей там корм неважный.

Сегодня подаю две следующие телеграммы:

«ЛЯХОВСКИЙ АБАШИНУ ДУДКИНУ ПЕРЕДАЙТЕ  
ПРОМЫШЛЕННИКАМ РАСПОРЯЖЕНИЕ ПЕРЕГНАТЬ ОЛЕНЕЙ  
ПЕРВОЙ ДОРОГОЙ РАЙОН ДЛЯ ПРОКОРМА ДО КОНЦА  
ФЕВРАЛЯ ЗПТ ЗАГОТОВКИ МОХА ПРОШУ ЗАРЯДИТЬ  
АККУМУЛЯТОРЫ ОТПРАВЛЯЕМЫЕ КОТЕЛЬНЫЙ ПОЛУЧИВ  
НЕОБХОДИМУЮ КИСЛОТУ ДУДКИНА ЗПТ ИСПЫТАТЬ  
РАБОТУ ПЕРЕДАТЧИКА ЖДУ ОТВЕТ СОКОЛОВ».

И вторая:

«ЯКУТСК ГИМЕИН ШИМАНОВСКОМУ ВВИДУ КРАЙНЕЙ  
ЗАТРУДНИТЕЛЬНОСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПЕРЕБРОСКИ  
ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ЛЯХОВСКОГО НА КОТЕЛЬНЫЙ ВЕСНОЙ  
34 ГОДА СИЛАМИ СТАНЦИИ КОТЕЛЬНОГО ИЗБЕЖАНИЕ  
КРИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЗИМОВЩИКОВ ПРОШУ  
ДОГОВОРИТЬСЯ НАЧАЛЬНИКОМ ЭКСПЕДИЦИИ  
ГРАЖДВОЗДУХФЛОТА ШХУНЕ «ПИОНЕР» ЛАНДИНЫМ  
ВОЗВРАЩАЮЩЕМСЯ ЯКУТСК СОВМЕСТНОМ ВОЗБУЖДЕНИИ  
ВОПРОСА ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНАХ НЕОБХОДИМОСТИ ЗАБРОСКИ  
ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ЛЯХОВСКИЙ КОТЕЛЬНЫЙ МОРСКИМ ПУТЁМ  
ЛЕТОМ ДРУГОГО ГОДА СОКОЛОВ».

*13 октября. Четверг*

В Оленсовхозе заказал тордох из оленьих шкур, камусы и уктасы. Работу приходится фондировать «аргы» (водкой), иначе ничего не добиться. Вчера купил ещё одну собаку – Кильдита, у одного из рыбаков, за 60 руб. Теперь я обладатель шести собак. Вчера же впервые совершил маленькую прогулку на собаках около построек Якутпушнины. Тянули собаки довольно дружно, но плоха дорога: глубокий снег, а под ним вода.

*19 октября. Среда*

Сегодня ровно год, как впервые встретился с Д. И тогда была она чужим, далёким человеком, далёким, как далеки были и все остальные для меня. Прошёл год, и изменилась картина: я приобрёл друга, которого люблю, которому верю, которому всё, всёверяю. Пусть проходят дни, месяцы, годы, пусть отделит нас не одна тысяча километров – пусть в обоих нас сохранится то хорошее чувство, которое возникло и которое мы взлелеяли в прошедшем году.

Хорошо жить, веря в дружбу, в любовь, в новую встречу.

*24 октября. Понедельник*

Вчера получил перевод – 15 000 руб. Этой суммы мне должно хватить на все расходы, связанные с передвижением на Котельный, и кроме того останется и на обратное возвращение, по крайней мере частично. На душе теперь спокойно, я имею в своём распоряжении достаточно средств, для того чтобы продвижение экспедиции не встречало больших препятствий.

Вчера в Казачье отправился первый обоз – груз Интегралсоюза на 30 оленьих нартах, но говорят, что он вернулся, якобы не найдя дороги.

Сейчас перед домом Якутпушнины ночует целое оленьё стадо: завтра на Казачье поедут сотрудники и груз Якутпушнины, также на 30 нартах.

День ветреный, позёмок. Утром ходил с сотрудниками Якутпушнины Хомутовым и Киренским на охоту, стрелять куропаток. Проводив обоих до места охоты (невдалеке от р. Куараных), вернулся обратно, т. к. снег глубокий и набивается в валенки.

Сейчас уж скоро час ночи. Всё общежитие давно спит, лишь я с Пшённиковым, завоём конторы Якутпушнина, сидели долго за шахматами. Сегодня отчаянно зевал, отдавая фигуры, что называется, не за понюшку табаку, и, конечно, проигрывал.

Подсчитал приближённо вес моего груза, и оказалось, что шести нарт будет недостаточно. Придётся брать семь пар оленей в нарты и

два заводных. Деньги есть, теперь за этим дело не станет. Нужно вот ещё договориться относительно проводника. Здесь есть курсанты колхозных курсов, возвращающиеся в Казачье. Среди них желающий быть проводником должен оказаться.

Направо от стола, на котором я пишу дневник, на кровати, тяжело дыша, спит Митя Михайлов, 39-летний якут, сотрудник Якутпушнины. У него последняя стадия туберкулёза, и бедняге страшно тяжело. Часто кашель кровавой, кровь идёт так обильно, что её трудно остановить. Он с отчаянием грызёт лёд, чтобы остановить кровотечение. Похудел страшно, совершенно ослаб, еле способен одеться. Ему, очевидно, осталось жить немного.

### *25 октября. Вторник*

В ночь на сегодня встала Лена. Ушло на Казачье 34 нарты Якутпушнины.

### *26 октября. Среда*

Из Булуна по льду пришли первые пешеходы, рискнувшие пересечь только что замёрзшую Лену. Говорят, что лёд устойчивый, крепкий, но местами встречаются полыньи. На днях собираюсь и я в Булун, нужно взять штатив для фотоаппарата у Кушнарёва.

Остриг голову наголо. Досталось жару! В пот вогнал меня Дмитрий Евгеньевич своей машинкой со сломанным зубом.

Василия Пшённикова всё нет и нет. А потому нет и им заказанного тордеха, камусов, уктасов, мяса для нас и собак. Жду его со дня на день. Он должен вот-вот вернуться из стада.

### *3 ноября. Четверг*

В три часа дня Шевчук на восьми собаках укатил за Халитовым, едущим на оленях. На Эбетеме возможно образование наледей, и потому с собаками пришлось спешить. Шевчук будет ждать меня в пос. Кобохе, в 180 км от Кюсюра. Думаю, что 6-го числа выеду, наконец, и я.

### **15-летие Октября.**

**«Интернационал» в исполнении маленького струнного оркестра.**

**В путь на Котельный из Кюсюра. 18 оленей, и все – под грузом**

### *7 ноября. Понедельник. 1-й лагерь на р. Эбетем*

Сегодня торжественный день – 15 лет Октября. Встречал праздник в Кюсюрском нардоме. Торжественное заседание, проведённое частично на якутском, частично на русском языке, прошло довольно хорошо,

если не считать портившего впечатление директора Оленсовхоза Пшённикова, выступавшего в далеко не трезвом виде. Насмешил присутствующих чтением рапорта – громко выкрикивал все точки, запятые, тире. Из его воспоминаний о гражданской войне тоже ничего не поймёшь. Я не знаю якутского языка, и потому почти все приветствия для меня были пустым местом. Но зато те короткие минуты, которые были заняты исполнением «Интернационала» маленьким струнным оркестром, были моими. С каким наслаждением слушал я, как пела скрипка в мастерских руках, ведя за собой все остальные инструменты крохотного оркестра! Эта скрипка, кажется, не забудется никогда.

Закончился вечер маленькой пьеской-картинкой из времён крепостного права.

Это – вчера. А сегодня пишу я эти строки в тордохе, в 10 км от Кюсюра. Начал, наконец, путь! Компания большая: я, два проводника – Колесов (якут) и Горохов (тунгус), женщина по имени Феня, едущая в Средне-Колымск к мужу, и приказчик лавки Интегралсоюза в Казачьем Рожин с женой и ребёнком.

У меня 18 оленей, и все – под грузом. Это очень плохо, что нет заводных. Нужно будет приобрести в дороге. У Фени одна нарта и один заводной олень. У Рогожина простая нарта и громадная кибитка с печкой и высокой трубой. Когда едет и дымит – впечатление чего-то массивного, механического. Олени с места пошли плохо, вели себя дико. С первых же шагов опрокинули нарту, на которой находится барометр, и поломали привязанный сверху нарты жестяной чайник. Помню, покупал его в Якутске вместе с молоком, в нём находящимся, за 10 рублей.

Когда спустились к Лене, олени пошли гладко. Ну и погодка же выпала на нашу долю! Снег несло целыми облаками нам навстречу.

Такой выюги ещё нынче не было. Лучше стало, когда пошли по Эбетему. От ветра загораживали лесистые берега и острова. Когда свернули на Эбетем, он стал для нас уже не встречным, а с правой стороны. Трудное место попало одно – гладкий, как на катке, лёд, на котором олени беспрерывно падали и ложились, отказываясь идти дальше. Повозились порядочно. Остановились, когда уж стемнело, у стоянки возчиков Интегралсоюза, которые выехали из Кюсюра вчера. У них два тордоха. Остановились и мы невдалеке, установили тордох и сейчас, после чаю и варёного мяса, ложимся спать.

Рожин с женой и ребёнком спят в кибитке. У них весело, часто слышен смех. Вот воистину: «С милой и в шалаше – рай».

*8 ноября. Вторник. 2-й лагерь на р. Эбетем*

Сегодняшним днём я доволен. Хотя и тронулись в путь поздно, во втором часу, но всё же прошли километров 40 с лишним. Олени шли хорошо, спокойно. Особенно трудных мест не встречалось, если не считать довольно часто встречавшихся мест с полупокрытой снегом речной галькой, на которой олени тянули с трудом.

Встретили моториста Родченко, ездившего на мыс Буор-Хая за мотором, оставшимся там после аварии Хмызникова. Мотор довезён Радченко до Омоля и оставлен там – сломались нарты.

Проехали мимо тордоха возчиков Интегралсоюза, выехавших с грузом в Казачье ещё десять дней тому назад. У них ушли олени настолько далеко, что уж несколько дней, как их не могут найти.

Погода сегодня гораздо спокойнее вчерашней. Ветер почти совершенно утих, потеплело. Поставили тордох тщательнее вчерашнего, и в нём сравнительно тепло. Сижу без телогрейки в заячем жилете. Наварили на ужин горю мяса с расчётом, чтобы осталось на завтрак.

Долина Эбетема сузилась, часты высокие отвесные обнажения. Лес покрывает склоны по-прежнему. Всё же невдалеке от ночёвки мы погрузили на нарты одно сухое дерево, разрубив его на части. Завтра, надо полагать, уже хороших дров не будет.

Скоро 11 час. вечера. Завтра буду будить проводников рано, часов в 5, чтобы путь проходить засветло.

*9 ноября. Среда. 3-й лагерь на р. Эбетем*

Проснулся в шесть, окрикнул проводников – Колесова и Горохова, и вместо них из-под одеяла высунулась чья-то незнакомая голова и стала подкладывать в печь дрова. Оказалось, что это нарочный Булунского уполномоченного ГПУ, едущий в Усть-Янск. Он приехал ночью и улёгся спать, а я ничего и не слышал. Он надеется через четыре дня быть в Усть-Янске. Олени сменные. Выехал он из Кюсюра вчера в 8 час. вечера и через несколько часов был уже у нас в тордохе.

Хотя встали и рано, но выехать удалось снова лишь во втором часу. И всё это из-за одного оленя. Пришлось на его поимку затратить часа два. В пути нас обогнали возчики груза, с которыми мы ночевали первую ночь. Через полчаса мы видели их табор, остановившийся на правом берегу Эбетема.

Завтра переваливаем через Хара-Улахские горы. Осталось около 30 км. Сегодня прошли мы километров 40. Весь сегодняшний путь лежал уже в горах. Долина сузилась, и правый и левый берега, обыч-

но теперь отвесные, иногда нависающие. Под одной такой нависшей скалой прошёл наш обоз.

Конец пути проделали при лунном свете. Луна без малого полная, да беда – ходит недостаточно высоко над горизонтом, и потому обычно отвесные берега затеняют реку. Лишь иногда при благоприятном направлении долины или понижении левого берега луна ярко освещает дорогу.

Колесов болен цингой, одна нога опухла, ходит с трудом.

#### *11 ноября. Пятница. Утро. 4-й лагерь на р. Эбетем*

Ночевали на обширной и ровной как стол террасе Эбетема, со всех сторон окружённой красивыми безлесными горами. Вчера прошли только 15 км. До перевала осталось 10 км. Переходить перевал можно лишь при спокойной погоде, вчера же к вечеру ветер здорово усилился, и над горами были видны целые тучи несущегося навстречу нам снега. Сейчас ветер утих, надо полагать, пройдем перевал при спокойной погоде. Вчера были две поломки: у нарты, на которой едет Феня, на изгибе сломался полоз, и сломались копылья у нарты, везущей тордох. Первую поломку исправили в пути, затратив на это полчаса, вторую будут чинить сегодня.

Установился определённый порядок дня. В 6 час. я бужу Горохова и зажигаю свечу. Горохов, высунувшись из-под одеяла, растапливает печь «петухами», заготовленными ещё с вечера. Сразу же ставит на печку все чайники, их три штуки. Они уже с водой или льдом и приготовлены тоже с вечера. Когда печь весело затрещала, Горохов, лёжа в постели, закуривает трубку и ждёт момента, когда в тордохе станет хоть немного тепло. Жду этого времени и я, чтобы встать. Встав, умываемся. Горохов и Колесов, встающий как больной, несколько позднее умываются, поливая на руки водой, набранной в рот. Мне на руки или льёт Горохов, или управляюсь один, умываясь одной рукой, тут же в тордохе.

Пока умываемся, обычно один из чайников уже вовсю пускает пары, и можно пить чай. Пьём чай не торопясь, с сахаром и белым хлебом, испечённым в Кюсюре. Хлеб приходится предварительно оттаивать. Попив чаю, складываю постель, сушу обувь, рукавицы, если они недостаточно просохли за ночь. Вскоре кто-либо из проводников отправляется за оленями. Олени обычно недалеко, и через полчаса ушедший уже дома. Другой проводник в это время заготавливает дрова, если их нужно взять с собой (вчера взяли много). К приходу проводника, ушедшего за оленями, уже готово мясо, оставшееся с

вечера, и разогретое или сваренное заново. Обедаем – варёное оленьё мясо и бульон. Мясо, как и все остальные продукты, т. е. хлеб и сахар, предоставляются каждому вволю, без нормы. После обеда – поимка оленей, запрягание их, увязка нарт.

Когда всё готово – снова пьём чай. Это последняя еда перед дорогой. Попив чаю, разбираем тордох, увязываем его, отправляемся в путь.

До вчерашнего дня первую связку нарт водил Колесов – 5 штук. За ним шёл Горохов с четырьмя нартами и сзади Рожин – с тремя. Вчера по случаю болезни Колесова его поставили сзади всех, и впереди пошёл Горохов с семью нартами. Рожин – между Гороховым и Колесовым. В дороге часты остановки: то переход через гладкий лёд, на который первых оленей приходится затаскивать силой и обычно лежащими на боку переволакивать через скользкое место, то подъём в гору, то трудный каменистый участок. Часты и непорядки с оленями, бывает, выскакивают из лямок, путаются, иногда обрывают поводки.

#### *12 ноября. Суббота. Утро. Лагерь на р. Буянка*

Снялись с лагеря вчера ранее обыкновенного. Пригон оленей и их ловлю обедом не разъединяли, а соединили в одно. Поэтому сэкономили время и вышли часов в 11. Пока снимались со стоянки, нас обогнали связок 7–8 оленей с грузом. С этими подрядчиками мы ночевали на первой нашей стоянке на р. Эбетем. Наши связки пошли следом за подрядчиками. Красивую картину представлял этот длиннющий общий обоз, состоящий чуть ли не из сотни нарт, извивающийся по долине Эбетема.

По мере приближения к перевалу относительные высоты гор всё уменьшаются, долина Эбетема становится всё менее и менее глубоко врезанной в горы. Но большая часть нашего пути к перевалу имела настолько малый уклон, что он почти не улавливался глазом. И лишь километрах в 3 от перевала он стал чувствоваться всё больше и больше, достигнув максимума у самого перевала. Всё же перевал крутым, по крайней мере, в сторону Эбетема, назвать нельзя. Олени шли без особого напряжения. Зато в сторону Буянки спуск крутой, и пришлось спускаться вкось, да и то нарты часто налетали друг на друга. Три раза пришлось чинить нарты – выскакивали из выемов копылья.

Верховья Буянки довольно резко отличаются от верховьев Эбетема. Долина Буянки в верхней части очень узкая с крутыми склонами, почти сходящимися внизу, оставляющими лишь узкую пойму,

по которой мы и ехали. Горы здесь более островерхи, сдвинуты и суровы. Иногда сквозь сплошные осыпи выступают скалистые отложения пород.

Олени шли ровно, хорошо, дорога весь день была хорошая, без участков скользкого льда и с небольшим количеством голых камней. На ночёвку остановились поздно, когда уж давно-давно слабо проглядывавшаяся сквозь тучи луна совершенно расплылась в мутной мгле. Подрядчики остались на стоянке километрах в 7 выше нас. Наша стоянка расположена на левом берегу Буянки у шестиугольной поварни, второй на нашем пути. На склоне – первое большое пятно леса. Выше поварни по р. Буянке леса нет.

Горохов пригнал оленей, надо обедать и собираться в дорогу.

*13 ноября. Воскресенье. Утро.*

*Тордох Попова на р. Хараулах (Хара-Улах)*

Вчера прошли километров 8 от поварни и очутились на р. Хара-Улах. А полагали, что до неё ещё далеко. Остановились у устья р. Через (или Черес), по которой нам предстоит дальнейшее движение. Тут же расположились и подрядчики. Ещё несколько дней назад, по выезде из Кюсюра, я решил, что нужно заехать в посёлок Кобох, расположенный в 20 км в стороне от нашего пути, для того чтобы из близ него пасущегося стада Оленеводсовхоза получить подкрепление. Мы идём сейчас без заводных оленей: все 18 в упряжке. Случись что-либо с одним оленем – и мы в затруднительном положении. Пока помогало то, что есть один заводной у Фени и один, если в кибитку запряжена пара, – у Рожина. Три из восемнадцати очень плохо тянут, и нужна замена. В Кобохе, кстати, находился и Шевчук со своим собачьим «стадом». Днём, попив чаю, на освобождённых от груза нартах поехали я и мой проводник Горохов следом за подрядчиком Гороховым, который взялся служить нам проводником в Кобох (ему нужно было туда, кстати, и по своим делам). Поехал с нами и Рожин. Ехали быстро. Каждого из нас влекла пара ходких оленей. Отъехав километров 5, встретили якута, везшего на нартах немного мяса, а в некотором отдалении от него бежала упряжка собак. Конечно – Шевчук. Остановились, слез я с нарты, жду Шевчука. Когда он приблизился, я окликнул передовую собаку: «Бастын, Бастын!» И в ответ услышал радостное «Ооо!» – Шевчука. Рады встрече оба. У него всё сравнительно благополучно, о чём я знал ещё по двум полученным от него «письмам» – из одного, переданного мне встреченным ещё позавчера приказчиком из Кобоха,

и из второго, обнаруженного вчера утром на гвозде в поварне. Купил одну собаку, мяса имеет на шесть дней (закололи, за неимением павших оленей – здоровых, 2 штуки), собаки тянут хорошо.

Сейчас я сижу в тордохе, расположенном километрах в 8 от Кобоха. Были вчера и в Кобохе, но вернулись немного обратно, сюда, где сижу сейчас, т. к., по уверениям Горохова (подрядчика), здесь есть человек, который может провести в стадо. Да и до стада отсюда ближе, чем от Кобоха.

Проводник нашёлся за добрую порцию «аргы». Сейчас едем в стадо, оно в 30 км. Думаю, что удастся сегодня, получив 5 оленей, вернуться к нашей стоянке.

Красива была вчерашняя наша езда при тусклом лунном свете, мимо отвесных чёрных скал, по лесочкам и гладким поверхностям покрытого снегом льда.

*14 ноября. Понедельник. Утро.*

*Стоянка на р. Хара-Улах у устья р. Черес*

Вот и снова «дома». Приехали вчера часов в 10 вечера, приведя 5 оленей для экспедиции и одного – для Рожина, полученного им на нашей ночёвке у Попова. Олени не особенно жирные, но большие. Уплатил по 65 руб. за штуку.

Наблюдал вчера красивую картину: стадо оленей в тысячу с лишним голов. Наши проводники собираются пройти сегодня 6 км, остающиеся до Тас-Тумус. От Тас-Тумус начинается тундра, горный участок пути сегодня будет пройден.

До сих пор я ехал на оленях не самостоятельно. Мои олени были привязаны к задку впереди бегущей нарты. Сегодня пойду отдельно, попробую управлять нартами.

### **Тас-Тумус. Граница между горной страной и тундрой**

*15 ноября. Вторник. Вечер. Поварня в местности Тас-Тумус*

Все раздеваются, ложатся спать. Я уже лежу и лёжа пишу дневник. Ночуем сегодня не в обычной обстановке нашего тордоха, а под надёжной деревянной крышей поварни. Приятно было прямо с дороги войти в тёплое помещение и не заниматься разбивкой тордоха.

Вчера до Тас-Тумус не дошли. Вместо 6 км до него оказалось 9, и вторую половину пути мы преодолели лишь сегодня. Путь эти два дня по-прежнему лежал в широких долинах, удобных для движения. Дорога хорошо заметна, почти укатана.

Сегодня прошли два перевала, оба с довольно крутыми спусками. Но всё обошлось благополучно. Труден был спуск на собаках. Пришлось на первом спуске Володе Мизгуну обматывать полозья цепями, лишь тогда спускаться. Второй спуск совершил он просто, без цепей. Собаки мчали его вихрем, и я опасался, как бы только не опрокинулась нарта.

Охота на песца. Шарик в роли добытчика шёл пулей, и песец через минуту был наш. 20 руб. Володя отдал якуту, чьи собаки начали охоту.

Два дня еду, сам управляя нартами. В первый день, правда, повозили меня олени по снегу и на животе, и на спине, но всё же в конце концов стали меня слушать.

*16 ноября. Среда. Вечер. Поварня на р. Догорыч*

Прошли за день 60 км, по определению местных жителей. Думаю, что несколько меньше. Снова ночуем в поварне. Она холоднее вчерашней, но пол у неё сухой. Вчерашняя поварня была сплошным болотом вместо пола.

Перешли резко выраженную границу между горной страной и тундрой. У края горной области и стоит поварня Тас-Тумус. Шли по волнистой, кочковатой тундре. Чуть не случилось катастрофы: вырвавшийся из упряжки, шедшей сзади, Шорох погнался за оленями, и они понесли по тундре. Я выскочил из нарты и закричал на Шороха. Хорошо, что он остановился, и я его поймал. Перевернулась лишь одна нарта, да и то заводная, которую вёл я.

*17 ноября. Четверг. Избушка якута на р. Омолуй в местности, называемой Неокучан*

Прошли за день около 50 км по сильно волнистой и кочковатой тундре. Встретили много подрядчиков, везших груз в Кюсюр. Запрягли мне сегодня самых упрямых оленей. И на грех довелось мне ехать последним, за мной шла лишь упряжка собак Володи. Как я ни старался, мои олени мало-помалу отстали. А затем правый олень, большой здоровый бур, неожиданно ложится и не желает идти дальше. С трудом заставил его встать, поехали дальше. Через несколько минут – та же история. Пришлось сделать его заводным, а заводного запрячь вместо него.

Порядочно повозились с перепряжкой – Шевчук догнал меня и в уламывании строптивых оленей помогал мне. Новый олень оказался не лучше: поминутно сворачивал с дороги. Я нагрелся до пота. Взялся за оленей Володя, мне поручил собак. Поехали. Когда вся спесь с оленя была сбита, Володя передал мне оленей. Догнали проводников, далеко

ушедших вперёд. Тут я и узнал, что эти два уважаемых оленя – самые плохие из всех. Некоторое время я дальше ехал между связками, но вскоре пришлось попасть «на буксир» к упряжке Колесова.

В 5 час. пришли к восьмиугольной тёплой избушке на Омолое. Здесь и ночуем. Вечером – красивое, быстро меняющееся северное сияние.

Закололи оленя – нечем кормить собак. Первой жертвой пал олень самый упрямый из наших оленей, как раз тот, который доставил мне сегодня столько дела. Самый же плохой, ложившийся в дороге, оказался не нашим, а Рожина.

Утром была волынка. Когда, как обычно, я будил проводников, хозяин поварни заявил, что «улахан тел» – ехать нельзя. На самом же деле шёл снежок при слабом ветерочке. Колесов, ещё не вылезая из постели, заявил тоже, что ехать нельзя. Так пропало часа два, пока их не удалось уломать, доказав, что никакого ветра нет и надо ехать. И действительно, к смущению наших проводников, весь путь была хорошая погода.

Отъедем отсюда километров 50 и устроим днёвку – олени требуют отдыха. Здесь было бы удобнее дневать – в готовом доме – и не ставить тордоха, но здесь водятся волки и олени не отдохнут.

#### *18 ноября. Пятница. Дом приказчика кооператива на р. Омолуй*

На берегу одной из маленьких протоков р. Омолуя, на границе леса, которым поросли берега этой реки и тундры, стоит несколько небольших построек – это кооператив, жилой дом приказчика и сторожа с женой и склад. И обслуживает он население, расположенное далеко-далеко вокруг.

Пройдя сегодня 20 км, расположились на ночлег. Говорят, что олени далеко не уйдут, и потому волки не опасны. Дневать не будем, решили следующие два дня двигаться по 50 км, и последние два – по 40. И так – через четверо суток пути мы должны прибыть, наконец, в Казачье. Долог наш путь.

Сегодня ехали почти всё время по Омолую, срезая его излучины напрямую.

Приехали сюда рано, времени есть много, нужно написать одно письмецо.

#### *19 ноября. Суббота. Тордох в области Батор-Сорях*

Вечер. День выпал сегодня выюжный. С ночи дул западный, к счастью, попутный ветер, гнавший по тундре мельчайшие снежинки. Дорога

занесена не была, но видимость часто была отчаянно плоха: иногда мы двигались в мутной белой мгле, скрывающей всё окружающее. Трудно было ехать, не упуская из вида впереди и позади едущих. Дорога весь день хорошая, мало кочковатая, часто пролегающая по льду многочисленных здесь озёр.

Немало выпало сегодня тревожных минут. Старались держаться всем обозом вместе, но случалось, что Володя Шевчук со своими собаками задерживался позади, и тогда мы теряли его из вида. В последний раз мы потеряли его из вида, когда уж опустились сумерки. Я крикнул ехавшему впереди обоза Горохову, что нужно остановиться. Ждём Володю десять минут, ждём пятнадцать, двадцать, полчаса – его всё нет. Направляю на розыски Горохова на тройке оленей. У Володи сломалась, вероятно, нарта. Горохов быстро исчезает. Снова ждём 10, 15, 20 минут, ждём полчаса – ни Шевчука, ни Горохова нет. Начинаем втроём, с Колесовым и Феней, ставить тордох. Когда стали налаживать печь, явились, наконец, долгожданные Горохов и Шевчук и вместе с ними – Рожин, оставшийся утром на месте ночёвки ожидать обещанных ему недалеко расположенным колхозом четырех оленей. Собрали снова поставленный уже тордох и поехали дальше, на почтовую станцию. Она оказалась близко, километрах в двух-трех.

Вот и сидим сейчас в тёплом тордохе, попили уже чаю, выпили по случаю плохой погоды по маленькой порции «аргы», принимаемся за консервы, подогретые вместо обычного мяса. Спать с Шевчуком буду в кибитке – в тордохе нет места.

*20 ноября. Воскресенье. Поварня в 80 км от Казачьего*

Ещё на 50 км сократили мы сегодня отделяющее нас от Казачьего расстояние. День морозный, с небольшим, но острым ветерком. А весь путь – по открытой тундре. Того и гляди или нос, или щёку поморозишь. Обошлось всё же без подобных неприятностей. Последний час шли в густом тумане, и я видел впереди себя лишь зад последнего оленя да мутно вырисовывающийся ящик на нарте. Сидим в поварне, построенной из наклонно поставленных лиственничных стоек, обрытых землёй.

**В последний раз перед полярной ночью – солнце.**

**В Казачьем украли часы «Мозер»**

*21 ноября. Понедельник*

Ночь проводим в своём тордохе. От Казачьего отделяет нас 40 км. Сорок же прошли за сегодняшний день. Вчерашняя поварня была

холодна и неуютна, а сегодня мы ночуем в своём тёплом тордохе. Тёплом, правда, пока топится печь. Погода и сегодня морозная, но не такая холодная, как вчера. Завтра встанем рано, часа в 4 утра, чтобы как можно раньше прибыть в Казачье. В последний раз перед полярной ночью видели солнце.

*22 ноября. Вторник. С. Казачье*

Вот снова большой и тёплый дом Якутпушнины – как в Булуне, и я – в этом доме. Нет уж холодной поварни или покатых стен тордоха, крепкие добрые стены окружают меня со всех сторон.

Выехал сегодня раньше обоза, ехал с Володей и Феней. Пришли в Казачье часа на два раньше обоза, прямо в Якутпушнину. Тут сразу – чай и несколько позднее обещанный ещё в Кюсюре рыбный пирог. Вчера слегка поморозил нос, сегодня добавил: мороз сильный. Приехал в Казачье и испугался за три пальца на левой ноге: они совершенно онемели. Долго растирал спиртом. В конце концов растёр и, к удивлению, не болят. По-видимому, настоящего обморожения не произошло. Оленей отправил в стадо Якутпушнины, груз сложил в склад.

*6 декабря. Вторник*

24 ноября два неприятных случая. Утром отказались идти мои часы – сбилась волосок и исправить может лишь специалист, а вечером из кармана телогрейки, лежавшей на денежном ящике в конторе фактории, украли карманные мозеровские часы, выданные на станцию ГИМЕИИном. Последний случай меня здорово расстроил: помимо того, что часы представляют собой порядочную ценность – выписаны из-за границы за 80 руб. валюты, – они одновременно являются одним из важнейших приборов, необходимых для наблюдательской работы. Карман (нагрудный) был заколот булавкой, а вечером, когда я хотел узнать время, я наткнулся на открытый и пустой карман. Кража произведена была вечером, т. к. в последний раз, когда я смотрел время, было без 15 мин. 6 час., а в 9 час. их уж не оказалось. В конторе было много народу, и кто совершил кражу, догадаться трудно. Здесь, на Севере, это вообще явление крайне редкое, и если оно и имеет место, то, по-моему, объясняется наличием пришлого населения.

О краже сразу же заявил представителю отдела ОГПУ Лютенкову. Он пришёл в факторию и опросил меня, Аду Адольфовну, Халитова и Шевчука. На следующий день был произведён тщательный обыск в фактории и у всех, в её помещении проживающих, не давший каких-

либо результатов. Кроме того, произвели обыск у Шевчука при его выезде 26-го числа. Результат тот же. Таким образом, в настоящее время я остался без часов. В нашем грузе имеется лишь два будильника, но они хороши лишь в том случае, если имеются надёжные карманные часы. Возможно, найдутся лишние часы на Ляховской станции, но всё же я здесь попытаюсь приобрести более или менее приличные часы, чтобы не рисковать.

Позавчера докладывал в РИКе (*районный исполнительный комитет*) об экспедиции. РИК вынес резолюцию об оказании полного ей содействия. Сегодня в Муксуновку выезжает нарочный, который поставит перед Муксуновским поссоветом вопрос о заготовке корма (ягеля) для оленей экспедиции. Кули переброшу туда с грузом Якутпушнины.

С Ляховского острова пока ещё никто не приезжал. Ожидаю промышленников с оленями в скором времени, до 15 декабря. С их приходом будет ясна дальнейшая наша подготовительная работа, т. к. точный план переброски груза составлю совместно с ними.

3 декабря приехал зав. Булунской конторой Якутпушнины Пшёнников. 28-го в Булун прибыли Черессельский и Мильчаков. Оказывается, они совершили сложное и продолжительное путешествие. Выехали из Якутска на шхуне экспедиции Комсеверопути (*Комитет Северного морского пути ликвидирован в 1933 г.*). С устья Алдана шхуна вернулась из-за мелководья в Якутск. Мильчаков и Черессельский на лодке поплыли вниз по Лене. У Тас-Хая (кажется, ещё не доходя до Сатар-Хая) их выбросило. По-моему, просто из-за ветреной погоды они дальше плыть не могли – выброшенную лодку всегда можно снова поставить на воду, конечно, если она не разбита. У тунгусов прожили до зимнего пути. С его установлением выехали в Булун. Ковынин, по слухам, на Нордвике ничего не построил и находится в пути на Булун. Черессельский с Мильчаковым, вероятно, с ним встретятся.

Время проходит здесь однообразно. Нет ни шахмат, ни приличных книг. Занимаюсь проработкой конспекта лекций по геоморфологии Эдельштейна. Читаю потихоньку беллетристику. Последнее время помогаю Вере Адольфовне в работе: у неё спешные дела, пересоставление плана пушнозаготовок.

Через Степанова Никифора, моего кюсюрского знакомого якута, отправил несколько писем и телеграмм. Почты из Булуна пока не было, но думаю, что в ближайшие две недели должна прибыть. Между прочим, я должен получить, по крайней мере, два письма от Д. Сообщение о том, что они высланы, я получил ведь ещё давно (телеграммой).

В полдень сумерки всё гуще и гуще. С самого дня нашего приезда лампы даже в полдень не гасятся. Погода довольно спокойная, без сильных ветров. Снегу по-прежнему мало.

Пшёнников получил письмо из Тикси. Сообщают, что из-за взломанного на море льда пройти с работой дальше Караульных камней не удалось (по плану должны были, пройдя до Кута, губы Ецор-Хая и оттуда – на Булун). Очевидно, раньше весны эту работу проделать им не удастся. Фрейберг на аэросанях собирается к Ушакову, к Американской горе. Андреев должен со дня на день прибыть из Тикси в Булун – он должен вернуться в Якутск.

*8 декабря. Четверг*

Договорился с Пшённиковым относительно дальнейшего содействия нашей экспедиции. 20 оленей фактория отпускает из числа прибывающих с грузом из Булуна. Конечно, сейчас они будут в плохом состоянии, но к весне, я думаю, силы свои восстановят. От фактории получу также нарты и упряжь. Собак здесь количество достаточное, две упряжки собрать можно будет без особого труда. Значит, основной вопрос сейчас – заготовка корма в Муксуновке. Думаю, что в скором времени получу оттуда сообщение о состоянии дел. Обещал содействие агент Якутпушнины Чекачёв.

Здесь, в фактории, дела с заготовками сейчас обстоят неблагоприятно. Сезон начали поздно, поздно выехали на места агенты, грузы поступают слабо, плохо с отправкой их в глубинные пункты – слаб транспорт. А план не маленький – 5680 хвостов песца за год.

*14 декабря. Среда*

Муксуновские колхозники привезли мне два письма. Одно – от Дудкина, в котором он пишет исключительно о состоянии нашего груза, и второе, с адресом «Казачье, Якутпушнина. Ляховцу Соколову» от Зацепина и Пославского. Все новости – важные, поэтому привожу письмо полностью.

*«Тов. Соколов. Сотрудники Ляховской станции (возвращающиеся) находятся в Муксуновке, прибыли 5/XII с казачинскими оленями. Дней через пять должны прибыть Ваши промышленники (Васильев, Костромин и Лепчиков), сейчас они находятся, вероятно, на Чай-Поварне. Транспорт Ваш (оленный) здорово подкачал. Рассчитывать на него совершенно нельзя. Большая часть погибла на острове (вместе*

с совхозовскими оленями), оставшиеся несколько оленей, наверное, будут забиты на Чай-Поварне, если же до Казачьего и смогут добраться, то всего 5–6 оленей, не больше. Полагаю, что Вам лучше всего дожидаться в Казачьем прибытия Васильева (и других промышленников), который Вам скажет, что необходимо для поездки на Котельный. Транспорт собак прибудет в Казачье дней через 8–10 также довольно изношенный, так что больших надежд и на этот транспорт возлагать не приходится. Мы (Пославский и Зацепин) должны будем найти в Муксуновке упряжку собак для доставки нашего груза и ещё двух сотрудников (Долгих и Данилова) с Чай-Поварни сюда и тогда уже двинем в Казачье. Наша (казённая) упряжка собак доставила нас на Чай-Поварню 30/XI и 2/XII вернулась на остров за остальными сотрудниками и грузом. Сейчас она находится (как уже писал выше) на Чай-Поварне, и будем двигать в Казачье. Прибыли в Муксуновку только сейчас и пользуемся случаем известить Вас о Вашем транспорте и промышленниках с отправляющимися отсюда завтра муксуновскими колхозниками.

До скорого свидания. С приветом.

Пославский, Зацепин.  
5/XII–32 г. Муксуновка.

Р. S. Прибудем в Казачье дней через 10–12.

20 декабря. Вторник

17-го днём приехали ляховцы Пославский, Зацепин, Долгих и наш промышленник Костромин (Сурсен).

## 1933 ГОД

*8 января. Воскресенье*

26 декабря в Якутск выехал Костромин. Пришлось отправить его туда ввиду тяжёлого состояния его здоровья – катара желудка и наличия признаков цинги. Из трёх нанятых в Якутске промышленников осталось двое, Васильев и Лепчиков. Здесь, в Казачьем, придётся нанять ещё двух человек, троим промышленникам не справиться. Думаю, что с первой зимней дорогой следующей зимы одного, а может быть, и двух промышленников отправлю обратно с Котельного, иначе трудно будет нам просуществовать – не хватит продуктов.

Не то 23-го, не то 24-го приехал Лепчиков и сотрудник Ляховского охотсовхоза Оконечников. Оконечников рассказал интересный случай встречи с двумя волками и белым медведем в течение одних суток. Во время остановки на Чай-Поварне, где были Оконечников, Сенькин и Заровняев, они услышали снаружи отчаянный лай и визг собак. Выскочили наружу, оказывается, на собак напал волк. Ввязались в борьбу, и волк удрал, не причинив собакам вреда. На Гороховом стане такая же картина, но с введением нового действующего лица. Выскочившие на шум снаружи поварни увидели, что с собаками поднял возню белый миша. Медведь старается подмять под себя собак, но они проскальзывают между его передних лап без вреда для себя. Оконечников запустил в медведя не то топором, не то лопатой – ружья не было. Медведь, получив чувствительный удар в бок, хотел было кинуться на Оконечникова, но тут собаки, сорвавшись с привязи, так основательно насели на него, что ему ничего не оставалось больше, как спешно сматывать удочки.

**План переброски груза на Котельный изменён в корне***17 января. Вторник*

Завтра собираюсь выезжать в Верхоянск: нужно доставить оттуда две пары полозьев для собачьих нарт, строительный инструмент и часы. Всё это завезено в Верхоянск Ильиным прошлой весной. Не будет полозьев – не на чем ехать, поэтому приходится принимать все меры вплоть до выезда в Верхоянск для того, чтобы их доставить.

Сильный ветер, метель. Всё же надеюсь, что завтра выеду. До первого стана поеду на собаках, повезёт Лепчиков, потом на оленях. Путь – через Омолой. В РИКе взял «открытый лист». Цена за проезд – 15 коп. с нарты за километр. Хлеб, мясо, масло и пр. снедь заготовил. Приготовил и одежду. Усовершенствовал шапку, пришив к затылку её половину шкуры. Теперь ветер шею пилить не будет.

План переброски груза на Котельный изменён в корне по сравнению с тем, что был составлен в прошлом, вернее, в позапрошлом году. Старый план предполагал переброску грузов одновременно на оленях и собаках поздней весной, причём кормом для собак должны были служить олени. Этот план пришлось отбросить по целому ряду причин. Перечисляю основные:

- 1) для прокорма собак оленями необходимо такое их количество, которое здесь, как в районе с неблагополучным состоянием транспорта, вычеркнуть из списка существующих никак нельзя;
- 2) олени придут на острова сухими, и, кормя ими собак, мы последних загубим;
- 3) одновременное движение с грузом оленей и собак невозможно: собаки движутся гораздо быстрее оленей и оставят сразу же их далеко позади;
- 4) весной олени могут дойти лишь до Балыктаха. Если кормить собак оленями, то как же быть за Балыктахом? А там – ещё 300 км. Забить их и везти мясо с собой? Но тогда не увезёшь груз.

Новый план таков: на Чай-Поварню, используя транспорт местного населения, забрасываем 360 пудов кондёвки (*кондёвка – замороженная рыбешка, сибирская ряпушка*), т. е. 30 000 штук. В начале марта из Казачьего выходят обе наши упряжки с грузом кондёвки и разбрасывают кондёвку на пути от Ванькина стана, куда должен быть переброшен наш груз со станции, до устья реки Решетникова. Когда кондёвка заброшена, обе нарты забрасывают двумя поездками груз (около 120 пудов). Для обеспечения одной упряжки собак на время постройки дома к устью р. Решетникова должно быть завезено

3000 штук кондёвки (36 пудов). Для переброски кондёвки и груза собаками придётся совершить около пяти поездок с Ляховского на Котельный. Олени, 45 штук, выйдут из Казачьего в первую декаду мая. В Муксуновке возьмут 40 кулей заготовленного для них моха. Каждая нарта на Ванькином стане берёт по 5 пудов груза и отправляется на Котельный, на р. Балыктах, где дожидаются наступления лета. Летом, перейдя остров со всем грузом или частью его, приходят к устью р. Решетникова.

Для обслуживания транспорта и последующей постройки дома потребуется не менее четырех промышленников. Двоих из них придётся ещё нанимать.

#### *19 января. Четверг. Казачье*

Пурга продолжается вовсю. Вечером и ночью сила ветра превосходила 16 м. К утру несколько утих, но дует достаточно сильно, чтобы помешать моему выезду. Решился ехать не через Омолуй, а прямым путём через Селеннях. До нашего стада, пасущегося в 60 км на юг от Казачьего в местности Харгы-Кель – «Мелкое озеро», доеду на собаках, а дальше – на наших оленях до Селеннях. Начиная с Селеннях, буду пользоваться транспортом местного населения. Мало того, что этот путь короче. Дело в том, что, следуя по этой дороге, я пойду навстречу полозьям, если они, как обещал работник Якутпушины, месяц тому назад приехавший из Верхоянска, уже высланы оттуда. Из Верхоянска должен быть отправлен груз мяса в Казачье. С этим мясом я и жду своих полозьев. Во избежание всяких недоразумений и задержки их в пути я и выезжаю навстречу. Кроме всего прочего, я получу от Ильина карманные часы, выданные ему ГИМЕИНОм в прошлом году для метеостанции Котельного.

Для поездки на Селеннях необходим проводник. Знающих эту дорогу очень мало. Один из них выявил желание ехать, но его не отпускает колхоз (он колхозник). Или найдём человека, могущего заменить этого проводника в колхозе, или же возьму проводником Дьяконова, нашего пастуха. Говорят, он должен знать эту дорогу.

Почты пока что нет. Должно быть, задерживает её погода.

#### **Вьюга гуляет. На собаках за оленями в Селеннях**

##### *21 января. Суббота. Утро. Казачье*

Вчера договорился с проводником Череповым Иннокентием. Взялся везти меня в Селеннях с оплатой по 6 руб. в день при нашем продоволь-

ствии. До Харгы-Кёль – места пастьбы наших оленей – едем на собаках, везёт нас Лепчиков. Вероятно, поедem на двух упряжках – нарты очень малы, на одной не уместиться. Ветер ещё сильный, но метели уже нет и видимость хорошая. Немного похолодало. Нижний слой облаков разогнало, небо стало светлее. Два месяца назад «потеряли» солнце, теперь же вот-вот должны его найти. Ляховцы всё ещё крепко сидят в Казачьем. Выедут, Аллах их ведаёт когда – денег-то всё так и нет. Готовятся снова к вечеру, ходят на спевку. Вечер будет послезавтра. Всё время тянут туда и меня – подкалывают, до 24-го всё равно, мол, не уедешь. А я вот думаю, что через час сумею выехать. Задерживает проводник: он с минуты на минуту ждёт присылки одеяла и постели, находящихся в 10 км от Казачьего.

Вечер того же дня. Юрта на р. Хара-Улах.

Сижу в одинокой юрте, в 40 км от Казачьего и в 20-ти от Харгы-Кёль. Выехали на двух собачьих упряжках по 10 собак в каждой. Ветер, утром утихший, подул с новой силой, застилая горизонт снежной пеленой. Решили всё же ехать. Хорошо, что ветер почти что задний, в противном случае мы бы никуда не уехали. Сначала по дороге собаки несли быстро. Тут уронили мой дундук (*дундук – зимняя дорожная и промысловая одежда из летних оленьих шкур мехом наружу*), лежавший без привязи на нарте. Обнаружили лишь позднее, когда уж уехали далеко. Между тем время клонилось к вечеру, а выюга всё усиливалась. Скоро в первый раз потеряли дорогу, а затем стали терять часто, а в конце пути шли уж «на Аллаха», без всякой дороги. Мело настолько сильно, что часто передняя упряжка, следующая на небольшом расстоянии в каких-нибудь 20–30 м, скрывалась из вида. Добраться до Харгы-Кёль уж и не думали, мечтали лишь о юрте, отыскать её было не так просто в этом белом море. Были моменты, когда поговаривали уж о ночлеге под открытым небом. Здесь, в юрте, уже садясь за чай, вдруг обнаружили, что один наш куль с мясом, сахаром, маслом, чаем и всей посудой остался в Казачьем. Вот не было печали! Завтра Черепову придётся на одной упряжке возвращаться в Казачье за этим кулём. Кстати, захватит дундук и кондёвку для собак, а мы отправимся дальше к Васильеву.

22 января. Воскресенье. Утро. Хара-Улах

Ветер сравнительно небольшой, того же, западного, направления. Отлично выспались в тёплой юрте. Позавтракав, отправимся в путь.

За завтраком у глухонемой хозяйки узнали о её делах. Живёт она здесь с четырьмя маленькими ребятами – двумя девочками и двумя

мальчиками, оставаясь часто одна. Муж вот уж десять дней как ушёл на промысел и ещё не возвращался. Держат пять оленей и три коровы (считая и телят). Юрта просторная, тёплая, сравнительно чистая, с гладким дощатым полом. Чай кипятила хозяйка в большом никелированном самоваре.

Днём. Юрта Васильева в местности Харгы-Кёль.

Приехали к Васильеву и узнали, что наши олени ушли куда-то далеко. На их поиски отправились двое: наш пастух Дьяконов и отец жены Васильева. Здесь вблизи есть лишь сухие олени, пришедшие нынче с острова, но на них ехать нельзя. Если оленей сегодня отыщут, то завтра можно будет ехать (если к вечеру вернётся Черепов); если же оленей не обнаружат, будет ещё одна задержка. Боюсь, что ехать до Верхоянска времени не останется. Вероятно, придётся, встретив где-либо наши полозья, с ними вместе и отправиться обратно, ускорив этим их продвижение.

Вечером. Пока что поиски оленей успехом не увенчались. Завтра утром не уехать. Будут искать оленей. Черепов ещё не приезжал, возможно, что тоже будет здесь только завтра.

Пять минут спустя. Собаки подняли отчаянный лай. Значит, приехал Черепов.

*23 января. Понедельник. Утро. Юрта Васильева*

Снова гудит ветер. Вьюга гуляет, как гуляла и позавчера. В такую погоду искать оленей – бессмыслица. Значит, ещё одна задержка. Даже если погода будет ветреной только сегодняшний день, то уехать на Селеннях удастся не раньше как послезавтра, и то в том случае, если олени завтра будут найдены. А числа 26–27-го намерены уезжать Зацепин и Долгих через Верхоянск. Нет уж смысла отправляться мне, всё равно до Верхоянска, из опасения запоздать в Казачье, ехать не придётся. Нужно пробираться обратно в Казачье и дать поручение Зацепину с Долгих.

**Гадание на спичках и арифметика доставки груза**

*24 января. Вторник. Утро. Юрта Васильева*

Ветер всё продолжается. Даже в Казачье-то не проберёшься. Приходится сидеть взаперти и ждать погоды. Вчера ходили в гости в соседнюю юрту, расположенную в километре отсюда. Шли против ветра и временами задыхались. Угощали нас строганиной и чаем с молоком. Написал вчера два письма – Дусе и Ушакову, сегодня тоже

займусь письмами. Нужно написать Криденеру в Тикси и Коле в Москву. Лепчиков страдает от безделья, говорит, что здесь всё равно что домзак. Только в последнем хуже кормят.

Вечером. Ветер не перестаёт. Черепов уходил искать оленей и не нашёл ни одного. Пишу письма, играем в «рулетку» на спички. Проиграл два коробка спичек вместе с тарой. Эта «рулетка» представляет собой круглую доску с двадцатью углублениями. Сбоку – деревянная колонка с желобком, по которому каждый играющий катит шарик. Выиграл тот, чей шарик попал в луночку с большим номером.

#### *25 января. Среда. Утро. Юрта Васильева*

Положение без перемен. Ветер прежней силы, прежнего направления. Корма для собак осталось на два дня: на сегодняшний и на завтрашний. Если хоть немного ветер умерит свою силу, пойдём на Казачье, оставив здесь палатку и печку.

Вчера план выполнил: письма и Коле, и Володе Криденеру написал. Сегодня буду писать Сержику Куцеву.

Вечером. Ветер силы не прежней, а гораздо большей, такой, какого, пожалуй, нынче ещё и не было. Устоять на месте трудно, сносит.

Написал ещё два письма: Куцеву и домой, Оле. У меня установилась норма: два письма в день.

Черепов гадал на спичках и говорит, что завтра ветра быть не должно. Очень утешительное гадание.

В «рулетку» выиграл два коробка спичек.

#### *26 января. Четверг. Юрта Васильева*

Дела не изменяются. Вчерашний ветер продолжается. Не будь он встречным, северо-западным, отправляться бы можно было, собаки пошли бы, и мимо Казачьего мы не прошли, идя даже и не дорогой. О дороге в такую погоду, конечно, и мечтать нельзя. Но ветер встречный, и приходится выжидать. Лепчиков говорит, что на некоторое время корм для собак здесь раздобыть ещё можно. Старый же запас кончается сегодня.

Кому ещё писать письма, и не представляю себе, пожалуй, напишу Шашину в Тикси и Пальнову на его домашний адрес, в Москву.

Днём. Наскучило писать письма. Надоело писать об одном и том же столько раз. Правда, каждому пишешь в различной степени подробно, под разными углами, но всё же – надоело. Сейчас, днём, занялся ариф-

метикой переброски груза и кондёвки на Котельный. Рассуждения веду следующим образом, основанным на многочисленных беседах с нашими промышленниками: кондёвку и груз перебрасываем не сразу с начальной точки на конечную, а четырьмя участками. Вначале всё забросим на Станчик (о-в М. Ляховский), затем всё со Станчика на мыс Медвежий Котельного о-ва, потом в Дурное и, наконец, к устью р. Решетникова. Такой способ заброски груза сохранит силы собак (отдыхают, возвращаясь за грузом) и даст возможность больше нагружать на нарты.

<...>

Для того чтобы этот план выполнить, нужно начать работу по переброске груза и кондёвки с Чай-Поварни с 1 марта, чтобы в запасе осталась последняя декада мая, когда работать уже трудно из-за наступления весны.

Нужно ещё добавить, что расчет основан на потреблении обеими упряжками собак 300 кондёвок в сутки и одновременной грузоподъёмностью одних нарт – для груза – 30 пудов, и для кондёвки – 36 пудов.

Вечером. Ветер силу свою несколько умирил. Снег уж с прежней силой не носит. Есть надежда, что за ночь ветер спадёт совсем или останется небольшой, при котором можно будет отправиться в Казачье.

*27 января. Пятница. Утро. Юрта Васильева*

Ветер ещё достаточно силён, чтобы нас здесь задерживать. Если несколько ослабнет – выедем.

Через 3 часа. Позавтракав, попробуем выезжать. Ветер умеренный. В крайнем случае, заночуем в юрте на Хара-Улахе.

Написал письмо Петерсену.

Вечером. Казачье. Фактория Якутпушнины.

Ну вот, снова в Якутпушнине. Ехали при сильной вьюге, притом встречной. Лепчиков предлагал остаться ночевать в юрте на Хара-Улахе, но я отказался. Собаки молодцы, ведь им пришлось бежать навстречу ветру и снегу.

Почта так и не приходила. Из-за пурги остаются не похороненными трое умерших. Зацепин с Долгих тоже не знают, когда удастся им тронуться в путь.

**Открылся широкий горизонт.****Сравнение оленьих и собачьих упряжек***29 января. Воскресенье*

Разнесло сегодня утром облака, утихла метель, и открылся широкий горизонт. Видно – на полсотни километров. Воздух прозрачен и вырисовывается всё на редкость рельефно и чётко. А через некоторое время солнце озолотило край длинного узкого облака. Как-то непривычно светло и ярко. И сейчас только осознаёшь, как мрачна и сера полярная ночь. Правда, сегодня так и не пришлось почувствовать на себе солнечные лучи – помешали облака. Сквозь них солнце проглядывало мягким матовым диском. Да, хорошо, весело после 16-дневного перерыва снова увидеть солнце!

...

Впервые план экспедиции на Котельный составлялся осенью 1931 года в ГИМЕИНе. В составлении его самое большое участие принимал Ушаков В. И. Этот план основывался на одновременном движении собачьих упряжек и оленьего транспорта и прокорма собак оленями. Сейчас этот план пришлось оставить по целому ряду причин. Вот они. Одновременное движение собак и оленей крайне затруднительно: собаки движутся гораздо быстрее оленей и оставили бы последних сразу сзади или же двигались бы, не используя даже половины своей силы, половины возможностей. Собачьи упряжки, двигаясь со скоростью оленей, потребовали бы на прокорм такое их количество, которого, при современном состоянии местного транспорта (недавно здесь был падеж оленей) предоставить им возможности нет. Олени придут на острова настолько истощёнными, что, кормя ими собак, мы не поддерживали бы в должной мере их силы.

На всё это указали мне наши промышленники после своего возвращения с Б. Ляховского. Совместно мы пересмотрели план и построили новый, на иных началах.

Собаки и олени приступают к переброске груза в разное время. Собаки – в первых числах марта, олени – в первых числах мая. Собак кормим кондёвкой. Для прокорма их в период переброски груза и в первое время по прибытии к устью р. Решетникова понадобится её 30 000 штук, или 360 пудов. Это количество кондёвки должно быть заброшено местным населением до Чай-Поварни, дальше же её будут перебрасывать наши упряжки. Но о переброске кондёвки до Чай-Поварни договориться с местным населением не удалось, несмотря на то что вопрос ставился в РИКе. Дело в том, что последняя часть

пути Аджергайдах – Чай-Поварня лежит по участку, подверженному в этом году, как говорят местные жители, гололедице. Поэтому оленям там крайне затруднительно добывать корм.

РИК согласился на переброску кондёвки лишь до Аджергайдаха, распределив все 360 пудов между тремя наслегами: Казачинским, Омолыйским и Бартленским. Первый перебрасывает 5 февраля 150 пудов, второй 10/II – 160, и третий 25/II – 50 пудов. Переброска до Аджергайдаха нас ещё не устраивает. Своими собаками мы можем начинать переброску лишь с Чай-Поварни, иначе не хватит ни времени, ни сил. На последнем заседании РИКа мы поставили вопрос о предоставлении нам собачьей упряжки для переброски груза с Аджергайдаха на Чай-Поварню, о дополнительной переброске до Аджергайдаха 5000 штук кондёвки, обеспечивающих работу вспомогательной упряжки. Собак нам выделили 18 штук, с трёх ближайших наслегов. Нарты нет. Будем покупать у Макарова, пастуха Якутпушнины. Людей для обслуживания нарты не дают, придётся подыскивать самим. На заседании РИКа был не я (сидевший в это время в Харгы-Кёль), а Пославский, который о заброске 5000 штук кондёвки почти вопроса не поднял. В результате РИК решил, что эти 5 тыс. штук перебросит предоставляемая упряжка. Но это сделать не так просто: при теперешней тяжёлой дороге упряжка пройдёт до Аджергайдаха и обратно в десять дней и за это время потратит 1500 штук кондёвки. Взять же за один раз нарта сможет вряд ли более 3000 штук. Одним рейсом будет, таким образом, доставлено лишь 1500 штук. Нужно совершить, по крайней мере, три рейса, чтобы обеспечить упряжку кормом.

### *30 января. Понедельник*

Отыскались два наших оленя, ушедших из Казачьего недели две тому назад. Закупили в фактории 70 бракованных кулей, отдали в женартель ремонтировать. Пойдут под кондёвку. Наших, привезённых из Якутска полтора с лишним кулей под кондёвку и под мох, не хватило.

Вчера заключили договор с Казачинским колхозом на доставку 100 пудов кондёвки в Аджергайдах. Возьмут груз 5-го, 25-го он должен быть на месте. В случае доставки раньше срока выдаём премию – 5% всей стоимости перевозки. За пуд перевезённого груза уплачиваем 6 руб. 50 коп.

...

В 40 км от Казачьего застряли сотрудники организуемой здесь радиостанции. На стоянке, где они остановились, ушли все олени. Во время пурги заблудился возчик, везший часть радиоаппаратуры. Он отсутствует уже шестые сутки. РИК рассылает людей на розыски. Здесь каждая зима требует жертв. В прошлом году, рассказывают, замёрз промышленник, попавший в пургу во время осмотра пастей. Его труп нашли лишь весной. В прошлом же году замёрзли две якутки, шедшие в Кюсюр с ближней речки, Куаранаха, где расположен был их тордох. Из дома ушли, но в Кюсюр не пришли. Поиски не дали никаких результатов. Их летом нашли, сидящими под скалой р. Куаранах. Нынче, вскоре после моего приезда в Казачье, в Булунскую больницу доставили сильно помороженных рыбаков Быковского мыса – мужчину и женщину. Говорят, их положение было безнадёжно.

...

Вчера в Казачье пришла из Усть-Янска собачья упряжка местных жителей. Ночью она попала в наледь, образовавшуюся на реке у Усть-Янска. В воде оставили одну нарту. Погибли четыре собаки. Нарту будут вырубать, когда замёрзнет вода.

Утром приехал Халитов, зав. факторией, уезжавший по делам на восток, на Хрому. Рассказывает, что появилось много волков. Олени режутся ими ежедневно. Есть сообщение и с запада, со стороны Булуна, о бедах, причиняемых волками.

Сегодня ветрено, пасмурно и холодно. Солнца снова не видно.

### *1 февраля. Среда*

Возчик, заблудившийся в пургу, вёз, оказывается, почту. Он отыскался тогда, когда уж отправлялись на его розыски. На мою долю эта почта снова ничего не привезла, кроме одной официальной бумажки от прокурора, кое-что спрашивающего относительно расчёта за оленей с Булунским оленсовхозом. Почему так долго молчит Дуся? Никак не могу себе объяснить её молчания.

...

Наше стадо оленей, пасшееся близ Харгы-Кёль, обнаружено в 10 км от Казачьего. Наняли человека, уезжающего сегодня к Васильеву, – он сообщит ему о месте нахождения оленей.

Ляховцы получили письмо от Кушнарёва, извещающее, что им получено 5 тыс. от ГИМЕИНа для передачи ляховцам на проезд в Иркутск. Долгих и Зацепин едут через Верхоянск – им я одалжи-

ваю деньги, которые перешлёт мне Пославский из Булуна. Сам он выедет со следующей почтой, с этой высылает лишь часть своих вещей.

*3 февраля. Пятница*

Вчера пришла почта, заблудившаяся во время пурги. Доставила мне пакет от Булунского оленсовхоза следующего содержания:

*«Начальнику экспедиции ГИМЕИНа  
т. Соколову. 27 декабря 1932 года.*

*На основании распоряжения, переданного телеграфом, я срочно высылаю в Ваше распоряжение оленей – 22 шт., нарт – 10 шт., лямок – 10, поводков – 22, возовых верёвок – 10 шт. Вы их должны принять у наших возчиков, привезших груз Якутпушнины, у старшего пастуха транспортного звена Корякина К. Ф., Кости. Они Вам сдадут их по оформлению данной фактуры, которую мы Вам высылаем в пакете. Расчет (по телеграмме видно) будет произведён в Якутске отделением ГИМЕИНа.*

*Вр. дир. Булунск. Оленеводсовхоза Верховский».*

Вот и на! Как снег на голову! Никогда я не просил ГИМЕИН о дополнительных оленях. И почему 22? Может быть, была перепутана моя телеграмма из Казачьего, в которой я сообщал о прибытии в Казачье на 22 оленях. Теперь думаю о том, как использовать прибывающих оленей. Боюсь, как бы только они не растерялись в пургу. Поступают сведения со всех концов о том, что у возчиков ушли олени.

...

Почта, доставившая мне пакет от Оленеводсовхоза, ничего не привезла из Якутска от Д. На днях ожидается новая почта – может быть, с ней что-либо придёт. С Зацепиным посылаю Д. большое письмо. Писал я из Казачьего много, кажется, это письмо девятое, а получил лишь три, и при том самое последнее из них написано 13/X! Часа в четыре Зацепин и Долгих в числе сопровождающих группу арестованных выехали в Верхоянск.

*4 февраля. Суббота*

Позавчера Лепчиков с Череповым на собаках отправились в Усть-Янск, а оттуда в Тугуттах, в 20 км от Усть-Янска, для перевозки закупленной кондёвки. Мы закупили 40 000 штук.

3000 съели наши собаки в Казачьем, а 37 000 должны быть перебросены из Тугуттаха в Усть-Янск, где кондёвку примет оленный транспорт. 15 000 штук перебрасывают тугуттахские колхозники, а остальная (часть), 22 000 штук, перебрасывается нашими собаками. Послезавтра, 6-го, выходит первый оленный транспорт с нашей кондёвкой. Берёт почти половину: 180 пудов, т. е. 15 000 штук. 10 февраля омолойский наслег должен принять 160 пудов, и в конце февраля ботулинский – последние 50. Оплачиваю по 6 руб. 50 коп. за пуд доставленного в Аджергайдах груза. Фактория отоваривает перевозки на 75%.

...

Читаю «Анну Каренину» Толстого. Ни начала, ни конца в книге нет (начинается с конца второй части, со стр. 159, а заканчивается стр. 366), но, несмотря на это, все взаимоотношения людей, героев романа, очень понятны, словно книга прочтена с первой страницы. Чтение этого романа доставляет мне много удовольствия. Стыдно сознаться, но ведь я до сих пор «Анну Каренину» не читал.

## *Тетрадь № 2*

---

**6 февраля – 9 июля 1933**



## 1933 год

**Письма, договоры, предостережения промышленников.  
Выбор пути по Котельному: станция должна быть на северном  
берегу острова**

*6 февраля. Понедельник. Казачье*

Вчера вечером пришла почта, но разбирать будут её сейчас, утром. Вечером я был у Филиппова, секретаря РИКа, он сказал, что письма мне есть, но не личные, а на экспедицию. Он легко мог ошибиться: может быть, есть и личные, и деловые, официальные, а быть может, нет ни тех, ни других. По правде сказать, истосковался я по письмам от Д. Почему их нет? В чём дело? Скоро ведь я уеду, и возможность получить письмо, если и не будет потеряна, то, во всяком случае, отодвинется на много времени назад.

*10 февраля. Пятница*

Утром 6-го ходил в РИК за почтой, но получил лишь два письма на Ляховскую станцию. Для меня – ничего. Ну, думаю, придётся ждать до следующей почты, которая по моим расчётам должна была прийти лишь дней через десять. Возвращался домой в скверном настроении. Дома сел за «Курс исторической геологии» Борисяка, но вскоре пришли бухгалтер Интеграл-кооператива Акимов и секретарь суда Орлов, сели пить чай. Чай был не простой, а прощальный, уезжал Пославский. По этому случаю на столе – бутылка «аргы», подслащённая сахаром, подкрашенная клюквенным экстрактом. В самый разгар чаепития входит человек с сумкой и подаёт пачку почты. Смотрю, перепадает и на мою долю. Первое письмо не обрадовало: с Булунской рации посылали квитанции на отправленные телеграммы. За письмом протягивают телеграмму. Вижу, что из Якутска, развёртываю – подпись: «Шимановский». Вот её содержание:

«ПЯТЬ ТЫСЯЧ ПЕРЕВЕДЕНО ЧЕРЕЗ БУЛУН ПЕРЕД УХОДОМ ОСТРОВ  
ИНФОРМИРУЙТЕ ЗПТ ПРИНИМАЕМ МЕРЫ ЗАБРОСКЕ КОТЕЛЬНЫЙ  
МОРСКИМ ПУТЁМ ТЧК ПОДРОБНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ШЛЮ  
НА ЛЯХОВСКИЙ ОСТРОВ».

Телеграмма попала ко мне сравнительно быстро: выслана из Якутска 27 января, а 6 февраля была уже у меня в Казачьем. Эта телеграмма меня порадовала больше всего своей подписью: «Шимановский». Было много оснований предполагать, что Шимановского от обязанности директора ГИМЕИНа освободили, но, оказывается, всё осталось по-прежнему. Мне лично уход Шимановского из ГИМЕИНа был бы неприятен. В меры же по заброске чего-либо на Котельный морским путём верю мало. Это сказано просто для успокоения. Если всё пойдёт хорошо, то, я думаю, мы неплохо проживём даже без захода к нам судна. За телеграммой в мои руки попал большой пакет из ГИМЕИНа, адрес написан канцелярией. Ну – опять циркуляры, инструкции и проч. материалы. Уж готов был разочароваться, но, разорвав конверт, к своей большой радости нашёл в нём три письма: из Владивостока – от МАКа, написанное ещё 1 июля пр. года; от Оли (старшая сестра) из Волочка, от 21 августа и, наконец, из Якутска, от Д., написанное в несколько вечеров, с последней пометкой от 27 ноября. Вот это было неожиданно! Три письма тогда, когда и одного-то уж не ожидал. О содержании писем писать не хочется, в общем, ничего плохого нет. Теперь уж моё настроение не ухудшится даже в том случае, если до отъезда больше писем не будет. А промышленники, уходящие отсюда на оленях в начале мая, несомненно, что-то мне доставят, кое-какие письма за два месяца прийти на мой адрес должны. Получу я их в середине лета, в июле, тогда, когда острова уж будут отрезаны от материка вскрывшимися проливами.

6-го тронулся первый транспорт с нашей кондёвкой. Отправлено 180 пудов – 15 000 штук. Сегодня наступил срок приёмки груза населением Омолойского наслега, но пока что сведений о возчиках с Омолоя никаких нет.

Вчера с почтой на Булун выехал Пославский. Сегодня вернулся Лепчиков с Череповым, перебрасывающие кондёвку на наших собаках из Тугуттаха в Усть-Янск.

Позавчера доставили мне письмо от Абашина. Написано 20 января, тогда, когда моё письмо, посланное в первую декаду января, кажется, им ещё получено не было. Пишет, что т. к. к указанному мною в телеграмме, посланной ещё из Булуна, сроку я на Ляховский о-в не прибыл, то он полагает, что экспедиция на Котельный вряд ли состоится; и что в таком

случае, если его предположения подтвердятся, он надеется, что я приму на себя заведывание Ляховской станцией и дам ему возможность ещё нынче весной попасть в Якутск. Через несколько дней, получив моё письмо, он должен был разочароваться. Из письма, посланного ему, должно было быть видно, что питать «надежды» на срыв экспедиции на Котельный вряд ли приходится, а придётся, пожалуй, дожидаться смены (о которой ни слуху ни духу). Предполагаю, что нынче весной Абашину в Якутск не попасть и придётся ему ждать или парохода, или же новой зимы.

Критическое положение переживает Ляховская станция с дровами. Дров, пишет Абашин, осталось на один месяц (значит, до 20 февраля!). Просит выслать упряжку собак для перевозки заготовленных осенью дров на станцию. Дрова заготовлены в 12 км. А как помочь станции – не знаю. Нарт собачьих нет, людей – тоже, собак где-то нужно закупать, о корме для собак тоже не пишет ничего, очевидно, рассчитывая на наш, а у нас лишнего корма нет. Говорил с Сенькиным, директором Ляховского охотсовхоза, он помощи оказать тоже не может.

### *13 февраля. Понедельник*

Решил оказать помощь Ляховской станции следующим образом: нарту дам свою, старую, на которой приехали сюда ляховцы (Пославский говорил, что эта нарта негодна, поэтому я её не учитывал, Лепчиков же заявляет, что ту работу, которая предстоит ей на Ляховском о-ве, она выдержит). Покупаем 12 собак (7 уже куплено и 5 добавляем своих – пополним убыль потом), нанимаем человека и отправляем на Ляховский. Корму нарта возьмёт на 20 суток, т. е. вполне достаточно для проезда туда и возвращения обратно. Проводника берём из Тугуттахского колхоза, здесь знающего дорогу сейчас не найти, все в работе. Проводник сегодня должен сюда прибыть. Выезд назначен на 15-е число.

Обоз Омолойского наслега, на который возложена переброска 160 пудов кондёвки, остановился в 30 км от Казачьего. Ему нужно дать одного человека, знающего дорогу на Аджергайдах. А такого человека здесь нет. Опять непредвиденная задержка. Придётся сегодня Лепчикову отправляться в Усть-Янск в поиски проводника для обоза.

Вчера днём была порядочной силы метель. У меня сердце упало: разыграйся она на несколько дней, и наша кондёвка может застрять. Сейчас утихло.

Я забыл ещё упомянуть, что нарта собак после окончания перевозки дров на Ляховском должна будет вернуться в Казачье. Здесь она будет

ожидать новую смену, которую и доставит на остров. Кормом на время ожидания обеспечу.

Об оленях, высланных Булуновским оленеводсовхозом пока никаких сведений нет. Это начинает беспокоить. Или они пришли бы вовремя и в пригодном для перехода на Котельный виде, или же их не надо совсем, чтобы лишние заботы не мешали работе.

### *15 февраля. Среда*

Из Тугуттахского колхоза проводника не достали. Здесь есть некто Петров, ехать на Ляховский соглашающийся, но он плохо знает дорогу до пролива, и поэтому его можно будет послать лишь с нартой, отправляющейся на переброску кондёвки. А эта нарта выйдет не раньше 22-го числа. Отсрочка получается значительная, но ничего не поделаешь, абсолютно нет людей.

Лепчиков в Усть-Янске человека для Омолойского обоза не нашёл. Нет свободных людей, нет такой работы, с которой можно было бы их снять. Решили поступить так: отправить обоз вместе с транспортом Якутпушнины, везущим груз на Чай-Поварню. С ним идут хорошие проводники, великолепно знающие дорогу. Обоз отправляется 20 февраля.

### *18 февраля. Суббота*

Старший проводник обоза Якутпушнины вместе с омолойским обозом идти отказался. Боится, что последний его задержит. Сегодня же Омолойский колхоз проводника нашёл и завтра выезжает в Усть-Янск за кондёвкой. Этот обоз должен прибыть в Аджергайдах к 17 марта.

Вчера заключил договор с Фёдоровым на переброску дров на Ляховскую станцию. Почувствовал, что необходим, и потому долго артачился, выставя всё новые и новые условия. Выезжает из Казачьего числа 22–23-го.

Сегодня удалось заключить договор и на переброску кондёвки из Аджергайдах на Чай-Поварню. Главный проводник – Петров, его помощник – Владимиров. Выедут одновременно с Фёдоровым.

Сегодня из Сылаха прибыла нарта Макарова, пастуха Якутпушнины, которую мы покупаем и пошлём на переброску кондёвки. Её отсутствие очень меня беспокоило, и я уж собирался выезжать за ней в Сылах, как вдруг вчера вечером Лепчиков сообщил, что нарту везут и что она скоро будет в Казачьем. Сегодня её доставили. Большой её недостаток – полозья немочёные. Ехать на немочёных нартах тяжело. Попытаемся получить взаимозаменяемо собачью нарту в Усть-Янске, в колхозе. Завтра туда поедем вместе с Лепчиковым.

Вчера из Булуна пришла почта. Для меня было лишь маленькое отношение от Булунской конторы Якутпушнины да телеграмма Шимановского о том, что деньги за полученную здесь в Интеграл-кооперативе кондёвку в количестве 40 000 штук им уплачены.

Стоят дни замечательно хорошей погоды: светло, тепло и нет ветра.

Со дня на день ожидаем прибытия Ляховских промышленников, среди них двое высказывали желание участвовать в нашей экспедиции.

Олени, высланные Булунским оленеводсовхозом, до сих пор ещё не прибыли.

Если все дела будут в порядке, то через 15 суток – 5 февраля – я покину наконец Казачье.

### *25 февраля. Суббота*

Позавчера отправилась упряжка с Петровым и Владимировым на Аджергайдах, на переброску кондёвки.

В первой – собаки довольно жирные, в неё попало несколько булунских собак, а во второй, составленной из собак, полученных взаимнообразно, большинство сухих. Упряжка Фёдорова – 12 собак, упряжка Петрова – 18. Нарты для переброски кондёвки получили взаимнообразно у Ноготского колхоза (Усть-Янск). Полозья Макарова положили мочить. Их ещё не оплатили.

21-го прибыли ляховские работники Охотсовхоза Бурцев и Винокуров. С ними приехал доставивший в январе на Ляховский о-в упряжку собак Черногрядский. От Абашина и Дудкина получил письма. Абашин сообщает, что на месяц дровами станцию обеспечил. Дудкин пишет, что сидеть на Ляховском наскучило, хотелось бы поскорее перебраться на Котельный. Обе упряжки Охотсовхоза привезли годовую добычу пушнины: около 700 шт. песцов и 4 медведя. В этом году промысел – ниже среднего.

Позавчера на Чай-Поварню отправился оленный транспорт с грузом для Ляховского Охотсовхоза. Отправилось 150 оленей. Нарт с основным грузом 42, с кондёвкой 36. Возчиков – 6 человек.

В этот же день заключил договор с только что вернувшимся с Ляховского острова Бурцевым. Он зачислен в число промышленников станции. Хорошо то, что он – плотник. Пойдёт с оленным транспортом вместе с Васильевым. Осталось ещё одно незаполненное место, но Винокуров, товарищ Бурцева, высказывает желание также быть включённым в состав экспедиции. Договор заключим через несколько дней. Оба – и Бурцев и Винокуров, как говорят, люди надёжные.

Винокуров хорошо знает путь на о-в Ляховский, притом бывал и на Котельном.

19-го прибыл с грузом Якутпушнины пастух оленеводсовхоза Корякин, который должен был сдать экспедиции оленей. Специально для экспедиции оленей он не привёл, ему их и не поручали, и согласился передать то имущество оленеводсовхоза, которым он пользовался при доставке груза в Казачье, т. е. 19 оленей (из них буров только 6, остальные – важенки), 7 нарт и соответствующее количество упряжи. Олени пришли сухими, утомлёнными. Важенки в скором времени для работы годны не будут – наступает период отёла. Поэтому что-либо принять отказался и составил вместе с прибывшими возчиками и Поссоветом акт об этом. Акт вышло в ГИМЕИН, оленеводсовхозу и прокурору, работающему в настоящее время в Булуне. Возмущает то, что оленеводсовхоз, использовав оленей для переброски груза, одновременно взимал плату за прогон оленей из Хара-Улаха в Казачье.

Колесов из Верхоянска с нашими полозьями ещё не приезжал. Пожалуй, будет здесь в начале марта.

Со дня на день ждём очередной почты. Она должна быть здесь 23-го, но нет её до сих пор. Составил большую докладную записку Шимановскому о ходе дел экспедиции. Отдельно написал свои соображения относительно переброски дополнительного груза на Котельный оленями весной будущего года.

Последние три-четыре дня морозные, ясные.

### *1 марта. Среда*

Позавчера получил одно большое (в двух конвертах) письмо от Д. Это, вероятно, последнее в Казачьем, остальные, пожалуй, догонят меня лишь на Котельном. А сегодня – снова письмо, на этот раз из В. Волочка, от Оли. Шло три месяца с лишним. А из Якутска последнее письмо Д. – меньше месяца.

Ночью приехал зав. лабораторией Халитов, ездивший в Муксуновку. Говорит, что транспорт Омолойского колхоза движется быстро, а вот обе наши собачьи упряжки медленно. Сдаёт упряжка Петрова, составленная из наёмных сухих собак. Ко вчерашнему вечеру они прошли не больше 200 км – это за 6 суток. Очень плохо, боюсь, как бы не задержалась переброска кондёвки на Чай-Поварню.

Лепчиков вчера поехал в Тугуттах – подтолкнуть колхоз на вывозку последних 50 пудов нашей кондёвки в Аджергайдах. Быть может, там же купит рыболовные сети. Сегодня должен вернуться.

26-го Винокуров дал согласие участвовать в экспедиции. Договор заключим на днях. Вечером 26-го тётя Вера организовала общее чаепитие. Были Лепчиков, Винокуров и Бурцев. За чаем время прошло очень оживлённо, несмотря на то что двое из присутствующих не понимают по-русски (Бурцев и Винокуров), а двое – по-якутски (тётя Вера и я). Перед выездом соберёмся здесь ещё раз, за вечерним чаем.

Бурцев с Виноградовым передали со слов промышленников, вернувшихся на Ляховский с о-ва Котельного, о сильной торосистости прол. Санникова и участка моря, прилегающего к западному берегу Котельного. Говорят, что в одни сутки пройти через пролив нельзя, нужно затратить на переход в одну сторону двое суток. Рассказывают, что осенью море замёрзло гладко, но потом сильный западный ветер взломал лёд, который вторично замёрз в крайне торосистом состоянии. Путь к устью р. Решетникова лежит по морскому льду вдоль западного берега Котельного, и потому все эти вести вносят некоторую тревогу. Следовать с грузом по самому берегу нельзя – много глубоких распадков. По самому острову можно, как говорят промышленники, двигаться лишь начиная с губы Нерпалах, а до неё необходимо идти льдом.

Васильев как-то предлагал прямой путь поперёк острова, сначала вверх по Балыктаху, а потом, за водоразделом, вниз по р. Решетникова до её устья. К этому варианту приходится относиться тоже очень осторожно. По острову двигаться с грузом можно гораздо меньшее время, чем по морскому льду, – это, во-первых. Во-вторых, если уж мы возьмёмся за переход с грузом поперёк острова, никаких отступлений быть не может. Если не сможем перебросить с весны к устью р. Решетникова самый необходимый груз, то организация станции срывается: ведь между южным берегом острова и северным, где-то внутри его, станцию не организуешь.

А двигаясь вдоль западного берега, мы имели бы в запасе Нерпалах и Дурное, где в случае невозможности дойти до р. Решетникова можно бы станцию организовать. Правда, это весьма и весьма нежелательно, и на такую уступку природе я пошёл бы только в самом крайнем случае, будучи вынужденным к этому обстоятельствами. Ещё беспокоит водораздел между Балыктахом и р. Решетникова. Он носит гористый характер, хотя, правда, Васильев говорит, что горы невысокие и трудности для движения не доставят. На днях ожидаю приезда Васильева, соберём маленькое «совещание» и обсудим оба варианта пути. Лепчиков спрашивает, можно ли организовать станцию на Нерпалахе. Я

отвечаю, что нельзя, что она обязательно должна быть организована на северном берегу. Боюсь, что скажешь – можно, и тогда уж организовать станцию в устье р. Решетникова возможности будут потеряны.

Предвижу большую целесообразность приёма второго варианта – движение поперёк острова. Думаю, что продукты, необходимые для питания в продолжение лета, оборудование для станции и некоторое количество кондёвки забросим ещё весной до р. Решетникова. Остальное подбросят позднее (в июле) олени, а последнюю часть груза доставим следующим зимним путём.

## *2 марта. Четверг*

Подул западный ветер, началась метель. С утра была слабая, а к полудню уже разошлась: от западного ветра здесь всякой пакости ожидать можно. Начавшись, он не скоро затихает. Наши обе упряжки в пути – поэтому пурга беспокоит.

Винокуров совершенно неожиданно отказался участвовать в экспедиции. Я этого не ожидал, т. к. он несколько дней назад своё согласие дал. Не хочет идти на Котельный по соображениям семейного порядка: здесь плохо обстоит дело со снабжением, и он не желает поэтому оставлять здесь жену. В скором времени сюда должен приехать некто Кандинский, бывавший на островах и знающий дорогу и места оленьих кормов. Лепчиков говорит, что Кандинского нужно будет оставить с оленями, а Васильева перевести на работу на собачьих упряжках. Будем выкручиваться. Тревожит короткое время, остающееся до отъезда, ведь 10-го трогаться нужно обязательно.

Пославскому мною было выдано 3000 руб. для передачи части их Зацепину и Долгих, поехавших в Якутск через Верхоянск. Перевод на Пославского был в Булуна. 27 февраля я получил от него письмо, в котором он пишет, что 3 тысячи перевёл. После момента сдачи им этих денег из Булуна отправлялись две почты, но ни одна из них не доставила денег. Очевидно, потому, что обе почты шли без почтальонов. Приходится ожидать денег, у меня на руках осталась лишь тысяча рублей, а необходимо провести расчёты на гораздо большую сумму. Перевод из ГИМЕИНа перепутан, и Булунское отделение Госбанка запросило повторение телеграммы. Шимановский сообщает, что выслал 5 тысяч, а в телеграмме в Госбанк говорится о 6 тысячах. Этот перевод, очевидно, тоже задержится порядочно, хотя послан из Якутска ещё в конце января месяца.

Вчера приехал в Казачье инструктор-бухгалтер Интеграл-совхоза Чернышов, работавший около трёх месяцев в Аллаихе по проверке

отчётности местного кооператива. Рассказывает о критическом положении с продовольствием. Кроме тухлой кондёвки, служащей пищей и собакам, и людям, нет ничего. Население района Аллаихи перебрасывало некоторое количество груза из Казачьего, но дорогой часть собак пала, и половина этого груза застряла в пути. Чем продержится население, если и то небольшое количество груза, которое ему отпущено из Булуна и находится сейчас в Казачьем, не будет переброшено на Индигирку зимним путём – не представляю.

Сдали в пошивку брюки из зипунного сукна, верхние рубашки, чулки суконные, пару меховых заячьих жилетов.

Настроение сегодня какое-то тяжёлое, нехорошее.

### *3 марта. Пятница*

День ясный, ветер хотя ещё и есть, но с каждым часом всё более и более утихает. Это хорошо, обе наши упряжки смогут нормально продвигаться.

Сегодня заключил договор с Тугуттахским колхозом на переброску 50 пудов кондёвки. Т. к. этот колхоз перебрасывает не на оленях, то удалось договориться о переброске до Чай-Поварни. Это очень хорошо, облегчает работу Петрова и сохраняет лишнее количество кондёвки. Возьмут кондёвку 10-го и к 25-му должны доставить на место. Теперь обеспечена переброска всей кондёвки. Этими 50 пудами возня с ней здесь заканчивается, останется теперь перевозиться в районе, лежащем севернее Аджергайдаха.

Сегодня пришла почта, но опять без перевода. Это начинает беспокоить. Не хочется из-за денег задерживаться. Надеюсь, если долго деньги не поступят – выручит фактория, даст некоторую сумму взаимобразно.

Из Тикси, от Нины Владимировны Шостак (Войцеховской) получил письмо. Пишет, что дела идут неплохо. Письмо в Булун доставил Н. В. Андреев, выехавший из Тикси в первой декаде января.

### *5 марта. Воскресенье*

Перевод от Пославского, оказывается, пришёл, только не было ещё извещения. Я узнал об этом лишь сегодня, когда пошёл в сберкасса получать взаимобразно из средств фактории тысячу рублей. Вместо тысячи получил все три.

Почтальон сообщил, что очередная почта должна была выйти из Булуна 3-го числа. Ждать её здесь можно числа 8–10-го, если не будет задержек в пути. Олени очень плохи, и сейчас продвижение затруднительно. Вероятно, эта почта будет последней, которая меня застанет в Казачьем.

*7 марта. Вторник*

Кандинский до сего времени в Казачье не приезжал. В местном колхозе есть один желающий участвовать в экспедиции, некто Габышев, кажется, один раз ходивший на острова. С большим трудом колхоз нам его уступает. Сегодня на колхозном собрании этот вопрос должен был решаться окончательно.

Приехал Васильев. Он был на охоте на диких оленей. Убил мало – лишь три штуки. Устроили нечто вроде производственного совещания, потолковали, когда и в каком порядке трогаться в путь. Решили выезд собачьих упряжек назначить на 15-е число. На собаках идут Васильев и Лепчиков, на оленях – Кандинский (или Габышев) и Бурцев.

Васильев сейчас говорит, что на собаках весной поперёк острова идти нельзя и придётся двигаться вдоль западного берега. Говорит, что больше одного рейса к устью р. Решетникова вряд ли придётся сделать из-за малого времени. Если же мы успеем сделать два рейса, то уже с весны начнём организацию станции. Первым рейсом нам необходимо забросить кондёвку и вторым – мет. и строительные инструменты и продовольствие, необходимое до момента прихода оленей. О заброске весной и летом всего груза я сейчас и не мечтаю.

*9 марта. Четверг*

Лепчиков поехал на собаках в Тугуттахский колхоз, привезёт оттуда нарты и сети. За готовые нарты ожидаем пару полозьев (ещё не прибывших из Верхоянска) и одного оленя. Получим нарту в дороге, сейчас на ней повезут нашу кондёвку на Чай-Поварню тугуттахские колхозники. Пока мы возьмём плохую старую нарту и, догнав тугуттахцев, сменяем на хорошую. Полозья Макарова получили за одного оленя и 50 руб. Сегодня Бурцев принялся за сборку нарт.

Вчера пришла почта. Для меня на этот раз нет ничего. Сегодня из Булуна на Казачье почта должна выйти снова. Быть может, она меня здесь ещё и застанет.

Неус....ева (*неразборчиво*), секретарь местной партиячейки, прислала мне сегодня пачку «Правды» за октябрь, ноябрь и пару номеров даже за декабрь прошлого года. Читал с большим интересом, много чего узнал о полярных экспедициях минувшего лета.

*10 марта. Пятница*

Лепчиков привёз из Тугуттахского колхоза нарты и четверо сетей. Заключил договор с Габышевым. Оказывается, настоящая его фами-

лия – Аммосов. Завтра получит продовольствие и кое-что из одежды, а послезавтра выедет в стадо принимать оленей.

### *11 марта. Суббота*

Деньги снова приходят к концу, а перевод, находящийся в Булуне, может меня уж здесь не застать. Нужно произвести ещё ряд расчётов: за питание, за собак и пр., а денег недостаёт. Вышел из затруднительного положения, передав упряжку собак, ушедшую на Ляховский о-в, для переброски дров Ляховскому охотсовхозу за 500 руб. Об этом я сегодня договорился с директором охотсовхоза Сенькиным. Завтра получу деньги. Продал упряжку ещё и по другим соображениям. Во-первых, нет никаких сведений относительно ляховской смены – прибудет ли она нынче зимой? Во-вторых, нет ни денег на покупку кондёвки в обеспечение этой упряжки, нет и самой кондёвки у местных организаций и колхозов – всю свободную кондёвку уже распродали.

Ляховскому же охотсовхозу передадим и оставшуюся неиспользованной пару полозьев – после привоза этих полозьев из Верхоянска.

Нарта, полученная из Туруттахского колхоза, очень плоха. Пожалуй, возьмём временно нарту Охотсовхоза с тем, чтобы затем её вернули тугуттахские колхозники, везущие нашу кондёвку на Чай-Поварню.

Сегодня приехали Захаров (единоличник) и Черепов (колхозник), доставившие первую партию нашей кондёвки на Аджергайдах. Захаров говорит, что довезли всё благополучно, без потерь.

Есть сведения, что Владимиров, помощник Петрова, заболел и остался в Муксуновке. Лепчиков отправился к Черепову узнавать относительно Владимира.

Нужно написать кучу писем, последние письма с материка. С промежуточных остановок буду писать лишь в Якутск, Д. А в другие адреса напишу лишь с Ляховского. Письма, написанные с Ляховского, в В. Волочѣк попадут, вероятно, чуть ли не через год.

### **Переход Казачье – Усть-Янск. Обе наши упряжки тронулись в путь. Ночь в Усть-Янске, самый северный конь.**

### **За Истеной простились с лесом**

### *15 марта. Среда*

Васильев и Лепчиков пошли увязывать нарты. Попью в последний раз чай и снова с пирогом, но на этот раз – с мясным (приезд сюда был отмечен рыбным пирогом).

Закончил все дела, написал все письма, осталось несколько свободных минут для записи. Перевода из Булуна так и не дождался, оставил доверенность Бурцеву. 3200 штук кондёвки передал Охотсовхозу – это остаток корма наших собак. Поедем налегке, берём кондёвки лишь количество, необходимое для пути до Ляховского. Первая ночёвка намечена в 60 км отсюда, в местности Истена.

12-го прибыли трое промышленников с Дальних островов, доставившие 700 песцов (первые промышленники с Ляховского привезли 540). Сообщили хорошие новости: прол. Санникова по направлению Станчик – мыс Медвежий свободен от торосов. Свободно от них и море вдоль западного берега Котельного. Эти известия достоверны, сообщают лица, там работавшие. Первые сведения о сильной торосистости, кажется, были верны лишь для начала зимы, потом вода залила лёд и сравняла его поверхность. Сведения о хорошем пути сразу подняли наше настроение, хотя оно и было неплохим. Теперь твёрже уверенность в том, что до р. Решетникова доберёмся.

12-го же получил письмо от Петрова. Пишет, что Владимиров заболел и остался в Муксуновке. Поссовет выделил взамен людей, неспособных помочь, и потому Петров от них отказался и отправился дальше один.

Погода великолепная. Солнце сияет вовсю, не холодно, ветра нет. В такую погоду приятно трогаться в путь.

10 часов вечера. Усть-Янск.

В первом часу дня – многочисленные рукопожатия, крики: прощай, прощай! – и обе наши упряжки тронулись в путь.

В километре от Казачьего сломались доски у нарты Васильева. Сложили груз, заменили доски тормозными палками и поехали дальше. Погода великолепная. Остановились ночевать в Усть-Янске. Взяли здесь кондёвку (из Казачьего захватили тысячу). Обнаружили, что забыли масло, жилет заячий, котёл. Нашёлся желающий за всем этим съездить. После того как он уехал, масло нашли в ящике с мелкой посудой. Туда положил его Бурцев. В Усть-Янске впервые открыта школа. Учитель Павлов приходил в юрту, где мы остановились, рассказывал о делах. Учеников – 60. Две группы. Занимается в две смены. Плохо с питанием. Интерната нет, ученикам даётся стипендия. Всё население в колхозе. Здесь ещё есть одна лошадь, дальше на север их уж нет. Можно сказать, самый северный конь.

За день прошли 30 км.

*16 марта. Четверг. Усть-Янск*

Юрта хоть и большая, но народу здесь ночевало так много, что площадь была занята спящими и на столе, и под столом. Погода испортилась, уж нет солнца, северо-восточный ветер.

### **Кобох (Мохнатка)**

*17 марта. Пятница. Утро. Кобох (Мохнатка)*

Ко времени выезда ветер утих, и всю дорогу погода была тёплая, хотя и пасмурная. Ехал в телогрейке. Первые 30 км были трудные: мягкая, узкая дорога. Постоянно нарты соскальзывают с дороги, и приходится их поддерживать и помогать собакам тянуть. Через 4 часа после выезда из Усть-Янска прибыли в Истену. Здесь часовая остановка, чай с юккой. Покормили собак. Пошли дальше, намереваясь остаться ночевать в Нале, в 15 км от Истены. Но собаки пошли настолько хорошо, что Васильев, шедший впереди, не останавливаясь в Нале, пошёл дальше, а мы за ним. Дорога много твёрже, чем утром. Реже приходится соскакивать с нарт. Приехали в Кобох в 8-м часу вечера, когда совсем уж стемнело. За день прошли 75 км.

Сегодня погода обещает быть не такой плохой, как вчера, но даже и солнечной.

Он окончился сразу же за Истеной.

...

Днём. Дельбергелях (Кугунчан). Вчера после Истены тундра была кустарниковая, сегодня же большую часть ехали по такой равнине, что нельзя было сказать суша это или море, если б не плавная крупная волнистость поверхности. Дорога твёрже, чем вчера, приходилось соскакивать с нарт лишь на пригорках. Тундра настолько сходна с морем, что, пересекая залив, я хоть и внимательно следил, его всё же не заметил, и узнал, что мы его пересекли лишь тогда, когда был уж на его противоположном берегу.

Вчера в Кобохе догнали ботулинских (тугуттахских) колхозников, вышедших 12 марта из Усть-Янска с нашей кондёвкой. Обе нарты тяжело гружены, кроме 50 пудов нашей кондёвки везут ещё и порядочно корма для своих собак. Мы облегчили их, взяв два пуда кондёвки. Поменяли нарты: оставили им старые, взятые в их колхозе временно, взяли хорошие. Ботулинцы, пожалуй, заночуют в тундре и досюда не дойдут. У них в каждой упряжке по 14 собак. Дельбергелях – юрта без жителей. Приехали, покормили собак и принялись хозяйничать. Затапили камелёк привезёнными с собой дровами, попили чаю (из продуктов у нас пока

есть лишь хлеб, сахар, чай и масло. Мясо, быть может, добудем охотой у Чай-Поварни). Камелёк даёт мало тепла и требует много дров. Заменяли его после того, как вскипятили чай, железной печкой.

...

Вечером. Часа в 4–5 прибыли ботулинцы. Написал несколько страничек Д. В юрте тепло, уютно. Перед сном немного почитаю газеты, всё те же №№ «Правды». Везу их для ляховцев.

*18 марта. Суббота. Утро. Хорой*

Прошли 70 км. День был солнечный, но холодный, с резким восточным ветерком. В середине пути пили чай в уресе. Сейчас сию же в уресе, причём она весьма малоуютна. Главный недостаток – нет желательного количества дров. Имеющиеся дрова сыры, и потому здесь изрядно холодно. Попили чаю, собираемся спать, в холоде нечего больше делать.

*19 марта. Воскресенье. Муксуновка (северная)*

Сегодня прошли 80 км, больше, чем когда-либо. Дорога была твёрдая, большую часть лежала по льду залива. Пили чай в Сюгучане (Муксуновка) у агента Якутпушнины Чекачёва. Были и в Поссовете, расплатились за заготавливаемый мох.

Владимиров всё время живёт у Чекачёва, сейчас выздоравливает. Болел чуть ли не воспалением лёгких, очень похудел. Достал у Чекачёва продуктов для него.

Здесь узнали, что у омолойцев, доставивших нашу кондёвку на Аджергайдах, волки съели ещё 4 оленей. Всего, таким образом, волки у них зарезали 8 оленей (о том, что у них зарезаны первые 4 оленя, мы узнали ещё в Дербельгельяхе у проезжавших за грузом в Казачье казачинских колхозников). Бедный Омолойский колхоз! Он ничего не зарабатывает. Нужно уплатить проводнику 200 с лишним рублей, да вот ещё потеря 8 оленей.

День сегодня холодный, ветреный. Почти сразу же после выезда из Хороя пришлось надеть дохи, да так уж с ними и не расставаться.

Весь здешний посёлок состоит из одного дома с пристройкой. Правда, дом большой: стены бревенчатые, до потолка, даже подпрыгнув, не достанешь. Форма дома семиугольная. Это сделано для того, чтобы можно было использовать короткие брёвна. Раньше дом принадлежал кулаку Петрову, уехавшему в Якутск. Сейчас дом колхозный. Несколько мужчин, три женщины и два, кажется, ребёнка составляют население этого дома. Это последние постоянные жители на нашем пути. Теперь

будут лишь семьи ляховских промышленников, приехавшие на остров на короткое время.

Отсюда хочу послать пару писем. Эти письма ещё более или менее быстро смогут попасть в Казачье.

*20 марта. Понедельник. Муксуновка*

День настолько ветреный, что решили выждать. Если завтра будет хорошая погода, то пойдём до Аджергайдаха, т. е. 95 км. Днём спим, но и этому не особенно отдаёмся – помещение большое, высокое, а топят плохо – довольно прохладно. Читал оставшиеся непрочитанными статьи из «Правды», которую везу для ляховцев.

Сейчас, вечером, ветер довольно силён. Что-то будет завтра?

*21 марта. Вторник. Утро. Муксуновка*

Слабый ветерок при чистом небе. Намерены идти до Аджергайдаха.

*22 марта. Среда. Аджергайдах*

Вчера почти весь путь лежал тундрой, и лишь небольшой кусочек – заливом. О заливе я узнал лишь сегодня, взглянув на карту пройденного пути. Вышли из Муксуновки в ясную, слегка ветреную холодную погоду. Ехать пришлось в сокуе (дохе). Слегка мёрзли ноги. Встретили возвращающихся омолойцев. Груз наш доставили на сутки ранее назначенного срока, поэтому пришлось писать несколько слов Бурцеву о выдаче им премии. Писал, чуть пальцев не поморозил. Путь унылый, бесконечные белые, слегка волнистые равнины, «белое безмолвие» да пасти (ловушки-самоловы) по бокам дороги. Пили чай в Хор-стане. Маленькая рубленая избушка 3 метра на 3, с одним оконцем. Поставили печь, вскипятили чай. Тепло, уютно. Вышли из Хор-стана в 3-м часу. Дорога стала тяжёлой, снег рыхлый. Видимо, давно здесь не было сильных ветров. Далеко вправо увидели длинный караван Якутпушнины, отвозивший груз на Чай-Поварню. Через некоторое время от каравана отделились две нарты, и к нам подъехали Попов, главный проводник, с возчиком. С оленями благополучно, пал лишь один, волки не съели ни одного (у омолойцев – 8 шт.). Видели Петрова, он перебростил на Чай-Поварню 4000 шт. кондёвки. Поехали дальше. Вдруг собаки резко рванулись влево к серому предмету. Оказывается, полуобглоданный зарезанный волками олень. Вокруг – клочья шерсти. Ещё дальше – снова олень, кем-то поставлен на дыбы, стеклянными глазами смотрит в небо. Виден издалика, этот памятник

всем загубленным оленям. Почти цел, нет лишь ног и частично выедены внутренности.

К вечеру собаки совсем стали сдавать, да и стемнело изрядно. Красные помочки – снег, пропитанный кровью, – встречаются всё чаще. Это кровоточат лапы собак. Васильев предложил заночевать в урасе, по соседству с которой мы оказались. Я согласился. До Аджергайдаха ещё 15 км тяжёлого пути, а собаки идти отказываются. Ураса широкая, но низкая. Вскипятили чай на разложенном внутри урасы костре, после сменили костёр железной печкой – теплее. Спали, забравшись в одеяла и сокуи. Получилось нечто вроде спальных мешков. Дров было очень мало, истопили даже одну доску из деревянного обклада основания печки. Дров всё же хватило и на утренний чай. Встали, не умываясь, попили чаю – и барда дальше. Распрощались с Чекалканом, так называется эта ураса. Собаки сразу же пошли плохо. Поминутно приходилось соскакивать с нарт и или брести, или бежать по рыхлому снегу. Да, вчера вечером видели стадо штук в 10 диких оленей. Они остались далеко вправо от нашего пути. 15 км, оставшиеся до Аджергайдаха, шли с трудом и долго. Но вот и он наконец. Большой сруб с двумя окнами. Пристройка в виде коридора, высокий потолок. Почти всё имущество Петрова – и чайник, и одеяло, и печка здесь, значит, Петров к вечеру в Аджергайдах вернётся. Невдалеке кули с кондёвкой. Дров – обилие. Хорошо! Попили чаю. Решили сегодня дальше не ехать, дать собакам отдых. Пойдём дальше завтра, вероятно, до Чай-Поварни. Теперь впереди вся дорога должна быть хорошей, тундрой ехать почти не придётся, всё морем. Собакам будет легко. Побрился, тщательно умылся и почистил зубы. Собираюсь, благо есть время, писать письма.

### *23 марта. Четверг. Аджергайдах*

Утром – холодный восточный ветер. Ко времени выезда усилился настолько, что выходить было нельзя. А нарты были совсем готовы, оставалось лишь собак прицепить. Снова пришлось всё развязывать и втаскивать все постельные принадлежности в стан. Сейчас, вечером, гудит за стеной особенно сильно. Утихнет ли к завтрашнему дню?

### **Чай-Поварня. Вот и в прошлом материк, в настоящем – острова**

### *24 марта. Пятница. Аджергайдах*

Утро безветренное, тёплое, туманное. Сейчас выходим на Горохов стан. За ночь сени здорово засыпало снегом.

Вечером. Чай-Поварня.

Весь день, кроме раннего утра, – выюга. Досталось всем – и людям, и собакам на последних 20 км пути. В первый раз за всё время чувствую усталость. Во время перехода на Горохов стан убежала наша лучшая собака Брат.

*25 марта. Суббота. Вечер. Дом Охотсовхоза на р. Дымной*

Прибыли сюда в 7-м часу вечера, пройдя 90 км. Шли напрямик с Чай-Поварни на Дымную. Местами проходили торосы, но всюду сравнительно легко. Дорога была твёрдая, и собаки бежали лучше, чем можно было ожидать. Вот и в прошлом уж – материк, в настоящем – острова.

**Ляховская станция. Прощание с последним тёплым домом – дальше лишь станы. В первый раз – «глазные капли»**

*10 апреля. Понедельник. Ляховская станция*

С 26 марта живу на Ляховской станции. Переупаковал груз, многое оставляю здесь, кое-что получил в дополнение к своему имуществу. С Васей Абашиним подружился сразу, с Гамаюновым, радистом, отношения простые, но нет того чувства дружбы, которое есть к Васе.

Сегодня вернулись Васильев, Лепчиков и Дудкин, перевёзшие всю кондёвку с Чай-Поварни на Ыпсы. Вместе с ними приехали и дымновцы: Атласов, Бочкарёв и ещё один молодой парень, фамилии которого не знаю (*Николай Горохов*). Выпили всю заготовленную Гамаюновым бражку и сейчас, опьяневшие, спят.

Хотел приняться за письма, но голова немного тяжёлая (бражку хотя и немного, но пить пришлось), и потому, думаю, придётся это дело отложить.

*12 апреля. Среда. Ляховская станция*

Сегодня с двумя нартами груза для оленей выехали на Дымную Лепчиков с Васильевым. Завтра они должны этот груз доставить на Ванькин стан и вернуться на станцию, чтобы послезавтра уж выехать всем окончательно с остатками груза.

Количество груза пришлось сократить на 30 пудов, оставив для собак не 120 пудов груза, а 90, т. е. три нарты.

Оставляю здесь куль муки (вместо 8 беру 7), часть молочных консервов, рыбных, паштета, весь сыр, всё повидло, винные ягоды и грибы, большую часть мёда, сушёных овощей, гороха и пр.

Сейчас нужно написать ряд писем, составить несколько телеграмм (откуда и куда они будут посланы – Аллах ведает!), написать докладную записку Шимановскому и пр. Сегодня всё это сделать не успею, кончать придётся завтра.

Остриг волосы наголо, долго, вероятно, до моей головы теперь не прикоснётся машинка!

*17 апреля. Понедельник. Стан Ыпсы, южный берег о-ва Б. Ляховский*

13 апреля Лепчиков с Васильевым перевезли груз из Дымной на Ванькин стан и вернулись на Дымную, а 14 апреля приехали на станцию.

Последние приготовления к отъезду. Последняя баня, стирка белья, укладка вещей, несколько писем.

15-го – отъезд со станции. В последний раз, как и при отъезде из Тикси, – «Тарантелла». Прощание с Васей (Гамаюнов поехал с нами до Дымной), салют из бердана, и постепенно станция со своими мачтами закрылась выступом берега.

Вечером в Дымной выпили последние остатки «аргы». А вчера утром – прощание с последним тёплым домом – дальше ведь лишь станы, с последней женщиной – Аннушкой Фёдоровой. Между прочим, забыл ей заплатить 60 руб. за разного рода работу для экспедиции. Пошлю, как и все письма, с первыми встречными промышленниками. Они в скором времени должны направиться в Дымную, закрыв пасти. Провожали нас Никушка (Горохов), Атласов – зав. складом, Ваня Гамаюнов, Фёдоров. Теперь на нашем пути будут лишь встречаться промышленники.

Сегодня – днёвка. Отдых собакам, ремонт (мелкий) нарт, обуви и пр.

Питаемся сейчас хорошо: есть немного мяса. Масло, сахар, хлеб пока пайком не ограничены. Кроме того – консервы: молоко, немного ивасей, паштет, компот.

Воспользуюсь днёвкой для того, чтобы приготовить письма.

Вчера погода была тихая, солнечная. На чёрных обрывах берега видел мокрые пятна и грязные струйки воды по чистому снегу у их основания. А температура воздуха, кажется, ещё не поднималась выше 15 градусов.

*18 апреля. Вторник. Ыпсы*

Сегодня забросили на Хастыр 31 куль кондёвки и железную печь. Я оставался на стане. Распечатал один из ящиков, достал резинки и компаса, хочу заняться съёмкой Ыпсы – Хастыр. Кондёвку перебросим за три поездки и остальной груз двумя поездками. Если погода не помешает, 22-го должны закончить переброску на Хастыр. Погода сегодня туманная, пасмурная и очень тёплая, температура воздуха, возможно, днём была даже выше – 10 градусов.

К моменту нашего приезда на Ыпсы (17/IV) здесь было 99 кулей кондёвки.

*19 апреля. Среда. Ыпсы*

Перевезли сегодня 31 куль кондёвки и крышки английских будок. За ночь снег запорошил вчерашние следы, и их было чуть-чуть заметно. Одному из нас приходилось идти пешком впереди собак – они тогда, идя следом, лучше тянут, – остальные двое шли с нартами. Идти пешком неплохо, хотя иногда ноги и проваливаются в снег. По крайней мере, спокойно, идёшь ровным шагом и не надо надрывающимся голосом кричать на собак, не надо угрожать им бичом и изо всех сил ворочать тяжёлыми нартами, помогая собакам стронуть их с места после каждой остановки. Всё это в изрядном количестве пришлось проделать, идя с передней нартой. Собак приходится всё время понукать, и от крика «бата-бата» хрипнет голос. На второй нарте вольготно: собаки тянутся за передней нартой и можно спокойно восседать, не испытывая силы своих голосовых связок.

Дорога несколько тяжеловата. Ухудшил её свежавыпавший снег. Да и старый снег недостаточно плотен, полозья в нём оставляют глубокий след, а не скользят по поверхности, как скользят они по снегу, покрывающему морской лёд. Участок Ыпсы – Хастыр почти идеальная равнина лишь с весьма мягкими подъёмами и спусками. Я хотел было заняться маршрутной съёмкой этого участка, но что снимать, кроме одного, кажется, озера, встретившегося на нашем пути?

Погода была мягкая, пасмурная часов до 12-ти дня, а потом разъяснилось. Свежий снег переливается миллионом искринок. Сейчас надо в первый раз применить «глазные капли», полученные мною ещё зимой в казачинской больнице.

*20 апреля. Четверг. Ыпсы*

Остался в Ыпсы. Наколот дров, наготовил снегу. Перевезли сегодня 15 кулей кондёвки и одну нарту прочего груза. Вернулись раньше обычного, вчерашний след остался открытым, и собаки тянули хорошо. На Хастыре встретили Березкина, промышленника, обходящего западную половину острова и закрывающего пасти. С ним парнишка лет 15–16-ти. Завтра они придут сюда, и будем ночевать вместе. С ними пошлю все письма. Часть уже готова, другую нужно приготовить. Предстоит ещё встреча с двумя промышленниками Малого Ляховского острова и тремя – Котельного. Встреча с ними произойдёт, вероятно, в течение ближайших двух недель. И с ними пошлю письма. Это будут, вероятно, последние письма в 1933 году.

*21 апреля. Пятница. Ыпсы*

Сегодня совершили поездку с грузом быстро, вернулись в 5-м часу. Дорога умята, занесена лишь местами, собаки шли хорошо.

Приехал Берёзкин со своим попутчиком. По юго-западному берегу острова от Хастыра до Ыпсы взяли 8 песцов. Завтра едут на Дымную. Посылаю кучу писем, две телеграммы – Шимановскому и домой. Завтра возьмём остатки груза. Их немного, нарты будут лёгкие.

На Б. Ляховском 1700 пастей.

*22 апреля. Суббота. Стан Хастыр. О-в Б. Ляховский. Западный берег*

Перебрались на Хастыр. Невдалеке от Ыпсы встретили пять человек островников: с Малого Ляховского – Гуммова и Захарова, и с Котельного – Атласова и др. Промышленники Котельного шли на двух нартах: в одной 10 собак и во второй, до комичного маленькой, – 4. Промышленники Малого Ляховского на одной нарте, 10 собак. На Котельном собрали 130 песцов с момента отсылки основной пушнины в январе. Постояли с островниками с полчаса. Писем никаких, конечно, не передал. Сегодня утром приготовленные ушли с Берёзкиным, а новые я написать ещё не мог.

На Хастыре сразу после чая к нам приехали двое промышленников Фаддеевского острова – Иванов и Шепелев. Везут 115 песцов. Иванов рассказывает, что прошлое лето на Фаддеевском острове было необычайно суровое. Лёд у южного берега даже не тронулся и так и остался прошлогодний на новую зиму. Оленей убили 50. Гусей загоном в сети – 3000 штук. В случае хорошей погоды завтра идём на Малый Ляховский и дnevать не будем. Нужно воспользоваться проложенным следом. Дневку устроим или на Малом, или же при возвращении на Хастыр за грузом. Я, вероятно, на Малом и останусь, как на базе, на Стане Петра. Хастыр же будет нашим второстепенным пунктом. Стан Петра, как говорит Васильев, просторен и светел, Хастыр же представляет собой урасу без окон, маленькую, правда, тёплую. Вблизи Хастыра охоты на оленей нет, на Малом же – удобное место для охоты.

По пути с Ыпсы на Хастыр видели много свежих оленьих следов, ведущих на север.

Нужно написать ряд писем и отправить с островниками. Это будут последние письма если не в 1933 году, то почти так: ведь следующие если и смогут быть отосланы, то не раньше конца ноября, т. е. через семь месяцев. К началу переброски на Стан Петра – 90 кулей кондёвки.

**Стан Петра (о-в М. Ляховский). Мы пришли уж в медвежий край**

*23 апреля. Воскресенье. Стан Петра. О-в М. Ляховский*

День холодный с почти встречным (северо-западным) ветром при ясной погоде. Позёмок. Утром простились с фаддеевцами. Долго путались у берега в поисках следа промышленников Малого Ляховского и Котельного. По следу собаки гораздо быстрее бегут. Первые 15–20 км путь богат маленькими куполообразными надувами снега, с которых нарты сильно раскатываются в стороны. Торосов почти нет. Видел две их резко выраженных гряды, пересекающие наш путь. Первая километрах в 20 от Б. Ляховского, а вторая спустя километров 10 севернее первой. В другой раз возьму их направление. Плавника нигде в проливе не видел. Много песцовых следов разнообразных направлений было до половины пути. Потом исчезли. В середине же пути неожиданно увидели свежие следы медведицы и медвежонка. Они пересекали нашу дорогу и шли, очевидно, к северо-западу. Значит, мы пришли уж в медвежий край. У Малого Ляховского видел след оленя.

Стан Петра – обширная тёплая юрта, самый большой из всех станов на островах. Три окна, деревянный пол, большой стол, нары на 6 человек. Кроме самой юрты есть ещё пристройка, как бы «передняя». В ней держат мясо и лёд. И кроме всего прочего ещё сени. Стан Петра – главная резиденция промышленников Малого Ляховского. Здесь они живут большую часть промыслового времени.

*24 апреля. Понедельник. Дневка. Стан Петра*

Заготовили дров. Хватит, пожалуй, на всё время пребывания здесь. Шил карман к дундучку – подарку Васи Абашина. Читал «Море» Келлермана. Ветер тот же, северо-западный.

*25 апреля. Вторник. Стан Петра*

Все уехали, остался один. Один на весь остров, на все острова, что к северу от Б. Ляховского. В 9-м часу утра отправился на охоту. Белый халат, очки, патронташ, бердана, бинокль – вид угрожающий. Сначала – на восток. Много старых следов оленей и нет свежих. А вот нахожу и свежие следы. На север прошло 4 оленя. Я – по следу. Шёл долго, след из ложбинки в ложбинку, стал уж чувствовать утомление, пришлось след оставить. Взял на юго-восток и вышел на берег километрах в двух севернее стана. Вернулся усталый, оленей так и не встретил.

Вечер, ложусь спать. Наружную дверь подпёр существующим для этой цели шестом с поперечиной на конце. Это на случай прихода миши, чтоб не застал врасплох.

Кончил «Море», читаю «Города и годы» Федина.

#### *26 апреля. Среда. Стан Петра*

Опять занимался шитьём и опять карманами. Прибрал юрту, принёс льду, три раза пил чай, читал «Города и годы». Наши вернулись рано, в начале пятого. Холодно, юго-восточный ветер.

Здесь, на стане, стол с крышкой из одной доски. Смерил ширину – 63 см. Надо посчитать, сколько колец. Лиственница. Завтра еду в Хастыр я, Николай остаётся здесь. Нужно совершить ещё три поездки за грузом, последняя – одной нартой.

Сегодня последний, крайний срок выхода нашего оленного транспорта из Казачьего. До Егорьева дня осталось 10 суток.

#### *27 апреля. Четверг. Хастыр*

Приехали сегодня рано, около часу дня, хотя и выехали часов в восемь. Собаки бежали хорошо. Ветер восточный, холодный, с иглами. Наблюдал плохо выраженное ложное солнце над настоящим и два отрезка радуги, выпуклыми сторонами обращённые к солнцу. Кроме того, неясные кольца вокруг солнца.

У южного берега Малого свежие следы небольшого стада оленей. Николай, быть может, окажется счастливее меня. Что-нибудь и убьёт. Он утром хотел отправиться на охоту. Недалеко от Малого, в стороне от дороги, косо уходящая под снег дыра. Вероятно, лунка нерпы. Собаки, почуяв, видно, её, моментально очутились у лунки и ну разрывать снег. С трудом отогнали.

Погода холодная, местность здесь для охоты неудачная, оленей близко не бывает, потому сижу на стане. Собираемся пить второй чай. Перед сном же попьем ещё раз. Делать-то нечего. Остающийся груз подыдем завтра, т. е. завтра и 30-го. Таким образом, к 1 мая мы полностью порвём с Большим Ляховским. Это хорошо.

Мясо подходит к концу. От половины оленя, данного нам Охотсовхозом взаимнообразно – с отдачей на Котельном, – осталось мясо лишь на три варки. Поэтому едим его теперь через день, в приезд на Малый с грузом. Сейчас обходимся чаем. Есть немного консервов, паштет, сахар, молоко сгущённое, масло сливочное и сдобный прекрасный хлеб, изготовленный последней женщиной, встретившейся на нашем пути, – Аннушкой, в Дымной.

*28 апреля. Пятница. Стан Петра*

Утро свежее и тёплое, но потом – холодный ветер с СВ, изредка со снежком. Нагрузили нарты значительно, собаки шли небыстро. Много шёл пешком, чувствуется усталость.

*29 апреля. Суббота. Стан Петра*

Я остался на стане, остальные уехали за последним грузом на Хастыр. Потеплело, лёгкий снежок, ветер с востока. Читал «Одеты камнем» О. Форш (закончил), начал письмо Д. На охоту не ходил – болит колено. Пусть успокоится. Ревматизм.

*30 апреля. Воскресенье. Стан Петра*

За ночь выпал свежий снег. Утром ветер был восточный, сильно потеплело, к часу дня вывешенный на улице термометр показал лишь  $-0,7^{\circ}\text{C}$ . Но вскоре ветер изменился, стал северо-западным, и температура к трём часам дня упала до  $-9,5^{\circ}$ . Это хорошо. Я уж было испугался, как бы не началась оттепель.

По свежему снегу собакам будет тяжело тащить нарты. Старого следа, вероятно, совсем незаметно.

Сегодня – день гигиены. Побрился. Умывание – обтирание всего тела, смена белья. Читаю «Грань» Окунева. Продолжил письмо Д. А завтра – праздник, 1 Мая!

Направление Чай-Поварня – Ыпсы – север; Ыпсы – Хастыр – северо-северо-восток; Хастыр – Стан Петра – северо-северо-восток.

*1 мая. Понедельник. Дневка. Стан Петра*

Заготовили снова дров. Мутный, пасмурный день с ветром с СЗ. Сейчас, в 4 часа дня, температура  $-12,5^{\circ}$ .

Вчера трудный был день и для собак, и для людей. С утра солнца не было, и потому нет теней, всё одинаково бело, и не различишь ни бугорков, ни углублений. К тому же шёл снег. В такую погоду ездить скверно.

Следа, конечно, не было, шли без него. Пришли на Стан Петра поздно, в 7 часов вечера, уставшими.

Отметили праздник двумя внеочередными банками лососей к черному чаю и банкой консервированных персиков.

*2 мая. Вторник. Стан Петра*

Довольно холодно, около  $-15^{\circ}$  при порядочном восточном ветре. Доставили на Станчик одну нарту (17 кулей) кондёвки и нарту груза.

Завтра Васильев останется на Станчике для охоты на оленей – мясо-то уж сегодня прикончили, а без него плохо.

*3 мая. Среда. Стан Петра*

Утром сильный ветер, позёмок, к вечеру разъяснило, ветер утихает.

Васильев остался на Станчике. Завтра едем я, Лепчиков и Николай. Николай тоже остаётся на Станчике, т. к. на послезавтра останется лишь одна нарта груза. На сегодняшний день у нас имеется 75 кулей кондёвки, это обеспечивает наших собак на два месяца, если даже количество собак не уменьшать. В общем, с кормом для собак дело обстоит благополучно.

Холода держатся ровные, вот и сегодня термометр не поднимается выше  $-10^{\circ}$ . Пока что моё намерение организовать станцию обязательно у устья р. Решетникова не поколеблено. Думаю, что это намерение в жизнь провести сумею.

Как приятно, что через несколько дней я уже буду на Котельном! Сегодня ездил Николай, я оставался на стане.

*4 мая. Четверг. Стан Петра*

Ветер настолько силён, что решили выждать. Жаль собак, пусть отдохнут. Кончил «Грань», начал Рене Бенджамена «Необыкновенная жизнь Онорэ де Бальзака». Скверно, вынужденное безделье. Ни писать, ни читать не хочется. Составляли план будущего нашего дома в нескольких вариантах, начиная с размеров  $5 \times 6$  метров до  $4 \times 4$ .

*5 мая. Пятница. Стан Петра*

Утром ветер ослаб, а в 10-м часу и изменил направление: вместо восточного стал южным. Термометр пошёл вверх, и сегодня впервые было выше  $0^{\circ}$ . В десять показывал  $+0,2^{\circ}$ . Нарты нагрузили обычно, а путь оказался необычно тяжёл. Лёд быстро с полозьев сошёл, и очень большого труда стоило стронуть нарты с места. Ехали совсем тихо, большую часть пути шли пешком и приехали в Станчик усталые и голодные. Страшно томила жажда. Согрели чай и с громадным наслаждением выпили по паре кружек. В это время с охоты вернулся Васильев. Ничего нет, пришёл пустым. Ходил на охоту, и вчера в пургу чуть было не заблудился. Гонялся за тугутом (*тугут* – маленький оленёнок), потерял рукавицы, а тугут убежал.

Ночуем сегодня вдвоём с Лепчиковым. Коля остался на Станчике. Вернулся со Станчика на 18 собаках – выбрали лучших. Завтра возьмём последнюю нарту груза.

**День знаменательный, в бинокль я впервые увидел Котельный:  
тёмную полосу далеко-далеко на севере.**

**Торосы в прол. Санникова**

*6 мая. Суббота. Станчик, М. Ляховский*

Самое интересное это то, о чём я только что написал в письме Д. Сюда запишу выдержки из письма – не хочется писать по-новому:

«Сегодня для меня день знаменательный: я впервые увидел Котельный. Приехав на Станчик и попив чаю, я взобрался на ближайший пригорок и в бинокль стал смотреть в ту сторону, где должен быть Котельный. Вначале не увидел ничего, но потом, приглядевшись, различил на горизонте довольно ясно очерченную тёмную полосу, выступающую над поверхностью льда пролива. Слева эта полоска горбилась – мыс Медвежий, – на него мы и должны держать путь, справа тянулась ровно – это низменная восточная часть острова. Теперь Котельный – это не только кусочек карты, светлый, как и вся суша, и выделяющийся на тёмном фоне моря, не только слово, вызывающее у меня определённые представления – это уже и реальность – тёмная полоска далеко-далеко на севере. Завтра часов в 8 вечера, когда будет не так тепло, как днём, мы выезжаем на Котельный. Посередине пролива Санникова, в палатке, будем «ночевать», а утром 9-го, если всё пойдёт хорошо, мы будем попирать ногами эту полосу, сейчас ещё такую далёкую».

Со Станом Петра покончено: привезли на Станчик последнюю нарту груза.

*7 мая. Воскресенье. Станчик*

День пасмурный, туманный, тёплый. Сейчас, в 6-м часу вечера, термометр показывает лишь  $-4^{\circ}$ . Днём же было  $-2^{\circ}$ , а может, и выше (термометр вывесил часа в два дня). Часа через три надо выезжать, если исчезнет туман. Возьмём нарту груза и нарту кондёвки. Большая возня с полозьями. Лёд не держится, быстро стирается, особенно если встречаются участки с солёным снегом (они были между Станом Петра и Станчиком).

Лепчиков и позавчера и вчера распаривал полозья горячими примочками. Дело в том, что если лёд стёрся совершенно до дерева, то нужно полозья вновь долго мочить в воде – тогда лишь новый лёд будет на них крепко держаться. Если же нет возможности положить на долгое время полозья в воду, то применяют припарки: кладут на полоз намоченную в кипятке тряпку (мешок) и поливают её кипятком. Затем дают воде замёрзнуть и обычным способом, кисточкой, смачивают тепловатой водой уже несколько обледеневшие полозья. Когда мы ехали из Казачьего на

Ляховский о-в, было холодно, и вся забота о полозьях заключалась в ежедневных их смачиваниях утром, перед отправлением в путь. Сейчас же все заботы начинаются с вечера. Приехав, сразу же нужно полозья обрыть снегом. Это делается каждый раз уже с середины апреля. Затем вечером, когда похолодает, полозья смачиваются и вновь окапываются. Утром же нужно их только освободить от снега и тогда можно ехать.

С сегодняшнего дня переходим на ночную работу.

Сменили зимние камусы на летние коровьи торбасы. Внутри, правда, меховые канги, без них будет ещё холодно.

Обсуждали, как вести переброску груза с Медвежьего мыса на северный берег. Васильев внёс предложение ехать не вдоль западного берега Котельного, а вдоль восточного. Говорит, что этот путь, во-первых, должен быть несколько короче пути западного и, кроме того, нет рек, которые в тёплое время дают столько воды, что их приходится далеко объезжать. Кроме того, он говорит, что, если мы не успеем забросить груз на северный берег и он застрянет на восточном берегу, оттуда его будет легче достать оленями, чем с западного берега. Я с восточным вариантом не согласен. Путь восточным берегом короче вряд ли будет, по-моему (по карте), так даже длиннее. Чтобы избежать помехи, производимой весной речками, я предложил одной нарте работать на участке Станчик – мыс Медвежий, а второй в это же время перебрасывать груз с Медвежьего мыса на северный берег. Я думаю, это будет целесообразно. Пролив Санникова будет сух долго, и нет опасности, если несколько затянется переброска через него. Для движения же вдоль западного берега Котельного нужно пользоваться холодной погодой. Я с Васильевым буду работать на второй паре (мыс Медвежий – устье р. Решетникова), а Лепчиков с Николаем на первой (Станчик – мыс Медвежий). Охота по-прежнему ничего не даёт. Даже куропатки близко не подпускают. А сегодня, когда я отправился за ними, так даже ни одной не встретил.

#### *8 мая. Понедельник. Стоянка в прол. Санникова*

Выехали вчера в 11 часов вечера. Когда грузили нарты, был туман, когда сели пить последний чай, туман рассеялся, а когда тронулись в путь, опять всё заволочло туманом. Шли, руководствуясь компасом. Я с Васильевым на первой нарте, Лепчиков с Николаем – на второй. Пока не было торосов, всё шло сносно, но через час пути мы забрались в такие торосы, что не знали, как из них выбраться. Наши нарты на одном месте сдали – скопились копылья, пришлось возиться, перевязывать их. Иногда поверхность снега ровная, думаешь – вот здесь и проехать

будет легко, а сунемся – под тонкой плёнкой снега нагромождения льда с пустотами между отдельными его глыбами, в которых застревают ноги. Провозились в торосах больше часа. Выбрались, когда рассеялся туман. После пошло лучше, больше в такие места, где сразу семь потов теряешь, не попадались. Снега на льду очень мало, а который и есть, то солёный, и нарты идут по нему с большим трудом. В 5-м часу остановка: леденили полозья, пили чай, вскипячённый на скорую руку на маленьком костре, разложенном на печных трубах. Покормили собак и отправились дальше. Больших торосов не встречали, но снег по-прежнему солёный. Двигались медленно. Кто-либо из нас шёл впереди пешком, прокладывая след, по следу собаки идут лучше. После отдыха шли ещё три часа со скоростью 6–7 км в час. Сегодня в 9-м часу утра у большого тороса остановились «ночевать», пройдя всего около 40 км. Да, если дела и дальше пойдут так же, то не избежать ещё одной «ночёвки» в проливе.

Сфотографировал нашу стоянку. С тороса Николай с Лепчиковым в бинокль видели Котельный. Перед сном пойду взгляну. «Ночуем» в тордохе, составленном из двух палаток. Сейчас погода тихая, ясная.

*9 мая. Вторник. 2 часа дня. Вторая стоянка в прол. Санникова*

Прошли отчаянный участок пути. Выйдя вчера в 9 часов вечера, шли вначале, часа три, хорошим льдом. Попили чаю, пошли дальше и подошли к полосе громаднейших торосов, преграждавших нам путь. Ни восточнее, ни западнее не видно было чистого льда. Пустили в ход лопаты, топор, кайло. Вырубили проход, но всё же такой малоудобный, что гружёные нарты почти выносили на руках. Пока возились в торосах, спустился густой туман. Котельный до тумана был хорошо виден и казался близко. Туман же очень затруднял нам путь. Всё же лёд был не чересчур плох, и мы потихоньку продвигались. Уже сегодня в 8 час. 30 мин. встали ещё раз на отдых. Снова пили чай. Так и не дождались, когда рассеется туман. Там, где пили чай, оставили остатки дров и тронулись дальше. Собаки совершенно отказались везти. Пройдя всего каких-нибудь 2–3 км, пришлось стать на отдых. Лепчиков пешком пошёл за дровами туда, где мы их оставили. Только что вернулся. Сейчас Васильев уж спит, Николай тоже уже под одеялом, Лепчиков на улице обколачивает снег с торбасов. Все страшно устали. Можно бы написать много, день богат впечатлениями, но самое целесообразное – это лечь спать, чтобы набраться новых сил. Чай будем пить, когда проснёмся, ложимся с воспоминаниями о недавно выпитом чае. Пить всё же хочется. Беру к себе под одеяло кружку со снегом, авось растает прежде, чем я усну, хотя и сильно в этом сомневаюсь.

**Стан Делисей. Счастлив тем, что я – на Котельном.****Назад, за грузом**

*10 мая. Среда. 11 час. 30 мин. утра. Та же стоянка в прол. Санникова*

Легли вчера в 2 часа дня. Проснулся в первый раз, посмотрел время, оказалось 9 час. вечера. Завёл часы. По-прежнему туман. Снова заснул, и когда, проснувшись, второй раз посмотрел на часы, к моему удивлению увидел, что уже 8. Значит, 8 утра, значит, мы проспали 18 часов! Сначала не поверили часам, но оказалось всё в порядке: пружина сильно ослабла, значит, часы это время шли, а если бы они и стояли, то показывали бы не 8, а сколько-то больше 9-ти.

Когда вставали, внезапно залаяли все собаки. В стороне от нашей стоянки пробежало несколько оленей. Девять наших собак, гулявших на свободе, ушли за оленями. С тех пор прошло около двух часов, но ни одна пока не вернулась. Одну собаку видел недавно в северо-восточной стороне, шла, видимо, по следу, думая, что идёт к стоянке, но загородили её торосы, и больше её не видел.

Туман очень густой, солнце совершенно не просвечивает. К какому месту Котельного выходим – неизвестно.

12 часов. Вернулся Сынок. 12 час. 15 мин. Вернулся Соготох. 14 час. 15 мин. Туман несколько рассеялся, и мы увидели берег Котельного. Он совсем недалеко, думаю, не больше как в 5 км. Пока больше собак не возвращалось.

24 часа. Стан Делисей, о-в Котельный.

Сижу у камелька в уютном чистом стане и счастлив тем, что я – на Котельном. Правда, радость прибытия на Котельный помрачена потерей четырёх наших собак: кроме Сынка и Соготоха вернулись ещё три собаки. Среди пропавших две весьма хороших: Турухан и Чёрный. Есть ещё надежда, что они или придут сюда на стан до нашего отъезда, или мы, быть может, завтра найдём их на обратном пути на М. Ляховский.

Перед самым нашим отъездом с последней стоянки в проливе я взобрался на нарты и в бинокль стал осматривать горизонт: нет ли собак. Одну вскоре увидел, она мелькнула между торосами. Действительно, через некоторое время вернулся Старик, ещё издали виновато помахивая хвостом и приближаясь к нам робкими мелкими шажками. Вначале Старик мелькнул среди торосов и исчез. Я посмотрел в другую сторону и увидел несколько движущихся точек. «Идут, все наши собаки идут», – закричал я. Васильев тоже с биноклем взобрался на нарты и, решив, как и я, что это наши собаки, поднял при помощи кондёвки со-

бачий концерт на все голоса, чтобы возвращающиеся услышали и не блуждали бы по-пустому. Вдруг Николай, смотревший в ту же сторону в бинокль со своей нарты, закричал: «Да это олени!» И действительно, небольшое стадо оленей пробиралось к острову. Конечно, собачий концерт был моментально прекращён. Ветер дул с северо-востока, олени шли восточнее нас и ничего не слышали. Моментально Васильев с Николаем, захватив берданки, отправились встречать оленей. Они спрятались за торосами у оленьей тропы, проложенной недавно. По этой тропе двигалось и то стадо, которое мы увидели. Я с Лепчиковым остался у собак и всячески их отвлекал, чтобы они не увидели оленей. Последние были уже настолько близко, что количество их можно было легко пересчитать без бинокля. Олени шли двумя группами, в каждой по 7 штук, вытянувшись в линию. Когда они были совсем уж на виду, собаки увидели и залаяли. Олени остановились и повернули в сторону от нас. Раздались выстрелы, но олени побежали, ни один из них не оказался даже раненым. Если б не залаяли собаки, олени подошли б вплотную к охотникам и, по крайней мере, один остался бы на месте.

Верно, сегодня всё же почин охоты сделан: Николай застрелил куропатку, с любопытством наблюдавшую, как мы укладывали нарты. Но куропатка и олень... Разница.

Берег по прямому направлению от последней стоянки оказался в 1–1,5 км. На запад от нас увидели стан, в котором Васильев и Лепчиков узнали стан Делисей. В 17 час. 20 мин. мы поехали, а в 19 час. 10 мин. были у стана Делисей. Таким образом, мы вышли к Котельному километрах в двух-трех северо-восточнее Делисея.

Ввиду трудности пути через пролив решил на северный берег пока не ехать, а перебрасывать груз с М. Ляховского. Завтра утром отправляемся обратно, по пути будем улучшать тяжёлые для проезда места.

Бродил с Николаем по окрестностям. Осмотрели бот «Зари», на котором 30 лет назад Колчак плавал к о-ву Беннета. Пробовали ножом дерево: оказалось, время большого вреда боту не причинило, он в хорошем состоянии, и я думаю, что после небольшого ремонта он мог бы ещё долгое время служить своему назначению.

#### *11 мая. Четверг. 9 час. Стан Делисей*

Сейчас, спустившись с берега к грузу за тазом, к своей великой радости увидел Турухана и Чёрного. Вернулись, мерзавцы. Нет ещё двух собак, но те далеко не первосортны, и эта потеря меньшая, чем можно было ожидать, когда ушло 9 собак.

...

23 час. 30 мин. Станчик. Выехали с Котельного в 11 час., а в 22 час. 15 мин. были на Станчике. Собаки бежали хорошо. Два раза останавливались леденить полозья. День пасмурный, не холодный. Бывший с утра туман к 12-ти часам рассеялся. Васильев говорит, что от Станчика до Делисея 120 км. Но по моим расчётам больше 90 никак не выходит. Сегодня к вечернему чаю впервые на каждого – плитка шоколада. Пора начать его расходовать, ведь обстановка давно уж полярная.

*12 мая. Пятница. 12 час. 30 мин. Станчик*

Холодный восточный ветер. Снова меняем коровьи торбасы на оленьи камусы. Спешим, собираемся в дорогу, нужно воспользоваться холодом.

16 час. 30 мин. Станчик. В 13 час. выглянуло солнце, и решили с выездом повременить, чтобы не так скоро стереть с полозьев лёд. Сейчас пообедали: каша-лапша с маслом и сахаром и чай с клюквенным экстрактом и сухарями. Сегодня кончили последний хлеб, теперь всё пойдут сухари да сушки, пока не доставят олени муку.

*13 мая. Суббота. 18 час. Ночёвка в прол. Санникова*

Вышли вчера в 11 час. 30 мин., шли по холодку, быстро, заночевали километрах в 30 от Котельного. Печи с собой не брали, поэтому ложиться и вставать не особенно-то приятно. Чай кипятили снаружи тордоха (внутри огонь плохо горит), на костре. Мороз очень кстати, нарты идут легко, и почти всё время можно на них и самому сидеть. Сейчас по сравнению с утром потеплело, но ветер усилился. Собираемся в дорогу, через несколько часов, если не будет каких-нибудь неожиданностей (весьма уместная оговорка), придём на стан Делисей.

На Станчике осталось груза на три нарты.

*14 мая. Воскресенье. 17 час. Стан Делисей. Котельный*

Вчера во время наших сборов на ночёвке началась самая настоящая пурга, проводившая нас до самого Делисея, куда мы пришли в 1 час ночи (сегодня). Пурга нам не помешала, след остался заметен, и прошли мы без заминок. Пили чай на месте последней нашей ночёвки (в первую поездку). Около Делисея вдруг наши собаки понесли. Оказывается, сюда пришла ещё одна собака из ушедших за оленями ещё 10-го числа. Теперь недостаёт лишь одной собаки.

Сегодня утром, часа в три, когда ложились спать, ветра не было совсем, стало снова тепло. А когда встали в 11-м часу дня, то солнце грело так сильно, что снег таял весьма заметно. Сейчас вновь поднялся ветер, западный, похолодало, идёт снег.

На Станчик на этот раз я не еду, сейчас, когда есть дороги, четвёртому делать нечего. Надо сказать, что насколько в первый раз путь через пролив показался нам труден, настолько во второй – быстр и лёгок. В первую поездку мы затратили на пересечение пролива 68 часов, во вторую – 37. Разница немалая.

Николай с Лепчиковым ходили на куропаток, но опять вернулись с пустыми руками. Не подпускают. Стреляли и... ничего. Вскрыли бочку с маслом, выделили часть для тех, кто пойдёт на оленях, и часть – для текущего расходования. Масло потребляем много, если так продолжать, то, пожалуй, к зиме от 11-пудовой бочки ничего не останется. Сократить же потребление сейчас возможности нет – нет мяса, итак при весьма напряжённой работе непрерывно накачиваемся одним лишь чаем. Есть килограмм 30 рису и куль лапши, но их готовим редко, лишь при остановках на станах, да и то не всегда (лапшу варили только раз, рисовую кашу тоже лишь однажды).

Хлеб, оказывается, ещё не вышел, есть с полкуля.

Всё мудрю над грузом, сокращаю его максимально, за счёт тары – в первую очередь. Ящика с приборами больше не существует. Все самописцы распределены по разным личным ящикам. В свой выючный ящик взял два барографа, три самописца, будильник. Своих, личных, вещей у меня «кот наплакал» – бритва и т. п. помещаются в ручном чемоданчике.

Много у нас разговоров о том, сколько раз сумеем сходить на р. Решетникова с грузом. Два раза нужно обязательно: в первый раз – груз для станции и для себя и во второй – кондёвка для собак. Необходимо, чтобы весь нужный нам инструмент и продовольствие улеглись на двух нартах, а сделать это крайне трудно. Бочка масла, куль сахара, куль муки ржаной (для собак), рис, лапша, три папиросных ящика с сухарями, две английские будки, ящик с дождемерными вёдрами, защитой нифера, частями флюгера и прочим. Ящик с гвоздями и мелким плотнично-столярным инструментом, спички, компот (не обязательно), соль. Куля два-три с одеждой и обувью на лето, немного личных вещей, барометр. И, конечно, останется сейчас, весной, на р. Решетникова незавезённым: два куля сахара, аккумуляторы, часть личных вещей, книги, дохи. На двух нартах весь груз ушёл бы, если б не необходимость везти с собой кулей 10 кондёвки для собак, обеспечивающих доставку груза на р. Решетникова и возвращение обеих нартов за грузом для второго рейса.

*15 мая. Понедельник. 23 час. 30 мин. Стан Делисей*

Вчера в 9 час. вечера, проводив упряжки, отправился на Станчик, взял бердану, оделся в белый халат и пошёл к мысу Медвежьему посмотреть местность.

Погода была ясная с лёгким холодным западным ветерком. Шёл по краю берега. Много раз смотрел в бинокль в чаянии увидеть оленей, но не было ничего. На мысу увидел пасть (*пасти – автоматич. ловушки, самолосы*) на медведей, сейчас бездействующую, сфотографированную Пинегиным, участником экспедиции Седова к Северному полюсу. Знака Пинегина не нашёл. В устье одного распадка стоит вкопанный в землю столб, но никаких надписей на нём нет. Вернулся в 4-м часу утра, выпил чай. Лёг часов в 5 и проснулся сравнительно недавно, когда солнце было почти на западе. Гудел ветер, скоро затихший. Встав, разгребал у входа в сенцы снег, а потом занялся вновь «уплотнением» груза. Один из ящиков освободил. Шоколад в небольших фанерных коробках увязал в куль. Пойдёт, при возможности, в первую очередь. Его немного, около 200 плиток (точно – 194). Коробку пастилы и две коробки мармеладу увязал в другой куль – пойдут во вторую очередь. Аптечка – груз первоочередной, уложена в хорошем деревянном ящичке и совершенно сейчас не нуждается в двойной деревянной одежде. Сейчас займусь ликвидацией ещё одного-двух ящиков. Всё в них находящееся рассортирую на первоочередные и те, которые пойдут во вторую очередь.

*16 мая. Вторник. 22 час. 30 мин. Стан Делисей*

Занят «уплотнением» груза. Приготовил лёд. Но, оказалось, не совсем пресный. Скоро, вероятно к утру, должны вернуться наши со Станчика.

*17 мая. Среда. 3 час. 40 мин. Стан Делисей*

Со Станчика вернулись весьма рано, когда ещё не было 24 часов. На этот раз для переезда до Станчика и возвращения с грузом обратно понадобился лишь 51 час времени. На Станчике осталось 15 кулей кондёвки и барометр. К вечеру, если будет так же холодно, я с Лепчиком отправлюсь на Станчик за последней нартой груза. Сейчас ещё повожусь с грузом, а потом – спать. Да, ведь нужно подготовить пару писем и оставить на Станчике, быть может, они попадут по назначению раньше писем, отправляемых с Котельного.

За погодой не уследить, настолько она изменчива. Лепчиков говорит, что она так же непостоянна, «как тонкая баба в Казачьем». Не знаю, кого он имеет в виду. У меня параллельно возникло в памяти: «Сердце

красавиц склонно к измене и к перемене, как ветер мая». Однако непостоянство майской погоды широко распространяется!

17 час. 30 мин. Делисей. Собираемся в дорогу. Западный ветер со снегом. Вероятно, путь порядочно занесён. Хорошо, что холодно, нет оттепели.

*18 мая. Четверг. 7 час. утра. Станчик*

Выехали вчера в 6 час. 30 мин. вечера с приездом сюда без малого в 6 утра, сегодня. Вначале – пасмурно и холодно, к концу пути – ясно и холодно. Холодно настолько, что иногда ходьбой приходилось согревать ноги. В середине пути не пили чай, смачивали полозья.

*19 мая. Пятница. 10 час. 20 мин. «Ночёвка» в прол. Санникова*

Ушли вчера со Станчика в 9 час. вечера. Оставил там болтающейся на бечёвке целую связку писем: четыре Николая и три моих. Среди последних краткое сообщение о ходе наших дел. Адресовал его на Ляховскую станцию для передачи Шимановскому. Есть вероятность, что письма, оставленные на Малом Ляховском, попадут по назначению раньше писем, оставляемых промышленникам Котельного. Погода весьма изменчива. За тот, сравнительно небольшой промежуток времени, который мы пробыли в пути со Станчика, была всякая погода: и ясно, и пасмурно, и ветрено, и совершенно тихо, и тепло, и холодно. Сейчас ясно и ветрено.

У нас с собой печка, и потому в тордохе – благодать. Тепло и светло. Ну, нужно допивать чай.

7 час. 15 мин. вечера. Великолепно отдохнули. Погода великолепная для езды – солнечно, холодно. Нарты оледенели хорошо, пойдут легко.

*20 мая. Суббота. 1 час 15 мин. Стан Делисей*

Прибыли с Лепчиковым ровно в 12 час. ночи, т. е. час тому назад. Часть пути сократили, взяв напрямик на юрту километрах в 10 от Котельного. Здесь, на Елисее, особых новостей нет. Васильев ездил на охоту на Карга-Юрях, но оленей не встретил. Вчера, 19-го, возвращаясь с Карга-Юрях на Делисей, видел стаю туруканов, летевшую на запад. Их было около 60 штук. Николай сегодня убил двух куропаток. Ходил за ними часов шесть.

11 час. 50 мин. вечера. Весь день сильный юго-восточный ветер, утром при ясном небе, а к вечеру – при пасмурном. Холодно. Если не потеплеет, то выедем завтра днём, если же будет днём тепло, то отложим выезд до вечера. Боюсь, как бы этот сильный ветер не принёс с собой тепла.

Обед сегодня мясной, суп-лапша с тремя куропатками, консервированные груши – на второе. Наелись весьма плотно. Мяса ведь мы не ели уже три недели.

Разбил весь груз на первоочередной и второстепенный. Первого оказалось что-то многовато, сразу на две нарты не пойдёт, придётся, видно, этот первоочередной груз разбивать снова на первоочередной особой важности и на первоочередной важности не особой.

Васильев от своего предложения везти груз к устью р. Решетникова восточным берегом отказался. Говорит, что на этом пути нет дров, нужно их возить с собой, что могут помешать туманы, т. к. не всё время путь лежит у самого берега, а временами отходит от него далеко, и в туманную погоду ехать трудно. Таким образом, всё же остаётся лишь моё предложение – ехать западным берегом, и я уверен, что этот вариант пути наиболее целесообразен. Странно, почему Васильев так быстро меняет свои мнения?

*21 мая. Воскресенье. 14 час. Стан Делисей*

Крепкий сильный юго-восточный ветер. Ясное небо, холодно. Собираемся в дорогу.

*22 мая. Понедельник. 9 час. 15 мин. Орто-Стан*

Только 35 км сумели мы проехать от Делисей. До мыса Медвежьего доехали хорошо. Ветер сильный, северо-восточный. У Медвежьего у нарты Васильева копылья одного полоза выскочили из гнёзд, пришлось нарту разгружать. Оказалось, что льду на полозьях тоже нет уж совершенно: ветер смёл снег с морского льда и потому лёд полозьев быстро истирается о твёрдую ледяную поверхность моря.

Поставили тордох, вскипятили чай, благо на берегу нашлись дрова. Нарты исправили, полозья оледенили и поехали дальше. Через некоторое время, проехав километров 10–12, пришлось остановиться, леденить полозья. Нарты тяжёлые, нагружены сильно, снег «шоколадный» – с острова летят мельчайшие частицы почвы и покрывают снег, превращая его в трудно преодолеваемую нартами массу. Беда, что на всём пути много участков голого льда, обойти которые нет никакой возможности.

Второе оледенение мало помогало. Скоро полозья снова были уже безо льда. Кстати, оказалось, что Орто-Стан недалеко. Решили в нём остановиться. У самого Орто-Стана полоса мелкого тороса, занесённого снегом. Все мы сильно устали, помогая собакам тянуть. У Орто-Стана

пришлось перетаскивать каждую нарту отдельно, впрягая 20 собак. Тяжёлый был сегодня день.

Орто-Стан – просторная, высокая, светлая ураса.

19 час. 30 мин. Орто-Стан. Здесь, ввиду трудности пути, придётся часть груза оставить. С одной нарты оставим куль ржаной муки, с другой – ящик с гвоздями и различным инструментом.

*23 мая. Вторник. 12 час. дня. Близ Урасалаха*

До Урасалаха не дошли километров 6–7 и остановились на ночёвку в устье маленькой речушки. За день пройдено около 38–39 км (считаю, что Орто-Стан отстоит от Урасалаха в 35 км).

Середина пути была хорошая и, смочив нарты, мы ехали быстро, но затем дорога испортилась: лёд, снег с солью и с песком, и снова пришлось последние две сотни метров каждую нарту вывозить отдельно, запрягая по два десятка собак. Если и дальше так пойдёт, то нам с 10-дневным запасом корма для собак до устья р. Решетникова не дойти. Ведь нужно помнить, что обратный путь тоже потребует кондёвки.

*24 мая. Среда. 12 час. дня. Р. Малый Чуоралах*

Прошли около 42 км. Путь был относительно лёгок, и подмороженные нарты скользили легко. Сами не устали, и не утомились собаки. Место нашей стоянки замечательно красиво: устье речки Малый Чуоралах, а рядом – высокий диабазовый мыс. На нём можно найти почти любую краску: тут и чисто белая – снег в некоторых расщелинах, и тёмно-красная – лишайники, и серая, и синеватая, и яркая жёлтая. Утром резко потеплело, обрывистый берег покрыт струйками воды и беспрестанно слышен шум от осыпающейся породы. Сюда мы приехали хорошо, но впереди – дорога отвратительная: гряды торосов, а между ними – чистый лёд.

Как-то вечером удастся нам пробраться дальше? Торосы и бесснежный лёд видны на протяжении ближайших 10 км. Что дальше – неизвестно. Каждый день надеюсь: а вот завтра, быть может, будет хорошо, но «завтра» так же скверно, как и «сегодня».

Добыли снова малость мяса: Николай застрелил 5 и Лепчиков 3 утки у нашей стоянки (у мыса). Четырём только что закусили – сварили с лапшой, хороший суп вышел, другие четыре останутся ещё на один обед. Над мысом, когда мы с его высоты осматривали дальнейший путь, пролетела чайка – первая, виденная нами.

*25 мая. Четверг. 12 час. 40 мин. Устье р. Хос-Тёрюттях*

Васильев последний переход решил проделать не по льду, а по берегу. Поднялись по первому впадающему в М. Чуоралах с севера распадку и начали сегодняшней наш путь – путь из распадка в распадок, из речки в речку. Часто попадались участки, лишённые снега. Вначале я их сильно опасался, но, оказывается, что если нет камней, то нарты через них проходят сравнительно легко. Мох и лишайник этому способствуют. Некоторые подъёмы и спуски были весьма круты, и в первом случае мы впрягались в нарты и изо всех сил помогали собакам тащить нарты вверх, а во втором случае нарты развивали большую скорость – только-только собакам удавалось от них удирать, а мы, работая торилом и тормозя ногами, старались умерить скорость спуска.

Колесили по острову долго, прошли не меньше 50 км, но если считать по береговой линии, то мы отстоим от вчерашней стоянки только на 30 км. Я сегодняшним днём всё же доволен: обошли невозможный участок моря и продвинулись ещё на 30 км ближе к цели.

Ходил на берег моря (стоим в 1–1,5 км от него), смотрел лёд. Можно пройти лишь вдоль берега. Но и здесь, вероятно, соль, да кроме того, у берега всегда во льду трещины. Вечером, вероятно, пойдём снова островом. До Нерпалаха, по словам Васильева, осталось 4 км, если идти островом, и 5–6, если идти морем. Но островом можно идти лишь в ясную погоду, а морем можно и в туманную. Я всё же думаю, что мы пойдём островом, если даже погода ясностью не будет отличаться.

*26 мая. Пятница. 11 час. Устье р. Безбородова*

Эта река называется так на карте Воллосовича, копию с которой дал мне Ермолаев. Васильев же называет эту реку Чукотской. По карте Воллосовича Чукотской называется река, впадающая в море южнее Нерпалаха.

Сегодня проехали славно. Правда, с трудом поднялись из Хос-Тёрюттяха, но зато всё следующее время обошлось без особого напряжения. В 2 часа ночи вышли на лагуну Нерпалах. Пришли в неё с юга, попили чай и затем пересекли её на северо-восток. Понравилась мне лагуна: какая-то опрятная, просторная, светлая. Вдали, на северо-северо-западе в бинокль можно было различить знак экспедиции Толля и ещё какие-то постройки. Путь наш лежал много восточнее и посмотреть, что осталось от построенного экспедицией, не удалось. Плавника в лагуне нет совершенно. Поэтому Нерпалах, как место постройки станции, не годится, даже в том случае, если не удастся пройти к устью р. Решетникова.

Устье р. Безбородова с севера и с юга упёрто высокими каменными мысами. Участок моря, прилегающий к устью, чист от торосов, но в бинокль торосы видны на всём протяжении морского горизонта. Сейчас после чая поедим рисовой каши (один чай надоедает) и с Николаем пойдём обозрывать окрестности.

22 час. 30 мин. Там же.

Забыл записать, что за предыдущий переход прошли около 55–60 км.

Днём сегодня, после завтрака, с Николаем бродил по галечниковой косе, смотрел плавник. На постройку собрать вполне хватило бы и хватило б дров года на два. Свежего плавника сравнительно мало, всё больше старый.

На обратном пути на льду моря увидели чёрную точку. Посмотрели в бинокль – нерпа. Решили идти к ней, у нас было с собой дробовое ружьё с жаканами. Но нерпа скоро сама нас увидела и нырнула в свою дыру.

Увидели в бинокль ещё одну нерпу. Опять отправились за ней, и опять она ушла под лёд.

Намечаем пройти сегодня 40 км, оставить позади Дурное. Сегодня – последний день движения вперёд: кондёвка подходит к концу и нужно возвращаться обратно, за вторым грузом.

Днём сильно пекло солнце, на галечнике слышно, как тает снег.

Сейчас, вечером, пасмурно и тепло, идёт маленький снежок.

### **Остатки склада экспедиции Толля**

*27 мая. Суббота. 14 час. С-З мыс Котельного*

В ночь на сегодня прошли 40–45 км. Дорога прекрасная, почти без подъёмов, почти всё время по льду. Вначале – вдоль галечниковой косы устья р. Безбородова, затем речкой в оз. Дурное, поперёк озера, через небольшую косу на берег моря, к речке Дурное. В устье р. Безбородова большая юрта, называется Кенг-Стан («Большая ураса»). В устье реки Дурное – старый заброшенный, занесённый и снаружи и внутри снегом сруб, теперь промышленниками не используемый. Рядом – остатки склада продовольствия, поставленного Воллосовичем для «Фрама» (*В. И. ошибается. Склад поставлен Воллосовичем для экспедиции Толля в 1901 г.*). Стоит указатель сторон света – столб с двумя перекладинами, указывающими север – юг и восток – запад. На южной стороне столба надпись железными буквами: «D 4 Toll 90 Voll». Расположена вертикально. От речки Дурной шли морем на последний на западном берегу Котельного стан, Усук-Стан. Дальше по берегу пасти расставлены лишь на протяжении 15–20 км. По морскому

льду нарты шли не так легко: снег солёный. Всё же собаки справлялись сами, помогать тащить не приходилось.

### **Могила доктора Вальтера из экспедиции Толля.**

#### **Сегодня мне 25 лет. Скоро выезжаем на Делисей**

*28 мая. Воскресенье. Нерпалах. Западная коса, место зимовки экспедиции на «Заре».*

Выехали с предыдущей ночёвки с северо-западного мыса Котельного в 11 час. 30 мин. ночи вчера, а в 5 часов утра сегодня прибыли сюда. Осматривая остатки построек, ходил на могилу доктора Вальтера. Надпись: «*D. Hermann Valter geb 21X 1864 gest 21XII 1901*». Затем дощечка: «От команды “Зари” доктору». Оградка разрушена. Крест покосился.

Много нужно бы записать, да надо спать, прошлый раз спал лишь три часа. Подробнее обо всём придётся записать, когда будет больше времени.

Сегодня мне 25 лет.

*29 мая. Понедельник. Ураса Амбардах*

Вышли из Нерпалаха в 1 час ночи. Шли на этот раз не прежним путём, не берегом, а льдом, вдоль берега. Ко второму рейсу снег на пригорках стает и идти берегом будет нельзя, поэтому мы решили осмотреть путь льдом, насколько он пригоден. Сильно мешают торосы лишь в нескольких местах, придётся прорубать проход для нарт. Почти всюду мешают трещины во льду, всегда имеющиеся в достаточном количестве у берега, и солёный снег. Солёный снег настолько затрудняет движение, что собаки с трудом волокут почти порожние нарты. Из Нерпалаха вышли в тихую прекрасную погоду, но потом подул сильный В-Ю-В ветер, дующий и сейчас. Ночью было холодно, пришлось зябнуть, доху взял с собой лишь Васильев, днём же сильное таяние снега.

На Б. Чуоралахе пили чай. Ураса маленькая, для двух-трех человек. Здесь, на Амбардахе, чуть-чуть побольше. Нары на трёх человек.

Сегодня опять добыли 4 утки, убили в пути. Добыл Лепчиков. Я стрелял два раза безрезультатно. Сейчас утки варятся, но я думаю лечь спать, а закусить поплотнее перед отправлением в дорогу, после сна.

Заснял мыс Шилейко. Он отсюда километрах в 5 дальше к северу.

У Николая сильно разболелся глаз. Положил ему компресс из спитого чая. У меня пока что глаза оказываются устойчивыми, от сильного света не болят.

Собакам сегодня норма уменьшена: 4–5 кондёвок. Вся на исходе. Видели несвежий медвежий след.

*31 мая. Среда. 11 час. 30 мин. дня. Орто-Стан*

Вчера снова тёплый день. Все пригорки освободились от снега, и остров стал чёрным. Рано утром вчера Васильев видел одного гуся, пролетавшего на север, а днём во время пути мы увидели ещё трёх гусей, летевших туда же. Видели, тоже впервые, несколько больших чёрных птиц, которых Васильев называет «кырахи», посмотрю по книге Бялыницкого, что это за птицы. Попали под первый дождь, шедший вчера днём часа два-три. Сильный В-Ю-В ветер нас вскоре же и обсушил. Трещины на льду расширились, из многих выступила вода. Лёд покрыт множеством луж, некоторые из них настолько велики, что приходится их обходить. Спугнули трёх нерп. Снег превратился в кашу, не держит ни собак, ни людей.

Если недавно мы участки чистого льда проклинали – они скалывали лёд с полозьев, то сейчас мы их благословляем. На Амбардахе сверх полозьев набили накладки, и нарты скользят легче. Вчера ехали без отдыха 9 час., прошли около 60 км. Утром сухарей не было, ели только лапшу, это сказалось на всех: заметна усталость. Здесь же, на Орто-Стане, разбили ящик с сухарями и наелись вволю. Скоро выезжаем на Делисей. Хорошо бы найти нам промышленников Охотсовхоза и узнать от них о нашем оленнем транспорте. Сегодня пасмурно, сильный западный ветер. Вечером собакам снова пришлось лишь по 3–4 кондёвки. И это – при тяжёлом пути.

10 час. вечера. Стан Делисей.

Усталыми добрались до Делисея. Путь малоснежный, но голодные собаки шли плохо. На Медвежьем мысу брали дрова. Много пришлось идти пешком. Километрах в 8 от Делисея видел медвежий след, по всем признакам свежий. На Делисее застали людей. Пришли Горохов Николай («Никушка») с сыном-подростком и Слепцов. С ними 30 собак. Ещё двое промышленников придут позднее с 30 оленями. Нынче должны увеличить число пастей на Котельном на 100 штук, поставив новые на участке, лежащем севернее последнего стана (Усук-Стана). Таким образом, пасти приблизятся к р. Решетникова. Слепцов видел Бурцева в Муксуновке 17 суток тому назад. Олени, по-видимому, в порядке, т. к. Бурцев ничего Слепцову для меня не передавал.

Сейчас, вероятно, олени прибыли на Б. Ляховский остров.

От Абашина получил большое письмо с массой новостей. Он сам получил письмо из Якутска с пополнением штата – Бурнашевым Алексеем, приехавшим на Ляховскую станцию 19 мая. Абашин остаётся на станции до парохода. Все морские полярные станции передаются Комсевморпути. Интересно, как это произойдёт – передача такой станции, как станция

острова Котельный. Лено-Таймырская экспедиция развалилась, шхуны будут использованы для каботажного плавания. Вероятно, забросят груз и на острова. Предполагается рейс двух шхун в сопровождении «Красина» по маршруту, пройденному в прошлом году «Сибиряковым».

Нашёлся Брат, наш передовой, но он ещё в Казачьем, и, значит, к нам не попадёт. Письма из Якутска мне будут с оленями.

*2 июня. Пятница. 7 час. утра. Стан Делисей*

Отдыхаем мы, отдыхают собаки. Ветреные дни. Вчера было холодней, сегодня несколько потеплело. Дальнейший план наших действий таков: послезавтра я, Лепчиков и Николай на двух упряжках снова отправляемся на север, туда, где остался наш груз. Возьмём, вероятно, с собой по 10 кулей кондёвки на нарту, печку, аптечку, ящик (20 кило) компота, ящик сухарей и куль ржаной муки с Орто-Стана. Васильева завтра Слепцов на своих собаках отвезёт на Станчик. Васильев будет там ожидать прихода оленного транспорта и проведёт его через пролив, а затем и дальше по острову к нашему грузу.

Васильев и Лепчиков предложили другой план: Васильева отправить на Станчик для приёма оленей, нам же ожидать здесь их прихода и затем двигаться вместе с оленями — олени впереди, собаки сзади, по льду. По-моему, этот вариант был бы приемлем, если б олени сейчас были на Малом Ляховском. Они же, по мнению промышленников, вероятно, только недавно пришли на Большой Ляховский и для того, чтобы дойти до Котельного, затратят времени много, быть может, недели две. Да после прихода на Котельный им ещё нужен отдых. А весна не ждёт: на обратном пути с севера нам уж пришлось ехать по лужам. Что будет через две, три, четыре недели, на которые упал бы конец нашего пути оленями? Собаки должны были бы взять лишь свой корм, 7 собак нужно было б забить здесь и идти одними нартами. Кормёжки оленей заняли бы очень много времени, и не знаю, как бы мы добрались на север. Приняв такой вариант, мы ставили бы под угрозу всю экспедицию и, вполне возможно, загубили бы в пути оленей. На большом протяжении западный берег Котельного представляет собой громадный обрыв, и олени могут выйти на берег для пастьбы только устьями речек. А как выйдешь, если речки представляют собой буйные потоки? Лепчиков говорит о сооружении плотов, но это чепуха. Спрашиваю Васильева: пойдут ли олени гладким льдом, которого много по нашему пути до Урасалаха? Говорит: «Не знаю, может быть, пойдут, а быть может, и нет». На вопрос, что делать, если олени льдом не пойдут, — молчит. После того как Васильев пред-

ложил отправить с оленями Лепчикова вместо себя, я отношусь к его предложениям осторожно.

Вчера убили одну собаку, самого маленького и жалкого пса, не обладавшего силой, тянувшего к тому же не вперёд, а куда-то в сторону. Удивляюсь, как это Лепчиков удосужился купить такую собаку: я, мало понимающий в собаках, и то такого пса бы не купил.

Нарты обобьём железом.

*3 июня. Суббота. 10 час. вечера. Стан Делисей*

Вчера перетаскали в погреб весь остающийся здесь груз. Часть его пойдёт на оленях, часть же придётся здесь оставить на неопределённое время.

Сегодня утром Слепцов повёз Васильева на Станчик. Никушка с сыном уехал на стан Карга, вернётся за остатками своего имущества завтра. Лепчиков с Николаем обили полозья кровельным железом. Завтра ещё один день отдыха, послезавтра – в путь.

*4 июня. Воскресенье. 21 час. 20 мин. Делисей*

Последний день отдыха. Занимался мелкими починочными работами, фотографированием, охотой на куропаток (ничего не принёс), чтением очерков и рассказов Короленко. День солнечный, сейчас стало пасмурно. Вернулся со Станчика Слепцов.

*5 июня. Понедельник. 8 час. 45 мин. Делисей*

Выступаем после чая в путь. На каждую нарту приходится по 11 кулей кондёвки. Кроме того, нужно взять ящик сухарей и куль муки на Орто-Стане, а отсюда – ящик (20 кило) компота, мой чемодан с бельём и бумагой, два листа кровельного железа, печь, палатку, полотнище тордоха, 9 шестов (урагас) к нему, банку с водой, большую эмалированную кастрюлю, две банки из-под керосина для варки корма собакам, 2 дробовых ружья, бердану, чайные принадлежности и продовольствие (немного), постели и одеяла, бинокль, фотоаппарат и разную другую мелочь. В общем, получается не так-то мало. Нарты «на пробу» оказались тяжёлыми, может быть, оттого что железо ещё не очищено от ржавчины. Километр-два пути его очистят. Сегодня нужно дойти до Орто-Стана (35 км).

Здесь в подвале оставили 9 кулей кондёвки. Их возьмёт Васильев, если не все, то, по крайней мере, часть.

9 час. 45 мин. вечера. Орто-Стан. День сравнительно удачный. 35 км, отделяющие Орто-Стан от Делисея, прошли очень легко, несравнимо

лучше, чем в первый рейс. Пешком почти не шли, почти всё время сидели на нартах. Лишь первый километр был несколько тяжёл для собак – железо ещё не освободилось от ржавчины. Потом нарты полетели легко и не затрудняли пути ни грязный, ни солёный снег. Недалеко от Делисея, в местности «Ураса Байджерах», охотились на турпанов. Во время короткого отдыха собак я заметил в устье речки стаю уток. Лепчиков с Николаем живо поползли к ним. Собаки наши неистово лаяли. Лепчиков выстрелил и убил пару. У Николая – осечка, стрелял, переменяв патрон, но было уже поздно. Как красивы самцы-турпаны! Я не ожидал встретить таких красивых уток. Видели за день 8 нерп. Охотились на трёх, сначала Лепчиков – на одну, потом Николай на две сразу. Стреляли, но нерпы ушли.

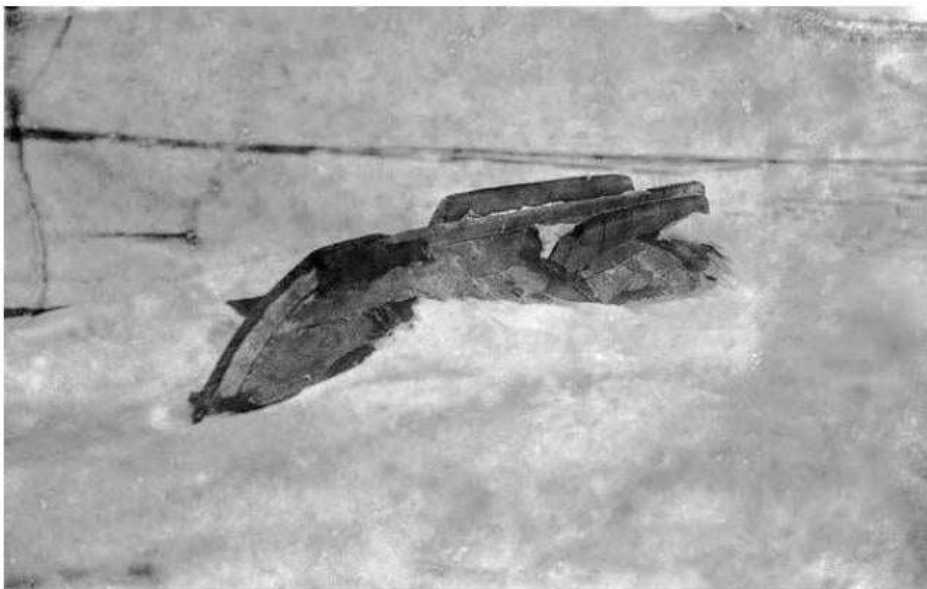
У малых нарт, идущих позади, здорово содралось железо с полозьев. В полозьях есть гвозди, и в тех местах, где они выпирают, железо быстро прорвалось. Большой наш промах: оставили оленному транспорту (ещё на Волок-Стане) хорошее толстое кровельное железо, а с собой взяли тонкую дрянь. Сейчас ремонтируем, заменяя прорванные места новым железом.

Варим на ужин чира, присланного Аммосовым, нашим проводником, через Слепцова. Турпаны – в другой раз.

*7 июня. Среда. 23 час. 40 мин. Урасалах*

6-го числа ничего не удалось записать, т. к., выехав в 11.30 дня с Орто-Стана, остановились на ночлег лишь сегодня в 3 часа утра. Удачной езде пришёл конец. Железо быстро снашивается, и нам в пути между Орто-Станом и Урасалахом пришлось три раза ремонтировать обивку. Пока железо цело, нарты идут очень легко и по льду, и по снегу, но как только железо чуть задержётся – беда, оно режет лёд и нарты идут с трудом. Чтобы не сорвать всего железа и не утомить собак, приходится останавливаться и, разгрузив нарты, приниматься за ремонт. Запасы железа подходят к концу, и мы решили на «железном ходу» оставить одну нарту, большую, а другую нарту перевести на дерево. Сейчас один полоз уже изготовили, для другого материал Лепчиков тоже нашёл, нужно его обработать.

Вчера часто встречались нерпы. Собаки, почуяв их запах, несли нас, не слушая никаких приказаний. Ни «тях-тях», ни «мере-мере», ни «той-той» на них не действовали, и мы моментально оказывались у какой-нибудь трещины. Дважды чуть было не пострадали собаки. Добежав до трещины, они внезапно останавливаются и сбиваются в кучу, обнюхивая место, где была нерпа, нарта же с разгона налетает на



*Бот Колчака*



*Стан Урасалах на о-ве Котельный*

---

них. Одна трещина была особенно широка, около метра, и наше счастье, что собаки принесли нарты перпендикулярно трещине. Не то – быть бы беде. На льду остановить собак нет никакой возможности.

*8 июня. Четверг. 23 час. 50 мин. М. Чуоралах*

Оказывается, что хорошей езде конец не пришёл. С тяжёлым сердцем собирались сегодня в путь, полагая, что нарты «на деревянном ходу» поползут улиткой, что придётся помогать собакам их тащить, что хорошо бы пройти километров 20. А поехали и... моментально «деревянный ход» догнал «железный», и Николаю постоянно приходилось прилагать немалые усилия, чтобы остановить своих собак (он ехал «на деревянном ходу») и не дать им обогнать переднюю упряжку. Мне с передней пришлось пересест на заднюю, чтобы уравнять скорость езды. А мы-то перед выездом куль муки переложили с деревянных нарт на железные. Пришлось мне собою заменять куль муки. Выехали в начале 7-го вечера, а в начале 10-го были уже на М. Чуоралахе. День сегодня тёплый, впервые с момента нашего выезда из Делисея много воды. Железо на передней нарте сегодня не ободралось.

Тордох наш стоит на прекрасном месте: мелкая сухая галька. Внутри сухо, чисто, тепло и уютно.

Два раза были здесь гуси, но близко не подпускают, улетают.

*11 июня. Воскресенье. 1 час. Устье безымянной речки у мыса Северного*

Пока на печке варится гусь, запишу о нашем продвижении за последние дни. 9-го не повезло с погодой. Теперь нам нужней погода тёплая, как была 8-го, а тут снова стало холодно. С первых же шагов стало задираться железо, и мы еле-еле дотянули до Б. Чуоралаха. Там пили чай и чинили железо. Николай отправился за гусями, и ему одного удалось убить. Это второй гусь. Первого гуся в тот же день застрелил Лепчиков на М. Чуоралахе. После ремонта пошли дальше и опять к Хос-Тёрюттяху подходили с трудом, с порванным железом. За день прошли около 30 км.

10-го – переход Хос-Тёрюттях – мыс Северный. У мыса Северного убили маленькую нерпу, кило в 20–25. Добыча досталась совершенно случайно. У мыса собаки наши круто повернули вправо к берегу и собрались в кучу, разнюхивая трещину во льду. Когда мы их разгоняли, Николай вдруг закричал: «Нерпа, нерпа». И верно, шагах в 15–20 от нас из трещины высунулась голова нерпы. Наши собаки рвались изо всех сил. Лепчиков хотел было броситься к ружью, как вдруг надобность

в нём миновала. Одна из собак нашей упряжки в момент перекусила алык (*алык – оленья и собачья лямка, часть упряжи*) и оказалась на свободе. Через минуту она уже держала в зубах нерпу, ухватив её ниже головы. Лепчиков выбросил нерпу из трещины, и осталось лишь ударить её торилом (*торил – короткая толстая палка с острым концом для торможения собачьей упряжки*) по голове. Следовало бы собакам выдать объявленную премию – две плитки шоколаду за первую убитую нерпу. Бедный же пёс не чувствует, что ещё сегодня вечером его ждёт участь нерпы: он будет убит торилом, т. к. включён в число собак, подлежащих забою.

Сильный юго-восточный ветер, дувший последние два дня, сменился во время переезда к мысу Северному на восточный, принёсший потепление и снег. Снег идёт усиленно вот уж несколько часов. Он должен облегчить остаток нашего пути: покрывает голый лёд и солёный снег.

*13 июня. Вторник. 1 час. 50 мин. С-3 мыс Котельного*

Наконец добрались до нашего груза. Последние два перехода были трудны. Снег шёл в течение полутора суток и толстым слоем покрыл все окрестности. Когда 11-го числа вечером мы тронулись в путь, то собаки сразу пошли с трудом. Нарты вязли в снегу, шли вкривь (плохо связаны) и пахали снег словно плугом. Снег падал и во время нашего перехода к мысу оз. Дурное и, закрывая мглой солнце и горизонт, заставил нас порядочно дать крюку. Дойдя до мыса Дурное, пили чай. Мимо мыса шли по торосу, иногда довольно редкому, среди которого нетрудно было найти удобный проход, а иногда по частому, сплошному торосу, утомлявшему всех – и людей, и собак. У конца мыса – неприятное приключение. Во время перехода через трещину под Николаем кромка льда обломилась, и он провалился. Удержался руками за лёд. Видны были лишь его руки, плечи и голова. Я был далеко, кондёвкой манил собак, побуждая их прыгнуть через трещину, и Николая вытащил Лепчиков, шедший с ним вместе. Вымок парень до пояса. Невдалеке, достигнув косы озера, остановились на ночлег.

Поставили тордох, и Николай полез под одеяло отогревать ноги. Ноги стали зябнуть, сам же он не мёрз, а в мокрой одежде пробыл около двух часов. Дал выпить согревающего – баночку (планктонную) коньяку.

С ночёвки на косе оз. Дурное вышли 12-го в 17.30. Держим прямо на наш груз. Погода в начале пути тёплая, к концу пути сменилась холодной. Налетел туман, и сразу пришлось одеться теплее. Лёд всё время ровный, покрыт снегом, ставшим уже крупенчатым и не так

прилипавшим к нартам. В предыдущий переход на остановках снег так сильно прилипал к полозьям, что иногда вдвоём не было возможности сдвинуть нарты с места. Приходилось счищать снег с полозьев ножом, и лишь тогда нарты начинали скользить.

Груз оказался цел и невредим. Мы сильно опасались медведей. Медведь мог бы причинить немало неприятностей, придя к грузу во время нашего отсутствия.

Придя на мыс, после чая забили шесть самых плохих собак. Осталось 24 собаки. Будем кондёвку варить с ржаной мукой. Доставили сюда 11 кулей кондёвки из взятых 22-х. 11 скормлено в дороге. Кондёвка – сплошная каша. Из кулей течёт, всё, что к ней прикасается, покрывается жёлтой вонючей жидкостью.

Два-три дня – отдых, после чего начнём переброску груза дальше на СВ, к устью реки Пшеницына.

Последние два чая в пути были без сахара и масла, не хватало ни того, ни другого. Приятно было, придя сюда, вновь пить чай с сахаром и маслом. А после чая – каждому по плитке шоколада «Юбилейный».

*14 июня. Среда. 23 час. 45 мин. Мыс СЗ*

13-го во время нашего сна был сильный южный ветер, после которого долго шёл мелкий дождь. К вечеру стихло. В тордохе, под шкурами, озёра воды. Пришлось класть плавник и спать на нём. Всё подмоченное сушили сегодня на солнце, благо погода была чудесная: солнце и слабый тёплый ветерок. Сейчас стало пасмурно и хмуро. Вечером вчера с Николаем ходили к северу, вдоль по берегу. Убили одну куропатку. Смотрели на мыс речки Пшеницына, что виднеется вдали, километрах в 30. Невдалеке увидели нерпу. Она, очевидно, лежала у трещины. С нашей стороны рядом с нерпой был торос. Место чрезвычайно удобное для подкрадывания. На обратном пути я решил отправиться за нерпой, взяв на стоянке бердану (мы ходили с дробовым ружьём). Но когда я, выпив кружку чая, вышел из тордохы, чтобы идти за нерпой, увидел, что все окрестности закрыты внезапно налетевшим туманом. Пришлось остаться дома, в тумане всё равно ничего не увидишь. А я-то мысленно уже ел две премиальные плитки шоколада.

В свободные минуты читаю книги. За прошлую ночь кончил «Братья Шелленберг» Келлермана и вновь прочёл «Река играет» Короленко. Сегодня буду в постели читать Короленко «В пустынных местах» и, быть может, рассказы Зоценко. Завтра утром отправляемся дальше, к мысу р. Пшеницына.

В бинокль видно, что в стороне от берега море чисто от тороса. Вечером к чистой полосе я проложил след, чтобы завтра лучше прошли собаки.

*16 июня. Пятница. 2 часа. СЗ мыс о-ва Котельный*

Полтора часа назад вернулись из поездки к устью р. Пшеницына. Выехали с нашей стоянки в 9 час. 30 мин. утра. Погода пасмурная, но видимость хорошая. Взяли направление прямо на видневшийся вдали мыс. Несмотря на мягкую погоду, нарты шли не очень легко, и всё время одному из нас приходилось шагать впереди собак. В третьем часу дня стали подходить к мысу. До мыса поверхность моря была гладкая, и немногие редкие торосы езде не мешали. У мыса же картина изменилась: пошли почти сплошные торосы лишь с небольшими полянками чистого льда. С полянки на полянку мы и перебирались. Васильев перед отъездом с Делисея на Станчик рассказал мне, что у мыса речки Пшеницына есть длинная коса, уходящая в море. Мы её не встретили. Правда, дальше устья р. Пшеницына мы не пошли, т. к. всё равно ничего нельзя было увидеть из-за навалившегося тумана. С трудом дошли до устья р. Пшеницына. Устье оказалось узкое, с небольшой галечниковой косой, запирающей речку и весьма бедное плавником. Здесь возможности поставить станцию нет никакой. Теперь, если мы не найдём в море уходящей косы, о которой Васильев говорил как о месте, богатом плавником, то мы вынуждены будем сложившимися обстоятельствами пробираться к устью р. Решетникова, чтобы там строить станцию. Когда я увидел, насколько бедно плавником устье р. Пшеницына, у меня упало сердце: не будет ли такая же картина и в устье р. Решетникова?

Уезжая, мы с собой ничего из съестного не захватили. Поэтому немудрено, что, возвращаясь уже ночью обратно, мы с Николаем гастрономические темы постоянно затрагивали в наших разговорах. Утром с новым грузом нужно опять идти к р. Пшеницына. Теперь так долго не провозимся, дорога через торос проложена. И, конечно, достигнув речки, будем пить чай.

**Устье р. Пшеницына. Доставили сюда последние две партии груза. Безымянная река**

*18 июня. Воскресенье. 23 час. 30 мин. Устье р. Пшеницына.*

16-го сюда, к устью речки Пшеницына, с одной нартой груза ездил я с Николаем. Лепчикова оставили «дома» варить собакам корм. Взяли 16 собак, выбрали наиболее здоровых – у большинства болят ноги. В начале пути собаки «валяли дурака», не хотели идти, и пришлось всё

время их понукать. Было холодно, снег снова замёрз, и бедные больные лапы спасала лишь гладкая колея вчерашнего пути. По ней они и старались бежать. В конце концов потянули нарты ровно и спокойно. Но всё же весь путь, исключая лишь последние торосистые километры, одному приходилось идти впереди. Шли поочерёдно, меняясь через час. Один раз нарта в торосистом месте опрокинулись, но мы легко её подняли, и дальнейший путь прошёл безо всяких приключений. Привезя груз, пили чай и поэтому на обратном пути разговоров о рисовой каше, которую варил Лепчиков, было мало. Снова собаки сначала чуть-чуть шевелились, снова бежали ровно и спокойно остальную часть пути. Вчера, 17-го, доставили сюда последние две партии груза – кондёвка, тордох, постели. Снег был мягкий, много воды на льду (вблизи берега), но мы основательно зябли. Речку Пшеницына нашли сильно вздувшейся и готовящейся прорвать загораживающую море галечниковую косу.

Сегодня, встав, принялись за переброску груза на новое место. Речка грозила вот-вот нас отрезать от участка пути, который нам предстоит ещё пройти. Приехав в первый раз, мы немного недосмотрели: нужно было проехать метров 100 дальше, и тогда избежали бы мы лишней работы. Впрочем, перебросились быстро, дружно, работая на одной нарте. Перевезли всё за четыре раза. Речка к вечеру уже стала просачиваться сквозь гальку. Скоро она прорвёт косу и быстрым потоком потечёт на морской лёд.

Лепчиков видел на берегу, недалеко отсюда, свежие медвежьи следы.

Завтра наши собаки будут отдыхать, а послезавтра на порожней нарте нужно отправляться к устью р. Решетникова. Как приятно осознавать, что оно уж недалеко, в каких-нибудь 40–50 км.

Все последние дни дует сильный пронизывающий ветер, то с дождём, то со снегом. Сейчас дует с запада, а вчера дул с востока, юго-востока.

#### *20 июня. Вторник. 22 часа. Устье безымянной речки*

Оказывается, что живём мы не в устье речки Пшеницына.

Р. Пшеницына расположена дальше к северо-востоку, километрах в 15 отсюда. Разыскал я её вчера, отправившись посмотреть состояние пути к р. Решетникова. Километра 2–3 отойдя от нашей стоянки, увидел уходящий вправо залив. Выбрался на берег и с его высоты в бинокль увидел большую губу, устье речки и длинную-длинную косу. Хотя до косы было и далеко, но я всё же туда отправился. Обрадовался, увидев, что на косе немало плавника, и плавник-то всё здоровый, свежий, и среди него много брёвен, пригодных для стройки. Больше часа шёл вдоль

косы, но конца её различить так и не мог. К этому времени порядочно устал и решил идти обратно. До дома дошёл за 4 часа, вернувшись уже в 2 часа ночи. Устье р. Пшеницына мне очень понравилось. Местность открытая, с широким морским горизонтом, много плавника. Т. к. для собак корма нет, чтобы продолжать путь к р. Решетникова, полагаться же на оленей и ожидать их – рискованно, мало того что мы можем загубить оленей, но мы ещё можем опоздать и со стройкой, – я решил организовать станцию в устье р. Пшеницына.

Сегодня туда не ездил, поедem с Николаем завтра. Собак сегодня трогать жаль: вчерашнее варево – кондёвку с мукой – их желудки не приняли, вырвало почти всех собак. Завтра выберем место для станции и будем перевозить туда груз. Сегодня по-прежнему холодно. Ветер слабый. Снег не тает.

### **Выбор места для станции, начало наблюдений, строительство склада**

*21 июня. Среда. 21 час. 45 мин. Устье безымянной реки*

Утром, взяв нарту груза, на 16-ти собаках отправились к устью р. Пшеницына. Дорога почти без торосов, и до косы доехали быстро. Привязав собак, отправились осматривать то место берега, где он примыкает к косе. Прошлый раз я внимательно его не осмотрел, а сейчас же нужно было решать, годно оно для станции или нет. Берег от косы поднимается несколько круче, чем было бы это желательно, но всё же стройматериалы наверх затаскивать можно без особых затруднений. Взойдя по небольшому подъёму, попадаешь на горизонтальную поверхность. Тундра, камней нет, мох да трава. Здесь очень удобно поставить дом, кладовую, метеоплощадку. Рядом – небольшой распадок, его можно подпрудить – будет вода. Море и губа примыкают к мысу, где мы намечаем станцию, с трёх сторон. Получается полуостров. Вид с него открыт почти во все стороны.

Ездили и на дальний конец косы. Он оказался не близко, километрах в 12-ти. На всём протяжении коса покрыта плавником, местами довольно густо, местами редко. Ближний конец – новый плавник. Дальний конец – старый плавник. Старого плавника на дальнем конце много. Место для станции у дальнего конца менее удобно: длинный склон, пришлось бы ставить и дом, и площадку на склоне. Со стороны моря – торосистая полоса. В 3–4-х км от берега на север, северо-запад и северо-восток видно открытое море с плавающим в некоторых местах льдом. Открытое море я видел в бинокль ещё 19-го числа с берега, почти от нашего тордоха. Ставить станцию решили у ближнего конца косы.

*22 июня. Четверг. 21 час. Устье безымянной реки*

Ветру конца-краю нет. Сейчас, когда я пишу, он треплет наш тордох – думаешь, вот-вот сорвёт его с места и унесёт в море. А вдобавок к ветру пошёл ещё и дождь, и во многих местах тордох «дал течь». Хорошо, что мы с Николаем успели вернуться до дождя из поездки к устью р. Пшеницына. Свезли туда ещё одну нарту груза и вчерашний груз подвезли к месту организации станции. Чёрт возьми этот дождь, он хлещет как раз по той стороне тордоха, где сплю я, и прошивает его насквозь. У Лепчикова и у Николая сухо. Страдаю лишь я. Погодите ж, повернёт ветер, будет и на моей улице праздник.

*23 июня. Пятница. 23 час. 45 мин. Устье р. Пшеницына*

Ночью я вымок основательно. Утром вылез из постели, словно из ванны – весь мокрый. Пришлось менять бельё. Матрац сейчас висит вдоль печи – сушится, сплю на дохе. Шкуру прикрепил к тордоху снаружи с подветренной стороны – авось всё же будет сохнуть, хотя каждую минуту мелкий снег сменяется мелким же дождём. Сегодня на двух нартах взяли остатки груза и теперь окончательно переселились к устью р. Пшеницына. Конец езде! Надоело, начнём работу созидательного порядка.

Все 15 км от безымянной реки до устья р. Пшеницына – одна сплошная лужа воды. Ещё вчера днём почти весь лёд был бел от снега, сегодня же он зелен – покрыт водой. Ичаги протекают, и потому ноги к тому времени, когда был готов тордох, окоченели здорово. Теперь, когда ехать уж никуда не нужно, можно позаботиться и о некоторых удобствах. После чая все мы принялись усовершенствовать наше жильё. Лепчиков с Николаем сделали себе постели из деревянного настила, я же устроил себе ложе каменное, из плиток песчаника и сланца. Плитками же выложили весь пол в тордохе, и сейчас он имеет опрятный, уютный вид. С завтрашнего дня начнём работы по установке будок, дождемера, флюгера и пр. С 1 июля мы должны начать наблюдения. 1 июля наша станция должна быть открыта.

*24 июня. Суббота. 23 час. 50 мин. Устье р. Пшеницына*

Холодно, ветрено. Пытался фотографировать, но больше одного снимка сделать не удалось – коченеют руки. Отобрали в плавнике 8 чурок для стоек (к английским будкам). Николай вытесал их, сделал четырёхгранными. Завтра будет строгать, сегодня готовил верстак для работы. Сшили вместе 18 кулей, не поря их, – это будет замена той палатке, которая сейчас закрывает наш груз. Завтра мы её превращаем в «на-

блюдательский отдел». Нужно разбираться в грузе, и абсолютно нет места, где бы можно было расположиться.

*25 июня. Воскресенье. 23 час. 45 мин.*

Наконец-то почти безветренный день. Мы даже как-то легче дышим. Приятно на улице работать, когда не пронизывает ветер, когда одинаково легко ходить в любом направлении. Утром было солнце, после 12-ти – туман, пасмурно, а к ночи, поздно вечером, – ледяной дождь.

Изготовили шесты для палатки. С ними дело обстоит не так просто, приходилось колоть плавник, достаточно тонких нашлось мало. Поставили «наблюдательский отдел» – палатку турецкого типа. Пока «наблюдательская», правда, служит кладовой – туда мы снесли всё, что более или менее боится сырости, – но в скором времени она будет использована и по назначению. Выстрогали восемь стоек. Варили корм для собак, кормили их сейчас лишь в нечётные дни. Корму хватит до 13 июля включительно. На этот день приходится последняя кормёжка. Васильев, по уверению Лепчикова, вот-вот должен с оленями прибыть, но я полагаю, что он будет здесь числа около 5-го. Он должен взять с собой несколько кулей кондёвки из числа тех девяти, что оставлены на Елисее. Тогда с кормом вновь станет легче. Расходуем на одну кормёжку полкуля кондёвки и некоторое количество ржаной муки.

*26 июня. Понедельник. 23 час. 35 мин.*

Опять тихий день. Днём немного шёл снег, сейчас совсем тихо, горизонт чист. Разбирал груз, освободил обе будки. Бельё немного отсырело, часть его нужно сушить. Закончили стойку для психрометрической будки. Стойка вышла весьма хорошая: довольно аккуратно изготовленная и, кроме того, весьма устойчивая. Ветер будке страшен не будет. Книзу стойка несколько расширена – это увеличивает её устойчивость. Лепчиков выкопал четыре ямки по 50 см для стойки. Земля (суглинок) идёт лишь до глубины 42 см, дальше – сплошной лёд. Установили в будке термодержатель. Завтра будку водрузим на приготовленный для неё пьедестал.

Утром Лепчиков разобрал малые нарты. Между делом, пока копал ямы для стойки, убил пару куропаток. Поэтому сегодня ужин у нас мясной: суп-лапша с куропатками.

*27 июня. Вторник. 22 час. 30 мин.*

День сравнительно хороший, без сильного ветра. Солнце показывается временами. Беспокоят вопросы со временем: скоро кончим установку

приборов, можно дня через три начинать наблюдения, но нет ясной погоды, нет возможности проверить часы. Как бы из-за пасмурной погоды не пришлось откладывать открытие станции.

Продолжал разборку груза: белья, канцелярских принадлежностей, бланкового материала и пр. Отобрал термометры для работы. Николай закончил изготовление стойки для второй будки. Вкопали её в вырытые Лепчиковым ямы. Вечером мы с Николаем установили психрометрическую будку. Будку для самописцев поставим завтра. Завтра же нужно заняться и установкой дождемера.

Перед сном читаю инструкцию для метеостанции 2-го разряда. Нужно обновить в памяти то, что знал раньше.

Есть надежда, что завтра будет хорошая погода: сейчас над головой синее небо и солнце, хотя и через туман, но всё же светит.

*28 июня. Среда. 23 час. 30 мин.*

Холодный, ветреный день. Лепчиков весь день занимался разборкой второй (большой) нарты. Я с Николаем установил «салазки» в будке для самописцев, для чего потребовалось довольно изрядное время, поставили будку на стойки, вкопали столб для определения полуденной линии. Будка для самописцев не увеличенного, а нормального размера, поэтому менять ленты на них будет не особенно легко. Нижний самописец придётся снимать со своего места и менять ленту на барабане, поставив самописец на край будки. Второй самописец хотя и будет стоять над первым на «салазках», но катать его на этих «салазках» всё равно смысла нет: они коротки и потолок будки не даёт возможности откинуть крышку самописца. Крышка приоткрывается лишь на небольшой сравнительно угол. Это затруднит нас изрядно в холодное ветреное время.

Улахан-ыт – самая большая наша собака – вот уж почти сутки как ведёт себя весьма подозрительно: беспричинно лает, почти не ложится, зла, ест свой помёт. Боимся, не заболела ли. Если взбесилась – придётся пристрелить. Завтра, вероятно, выяснится, посмотрим, как она поведёт себя дальше. Жаль её: это одна из лучших наших собак.

*29 июня. Четверг. 23 час. 45 мин.*

Сегодня повезло невероятно: целый день сияет солнце, и удалось по нему установить часы. Оказалось, что то время, которым мы пользовались, отставало на полтора часа. Проверил часы так: поставил по уровню ящик (со спичками) с наколотым на его крышку листом бума-

ги с прочерченными циркулем концентрическими кругами. В центре кругов вставил гвоздь без шляпки, острием вверх. Тень от гвоздя до двенадцати, укорачиваясь, пересекла один круг (я отметил время), после двенадцати, удлиняясь, пересекла его снова (снова отметил время). Время, соответствующее середине между двумя пересечениями кругов – 12 часов дня по истинному местному времени. Ввёл поправку в три минуты по таблице и получил среднее местное время. Завтра, если будет такой же ясный день, проверю часы снова, на этот раз постараюсь сделать так, чтобы тень от шпильки (гвоздя) пересекла не один круг, а несколько. Возьму среднее, получится точнее.

Сейчас небо безоблачно, есть надежда, что и утром будет ясно.

Сегодня собрали и установили дождемер, промыли дождемерные вёдра и поставили их на ночь с водой – проверить на течь. Установили столбик для Ассмана (психрометр). К будкам Ассмана, ну и к дождемеру поставили «лесенки» – простые толстые чурки, с которых удобно орудовать приборами. Настоящие лесенки сейчас изготавливать нет времени, установим их позднее.

Пустил в ход на ночь два гигрографа и два термографа. У одного гигрографа перо будет писать вне ленты (ниже её), нужно будет винтом ослабить натяжение волосяного пучка.

Улахан-ыт ведёт себя скверно: грызёт камни, разрывает гальку и гложет лёд, что лежит под ней. Сейчас, вечером, ведёт себя спокойнее. Днём вылил кашу из кондёвки и муки, не стал её есть. Ещё вчера вечером отделили его ото всех собак и посадили на цепь.

Посмотрим, что будет завтра.

Николай вечером в бинокль в километрах двух-трех от стоянки вдоль косы увидел 11 нерп. А мы все опасались, не видя нерп, что наше место безнерпичье. Правда, сейчас нет времени заниматься охотой, но в будущем, быть может, и придётся.

### *30 июня. Пятница*

Утро было ясное, но поверка времени не удалась: поймал пересечение тенью четырёх кругов, но в одном лишь направлении. После 12 часов стало пасмурно, и вся моя возня пропала зря.

Высушили подмоченное в пути бельё. Проверил ход часовых механизмов у самописцев, отобранных для установки. Собран и установлен флюгер. Высота над поверхностью земли 6 м 30 см. Вкопан в землю на 1 м 20 см. Прибиты поперечные планки для влезания. Изготовили и поставили в «наблюдательской» временный стол. Установлены

гигрометр и термометры в психрометрической будке. Приготовлена снеговая вода для смачивания термометров.

Бедный Улахан-ыт пал сегодня утром. Похоронили в трещине у берега.

Сейчас, к ночи, сильный юго-западный, дувший днём ветер стих. Снова ярко светит солнце.

А завтра – поднятие флага – открытие новой станции, станции острова Котельный.

Первую очередь дежурства беру на себя.

### **Официальное открытие полярной станции на о-ве Котельный.**

#### **Котельный впервые увидел на себе красный флаг.**

#### **Завёл «Журнал станции». Поймал солнце и проверил часы**

*1 июля. Суббота*

Великолепный тёплый день. Таких тёплых ещё не было. Встал под звон будильника, висящего над головой, в 6 часов. Ведь сегодня – день значительный – первый день работы нашей станции.

Утро чудеснейшее. Почти тихо. Прозрачный, тихий воздух. Я с удовольствием вожусь с Ассманом, с термометрами, анероидами. После первого наблюдения будильником же бужу Николая и Лепчикова. Море сплошь покрылось надлёдной водой. Белеют лишь вдали торосы. А за торосами видно открытое море. Оно прослеживается даже без бинокля на всём протяжении видимого морского горизонта. Трещины у берега расширились. Из-за сплошной воды на остальной поверхности льда трещины незаметны.

Днём поставили флагшток, подняли флаг. Котельный, вероятно, впервые увидел на себе красный флаг. После обеда Лепчиков с Николаем отправились на охоту. Николай на плоту, по губе, Лепчиков по берегу. Вернулись вечером, принесли одну утку (анга). Убить удалось Николаю. Попив чаю, Лепчиков снова отправился на охоту.

На обед по случаю открытия станции – две банки ивасей и банка стущённого молока. Приятная неожиданность для тех, кто не знал о том, что я эту маленькую толику консервов припрятал. Берёг специально для открытия станции. Есть ещё в запасе банка фруктовых консервов. Наблюдения в шесть сроков: 7.00; 10.09; 13.00; 19.00; 21.00. и 22.09.

*2 июля. Воскресенье*

Лепчиков вернулся в 3 часа утра, принёс одну утку. Сейчас, утром, она варится в ведёрке, скоро попробуем, что за птица «анга» с гастрономической точки зрения.

День холодный, туманный, почти во все сроки отрицательная температура. Смоченный термометр упорно показывает более высокую температуру, чем сухой, хотя я настойчиво купаю его шарик в теплой воде (комнатной). Гигрометр стоял около часа, между 17.15 и 18.27 часами.

Ночью был сильный морозящий туман. Туман был и в первый срок, и в промежуток между первым и вторым, и во второй, и рассеялся лишь к вечеру.

На море перемен не замечено. Сегодня был занят вычислением таблиц поправок для обоих анероидов, наблюдениями и установкой плавника для просушивания. Лепчиков точил пилу, после чего с Николаем заготовили 3 бревна для дома и 20 для склада. Подняли их на подставки для просушивания. Все эти брёвна – в нескольких минутах ходьбы от тордоха. Дом решили рубить размером 5×6 м, склад 3×4,5 м.

Утром Николай сколотил доску для определения полуденной линии. Нужно её установить на столб.

### 3 июля. Понедельник

Утром на плавающее в губе ледяное поле села большая стая морянок (*морянка – полярная птица семейства утиных*). Николай на плоту отправился их добывать. Застал их спящими на солнце и «промыслил» пять штук. Сейчас снова варятся утки, по штуке на человека, да две остались ещё про запас.

Пытался проверить время – утром сквозь тонкие ст светило солнце, но из-за этих же вот стратусов, постепенно сгустившихся, проверка не удалась.

Утром Лепчиков варил корм собакам. После обеда втроем отправились на заготовку брёвен. Попилили и поставили на просушку 20 брёвен для дома и 17 для кладовой. Таким образом, за два дня подготовили 60 брёвен.

В ночь на сегодня шёл мелкий дождь. В дополнительное наблюдение (10.09) при слабом тумане была видна радуга. Низкая, широкая, белёсая, едва заметно окрашенная на фоне тумана. Туман появлялся и исчезал почти всё время с утра и до 21 часа. Иногда он был морозящим. В 21 час шёл мельчайший, крупинками, едва различимыми глазом, не то ледяной дождь, не то снег. Пометил в книжке, как 0 градусов.

Гигрограф работает с перебоями, останавливается. Заменял в 13 час. другим, но этот вообще отказался ходить при сырой погоде (а в палатке – идёт) и вечером, в 22.05 пришлось снова поставить прежний. Вероятно, нужно прочистить оси, но нет для этого керосина.

Ассман при отрицательных температурах не даёт нужных результатов: несмотря на точное выполнение всех указаний инструкции, смоченный термометр показывает постоянно температуру выше сухого. Смотрел батист. Он поставлен не то на заводе, не то в ГГО (*Главная геофизическая обсерватория*). Оказывается, почти двойным слоем он облегает шарик. Уменьшил ширину батиста, но всё же не получил нужного результата: в 21 час. снова смоченный, на 0,5 градуса показал выше сухого.

Психрометр Августа работает нормально.

#### *4 июня. Вторник*

Завёл сегодня «Журнал станции», вписал в него весь ход нашей работы, начиная с моей экскурсии сюда 19 июня. Сюда же вносим все дополнительные наблюдения над погодой и морем. Теперь не знаю, что и писать в свой дневник. Повторять написанное в журнале – жаль время. Остаётся больше для своего, личного. Но о личном – потом, позднее, когда будет соответствующее настроение.

Заготовили сегодня ещё 52 бревна.

#### *5 июля. Среда*

Первая охота на оленей в районе станции. Утром во время охоты на уток Николай увидел важенку с тугутом. Николай с Лепчиковым, взяв 16 патронов на двоих, отправились на охоту. Вернулись вечером, в 19-часовое наблюдение, но с пустыми руками. Встретили стадо в 15 оленей. Четырех ранили. Один даже сразу после выстрела упал, но когда к нему хотел подойти Николай – вскочил и убежал. Не хватило зарядов. Вернулись усталые, особенно Николай. Он пришёл на полчаса позднее Лепчикова, отдыхал в пути. Завтра опять пойдут на охоту, отыскивать подранков. Теперь есть надежда, что всё же мясо и для себя, и для собак хоть в небольшом количестве, но добудем.

А добывать надо: кондёвка есть лишь на четыре кормёжки.

Начал топографическую съёмку. Взял первые азимуты, измерил ногами первые расстояния.

#### *6 июля. Четверг*

Николай притащил сегодня маленького тугутёнка: вероятно, времени ему не больше как неделя. Он отбилсЯ от стада, очевидно, ещё вчера, и Николаю удалось его застрелить. Лепчиков вернулся тоже не с пустыми руками. Он нашел мёртвой раненную вчера важенку.

Принёс немного мяса. Над важенкой уже трудились чайки. Лепчиков прикрыл тушу землёй и поставил палку с привязанным к ней платком – отгонять чаек.

Я, оставшись дома один, в промежуток между 10-часовым и 13-часовым наблюдениями перетащил наверх, к месту постройки, первые пять брёвен для склада. Не длинные, 3-метровые, но сырые и потому тяжёлые. После часового наблюдения занялся съёмкой прилежащего берега губы. Углы брал горным компасом, расстояния определял шагами. Снял береговую линию на протяжении 2,5 км. Дальше не пустила довольно многоводная речка. Для съёмки других участков берега губы придётся использовать плот. Видел на отмельном сыром берегу много оленьих следов. Видел и следы волка, а на обратном пути наткнулся на след медведя. Он вёл вдоль берега губы в глубь острова. Поневоле стало несколько жутковато: встретиться медведь и дело плохо, у меня с собой никакого оружия, кроме якутского ножа. Этот след ещё раз напоминает о необходимости быть осторожным. Придётся таскать с собой уж если не бердану, то, по крайней мере, дробовик с жаканами.

#### *7 июля. Пятница*

После обеденного чая отправились вдвоём с Лепчиковым за остатками убитой важенки. Взяли с собой бердану, длинный шест да пару ремешков. Важенка лежала километрах в 5 от станции, и ещё издали мы заметили её местоположение по стае чаек, кружившихся и сидящих у мяса. Чайки напакостили порядочно: нам на пищу осталась годна лишь одна задняя нога. Остальное всё потрёпано. Привязали мясо к середине шеста, пуда полтора, и пошли потихоньку обратно. У места первого отдыха увидели несколько палок. Пошли посмотреть. Оленьи кости, щепки, три ржавые консервные банки говорили о том, что здесь была чья-то стоянка. Вероятно, промышленников. Консервы, как предполагает Лепчиков, из склада, поставленного Русской полярной экспедицией.

Места, где мы проходили и которые мы видели с дороги, мне очень понравились. Две большие ровные поляны – алы, на большей из них и лежала важенка, – длинные холмы с ручьями между ними и гряда гор на юге и юго-востоке. Как-нибудь выберу время, отправлюсь со съёмкой и на горы.

Установили новый порядок в дежурствах. Я дежурю по утрам – три утренних срока, Николай – три вечерних.

Васильева всё нет и нет. Корма осталось на три кормёжки. Долгое отсутствие его нам всем вселяет тревогу и за оленей, что в пути, и за наших собак.

### *8 июля. Суббота*

Сегодня снова поймал солнце и проверил часы. Они оказались впереди лишь на 0,5 минуты, но эта величина для нас совершенно незначительная. Я рад, что держим время верно. Раз в декаду удавалось бы проверить часы, и было б хорошо. День теплейший: утром 10, в 13 час. – 14 град., сколько будет в девять, не знаю, но, пожалуй, немногим менее десятка градусов. Средняя суточная будет около 10 град. Правда, и ветер сегодня изрядный, до 16 м, но всё же при такой температуре можно с ним мириться.

Снова занимаюсь заготовкой брёвен. Шести-, четырёх с половиной и трёхметровых есть уже количество достаточное, осталось подготовить штук 20–30 пятиметровых.

Сейчас только 20.30, но я собираюсь лечь спать. Почти каждый день недосыпаю: ложусь поздно, в 12, в первом, а вставать надо, когда стрелка часов перешагнёт за 6.

Вчера, когда ходил за важенкой, впервые увидел распустившиеся цветочки. Конечно, сорвал их. Лежат, сохнут в этой тетради.

### *9 июля. Воскресенье*

Утром занимался нанесением на бумагу заснятого берега губы. Страшно неудобно работать: ветер трясёт палатку и стол, стрелка компаса ни на секунду не останавливается, а тут ещё мешают гвозди, которыми стол сплочен, влияют на магнитную стрелку компаса. Сейчас приходится наносить грубо. Заново, как следует, вычерчу, когда будет готово наше жильё.

После обеда с Лепчиковым заготовили 25 брёвен. Самые дальние по косе километрах в полутора, не больше. На косе заготавливать больше не будем. Подберём лес, что лежит по берегу губы невдалеке от станции.

День холодный, ветреный.

А Васильева всё нет и нет.

# *Тетрадь № 3*

---

**10 июля 1933 – 7 марта 1934**



## 1933 год

**Съемка берега.**

**Или придёт Васильев и мы собак сохраним,  
или части их лишимся. Южный ветер унес льды**

*10 июля. Понедельник. СЗ мыс о-ва Котельный*

Два месяца отращивал бороду, сегодня же сбрил её: ни с какой стороны – ни с эстетической, ни с гигиенической не оправдать её существования. Что может быть красивого в бороде цвета промежуточного между мочалом и рыжим? Не преступно ли при наших условиях препятствовать воде и мылу достигать тех немногих квадратных сантиметров тела, которые мы ежедневно, так или иначе, умываем. Снял бороду с усами и помолодел на десяток лет.

После обеда на плоту отправился продолжать съёмку противоположного берега губы. Плотишко маленький, из пяти коротких брёвнышек, и плавает он не по воде, а скорее под водой. Губа казалась не широкой, а проплавал порядочно. Потому, конечно, что не умел ещё как следует справляться с плотом. Он шёл у меня боком, ну и, конечно, быстро плыть не мог. После же съёмки, когда пришлось возвращаться против поднявшегося ветра, я уже владел искусством «плотовождения» и быстро вёл его узкой стороной вперёд, прямо к нашему стану. Карта должна получиться любопытная: берега губы с заливами и мысами, со многими речками и отмелями. Завтра попытаюсь заснятое нанести на бумагу, посмотрю, что получится.

Лепчиков с Николаем утром заготавливали брёвна по берегам губы.

*11 июля. Вторник*

Сегодня занялся съёмкой косы. Прошёл вдоль неё, считая шаги до места, где коса прорвана речкой. Здорово устал – по гальке идти неудобно, рыхлая. Через пролив пройти не мог: широк и, конечно,

глубок. Вода бежит хоть и не с рёвом, но сбить с ног ей ничего не стоит. От прорыва до конца косы 1–1,5 км. Попасть туда раньше осени вряд ли удастся.

### *12 июля. Среда*

Лепчиков ходил на плато на охоту, но увидеть ничего не удалось. Николай убил сегодня утку (хотя уток-то мы изредка, да бьём, но я об этом обычно не пишу). Никуда сегодня не ходил. Разбирал аптечку. Складывал для просушки плавник.

### *13 июля. Четверг*

Благодаря убитой важенке и экономии Лепчикову удалось сколотить ещё две кормёжки для собак, кроме сегодняшней. Кормим 15-го, кормим 17-го, а 19-го... или-или. Или придёт Васильев и мы собак сохраним, или придётся если не всех, то некоторой части их лишиться. Может помочь счастливый случай – набредёт на нас медведь. Но на этот случай рассчитывать нельзя.

Ночью был сильный южный ветер. Ложились спать – всё море было покрыто льдом, а встали – он белеет лишь на горизонте и свободные волны плещутся о берег. Как хорошо после целого года снова увидеть свободное море!

К часу дня лёд снова стал к нам приближаться, его гнало с запада, из-за мыса, несмотря на сильный юго-западный ветер. Нас он не побеспокоил. Проплыл, и плывёт сейчас мимо, в некотором расстоянии от берега. Если б стало приближаться ледяное поле при северном ветре – следовало б его бояться: прежде чем остановиться, оно может далеко вползти на пологий берег, разрушая всё на своём пути. А наши палатки, наш груз... да что здесь разрушать?!

Вплотную взялись за постройку кладовой. С ближнего конца косы перетаскивали наверх двадцать два бревна. Николай занимался стройкой, укладкой первых брёвен – он у нас сила квалифицированная, я же с Лепчиковым – чернорабочие, подтаскивали материал. Ветер 14–16 м/с, против такого ветра и без тяжести идти нелегко, а тут изволь с бревном на плече преодолевать его давление. И дует как раз навстречу.

И сейчас, вечером, когда я сижу в тордохе, ветер дует по-прежнему упорно, даже ещё сильнее, до 18 м, как говорит несущий вечернее дежурство Николай.

Скорей пришли бы наши олени. Не было б работы втёмную, были б открыты глаза на будущее.

Скорей пришли бы олени – ведь, помимо всего прочего, они должны мне доставить письма, письма издалека...

#### 14 июля. Пятница

Когда в 7-м часу утра я выскочил из палатки, чтобы идти на наблюдения, то удивился теплу. Было тепло, как ещё никогда, несмотря на сильный ветер. И действительно, сухой термометр показал  $+16,2^{\circ}$ . Такой температуры мы ещё не наблюдали.

Ну, думаю, и денёк же выпадет сегодня! Но не тут-то было: к часу дня термометр показывал лишь  $+7,4$  а в девять вечера  $+1,2^{\circ}$ . А сейчас, когда Николай вернулся с последнего наблюдения, температура была лишь  $+0,7^{\circ}$ . Это всё ветер виноват: повернул с SSW на W, а сейчас так клонит к N.

Лепчиков с Николаем продолжали рубить кладовую. Четыре венца есть. Я занялся складыванием плавника в костры для просушки. А вечером переписывал в тетрадь материалы для составления топографической карты этого района.

А Васильева-то нет и нет...

Море шумит, накатывая волны на пологий берег.

#### 15 июля. Суббота

День хороший, со слабым ветром. Потому не чувствуется холода, хотя термометр большую часть дня показывает ниже 0.

А вечер – чудеснейший. Ветер совсем затих, вода – как зеркало. Утром нагнало снова много льду, и сейчас можно слышать иногда его глухой шум: то трескаются льдины, обламываются нависшие части льда.

Ходил с ружьём и биноклем на запад, на соседнюю речку. Километра два до неё. Осматривал по пути отложения ископаемого льда. В устье речки много плавника, годного для стройки.

В тундре цветут цветы. Жёлтые, немного напоминающие наш лютик, и мелкие-мелкие белые. Идёшь-идёшь – остановишься, любишься красотой вечера – и столько мыслей витает в голове: о будущей работе, о людях, оставшихся далеко, о встрече с ними, такой ещё отдалённой...

#### 16 июля. Воскресенье

Пасмурный, скучный день. С утра и почти до ночи – дождь.

Помешал работе.

Васильева так и нет. Завтра – последняя кормёжка.

*17 июля. Понедельник*

Кормили собак. После обеда ходил с берданой впервые на плато – посмотреть, нет ли оленей. До ближайшей части возвышенности сравнительно недалеко – километров около 5. Красивый вид открывается сверху: на низину, простирающуюся от моря до основания плато, с сетью ручьёв, речек и распадков; на губу с её извилистыми берегами, на море.

Помешали stratus'ы, не дали возможности посмотреть характер местности дальше на юг, за первыми возвышенностями.

Лепчиков тоже ходил на охоту, на запад, вдоль берега, но, как и я, ничего не видел.

*20 июля. Четверг*

Позавчера, 18 июля, в 4 часа дня, взяв бердану, компас, бинокль и высотомер, отправился на юго-западную гору – оконечность плато, видимую со станции. Проходимое расстояние измерял затраченным временем. В 7 час. вечера я был уже на горе и осматривал горизонт. А посмотреть было на что: ближе ко мне, между плато и морем, обширная полоса пониженной тундры – ни вправо, ни влево её предела не видно. А за тундрой – изогнутая линия берега. За ней бесконечное море, большей частью свободное, с небольшим лишь количеством льда. О-в Бельковский – как на ладони, весь, от своего южного мыса до северного. А севернее Бельковского ясно видимый даже простым глазом островок. А на современных картах никакого острова здесь нет.

Пошёл ещё дальше по горе и вдруг увидел косу. От берега острова на юго-запад отходит коса. Она как бы сечёт образуемый здесь залив, но до другого берега не доходит. Вот об этой-то косе, очевидно, Васильев и говорил. Но рисовал он её неверно, и мы прошли, оставив её правее. Стал смотреть в бинокль и невдалеке от начала косы увидел какие-то светлые точки. Уж не наши ли там олени? Обрадовался, и хоть было далеко, отправился к виденным светлым точкам. Шел около часа. Как будто бы я уж недалеко от того места, где были светлые точки. Возшёл на пригорок, стал смотреть в бинокль и вдруг справа невдалеке увидел четырёх лежащих оленей. Стал к ним подкрадываться, оставив у байджераха всю лишнюю амуницию. Надо сказать, что олени меня разочаровали: я полагал, что они наши, домашние, пришедшие с Васильевым, а они оказались дикими.

*22 июля. Суббота*

Вчера пришли Васильев, Аммосов, Бурцев с 44 оленями. Груза мало, но из положения выпутаемся. Ряд писем, шесть из них – от Д.!

*24 июля. Понедельник*

Завтра, если будет сносная погода, я вместе с Васильевым и Аммосовым на оленях ухажу на северо-восток к устью р. Решетникова. Произведу съёмку всей береговой полосы, посмотрю, что это за река Решетникова, куда мы ещё недавно так стремились.

Сейчас пишу на новом месте. Тордох тот же, но мы его перенесли с косы на горку, к строящемуся складу. Здесь лёд не будет угрожать, можно жить спокойно.

Погода, очевидно, уж принимает характер переходный к осени. Последние дни очень часто идёт снег, холодно.

Я ежедневно слежу за ходом средней температуры, вычерчиваю график. За первую декаду средняя температура была  $2,8^{\circ}$ , за вторую  $+3,2^{\circ}$ , а за четыре дня третьей декады  $+0,8^{\circ}$ . Мы ещё не успели ощутить тепло, его ещё и не было, а вот – лето уж на исходе. Пойдут холодные со снегом ветра, начнутся морозы, а нам ещё столько работы до переезда в дом!

**Год, как мы выехали из Якутска, прошёл не зря:  
станция на Котельном работает. Теперь – обеспечить  
наибольшую длительность работы станции**

*25 июля. Вторник*

Погода отвратительная, всё время идёт снег, иногда с дождём, температура во все основные сроки  $0,0^{\circ}$ , влажность около 100%, ветер 10 м/сек.

Быть может, пойдём на оленях завтра. Идти всем – пользы нет, всё равно ничего не увидишь.

Сегодня год, как мы выехали из Якутска. Год не прошёл зря: мы на Котельном, станция работает, чего добивались – достигли. Теперь нужно лишь суметь обеспечить наибольшую длительность работы станции.

*27 июля. Четверг*

Вчера, несмотря на плохую погоду – почти всё время шёл снег, – выступили. Пошли в обход губы, пересекли три более или менее значительные речки. Все они всё же чересчур малы, чтобы быть выделены на карте малого масштаба. Где же речка Пшеницына? Мы (станция) стоим где-то в её районе, но здесь все речки мелкие. Быть может, на

запад от станции? Всё может быть. Остановились на первый ночлег, пройдя километров 15 от станции, у погреба, в котором Васильев шесть лет назад спрятал убитого им медведя. На обратном пути с р. Решетникова медвежье мясо захватим – будет корм нашим собакам. Губа отсюда километрах в полутора-двух. Видна станция в бинокль, напрямик до неё километров 8.

Бродил вчера вечером по берегу губы. Много плавнику, старых оленьих следов. Видел один след медведя, но тоже старый, на обратном пути к тордоху нашёл и новые следы диких оленей.

Вчера попробовал было ехать на олене, да потом бросил – крутится он, вертится, на своих ногах я чувствую себя гораздо лучше. Васильев тоже идёт пешком – слишком тяжёл, олени не держат. Едет один Аммосов, он лёгкий, маленький. Изредка в тундре встречаются изумрудно-зелёные байджерахи (*конич. земл. холмы выс. 0,5–15 м и дл. до 20 м, ост. после раст. ископаемого льда*), видимые издалека. Васильев объяснил, что в этих байджерахах – норы песцов. Я осмотрел два таких байджераха и, верно, нашёл там массу старых нор. Песцы куда-то ушли. Трава на этих байджерахах растёт густая – почва хорошо унавожена, – много оленьего навоза говорит о том, что они заходят сюда эту травку пощипать.

Васильев говорит, что нынче удивительно мало песцов, на пути от Делисея сюда он их почти не встречал. Да и здесь, у станции, мы видели лишь одного песца, случайно забредшего на косу и не знавшего, как ему уйти. Леммингов тоже почти нет. За всё время мы видели одного. Это было вчера. Лемминга увидел Аммосов. По-видимому, песцы куда-то переселились, и промысел нынче будет бедный. Нет и полярных сов. Питаются же они ведь леммингами да песцами, а раз нет ни тех, ни других, верно, переселились за ними следом.

Сегодня до трёх часов день отвратительный. Всё время шёл густой-густой снег, вся тундра побелела. Позднее потихоньку снег сменился дождём, а потом и он перестал. Сейчас, вечером, почти тихо и хорошая видимость, но выходить поздно, пойдём завтра рано-рано утром. Сидел всё время в тордохе, много раз пил чай, писал письмо Д.

#### 28 июля. Пятница. Устье р. Решетникова

Дошли до устья р. Решетникова. Вот оно, то место, о котором было столько разговоров, к которому было столько стремлений. Оказывается, устье ближе к нашей станции, чем я предполагал. Пожалуй, километров 25. Губа длинная, километров на 20 – вдали даже водный горизонт.

Ширина около 4 км. Коса длиной 4 км с небольшим. Плавнику на ней гораздо меньше, чем близ станции, и материал для построек пришлось бы собирать не только со всей косы, но и с противоположного берега. На том берегу плавнику больше. Выход реки в море у самого правого берега. Сегодня вода идёт из моря в губу – ветер СВ. Произвёл съёмку. Да, сегодня здесь, у р. Решетникова, увидели 7 диких оленей, но охота на них была неудачной.

### *1 августа. Вторник*

28-го прямо с р. Решетникова, обогнув губу, пешком пришёл на станцию. Вёл съёмку от р. Решетникова до губы. Дальше вести не было возможности – шёл сильнейший мокрый снег. От устья р. Решетникова до нашей губы (я её называю губой Станции) оказалось лишь 7 км. Таким образом, устье <...> по береговой линии отстоит от нас лишь только на 18–20 км, не больше. Это для меня очень приятно. Мы почти у устья р. Решетникова, но в месте, более удобном для станции, чем это устье.

Вот путь вокруг губы станции оказался далеко не коротким.

Глубоко вдающиеся в сушу заливы, длинные мысы часто заставляли меня описывать весьма сложную кривую.

Васильева, уходя, я оставил на р. Решетникова. Олени отыскились не скоро, и Васильев с Аммосовым пришли на станцию лишь 29-го в 8 час. вечера. Здесь, на станции, за дни нашего отсутствия, изготовили ветку (лодку). Потом вплотную взялись за склад. Сейчас закончен сруб, покрыта крыша. Нужно на неё натаскать земли, настелить пол, вставить окно и дверь – и можно вселяться. Временно склад мы используем под жильё для меня и Николая и под «наблюдательский отдел». Сегодня главная моя работа – конопатить стены. Завтра, вероятно, буду таскать землю на крышу. Наблюдения приходится временно целиком взять на себя. Николая, как силу квалифицированную, он неплохо плотничает, надо освободить.

Забили ещё одного оленя, завтра забьём ещё двух. Это наши продовольственные ресурсы. Остальных ресурсов так мало, что о них и говорить не приходится. Хорошо, если что-нибудь из них останется на зиму.

### *3 августа. Четверг*

Вчера закончили крышу: наносили на неё земли и утрамбовали. Заготовили плахи для пола и принесли их с косы к складу. Забили ещё

двух оленей. В третьем часу дня Аммосов и Васильев с 40 оленями ушли на южный берег за остатками нашего груза. Вернутся, вероятно, около 15 сентября, быть может, несколько позднее.

Лишь сегодня случайно в разговоре с Лепчиковым выяснилось, что Бурцев не всю муку оставил на Ляховском о-ве и один куль сеянки до Котельного довёз и оставил его на Делисее. А всё время Лепчиков говорил (Бурцев по-русски не умеет), что вся мука оставлена на Ляховском.

Сегодня – настилка пола, подготовка дверей и окна. Погода скверная, полсуток – сильный снег, потом морозящий дождь.

Сейчас лишь сильный ветер, ни дождя, ни снега нет.

### **Новоселье в складе.**

**Живём в окружении приборов. 34 бревна для дома.**

**На беллетристику – голодовка до полярной ночи.**

**Бороться с ленью писать в дневник**

*5 августа. Суббота*

Сегодня у нас – новоселье. Я и Николай перебрались из тордоха в склад. Устроились великолепно. Уютно, тепло. Живём теперь в окружении целой серии приборов. Сегодня же собрали чашечный барометр, с завтрашнего утра начинаем по нему наблюдения. В этой небольшой комнатке зимовать впору.

*10 августа. Четверг*

Уютно и светло в нашем маленьком жилье. Светло потому, что солнце светит прямо в окно – скоро 10 час. вечера, а окно выходит на север.

Сижу за столом и пользуюсь десятью минутами, оставшимися до последнего наблюдения, чтобы записать, что взбрѣдет в голову.

Николай лежит на своей постели тут же, рядом со столом, читает Короленко «Река играет». Я объявил «голодовку» в отношении беллетристики, да и очерковой литературы до начала полярной ночи. Книг не так-то уж много, и боюсь я прочесть их сейчас. Что же буду тогда делать полярной ночью?

Сегодня приплавляли первый плот брёвен для дома: 34 бревна. Хотя и мелка губа, но всё же позволила подвести близко к месту стройки. Выкатили брёвна на берег. Сохнут. Вчера Николай на ветке съездил на противоположную сторону губы, посмотреть, нет ли поблизости диких оленей. Вернулся и говорит, что видел одного взрослого оленя с тугутом. Прошли они к плато. Взобрались мы на крышу с биноклями,



*Тордох, с которого началась полярная станция*



*Постройка первого дома первой экспедиции на о-ве Котельный*

---

смотрим и видим: верно, у подножия горы белое пятнышко. Олень. Бурцев с Лепчиковым, взяв бердану, отправились на охоту.

Сегодня утром (дело это было вчера поздно вечером) за чаем узнал, что не олень у горы, а... кости. Николай и сам теперь сомневается: оленя ли он видел. Ну, надо идти наблюдать. Солнца уж нет, скрыл надвинувшийся густой туман.

### *30 августа. Среда*

Постройка дома идёт к концу. Позавчера закончили крышу, натаскали на неё земли. Вчера разделались с распиловкой брёвен на доски, а сегодня начали укладку пола. Уложили около 1/3. Дом небольшой, 4×5 м, но для нас двоих – меня и Николая, остающихся зимовать, этого помещения будет вполне достаточно. Разгородили дом пополам. В одной половине – «наблюдательский отдел» и наша спальня, в другой – кухня. Потолок высокий, я его едва достаю. Из склада в дом вряд ли скоро переселимся. Думаю, что нужно будет переселить туда всю четвёрку наших промышленников – в тордохе становится жить всё хуже. Мы же с Николаем до их отъезда останемся обитать в складе – здесь не так-то уж плохо. Шестерым же в доме не уместиться.

Через 12 дней – срок возвращения Васильева с Аммосовым. Они должны привезти куль муки, бочонок яблочного варенья, 20 кило компота, немного молочных, рыбных и мясных консервов, банку мёду, две банки какао, куль сахару. Из съестного, кажется, больше не будет ничего. Кроме съестного, ждём керосин (3 банки), одежду разную. Возможно, что Васильев придёт несколько ранее назначенного срока. Это было бы хорошо, боюсь, что иначе недотянем с мясом, и тогда – прощай остатки риса и лапши!

Полагаю, что промышленники могут уйти со станции в первой декаде ноября. Никого из них оставить при станции будет нельзя из-за недостатка продовольствия. Единственно, что мы сможем есть вволю, это мясо. Всё же остальное придётся экономить очень и очень, даже при двух зимовщиках.

Охота так результатов и не даёт. Пользуемся каждой возможностью, чтобы подстрелить нерп, но что толку, если они не всплывают? Убивали их три раза, но ни разу не пришлось добычей воспользоваться. Медведей пока так и нет.

Все наблюдения продолжаю вести я, Николай работает по постройке дома. Загрузка у меня, конечно, небольшая, но нельзя далеко уходить из дома. Предполагаем после окончания дома взяться за

постройку бани, и тогда Николай будет свободен для наблюдений лишь по её окончании.

С 1 сентября хочу начать ежедневные наблюдения над солёностью и температурой поверхности моря. Наблюдения буду производить сразу же после 13 часов. Зимой для этой цели придётся поддерживать прорубь – это будет норма обязательного физического труда.

Не выдержал я пост в отношении чтения книг. Времени свободного много, и не читать, когда книги есть, очень трудно. За короткое время прочёл: Свердруп «Плавание на судне Мод»; Миккельсен «По следам жертв ледяной пустыни»; Низовой «По нехоженным путям»; маленький сборник лирических стихотворений Гёте. Сейчас читаю Штрауха «Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века». Да, ведь Васильев, кроме всего прочего, должен привезти ещё и книги. Когда все книги будут в одном месте, составлю подробный календарный план читки книг: какую книгу и когда можно читать. Если такого плана не составить и его не выполнять, то конец зимовки может быть «голодным» в книжном отношении.

Нужно бороться с ленью писать в дневник. Есть много чего интересного, что записать следует. Знаю, не запишу, потом сам жалеть буду. С громадным удовольствием пишу письма (некоторые), и в них иногда пустяки, а вот в дневник нет охоты записать даже основные события, хотя бы кратко. Быть может, сегодняшний день положит конец этому нежеланию: я вот сейчас пишу, и пишу с удовольствием. Трудно лишь было взяться за перо.

## **Август, заканчивается 2-й международный полярный год. Начинаю наблюдения над солёностью и температурой поверхности морской воды**

*31 августа. Четверг*

Ну вот – заканчивается август, заканчивается Второй международный полярный год. Жаль, что лишь два месяца МПГ захватила наша работа. Интересно, каковы будут итоги всей проделанной работы? Думаю, что они не будут столь значительны, сколько предполагалось в период подготовки ко 2-му МПГ. Ведь многое из его программы не выполнено.

Наблюдения в 10.09 и 22.09 сегодня провожу в последний раз. Останутся наблюдения в четыре срока. С завтрашнего дня начинаю наблюдения над солёностью и температурой поверхности морской воды.

Максим вставил дверные колоды, Лепчиков с Николаем уложили 2/3 пола. К дому будем пристраивать нечто вроде сеней, чтобы из жи-

лой комнаты не попадать сразу на открытый воздух. В этих же сенях можно будет держать немного дров, льду и часть продуктов из тех, что необходимы ежедневно.

После недельных холодов температура днём опять поднялась выше нуля. Средняя августа будет что-то около  $+1,3^{\circ}$ .

Закончил «Медокса», переписывал июльскую месячную таблицу, подготовил книжки сентябрьских наблюдений, проверил действие ареометров.

### *1 сентября. Пятница*

Сегодня наше жилище снова посетило солнце. Быть может, в последний раз. Ведь что ни день, то минут на 15–18 оно дольше задерживается под горизонтом, и недолго осталось гулять ему по Северу. Можно бы ещё ожидать хоть годок-другой солнца, если б не эти вечно застилающие небо облака.

## **Снова справляем новоселье.**

### **Строительство юрты. Морж, вдоволь налюбовавшись Лепчиковым, ушел в море**

#### *5 сентября. Вторник*

Лепчиков с Бурцевым справляют новоселье: переселились в новый дом. Просторно, чисто, тепло и светло. Временно вместо стёкол поставили бязь, но придёт время, и она будет заменена самым настоящим стеклом.

Позапрошлой ночью проснулись от сильного собачьего лая. Уж не медведь ли? Оделись кое-как, выскочили. Оказывается, тревога ложная – собаки лаяли на луну.

Сегодня очень ветреный день. Волны крутыми валами накатываются на берег, размывают его. Льду не видно совершенно: ветер восточный (уже пять дней) и угнал его с нашего горизонта.

#### *8 сентября. Пятница*

Сейчас вернулся со своей обычной вечерней прогулки. Но сегодня маршрут несколько изменил и не пошёл, как всегда, вокруг нашего полуострова, а направился вдоль по косе. Шёл сначала по правой её стороне, вдоль губы, но потом, километрах в полутора от станции, пересёк косу и вышел к морю. Здесь неожиданно наткнулся на медвежьи следы. Они были совсем свежие и вели прямо к нашей станции. Не на пути ли туда он находится и сейчас? Неприятно быть отрезанным от дома медведем, когда всё оружие состоит из палки и ножа. Пошёл по следу. Он вскоре повернул с береговой отмели на гальку, и тут след терялся.

Я продолжал путь домой – известить товарищей и взять берданку, чтобы снова отправиться вдоль косы в надежде встретить медведя.

Когда я был уж совсем близко от станции, то вновь наткнулся на след: он спускался с гальки и шёл вдоль самой воды по-прежнему к станции. Метрах в двухстах от нашей палатки он обрывался – здесь медведь ушёл в воду. Как жаль, что мы его не видели! Ведь он всего несколько часов тому назад был здесь.

После полудня Лепчиков стрелял уток (убил 5 штук) как раз в том месте, где идёт медвежий след, и если б он был в это время, то Лепчиков не мог его не заметить. Притом медведь шёл по части берега, в прилив заливаемому, а прилив закончился недавно.

Так, значит, медведи начинают свои береговые прогулки. Нужно и нам ночами совершать маршруты, только взяв кроме палки ещё и берданку. Не может быть, чтобы мы за зимовку не добыли ни одного медведя.

Мясо кончилось 4-го. Вчера убили пару уток и вечером съели. Сегодня Лепчиков подкрался к стае уток, и пять штук достались в добычу. Значит, и сегодня ужин мясной. От сушек осталась одна штука, болтается в доме у потолка на верёвочке. Ничего, вот-вот придёт Васильев, и будет тогда вволю мяса и помаленьку – лепёшки и оладьи. Один куль муки на всю зиму – не так-то уж это много.

#### *10 сентября. Воскресенье*

Прибыли: Васильев, Аммосов, олени, куль муки, куль сахара, бочонок яблочного варенья, ящик компота, четыре банки керосина и всякая прочая мелкая благодать.

#### *19 сентября. Вторник*

У Делисея Васильеву с Аммосовым удалось застрелить медведицу с медвежонком. Мясо оставили в подвале, будет служить дорожным кормом для собак.

Из 40 оленей, ушедших с Васильевым, назад вернулось 38. Два оленя были заколоты на мясо. По пути к Делисею вдоль западного берега убили одного дикого оленя. Путь к Делисею занял 17 суток, отдых там – 11 суток и возвращение к нам вдоль восточного берега острова – 11 суток. Привёз Васильев и остатки наших книг. Распределил я чтение книг равномерно по февраль включительно. На каждый месяц приходится три-четыре книги из беллетристики и столько же научных и прочих. На сентябрь приходятся следующие книги: Киплинг «Отважные

мореплаватели» (для детей старшего возраста), Каменский «Лето на Каменке», «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков», том 3-й (первых двух нет). Это беллетристика. К сегодняшнему дню они уже прочтены. Из научных на очереди следующие: закончить «Курс метеорологии» Богунова, прочесть «Полевая геология» 1-й и 2-й тома Обручева (половину) – читаю уж не первый раз, просмотреть Мальмгрена «О свойствах морского льда» и статью Геккера «Геология Якутии». Вот и всё. Хватит!

14 сентября во время обычной своей прогулки я наткнулся на свежий медвежий след. Он лежал с южной стороны полуостровка (на котором наша станция) и вёл на северо-восток. Опять мы медведя не заметили, а был он от нас совсем близко.

Наконец, 16 сентября мы в первый раз узрели медведей. Дело было в 12-м часу дня. Я лежал на кровати и собирался уж идти смачивать термометр и вешать ассмана, как вдруг вскакивает в комнату Николай с криком: «Володя, скорее, три медведя бегут по губе!» Я в момент заскочил в дом – крикнул наших промышленников, в это время за-втракавших, и быстро одевшись и захватив берданку, побежал в ту сторону, куда ушли медведи. Отбежав метров 200, мы увидели их впереди нас поднимающимися по речке. Я с Николаем и Максимом (Бурцевым) вернулись назад за собаками. Я взял Брата, Николай Рыжего, а Максим Соготоха. Чёрный, гулявший на свободе, побежал вперёд по своей инициативе. Собаки натягивают цепи изо всех сил, и бежать не так-то легко. Отбежав уже порядочное расстояние, вдруг вспоминаю: а наблюдение?! Чёрт возьми! Приходится передать Брата Николаю, а самому возвращаться на станцию. Погоня за медведями (их было три штуки – медведица и два уже довольно взрослых медвежонка) длилась недолго. Собаки, спущенные с цепей и выведенные на след, быстро оставили охотников позади и исчезли за холмами. Задержать медведей наши псы не сумели, в скором времени один за другим вернулись к спешащим охотникам. Чёрный пришёл с разорванным боком, болтался клочок кожи. Брат пострадал меньше: шея была в крови, но рана была незначительная.

Соготох ран не имел. Но по его настроению можно было заключить, что и он, по крайней мере, медвежьей оплеухи удостоился и, по-видимому, получил общее потрясение нервной системы или что-либо в этом роде. Рыжий за медведями не побежал и от охотников не отходил. Или дурак, или слишком умён! Сейчас все наши псы чувствуют себя хорошо. Болтавшийся лоскут у Чёрного пришит на старое место,

и скоро не будет и следа от раны. О Брате с Соготохом и говорить не приходится.

Вечером Николай осмотрел медвежьи следы в губе. Оказывается, что пришли они с запада и миновали было нашу станцию, но, вероятно, испуганные доносившимися до них запахами (ветер был с WNW), а тем более заметив спускающегося с косы Николая – решили спешно вернуться по тому же пути, по какому пришли.

Сильно мы на себя досадовали: нужно было отправиться за медведями на нартах – ведь собаки стояли запряжёнными. Тогда медведи не смогли бы уйти.

Теперь частенько осматриваем окрестности в бинокль, но пока что никого не видно. Ведь этих трёх медведей Николай заметил совершенно случайно: он пошёл на косу за куском берёзы для рукоятки ножа и, случайно взглянув в губу, увидел бегущих медведей.

К дому решили пристроить юрту, которая до отъезда промышленников служила бы им жильём, а после – складом всего нашего имущества. Склад же превратим в баню. Славная, просторная выйдет баня! Поступив так, мы экономим время, и наши промышленники смогут раньше отправиться на охоту за оленями. Сейчас поставлен остов юрты, настлана крыша, поставлены колоды для окон (три) и дверей, поставлена часть стен. Юрта будет закончена через несколько дней, и тогда мы переселяемся в дом, а вскоре и моемся в бане. Уж и помоемся! Ведь уж шестой месяц идёт, как мы не были в бане! Изрядно будет и стирки, белья накопилось много. Но за стирку я примусь лишь после того, как вымоюсь хорошенько сам.

С самого начала сентября и до сего времени море было совершенно свободно ото льда и беспрерывно гудело, но позавчера оно принуждено было затихнуть. Ещё утром я заметил, что полоса воды близ берега изменила свой цвет, стала какой-то бурой. Ага! Образуются иглы! Полоса всё ширилась и ширилась и к 12-ти часам в части, прилегающей к берегу, стала совершенно белой. Иглы образовали сплошную кашу. В 13 часов из-за этой каши не было никакой возможности добыть воды для определения её солёности и температуры. Вчера же эта масса несколько смягчилась, и, сделав маленькую прорубь, я легко взял воду для определения солёности, а температуру воды измерил в самой проруби. Вчера ширина белой полосы была около 200 м, сегодня несколько шире. Как только стала появляться полоса, шум от прибоя всё уменьшался и уменьшался, пока не затих совершенно. Волны шли сглаженные, без ряби, а затем и вовсе перестали достигать берега.

26 сентября. Вторник

В ночь на 20-е число сильно лаяли собаки. Утром обнаружили свежие медвежьи следы. Медведь прошёл с северо-северо-запада на юго-восток вдоль самого берега. Утром я взял берданку и отправился по следу. След сначала повёл по губе. Но потом вышел на косу, и тут я его потерял. Нашёл его лишь в месте выхода губы в море: здесь медведь перепрыгнул устье и пошёл дальше, вероятно, к устью р. Решетникова. Вода не пустила меня дальше. На обратном пути, тут же около устья, увидел двух уток. Занялся охотой на уток при помощи берданки. Утки оказались странного поведения: после моего первого выстрела нырнули, но на все последующие обращали весьма мало внимания, хотя последнюю часть выстрелов произвёл на близком от них расстоянии. В конце концов застрелил обеих. Последнюю утку последним патроном. Два патрона дали осечки, негодные. В случае, если при встрече с медведем попадутся такие патроны, может быть мало приятного. На обратном пути домой, не имея ни одного патрона, встречи с медведем не желал.

Вернувшись на станцию со своей добычей, был встречен вопросом: «Второго медведя видел?» Какого второго? Оказывается, что после того, как я прошёл около 4 км (или около того), на косе Николай увидел в бинокль медведя, бегущего с косы в губу позади меня. Лепчиков с Бурцевым, взяв упряжку собак, отправились по берегу губы (противоположному косе) за медведем, но ни медведя, ни следов не встретили и ни с чем вернулись обратно. Интересно, что, идя по косе, я повстречал Бурцева, возвращающегося с косы обратно (он тоже ходил охотиться, но недалеко), и, очевидно, медведь прошёл как раз между нами, когда мы шли уж друг от друга в противоположные стороны. На обратном пути я никаких следов, ведущих с моря поперёк косы, не видал. Допускаю, что произошла ошибка и за медведя был принят песец. На большом расстоянии не разберёшь.

В этот же день Николай застрелил нерпу, довольно большую, пока так и остающуюся единственной. Он застрелил, когда она была у самого берега, и потому смог её достать. Днём застрелил ещё пару, но одна потонула, пока мы бегали за веткой (лодкой), а вторая, несколько оправившись, ушла под лёд и больше не показывалась.

Жарили на нерпичьем жиру лепёшки и мясо. Немного отдаёт рыбой, но вполне съедобно и в случае нужды может заменить масло.

Позавчера Васильев ушёл на охоту на запад, а с востока во время завтрака к нам пришёл медведь. Заметили мы его тогда, когда выбежали

на лай собак. Медведь же времени не терял и, почуяв недоброе, спешно уматывал обратно по косе. А потом по губе. Бурцев с Николаем пустились вдогонку, но медведь так и ушёл. В один из моментов Бурцев был от медведя в десяти шагах, но почему-то не стрелял, хотя уж больше не было надежды хоть сколько-нибудь ещё к нему приблизиться. Вновь, значит, прозевали мы медведя!

Вчера наблюдали довольно красивое, быстро меняющееся северное сияние. Сегодня сильная вьюга, ветер 18–20 м/с. Юрта закончена, сегодня делаем нары, завтра промышленники будут в неё переселяться, а послезавтра, вероятно, и мы с Николаем переберёмся в дом. А ещё через несколько дней – долгожданная баня. Мыться собираемся зверски.

### *27 сентября. Среда*

Снова и уж в последний раз здесь, на Котельном, справляем новоселье. Только что перетасили все свои пожитки в дом. Здесь гораздо светлее, чем в прежнем нашем жилье, гораздо и просторнее. Позднее поставим перегородку, чтобы отделить будущую кухню от остальной части. Пока живём втроем: мы с Николаем и Лепчиков.

### *30 сентября. Суббота*

Ночью долго и упорно лаяли собаки, хотя Васильев с Лепчиковым выходили посмотреть, в чём дело, но ничего не видели. Утром следов тоже не заметили, и лишь в 11-м часу Николай наткнулся на медвежий след. Он уже был прикрыт свежевыпавшим снегом, но всё же было видно, что медведь побывал у самой станции и прошёл в десятке-другом шагов от метеорологических будок. Видимость была скверная, да и время было упущено, поэтому на охоту никто не отправился. Вскоре Николай занялся охотой на нерп. Невдалеке от берега плавали две таких размеров нерпы, каких мы ещё не видывали. Николаю удалось застрелить одну, но она камнем пошла на дно и нам не досталась. Застрелил Николай и вторую, но и её постигла та же участь. Сильно мы досадовали: уж очень крупные они были, метра два длиной.

Во время завтрака случайно заметили торчащую из воды голову. Николай отправился на охоту, за ним побежал и Бурцев. Голова временами показывалась совсем близко от берега, и, разглядев её, Николай заметил два больших клыка. Это была не нерпа, а солидных размеров морж. Но тут подбежали собаки, и морж скрылся под водой. Лепчиков был вдали от охотников, не зная, что была видна не нерпа, а морж, решил помочь охоте и, отправившись на ветке, не взял с собой ружья. Он

хотел подобрать нерпу, если она будет застрелена. Когда он тихонько плыл, вдруг у самого борта ветки вынырнула страшная фыркающая голова, какой ещё Лепчиков никогда не видал, и он с криком выскочил прямо в воду и бросился к берегу. Было, к счастью, мелко, и он зачерпнул лишь в торбасы немного воды. Морж же подошёл к берегу вплотную и внимательно рассматривал Лепчикова. Будь у Лепчикова ружьё, морж тут бы и остался, но, к сожалению, ружья не было, и пока бежал Бурцев, морж, вдоволь налюбовавшись Лепчиковым, не торопясь, повернул в море.

Николай сел в ветку и хотел попытаться ещё поохотиться на моржа, но когда тот показал свою страшную голову под самым его носом, Николай поспешил обратно на берег. Морж же так и ушёл. Лишь после этой охоты мы поняли, что и утром Николай застрелил не нерп, а моржей-самок. До сих пор мы дел с моржами не имели, это была наша первая встреча с ними.

Всё же день без добычи не обошёлся: Николай застрелил вечером, в километре от станции, средних размеров нерпу, и она оказалась достаточно жирна, чтобы плавать до тех пор, пока за ней не подъехал на ветке Лепчиков.

Разговоры наши приняли теперь моржово-медвежий характер. Ну а перспективы медвежьей охоты неплохи, думаю, нам перепадёт что-нибудь.

С сегодняшнего дня дежурю по вечерам. Переменимся сроками лишь через месяц.

Занялся немецким языком и начал переводить книгу в 200 страниц с лишним. Установил норму – страницу за день. Первые три страницы перевёл с большим удовольствием. Постепенно норму буду увеличивать с расчётом закончить эту книжку в январе. Ведь у меня есть ещё три штуки маленьких книжонок, нужно перевести и их. (Из письма Д.)

### **Закончено строительство бани.**

### **Первые мои опыты стряпни были удачны.**

### **Занятия с Николаем по физике и алгебре**

*2 октября. Понедельник*

Сегодня после долгого-долгого перерыва на горизонте снова показался плавучий лёд. Мы обрадовались: со льдом должны прийти нерпы. И действительно, на некоторых льдинах видны были нерпы и, быть может, моржи, наслаждавшиеся хорошей погодой. Вскоре мы заметили моржа, пытавшегося невдалеке от берега выбраться на лёд. Сначала

мы думали, что это нерпа, но в своей ошибке убедились позднее. Лёд был слаб, и морж не раз обрывался вместе с кусками льда обратно в воду. Наконец ему удалось взгромоздиться на льдину и расположиться на ней хвостом в нашу сторону. Мы внимательно следили за ним с берега в бинокли. Лепчиков решил предпринять охоту. Взял ружьё, сел в ветку и поплыл по прилегающей к льдине полынье. Плыть было трудно, и ветка шла медленно. Лепчиков подвигался всё ближе и ближе. Собственная туша загораживала моржу вид в эту сторону, и, хотя он иногда поднимал голову и оглядывался, Лепчикова не замечал. Можно было б подъехать к моржу ещё ближе, если б не неожиданность: вдруг у самой ветки показалась отдувающаяся голова моржа, уставившаяся своими глазами на Лепчикова. Лепчиков выстрелил в эту голову, и она скрылась под водой. Морж, лежавший на льдине, подняв высоко голову, стал беспокойно озираться, но в этот момент Лепчиков в него выстрелил, и морж замер. Лепчиков выстрелил в него ещё раз и, убедившись, что тот не шевелится, повернул ветку обратно. Только он немного отъехал, как из воды вновь высунулась прежняя любопытная голова, и, хотя Лепчиков опять выстрелил, голова осталась невредимой и через минуту выглядывала с другой стороны. Пришлось оставить его в покое. При помощи досок удалось подойти к убитому моржу по слабому льду и прибуксировать его к берегу. Морж (самка) оказался длиной 2 м 25 см и весом пудов на 10–12. Конечно, пришлось добычу дважды сфотографировать. Опять, значит, наши собаки получили пополнение кормовых запасов.

Сегодня – открытие бани. Она совершенно готова и с сегодняшнего дня вступает в эксплуатацию. После девяти часов, как проведу наблюдение, отправлюсь её обновлять. (Из письма Д.)

### *7 октября. Суббота*

Тихо стало у нас. До сегодняшнего дня вечером можно было слышать хлопанье карт по столу, весёлые выкрики – это наши промышленники играли в преферанс. Сегодня же трое из них на двух упряжках собак отправились на южный берег на охоту и будут в отсутствии целый месяц. Остался лишь один Максим Бурцев, но он не говорит по-русски, а мы не говорим по-якутски, и вот в нашем доме значительно преобладают над голосами людей такие сравнительно слабые звуки, как потрескивание дров в печи, как шипение жарящегося на сковороде мяса. Затеял, было, я сыграть втроём в «подкидного», но как ни старался объяснить Максиму правила этой несложной игры – ничего не вышло,

и он, оставшись в первый же раз «дураком», играть больше не стал. А в преферанс, в который мастера играть все наши промышленники, мы с Николаем играть не умеем. И вот, значит, не удаётся сосредоточить внимание всех трёх на одном деле.

В середине ноября, после того как вернувшиеся с охоты промышленники заготовят дрова на зиму, мы снова с ними простимся и останемся уж только вдвоём. К тому времени и солнце, сейчас ещё изредка показывающееся из-за туч, нас покинет. Теперешняя тишина и служит подготовкой к будущему одиночеству.

Сегодня на ужин не обычный суп, а жареное с овощами мясо. А на второе – остатки вчерашнего компота. Когда останемся с Николаем вдвоём, будем разнообразить котлетами, пирогами и всем, что даст нам наша изобретательность. Первые мои опыты стряпни были удачны. Я уже несколько раз жарил оладьи, и каждый раз, особенно оба последних, они удавались пышными и аппетитно румяными.

Пробовали мы жарить оладьи и на нерпичьем жиру. Ничего, выходят хорошие, есть лишь некоторый привкус рыбы. Между прочим, сегодня Николай добыл ещё одну нерпу.

Видели чаек и морянок. Вероятно, в последний раз.

#### *8 октября. Воскресенье*

Впервые температура упала ниже  $-10^{\circ}$ .

#### *10 октября. Вторник*

Весь день занимался фотоделами. Работал в бане, превратив её во временную лабораторию.

Состав сотрудников станции в октябре 1933 г.: Бурун, Васильев, Дудкин, Соколов, Аммосов, Лепчиков.

#### *13 октября. Четверг*

Начал стирку белья, закончу завтра. За полгода его накопилось изрядно.

#### *24 октября. Вторник*

Вчерашний день был удачен: днём светило солнце и дало возможность проверить часы, чего мы уж слишком давно не делали. Последний раз мы проверили их 30 августа, и с тех пор ни разу не представилось возможности «поймать» солнце в полдень. Я опасался, что за 54 дня (30 августа – 23 октября) накопилась большая ошибка, но когда я



*Сотрудники экспедиции: стоят слева направо –  
Лепчиков, Дудкин, сидят – Васильев, Бурцев, Аммосов*



*Сотрудники станции в октябре 1933 года:  
Бурцев, Васильев, Дудкин, Соколов, Аммосов, Лепчиков*

---

отметил прохождение тени шпенька через полуденную линию, оказалось, что наши часы верны. Минута в минуту. Значит, прежнюю поправку в +23 секунды мы сохраним и на будущее время, и будем надеяться, что в феврале, когда после долгой полярной ночи вновь покажется солнце и мы проверим часы, большой ошибки не будет.

Максим на днях сделал пару табуреток и стол. Мы обставляемся «мебелью». Прежний временный стол на живых нитках выселили в снежные сени (пристройка к юрте, тоже дело рук Максима). Сегодня же Максим изготовил маленькую скамью и длинную рейку. Последняя нужна для проведения серии ежечасных наблюдений над приливами и отливами. Как установится лёд, это дело проведём. Первая попытка, 22 сентября, была неудачна. Льду не было, и ветер нагонял порядочную волну на берег. Рейка же стояла в некотором отдалении от берега, и нужно было её отсчитывать с ветки. Ветку же волна безжалостно швыряла, и наблюдения пришлось отложить.

Стоявший последние дни холод сегодня сменился потеплением. Термометр показывает около +9°, и пришлось смачивать батист (к 19-часовому наблюдению). Мы, как и Ляховская станция, производили смачивание до температуры –10°. Сейчас это делать приходится уж редко, а вскоре, вероятно, и совсем прекратим: термометр не будет доходить до –10°.

Всё небо покрыли сплошные облака, к вечеру был туман, образуется изморозь. Море по-прежнему ото льда свободно, только вдоль берега осталось нагромождение торосов, крепко к нему приросшее.

Утром, как обычно, занимался немецким языком, переводом книжки «*Eine seite aus einem grossen Buch*». Несколько дней тому назад изменил прежнюю норму на новую. Теперь перевожу ежедневно не по странице, а сколько успею за два часа (считая и 10 мин. перерыва). При новой норме я смогу следить, насколько быстро я движусь вперёд, что раньше сделать было трудно.

Днём читал 2-й том «Полевой геологии» Обручева (норма беллетристики на октябрь прочитана давно), потом совершил прогулку вокруг полуостровка, на котором расположена наша станция. Дорогой встретил Николая, тоже возвращавшегося с прогулки, и вернувшись домой, мы сели за карты, за «66». С трёх часов просидели до шести. В конце концов удалось надеть на Николая «тёмную шубу», и на этом мы игру прервали.

Иногда днём, иногда вечерами пишу письма. Некоторые пишу с удовольствием, легко и просто, некоторые же – чуть не тяжёлый труд.

Больше десятка вряд ли напишу. Те, что не ответили на мои предыдущие письма, а ответить могли – не получают ни слова. Среди них Ушаков и Криденер. Ушаков просил ему писать и писать обязался сам, но раз обещание не сдерживает – ему больше не пишу.

Изготовил фотографии, вложу в некоторые письма. Придётся посылать и «начальству» в Якутск в виде приложения к маленькому отчёту.

*28 октября. Суббота*

Сегодня в 5-м часу неожиданно приехали Лепчиков и трое промышленников промстанции: Никушка Горохов с сыном («Чуча»), Иннокентий Лебедев и Слепцов. Вести привезли малоутешительные. До Делисея прошли в девять суток, не встретив ни одного оленя. Туда только что вернулись с охоты Слепцов с товарищами и рассказали, что ничего не встретили и пришли пустыми. Наши промышленники после двух дней безрезультатных поисков диких оленей решили разделиться: Васильев с Аммосовым и промышленниками Захаровым и «Мечиком» отправились на север вдоль восточного берега, Лепчиков же с остальными пошли обратно вдоль западного берега. Внимательно осмотрели Нерпалах, но никакого груза не обнаружили, несмотря на то, что Никушка с товарищами в сентябре видел близ Урасалаха шхуну. Льду в это время не было совершенно. Шхуна была километрах в 10 от берега и держала курс на юг. Окрашена в тёмный цвет, с одной трубой и двумя высокими мачтами. В Хос-Тёрюттяхе тоже никакого груза не оказалось. Не был ли это пароход, о котором писал Шимановский в своём письме? Но, в таком случае, где же он выгрузил для нас продовольствие, если вообще его выгрузил? Но, быть может, это было и другое какое-нибудь судно, к нам отношения никакого не имеющее. Когда промышленники будут на обратном пути открывать пасти, они пойдут самым берегом и, если где-либо груз есть, конечно, наткнутся на него.

Около Б. Чараулаха удалось застрелить 8 оленей. Полтора оленя Лепчиков там и оставил, нужны будут на пути на материк. Ночью, во время ночёвки на Б. Чараулахе, приходил медведь. Несколько собак гуляли на свободе и встретили его далеко. Он, отмахиваясь от них, шёл прямо к урасе, не обращая внимания на два потяга отчаянно лающих собак. Убить его не удалось. Никушка не удержался и выстрелил, когда медведь не подошёл ещё достаточно близко и в темноте был плохо виден. Лепчиков выстрелил следом за ним, но и его пуля пошла мимо. Медведь же, испуганный выстрелами, убежал в море.

Лёд стоит уже всюду до Дурного. Большого тороса нет. Севернее Дурного, как и у нас, море ото льда свободно.

Васильев с товарищами, очевидно, на оленей наткнулся, иначе он был бы здесь раньше Лепчикова. Если ему с охотой повезёт, то он забросит некоторое количество мяса на Делисей.

Собаки пришли сильно вымотавшимися. На пути к Делисею последние дни им пришлось идти голодными: корм вышел весь. А охоты не было.

У промышленников промысловой станции дела обстоят тоже скверно. Летняя охота дала лишь 14 оленей. На этой охоте утомили они своих (домашних) оленей и закололи их. Если не будет удачна охота ушедших с Васильевым, то им всем придётся покинуть остров, иначе собаки падут. Летом был убит один медведь и закопан вместе с нерпой около Ампардаха. Медведь был большой, пудов на 35. Песцы откопали и съели его целиком. Не оставили, конечно, и нерпы.

Староста Рожин был болен туберкулёзом. Ещё в прошлый свой приезд сюда Слепцов говорил, что у него шла кровь горлом. Немного спустя после этого сообщения Рожин умер.

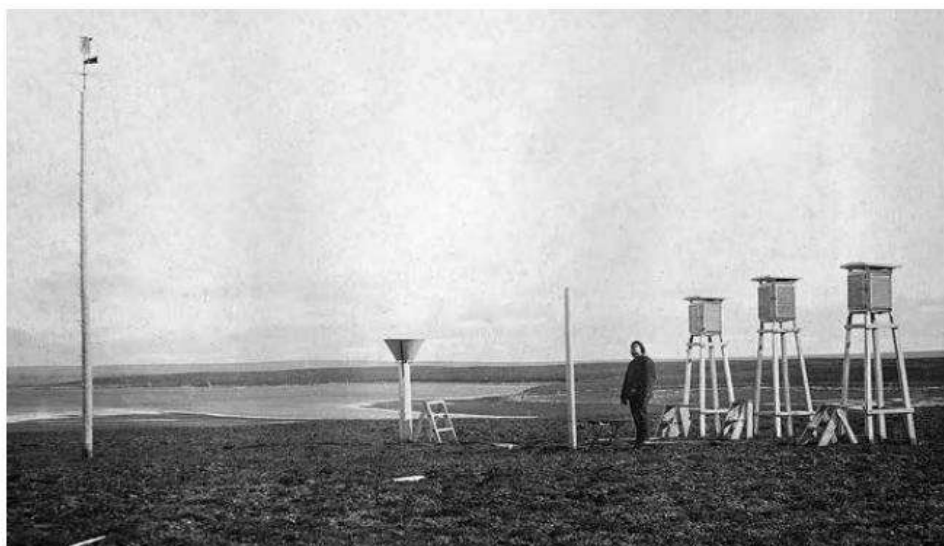
### *30 октября. Понедельник*

Вчера наши гости помылись в бане, а сегодня утром отправились назад. Две ночи переночуют в ближайшей урасе и послезавтра, т. е. 1 ноября, будут открывать пасти. Если охота ушедших с Васильевым будет удачна, то покидать остров промышленникам будет не нужно. Первой дорогой вместе с нашими промышленниками Никушка и Слепцов отправятся на Б. Ляховский за кондёвкой и затем вернутся обратно на Котельный. Они обещают взять для нас с Ляховской станции почту и пуда два муки. Вот славно! В последних числах декабря или в первых января мы, быть может, получим новые известия и маленькое продовольственное пополнение. После прибытия Слепцова и Никушки двое других промышленников уйдут с добытыми песцами в Казачье. С ними можно будет отослать новые письма. Хотя может случиться, что и не удастся. Это в том случае, если в Казачье промышленники отправятся сразу же после приезда Никушки и Слепцова и не успеют побывать у нас.

Днём гулял. Ходил вокруг полуостровка станции и вдоль берега на запад. Вчера к вечеру море покрылось салом, а вдали показались плавающие ледяные поля. Вечером во время наблюдения ледяные поля нажимали на свежееобразованный лёд, и он скрипел, визжал и трещал.



*Метеоролог Н. П. Дудкин*



*Метеоплощадка*

---

Утром увидели довольно гладкую ледяную поверхность, покрывшую море. Лишь на западе у мыса были видны большие торосы, да немного тороса было видно на северной части горизонта.

Днём мы уж думали, что новый лёд уйдёт. Между берегом и льдом образовалась трещина, быстро расширявшаяся. Она достигла метров 40–50 ширины, и мы полагали, что этот гладкий лёд уйдёт совсем, и сожалели об этом. Но лёд дальше не пошёл. Трещина вновь стала покрываться молодым ледком. Он вновь спаяет отошедший лёд с берегом.

Стало довольно холодно. Сегодняшний день будет первым днём со средней температурой ниже  $-20^{\circ}$ . Небо чисто, слабый Ю-З ветерок.

Лепчиков с Максимом возили лёд и дрова. Завтра баня.

Солнце целиком уже не выходит. Сегодня прокатилось оно по горизонту, показав нам лишь одну свою половинку. И на том спасибо! Скоро и этого не будет.

### *31 октября. Вторник*

Вчера средняя температура была  $-21,1^{\circ}$ , сегодня же будет ниже ещё на несколько градусов. В 19-часовое наблюдение было  $-26,5^{\circ}$ . Ветра нет, и погода – одно удовольствие. Максимальный термометр временно выбыл из строя: ртуть ушла за пределы шкалы, она градуирована лишь до  $-22-23^{\circ}$ . Днём стал гигрограф. В 19.00 опять пустил, не знаю, будет ли работать. Пожалуй, что нет. Термограф ещё тикает.

Ветра нет, а лёд к вечеру опять тронулся и на порядочное расстояние отошёл от берега. Придётся разжаловать его из неподвижного в плавающий. Того и гляди, что он будет унесён в море.

Последнее время ежедневно совершаю прогулки вокруг полуострова станции. Протопчу тропку и буду всю зиму гулять по ней. Думаю, что и в отвратительную погоду всё же полчаса прогуляться будет полезно.

Завтра 1-е число. Это очень приятно. Начинается потребление новой нормы книг. В ноябре на очереди стоят Жорж Тальма – «Мемуары», Брюсов – «Дневники», Пришвин – «Родники Берендея», Альфонс Додэ – «Тартарен из Тараскона» и Плеханов – «Очерки по истории материализма». Но к 15-му числу опять всё будет пусто. Ничего! В последнюю декаду ноября пойдут отсюда наши промышленники, нужно написать ещё несколько писем, составить опись инвентаря, маленькое сообщение о ходе дел в ГИМЕИН и пр. Всё это некоторое время займёт. Безделья будет мало.

Завтра меняется смена: я провожу утреннее и вечернее наблюдения, Николай – вечернее.

...

Провёл последнее наблюдение. Поднялся лёгкий ветерок. Температура повысилась до  $-23,5^{\circ}$ . Лёд отошёл далеко. Подсчитал среднюю за октябрь, дало  $-11,2^{\circ}$ .

...

Солнце уже не показалось. Не то мешали ему мелкие облачка на горизонте, не то оно уж не в силах было хоть одним глазком взглянуть на нас. Второе – скорее.

### *1 ноября. Среда*

Как и всегда утром – немецкий язык. Конечно, после наблюдения и завтрака. А за немецким – «Дневники» Брюсова. Интересного не слишком много, но оно, пожалуй, и лучше – дольше буду читать. За Брюсовым и «66» с Николаем провёл несколько часов. Спыхватился, что прозевал прогулку, в шесть часов, когда было уж совсем темно. Луны и следа нет, ушла за плотные облака. Всё-таки взял берданку с патронами и отправился привычным путём. Следа, конечно, не видно, шёл, как придётся. Немного жутковато. Но надо привыкать, как же тогда буду гулять через месяца-полтора. Ведь светлого времени тогда вовсе не будет. За прогулкой последовало домино при полном участии всех живущих на станции. Время за ним прошло как-то незаметно и весело.

Вот и весь день, первый день ноября. На юге в полдень горизонт был совсем чист, но солнце нас покинуло и не захотело метнуть в нашу сторону ни одного луча. Прощай, солнце! С каким восторгом мы будем встречать тебя через сотню дней, когда твоё появление даст нам кроме яркого света ещё надежду на скорое возвращение в родные края, к родным и друзьям!

### *2 ноября. Четверг*

Позёмок замёл мою тропку, пришлось гулять по целику. К вечеру позёмок затих, и сейчас чудесная тихая погода. Великолепное северное сияние, луна в полном блеске и небольшой мороз. Смотрели на луну в бинокль, Николай впервые – в связи с этим беседа с ним по вопросам космографии.

«Дневники» Брюсова стали к концу более интересны. Сейчас ложусь спать, лёжа перед сном буду читать и, пожалуй, сегодня их кончу.

Что-то плохо спится. Сегодня проснулся ещё до 4-х часов утра и больше не мог сомкнуть глаз. Только бы не бессонница!

### *3 ноября. Пятница*

Когда уж порядочно стемнело, с востока приехали Васильев с Аммосовым. Наши собаки слышали приближение издалека, и мы долго недоумевали: почему лают собаки?

Охота была не весьма удачна: вместе с местными промышленниками добыли восемь взрослых оленей, двух тугутов и одного медведя. Медведя убили на «Карге» (в 20 км от Делисея); он оказался совсем без жира. Кожа да кости. «Лешик» (Николай Горохов) прислал пять оленьих языков. Шлют нам лучшую часть оленя, лакомство, а у самих нечего есть. Теперь вновь все мы в сборе. Недели через три будем прощаться надолго.

### *4 ноября. Суббота*

День ветреный, холодный. При  $-23^{\circ}$  и 10 м/с ветра холод чувствуется.

Занимался приведением в порядок метеоматериалов, немецким языком, обычной прогулкой, письмами.

Ложусь спать. Лёжа буду читать Пришвина – «Родники Берендея».

### *5 ноября. Воскресение*

Николай во время прогулки по косе видел трёх морянок у края заберега. Стрелял по нерпе. Но было далеко, ушла.

В предыдущий раз мы видели уток (одну) 26 октября во время прогулки по берегу на запад. Утки плавали у самого берега. На другой день Николай её видел опять и на прежнем месте. Думаю, что сегодняшние утки – подранки, не смогшие улететь с товарищами на юг. Васильев с Максимом возили плавник, Аммосов с Лепчиковым – пилили. 20-го числа, через полмесяца, будем прощаться до новой встречи весной.

### *7 ноября. Вторник*

Уж утро, скоро 5 часов. Сегодня праздник. Мы его внешне никак не отмечаем, внутренне же я его переживаю. Там, далеко-далеко на западе, идут торжественные заседания – встреча праздника. Быть может, в это время кто-нибудь где-нибудь вспомнит и о нас, и о нашей глуши.

А в Якутске ещё спят. Но скоро встанут. Будут готовиться к демонстрации, а потом гимеиновцы пойдут по снежной дороге в город, по приятному безветренному морозцу.

Эту ночь я не сплю: на берегу вбита рейка, и каждый час я регистрирую уровень воды. Приливы, отливы.

*8 ноября. Среда*

Весь день ветер держится около 18 м/с при температуре  $-22-25^{\circ}$ . Метелица сильная. Ледяной припай унесло в море, и перед нами снова чистая вода.

Переписывал ведомость всего нашего имущества.

Работу по пилке и колке дров пришлось приостановить ещё утром.

*10 ноября. Пятница*

Метель улеглась. Стало ещё холоднее, в вечернее наблюдение  $-29,6^{\circ}$ . Самописцы вчера встали окончательно.

Утром по губе совсем близко к станции подошли два оленя: важенка и довольно большой тугут. Собаки их почуяли и понеслись через бугор. Николай пошёл за ними и увидел убежавших оленей и мчавшихся за ними собак. Ушли Чёрный, Соготох, Баргас, Туркан и Сынок. Первые три вернулись, двух же ещё нет, хотя уж 10-й час вечера. Скоро, вероятно, явятся. Собаки старые, не пропадут.

Максим во время колки дров уронил себе на ногу тяжёлую чурку. Подъём сильно распух, ходить не может. Смазали ногу йодом, обложили ватой и забинтовали.

Сегодня колка и пилка дров закончены. Занимаюсь составлением и переписыванием списка всего нашего имущества.

*11 ноября. Суббота*

День холодный. Средняя даёт несколько ниже  $-30^{\circ}$ . И это при ветре в 12 м/с.

Закончил опись инвентаря. Начал составление сообщения о делах. Туркан и Сынок пришли вчера поздно вечером. Был в бане.

*12 ноября. Воскресенье*

Аммосов с Васильевым обложили две стены дома толстым слоем снега. Завтра обложат третью. Снег сохранит тепло, ветер не будет так сильно выдувать наше жилище.

Утром был позёмок, к вечеру – настоящая метель с ветром метров в 20. А термометр показывает  $-26^{\circ}$ .

Составил сообщение в ГИМЕИН о проделанной работе и вообще о делах станции.

*13 ноября. Понедельник*

В 13 часов в первый раз пришлось наблюдать с фонарём. Занимался письмами.

*18 ноября. Суббота*

Ложусь я спать рано, рано лёг и позавчера. Вдруг в 12 час. будит меня бледный Николай: «Володя, вставай, медведь пришёл, стоит у самых дверей, все собаки забились в юрту!» Быстро оделся, Николай разбудил Лепчикова. Почему, думаю, собаки не лаяли? Выскочили с берданкой на улицу – тьма крошечная, ни луны, ни сияния. Из разных углов вылезают, позёвывая, потревоженные нами собаки. По их спокойному поведению не похоже, чтоб был медведь у дверей. Ничего подозрительного не видно. Против дверей на сугробе копается Брат. В темноте он мне показался особенно большим. Это, должно быть, и был «медведь» Николая. Конечно, сейчас же пошли спать. Николай разволновался, долго не мог уснуть и потому на другой день встал лишь во время 13-часового наблюдения.

Промышленники уходят в Михайлов день, 22 ноября. Нарты почти готовы, чинят алыки и шьют новые из оленьих лямок. Собаки поправились, должны пойти в дорогу хорошо.

Написал ряд писем во все края. Одно, ещё не законченное, моему другу в Якутск, вышло громадным. Писал его почти четыре месяца, с 25 июля. Никогда таких больших писем не писал и писать уж больше не буду.

Аммосов получает расчёт. Бурцев едет в Якутск, повезёт метеоматериалы по октябрь включительно (и большое письмо). Лепчиков с Васильевым должны вернуться в первых числах апреля за нами.

Послезавтра устраиваю прощальную пирушку. «Гвоздём» её будут 3 бутылки водки, приготовленные из 1,5 бутылок спирта, полученных ещё в Тикси. Промышленники хотя и знают, что немного спирта есть, но на выпивку не надеются, думают, что нужен для научных работ. И вдруг – водка на столе, то-то будут рады!

*19 ноября. Воскресенье*

День ничем особенным не замечателен. Переписал начисто сообщение в ГИМЕИН, написал удостоверения Бурцеву и Лепчикову, рассчитался с Аммосовым. Бурцеву на путь до Якутска выдал 1000 руб., Лепчикову отдал все оставшиеся. Вышло 2350 руб. Надеюсь, что наша казна пополнится при помощи Ляховской станции или переводом из ГИМЕИНа.

Промышленники подвезли к станции ещё с осени заготовленный на озерах лёд. Вчера начал читать Плеханова «Очерки по истории материализма».

#### *21 ноября. Вторник*

Запечатал все письма домой и друзьям, и чувство такое, словно прощался с родными и близкими. Сфотографировал при магнии состав экспедиции и отдельно Никушку, Слепцова и Захарова. Они приехали сюда вчера днём, завтра вместе с нашими уезжают. Первый осмотр пастей дал мало: от Орто-Стана до конца пастей собрали 28 песцов, да и то все второсортные. Уйдут с Котельного все пятеро. Через 40, самое большее 45 суток, обещают быть у нас с почтой. Эх, кабы да к Новому году! Был бы праздничек!

#### *22 ноября. Среда*

Ночью поднялся сильный ветер, дувший с небольшими перерывами весь день. Метель, темень. Промышленники не уехали, если погода позволит, поедут завтра. Терпеть не могу, у меня самое скверное состояние, когда или я, или кто-либо другой уезжает и не может почему-либо уехать. Так и сегодня. День какой-то нудный, длинный. Останемся вдвоём – будем налаживать наше хозяйство, чистить, приводить всё в порядок, а сейчас этим заняться нельзя.

#### *23 ноября. Четверг*

Повторение вчерашнего. Но в несколько более резком виде. Ветер 24 м/с, метель страшная, температура  $-24-25^{\circ}$ . Утром во время наблюдения оборвался волосок у гигром. Сейчас поставить новый гигрометр невозможно. О выезде в такую погоду, конечно, и разговора быть не может. Такой сильный ветер мы наблюдали здесь впервые, до сих пор доходил он лишь до 18 м и до 24 только в порывах. Во время отсчёта термометров трудно стоять на ступеньках лесенки – того и гляди сдует. Дождемерное ведро можно лишь ставить так, чтобы ветер прижимал его к лесенке, иначе унесёт. Ветер сейчас, как и почти весь этот месяц, юго-восточный.

Ни за что не могу сейчас приняться. Ни писать, ни читать нет настроения. Хочется, чтобы скорее все уехали, прекратилась бы эта обстановка зимовья на большой дороге.

8 часов вечера, но ветер всё прежней силы и не подаёт надежд на ослабление.

*24 ноября. Пятница*

Утром была надежда, что ветер стихнет: барограф пошёл вверх. Оказывается – напрасная надежда. Барограф вычертил дужку и опять тянет прямую. Ветер же тянет по-прежнему свою заунывную песню. В последнее наблюдение ветер сдул Николая с лесенки у психометрической будки.

И в домино, и в «66» играл. Читал Плеханова, начал читать «Тарарена из Тараскона».

*25 ноября. Суббота*

Утром. Увидев, что барографы пошли в гору, обрадовался: быть может, сегодня промышленникам удастся уехать. Ветер затихал, но очень медленно: в 7 часов был 14 м, в 13 часов – 12 м и к вечеру спал до 8 м. Сегодня всё же не выехали, надо думать, завтра ветра не будет, по крайней мере большого, и выехать промышленникам будет можно. Такая длительная задержка угрожает зимовке: вместо двух человек и одной собаки питается 9 человек и 40 собак.

Переписываю ноябрьскую книжку наблюдений, отремонтировал распоровшееся во многих местах заячье одеяло.

Зашёл сегодня спор у меня с Васильевым. Он говорит, что солнце здесь появится 12 дней спустя после рождества, т. е. 19 января. Я же говорю, что мы его увидим около 10 февраля. Упорно стоит на своём и доказывает, что здесь, на Котельном, солнце появляется раньше, чем в Казачьем. Удивляюсь, как может быть присуще такое убеждение человеку, половину своей жизни прожившему в Казачьем, половину на островах.

*26 ноября. Воскресенье*

Ветер 2 м, ясно. Барограф, забравшись высоко, пишет горизонтально. На собаках уже алыки, Брат, чувствуя дорогу, попискивает. С нами остаётся один Чёрный. Сорок дней и сорок ночей будем мы ждать прихода промышленников с Ляховского. Будут новости, письма. Ещё почти 40 дней спустя – будем встречать солнце и ещё 50 наших промышленников, начало возвращения в Якутск, домой, в Ленинград.

Вечером. День прошёл славно. Николай занимался совершенствованием своей постели, а затем варкой ужина. Я же, после того как приготовил завтрак в 12 час. из ивасей и кофе для меня, и какао для Николая, и после наблюдения, принялся набивать оленьей шерстью

свой тюфяк. Закончив это дело и прибрав немного, занялись игрой в «66». После же ужина начал читать «Робинзона Крузо».

Чёрный вел себя крайне беспокойно. Сидит всё время и следит за нами обоими – не собираемся ли и мы к отъезду. Сейчас успокоился, в юрте грызёт кости, оставшиеся от ужина.

#### *27 ноября. Понедельник*

Начали генеральную чистку. Скоблили, тёрли и мыли пол юрты, стол, скамью, полку, посуду. Грязи всюду – на палец. Смыли всё-таки. Дом убрать сегодня не успели, будем наводить чистоту здесь завтра.

На завтрак варил рисовую кашу, а вышла... рисовая похлёбка. Ели в холодном виде, с компотом. Когда управимся с чисткой, выстираем бельё и помоемся в бане – будет свободное время, закатим пельмени.

#### *28 ноября. Вторник*

Дошла очередь до дома. С утра занялся его чисткой. Вода была приготовлена ещё вчера, и потому к 12-ти часам дня я своё дело кончил. Пол скоблил пучком мелких лучинок, туго перевязанных, – это был наш голик (веник). Чтоб он лучше сдирал грязь, посыпал пол золой. Завтра в баню. Опять накопилось изрядно белья, опять полдня уйдёт на стирку. На этот раз стирать будет легче – бельё не так заношено. Вода для бани уже сегодня приготовлена из снежного сугроба, прилегающего к дому.

Пока я мыл дом, Николай с Чёрным притащили две нарты дров с косы. Значит, работали все трое. И Чёрный не зря хлеб ест.

Наша комната приняла опрятный вид.

Продолжали читать Робинзона, Николай им весьма доволен.

#### *29 ноября. Среда*

Весь день прошёл в работе. Встал в 6 час., затопил печи и дома, и в юрте. Налил обе лампы керосином, приготовил тесто для оладьев. Печь их стал после того, как провёл утреннее наблюдение. В 8 час. оладьи были готовы. Выпил кружку крепкого кофе с молоком и свежими оладьями. Принёс льду и наколот его полную банку. Поставил её поближе к печке – пусть тает.

Ввёл поправки к утренним наблюдениям, проверил вчерашние наблюдения Николая и переписал одну страничку наблюдений в книжку-копию. В это время, около 10 час., встал Николай. После чая он занялся баней, а я стал печь медовые пряники. С ними провозился до половины

первого. Пряники вышли неплохие. Тесто раскатывал бутылкой со снеговой водой, во время оно служившей нам для смачивания батиста на термометрах. Наносил дров из сеней.

К 13-часовому наблюдению Николай мыться кончил, после наблюдения направился мыться я. Вернее, не мыться, а стирать. Стирка заняла часа три, сам же мылся гораздо меньше часа. Пришёл домой около 6 час. вечера. Лёг отдыхать и сохнуть после бани и слегка вздремнул. Потом поужинал супом из сушёных овощей, определил солёность воды, взятой в 13 час., и вдруг обнаружил, что забыл сменить ленту на суточном барографе. Перо уж писало вторую линию. Это всё баня виновата. Спешил – и забыл.

К вечеру стало холодно. В 19 час.  $-34,0^{\circ}$ . Такой температуры ещё не было. Вот восьмой день, до мелочей. И я, и Николай вели себя молчаливо, обменявшись за весь день каким-нибудь десятком слов.

### *30 ноября. Четверг*

Ночью, после бани, скверно спал. Поэтому и настроение подавленное. Днём проспал часов пять, и боюсь, что ночью опять буду бодрствовать, лёжа в постели.

Втроём – я, Николай и Чёрный – поднимали сегодня дрова с косы к дому. Привезли три нарты, хватит на два-три дня, если не будет очень сильного ветра.

Наступает последний месяц 1933 года, самый тёмный. Четыре месяца осталось здесь прожить.

### *1 декабря. Пятница*

Утром и днём сильная облачность, всё небо покрыто плотными облаками. Вновь стал дежурить я вечерами, Николай же утром и днём. Сегодня на вечер сварил рисовый суп. С завтрашнего дня начинаю занятия с Николаем по физике и алгебре. Февраль и март отвели на метеорологию и обществоведение. Я возобновил сегодня занятия по немецкому языку, прерванные чуть ли не месяц тому назад, 6 ноября.

### *2 декабря. Суббота*

Днём снова втроём таскали дрова. Чёрный всё больше жиреет, с трудом стал залезать под нару в юрте.

Провёл первую беседу с Николаем по физике. Завтра будем заниматься алгеброй. Я и сам здорово её забыл.

Чудный лунный вечер со слабым ветерком. Температура около  $-30^{\circ}$ . Вчера день был очень тёплый, каких не было в ноябре: средняя температура  $-18,4^{\circ}$ .

Если у наших промышленников дела идут хорошо, то они сейчас должны быть на Делисее.

#### *5 декабря. Вторник*

Стряпал пельмени. Большие, словно пироги, но вкусные. Приготовил целых полсотни штук, съели больше половины. Немецкий идёт хорошо, помогаю Николаю пережёвывать алгебру.

#### *17 декабря. Воскресенье*

Хоть и быстро бегут дни, хочется, чтобы они бежали ещё быстрее. Настала самая тёмная часть полярной ночи, и в 12 часов дня не гаснут звёзды на небе. Считаем дни до перелома ночи (6), до Нового года (14), до приезда промышленников с письмами – вот будет радость! (19), до солнца (ох, ещё долго, целых 50 дней, по крайней мере), до приезда Лепчикова с Васильевым и, значит, нашего «освобождения» (130 с лишним), до Якутска и желанной встречи (почти 230 дней).

#### *20 декабря. Среда*

День ушёл на стирку, на баню, на пельмени. Последние сегодня особенно жирны – из трёх языков с маленьким прибавлением «простого» мяса.

#### *22 декабря. Пятница*

Мы рады луне. Она наконец снова поднялась над горизонтом и хоть немного ослабила эту начинающую надоедать темень. Вышла из-под горизонта в третьем часу дня и прогуляла по небу почти до 9 час. вечера. А вчера ведь её ещё совсем не было. Луна быстро нарастает, но сейчас она – лишь узкий серп.

Безобразно сплю ночью. Лёг вчера в 11-м часу вечера, а в 2.30 ночи проснулся и не мог больше уснуть. После завтрака часок удалось вздремнуть, освежить голову.

#### *23 декабря. Суббота*

Как хорошо, что впереди уже не нарастание темноты, а уменьшение, пусть сначала медленное. Сегодня как раз переломный день, и мы считаем, что половина зимы позади! Впереди только хорошее и

светлое: новости и письма с Ляховского и с материка, потом солнце, потом – Лепчиков с Васильевым (не хуже солнца!) и – наше возвращение.

Никогда, кажется, я не интересовался так присутствием луны на небе, как сейчас.

Дочитываю вторую часть «Пушкин в жизни» Вересаева. А книг на зимовку хватит. За ноябрь ещё не дочитан Плеханов, в январе же начат том Ленина, а его хватит надолго. Нет особого «читательного» настроения.

### 25 декабря. Понедельник

Пока в юрте кипятится вода для пельменей, кое-что запишу в дневник о житье-бытье.

Ночью обычно сплю плохо. Просыпаюсь часто, во сне вижу всевозможную ерунду – сегодня с Николаем играл в «66» – и, проснувшись в последний раз ещё задолго до семи, лежу с открытыми глазами. Всё, о чём лишь только думать можно, давно, десятки раз передумано, и потому время течёт медленно. Часы и спички лежат на краю стола, и нужно лишь протянуть руку, чтобы узнать время. За иную ночь накопится целая кучка использованных спичек. Значит – спал отвратительно. Наконец, когда стрелка перевалит за 6, я бужу Николая: «Николай, Николай!» В ответ далеко не сразу слышится мычание. «Седьмой час», – добавляю я ему.

Через несколько минут Николай встаёт, зажигает свет, заводит двое часов и затапливает печи в доме и в юрте. Всё это он проделывает, облачившись в полушубок, а иногда даже и в шапку – в комнате температура ниже 0 градусов. Я лежу и выжидаю, чтобы комната мало-мальски согрелась. Когда в 6.55 Николай чиркает спичкой, чтобы зажечь свечу для наблюдения, я вскакиваю и быстро одеваюсь. Пока Николай считывает барометр и анероид и делает отметки на барографах, я уже готов: в полушубке, с дождемерным ведром под мышкой, жду, когда Николай возьмёт фонарь. Наблюдения дома кончены, мы вместе отправляемся на метплощадку. Обычно после ночного сна выходит с нами и Чёрный. Вдвоём стали ходить на наблюдения недавно, после отъезда промышленников, в самое тёмное время. Как-то веселее, одному же и жутковато, да и небезопасно.

Я меняю ведро и смотрю ветер и облачность, Николай отсчитывает термометры в будке и на земле. Посмотрев снегомерную рейку (не каждый день), отправляемся назад.

Вчерашний суп уже согрелся, чай вскипел, и, умывшись, можно садиться за завтрак. Доедаем остатки вчерашнего ужина – суп из сушёных овощей и мясо. Пьём какао с молоком и... мясом – оладьев нет, старые все съели, новых Николай ещё не напёк. Тут же к нашим услугам и яблочное варенье.

После завтрака я принимаюсь за немецкий язык, перевожу книгу о хлебозаготовках в Казахстане в 1928 году. Книга называется «*Argutinskaja. Eine Seite aus grosen Buch*». Сначала я переводил её, переписывая текст русским языком, но, исписав такую тетрадь, как та, в которую сейчас записываю, бросил. Уж очень много времени уходит на технику письма. Переписывая, переводил за два часа 3,5–4 страницы, а переписывать бросил и стал переводить по 10 страниц за это же время.

### **1933-й был для меня годом интересным, содержательным, годом большого опыта**

*26 декабря. Вторник*

А ну его, с нашим днём, с его распорядком. Лучше буду писать о том, что придёт в голову.

Варю сегодня рисовый суп – так полагается по моему неписанному расписанию ужинов. Завтра – овощи, послезавтра – жареное с овощами мясо, потом снова овощи и, наконец, пельмени – наш лучший ужин. И почему бы нашим пельменям не быть отличными, если мы тесто начинаем на две трети языками и на треть простым мясом. Скоро будем встречать Новый год, нужно будет изготовить какие-нибудь немудрёные яства по сему случаю.

Принялся всерьёз бороться с бессонницей. Нужно утомиться, чтобы тело ощущало потребность в отдыхе. А чтобы утомиться, нужно работать. Как раз денёк сегодня для работы чудесный. Луна светит вовсю, и тихо. Взял нарту и стал на ней возить дрова с косы. Горка крутая, и потому одному-то пыхтеть приходится порядочно, но это и хорошо – скорее устанешь. До завтрака привёз четыре нарты. После завтрака уже с Николаем привёз ещё четыре – в баню. Устал-то, кажется, мало!

Сегодня как-то необычно светло. Неужели уж заря заметно ярче, ведь всего лишь три дня она нарастает. Мы часто говорим о свете, о солнце, ещё, кажется, чаще о предстоящем получении новостей. Эх, кабы побольше их, да получше б они! Пахнет свежим ветром с материка, ещё нетерпеливее станем ожидать мы конца нашей зимовки. Сейчас ничего не может быть дороже, чем желанная весточка с материка, этот клочок-другой исписанной бумаги.

Лягу спать не раньше 11-ти. Прошлую ночь спал безобразно. Беда, что в 9 часов веки стопудовые, здорово ко сну клонит. Буду бороться, не хочу ночью валяться с открытыми глазами, с одной мыслью – скорей бы утро!

*27 декабря. Среда*

Вчера сдал, не выдержал, лёг сразу же после 9-ти часов, и, конечно, отвратительная ночь. Сегодня раньше 11-ти не лягу ни за что. А глаза слипаются. Скоро 9. Проведу наблюдение и займусь очисткой сеной от снега да рубкой мяса. Смотришь, время-то и пройдёт. За книгой не усидеть – усну.

В 19 часов термометр показал  $-35,3^{\circ}$ . Это первый случай, когда он опустился ниже  $-35^{\circ}$ .

## 1934 год

*1 января. Понедельник*

Вот он, Новый год! Откатился в прошлое 1933-й. Он был для меня годом интересным, содержательным, годом большого опыта. Этот год я буду вспоминать всегда как один из лучших годов моей жизни. Вряд ли какой-либо из будущих годов, если мне суждено прожить их ещё не один, будет настолько своеобразен! Наступивший год сулит много хорошего, даже прекрасного, но... сбудутся ли предположения? Вот-вот должны прибыть промышленники – 5 января им срок, как раз 40 дней отсутствия, – они должны доставить вести. По ним можно будет судить, на что надеяться в будущем.

Три последних месяца осталось проработать нам на станции. А потом – возвращение. Оно будет не менее интересно, чем и само путешествие на Котельный. Ляховская станция... Казачье... Булун... Якутск. На последнем чаще всего застревают мысли. Здесь, думаю, должен произойти резкий перелом в моей жизни, перелом в хорошую, светлую сторону. Но будет ли так?

### **О встрече Нового года**

*2 января. Вторник*

О встрече Нового года говорили уж давно, кое-что для неё оставляли. Днём 31-го немного уснул, чтобы можно было бодрствовать предстоящей ночью.

Вечером же принялся за стряпню. Напёк (на сковороде) медовых пряников – ни капли воды, только мёд да немного масла. А потом принялся жарить яблочные пирожки (с яблочным вареньем). Дали же они мне жару! Варенье, чтобы не было жидким, вынес в сени, и оно, верно, загустело. Но когда положишь его на раскатанный и выровненный чашкой кусочек теста – оно уже жидкое, начинаешь тесто

заклеивать – не тут-то было, тесто не клеится, начинка лезет наружу. С большим трудом удалось слепить около полутора десятков пирожков. Больше не мог, терпение лопнуло. Стал их жарить – они рты пораскрывали и вся начинка как на ладони. Но на вкус вышли хороши!

Когда стрелка часов перемахнула через одиннадцать, стали готовить магний, пластинку и пр. – нужно же сфотографировать встречу Нового года на полярной станции!

К 12-ти всё было готово: на столе бутылка коньяка (последняя, давно для Нового года приготовленная), консервированные иваси, печенье, пирожки с вареньем, конфеты (одна горсть, вторая оставлена для встречи солнца), мармелад, пастила, крепко заваренный, душистый китайский чай.

В 12 мы за столом с поднятыми «бокалами» – стаканчиками от термосов – и Чёрный между нами. Магний вспыхнул, и не знаю, достаточно ли ярко был свет, чтобы сносно запечатлеть на пластинке наш праздник. Чёрный был сразу же отпущен и ушёл на своё место под нары, мы же стали угощаться всем тем, что было на столе. Коньяк приходилось расходовать экономно – кое-что нужно оставить и для праздника солнца, – и потому выпитого оказалось только-только достаточно, чтобы повысить наше настроение и оживить беседу. Разговаривали много и весело, вспоминая друзей, что остались далеко-далеко, и кто знает, в эту минуту, быть может, нас вспоминающих, о соседях – Ляховской станции с неизвестными для нас её обитателями, о предстоящей радости получения писем, о скорой радости возвращения. Кончили пир – ушли в комнату, улеглись на свои койки и при потушенной лампе долго ещё разговаривали. В 4-м часу лишь умолкли – нужно было спать, ведь в 7 утра мне уж нужно делать наблюдение.

Хорошо, приятно был встречен Новый год. Могу сказать, что более приятного чувства никогда не оставляла у меня встреча Нового года.

Утром в 6 час. я уже проснулся и вскоре был на ногах и затопил печь. Днём читал Ленина, кончил «Государство и революция» и начал «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Никогда я так внимательно и с таким удовольствием не читал Ленина, как здесь.

К вечеру организовали стрельбу в цель. В юрте повесили мишень и ну сажать в неё из тозовки. У тозовки недостаток – нужно опустить прицел. А больше, чем есть, не опускается. Как бьёт тозка, узнали, малость пристрелявшись, стали попадать в кнопку.

Вечер опять за чтением.

Так прошёл первый день этого года.



*Встреча Нового, 1934 года, всем составом станции.  
Владимир Соколов и Николай Дудкин*

---

**Гигрограф стал, а термограф заехал за пределы барабана.**

**Мороз – щёткой по лицу. Промышленников всё нет**

*4 января. Четверг*

Вчера было тепло, и я пустил самописцы. Сегодня холодно, но они шли, не останавливаясь, даже и тогда, когда температура достигла  $-33^{\circ}$ . Уж я не рад! Менять ленточки в такой мороз, при ветре в 8 м у будки, на земле, невозможно, приходится эту операцию проделывать в сенях, тащить самописцы туда, а потом обратно. Сейчас, к вечеру, гигрограф стал, а термограф заехал за пределы барабана, и стрелку пришлось отвести.

Все наши разговоры начинаются и кончаются предстоящей встречей с промышленниками и ожидаемыми письмами. Завтра – первый день назначенного срока – не раньше 40, не позже 45 дней до нашего возвращения, сказали промышленники при отъезде. Завтра сорок. Будем ждать!

*5 января. Пятница*

Нет пока долгожданных гостей. Не только днём, но даже рано утром и поздно вечером прислушиваемся вдруг к подозрительному звуку: не скрип ли полозьев, не лай ли собак? Николаю вчера почудилось, словно где-то собака гавкнула. Прислушался, и когда звук повторился, понял: капля с потолка упала на крышку дождемерного ведра. Утром услышал я словно бы скрип полозьев – оказалось, это огонь в печке издаёт такие звуки.

Скорей бы приехали, оборвали бы всё более обостряющееся напряжение ожидания. Скоро-скоро будут, завтра будут – письма от родных, от друзей, письма от милых. А что, если нет?!

*7 января. Воскресенье*

Утро. Не приехали и вчера. Неужели их не будет и сегодня? Ох, это бесконечное ожидание! Как стрелка часов подползает к 2-м, так надежда всё больше и больше ослабевает и в 4 – исчезает совершенно. Сейчас 10.40. Ещё рано. Быть может, и приедут. Занялся мясными пирожками. Сейчас сечкой изрублю мясо и буду лепить пирожки, а потом жарить их на сковороде. Быть может, сегодня же буду ими потчевать гостей.

Вечер. Так их и нет. Брошу об этом думать. «Забуду», что кто-то должен приехать, что что-то должно быть привезено. Может быть, и к лучшему это запоздание: по крайней мере, удовольствие чтения писем

ещё предстоит, а не пережито, как если б промышленники оказались уже здесь.

Становится всё холоднее. Сегодня средняя  $-38,5^{\circ}$ . До  $-40^{\circ}$  ещё не доходило, но вот-вот дойдёт. Мороз – ничего, дело портит ветерок 4–6 м/с. Он стальной щёткой прогуливается по лицу...

Наши оживлённые разговоры о предстоящем приезде промышленников и новостях почти совсем затихли. Истомило ожидание.

#### *8 января. Понедельник*

Ночью ртуть в срочном термометре замёрзла и в утреннее наблюдение стояла ниже начала делений шкалы. Днём опять стало теплее, шёл мелкий снежок. К вечеру разъяснило, стало совсем тихо. На небе развернулось яркое сияние. «Их» так и нет. Осталось ещё два дня из назначенного срока. Конечно, они могут запоздать, и сильно.

#### *9 января. Вторник*

11.30. Чудесный, тихий, светлый день. Свет так и нарастает, что ни день, то кажется, что светлее в два раза, чем вчера. Заря уже не бледная, как раньше, а розоватая, нежная, но всё более яркая. Откопали сегодня окна – западное было совсем занесено. Сегодня в первый раз при дневном свете видел западный мыс. В течение последнего месяца он был виден лишь при полной луне, и то смутно.

Кабы сегодня да приехали б промышленники. День показался бы ещё светлее.

#### *11 января. Четверг*

11.40. Вчера, как и в каждое число с нулём, – баня, и, как в каждое с нулями или с пятёркой, – пельмени. Промышленников всё нет, а срок, ими данный, окончился уже вчера. Неужели ещё долго их не будет?

#### *12 января. Пятница*

Уж давно всё готово к приезду промышленников, а их всё нет. Отложены сухие дрова и сушатся «петушки», чтобы в момент можно было растопить печь в юрте; нарезано мелко мясо, на сковороду положил – и жарь; миска полна варенья, кюветка – мармелада, но нет только гостей. Сегодня пасмурный, облачный день, темно. Обычно мы ждём до 2-х часов дня, и, как до 2-х гостей нет, значит, в этот день уж и не будет. Сегодня ввиду темноты отсрочка на час, ждём до трёх. Сейчас, когда пишу эти строчки, до трёх осталось 20 минут. Быть может, в эти 20 минут и приедут? Слаба надежда.

14 января. Воскресенье

Последние дни стоит тёплая и одновременно почти безветренная погода. Температура колеблется между  $-25^{\circ}$  и  $-30^{\circ}$ , а ветер за 6 м не переваливает. Самописцы получили возможность чертить свои кривые, чем они сейчас с успехом и занимаются. В начале зимы, бывало, лишь температура подойдёт к  $-26-27^{\circ}$ , смотришь – самописцы уже стоят. Сейчас – не то, я их отрегулировал, и они стали работать до  $-30^{\circ}$  и даже ниже.

Стоит ли упоминать, что промышленников по-прежнему нет?!

**51-й день нашего одиночества. Говорить не о чем.**

**О том, что нас интересует, переговорено всё давно,**

**а о неинтересном и говорить не хочется**

16 января. Вторник

Вчерашний день был каким-то уж слишком томительным, и я с трудом дождался его конца. Почему-то сильно надеялся, что днём приедут промышленники. Но их всё же так и не оказалось. Видимо, я ещё мало обманут в своих надеждах и их ещё не потерял. Сегодня встал в необычно хорошем, лёгком настроении. И отчего бы ему быть? День ветреный (10 м/с), не то сильный позёмок, не то низовая метель, не разберёшь. Если промышленники даже и ночевали в ближайшей к нам урассе, то всё же вряд ли они в плохую погоду тронутся к нам. Потому сегодня их ждать оснований меньше, чем когда-либо.

Есть у нас тут пара томов Дарвина: 1-й и 3-й. Вчера начал читать 1-й том, содержащий статью Тимирязева «Значение переворота, произведённого в современном естествознании Дарвином», «Автобиографию» Дарвина и «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле “Бигль”».

Прочёл «Рассказ о прошлом» – записки о жизни артиста Давыдова. Ленина читаю потихоньку. Немецким почти не занимаюсь, не занимаюсь (почти) и исторической геологией. А следовало бы серьёзно заниматься и тем и другим. Да вот беда – настроения нет, и нет его потому, что все мысли вертятся вокруг предстоящего приезда промышленников. Ведь с ними должны быть письма и, кто знает, быть может, даже и газеты.

Вот когда эта напряжённая атмосфера ожидания с приездом промышленников разрядится, вот тогда появится желание читать, заниматься.

Сегодня уже 51-й день нашего одиночества.

*18 января. Четверг*

Позавчера утренний позёмок быстро превратился в общую метель. Да ещё в какую! Зги не видно! Ветер был не так уж силён, около 14 м, и больше 15-ти держался короткое время, но снегу несло ужасно много. Вечером Николай, идя к будкам, попал к спуску к морю. Я же, идя от бани, прошёл сначала к поставленному конусом плавнику и козлам, от них – к штабелю льда и, наконец, упёрся в стену юрты. Не видно решительно ничего.словно в мешке сидишь. К тому же дом не различим, т. к. до крыши окопан снегом. За ночь дверь из сеней на улицу занесло до верха, оставалась лишь узкая щель. С час откапывал снег. Теперь подход к дверям сеней идёт по снежной траншее.

Вчерашний день был много лучше. Правда, ветер ещё не улёгся, был сильный позёмок, но видимость была неплохая, и для переездов эту погоду можно считать удовлетворительной. Но промышленники не приехали. Сегодня погода ещё лучше, светло, облаков нет и нет позёмка. Ветер только 6 м. Не приедут ли промышленники? Чувство ожидания стало притупляться.

*19 января. Пятница*

Сегодня повторение пройденного недавно: метель, всё превращающая в одну мутную серую пелену. Конечно, в такую погоду о приезде промышленников приходится забыть.

За последнее время стал замечать, что по ночам слегка потею. Этого со мной раньше не бывало, хотя я и летом спал под тем же заячьим одеялом, под которым сплю и сейчас. Я было не придавал этому никакого значения, но сегодня вдруг мелькнула тревожная мысль: не туберкулёз ли у меня начинается? Ведь при начале туберкулёза бывают постоянные ночные поты. Посмотрим, что будет дальше. Никаких недомоганий не чувствую. Было бы несколько печально, если б вдруг мои опасения подтвердились. Не хочу туберкулёза!

У меня возникла «гипотеза», объясняющая долгое отсутствие промышленников. Обстоятельства сложились, вероятно, следующим образом. Ушли промышленники с Ляховского о-ва с грузом на двух нартах, намереваясь одну из них оставить для обслуживания пастей на Котельном, другую же, для устранения лишних ртов, отправить обратно на Ляховский. Но, чтобы не отправлять нарту пустой, промышленники решили возможно скорее осмотреть все пасти, собрать песцов и отправить их на базу, чтобы они могли ещё зимним путём достигнуть Булуна, а быть может, и Якутска. Если дело действительно

обстоит так, то промышленникам, конечно, не было времени ни возиться с нашим грузом, ни продолжить свой путь до станции. Ожидать их на днях мы всё же можем, времени прошло достаточно, чтобы успеть начать второй осмотр пастей.

Это предположение наиболее вероятное. Есть и другие, но о них говорить не стоит, они основываются на исключительно редких явлениях.

«Гипотезу» записываю в дневник уже вечером. Ветер несколько ослабел, барометр робко тронулся вверх.

#### *20 января. Суббота*

Тронулся, но ненадолго. Это я про барометр. Сегодня снова метель, снова зги не видно. В такую погоду не жди ни недруга, ни друга. Сегодня – число с нулём, должны были бы топить баню, но приходится выжидать более спокойной погоды, ветер быстро выдувает тепло.

#### *21 января. Воскресенье. Утро*

За ночь барограф вычертил кривую круто вверх. Сейчас, утром, чудная, тихая погода, чуть-чуть тянет с севера. Зимой этого направления почти не бывает, и надо думать, что и на этот раз ветерок быстро изменит своё направление. Небо совершенно безоблачно. Мороз слабый, в 7 часов  $-22,5^{\circ}$ , а ночью температура поднималась до  $-13,8^{\circ}$ .

Теперь можно заняться и баней. Притащим две банки и большую кастрюлю снега, поставим на печь: пусть тает. Топить будем завтра. Сегодня же надо поднатаскать домой побольше дров.

Заготовленных промышленниками дров нам до конца зимовки не хватит. Я это предполагал. Поблизости ещё летом сложено несколько куч мелкого плавника, и его мы в первую очередь используем. Приедут Никушка и компания – нам помогут подтащить плавник на собаках.

#### *22 января. Понедельник*

Вчера в 11 час. вечера удалось наблюдать исключительно красивое северное сияние. Всё небо было покрыто яркими колеблющимися полосами, и в некоторое время эти полосы, особенно в зените, представляли собой словно огненный поток струй, бешено мчавшихся навстречу друг другу. Медленно яркие краски сияния потухли, в зените образовалась небольшая белая корона. Да, такого великолепного сияния мне ещё видеть не удавалось, всё виденное ранее было, бесспорно, превзойдено вчера.

Сегодня – баня, запоздавшая на пару дней из-за плохой погоды. Вчера день выстоял великолепнейший, тихий и светлый. Сегодня хотя и пасмурно, но и не холодно, и не слишком ветрено.

### 23 января. Вторник

Пасмурная, сумрачная погода при небольшом ветре. Лишь к вечеру стало яснее, и сквозь облака проглянула луна.

Несмотря на однообразную жизнь, время летит быстро. Этого нельзя было говорить в декабре, тогда время тянулось безгранично медленно. И чувство такое у нас обоих – и у меня, и у Николая. А всё происходит из-за того, что в январе распорядок дня приходится нам обоим по душе. Я сейчас дежурю по утрам, встаю сравнительно рано, подогреваю вчерашний суп, занимаюсь мелкими хозяйственными делами, готовлю полуденный завтрак. Я люблю вставать рано. Время же за работой протекает быстро. А тут ещё возка дров, 13-часовое наблюдение, за ним завтрак. Смотришь, до 4-х часов – времени, когда я предаюсь дневному сну, – пара пустяков. В 4 ложусь спать, и в самом начале 8-го Николай будит ужинать. После ужина определение солёности воды, чтение книг, иногда разговоры (на темы, давным-давно пережёванные). В 10.30 – спать, дольше сидеть нельзя, не хватит керосина на оставшуюся часть зимовки. Смотришь, день-то уж и прошёл.

Николай встаёт поздно, часов в 11, завтракает, потом дрова и, в общем, не замечает, как настаёт время готовить ужин. Одним словом, при существующем распорядке нам хорошо обоим, и потому мы намерены этот порядок сохранить на всё оставшееся время зимовки.

Чёрный – жирный ленивый трус. Иначе его не назовёшь. Утром, когда иду на наблюдения, он в сени выходит вперёд меня, но из сеней на улицу носа первым не кажет. Идёшь вперёд, а он потихоньку пробирается сзади, поминутно остря уши и тревожно озираясь. Видно, порядком напугали его осенью медведи.

Повадился к нам ходить песец, грызть наше мясо. Посещения его начались ещё осенью, и первое, что он напроказил, было похищение ремня у нарт, на которых возим дрова. После этого отгрыз у дверей тордоха ременную ручку, перегрыз ремни, вырезанные из моржовой шкуры и растянутые перед обрывом на кольях. Теперь, когда баню окружают высокие снежные сугробы, он повадился лакомиться мясом. Ставили мы капканы, но песец хитёр и на приманку не идёт. Сегодня Николай вновь перезарядил капканы и поставил их так, что если песец

попытается лезть на баню, то обязательно в один из них попадётся. Повадились кувшин по воду ходить, тут ему и голову сложить!

#### 24 января. Среда

Песец не попался, а быть – был и снова полакомился мясом. Если в эту ночь не попадётся – переложим мясо на арангас (*арангас – здесь лабаз, пирамида с приспособлением для хранения груза*), капканы же будем ставить на баню.

В 11 часов утра лёг полежать, да и уснул, и проспал до самого наблюдения. А в 4 лёг снова. Что же я буду делать ночью?

Завтра – полтора года со дня моего выезда из Якутска и 60 дней, как мы живём вдвоём. Ещё через полгода мы должны быть недалеко от Якутска.

#### 26 января. Пятница. 10.40

Надеялся, что будет ясный день – в 7 час. не было ни облачка, но к 9-ти всё небо уже было закрыто облаками.

Вчера, перед самым отсчётом температуры морской воды, погасла свеча в фонаре, но дневной свет оказался уже достаточно силён, чтобы можно было отсчитать термометр и без фонаря.

Ещё позавчера откопал все окна юрты. Они снова приносят пользу, два же последних месяца мы позабыли об их существовании.

Мясо решили на арангас не класть, а изрубить всё на куски и уложить в ящик в сени. Половину я утром уже изрубил, вторую половину изрубил Николай.

Ждём промышленников, а их всё нет. До первого осталось 6 дней. Если в эти дни не приедут, то все объяснения их запоздания, нами построенные, рушатся.

Между прочим, сегодня ночью мне приснилось, что промышленники приехали, но продуктов не привезли. Письма были, но как будто очень мало, и лишь с Ляховского.

#### 27 января. Суббота

Утром выпустил Чёрного гулять и через некоторое время слышу: лает. Накинул наскоро полушубок, выскочил на улицу и вижу, что стоит Чёрный перед баней, смотрит на стенку и заливается. Ну не иначе как песец в капкане. Разбудил Николая, и, когда стали подходить к бане, Чёрный, до этого лишь только лаявший на песка, почувствовав за своей спиной надёжную поддержку, бросился на

него. Капканы по моему совету Николай поставил на крыше у самого края, как раз в том месте, где песец должен с разбегу по сугробу вскакивать на крышу. Шкурка весьма низкосортная: хвост весь тёмный, темны и уши.

Сейчас капканы, вновь заряженные, стоят на прежнем месте. Мы полагаем, что лакомиться мясом приходил не один песец и весьма вероятно, что в капкан заберётся ещё один незванный гость.

На днях Николай, выйдя из дома, видел убежавшего от бани песца. Он ему показался странным, тёмным, т. к. песец довольно отчётливо выделялся на фоне снега и его далеко можно было проследить глазом. Уж не голубой ли это песец?

Весь день – позёмок. Промышленников нет. Осталось четыре дня мотивированного ожидания.

#### *28 января. Воскресенье*

Ничего нового. Лишь позёмок чередовался с низовой метелью. По записи Николая, в прошлом году 28 января на Ляховской станции впервые после ночи увидели солнце. Скоро и мы будем его встречать.

#### *29 января. Понедельник*

В первый раз не взял с собой фонарь, когда в 13 часов пошёл отсчитывать температуру воды в море и брать пробу. Можно, пожалуй, уж отсчитывать без фонаря и термометры в будке. Как нас радует эта быстрая прибыль света! Печалит лишь трудно объяснимое отсутствие промышленников, отсутствие вестей с материка.

Почти весь день позёмок или низовая метель. Днём было затишье, и мы им воспользовались для того, чтобы притащить четыре нарты дров – трёхдневный запас. Поднимать дрова всё хуже и хуже, т. к. под гору постоянно надувается снег и по склону выросли огромные сугробы.

Пишу уже лёжа в постели. Лёг да и вспомнил, что кое-что можно бы записать, ну вот и записал. Можно теперь и спать.

#### *30 января. Вторник*

Погода улучшилась, ветер ослабел. Позёмок возникает лишь изредка. Кончил «Путешествие вокруг света на корабле “Бигль”» Дарвина. Начал 1-й том сочинений Мамина-Сибиряка. Это объёмистая книга, порядочно тоже потрёпанная, покрытая плесенью. Шрифт мелкий, её хватит надолго.

*31 января. Среда*

Прошёл последний день января, а промышленников нет. Теперь уж отпадает прежняя «гипотеза», объяснявшая их отсутствие спешкой, срочным осмотром пастей и переброской песцов на Б. Ляховский. Если б промышленники и не спешили, всё равно времени прошло уж вполне достаточно, чтобы произвести второй осмотр пастей.

Думаю, что теперь уж можно надеяться лишь на приезд наших промышленников, т. е. Лепчикова и Васильева. Но до назначенного срока остаётся ещё два месяца. Отсутствие промышленников объясняю тем, что, вероятно, в Казачьем большой недостаток кондёвки и собачий транспорт на Б. Ляховском остался без корма. Вероятно, найдут возможность к 1 апреля выслать сюда хоть одну нарту для того, чтобы закрыть пасти и собрать песцов. Если с кондёвкой дело обстоит плохо, то и Лепчикову трудно будет выкручиваться в Казачьем. Ведь для того, чтобы прокормить две упряжки собак до отъезда на Котельный и на питание собак в пути, нужно около 30 тыс. штук кондёвки. Это не так-то мало, в особенности при недолове.

Через два месяца будем, надеюсь, встречать уже Васильева и Лепчикова. Ждать их будем с удвоенным, утроенным нетерпением.

Они запоздать не должны. Есть ли кондёвка в Казачьем, нет ли — но за нами они придут. Только вот продукты к апрелю мы подведем все, их на два месяца только-только хватит, а если случится какая-либо задержка с приездом Васильева и Лепчикова, то — садись на жёсткий паёк.

*1 февраля. Четверг*

Мы проявили недовольство позёмком и сравнительно слабым ветром и получили хор-рошую метель при низкой температуре ( $-27^{\circ}$ ) взамен позёмка. Весь день свищет ветер, беспрестанно переносит громадные массы снега. Не открывай глаз! К ночи ветер усилился до 18-ти и выше м/с. Печь пожирает двойное количество дров, и всё-таки бывает прохладно. Сегодняшняя погода привела нас к решению прекратить отапливание юрты. Завтра все хозяйственные принадлежности перенесём в дом, а юрта будет кладовой. Последний месяц мы печь в юрте протапливали только по утрам, а днём оставляли дверь из дома открытой, чтобы юрта не остывала совершенно.

*2 февраля. Пятница*

Сегодня осуществили вчерашнее решение о перенесении кухни из юрты в дом. Начать пришлось с капитального ремонта наших отопи-

тельных устройств – т. е. маленькой железной печки. Уже прохутились оба бока, и пришлось ставить новые.

Теперь всё сконцентрировано в доме. Это и «наблюдательный отдел», и «квартиры сотрудников», и столовая, и кухня. Всё что угодно, одним словом, «комбинат».

Погода плохая, хотя и не такая, как вчера. Ветер 10 м/с, низовая метель не прекращается ни на минуту, и в наши сени набилась масса снега. Как стихнет ветер, будет много дел и со снегом, и с дровами.

До сегодняшнего дня всё держал наготове мелко накрошенное мясо: промышленники приедут, на сковороду положим – вмиг готов сытный завтрак. Но промышленников нет, и мясо за два приёма мы съедим сегодня. Так вот вечером с мороза был «первый приём» жареного на воде мяса (масла очень мало, только-только на лепёшки да на медовые пряники).

Утром ветер с разных мест вдоль южной стены дома собрал целый ком снега. Каким-то образом сквозь проконопаченные стены, обложенные чуть ли не метровым слоем снега, пробивается снег в сильную метель. Не зря полагал я, что снег может пройти даже там, где, кажется, и для воздуха-то нет прохода.

### *3 февраля. Суббота*

День с переменной погодой. То позёмок, то низовая метель, а то и совсем тихо. После дневного наблюдения, воспользовавшись затишьем, подвезли дров. Метель последних дней сгладила спуск к дровам, и у самой поленницы образовалась ступенька метра в два. Дрова мы теперь сначала перебрасываем наверх, на эту ступеньку, а оттуда по пологому и невысокому склону везти уже не трудно. Тем более что снег лёг плотно.

В связи с переводом кухни из юрты в дом нам нужно будет гораздо меньше дров.

На нашу прорубь налез высокий сугроб. Придётся, видно, переносить её опять на новое место.

### *5 февраля. Понедельник*

3 февраля в 21 час проведено на нашей станции тысячное наблюдение. Наблюдая, мы прошли не менее 100 км.

Погода неровная. Ночью и утром была низовая метель. Принималась она гулять и днём, да скоро утихла. Метель сменяется позёмком, и очень мало выпадает времени без того или другого.

За заготовку новых дров ещё не принимались, утешаясь мыслью, что их теперь понадобится немного.

*8 февраля. Четверг*

Дни всё стоят пасмурные. Сегодня днём неожиданно очистился горизонт на юге, и солнце, скрытое ещё и невидимое для наших глаз, озолотило высококучевые облака. На днях, после стодневного перерыва, мы должны увидеть солнце. Только бы небо не было задержнуто этой непроницаемой плотной серой облачной завесой. Она может украсть у нас солнце, украсть радость первой встречи после долгой разлуки.

**Николай завёл «политическую» причёску – заставил волосы ложиться назад. Февральская погода не годится никуда**

*10 февраля. Суббота*

День ветреный. Баню пришлось отложить. Солнце ещё видно не было, плотные облака закрывали горизонт, да ещё и неизвестно, было ли оно над горизонтом. Завтра же оно должно показаться над горизонтом обязательно, т. к. в последний раз мы видели солнце за 52 дня до зимнего солнцестояния, и значит, должны его увидеть вновь через 52 дня после него, а этот день и есть 11-е число февраля.

Т. к. в случае тихой погоды завтра должна быть баня, то праздник солнца мы решили отпраздновать сегодня. После 19-часового наблюдения на столе появились медовые пряники, блюдо с последним вареньем, кювета с мармеладом (тоже последним), иваси, блюдечко с остатками тиксинских конфет и треть бутылки коньяка.

Длинной зигзагообразной лентой рассыпали магниевый порошок и при его свете сфотографировались. Весь стол, на котором горел магний, покрылся слоем его окиси.

Веселящего средства было уж слишком ничтожное количество – всего лишь по полторы планктонных баночки. На нас оно подействовало мало, и настроение до выпивки мало отличалось от настроения после неё. В общем, стали чуть оживлённее и веселее, но надо сказать, что встреча Нового года была более яркой. Правда, нас тогда сильно подогревал предполагаемый через пять дней приезд промышленников, а сейчас до него, тоже предполагаемого, остаётся ещё около 50 суток.

Вот-вот увидим солнце, оно скрасит оставшиеся дни зимовки.

Хорошо, если б что-нибудь хоть немного взбудоражило нашу жизнь. Все темы для разговора использованы, и бывает, что в день мы обмениваемся лишь парой-другой слов. Говорить не о чем. О том, что нас

интересует, переговорено всё давно, а о неинтересном и говорить не хочется. Появление каких-нибудь свежих медвежьих следов у станции уже дало бы толчок нашим мыслям и речам, но никаких следов пока нет и никакие необычные случаи не нарушают нашей спокойной, однообразной жизни.

*11 февраля. Воскресенье*

Опять день пасмурный. Солнце, вероятно, было над горизонтом, но увидеть его пока не пришлось.

Вчера мы подстригли друг друга, и неплохо. А практиковались в первый раз. Нужда заставила взяться за ножницы и гребёнку, слишком уж длинные лохмы отросли. Я недавно тоже достал расчёску и теперь каждый день привожу волосы в порядок. На Ляховской станции, вероятно, волосы сниму наголо. Николай же решил свои сохранить на возвращение.

Взялись оба за ремонт одежды – это уже подготовка к отъезду.

Мои кожаные брюки требуют капитального ремонта, и им придётся посвятить несколько часов.

Пельмени приходится уже варить не из двух языков, а из полутора, добавляя больше простого мяса. Но выходят они всё же хорошо, оставшиеся языки жирны. Пельменями из языков угостим Лепчикова с Васильевым, когда они вновь появятся на нашем горизонте.

*12 февраля. Понедельник*

Опять день пасмурный, в полдень на юге плотные облака и солнца совершенно не видно. Лишь незадолго до 13 час. обрисовалось мутное красное размытое пятно – там должно было быть солнце.

Читаю «Жизнь Клим Самгина» Горького. Помню, кто-то из знакомых как-то высказал мысль, что Горький «исписался» и основывался на этом романе. В то время я не мог ни возражать, ни соглашаться, т. к. «Самгина» не читал. Но сейчас, читая, я вижу, что «Жизнь Клим Самгина», по моему мнению, никак не может служить доказательством упадка таланта Горького. Он не хуже других романов этого же автора, и я читаю его с интересом. Быть может, вернувшись в центр, буду иметь возможность прочесть второй том романа.

*13 февраля. Вторник*

Сегодня солнце удалось увидеть на очень короткое время, когда оно проглянуло в узкую щель плотного облака. Щель была слишком узка и, очевидно, малопрозрачна: солнце не давало даже тени. Похоже, что

наши часы большой ошибки не дадут, хотя с момента их последней проверки – 23 октября – прошло больше трёх с половиной месяцев. Если так, то это славно, значит, отсутствие радиоприёмника на нашей работе особенно не отразится.

С момента, как песец, лакомящийся мясом на бане, попал в капкан, новых песцовых следов не появляется. Очевидно, и навещал нас лишь этот единственный песец. В таком случае, он очень глупо влез в капкан. Капканы были поставлены на бане, у самой стены, к которой прилегал крутой сугроб. Песец, по нашим предположениям, должен был по этому сугробу вскочить на баню и сразу же попасть в капкан. Но, оказывается, песец на баню взобрался вполне благополучно, разрыл снег на том месте, где лежало мясо, и залез в капкан тогда, когда с бани уходил. А ведь капканы стояли совершенно открыто, и спрыгнуть с бани песец мог в любом месте.

#### *14 февраля. Среда*

Вот и прошла первая половина февраля. Мы рады каждому прожитому дню, как будто бы наша жизнь этим не укорачивается, а удлиняется. Ещё две недели, а потом уж наступит март, последний месяц нашей «строгой изоляции». И какая куча радостей сразу: приезд свежих людей, письма от родных и близких, наступление весны и возвращение домой.

Я доволен, что время проходит малозаметно. По-прежнему встаю в 6.30 (в 6 затапливаю печь), после наблюдения и завтрака снова ложусь спать и сплю часов до 11–12-ти. Вечером, после обеда, мне спать нельзя, т. к. на моей обязанности лежит варка ужина. После 13-часового наблюдения – завтрак, потом ремонт одежды или что-нибудь в этом роде, подготовка ужина, иногда «66», приведение в порядок всех метеорологических материалов: переписывание книжек, составление месячной таблицы и пр. Сегодня начал переписывать для себя основные данные наблюдений нашей станции. После ужина чтение. Читаю по несколько страниц Дарвина «Изменения животных и растений под влиянием одомашнивания», часть вторая (первой нет), иногда Ленина. Горького сейчас читаю только утром, во время завтрака, и перед обедом – чтобы надольше хватило. Спать ложимся в 11, но засыпаем обычно не сразу, особенно Николай.

#### *15 февраля. Четверг*

Февральская погода не годится никуда. За истекшие 15 дней февраля не было ни одного дня без метели или позёмка. Особенно плохи по-

следние дни, вчера и сегодня: гуляет сильная низовая метель, сегодня после обеда ветер усилился до 16 м! Мы, конечно, отсиживаемся дома. Странно, что, несмотря ни на что, время летит быстро. Это очень и очень утешительно. Незаметно потратится март – и возвращение.

Удалось проверить часы. Солнце показало лишь свой нижний край, но этого было достаточно, чтобы определить поправку. Она оказалась не мала и не велика – 10 мин. За всю зиму с 23 октября часы ушли вперёд на 10 мин. Ошибка эта, я думаю, в пределах терпимого. В начале зимы я высказал пожелание, чтобы поправка была не более 15 мин. – тогда я буду доволен. Ну вот, могу быть доволен – поправка 10 мин.. Но... мне так хотелось, чтобы поправка была 5, 3 или 1 минута...

#### *16 февраля. Пятница*

Погода не изменяется, при том же ветре стало лишь несколько холоднее, и печь приходится топить усиленнее. За последние дни наблюдал интересное явление: позавчера ветер, не очень сильный, 12–14 м/с, поднимал сильную выюгу и нёс снег сплошным облаком. Вчера же ветер достиг 16 м, но снег не несло почти совершенно. Но интереснее всего было сегодня, когда при сильном ветре южного направления снег не переносится совершенно, а при таком же, а быть может, и при более тихом, но другого, юго-восточного направления, бежал по земле сильным позёмком.

Николай решил бросить курить. Кстати, и папиросы все вышли. Он как-то высчитал, что папирос хватит до 20-го числа, но сегодня, проверив их количество, нашёл ещё целых 7 пачек и, рассердившись – зачем так много? – бросил их в печь. Теперь частенько оборачивается к кровати, на которой раньше обычно лежали папиросы, протягивает руку, но – там ничего нет.

Сегодня подвезли в дом последние дрова, заготовленные промышленниками на косе. Когда выдастся хорошая погода, возьмёмся за распиловку плавника. Одной сажени дров нам, пожалуй, будет достаточно к имеющимся в сенах.

В первый раз солнце сияло всем своим диском, и не мешали ему плотные облака. Тоненькие облачка всё же были, но они отнимали не слишком уж много света. Удивился я, когда посмотрел на часы во время захода солнца. Было уже 2 часа. Значит, солнце гуляет над горизонтом целых четыре часа?! Здорово!

#### *17 февраля. Суббота*

Изо всех безобразных дней февраля сегодня – самый безобразный. Весь день непрерывно дует сильный ветер, и нет конца надоевшей метели.

*18 февраля. Воскресенье*

Погода не унимается, и мы по-прежнему отсиживаемся дома. Вечером ветер достиг 18 м. Удивительно, что аппетит у нас здоровый, едим помногу. А помню, месяц назад мы ели гораздо-гораздо меньше. Не знаю, чем и объяснить изменение аппетита. И у обоих – одинаково.

*19 февраля. Понедельник*

Барометр весь день поднимается вверх. В полдень ветер упал до 8 м/с, и мы понадеялись было, что наконец-то погода изменится, но, оказалось, напрасно. Вскоре ветер снова усилился и дует и сейчас с прежней настойчивостью.

Кончил сегодня «Жизнь Клим Самгина». Жаль. Эта книга мне понравилась.

*20 февраля. Вторник*

Взял перо только для того, чтобы сказать приблизительно то же, что говорил вчера, позавчера, третьего дня и т. д. Хотя барометр и поднялся до 691 мм, но это улучшения не принесло ни на сколько. Сегодня ветер не утихает, не ослабевает ни на мгновение и колеблется между 16 и 18 м/с. Снег уж не летит, нет даже намёка. Всё, что могло прийти в движение, очевидно, уж давно улетело, и теперь снег лежит плотной, твёрдой массой.

Начал небольшой роман датского писателя Лауридса Бруна «Счастливые дни Ван-Цантена». Это последняя, ещё непрочитанная книга из беллетристики. Завтра и её закончу.

*21 февраля. Среда*

Наконец выпал день довольно хорошей погоды. Ветер хотя и не прекратился совершенно, но значительно сократил свою силу. Большую часть дня он был метров 4–6 в сек., но часто усиливал свои порывы. Солнце встаёт уже довольно рано, сегодня в 9 час. 17 мин. Ни облачка не мешало ему сиять во всю свою световую мощь. Воспользовались хорошей погодой и истопили баню. Хорошая погода оживила и Чёрного. Днём на улице он бешено носился кругами, поднимая снежную пыль.

Если б завтра да сносная погода, мы бы принялись за заготовку дров.

*22 февраля. Четверг*

Ну и денёк чудесный! Слов не подыщешь, чтобы описать его прелесть. Ветра почти не было, за весь день самый сильный ветер был 2 м/с. Небо

совершенно безоблачно, и солнцу ничто не мешало светить во всём своём великолепии. Это первый тихий день за февраль, первый тихий день при солнце. Как мы ему рады! До обеда прогуливались по окрестностям. Я обошёл наш мыс, гулял со своей любимой палочкой – есть у меня такая.

После дневного наблюдения принялись за заготовку дров. На косе подобрали сухой плавник и за два приёма приволокли его к дому. Нарты нагрузили так, что едва волокли. Распилили, раскололи, перетаскали, и оказалось, что в результате 3-часовой работы мы заготовили дров на пять дней – это самое малое. Вышло несколько более четверти сажени. Ещё три дня такой работы – и мы дровами обеспечены.

Сегодняшний день нас словно обновил. Аппетит усилился, в пятом часу, после работы, пришлось устроить внеочередное чаепитие. Чувствуешь, словно кровь быстрее стала двигаться в жилах. Эх, кабы такая погода да подольше постояла!

Николай видел свежий помёт куропаток на мысу. Значит, хоть немного, но куропатки есть.

В результате работы и прогулок к вечеру сонливость одолевает сильнее обыкновенного. Крепко будем спать этой ночью!

Барограф ведёт линию горизонтальную, и мы имеем дерзость надеяться, что и завтрашний день нас не разочарует.

### *23 февраля. Пятница*

Сегодняшний день подобен вчерашнему. Мороз, как и вчера, около 28–29°. Утром прогулялся с Чёрным в ближайшие окрестности, на юго-запад, а после дневного наблюдения втроём – я, Николай и Чёрный – совершили прогулку на ближайшую часть плато. Так далеко мы не ходили с незапамятных времён, и потому после прогулки чувствуется приятная усталость. На плато взял образец известняка. С плато видели северную оконечность Бельковского и справа от него тот маленький островок, который я видел в июле, семь месяцев назад. Даже простым глазом можно было различить крутой обрыв северной оконечности о-ва Бельковского и белый, освещённый солнцем маленький, но высокий безымянный островок. Если будет только возможность при нашем возвращении, обязательно съезжу туда на собаках.

Спускаясь с плато, пересекли три старых медвежьих следа. Очевидно, медведи здесь рыскали поздней осенью в поисках удобных мест для зимней лёжки. Я думаю, не одного медведя можно бы отыскать на окраине плато и вдоль по северному берегу Котельного, если этим делом заняться на собаках.

*24 февраля. Суббота*

Бог ветров решил, что два дня тихой погоды для нас более чем достаточно, и вновь начал свою беспокойную деятельность. Опять гуляет позёмок, и ветер хотя и не сильный, но с 6–8 м на 4 перешёл лишь поздно вечером.

Сегодня не гуляли. После же второго завтрака притащили с косы две нарты плавника. Собирались привезти больше, но не понравилась погода и отложили до другого раза.

Мука на исходе. Осталось её совсем мало, завтра определяю точно её количество. Пожалуй, останется лишь на пельмени, ведь их нам нужно приготовить ещё шесть раз (завтрашние уже приготовлены). Сушёных овощей тоже мало, и сегодня к ужину варим бульон. Хватило бы мяса – и всё бы ничего, но дело в том, что и здесь не всё благополучно и приходится призадуматься. Завтра, пожалуй, подсчитаю и наши мясные ресурсы. Как бы нам не пришлось сесть на сокращённый паёк.

*25 февраля. Воскресенье*

Погода опять улучшилась, и хотя дело не обходится без ветра, но он незначителен.

Распилили весь плавник, который находился вблизи дома: привезённый нами вчера, остатки заготовки Бурцева и две длинные плавничины, освобождённые из-под штабеля льда. Ещё две-три нарты плавника, и дровами и дом и баня будут обеспечены до конца марта.

Подсчитал запас муки. Её оказалось всего 58 чашек. Тут и хорошая мука, и комки, т. е. подмоченная. Пять чашек отсыпал на одну остающуюся в февралестряпню, и на долю марта пришлось 53 чашки. На приготовление лепёшек нужно около пяти чашек муки. Лепёшек, приготовленных из такого количества муки, хватит на два-три дня. На каждую варку пельменей требуется тоже около пяти чашек муки. А так как по прежнему плану в марте предстояло шесть варок пельменей, то на долю лепёшек оставалось муки мизерное количество. Их можно бы было печь не более раза в пятидневку. Это слишком мало, с чем же будем есть рыбные консервы? И решили мы положить конец прославленным пельменям и всю муку ассигновать на лепёшки и медовые пряники. Сегодня за ужином распрощались с пельменями на целый месяц – одни-то пельмени, и при том уж чисто языковые, мы приготовим, когда приедут Лепчиков с Васильевым.

Сушёных овощей пустяки, осталось всего 18 чайных ложек, т. е. на девять варок. Но это не беда, можно варить и бульон, хватило бы лишь мяса.

*26 февраля. Понедельник*

Опять хорошая погода, утром – ясная, к вечеру – пасмурная. Днём, до второго завтрака, с Чёрным совершил прогулку в море, по направлению к виднеющимся торосам. До торосов не дошёл, они оказались далеко, километрах в 5–6, а задерживаться не годилось, нужно было завтракать. После же завтрака занялись стрельбой в цель из тозовки. Начали стрельбу на улице, но потом перенесли в дом и юрту. На дворе стрелять плохо – мёрзнут руки, запотевают очки. К тому же и тозовка что-то плохо действовала, туго запирался затвор. Дверь между домом и юртой завесили двумя кулями, оставив между ними узкую щель. Это для того, чтобы комната не остывала. Окна в юрте дают мало света, и для освещения мишени приспособили лампу. Как и в Новый год, исстреляли 50 штук патронов.

*28 февраля. Среда*

В последний день февраль решил всё же взять своё: опять сильная обшая метель. Как бы она не захватила и март. Ведь март – уже весенний месяц и погоду он должен дать весеннюю, хорошую.

Вчера подсчитал запасы основного нашего продовольствия – мяса и консервов. Мяса, если его расходовать в том же количестве, как расходовали до сего времени, хватит на 23 дня марта. Консервов хватит на 27 завтраков. Таким образом, нам недостаёт мяса на восемь обедов и четыре завтрака, это в том случае, если иметь в виду только март. Из 23 порций можно как-нибудь устроить 25 обедов, но на большее количество их не растянуть, не избежав недоедания. На бане лежит 9 оленьих голов, там же много костей ног, и можно варить студень. Как установится погода, будем палить на улице оленьи головы и варить студень. Он заменит нам мясо и восполнит его недостаток. Есть ещё два-три желудка, можно использовать и их. В общем, в марте о голоде говорить не приходится. Но малейшее запоздание промышленников может поставить нас в трудное положение. На апрель оставим шоколад. Плиток по 25 на человека, в общем, достаточно. Сегодня мы толковали обо всём и пришли к выводу, что дальше 3 апреля ждать наших промышленников смысла нет (и продуктов – тоже). Если до этого срока их не будет, нужно уходить, взяв лишь самое необходимое. По пути осматривать пасти и питаться попавшимися в них песцами и тем, что даёт охота. Песцов должно быть в пастях довольно много, ведь они уж три месяца не осматривались. Надеюсь, что уходить одним нам всё же не придётся, промышленники знают, что продовольствия

у нас мало, и должны постараться прибыть без опоздания. Вероятно, сейчас они уже находятся на пути к Ляховскому о-ву.

Так или иначе, но нам унывать оснований никаких нет, и если за нами почему-либо никто не явится, мы уйдём и сами. Только нужно не досидеться до упадка сил. Тогда-то уж будет плохо.

Завтра – уж март. Мы ждём от него много хорошего. Это последний месяц нашей работы на Котельном. В конце его мы ждём известий с материка, писем, их мы сейчас видим лишь во сне.

### *1 марта. Четверг*

Первое число марта принесло перемену в направлении ветра. Днём ветер перешёл с SW на NW, не уменьшая своей силы, оттуда же дует и сейчас, вечером. Дело в том, что за всю зиму у нас было всего случая три, когда ветер дул с северной половины горизонта. И во всех этих случаях ветер был очень непродолжителен и слаб. А сегодня он устойчив и силен: 18–16–14 м/с. Наши сени прикрыты фанерной дверью, и, несмотря на это, снегу внутрь сеней нанесло очень много. Снег летит струёй в каждую маленькую щель. Когда выюга уляжется, придётся снова заниматься уборкой снега из сеней.

Мясо экономим, и Чёрному достаются лишь косточки от нашего обеда. Николай разрубил сегодня порций на 15 несчастного песка и одну – требуху – предложил Чёрному, но тот не желает песцового мяса и пока что его не трогает. Значит, ещё не голоден. Голоден будет – съест. Будем давать ему через день по порции, и песка хватит до конца месяца. А когда будем варить студень, то костей будет много и Чёрный сумеет ещё долго сберечь накопленный за зиму жирок.

### *2 марта. Пятница*

Вчера в 21 час скорость ветра была 20 м/с, но ночью он дул, вероятно, гораздо сильнее. Проснувшись, я, лёжа в постели, долго слушал, как он бушевал за стеной. А утром сени наши забиты снегом на полроста, столько снегу набилось в дом у двери. Пока проделали лишь узкий проход, убирать весь снег будем позднее. Сейчас, в 6-м часу вечера, ветер только 6–8 м, позёмок возникает лишь в некоторые моменты более сильных порывов. Южные окна за ночь занесло совершенно, западные же, бывшие на ветру, закрыло меньше чем на треть. Весь день, кроме раннего утра, небо было ясное, но вот сейчас вижу в окно, что с запада потянулись облака. Солнышко село в 4 часа, его заход виден уже в западное окно.

Днём сегодня решил спать не ложиться. И это моё решение не на один день, а на весь остаток нашего пребывания здесь, на станции. Эту декаду хозяйственное дежурство несу я. Кстати, и очередная топка бани тоже моя. А бане очередь завтра. Сегодня натаял льду и на баню, и на домашние нужды, навёл порядок и чистоту в юрте и дома (конечно, без мытья пола). Переписывал месячную таблицу за ноябрь: она была в одном экземпляре, а надо – два; начал писать копию мартовской книжки наблюдений и составление месячной таблицы за март в двух экземплярах. Я это делаю сейчас для того, чтобы не нужно было возиться с этим делом позднее. Будет приятно, уезжая, не чувствовать за собой «хвоста» работы. Результаты каждого дня наблюдений буду каждый же день заносить в копию книжки и в обе таблицы.

Всё чаще мысли вертятся вокруг предстоящего нашего возвращения. Где-то едут сейчас наши промышленники? Вряд ли они успели уйти далеко от Казачьего. И очень меня занимает вопрос: что за вести они мне везут? Относительно будущей судьбы станции эти вести вряд ли что скажут. По этому вопросу я от них ничего и не жду. От друзей же, думаю, узнаю немало интересного. Что-то мне напишет мой «Якутский друг»? Якутский ли? Быть может, уж давно он стал иркутским, московским, ленинградским или каким-либо другим другом, а я об этом ничего не знаю. Мне надоела одинокая холодная жизнь, и прекратится ли она, изменившись на жизнь вдвоём, – это и зависит от этого самого «друга». Понятно, что письма от него – самые желанные.

Хоть одно письмо должно быть от МАКа с впечатлениями от зимовки в Уэлене, с полярными новостями, с новостями текущей ленинградской жизни. За почти три года моего отсутствия Ленинград, вероятно, во многом к лучшему изменил своё лицо, и я надеюсь, что, вернувшись, я не раз буду удивлён происшедшими переменами.

МАК, если не женился, вероятно, опять проектирует что-либо полярно-зимовочное. Мне кажется, что один год зимовки на типичной полярной станции вроде Матшара должен дать все впечатления, которые даёт обычная зимовка и, по-моему, они всё же настолько однообразны, что меня, например, вряд ли бы вторично привлекли. Хорошо, если есть какая-нибудь своеобразность, что-нибудь необычное, выходящее из пределов «нормальной» зимовки. Такая зимовка меня вновь привлечь может.

«Обычная» же, «средняя» – вряд ли.

Петруха не может не написать. Это было бы чрезмерное свинство с его стороны. Напишет обязательно. Но характер его вестей я уже

предугадываю. Напишет, что по-прежнему живёт в Твери, что Зина плохо себя чувствует, что дочка подрастает и научилась и ходить, и говорить, что, может быть, родилось или что предрасположено к рождению ещё одно чадо. Его семья – вот пример жизни, вероятно счастливой. Счастливой, но опять-таки не для меня. Окопаться, пустить корни, пусть даже с горячо любимым человеком, в самые молодые годы, потерять свободу движения, не успев ещё даже почувствовать всей её прелести, – нет, это не в моём духе. Даже сейчас, когда я должен быть насыщен впечатлениями, я и то не ищу в семейной жизни чего-то малоподвижного, тяжеловесного, я даже опасюсь этого. Мне хочется, чтобы, связав свою жизнь с жизнью друга-женщины, оставить уже для двоих ту свободу жизненных путей, которыми пользовался, живя один. Я боюсь слишком долгогo засиживания на одном месте. Это, конечно, с многих точек зрения нехорошо. Быть может, жизнь с любимым человеком изменит несколько взгляд на вещи.

Жду вестей и из дома. Как там жили последние полтора года, абсолютно не знаю. Последнее письмо я получил год тому назад, да почти полгода было оно в пути. Надеюсь, что всё благополучно и вести будут хорошие.

Напишет (но необязательно) и Николай несколько строчек о своём московском житье-бытье. Не будет ли писем от кого-нибудь из однокурсников – геофаковцев, ведь по крайней мере троим из них я писал год тому назад из Казачьего?

Интересно бы получить писульку и от длинного Василия Алексеевича с описанием его прощания с Ляховской станцией и впечатлениями от Якутска и Москвы.

Быть может, будет что-нибудь от первой зимовочной партии тиксинцев. Ушаков же не писал до сих пор, и, конечно, не получу от него ничего и сейчас. Ну и не надо! И я со спокойной совестью «забыл» его адрес.

Шимановский если и напишет, то лишь несколько строк. А должен бы написать больше. Где-то он, что-то он?

Вот и всё, что я могу ожидать. Хорошо, если б были какие-нибудь приятные неожиданности, но горе – если эти неожиданности будут печальны!

С каким наслаждением я буду читать долгожданные письма через 30 дней!

*3 марта. Суббота*

Чудный день. Тихо и ясно. Узнать ветер можно лишь по дыму. 30-градусный мороз совершенно не чувствуется.

Полдня прошло в хозяйственной работе и хлопотах. Топил баню, пёк печенье, стирал бельё и мылся сам.

Николай достал из своего ящика старую газету «Вечерняя Москва» от 10 июня 1932 года. Она сохранилась случайно, в неё было завернуто что-то из его вещей. И эту газету почти двухлетней давности я с удовольствием читал. Так и пахло широкой московской жизнью.

В начале четвёртого предложил Николаю совершить прогулку в море к виднеющемуся торосу. Пошли в компании с Чёрным. Глядя на торос со станции, я думал, что до него километра 3–4, не больше. Но мы прошли километров 7 по гладкому и малоторосистому льду, но до тороса осталось ещё 1–2 км, причём, чтобы к нему добраться, нужно было преодолеть препятствие в виде хаотического сплошного нагромождения крупных торосов. Всё остающееся до нашего тороса пространство было ими занято. Время наступило уже позднее, солнце село, и к торосу пробираться мы не стали. Да и время не позволяло, нужно было спешить обратно к 19-часовому наблюдению. Почти весь обратный путь проговорили о том, о чём уж очень много нами говорено: о предстоящем возвращении, о том, что ждёт нас в пути и дома.

Побольше бы таких славных дней выпало б на последний месяц нашей здешней жизни!

#### *4 марта. Воскресенье*

Опять чудесный день. Верно, он не так ясен, как вчерашний, – к 12-ти часам дня небо затянулось тонкими  $\text{CiSf}$ ,  $\text{CiCu}$  и таким удержалось до вечера, но ветер чуть-чуть чувствуется, и, несмотря на низкую температуру – средняя за день будет ниже  $-32^\circ$ , – можно подолгу гулять. Основное наше время мы посвятили организации рыбной ловли: прорубили вдоль параллельной берегу трещины 9 прорубей и поставили в оказавшиеся таким образом в нашем распоряжении 10 прорубей (десятая – старая, из которой берём пробу воды) все 10 крючков. Наживка – оленьё мясо. Глубина в среднем около 3 м. Опускали крючки поближе ко дну. Интересно, что-то у нас получится? Мы уж, конечно, шутя обсуждаем вопрос об угощении Лепчикова с Васильевым свежей рыбой, о том, что на завтраки будем готовить строганину, а на ужин – уху.

Утром Николай, как и вчера, ходил охотиться на куропатку. Несколько дней тому назад он имел счастье (или несчастье) увидеть одну вблизи станции, и теперь его не покидает надежда её снова где-нибудь встретить и застрелить.

Чёрный почти все кости сгрызает целиком, но от песцового мяса по-прежнему отказывается. Банки из-под консервов вылизывает, словно вымывает.

### *5 марта. Понедельник*

Ясно и почти совсем тихо, но ещё холоднее, чем вчера. В утреннее наблюдение температура была  $-36,8^{\circ}$ . Это ничего. Пусть бы подольше стояла такая ясная, такая тихая, такая морозная погода.

Утром проверили наши рыболовные приспособления: не попало ли чего на крючки. Вытащили первый крючок – ни рыбы, ни мяса.

Второй, третий – то же самое. Только на трёх крючках сохранилось мясо, и как будто бы немного объеденное. Неужели это безнаказанно лакомилась рыбная мелюзга? Один из крючков упустили: нечаянно пешней перерубили шнурок, и он ушёл на дно.

Решили больше мяса на крючки не ставить, а заменить его красными тряпочками. Так и сделали. Теперь у нас 3 крючка на мясе, 6 на тряпочках. Интересно, на что позарится рыба – на продовольствие или на мануфактуру?

После обеда занялись подготовкой студня. Первая стадия этой подготовки заключалась в опаливании голов. Развели маленький костёр и опалили на нём три головы. На это потребовалось часа два времени. Оленья шерсть очень густая, и немало времени проходит, прежде чем она вся сгорит. Одну голову Николай вымыл, выскоблил и разрубил, завтра можно варить пробный студень.

Приятно и быстро проходят дни хорошей погоды. Работы одна за другой подвёртываются под руку, и совершенно незаметно наступает вечер, теперь уже короткий. Надеюсь, что март, последний месяц нашей зимовки, окупит хорошими своими днями всю отвратительную погоду февраля.

Ночью видел чудесный сон. Под его впечатлением проходит весь день.

### **Возвращение промышленников.**

**Условием доброй зимовки является обязательность умения «не замечать» слабости и недостатки товарищей**

### *6 марта. Вторник*

День начался и проходил как обычно. Но около 4-х часов, когда я таскал в юрту наколотые дрова, вдруг услышал голоса, взглянул и увидел нарту, собак и людей. Это неожиданно приехали Никушка Горохов и Лебедев. Мы рады им несказанно. Привезли пополнение

нашему продовольствию: рис, манная крупа, винные ягоды (в рисе), немного масла, повидло и, главное, хлеб. Есть и письма. Письма от Абашина – он сидит по-прежнему на Ляховской станции, т. к. пароход летом не приходил. Из Верхоянска и из мест более далёких нет ничего. Нужно вооружиться терпением, скоро и оттуда должны быть письма. Впечатлений сейчас немного, и, как всегда в таких случаях, много писать не хочется. Напишу завтра.

### *7 марта. Среда*

Это уже пять дней великолепной погоды. Неужели ещё долго погода сумеет простоять такой хорошей? Во всяком случае, барографы пока ничего плохого не предвещают.

Абашин написал нам, мне и Николаю, по письму каждому и одно маленькое общее. В письмах он писал нам о разном, для того, объяснял он, чтобы мы имели возможность сообщать друг другу полученные новости. И вот эта жажда новостей довела до не совсем хорошего. Я утром предложил Николаю, чтобы ничего не упустить, давай прочтём вслух полученные письма и тогда будем знать обо всём, что Абашин нам каждому в отдельности написал. Сначала прочёл я своё письмо, а потом Николай дал мне письмо, полученное им – он разбирает почерк Абашина плохо, – и стал я читать вслух и это письмо. И оказалось, что в его конце Абашин, очевидно, отвечает на то, что писал обо мне ему Николай. По содержанию ответа видно, что это было недовольство пустякового характера, вроде того, что я слишком жарко топлю печь. Когда я до этого дочитал, меня даже в жар бросило, но всё же читать продолжал, надеясь, на следующей страничке «это» кончится. Я доволен, что Абашин разъясняет ему то, что казалось в моих поступках Николаю неправильным.

Случившееся оставило на душе неприятный осадок. Сердиться на Николая за «жалобы» не стоит, он и сам впоследствии поймёт, если уже не понял, что поступил нехорошо. По-моему, условием доброй зимовки является обязательность умения «не замечать» слабости и недостатки товарищей, а не сосредотачивать на них внимание. В жизни однообразной и лишённой впечатлений это вызывает лишь обострение отношений и ни к чему доброму не приводит. Я в этом глубоко убеждён, и по-прежнему буду стараться поступать так, как поступал и раньше.

Начал письмо Абашину. Т. к. промышленники завтра ещё не уезжают, то на завтра и отложил его окончание. Кроме продуктов Вася

прислал и несколько книг, и это тоже прекрасно, старые все, за исключением только слишком «скучных», прочтены.

Никушка видел при переезде с последнего стана на станцию свежий медвежий след. Он шёл от моря по речке на плато, вдоль по окраине плато по старым медвежьим следам и поворачивал снова в море. Никушка говорит, что теперь редко какой медведь ещё лежит в берлоге, почти все они должны уже шататься в поисках пищи.

Сегодня я ходил с Чёрным на запад, к устью последней видимой от станции речки. Следов медвежьих не видал. В одном месте на обратном пути Чёрный раскопал лунку нерпы, засыпанную снегом.

Угощаем промышленников рисом, сваренным с компотом, киселем. Это, конечно, кроме обычных чаёв и мясных обедов. И каждый раз едим хлеб. Он свеж, точно только что испечён и доставляет нам большое удовольствие.

Много надо бы написать, да разве всё опишешь? Завтра продолжу. Промысел нынче очень плохой, песка всюду мало.

*Тетрадь № 4*

---

**8 марта 1934 – 31 декабря 1935**



## 1934 год

### Остаются дни до отъезда со станции

*8 марта. Четверг*

Буду записывать отрывочно всё, что найду интересным.

Ближайшая к станции ураса, только в прошлом году построенная, называется Сулбут. Так же называется и речка, на которой она стоит (*правый приток р. Пшеницына*).

Промысел нынче плохой. Б. Ляховский собрал 30 песцов за один осмотр, а больше осмотров сделать не смог из-за отсутствия корма для собак. Там же добыто 30 оленей за осеннюю охоту (промышленниками) и один медведь.

Малый Ляховский. Только 19 песцов за пять осмотров, 3 волка (застрелено), 1 медведь, но настолько плохой, что даже собаки отказались есть. Оленей очень мало.

О-в Фаддеевский. Добыто 3 медведя, 50 оленей, один морж. За семь осмотров 80 песцов. Много добыто гусей.

О-в Котельный. Собрано песцов до отъезда на Б. Ляховский 79 штук. Теперь, после возвращения, ещё 80, не считая около десяти попорченных. Всего будет за сезон пять осмотров.

Данные о промысле для всех островов, кроме Котельного, относятся ко времени до Нового года.

*9 марта. Пятница*

Сегодня занят вычерчиванием летней съёмки. Вытащил стол на середину комнаты, освободил его от всяких вещей и занялся черчением. Вычерчивание карт мне всегда доставляло удовольствие, теперь же — особенно.

Николай утром во время прогулки наткнулся на свежий медвежий след. Прошло два медведя: большой и маленький. По следу не пошёл,

вернулся обратно, а след шёл параллельно пути домой (след около выхода губы в море и направляется оттуда к западному мысу).

Если погода будет по-прежнему тихая, то возьмусь за продолжение летней съёмки. Ходить теперь можно, продовольствие есть.

Никушка сегодня уехал и намерен в пять суток доехать до Делисея. Там он пробудет дней пять, а потом опять тронется в нашу сторону. По пути на Делисей он будет осматривать только попутные пасти, при возвращении же сюда – все, и поэтому времени на переезд до станции затратит больше, дней семь. На Делисей должны доставить с Ляховского кондёвку для собак и продукты для промышленников. Никушка говорит, что приедет на станцию уже вместе с Лепчиковым и Васильевым. Не совсем-то хорошо будет, если они приедут рано, числа 26–27-го: нам тогда не закончить марта, ведь не будет же корма дней на 5–6 ожидания. Хорошо, если приехали б они числа 30-го.

Из бригады промышленников в 6 человек теперь на Котельном осталось лишь трое: бригадир Рожин умер от туберкулёза, «Меник» отказался промыслять и уехал на материк, Слепцов не захотел работать с молодёжью – ведь Лебедев и Захаров совсем мальчишки – и перешёл на Малый. Теперь начальствует здесь Никушка.

В Казачьем работает открытая недавно радиостанция. Сотрудников двое. Ведь ещё в прошлом году зимой на оленях возили бензин. Предвкушаю удовольствие: из Казачьего шлю телеграммы, а прибыв в Булун, уже получаю на них ответ. Абашин зимовал почти один. Гамаюнов уехал при первой возможности. Бурнашев же, приехавший лишь весной, в декабре на наших собаках выехал обратно. И это – с согласия Шимановского. Ему интересно лишь как можно больше народу утянуть с морских станций – ведь они отошли к Комсеверопути. А бедный Вася сидит по-прежнему на станции, да при том ещё один. Впрочем, он сейчас не один. С ним живёт Аннушка Фёдорова. Её муж уехал в Казачье лечиться. На смену Абашину едет новый зав. с женой. В Тикси сидят 15 сотрудников и лежит 700 тонн груза для Ляховской станции. Шхуны пришли из Архангельска и остались зимовать в Тикси. 600 же пудов перебрасывается гужом.

### *13 марта. Вторник*

Последние дни целиком провожу в работе. 10-го, воспользовавшись тихой, но не тёплой, было –35°, погодой, после обеда отправился на съёмку северо-восточной части губы. Ходили вдвоём: я и Чёрный. Чёрный, верно, покинул меня очень скоро, лишь только убедился, что

взятое мной направление совпадает с направлением домой. Удалось в этот день заснять только самый отдалённый угол. Бросить съёмку пришлось из-за наступившей темноты. В последний раз я взял направление на что-то чёрное, виднеющееся вдали – думал, что это небольшой мысок губы, – шёл, шёл к нему, а он всё так же далёк. Бросил, воткнул в снег мою палочку в той точке, где прекратил съёмку, и отправился домой. А вчера, когда я съёмку продолжил, увидел, что то чёрное, что я считал мыском берега губы, было плато, его выступающий угол, что южнее станции. До него было верст десяток. То-то я никак не мог дойти!

Вчера день тоже был тихий. Ушёл на этот раз на съёмку утром, чтобы не бродить в темноте. Заснял остаток губы да ещё ходил на плато, лежащее на восток от губы. Свежих медвежьих следов не встречал. Появились следы леммингов, их я до сих пор здесь не видел.

Сегодня день не очень хороший. Ветер хоть и 4 м/с, но какой-то сырой, до костей пробирающий. Если выпадут ещё хорошие деньки, и их употреблю на съёмку. Нужно сходить на юго-восток, на запад за Албын-речку, нужно бы побывать и на Решетниковой, да уж больно далеко.

#### *15 марта. Четверг*

Ходил на запад, на Албын-речку и километра три дальше. Температура  $-33^{\circ}$  и слабый встречный ветерок. Зябли руки, но в конце концов пострадал кончик носа. До Албын-речки пересёк два медвежьих следа, недавних, слегка припорошенных свежим снежком. Албын-речка вся истоптана медведями, под правым берегом в снегу выкопана яма. Думал, не берлога ли, но нет следов лёжки. Лёд на море у речки и дальше гладкий, не торосистый, так что в этой части мы могли бы сейчас спокойно следовать прошлогодним маршрутом. Есть следы куропаток, цепочки леммингов, песцов.

**Измерение глубин моря вблизи станции. Жаль до боли, что всё оставленное будет лежать в бездействии. Неужели наше дело в ближайшем будущем не продолжат?**

#### *16 марта. Пятница*

Ветерок сегодня чуть посильней. Предприняли измерение глубины моря вблизи станции. Прорубили две проруби. Одну в 675 м от станции, другую в двух километрах. В первой проруби лёд был толщиной 165 см и глубина 7,5 м, а во второй лёд 130 см, глубина же 11 м. Я опа-

сался, что наш залив окажется очень мелким, и рад, что мои опасения не оправдались. 11 м глубины на расстоянии двух километров – это уже хорошо. Даже и довольно крупное судно может подойти здесь близко к берегу.

В полутора километрах от станции, идя к месту измерения глубины, пересекли пять недавних медвежьих следов. Вот, чёрт возьми, медведи, видно, ходят, и совсем близко, но мы никак не можем их увидеть! А времени до отъезда остаётся совсем мало, исчезает и надежда на медвежью охоту.

### *17 марта. Суббота*

Утром штиль и температура около  $-37^{\circ}$ . После же обеда потянул ветерок. Сейчас, вечером, кажется, перестал. Всё-таки уж долго держится хорошая погода. Только первые два дня марта были плохи, все же остальные – хороши. Ведь нужно подумать: в течение целого полу-месяца не было ветра более 6 м/с.

Только что закончил читать «Униженные и оскорблённые» Достоевского. Произведений Достоевского читал я сравнительно немного, но все они очень пришлись мне по душе. По душе пришлась и только что прочитанная книга.

Проверял утром правильность определения солёности воды. После же обеда главным занятием было проявление фотопластинок. Сегодня же проверял действие присланного Васей Абашиным жёлтого стёклышка, должного заменять светофильтр. Оказалось, что солидно улучшает снимки. Снимал я наш дом с юртой – тот большой снежный сугроб.

Чёрный первую порцию песцового мяса всё-таки как-то съел. Вторая же валялась уже несколько дней, и он к ней не притрагивался. Я решил его провести. Взял да и сварил этот кусочек песцового мяса в консервной банке. Получился жирный песцовый бульон. Слегка его посолил и угостил Чёрного. И что же? Съел он эту порцию. Но, правда, с раздумьем, не торопясь. Завтра можно варить опять.

### *18 марта. Воскресенье*

Опасался, что всерьёз испортилась погода. Утром ветер был 6 м и облака закрывали всё небо, а к 13-часовому наблюдению значительно уплотнились. И барометр слегка упал. Но часам к трём стало всё более и более яснеть, и сейчас, в девять, небо совершенно чисто, а ветра и не ощутишь.

Варил студень. Конечно, первый раз в жизни. И в первый раз в жизни студень вышел у меня неудачно – не стынет. Уж совсем холодный, даже покрылся ледком, но под ледком – вода. Стоит в юрте, там температура намного ниже нуля. Ничего, к утру загустеет...

Помимо студня занимался приведением в окончательный порядок всех метеоматериалов. Ещё не закончил, возни с ними хватит ещё и на завтра.

Если у Никушки дела идут так, как он предполагал, то завтра он должен уже выезжать опять в нашу сторону. Числа 25-го его можно здесь ожидать. Не приехали бы так рано и Лепчиков с Васильевым, нам нужно же закончить март.

#### *19 марта. Понедельник*

Каждый понедельник меняется лента на недельном барографе. Сменил я на нём ленточку и сегодня. Помню, ещё летом, когда наш «наблюдательный отдел» помещался ещё на косе в палатке, я отложил 32 ленты для недельного барографа. Их и должно хватить до весны, до уже тогда предполагаемого отъезда. Их было 32, а сейчас в запасе осталась одна-единственная. Пройдёт ещё несколько дней, я и последнюю ленточку надену на барабан. После этого уж скоро, очень скоро мы покинем нашу станцию. Предстоит близкий отъезд, и с приближением его всё более раздваиваются мои чувства. Я рад, что в скором будущем встречусь с дорогими мне людьми, рад, что после долгого перерыва снова окунусь в буйную, стремительную жизнь большого города, но невольно печалит необходимость расставаться с нашим уютным домом – нашей снежной хижинкой, – ведь он словно из снега, если посмотреть снаружи. Что с нашим отъездом уж никто не пойдёт к будкам, чтобы отсчитать термометры, отметить самописцы... С каким бы лёгким сердцем я отсюда уезжал, если б мог передать всё, что достигнуто с таким большим трудом, с рук на руки новой смене, которая продолжала бы наше дело! Но не суждено это! Всё, что здесь есть, здесь и останется – все эти мелкие и иногда пустяковые, но уже ставшие дорогими вещи, все приборы, инструменты. И жаль, жаль до боли, что всё оставленное будет лежать в бездействии, покрываться сыростью, тлеть, ржаветь, плесневеть...

И как долго? Не навсегда ли? Неужели наше дело в ближайшем будущем не продолжат? Кажется, что, немного отдохнув и освежившись в центре, я буду снова желать всей душой вернуться назад на Котельный, на милую станцию. Ведь сколько хороших воспоминаний будет с ней связано! Их хватит на всю жизнь.

*20 марта. Вторник*

А со студнем всё же волынка. Пришлось всё жидкое слить и оставить почти одно мясо. В холодном виде с уксусом и перцем оно – почти студень.

Погода чудесная. Барометр сегодня к вечеру забрался так высоко, как никогда. Сейчас, в 21 час, он показал 80,2 мм давления.

Опять возился с метеоматериалами. После 4-х часов проверял съёмку части берега губы.

Днём читал «В мире отверженных» Якубовича (Мельшина) – том 2-й. Нравится книга.

Вечером, после многодневного перерыва, опять сыграли в «66».

*23 марта. Пятница*

Вчера испортилась погода. Дувший утром слабый ветер всё более и более усиливался и к вечеру достиг 16 м. Конечно, он вызвал сильную метель. Сегодня скверная погода продолжается: ветер держится около 14 м/с, метель. К вечеру стал немного ослабевать. Ни Никушка, ни «наши» же Лепчиков с Васильевым, вероятно, не едут, а где-нибудь сидят в ожидании хорошей погоды. Почти три недели марта были великолепны. Они и прошли быстро, незаметно. А погода, подобная сегодняшней, вызывает скуку и сонливость. После завтрака, поддавшись ей, я прилёг да и проспал до 12-ти часов. Во сне покупал и даже ел свежие огурцы. И уж в который раз они мне снятся! А ведь я о них и не думаю, что же они лезут мне в голову?

Удивляюсь своему спокойствию. Ведь вот уж остаются дни до приезда «наших», до получения почты, до отъезда со станции. А я как-то спокойно, даже слишком спокойно ко всему этому отношусь, словно оно ещё не дошло до моего сознания. Не знаю, сохранится ли у меня спокойствие тогда, когда я стану развёртывать полученный пакет с почтой? Помню, когда уезжал я из Якутска, мне казалось, что уезжаю не я, а кто-то другой, и никак я не мог проникнуться сознанием, что Якутск покидаю на годы. Нечто похожее получается и сейчас.

Мысли поминутно возвращаются к вопросу: что принесут письма? Будут ли они бодры и радостны, скажут ли они, что где-то там, далеко-далеко, кто-то нас ждёт, думает о нас, мечтает о встрече? Если так, то в пути будет казаться, что собаки едва бегут, что олени совсем не движутся, что пароход, на котором мы поплывём, словно на одном и том же месте беспрерывно мутит воду. Такие вести были бы лучшим

вознаграждением за длинную одинокую зимовку, и только такие вести я и жду. И радостно, что вот-вот будут письма, и немного жутко: вдруг эти письма окажутся печальны!

#### *24 марта. Суббота*

Ещё один день остался за плечами. Он был очень схож со вчерашним: метель. К вечеру ветер сбавил свою силу до 8 м.

Ещё позавчера подготовил я воду для бани, но вот мешает ветер. Быть может, завтра он и даст нам возможность вымыться и в последний раз выстирать бельё.

С завтрашнего дня начинается последняя неделя работы нашей станции, неделя ожидания. Предполагаем, что Никушка явится не одновременно с нашими, а несколько раньше. Если б не эти дни плохой погоды, то было б весьма вероятным его прибытие завтра, но раз погода помешала, то когда он прибудет, сказать трудно. Во всяком случае, и до Никушки, и до наших – пустяк времени, и мы готовимся к их встрече.

#### *25 марта. Воскресенье*

Погода такая же скверная. Баню отложили до приезда наших. Сегодня никого не прибыло. С утра на крыше дома развевается красный флаг – мы готовы к встрече гостей. Время проходит в мелких делах, приготовлениях к отъезду.

### **Приезд промышленников Захарова и Лебедева**

#### *26 марта. Понедельник*

Вот сегодняшний день можно вполне назвать весенним днём. Ветерок слабый, и даже при чистом небе температура не опускается ниже –22–23°. И кажется так тепло-тепло. После обеда предпринял прогулку на плато, на его часть, лежащую прямо на юг от станции. Пересёк на склоне плато не очень старый медвежий след, наткнулся на след одиночного оленя. Всю прогулку светило мне солнце, и лишь только при моём приближении к станции оно ушло за облака, быстро покрывавшие всё небо.

Дома нашёл приехавших Захарова и Лебедева. Никушка не приехал, остался на Делисее. Сегодня километрах в 15 от станции убили медведицу. Травили её тремя собаками. Бастын на передовой порядочно при этой охоте от медвежьих лап пострадал. Выпустили 10 зарядов. Нам привезли кусок медвежатины – на пробу. Есть несколько писем. Абашин пишет, что смена ещё не прибыла и когда прибудет, неизвестно. Сообщает ряд новостей. На «Революционном» (или «Пропаганди-

сте»), потонувшем в проливе Д. Лаптева, плыл и Платон Пославский. Ему удалось спастись. Матвеев, недавно работавший наблюдателем в Русском Устье и ехавший вместе с Пославским, погиб. Шимановский работает в ГИМЕИНе зав. сетью станций и Бюро погоды. Директором ГИМЕИНа состоит некто Бочков, инженер-гидролог. Это из письма Зацепина. Он тоже написал несколько строк, вспомнил нас. Послал в центр список лиц, предполагаемых к премированию. Попали в него и мы с Николаем, и Абашин. Посылали этот список что-то около ноября месяца, но в ГИМЕИНе тогда ещё и не знали, существует ли станция о-ва Котельный, или дело сорвалось. Интересно, чем же мотивируется это предложение?

С будущего года предполагают установить дирижабле-линию на Якутск. Как будто бы установлено автомобильное сообщение между Якутском и Незаметным. Что-то не верится. Завязаны нормальные дипломатические отношения с САСШ (*Северо-Американские Соединённые Штаты*). Из Москвы выселяют около 800 000 человек. Начало работу метро.

Лепчиков сообщает, что кондёвки в Казачьем много, но с переборской плохо. Максим задержался в Казачьем: цены на продовольствие повышены, денег не хватает.

Д., по сообщению Абашина, в Якутске, но писем от неё нет.

Сегодня на недельный барограф надел последнюю ленточку.

### **Продуктов осталось на 10 дней. Отъезд промышленников. Будем продолжать наблюдения до последней возможности**

*27 марта. Вторник*

День пасмурный и тёплый. Долго шёл мелкий снежок, температура около  $-19^{\circ}$ . Завтра оба гостя уезжают. Посылаю несколько строк Лепчикову. Прошу поторопиться, т. к. продуктов у нас остаётся только на 10 дней. Хлеб кончим завтра, сахар потребляем только на компот и кисель, чай же пьём пресный. Консервов – 8 банок ивасей. Паштет кончили вчера.

Теперь, если наши даже завтра приедут, мы всё же март сумеем закрыть. Думаю, что на три дня отдыха у них корм для собак будет.

*28 марта. Среда*

Погода испортилась ещё ночью. Утром в 7 часов ветер был уже 10 м/с, снег быстро нёсся по земле. Лебедев с Захаровым в 10-м часу всё же выехали. Раненый Бастым шёл позади нарты на привязи. Ребятам

сегодня, вероятно, пришлось туго. В 15 км отсюда они должны взять убитую медведицу, и т. к. это составляет груз изрядный, то им придётся впрягаться в лямки и помогать собакам. А погода ни к чёрту. Вскоре после отъезда Лебедева с Захаровым ветер ещё более усилился, позёмок перешёл сначала в низовую, а потом и в общую метель. В 13 час. ветер был 14 м при температуре  $-17^{\circ}$ , а теперь, в 19 час., достиг 16 м. Температура же несколько упала, стало  $-19^{\circ}$ . Лебедеву с Захаровым придётся тянуть лямку долго – ведь с завтрашнего дня к их грузу прибавляются ещё разные пожитки, остававшиеся до сего времени на Сулбуте.

Наших сегодня нет. Полученные половинчатые вести нарушили моё спокойствие, и я теперь с гораздо большим нетерпением, чем прежде, жду Лепчикова с вестями.

Почему из Якутска есть письмо лишь от Зацепина? Неужели всеми прочими мы забыты и письма от них не будет даже с Лепчиковым?

Изжарили на ужин кусок медвежатины. Мяса мало, почти один жир. Получилось довольно вкусно. Я предполагал, что будет довольно сильный запах, но он оказался едва ощутимым. Напоминает запах нерпичьего жира. С жареным мясом съели последний маленький кусочек хлеба. Завтра нужно снова приниматься за выпечку лепёшек.

Попросил Лебедева свезти Абашину небольшой кусочек медвежатины, а то он жалуется, что вот сидит на Ляховской станции три года и придётся уезжать, не отведав медвежьего мяса. Свезут, пусть пробует и меня благодарит.

#### *29 марта. Четверг*

День сегодня несколько лучше вчерашнего. С утра верно метель была изрядная, но, постепенно затихая, часам к четырём она прекратилась совсем. Пасмурно и тепло. В 7 час. было  $-16,5^{\circ}$ , в 13 час.  $-14^{\circ}$ . Видно, сегодняшний день будет самым тёплым за март.

Наших пока нет. Кончили сегодня последний сахар. Потому на ужин «второго» уже не было.

Читаю вновь читанное в прошлом году. «Пана» Гамсуна уже прочёл. Начал «Города и годы» Федина.

#### *30 марта. Пятница*

День пасмурный, средне-ветренный и тёплый. Убирал снег из входа в сени, приводил в порядок юрту, читал «Города и годы». Наших всё нет и нет... А завтра – последний день марта.

*31 марта. Суббота*

Слабый ветер при ясном небе. Славный день. Снег блестит ослепительно, без тёмных очков долго гулять нельзя. Наших нет.

Приготовил книжку наблюдений на апрель. Будем продолжать наблюдения до последней возможности. Хорошо, что удалось закончить март. Не совсем хорошо, что ещё нет наших. Пожалуй, поздно прибудем в Казачье, трудно будет пробираться на Булун.

*1 апреля. Воскресенье*

Тихий, чудесный, солнечный день. Солнце слепит глаза, и, гуляя, уж совсем необходимо надевать тёмные очки. Ходил на юго-запад к плато, встречать Лепчикова с Васильевым, но никого не встретил. Вероятно, будут завтра.

Мартовские материалы привёл в порядок. И таблицы, и книжки, и ленты.

**Приезд Лепчикова и Бурцева. Ляховская станция  
и наша относятся теперь к Центральному управлению  
Северным морским путём (ЦУ СМП)**

*2 апреля. Понедельник*

В тот момент, когда я, уже одетый, собирался на 13-часовое наблюдение, совершенно неожиданно за окном закрипела нарта. Это приехал Лепчиков, а следом за ним Максим. 23 собаки. Васильев на третьей нарте помогал возить кондёвку и сейчас с Б. Ляховского вернулся в Казачье. Из почты есть только записка от Абашина и записка от наблюдателя новой Ляховской смены Тучкова, из Казачьего. Он просит после нашего возвращения в Казачье передать собак им для переброски груза с Чай-Поварни на Ляховскую станцию. Из Якутска нет ни одного письма, ни одной телеграммы. Лепчиков отправил в Якутск четыре телеграммы, но ни на одну не получил ответа. А радиостанция работает хорошо, на частные телеграммы получают ответ через два-три дня. Молчание ГИМЕИНа поражает и возмущает.

Из записки Тучкова видно, что и Ляховская станция, и наша относятся теперь к Центральному управлению Северным морским путём (ЦУ СМП) и по всем вопросам мы должны обращаться туда.

Максим из-за недостатка средств выехать в Якутск не мог. На Ляховскую станцию едет смена из трёх человек во главе с неким Снегирёвым. Везут груз из Тикси на оленях. Среди груза – мотор. Тучков пишет, что Москва просила Снегирёва в число своего груза зачесть и груз для

Котельного, обеспечивающий продолжение зимовки двух человек до декабря. До Ляховского, быть может, они его и довезут, ну а дальше?! Таким образом, вопрос о продолжении зимовки отпадает: перебросить сюда груз возможности никакой нет.

Собаки пришли «сухими». И здесь на обед получили ободренные олени копыта... Норма кондёвки для них сейчас установлена в 6 штук. Последний переход сделали с Усук-Урасы. Километрах в 10 от станции видели медведицу с медвежонком. Она шла высоко на плато, и догнать её было невозможно. Оставили её в покое.

Из Казачьего Лепчиков выехал 11 марта, с Ляховской 23 марта. Между Ляховской станцией и нашей был один день отдыха.

Здесь собаки будут отдыхать двое суток. 5-го рано утром в случае хорошей погоды – в путь! Прощай, станция!

Сегодня заканчивали наблюдения. Завтра начнём укладку имущества. Т. к. никаких распоряжений нет, то всё имущество оставим здесь.

Абашин прислал десятка два газет «Соц. Якутия» за сентябрь, октябрь и ноябрь. Основные новости из них были им сообщены в предыдущем письме.

### *3 апреля. Вторник*

Великолепный тихий день. Утром убрали из будок термометры, гигрометр, термограф. Сняли дождемер. Заняты были укладкой нашего имущества. Барабаны самописцев завернули в проклеенную бумагу. Думаю, что если они не слишком долго будут в бездействии, то не попортятся. В последний раз помылись в бане и выстирали бельё. Это я и Николай. Лепчиков с Максимом будут мыться завтра, сегодня не успели. Собак кормили оленьими головами. Откопали зарытую оленью кровь и сварили её, но собаки почти не ели. Дело было испорчено тем, что части собак дали куски голов, ну и другие захотели того же и от крови нос воротят. И пришлось делить головы на всех. Сорвалась моя попытка заснять сгрудившихся вокруг корыта псов.

### *4 апреля. Среда*

Пасмурно. Почти весь день шёл слабый снежок. После полудня поднялся было восточный ветерок, но сейчас, кажется, опять спокойно.

Всё имущество, исключая кухонные принадлежности, уложено. Это то, что остаётся здесь. Наши же дорожные пожитки, их совсем немного, тоже уже вполне готовы к длинному пути. У меня багажу: выючный ящик, чемодан с бельём, небольшой ящик из-под компота с книгами,

заснятыми пластинками и пр., куль с одеждой, постель, ручной чемоданчик со всем тем, что нужно, чтобы было под рукой ежедневно. В юрте вынуты рамы, окна забиты. В бане сложены шкуры, сёдла, лямки, листы железа, тордох и пр. Остающиеся здесь ружья густо смазаны маслом (ружейным) и обёрнуты бумагой. Завтра утром начнётся наш обратный путь.

Значит – последний вечер на станции. Сколько мыслей крутится сейчас в голове! Как-то грустно покидать станцию, ведь с ней связано столько хорошего! И хочется себя утешить мыслью, что, быть может, скоро я снова буду на Котельном, снова буду на станции.

### **Отъезд со станции. Заколотили окна, двери – и в путь!**

*5 апреля. Четверг*

Утром сложили всё имущество посреди комнаты на стол и обе койки и тщательно прикрыли полотнищами от тордоха и двумя палатками. Ещё раз попили чай, заколотили окна, двери – и в путь! Пасмурно, слабый снежок, небольшой ветер с юго-востока. Я с Лепчиковым на передней маленькой нарте с упряжкой в 10 собак, Максим с Николаем сзади на большой, 14 собак. Отъезда не пришлось и сфотографировать. Когда тронулись, следил глазами за станцией, пока не спустились в губу. Исчезли сначала избушка и будки, потом потонул флаг и последним – флюгер. Путь не особенно лёгкий, часто попадаются участки с рыхлым снегом. Шли напрямик, островом. Спуски и подъёмы всюду пологие, пересекли залив. Сулбут осталась влево, в стороне. Прошли 50 км.

На Усук-Стане чай с молоком – не сгущенным, а настоящим, правда, разбавленным водой. А на ужин у Лепчикова с Максимом – медвежатина, у нас с Николаем – строганина. Между чаем и ужином – читка газет.

Выехали со станции в 9.45, приехали на Усук-Стан в 17 час.

*7 апреля. Суббота. Ураса Б. Чуоралах*

Утро. Сидим в ожидании хорошей погоды. Встречный ветер заставляет ждать. Вчера прошли много, километров 70–80. Пробыли в пути целых 12 час. На южном берегу Нерпалаха пили чай – там же, где в прошлом году, когда впервые выехали на Нерпалах. Значительная часть пути хорошая: заливом от Усук-Стана до оз. Дурного, по озеру, по Нерпалаху. Более труден из-за многих подъёмов, спусков и обилия рыхлого снега участок Нерпалах – Хос-Тёрюттях. В прошлом году с Васильевым этот участок был пройден более удобным маршрутом

Хос-Тёрюттях – Б. Чуоралах. Зато нынче гораздо проще прошлого года. Шли следом, проложенным Максимом и Лепчиковым по пути на станцию, не отходя далеко от берегового обрыва. Снегу мало, местность почти совершенно ровная. А в прошлом году мы шли глубоко по острову и беспрестанно то поднимались из речки, то снова опускались в другую. На море плохая картина: полоса километра в 2 шириной вдоль самого берега мелкоторосиста. Позади же этой полосы насколько хватает глаз простирается гладкий лёд. В прошлом году эти места представляли сплошное море торосов.

Лепчиков говорит, что стихает, нужно собираться в путь.

Вечером. Усук-Стан.

Опять прошли много, столько, сколько утром пройти не надеялись, – километров около 70-ти. Утро было устрашающее: порядочный ветер, небо обложено низкими облаками, идёт снег, позёмок. Видимость очень плохая. В такую погоду мы выехали. Нашли след промышленников и по нему пошли. Шли недалеко от берега. Подъёмы и спуски пологие и их меньше, чем предполагал. Придя на м. Чуоралах, свернули в море и пошли льдом. Торосы есть, но мелкие, и нарты всюду проходят без особых затруднений. Придя на Амбардах, попили чаю и пошли дальше снова островом. Скоро были уже в Урасалахе. Время раннее, погода исправилась, собаки идут сносно, и было решено двигаться на Усук-Стан. В Урасалахе взяли куль бывшей там кондёвки (оставили Максим и Лепчиков на пути к станции), дали по одной штуке каждому псу. По одной кондёвке или взамен её по маленькому кусочку рыбы (остатки строганины) или медвежьего мяса получила каждая собака на Амбардахе. День ознаменовался потерей Максимом двух трубок. К его великой радости одна была мною найдена и вручена ему.

Участок Урасалах – Усук-Стан показался очень длинным. Ещё много не доезжая до Усук-Стана, мы издали какую-то речку приняли за речку Усук-Стана и очень обрадовались скорому приезду. Но пришлось разочароваться. Это не был Усук-Стан, и вот на каждой очередной речке мы надеялись увидеть урасу, а её всё нет и нет. Последние километров 1,5–2 шли не в глубине острова, а самой береговой линией, по коридору, образованному с одной стороны береговым обрывом, с другой – нагромождением торосов. Морем здесь идти нельзя, торосистость безобразная.

Сильно утомились. 12 час. пути, большая часть которого проделывается пешком по рыхлому снегу, дают о себе знать к вечеру основательно. И придя на стан, всё думаешь, как бы поскорее попить чаю и улечься спать.

Мои спутники уже храпят. Бросаю и я свой дневник. Можно бы ещё много писать, да нужен отдых.

Завтра мы должны быть на Делисее: ведь до него осталось только 60 км.

*9 апреля. Понедельник. Стан Делисей*

Участок Усук-Стан – Делисей прошли легко льдом. Торосы большей частью мелкие, если же встречались крупные, то мы шли береговой линией. Но тут было изрядно рыхлого снега. Впереди собак весь путь кому-либо приходилось шагать или бежать. Специалист бегать – Максим. Он подолгу дует бегом по рыхлому снегу и собак оставляет далеко позади. По льду же обошли и Эбелях, а Никушка говорил, что около него сильно торосисто, и осенью, когда наши промышленники шли со станции вместе с Никушкой, то оставили Эбелях вправо, резали прямо по острову, по многочисленным и глубоким здесь рассохам. Две собаки вчера шли на привязи позади нарт. Позади нашей – Сохонья, один из самых старательных наших псов, каким-то образом ещё на станции порвавший себе грудь, и позади нарты Максима и Николая – одна из нанятых временно собак. Она повредила переднюю лапу и сильно хромот.

На Делисее нас встретили все трое промышленников: Никушка, Захаров и Чучан. С песцами у них обстоит весьма неблагоприятно: за два и частично три осмотра собрано лишь 16 песцов. И это – с 1400 пастей! Только 16 песцов за три месяца лова! Собаки поправились на медвежатине быстро, имеют вид хороший.

За последние дни испробовал медвежатину в трёх видах. На Урасалахе ел сырой медвежий жир. Понравился. Так во рту и тает. Вчера ел варёное мясо, сегодня – жареное. Николай ест только жареное, и то, кажется, без особого аппетита. Сегодня кончили строганину, ели её ежедневно со дня приезда на станцию наших промышленников. Тогда, в день приезда, не только ели строганину, но и распили бутылку «аргы». Обязан этим Абашину, выхлопотавшему в ПОСе (*Промыслово-охотничья станция*) для нас пару шкаликов спирта.

Сегодня ветер средней силы, ясно и холодно. Завтра рано утром вместе с Никушкиной компанией тронемся через пролив на Станчик. Сейчас Никушка занимается оладьями. Я день отдыха провёл за читкой газет да починкой камусов. Чёрный, несмотря на сидячий образ жизни зимой, чувствует себя в упряжке великолепно и тянет по-прежнему старательно.

**Возвращение после первой зимовки на Б. землю.****Прибытие на М. Ляховский, стан Фёдоровский**

*11 апреля. Среда. О-в М. Ляховский. Стан экспедиции (Фёдоровский)*

О дне вчерашнем. Встали рано и уже в 6 час. 45 мин. тронулись через пролив. Впереди Захаров на лёгкой нарте, запряжённой пятью собаками, в т. ч. умным Бастыном. За Захаровым наша с Лепчиковым упряжка: девять собак тянет, десятая – Сохонья – едет в качестве пассажира. Сначала рвалась из пут, но потом смирилась со своей пассивной ролью в переезде – и не так-то она уж очень трудна – и лежала спокойно. Утром солнце сквозь тонкие облака, резкий восточный ветерок. Первые два часа шли небыстро, пересекали торосистую полосу. От проезда на Котельный Слепцова с Винокуровым с продовольствием для промышленников остался след. Им шли на Котельный и Лепчиков с Максимом. И сейчас этот след значительно облегчил дело. Дорога через торосы была уже проложена, и оставалось её подправлять лишь в некоторых местах. Этим и занимался Захаров, вооружённый кайлом и лопатой.

Сбился с порядка описания. Ну да ладно. За нашей нартой – нарта Никушки и Чучана, 10 собак. Нагружена результатами промысла и охоты на диких оленей. Оленьи шкуры составляют большую часть груза. Нарта поэтому громоздка, и Чучан с Никушкой нагрелись порядком. Немного досталось и мне. Захаров шёл впереди, разыскивая среди торосов путь. Лепчиков вёл его нарту, а я – свою. Пару раз она опрокинулась, и бедный Сохонья висел вниз головой, уткнувшись носом в снег. Последней шла наша нарта – Максим и Николай, 14 собак. Как прошли первые два часа, так и кончились торосы. Дальше – ровный лёд, иногда с мелкими торосами, не мешающими езде, и твёрдый снег во весь путь через пролив. В середине пролива – чай. Погода смягчилась, ветерок стих. К вечеру, когда стал виден М. Ляховский, мороз вновь усилился. Довольно долго шли вдоль М. Ляховского. В пути через пролив пробыли 13 час. (в т. ч. 1 час пили чай). Я не ожидал, что пролив будет так великолепен. Это по лёгкости лучший участок нашего пути. А в прошлом году было не то! Память оставил он по себе крепкую. Промышленники говорили, что осенью, когда они шли с Котельного, было торосов гораздо больше, и предполагают, что после их прохода лёд был сломан и потом установился вновь. Когда пересекали пролив, лёд был тонок, кайло с одного удара его пробивало.

О дне сегодняшнем. Переход небольшой, километров 40, Станчик – Угун Петр – Стан Экспедиции. Холодный ветерок с запада был неприятен. Ясно. И вчера и сегодня – в защитных очках. В Угун Петре

пили чай. Нашли записку Слепцова. Он ушёл на Б. Ляховский вместе с Шевелёвым только сегодня. Чуть-чуть мы его не застали.

Сейчас кухня работает вовсю. На железной печке варится медвежатина, на рядом горящем камельке пекутся лепёшки. Занимается ими Максим. Пекутся оригинально, в вертикальном положении. Внутри лепёшки воткнута палка. Чтобы тесто не свисало и держалось крепко, лепёшки сначала слегка поджарены на железной печке. Всё же одна лепёшка не выдержала и поползла вдоль по палке. Максим прекратил сползание лепёшки, прибавив её к палке деревянным гвоздём. Завтра мечтаем попасть в Ыпсы, послезавтра – на Дымную и, быть может, даже на станцию. Идём великолепно, быстро, хоть и собаки сидят на скромном пайке. Что ж было б, если б нас где-нибудь у Нерпалаха дня на три задержала непогода?

### **ПОС Якутпушины на р. Дымной. Хлебом пришлось кормить и наших собак**

*14 апреля. Суббота. Дом Ляховской промыслово-охотничьей станции (ПОС) Якутпушины на р. Дымной*

Прибыли сюда вчера. Сейчас собираемся на Ляховскую станцию. Пишу, что придётся, нет времени. Застали здесь кладовщика Шагова. Директор Гудвиллов в Казачьем, Горюнихин, охотовед, занят учётом пастей всего Б. Ляховского, и сейчас его здесь нет. Положение с кондёвкой отчаянное, её нет совершенно. Собак кормят хлебом. Хлебом пришлось кормить и наших собак. Кондёвка должна прибыть завтра, мы получим 2 куля. Промысел плох на всех островах. М. Ляховский дал после Нового года 5 песцов. Фаддеевцы за весь сезон добыли 128 песцов.

### **Чай-Поварня. Вот и снова на материке**

*18 апреля. Среда. Дом ПОС*

Дела за эти дни шли так.

14-го – на Ляховскую станцию. Невдалеке от неё видели волка. Абашин встретил нас у станции. Стрелял из ружья, но мы не слышали. Флаги по случаю приезда. Приветствия. Завтрак – капуста, строганина, бражка. Письмо Тучкова о том, что, возможно, кто-либо из новой смены выедет вперёд для приёма станции.

15-е. Днём внезапный приезд Тучкова для приёма станции. Начало сдачи имущества. Новости прошедшего года: о Ленинграде, ходе Архангельско-Ленской экспедиции.

16-е. Окончание сдачи имущества и составление акта. Сдавалось бегло, почти без просмотра получаемого.

17-е. Отъезд с Ляховской станции. Тучков принял станцию без ведома Снегирёва, оставшегося с грузом где-то далеко. В ПОСе безобразное состояние с продовольствием для людей, и в особенности для собак. С громадным трудом удалось получить 700 штук кондёвки.

В первый и второй дни кормили собак хлебом. Сохонья осталась на Ляховской станции, положение её печально.

Едем большой компанией, захватили с собой и Абашина. Часть груза отправили вперёд с посовскими собаками, часть ПОС отправит завтра. Едет с нами же и промышленник с Фаддеевского Попов, бывший в прошлом году старшим проводником Усть-Янской фактории Якутпушнины.

Сегодня с ПОС уезжаем. Вчера вечером ходили в Дом промышленников на Дымную прощаться. Процедура длинная.

Вечером. Чай-Поварня. Вот и снова на материке. Десять с половиной часов пути, и пролив позади. Шли хорошо, быстро. Часть груза оставили в ПОСе, пошлют завтра с попутной нартой. На проливе недалеко от Ляховского о-ва встретили нарту, везущую жену директора ПОСа Гудвилова. Она как будто бы на девятом месяце беременности рожать едет на острова. Вот тебе и полярная обстановка! Дорога через пролив торная, хорошая.

Новую поварню здесь, по-видимому, не построят ещё долго. Так по старому стоит лишь один оклад, поставленный ещё в 1931 году.

#### *20 апреля. Пятница. Стан Аджергайда*

Вчера вышли при довольно сильном восточном или северо-восточном ветре. Был порядочный позёмок. Впрочем, я, Вася и Николай шли впереди пешком. Около перевала через Святой Нос встретили две посовских упряжки с грузом и каюрами Кондинским и Гороховым. За день до встречи с нами у Горохова стана они застрелили одного оленя. Следов оленей мы пересекали много. В Гороховом пили чай. К вечеру ветер потихоньку стих. Местность около Чай-Поварни я не видел из-за плохой погоды. В прошлом году не пришлось её разглядеть по той же причине. За день прошли 60 км. Сегодня у нас днёвка. Часа два тому назад пришли на двух нартах с Дымной Захаров и Слепцов с остатками нашего груза. У самого Аджергайда нарта Слепцова наскочила на плавнину, и трёх копыльев – как не бывало. Завтра выходим рано утром. Собираемся дойти до Сегучана, т. е. 120 км. Удастся ли?

*22 апреля. Воскресенье. Сегучан. Юрта приказчика Якутпушинины*

Вчера пройти до Сегучана не удалось. Вышли из Аджергайдаха рано. Не сильный, но очень резкий ветерок то встречный, то справа.

Быстро идёшь – согреваешься до пота, садишься на нарту – и быстро становится холодно. На Харстане, в 50 км от Аджергайдаха, пили чай. Забыл сказать, что ехали все вместе, т. е. вместе с нами и нарты Слепцова и Захарова. Километрах в пяти за Сегучаном мы встретили четыре нарты с шестью возчиками. Две нарты ПОСа с бригадиром Винокуровым во главе и две нарты, кажется, Казачинского колхоза, везущих бензин и керосин на Ляховскую станцию. Слепцов с Захаровым вернулись назад, чтобы взять на Харстане груз у Винокурова и везти его на Аджергайдах и дальше. Наш же груз – около 11 пудов – оставили на месте встречи. Сегодня Винокуров должен доставить его сюда. Кажется, в отдалении уже виднеются две его нарты.

Встретили здесь возчиков, только что доставивших кондёвку из Усть-Янска. Удалось уговорить взять 10 мест нашего груза. Довезут его до Усть-Янска. Хорошо, если б к вечеру подъехал со своей нартой Фёдоров. Часть груза дали бы ему и завтра вместе поехали бы дальше.

Прошлую ночь провели в том большом доме, в котором дневали мы из-за плохой погоды в прошлом году. Из прежних людей встретили здесь лишь одного, остальные все новые. Промысел плох, что-то около 70 песцов на 3000 пастей за весь год. За вчерашний день пройдено 90 км.

Сегодня прошли только 30. В Сегучане ночуем. Были в гостях у местных жителей. Встречена первая полярная ива.

*23 апреля. Понедельник. Хорой*

Прошли только 60 км от Сегучана. Погода и дорога хорошие, но Лепчиков заупрявился и ни за что не поехал. Порядочно поспорили. Завтра Лепчиков предполагает пройти до Истены, т. е. 150 км. Чёрта с два удастся эта штука!

*24 апреля. Вторник. Истена*

Против всякого ожидания – в Истене, т. е. только в 60 км от Казачьего. По исчислениям наших проводников мы прошли 150 км. Погода весь день великолепная, дорога лучше, чем где-либо до сих пор. В результате вчерашних пререканий получилось быстрое передвижение. Встали, можно сказать, ещё вчера, в 12-м часу ночи. Спали не больше четырёх часов, т. к. легли в 8-м. Километров 15 от Хороя шёл один пешком, вышел раньше упряжек. Из голой тундры, окружавшей нас утром, мы

к вечеру попали хотя и в редкий и низкий, но всё же лес. Ещё издали среди кустов карликовой берёзы увидели первую лиственницу.

Чай пили в Дельбергеляхе и в Кобохе. В последнем любовались красивой девушкой-якуткой лет 18–19, по этому поводу много разговоров.

Очень часто, почти непрерывно, встречались песцовые следы, и Шахмат – собака Абашина – поймал лемминга, съел же его Туркан.

Здесь, в Истени, ночлежников много, ночевать приходится в темноте. Узнал, что вчера в Казачье прибыл Снегирёв – начальник новой смены Ляховской станции.

## Казачье

### *1 мая. Понедельник. Казачье*

Всё готово к отъезду в Булун. Осталось только уложить маленький чемоданчик да одеться. Бурцев с Лепчиковым вот-вот придут с известием, что чай они попили и можно ехать. Попил чай и я.

Конспективно. 25 апреля. Истена – Усть-Янск. Осмотр школы, беседа с учителем Винокуровым. После обеда – прибытие в Казачье. В доме Ляховской ПОС встреча с директором ПОС Гудвило. Письмо, переданное мне Гудвило, последнее письмо из Якутска. Тут же в доме ПОС встреча с новым радистом Ляховской станции Сперанским Евгением Николаевичем. Вечером на Казачинской рации встреча с зав. Ляховской станцией Снегирёвым, с тремя ребятами – местными радистами.

### *3 мая. Среда. Ураса в местности Жабджи-Тас (130 км от Казачьего)*

В 8 час. вечера 1 мая в прекрасный тихий солнечный вечер вышли мы из Казачьего. Первые 40 км собаки бежали почти непрерывно вскачь, уж очень скользкой была дорога. Вторые сорок прошли гораздо тише – подморозило, и нарты так легко уж не скользили. «Ночевали» в юрте Онкучах, проехав за ночь 80 км. В 7 утра мы пришли в Онкучах, а в 13 уж были снова на ногах. Вышли в дальнейший путь вечером, часов в 6. Намеревались пройти до Омолоя, но дорога тяжёлая и пришлось стать на отдых в 50 км от Онгучаха. Юрта новая, построена лишь этой осенью. Щели мохом не заложены, и всё внутри неё покрывается серым слоем песка. Мои постельные принадлежности имеют вид, словно пережили самую пустыню.

Первый час дня. Тепло. Складываемся, готовимся к дальнейшему пути.

*5 мая. Пятница. Поварня в местности Тас-Тумус*

От Хабути-Тас дошли прямо до местности Дагорын, с чаем в Табалахе, на Омолое. Значит, за переход одолели около 110 км. Ночевали в тордохе у семьи Васильева, которую мы догнали. Она переселяется в Булун и, вероятно, дальше в Якутск. В последний переход прошли 70 км. В Тас-Тумусе нашли Фёдорова (возил дрова в прошлом году на станции), с семьёй и всем имуществом. На лето переезжает в Булун и гонит туда двух лошадей и трёх коров. А осенью – опять двинется обратно.

Пока дорога довольно хорошая. Если и дальше пойдёт гладко, то через две ночёвки мы должны быть в Булуно. С сегодняшнего дня весь груз повезут лишь наши собаки: до Тас-Тулив 11,5 пуда груза взяли казачинские возчики. Теперь они ушли в Сатыгот-Талу за грузом для Казачьего (там, в Сатыгот-Талу, оставили летом груз, предназначенный для Усть-Янского РайОНО).

*6 мая. Суббота. Поварня близ р. Хараулах*

В пять с половиной часов вечера вчера вышли мы из Тас-Тумус. Вскоре попали в воду. Один из наших попутчиков, некто Никулин, поскользнулся и оказался лежащим в луже. Встретилась полоса галечника, с трудом обошли. Дорога довольно трудная, занесённая снегом, и лишь в некоторых местах нарты шли легко. Когда подходили к первому перевалу, погода резко изменилась к худшему: подул сильный встречный ветер, мокрый снег повалил хлопьями, нахлёстывал в лицо и заклеивал глаза. Первый перевал взяли сравнительно легко. Только от льда на полозьях ничего не осталось, галечнику на перевале было так много, что идти пришлось прямо по нему. Между перевалами расположился Фёдоров со всем своим богатством. Здесь мочили полозья и пили чай. Второй перевал был значительно труднее первого. Каждую нарту пришлось поднимать отдельно, припрягая собак и помогая всем людским составом. Второй перевал был без галечника, и лёд на полозьях уцелел. Мне кажется, что в прошлом году осенью, идя на оленях из Булуна в Казачье, мы пользовались несколько иным путём. Перевалы были иные.

Здесь на перевале застали много народу – женщины и дети, жители этого стана. Молодой парень, бывший здесь же, сообщил, что на реке Буянке снегу почти нет. Это весьма неприятно. Весь груз нашими силами не протащить. Придётся часть его оставить на р. Хараулахе, оставить и Лепчикова, чтобы он через Хараулахский поссовет добился переброски остающегося груза в Булун. Тает непрерывно, всё такие

же плотные тяжёлые облака висят над головой, что и вчера, на мороз надежды нет. Лепчиков с Бурцевым подбили нарты лиственничными подполозками. До р. Хараулах нужно во что бы то ни стало доставить груз полностью.

*7 мая. Воскресенье. 3 час. 30 мин. дня. Поварня на р. Буянке*

Заночевали, пройдя лишь около 30 км. Дорога очень тяжёлая, бесснежная. Часть груза и Лепчикова оставили на р. Хараулах. Полчаса назад Лепчиков пришёл и сообщил, что наш груз местное население завтра к вечеру перебросит через перевал. Дальше дорога хорошая и мы справимся сами. Скоро трогаемся. Лепчиков использует наше чаепитие, чтобы немного поспать. Он прошёл много и, вероятно, здорово утомился.

Заболевший на днях Соготох пал.

### **Кюсюр. Две «собачьих» телеграммы**

*4 июня. Воскресенье. Кюсюр. Общежитие Якутпушинины*

Не записывал давно. О прошедших последних неделях придётся писать вкратце. После бесснежной Буянки попали в места, слишком богатые снегом. Перевал на р. Эбетем оказался засыпанным глубоким свежим снегом. Ни малейшего следа не видно было на его ровной поверхности. Подъём крут, и пришлось четыре нарты (две наших, одна Черноградского и одна Никулина) поднимать всеми собаками в два приёма. Эбетем оказался также богат снегом. Дорога была очень тяжёлая. На отдых остановились вблизи двух тордохов пастухов Оленсовхоза. Отдали собакам остатки корма. Погода очень плохая, началось усиленное таяние снега. В ночь на 9-е идти дальше не пришлось, было необходимо ждать, когда какой-либо оленный транспорт проложит след. У Оленсовхоза ничего для собак не оказалось. 9-го шёл первый дождь. Днём того же числа прошёл в направлении на Булун оленный транспорт одного из колхозов. Удалось часть нашего груза передать ему для доставки в Булун. Вечером 9-го числа выступили в путь, так и не дождавшись хотя бы лёгкого мороза. Лепчиков с Бурцевым на большой нарте пошли обратно к перевалу, чтобы взять груз, оставшийся на р. Хараулахе и перебрасываемый оленями. Я же с попутчиками отправился вниз по Эбетему.

До Булуна оставалось 90 км. По сообщению оленсовхозцев в 20 км от стоянки по пути нашего движения лежит павший олень. Его мы и намеревались скормить нашим собакам. Но выпавший за последние

дни глубокий снег толстым слоем покрыл всю местность, и оленя мы не нашли. Пришлось на голодных собаках идти дальше. Павшие олени должны быть ещё в низовьях Эбетема. Пройдя 50 км от предыдущей остановки, встали на отдых. Собаки ничего не ели уже двое суток. И опять они отдыхали голодными. К вечеру 10 апреля пришли Бурцев и Лепчиков с грузом. Оленя не нашли и они. Собаки совсем обессилили. Пришлось кормить их моржовыми ремнями. У стоянки был расположен тордох пастухов оленного колхозного стада. Мяса для собак и там не оказалось. В ночь на 11 апреля вновь пошли дальше, в последний переход. До Булуна оставалось около 40 км. Часть груза оставили у стоянки, чтобы облегчить нарты.

Я пошёл вперёд пешком. В низовьях местами выступила вода, и пришлось в камусах брести прямо по ней. Увидел одного павшего оленя. Значит, скоро собаки поедят. Пришёл в Кюсюр в 8-м часу и отправился к Якутпушнине, где, по некоторым сведениям, остановились Абашин с Николаем. Указали мне маленький дом. В нём я жил первую часть осени 1932 года. Вошёл в комнату и, отворяя дверь, ударил ею по ногам распротёртой на полу фигуры. Мельком взглянув на неё, я несказанно удивился: неужели это Лёша Гусев? Боясь обознаться, я ничего не сказал и обратился к Абашину, лежавшему на кровати у левой стены. Тогда фигура приподнимается, садится, протягивает руку и говорит: здорово, что, не узнаёшь? Рассеялись последние сомнения, это был действительно Лёша Гусев, которого в последний раз я видел в Ленинграде три года тому назад. Он сильно изменился. Рост прибавился значительно, он теперь немного ниже меня, поздоровел, облысел. Удивились этой встрече немало. Гусев, оказывается, сотрудник Лено-Хатангской экспедиции ГУ СМП и работает начальником Угольной полевой партии в окрестностях Булуна. Их база расположена у устья Огочир-Юряха на левом берегу Лены, километрах в 20-ти выше Кюсюра. Обменялись новостями, за три года у обоих накопилось немало. Правда, говорили очень коротко. У Гусева мы как сотрудники ГУ СМП должны были получить некоторое количество продовольствия. Через час мы встречали наши упряжки.

Абашин сообщил, что Уполномоченный ГПУ по Булунскому району Аральд настаивает на передаче собак ему. Прежде чем дать ответ, я решил узнать решение Тикси по вопросу о приёме собак – им я телеграммой из Казачьего сообщил, что собак после перехода в Булун могу передать порту. В полученных двух телеграммах значило приблизительно следующее: «В собаках остро нуждаемся. Выезжайте Тикси.

В случае неприезда вышлем представителя». Ждать представителя из Тикси, не имея корма – в Булуне достать его очень трудно, – было нельзя, и я решил передать собак Аральду, тем более что он обязался перебросить в Кюсюр оставшийся в пути наш груз и продовольствие с Огочир-Юряха.

Представитель Тикси прибыл 14 мая. Собак, конечно, он не получил. Я написал Михайлову объяснение передачи собак ГПУ.

*7 июня. Среда*

Михайлов, узнав о передаче собак ГПУ, поднял целую бучу. Нажаловался в Москву, прислал телеграмму и мне – считает, что я произвёл продажу собак незаконно. Я кратко сообщил в Москву, что телеграмма Михайлова факты извращает и что ответственность за свои действия я несу. В тот же день, когда я посылал эту телеграмму, Аральд снёсся с Михайловым и, как потом мне говорил, согласился на временную передачу собак Тикси. Из Москвы я получил две «собачьих» телеграммы: одну в довольно спокойном тоне за подписью Шелепина и Шимановского (!), а вторую за подписью лишь одного Шелепина. Последняя начиналась словами «категорически требую» и заканчивалась объяснением, что собаки весьма необходимы ввиду заброски их нынешним летом на Новосибирские острова. После получения этой телеграммы я пошёл к Аральду переговорить, не согласится ли он передать собак Тикси в собственность, а не временно, иначе как же их посылать на острова? И тут выяснилось, что Аральд собак передал не временно, а в полную собственность! О чём же тогда весь этот шум?! В Москву я ответил, что собаки 20 мая отправлены в Тикси.

Кажется, 17-го числа я, Вася Абашин и Николай ездили к Гусеву на Огочир-Юрях. Получили у него продовольствие, угостились малость портвейном, коньяком да консервированными фруктами. Приехал к Гусеву с расстройством желудка, но, переночевав и выпив маленькую толику портвейна – он, вероятно, и помог, – оказался совершенно здоровым. Абашин с полученными продуктами вернулся в Кюсюр в тот же вечер, я же с Николаем пришёл лишь на следующий день вечером. В окрестностях Огочир-Юряха ведутся полевые работы на уголь. Там построен маленький посёлок – ведь во время разгара работ там было 18 человек. Юрта, в которой живёт теперешний состав партии – 6 человек, просторная. Есть и баня. Пробита в берегу 40-метровая штольня. Все вернутся в Ленинград осенью, северным рейсом (через Тикси – Архангельск).

Ещё по прибытии на Ляховский о-в Тучкова я узнал, что на Ляховскую станцию ехал Костя Громов – бывший студент нашего географического факультета. Рейс на Ляховский не состоялся, и он остался работать на р. Оленёк. Узнал я также, что среди челюскинцев находится Васильев Вася – картограф, однокурсник. С ним жена и грудной ребёнок.

Получил одно письмо и телеграмму от МАКа. Он в Ленинграде и пробудет там ещё долго, я его там застаю. Из Якутского ГИМЕИНа была телеграмма от Зыкова – однокурсника-гидролога. Просил заняться установкой водомерного поста. Возможно, что среди гидрологов ГИМЕИНа есть ещё знакомые. Из дома сведения спокойные, всё благополучно.

### **Ледоход на Лене. В ожидании парохода.**

#### **Подготовка отчетности**

*8 июня. Четверг*

Лёд на Лене прошёл почти целиком. Вчера и сегодня вдоль правого берега плывёт лишь небольшое количество ледяных обломков. Первая подвижка льда была в ночь на 30 мая. 30-го же мая три человека благополучно перешли из Кюсюра в Булун. Ночью на 31 мая лёд пошёл, вновь шёл несколько часов. К утру стал и пошёл опять вечером. С тех пор, кажется, лёд не останавливался. Наибольший подъём был 2 июня. До вечера 2 июня лёд шёл сплошной массой, чистой воды не было видно совершенно. Вечером 2-го вдоль левого берега образовалась полоса чистой воды. С каждым днём она всё более и более расширялась, и теперь льду остались пустяки. Вчера, 7-го числа, Игнатьев – агент Якутпушнины – на ветке ездил в Булун. Из Булуна на лодке приплыли несколько человек. Можно считать, что сегодня река очистилась ото льда (если не считать совсем мелких разреженных кусочков льда, продолжающих плыть ещё и сейчас).

Сведения о пароходе самые разноречивые. Местными работниками получены три телеграммы: одна сообщает, что 10-го выходит «Пятилетка», вторая, что 15-го выходит она же. И третья, что 20-го выходит «Лена». Хочется, чтобы пришла «Пятилетка» (судно, переброшенное из Енисея), и пришла как можно скорее. Хотелось бы хоть в сентябре попасть в центр.

Перед самым ледоходом и в ледоход основной темой всех разговоров были гуси. Все способные носить оружие и обладающие таковым только и жили надеждами добыть гусей. Но сезон нынешний оказался

неудачным: гусей пролетело очень мало, и добыли их пустяки. Максим ездил километров на 30 вверх по реке, и на троих человек они убили 4 гуся и 6 уток. Васильев, кажется, добыл двух гусей, одного принёс нам.

Вася Абашин живёт в Булуна. Перебрался туда, потому что, говорил он, в Кюсюре обстановка для работы неблагоприятная, а нужно составлять отчёты. Но, кажется, до сих пор он отчётами не занимался и отложил их до Якутска.

Я финансовую отчётность подготовил. Сейчас на очереди составление отчётов об израсходовании продовольствия, спецодежды и пр., и составление подробного отчёта о проведённой работе.

### 13 июня. Вторник

Вчера и сегодня чудеснейшие дни. Солнце печёт сильно, даже идя в одной рубашке короткое расстояние, разопреваєшь.

Последняя телеграмма относительно парохода сообщает, что 15-го числа выходит «Пятилетка» и направляется на Ляховский о-в. Во второй своей половине телеграмма не верна. Раньше августа месяца никакое судно в море не выйдет из-за льдов.

Кое-кто из сотрудников Якутпушнины занялся рыбной ловлей, но результаты плохи, почти ничего не попадает.

За два дня лес зазеленел, зазеленела трава, появились первые комары. Вода до сегодняшнего дня в Лене убывала, сегодня же пошла на прибывь, но медленно. Вчера вода была чистой, прозрачной, сегодня – мутная, грязная, полная всякого мусорья.

Позавчера вечером, увидев плывущую сверху какую-то большую посудину, все вывалили на берег – каюк (*небольшая плоскодонная лодка с двумя веслами*) из Якутска!

Каково же было разочарование всех, когда это оказалось не якутским каюком, а кунгасом (*большая беспалубная гребная или парусная лодка*) из Булуна. Булунские обитатели ездили рыбачить вверх по реке и на обратном пути зашли и в Кюсюр. Сюда доставили рамы от построек, переносимых из Булуна в Кюсюр.

За время моего полугодового отсутствия в Кюсюре произошли некоторые, правда, не весьма значительные перемены. Посёлок разросся: там, где раньше стоял один дом Оленсовхоза, сейчас красуется целый посёлок. Несколько домов перевезено из Булуна. В эту навигацию собираются перевезти школу. При радиостанции собираются ставить новый дом – общежитие для сотрудников. Он должен прибыть из Якутска этим летом.

*16 июня. Пятница*

Последнее сообщение о пароходе гласит: «Лена» выходит 17 июня, «Пятилетка» – 1 июля. Раньше конца сезона мы, очевидно, в Якутск не попадём.

Исключительно жаркий день. Почти безветренно. Гремел первый гром. Занимался приготовлением посылок. Сдал сегодня их пару – меньше багажу будет в дороге.

*24 июня. Суббота*

Пять дней тому назад получена телеграмма о том, что «Лена» вышла из Якутска 18 июня в 6 час. утра. Ведёт её Богатырёв. Сегодня исполнилось шесть суток с момента её выхода и потому с часу на час можно ожидать её прибытия.

Получили 5 тыс. рублей, пересланных ГУ СМП на наш адрес в Булун больше трёх месяцев тому назад. Теперь хватит средств до Якутска, ну а там – добудем!

Вчера динамовцы организовали вечер, средства с которого пошли на приобретение невода. Была на нём вся местная интеллигенция, исключая занятых сотрудников радиостанции. Вася Абашин женится на счетоводе рации Марусе Головановой. Всё обделал весьма скоропалительно. Уверен, что через короткое время он будет в ней жестоко разочарован.

*29 июня. Четверг*

26-го к вечеру вдали за Огочир-Юряхом показался наконец караван барж с «Леной» во главе. Дул сильный ветер, и пока он достиг Кюсюра, прошло немало времени. Ещё не доходя до Кюсюра, буксир у последних двух барж оборвался, и они поплыли по течению. Пришлось «Лене» оставить остальные две и догонять оторвавшиеся. Баржи встали на место лишь поздно ночью, вернее, рано утром 27-го числа. Баржи, пришедшие с «Леной», – «Камса», «Учур», «Олекма» и «63». Последняя – деревянная, остальные железные. Все только с рыбаками и грузами Тус-Балыка. Никаких грузов для местных организаций нет. Есть лишь почта. Получил одно письмо – от Пети Большакова от 20 марта. На одной из барж едут гидрологические экспедиции, одна к Новосибирским островам, вторая – в устье Хатанги. Во главе первой – Чирихин. Его сейчас здесь ещё нет, прибудет «Пятилеткой» или самолётом. Начальника второй нет тоже, его фамилии даже не знаю. Во главе всей группы сейчас стоит капитан Кухарский, один из

начальников отрядов, идущих на Хатангу. С Кухарским беседовал, он расспрашивал о станции Котельного, о проделанной работе. Кухарский помог разрешить нам продовольственный кризис – отпустил 11 кило сахару, столько же масла, 14 банок консервов и 7 кило солонины. В местных организациях хоть шаром покати, нет ни сахара, ни масла, в дорогу мы были снабжены лишь сухарями.

Погода продолжается ветреная, и «Лена» отстаивается. Выберемся мы отсюда не скоро, даже в случае хорошей погоды «Лена» проходит в низовьях 12–13 суток, да переезд из Булуна в Якутск займёт не меньше трёх недель. Значит – радуйся, если попадёшь в Якутск в первой декаде августа. Зато есть надежда на быстрое движение по Лене выше Якутска. Там в этом году должны крейсировать два больших товаро-пассажирских парохода: «Сталин» и «Молотов». Якутск – Качуг они проходили в 12–13 суток. Частота отправок – раз в декаду.

*30 июня. Пятница*

Ветер слабый, направление изменил. Днём «Лена» со всем караваном вышла в низовья. Среди работников Гидрографической экспедиции, едущей в низовья Хатанги, встретил знакомого – Гренцмана, бывшего завхоза Арктического института, а потом Анадырской экспедиции. Рассказал о знакомых ребятах – Васильеве, Меньшикове, Скляре, Кирюшиной и прочих. Сейчас Гренцман едет завхозом экспедиции. Вернётся в центр зимой через Енисей.

## **Пароходом «Лена» на Якутск**

*26 июля. Среда*

11-го вечером пришла «Лена» с баржами «Камой», «Учуром» и «Олекмой». 13-го утром вышли на Якутск. Большой лесной пожар на правом берегу Лены близ Кюсюра. Остановки на песках. 19-го утром прибыли в Жиганск. Несколько новых больших построек, огороды, радиостанция. Замечательная погода стоит с самого момента выезда. Порядочно фотографировал. Вчера прибыли в Сангар-Хая. «Лена» с баржами угля отправилась обратно в Тикси, нас же взял «Диктатор» – колёсный пароход. Идёт он хорошо, но всю ночь простоял из-за тумана. Встретил одного из прежних зимовщиков Ляховской станции – Протопопова. Он сообщил, что едет новый состав сотрудников на о-ва Котельный и Ляховский. Протопопов участвует в гидрологической экспедиции в проливе Лаптева. Хорошо бы встретить едущих на о-в Котельный в Якутске и сообщить им всю обстановку.

28 июля. Пятница

Находимся километрах в 200 от Якутска. Вчера несколько часов «Диктатор» перегружал на себя уголь с «Олёкмы». Прошёл слух, что пароход зайдёт в Алдан в Кылыгыр за грузом. К счастью, этого не случилось, идём без задержек. Устье Алдана прошли вчера вечером, через сутки, вероятно, будем у Графского берега (100 км от Якутска), а через двое – в Якутске. Погода прохладная, с лёгким встречным ветром.

29 июля. Суббота

Ночью – довольно сильный дождь (первый в пути). В 4 часа утра прошли Графский берег, в 7-м часу вечера – Кангаласские угольные копи. Часов в 5 вечера, когда я спал в трюме, вниз прошла «Пятилетка» с семью баржами. Завтра утром будем в Якутске.

### **Описание пути Якутск – Иркутск.**

**Усть-Кут: теплоход взял только военных и немного прочих пассажиров. Нам с громоздким багажом пришлось остаться.**

### **110 км пешком до Иркутска**

27 октября. Пароход «Л. Шмидт», река Ангара между селом Усть-Балей и Иркутском

30 июля утром прибыли в Якутск. Пароход пристал у города близ строящейся электростанции. Когда я шёл по берегу в поисках извозчика, неожиданно встретился с Шашиным. Он отправился снова в Тикси старшим радистом. Устроились в ГИМЕИНе. Последние пароходы ушли из Якутска вверх 28 и 29 июля. В ГИМЕИНе встретил Зыкова Николая, жил с ним в одной комнате. Солодов тоже работает в ГИМЕИНе, летом работал на Алдане. Видеть его не пришлось. От Зыкова узнал о самоубийстве двух наших однокурсников: Копылова и Эйдмана.

В Якутске пришлось просидеть целых полтора месяца. Всё не было вверх отходящих пароходов. Сдал финансовый и материальный отчёты. Их подготовка заняла около двух недель. Вечерами часто играли в волейбол. Из старых знакомых встретил здесь немногих: Гришу Зацепина, Гамаюнова, Тамару Васильеву, Галину Зуеву, Керенскую. Есть несколько однокурсников Дудкина.

Д. с мужем, ребёнком и матерью выехала в начале июля в Иркутск. Андреевы в Слуцке, под Ленинградом. В день выезда из Якутска встретил только что вернувшегося из Ленинграда Бруно Вейса.

13 сентября погрузились на баржу «Советская». Достались места в 3-м классе. Сначала страшно не понравилось, но потом обжились.

Абашин женился на Марусе Головановой, Дудкин – на односельчанке Лизе Дудкиной. Оба захватили жён с собой. По-прежнему ехал с нами Бурнашев. Из Якутска присоединился к нашей группе наблюдатель станции Алысардах (на Индигирке) Крылов Алексей. Продуктов захватили из Якутска достаточно, да ещё подкупали по мелочам в дороге (главное – помидоры). Кроме того, ещё столовались в столовой при барже. Правда, кормили они нас плохо, но всё вместе взятое составляло достаточное питание. 13 сентября во время нашей посадки в Якутске шёл первый снег.

30 сентября высадились в Усть-Куте. Теплоход взял только военных и очень небольшое количество прочих пассажиров, и нам с нашим громоздким багажом пришлось остаться. Решили перебираться к Иркутску не по Лене, а по маршруту Усть-Кут – Каймоново – Илимск – Намырская (Заярск) – Иркутск, т. е. по строящемуся тракту выйти на Ангару и затем уж по ней подняться до Иркутска. Первая часть пути шла по речкам Куте и Купе. Пока добыли лодку, прошло целых 10 суток. Объединились с группой в 8 человек якутских работников, возвращающихся по окончании договоров в центр.

10 октября в 3 часа дня вышли из Усть-Кута на двух лодках. Прошли 7 км и заночевали в деревне Паново. Погода была холодная. Днём сильный мокрый снег, вечером – мороз. Мужская часть вся шла пешком. До двух часов ночи (с вечера) дежурил с Алексеем (Крыловым) на лодках, охраняли вещи. Топили печь и читали «Княжну Мэри».

11-го прошли от Панова до деревни Ворошилово. Всю дорогу с Алексеем шли пешком. Ночевали в конторе строительного дорожного участка.

12-го прошли до дер. Каймоново. В дер. Перфильево пили чай. Километра два проехал на лодке, остальную часть пути шёл пешком. С утра шла слабая пурга, к вечеру она усилилась, вызывая беспокойство за успешный исход нашего водного пути. В ночь на 13-е в лодке у печки снова дежурил по охране вещей. Утром сменил меня Алексей. Ночь была тихая, морозная. Дочитал «Княжну Мэри».

13-го пешком отправился в д. Мухи с целью подготовить дальнейшее наше продвижение. Кроме того, мне не было никакого смысла идти длинным путём с лодками, если я мог пройти более коротким сухопутным. По воде до д. Мухи 40 с лишним км, а по тракту – 30. Садиться на лодку же я не мог – в ботинках ноги моментально застывали. В Мухи

пришли поздно вечером сильно утомившимися. Ещё в пути узнал, что некоторые плёсы на р. Купе встали и нашим лодкам не пройти.

Что они не явились в Мухи в день выхода, меня не беспокоило – лодки должны были в середине пути заночевать, но как они пройдут вторую часть пути, когда река местами встала – меня сильно беспокоило.

Ночевал у приказчика местного кооператива на брошенной на пол коротенькой дохе. Вечером у него же чуть-чуть перекусил.

14-го пришёл неожиданно Станюкович. Оказалось, не дошли до Мухи только 4 км и здесь застряли. Необходимо было организовать переброску груза с реки вверх на тракт лесной тропой на расстояние 0,5 км и затем 4 км – по тракту на лошадях.

Женщины пришли пешком и устроились в подысканной квартире. К вечеру у изыскательской ж.-д. партии достали двух выючных лошадей и пару лошадей в повозке и приступили к работе. Вечером удалось поднять с реки лишь часть груза. Помешала темнота. Тащили груз и на руках, и выюками. Внизу у реки остался на дежурстве я, наверху, на тракте, – двое Алексеев: Бурнашев и Крылов.

Утром вернулись люди с лошадьми, и весь груз был переправлен в Мухи. Это было 15-го. 16-го был в бане, а 17-го удалось снова тронуться в путь. Пошли на лошадях Дортранса. Мужчины – пешком, женщины и груз – на повозках. Пройдя 27 км, заночевали в Избушинской. Грязь невероятная. Бесперывно жидкая глина. Морозы сдали, и дорогу развезло.

18-го я, Алёша Крылов и технический директор Якутской типографии некто Папин пошли вперёд обоза, чтобы в Илимене подготовить квартиры для всей нашей оравы.

Дорога раскисла ещё больше, старались идти стороной. В Илимен пришли ещё засветло. Местность, в которой расположен посёлок, мне очень понравилась. Быстрая река, крутые, поросшие сосняком склоны долины производили хорошее впечатление. Довольно быстро нашлись квартиры. 16 человек разместились в четырёх домах. Сразу же, как только было устроено с квартирами, я с Алёшей отправился на противоположный берег Илима – нанимать лошадей. Дело наше не выгорело, хозяева лошадей ни в какую не желали посылать их с грузом в Намырскую. Было уж поздно, пришлось ни с чем вернуться в посёлок. К этому времени подъехали и все наши.

Ещё идя по дороге в Илимен, мы трое – я, Алёша и Папин – решили во что бы то ни стало не застревать в Илимене и двигаться дальше. Если будут лошади – нанять одну, сложить на неё наши манатки и самим

двигаться пешком; если же лошади не найдётся ни одной – сдать все вещи на почту и опять-таки двигаться к Ангаре пешком. Отделяющее нас от Ангары расстояние – 110 км – мы могли пройти в три, в крайнем случае в четыре дня.

19-е ушло на хлопоты по доставанию лошадей, ни к чему не приведшие. Цены на переезд вздулись неимоверно. В Илимene скопилось много пассажиров, наступали холода, речной транспорт вот-вот прекратит работу, и потому все спешили. Цены выросли до 500–600 руб. за лошадь. Это за перевоз 7–8 пудов груза на расстояние 110 км. Автомобили Дортранса бездействовали в ожидании морозов и горючего. На морозы надежды были большие, на горючее – очень слабые.

Остаток дня 19-го ушёл на упаковку посылок. Я упаковал две, Алёша Крылов одну. Папин с нами идти отказался: очевидно, кишка тонка идти 110 км.

20-го утром сдали посылки на почту. В первом часу дня я, Лёша Крылов и рабочий Дортранса Даниловцев, ехавший с нами с Панова, вышли в путь. За спиной по вещевому мешку, сбоку у меня ещё планшетка – вот и весь багаж. В мешке – одеяло, смена белья, немного масла, сахара, сухарей. Наскучила возня с багажом, и благодатно мы себя почувствовали, сознавая, что оторвались от забот.

В 17 км от Илимска в местности Кальяновка в рабочем бараке попили чай, отдохнули. Вышли из Кальяновки, когда уж стемнело. До следующей деревни, Суворкино, осталось ещё около 27 км. А дорога – грязь полузамёрзшая, часто в гору. Добрались в Суворкино глухой ночью, но с сознанием, что дневное задание выполнено.

Встали на другой день, 21-го, поздно, закусили варёным петухом и горячим супом – петуха достали в Илимene за 15 руб., пошли дальше. Переход на этот день приходился нормальный – 30 км, но зато без промежуточных остановок для отдыха. 30 прошли без особых трудностей. Дошли до деревни Каймоново, ночевали у колхозного бригадира. Узнали, что вот-вот в Нарымской должен быть пароход.

22-го дорога была лёгкая, хотя и длинная – 45 км. В 12 км от Каймонова отдыхали в рабочем бараке, пройдя ещё 12, в другом пили чай. Вечером, когда стемнело, пришли в Заярск, на Ангару. Узнали, что пароход «Л. Шмидт» несколько часов тому назад ушёл вниз, в Братск, и может быть обратно следующим утром. Приставать должен был к Берёзовому о-ву против деревни Нарымской. Пришлось шагать сразу же к Нарымской, попить там чай и ночью же в лодке выезжать на Берёзовый о-в, чтобы там у костра ждать прихода «Л. Шмидта».

Прождали у костра всю ночь и весь следующий день до 7 час. вечера. Наконец пришёл «Л. Шмидт», и мы оказались на его борту. Классные места все заняты. Положили свои котомки на узенькую вещевую полку в 3-м классе, в самом низу, в трюме. Первую ночь ночевали в красном уголке. Понравилось мало – холодно, разбито окно. Следующие ночи устроились спать на этой самой узенькой полке, на которой вначале лежали наши котомки. Спать пришлось осторожно, не забывая об опасности очутиться на полу. Наутро болела поясница от невозможности во время сна хотя немного подобрать ноги. Дни проводим в салоне. Прочли единственную захваченную с собой книгу – «Солнечный клад» Перегудова. А сейчас, когда и читать нечего, добрался и до дневника.

До Иркутска осталось недалеко, уж виден его дым. Вещички сложили. Вот она – железная дорога! Сколько пришлось затратить сил и времени, прежде чем я её достиг!

### **Поезд Иркутск – Москва**

*2 ноября. Курьерский поезд Иркутск – Москва. Перегон Александров – Москва*

27-го вечером прибыли в Иркутск. Устроились в общей комнате гостиницы «Красная звезда». Неожиданно повезло с билетами: случайно удалось купить у работника одного из учреждений два билета в мягком вагоне курьерского, отбывающего в Москву 29-го в 3.30 ночи. Таким образом, в Иркутске пробыли лишь одни сутки. Погода стояла замечательно тихая. Утолили накопившийся голод в ресторане при гостинице и в кафе. Дело обошлось безо всяких напитков, кроме пива всухую. Странно было видеть замечательно белые булки, всевозможные консервы, вина и прочую съедобную снедь.

28-го днём были в бане, смыли грязь, вечером – в кино. Смотрели «Праздник св. Йоргена» и «Степные тени». В кино встретили Дмитр. Ем. Пшённикова.

Ехали всю дорогу хорошо. Вагон великолепный, выпуска 34-го года. В пути всюду молочные и пр. продукты на станциях. Рядом с нами – вагон-ресторан, обедали там. Подходим к Москве, уже пройдено Пушкино. Наверное, встретит меня Коля, послал ему вчера молнию из Вятки.

## РЕЗОЛЮЦИЯ

по докладу Начальника Полярной станции на о. Котельный  
т. СОКОЛОВА В.И.  
принятое совещанием при Полярном Управлении 16 декабря 34г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. Карбатов, Лаппо, Гончаров, Шимановский, Панов,  
Беньковский, Карамышев, Соколов.

1-го июля 1933 года, после переброски собачьим транспортом научного оборудования, строительных материалов и продовольствия общим весом около 200 пудов, при чем было пройдено около 4000 килом. была организована метеорологическая станция 2-го разряда 1-го класса на северо-западной оконечности о. Котельного в 20-ти километрах от у.р. Решетникова. Несмотря на ограниченный состав научных работников /Нач. станции наблюдатель/ работа станций проведена с перевыполнением программы по следующим пунктам:

1. Проведены ежечасные футшточные наблюдения /в течение 25 часов /

2. Проводились систематически наблюдения над температурой и соленостью в поверхностном слое моря.

3. Проведены в зимнее время промеры глубин в районе станции и определение толщины льда.

4. Проведена глазомерная съемка береговой полосы, прилегающей к станции протяжением около 40 килом.  
/ копии основных метнаблюдений сданы Шимановского С.В., материалы по гидрологии переданы Лаппо С.Д. /

Понимая значения станции в общей работе 2 МПГ, проведенные с 1 июля 1933 г. по 1 апреля 1934 г. наблюдения в области гидрологии и метеорологии явились ценным дополнением к общему комплексу работ в море Лаптевых, проводимых Главным Управлением Северного Морского Пути.

Сопоставление футшточных наблюдений станции с наблюдениями, произведенными в лагуне Нерпалах Толлем, позволяют сделать заключение о характере приливо-отливной волны северо-западной части моря Лаптевых. Наблюдение над соленостью и температурой вносят ценные пополнения в характеристику распределения этих элементов в поверхностном слое всего моря.

В результате систематически проводимых на станции метеонаблюдений получен материал, впервые характеризующий район в области климатологии и синоптики.

Кроме того сам факт достижения северной части о. Котельного и исследования пути дают ценный материал для дальнейшего практического освоения острова.

В заключение совещание отмечает, что выполнение всех вышеуказанных достижений было возможно только при самоотверженной работе всех сотрудников, как при продвижении транспорта, так и во время строительства своими силами из плавника при условии недостаточного снабжения и отсутствия связи с материком, ходатайствует перед Нач. Полярного Управления о вхождении в Нач. Главсевморпути с пред-

ставлением о награждении сотрудников полярных станций о: Котельного: - Нач. станции Соколова В.И. и наблюдателя Дудкина Н.П. и премировании каюров станции Васильева М.В., Лебчикова Н.П. и Бурцева М.В., много способствовавших успеху работ станции.

Председатель Совещания

/Карбатов/

" " декабря 1934 г.

## ВТОРАЯ ЗИМОВКА

---

### **Из Отчёта о работе полярной станции на о-ве Котельный за 1935/1936 год**

В план строительства полярных станций ГУСМП в 1935 году было включено и восстановление станции на о. Котельный. Намечалась заброска нового дома из Тикси, установка рации с Норд-К, Норд-Д и рейдовым передатчиками, со штатом в 7 человек. Заброску всех грузов должна была произвести зверобойная шхуна «Ленинградсовет» двумя рейсами: Архангельск – Котельный и Тикси – Котельный.

### **СОСТАВ ЗИМОВКИ**

Приказом ПУ № 368 от 15 июня 1935 года был утверждён следующий состав зимовщиков п/с о. Котельный:

1. Соколов В. И. – начальник станции, он же старший метеоролог. Бывший начальник первой зимовки на о. Котельный.
2. Дудкин Н. П. – метеоролог. Бывший метеоролог первой зимовки на о. Котельный.
3. Чугреев С. К. – ст. радиотехник – курсы ГУСМП.
4. Лукомский Л. М. – ст. механик – курсы ГУСМП.
5. Шияфитдинов Н. А. – повар-служитель.
6. Селезнёв Г. С. – плотник-печник.
7. Лепчиков Н. П. – каюр. Каюр первой зимовки на о. Котельный. Должен был прибыть на станцию из Тикси вторым рейсом «Ленсовета».

Позднее приказом от 16 июля 1935 г. состав зимовки был пополнен геодезистом – Авгевичем Витольдом Ивановичем.

## СБОРЫ В МОСКВЕ

Будущие зимовщики всё короткое, оставшееся до отправки из Москвы время были заняты розыском и приобретением слесарного, плотничного и столярного инвентаря, ассортимент которого на складе ПУ был весьма беден. Кроме того, приобретался культинвентарь, подбирались литература и пр.

Ввиду позднего утверждения штата часть подготовительных работ по отправке груза из Москвы была проведена без участия зимовщиков Котельного, что привело к некоторым недоразумениям. Так, всё радиооборудование и из Москвы, и из Ленинграда было отправлено сектором связи по неизвестным мне причинам вместо Архангельска – в Мурманск.

27 июня я выехал в Ленинград для получения барометра, выяснения вопроса о метеоприборах и радиооборудовании, а оттуда 4 июля – в Мурманск, на розыски засланного радиооборудования. За четыре дня пребывания в Мурманске удалось груз отыскать и подготовить к отправке на готовящийся к отходу «Ленинградсовет».

## В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Покончив с делами в Мурманске, я выехал в Архангельск и прибыл туда 12 июля. Почти все сотрудники к этому времени здесь уже собрались. Немедленно приступил к получению документов на груз, предназначенный на нашу станцию. «Ленинградсовет» был ещё в Мурманске, сведений о своём прибытии не давал, и всё внимание работников Арктикснаба устремили на выписку документов на грузы, отправляемые судами, уже стоящими под погрузкой. Всё же с большим трудом удалось получить документы на хозяйственные грузы. И совершенно неожиданно выяснить, что наряд на продовольствие для Котельного аннулирован телеграммой начальника Арктикснаба Онефатера и что до получения от него разъяснения по данному вопросу ни документы, ни продгрузы выданы быть не могут. Заявил об обнаруженном представителю ПУ Беньковскому. Вместе с ним послал молнию в Пол. Управление с сообщением о создавшемся положении. Ответа на молнию не последовало, и в конце концов вопрос был решён на месте выдачей нам необходимого продовольствия. Заранее в складах оно подготовлено не было, и получение его и погрузка проходили в атмосфере крайней спешки.

Не менее серьёзные недоразумения произошли, когда настал момент получения оружия с боеприпасами и горючего.

По существующим правилам эти грузы принимаются на борт уже во время стоянки на рейде, т. е. перед самым выходом в море. Когда же дошла очередь до погрузки горючего, оказалось, что пожарная охрана порта, сославшись на существующие «положения», разрешить погрузку его на «Ленсовет», как на судно деревянное, не может. Это было неожиданно не только для меня, но, как это ни странно, и даже для Архангельского морского управления. Непонятно, как Морское управление, зная о правилах перевозки горючего, заключило договор вопреки им.

«Ленсовет» готовился к выходу в море, а вопрос о горючем висел в воздухе. Такая же картина получилась и с оружием и боеприпасами, которые получить не удалось из-за невыхода на работу сотрудника Арктикснаба.

Несомненно было одно: не решив вопроса о снабжении зимовки и горючим и оружием, выходить в море нельзя.

Выход из создавшегося положения представитель Пол. Управления т. Беньковский предложил следующий: немедленно всему составу зимовки на «Моссовете» уходить, передав Беньковскому документы на горючее и оружие, погрузку которых он гарантировал на пароход «Куйбышев», уходящий из Архангельска на Диксон немного позднее «Ленсовета». Этим вопрос был решён.

Последнее недоразумение в Архангельске произошло при получении от полярного сектора собак. Они должны были быть доставлены на пристань в день ухода судна и там нами приняты. Но во избежание всяких случайностей и задержек я решил получить собак заранее. Однако сотрудники, посланные мною дважды для получения собак, каждый раз возвращались обратно ни с чем: оба раза они имели дело с совершенно пьяным завом собачника Хребтовым, неспособным понимать действительность. Наступил последний день – день отхода «Ленсовета», а собаки отсутствовали. Отправился для получения собак сам. После долгих розысков нашёл зава питомником Хребтова на квартире, но, увы, снова пьяным. Понять, что он должен немедленно выдать мне собак, не мог. Тогда, прекратив разговоры, я решил применить последний остающийся для получения собак способ: взломав замок, взять положенное мне количество собак.

На пути к питомнику Хребтов, очевидно, несколько отрезвевший, всё же меня догнал, и необходимость во взломе отпала.

Когда я прибыл на «Ленсовет», он стоял уже на середине реки с работающим двигателем. Через пять минут мы тронулись в путь. Это было 25 июля 1935 года.

Уже при начале погрузки выяснилось, что весь предназначенный к отправке на «Ленсовете» груз последним принят быть не может. Пришлось оставить 19 кубометров пиломатериалов (из 30-ти), 1500 шт. кирпича, шесть тюков пакли, 40 ящиков глины и песку, ограничить живой скот двумя головами, отказаться от фуража. И без этого груза «Ленсовет» представлялся плавучим складом с горами ящиков и бочек на палубе.

## 1935 год

### Снова на Котельный!

*3 апреля. Среда*

Сейчас прочёл запись, занесённую в дневник ровно год тому назад. Последний раз на Котельном мы мылись в бане... упаковывали груз... снимали приборы.

Четыре месяца я буду в пути на Котельный... Снова – Котельный... Ну и хорошо! Недоделанное нужно доделывать. Еду старшим метеорологом, но надеюсь, что удастся поработать и по геологии и геоморфологии.

Полон хороших намерений, но до сих пор они так намерениями и остаются. Стыдно... стыдно...

### Зверобойное судно «Ленинградсовет»

*15 августа. Четверг. Восточнее мыса Челюскин*

З/с «Ленинградсовет». Идём на Котельный. Из Архангельска вышли 25 июля. 2 августа вечером бросили якорь на Диксоне. Вновь двинулись в путь лишь 10-го вечером. Нас, зимовщиков, семь человек: я – начальник станции; Дудкин – метеоролог (мл.); Авгевич Витольд – геодезист; Чугреев – радист; Лукомский – механик; Селезнёв – печник-плотник; Шияфитдинов – повар. Восьмой, каюр – в Тикси. Это – Лепчиков. Он должен быть взят из Тикси вторым рейсом «Ленсовета».

Мыс Челюскин увидеть не удалось – сплошной туман закрыл горизонт. Впереди нас – 6 крупных судов второго каравана. Сегодня мы их догнали. «Куйбышев» остался для разгрузки на Челюскине. «Хронометр» топает где-то позади.

Однотипный с «Ленсоветом» бот «Смольный» вышел с Диксона на несколько часов раньше нас, но в попытках поохотиться на оленей сел

на мель в шхерах Минина. Снялся с мели своими силами. Идёт где-то позади. Везёт горючее и Гидрологическую Анабарскую экспедицию ВАИ Арктического института во главе с прошлогодним моим знакомым Алексеем Михайловичем Рубиным.

### **Снова на Котельном.**

#### **Обустройство, постройка склада.**

#### **Будил ребят патефоном, «Соловьём» Алябьева**

*24 августа. 2 часа утра*

Последние дни прошли так. 18-го в шесть «Ермак» вывел нас изо льда в районе к востоку от о-ва Петра.

19-го выдержали 7-балльный шторм.

20-го к вечеру были на Котельном. Здесь нашли всё в порядке. Сохранилось всё имущество, оставшееся от прежней зимовки. Сразу же начали выгрузку. Выгрузили продовольствие, лежавшее на палубе. При погрузке на сплочённые два бота волна один из них захлестнула, и весь груз оказался в воде. Утонуло одно велосипедное колесо с вилкой и вилка второго колеса. Остальное удалось в подмоченном виде спасти. Испортился секундомер Авгевича – заржавел, несмотря на то что сразу же были приняты меры по просушке. Подмокло много личных вещей Авгевича и книги Лукомского. Уплывшие бочки долго ловили катером. Промокли весь ржаной хлеб, сухари. Хлеб ели и подмоченным, сухари пошли поросёнку и собакам.

Из-за разыгравшегося сильнейшего волнения – волны хлестали через косу – выгрузку прекратили.

21-го убирали груз. Ушедший на охоту Дудкин сообщил, что в 4 км от станции видел белого медведя. Вчетвером – я, Дудкин, Авгевич и Лукомский – пошли на охоту. Последний без винтовки. Медведя убили, притащили домой (в 4 часа утра 22-го) шкуру и заднюю ногу. Жареная медвежатина великолепна!

22-го с утра до вечера шла выгрузка. Выгрузили всё продовольствие, исключая части, находящиеся на палубе в бочках, часть стройматериалов, оборудования и пр. Закончили выгрузку к 12 часам ночи.

23-го – постройка хлева для поросёнка, конопатка юрты и обивка (частичная) досками щелей снаружи. Разборка старого имущества, подноска к дому копчёностей и развеска их для просушивания.

Ну а 24-е только ещё началось.



*В караване судов. Лидер – «Ермак»*



*Выгрузка велась с открытого рейда...*

---

*25 августа*

Вчера, 24-го, часов в 9 утра возобновилась выгрузка. Выгружали стройматериалы: кирпич, песок, глину, толь и пр. Затем началась выгрузка радиооборудования. Прибой был значителен, иногда зачерпывались боты, и груз подмачивался. Подмокла часть радиооборудования. Закончилась выгрузка сегодня в 3 часа утра. После выгрузки отметили благополучный переход Архангельск – Котельный. Капитан Андрей Васильевич Михеев и старший помощник хоть и пили много, но были в памяти. Механик же и два матроса напились в дым. Уезжали от нас с приключениями. «Ленсовет» ушёл в Тикси за второй партией груза часов в 10 утра.

Работа: уборка на косу кирпича, лесоматериалов, угля 8 кулей. Подноска плавника для сеней, разборка груза, чистка оружия.

*26 августа*

Вчера впервые зажгли лампу, 7-линейную. К 30-линейной не дали стёкол. Погода тёплая. Лёва с Николаем Дудкиным ходили за медвежьим мясом и жиром. Пришли утром, т. к. уходили ночью. Я с Авгевичем строил сени к дому. Собрали по-прежнему из плавника, только составили плотно. Верх покрыли старой палаткой, бока полотнищами от тордоха, самый низ закрыли толем.

Да, по пути за мясом Николай с Лёвой убили четырёх куропаток. Стреляли из трёхлинейки.

Вообще, в этом году я нашёл большое оживление в животном мире острова. Лемминги встречаются на каждом шагу, нет дня, чтоб их не встретить. В прошлую же зиму я не видел ни одного. Много полярных сов – в прошлую зимовку я встретил лишь одну. Посчастливилось и с медведем. Оленей и свежих оленьих следов не видели.

*27 августа*

Семёныч кроме обычных хозяйственных дел – кормёжки собак и поросёнка – был занят продолжением постройки хлева. Немного не закончил – всей гурьбой ходили на запад к Мас-Юрях за лесом на остов для склада. Решил ставить склад на одной линии с баней, размером 3,5×6 м. Остов из плавника, всё прочее из доставленного пиломатериала – теса и брусков.

Сплавили брёвна с некоторым трудом – мешал изрядный прибой, конечно, пришлось вымокнуть. Вернувшись домой, выпили по стопке, согрелись, и после ужина вытащили сплавленный лес на берег и перетаскивали его к месту постройки.

Сильный ветер с СЮ. Холодно. По пути к ручью обнаружили прекрасный песок, годный для всяких печных работ. Заметил большие изменения в обрыве ледяного берега: за полтора года он сильно обрушился.

Утром достали почти весь ассортимент нашего продовольствия и перетащили его в юрту в распоряжение Мустафы. Стол можно будет разнообразить.

Достали муз. инструменты и среди них патефон. Звук даёт чистый, сильный. Пластинок станционных 30, у Авгевича их тоже 32, так что программа довольно обширна и разнообразна. Обедали и ужинали под музыку. Есть «Тарантелла» в исполнении Обуховой – моя любимая пластинка.

### 28 августа

Началось строительство склада. Ставили на одной линии с баней, фасадом на запад, размером 4×6 м. С утра до обеда носили тес для склада, стаскали целую грудку, на косе остались лишь бруски и часть досок для пола. После обеда – разборка спецодежды – получение резиновых сапог и полушубков.

В первый раз надел полушубок. Холодно, сильный ветер затруднял подноску теса. Проконопатили свиной хлев.

Сегодня в 8-м часу утра будил ребят патефоном, «Соловьём» Алябьева. Живо зашевелились.

Одну из пяти диксоновских собак пришлось застрелить – лишай распознал по всему туловищу, надежд на выздоровление никаких.

### 29 августа

Утром заготовили и принесли с косы недостающее для постройки количество плавника. Ставили плавник в костры для просушки. Продолжалась работа по возведению остова склада. Поднесли наверх первую сотню кирпича.

### 30 августа

Я с Авгевичем и Лёвой до обеда занимался составлением в костры плавника. Николай с Семёнычем строили склад. Мустафа, наш повар, варил обед. После обеда на постройку склада переключились все. Быстро настелили пол, кровлю и обили тесом две стены. Завтра склад вчерне будет готов, сможем заняться переноской нашего груза с косы.

*31 августа*

Весь день сильный юго-восточный ветер. По морю ходят беляки. Вчерне закончили склад, осталось лишь сделать дверь, вставить раму со стеклом, сделать полки. Обить склад толем. Впервые истопили баню. Сильный ветер выдувал тепло, пришлось мыться наспех, кое-как.

*1 сентября*

Подтащили часть глины и песку к дому и пересыпали их из маленьких ящичков в большие. Маленькие освободили для погрузки угля, который ждём вторым рейсом. Большую часть глины высыпали на косе, на помосте, обнесённом кирпичом, песок же пришлось во избежание развевания поместить в большие ящики. Строили полки в складе, носили груз с берега в склад.

...

За обедом, ужином и завтраком бесконечные споры – разговоры с нашим поваром. Готовит он пока ещё плоховато, а к самым простым и необходимым указаниям относится пренебрежительно, с недоверием. Казусов у него – на каждом шагу. Сегодня, решив приготовить сухари для отбивной, положил «сушить» белый хлеб на топившуюся железную печь. Ну конечно, хлеб загорелся. Вхожу – дым столбом. Смотрю: с печи поднимается столб дыма. За мной следом – Мустафа. И вместо того, чтобы как можно скорее снять хлеб с печи, он вздумал поворачивать его на другую сторону. Не ладится дело с оладьями, дважды выходили скверно. Надеюсь, выучим скоро, хоть он и очень туг на восприятие.

*4 сентября*

Склад закончили вчерне. Осталось обить только три стены. Перетаскивали с косы груз, склад с каждым часом всё более заполняется.

*5 сентября*

Закончили склад. Снята метеоплощадка – линия обрыва подошла к ней слишком близко, пришлось площадку переносить. Сняли будки, флюгер, дождемер.

Второй день стоит тёплая, почти безветренная погода. Работать в такую погоду легко и приятно. Не последние ли это тёплые дни этого лета?

Утром вблизи станции появилась чужая собака. Очевидно, убежала от промышленников. Они где-нибудь недалеко, со дня на день жду их посещения.

Три дня болела одна из наших собак, полученных в Архангельске. Пробовали лечить, но ничего не получилось – сегодня сдохла.

9 сентября

«Ленсовета» до сих пор нет.

## **Решили ставить дом из плавника. Положили один венец**

15 сентября

До 12-го числа сплошь стояла прекрасная погода. Слабые ветра или безветрие, часто – солнце, на море – гладь, и это – с 4-го числа! Девять дней! И в это прекрасное время «Ленсовет» так и не пришёл. А сейчас прошли хорошие деньки, и наступила полоса ветров. 13-го весь день дул сильный восточный ветер, нанёсший сугробы снега, вчера было тихо, а сегодня дует сильный западный ветер. Потеплело, снег таял днём, а вечером морозик всё просушил.

За дни хорошей погоды сделали много. Подали наверх, к станции, почти весь наш груз, построили уборную – она в пургу и мороз для нас много значит, сплавили 70 с лишним брёвен – для фанерного домика и для нового дома, который мы решили ставить рядом с существующим. «На «Ленсовет» надейся, а сам не плошай», – этой поговорки мы решили твёрдо придерживаться. Чем дальше, тем меньше надежд на приход «Ленсовета», тем меньше надежд и на дом, который он должен доставить.

Наш новый дом будет размером 4×5 м, т. е. точно такой же, как и тот, в котором мы живём. Пристроим его с востока, вплотную. Лес сплавляли с косы, прилегающей к станции, и с речки, лежащей к западу от станции. Сейчас все брёвна уже отёсаны, часть остругана и подана с косы к дому. Тесали трое – Николай, Семёныч и Витольд. Я с Лёвой – строгаем. Завтра, быть может, удастся положить первые венцы.

Сегодня днём вблизи берега впервые увидели белуху. Она показывалась несколько раз, плыла с запада на восток. До сих пор у Котельного белух мы не встречали и не слышали, чтобы их видели промышленники.

Каждый вечер час-полтора уходит у меня на шахматы или на «козла». Читать ничего ещё не приходится – нет времени.

Почти все наши собаки гуляют на свободе. На цепи лишь самые драчливые. Собака промышленников – Приёмыш, как мы её называли, прижилась и теперь сидит на цепи. Чувствует себя, видимо, неплохо, дикость исчезла. Большинство собак уже имеют клички: Старик, Серго, Басмач, Крысолов, Пьяница, Полковник, Цыган, Шелудивый, Дружок.

16 сентября

Почти весь день занимался в компании с Лёвой стружкой брёвен. Тёска уже закончена. Положили один венец – фундамент под дом.

Весь день сильный прибой. Ветер днём с западного переменялся на южный и вскоре затих совсем. Ночью сильным прибоем унесло ветку (лодку), но в 50 м от прежнего места выбросило вновь.

Поставили настойку на смородине. Ребята говорят, что пока настойка не будет готова, до тех пор «Ленсовет» к нам не придёт.

**Пришел «Темп», привез дом. Оказалось, брёвен – некомплект. На море – первый блинчатый лед**

25 сентября

20-го пришёл «Темп», посланный вместо «Ленсовета», ушедшего на Индигирку в помощь «Русанову». «Темп» привёз дом в разобранном виде, тёс, 2 тыс. штук кирпича, 10 тонн угля, 11 собак. В числе полученных из Тикси собак две из нашей старой упряжки – Мальчик и собака, похожая на Чёрного.

Капитан «Темпа» – Эрманбрик. Выгрузили «Темп» в течение 12 часов. Утром 21-го «Темп» ушёл в Тикси. Из Тикси он вышел на Котельный 18-го в 6 час. утра, 20-го в 11 час. он был у нас. Весь рейс на Котельный был выполнен в какие-нибудь 5–6 суток.

21-го – оттаскивание груза из зоны прибоя на косу, баня. Последующие числа – работы по достройке дома из плавника.

25-го накрыта крыша на доме, начата засыпка крыши.

27 сентября

Вчера закончена засыпка крыши, положен первый венец нового дома. Сегодня продолжали сборку дома. Оказалось, что многих брёвен недостаёт. Приходится заменять их запасными. На что уходит много времени. Землю для засыпки оклада изнутри дома пришлось добывать с трудом. Натаскали больших комьев, сложили их подковообразно и внутри подковы долго жгли костёр. Земля оттаяла, и ею можно было засыпать оклад. Брёвна с внутренней стороны строгаем, дом будет светлее.

30 сентября

За вчерашний день довели новый дом до верха окон и дверей. Величина окон нового дома нас несколько смущает – они очень велики. Как бы не слишком сильно они охлаждали помещение. Сильно задерживает работу неполный комплект брёвен. Вчера воспользовались только что

выпавшим снежком – впервые на тиксинских собаках возили воду, дрова и комья мёрзлой земли. Ни одна из полученных в Архангельске собак везти не собирается.

*4 октября*

Дом достраивается медленно. Всё время приходится подлаживать, пригонять одни части к другим. Одни оконные лафеты не подходят к другим, а то их и вовсе недостаёт.

Последние дни идёт сильный снег. Сегодня на море впервые появился блинчатый лёд. Собаки возят плохо, приходится кирпич с косы таскать на спине вверх, к новому дому.

Большое дело – установка мачт для рации – пока ещё у нас не начато. Выпавший снег затрудняет отыскивание нужного леса.

*12 октября*

Вчера затопили печь в новом доме. Осталось доложить трубу с крыши, сделать перегородку, очистить от строительного мусора, вымыть полы – и можно переселяться. В новом доме будем жить вчетвером: я, Николай Дудкин, Витольд и Семёныч.

9-го на горизонте показался было лёд с торосами, но к берегу его так и не поднесло. Был ли то старый лёд или только что образовавшийся?

Три дня дул ветер с северной половины. Море у станции замёрзло насколько хватает глаз. Думаю, что при первом сильном южном ветре лёд взломает и унесёт.

### **Установка радиомачт.**

**Последний раз перед полярной ночью видели солнце, и не одно даже, а целых три**

*2 ноября*

Не писал долго. Вкратце – о событиях последних трёх недель.

14-го – переселение в новый дом и по поводу этого – вечеринка, прошедшая весьма дружно и весело. Плясал даже и я.

18-го приехали промышленники Иванов и Горохов. Первый из них бригадир.

19-го с помощью упряжки собак промышленников доставили столбы для мачт. Брали их с косы. 20-метровый доставили за 7 км. 17-метровый – километра за 3–4. Без помощи промышленников нам управиться с доставкой столбов было бы весьма и весьма трудно.

20-го промышленники ушли.

25-го и 27-го ставили мачты. Ставили их легко, без затруднений, но много возились – из-за отсутствия инструментов – с изготовлением хомутов. 27-го же в последний раз перед полярной ночью видели солнце, и не одно даже, а целых три.

28-го Женя – сука из Тикси – принесла нам 4-х щенков (один мёртв).

Вчера – первое комсомольское собрание. Избран комсоргом.

**Положение со связью – скверное.**

**Ст. механик Лукомский – это тёмное облако на небе станции.**

**Выход один – ехать на Б. Ляховский за помощью**

*31 декабря. Вторник*

Сейчас – ночь на 31-е. 2 часа 20 мин. Днём спал целых пять часов (днём сплю сейчас регулярно) и вот – получил возможность заниматься тогда, когда и в комнате наиболее располагающая к занятиям температура (+17), и никто не мешает – все спят. Впрочем, спят не все – Николай лёжа в постели ещё читает. Он проводит ночное наблюдение, в 1 час ночи, и потому ложится всегда последним. Правда, последним, в 12 час. дня и встаёт.

Вот и настал последний день 1935 года! Новый год застаёт нашу станцию в положении несколько не блестящем – до сих пор нет связи. То, что причина её отсутствия зависит не от нас, мало утешает. А причина – вот. 3 декабря, когда была закончена установка моторов и они проверены, приступили к заливке аккумуляторов. Кислота сразу же показалась подозрительной: давала только 20 Боме вместо 66-ти. Решили, что она разбавлена, и т. к. для зарядки необходима концентрация в 25, то рассудили, что выход есть лишь один – заливать 20-градусной и в процессе заливки добиться 25-градусной концентрации. Придётся лишь больше погонять мотор. Но... дело оказалось не в этом. Хотя кислота была и разбавленная, а реакция при заливке протекала что-то слишком бурно, а напряжения всё же аккумуляторы не давали. Это было очень подозрительно. Заливку приостановили. На следующий день, 4-го, аккумуляторы по-прежнему давали мизерное напряжение, при котором приступить к зарядке было невозможно. Заподозрили, что кислота не серная, а соляная. Протравили цинком – великолепно паяет. Плотность – 20 Боме – ближе к плотности соляной, имевшейся у нас отдельно и дававшей 22 градуса. Действовали на мел – вызывает бурную пену. Проверили все семь бутылей кислоты, все 250 кг. И вся она – одинакова. Соляная!

А по всем документам – серная. Получали её в Архангельском отделении Арктикснаба. Положение со связью оказалось скверное. В последние дни, когда мы надеялись вот-вот услышать вести и сообщить свои дела – всё сорвалось!

На следующий день после обнаружения прорыва я заявил сотрудникам, что выход один – нужно ехать за кислотой на станцию Шалаурова, на Б. Ляховский. Можно, конечно, послать с уходящими промышленниками телеграммы о нашем положении и ждать помощи извне. Но... это не выход. В Тикси самолёта, кажется, нет, забросить весной не смогут, а если забросит судно, то уже слишком поздно; нужно всеми силами добиваться, чтобы к началу навигации связь была.

Поеду с Лепчиковым. Сразу же после решения о поездке приступили к подготовке: сделали длинное корыто, налили воды и положили туда мочить берёзовые полозья – чтобы они держали лёд. Изготовили копылья, железную печку на дорогу. Полозья мокнут уже 22 дня. В корыто ежедневно приходится подливать не менее двух вёдер воды – течёт. В столовой вид непрезентабельный – мокро, корыто стоит в ней, и грязно – пока будет стоять корыто, чистоту и порядок не наведёшь. Поедем отсюда вместе с промышленниками. Второй раз они посетили станцию 1 декабря. Приезжал Иванов со Слепцовым, нашим старым знакомым. 3-го утром, оставив телеграммы для пересылки в ПОС по радио, уехали. А вечером того же дня мы узнали, что послать телеграммы не сможем. В третий раз Иванов пришёл к нам тоже со старым знакомым – Лебедевым, по прозвищу Чучан, 20-летним парнем, 22 декабря. Обсудили план совместной поездки на Б. Ляховский.

Нынче очень хороший сбор пушнины, к моменту последнего приезда Иванова было собрано более 700 штук песцов, и потому – много работы и есть корм собакам, спешить на Ляховский не приходится, тем более что мы оказали им помощь продуктами. У Иванова залежь необработанных песцов в Нерпалахе, нужно привести их в порядок, а Лебедев один не может осматривать пасти. Решили, что Лепчиков поедет вместе с Ивановым и Лебедевым, поможет в осмотре пастей и этим ускорит выезд наш и промышленников.

Промышленники пробыли у нас несколько дней, выехали вместе с Лепчиковым 26-го. Через 8–10 дней после отъезда, т. е. числа 3–5-го января, Лебедев с Лепчиковым вернутся на станцию, и через день-другой после окончания подготовки мы выедем.

Попутно окажем помощь промышленникам. Для вывоза пушнины им необходимо две упряжки. Если же они возьмут две своих, то оставшимся на острове промышленникам не на чем будет ездить для осмотра пастей. Мы возьмём часть пушнины на свои нарты, а с другой частью пушнины пойдёт одна упряжка Иванова. Оставшиеся промышленники смогут продолжать промысел. Помощь в конце концов получается взаимная: мы везём пушнину ПОСа и пользуемся посовским кормом для собак. Кроме того, можем настаивать в ПОСе, на Ляховском, на выделении нам корма, как оказавшим помощь в перевозке пушнины.

Всего нам нужно 35 кило кислоты, как минимум. Это для одной смены аккумуляторов. Ляховские станции – и Шалаурова, и организованная в прошлом году станция Кигилях – снабжены нынче плохо. Чугреев рассказывал, что грузы Ляховских станций застряли где-то на Лене, а сотрудники были переброшены без багажа из Булуна в Тикси самолётом. В Тикси получали бельё и самое-самое необходимое. Возможно, и на Ляховской станции с кислотой дело остро и нам не смогут отпустить. Что же делать в этом случае? Возвращаться назад ни с чем? У меня в голове созрел новый вариант, весьма заманчивый. Если не будет кислоты на Ляховском – ехать в Тикси. Но ехать не умопомрачительно длинным путём через Казачье и Булун, а вдвое короче – прямо с Кигиляха морем на мыс Баркая, остров Мостах и Тикси. Думаю, ничего страшного в этом переходе нет, лишь собаки оказались бы достаточно хорошими. Палатку, примус, керосин, корм для собак, продукты для себя – и пошёл. Лёд, я думаю, там малоторосистый, и пройти суток в 10 можно. Конечно, если не будет из рук вон плохой погоды.

Уж если ехать в Тикси путём, никем не езженным, то и возвращаться из Тикси на Котельный нужно тоже не круговым путём, а прямо, с мыса Баркин Стан – ост. Столбовой – Котельный. Экспедиция Анжу шла с Баркина Стана на Столбовой трое суток и со Столбового на Котельный – ещё одни. (*В 1822 году капитан Пётр Анжу исследовал зап. и северо-вост. части п-ва Фаддеевский.*) Эх, только б собаки. Да ещё нужно уломать Лепчикова, он не вдруг согласится на такое предприятие. А я бы с удовольствием рискнул. Давно мечтаю о поездке на собаках Котельный – Лена или обратно. Конечно, будет здорово трудно – в случае торосистости льда или непогоды, но не непреодолимо.

...

Вчера было второе комсомольское собрание нашей группы. Доложил о состоянии станции в связи с временным срывом связи, о задачах

остающихся. Затем стояли самоотчёты Шияфитдинова – повара и Лукомского – механика. Главная беда Шияфитдинова – недостаточно серьёзное отношение и к делу своему, и к тому, что говорят. Говорит часто заведомые глупости, во всякий разговор ввязывается как авторитет, и потому почти все над ним смеются или перестают слушать, о чём он толкует. Со стороны Лукомского – постоянные, обычно мелкие и потому особенно противные нападки на него. Он отвечает тем же, и вот – повседневные стычки. А Лукомский – пропагандист, он должен воспитывать Шияфитдинова. Конечно, от занятий по политграмоте, которые проводит Лукомский с ним, толку мало. С Шияфитдиновым – дело не столь сложное и болезненное. Обрезать Лукомского, тогда и другие не будут приставать. Самому стать серьёзнее.

А вот с Лукомским дело хуже. Комсомолец, правда, молодой – 24 года, но политически развитый, а значит, должен быть сознательным. С ним плохо. Помимо ссор с поваром затевал ссоры и с геодезистом, и с плотником. Без разрешения взял вино – это ещё на «Ленсовете». В работе жутко небрежен, неряшлив – видно, что работает спустя рукава, кое-как. В машинном отделении беспорядок, грязь. Скажешь – приведи в порядок, – сделает что-нибудь, что-нибудь переложит, подвинет, и как будто бы в порядке. А на самом деле всё как было, так и осталось. А я не в состоянии тыкать его носом в каждую мелочь и следить за ним шаг за шагом. По два-три дня не топит печь – а это его прямая обязанность. Работник ни к чёрту негожий, с ним работать – только портить себе настроение. В быту – та же безалаберщина, неряшливость. Постель скомкана, не заправлена. Бельё грязное, шапка, брюки рваные, всегда откуда-либо торчит нижнее бельё, на окне у постели горы окурков. На указания реагирует мало.

Пропагандист должен руководить политкружком, но ни Селезнёв, ни Дудкин к нему в кружок идти не хотят – он не пользуется авторитетом. Пишет статьи в стенгазету о значении идейной вооружённости, а сам... последний работник станции. Ясно, никто его слушать не хочет.

Взяли его в оборот вчера жёстко и Чугреев, и я. Дал слово, что исправится, примется за работу как следует и т. д. Решения мы ещё не вынесли, сейчас я его составил, обсудим со Степаном (Чугреевым) и вынесем на собрание. Я предложил выговор с предупреждением, что повторение отрицательного отношения к товарищам и работе поставит вопрос о дальнейшем пребывании его в комсомоле.

Лукомский – это тёмное облако на небе станции. И или это облако само изменит свои формы и качества, или ветром сдует его с нашего горизонта. Если он не исправится – буду настаивать перед Полярным управлением и Политуправлением о досрочном снятии его с зимовки.

До 4-х часов осталось семь минут. А в 6 – вставать. Нужно ложиться. Николай уже тоже потушил свет и или спит, или пытается уснуть.

*На третьей странице обложки дневника Владимира Ивановича Соколова – карандашом – стихи:*

*В том краю, где жёлтая крапива  
И сухой плетень,  
Приютились к вёслам сиротливо  
Избы деревень.  
В том краю за синей гущей леса,  
В зелени озёр,  
Пролегла песчаная дорога  
До сибирских гор.  
Затерялась Русь в Мордве и Чуди –  
Нипочём ей страх.  
И идут по той дороге люди –  
Люди в кандалах.  
Все они убийцы или воры –  
Так судил им рок.  
Полюбил я грустные их взоры  
С впадинами щёк.  
Много зла от радости в убийцах,  
Их сердца просты,  
Но кривятся в почернелых лицах  
Голубые рты.  
Я одну мечту, скрывая, нежу,  
Что я сердцем чист.  
Но и я кого-нибудь зарезу  
Под осенний свист.*

*Сергей Есенин*

*«В том краю, где жёлтая крапива», 1915*



*Сплавом доставили брёвна для дома*



*Первое, что начали строить, – склад*

---



*Землю для крыши добывали из «своего» карьера*



*Вскоре рядом со «старым» домом возник «благоприобретённый»*

---



*Вскоре пожаловали промышленники*



*Их бригадир т. Иванов  
сделался нашим частым гостем*

---



*Промышленники помогли нам доставить тяжелые радиомачты*



*Срастили и вооружили мачты*

---



*Устанавливали, применяя все доступные способы механизации*

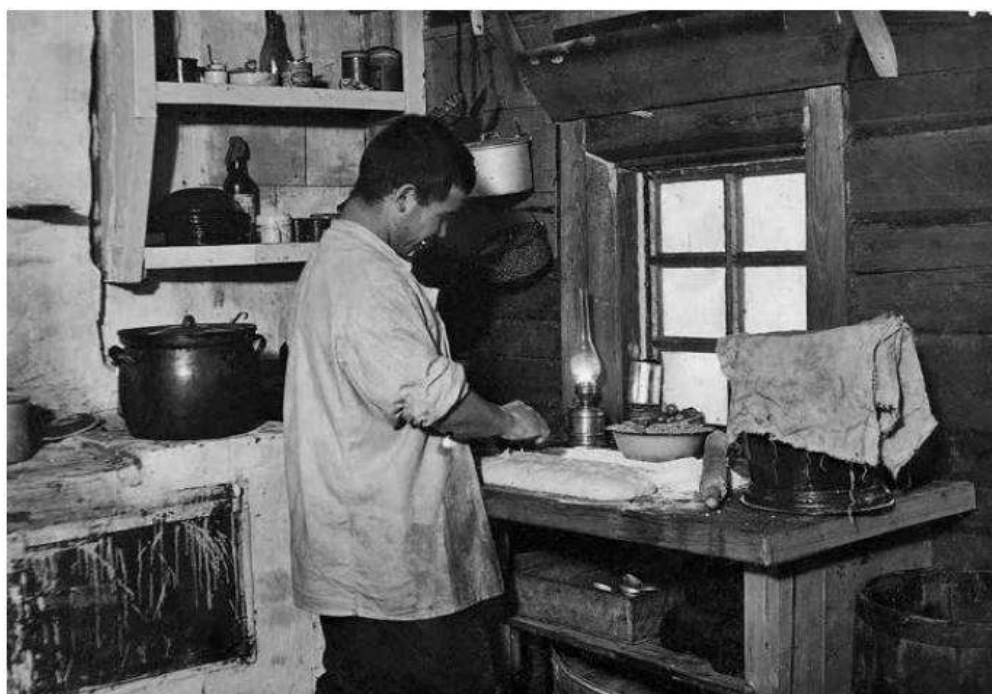


*Близится полярная ночь, к ней готовим дрова*

---

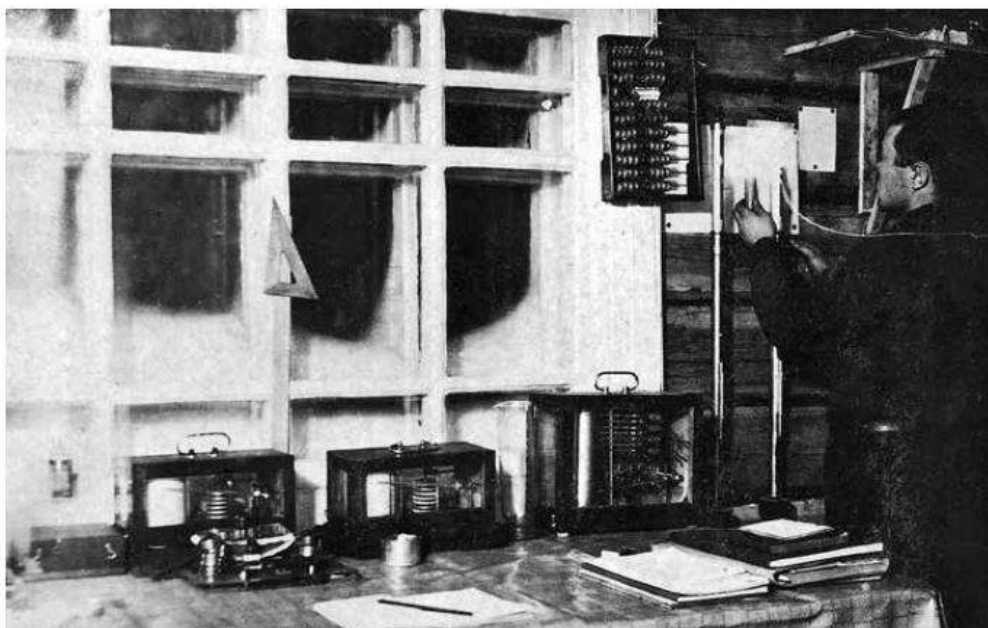


*Плотник превратился в печника...*

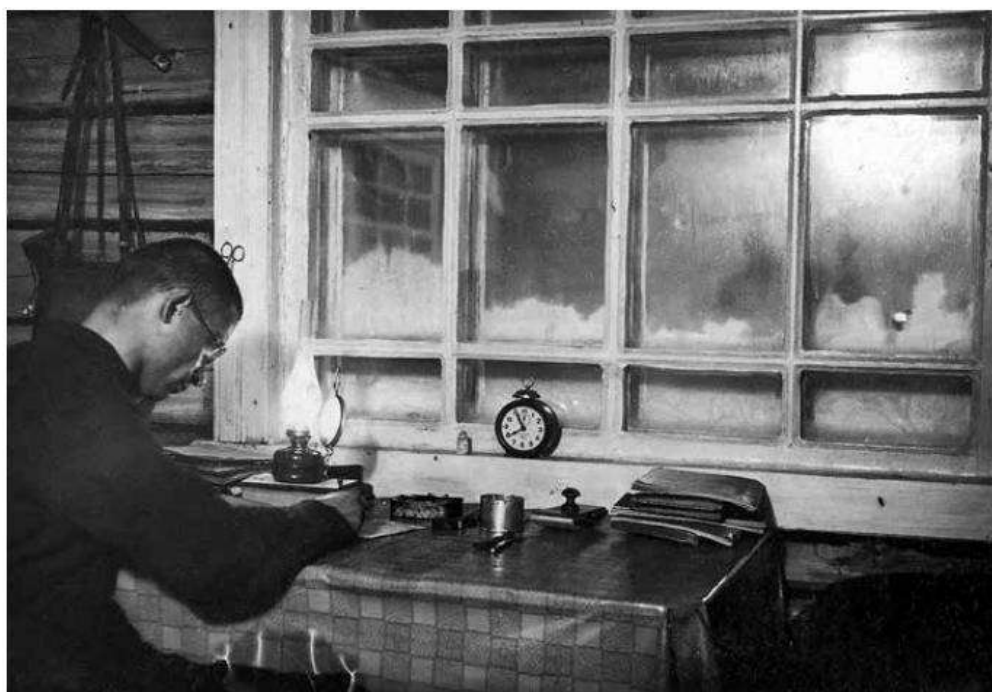


*...и повар дожил до настоящей плиты!*

---



*Метеоролог начал регулярные наблюдения*



*А начальник станции засел за отчетность*

---



*Плотник стал столяром*



*Юрта – машинное отделение*

---



*Дудкин с полярной совой*



*Подъём антенны*

---



*Дом метеостанции*



*Склад*

---



*Баня и свинарник*



*Столярная мастерская*

---



Встретили Новый, 1936 год



# *Тетрадь № 5*

---

**3 января 1936 – 31 августа 1937**



## 1936 год

### О встрече Нового года. Далеко не так прекрасно прошла встреча 1936 года, как я предполагал

*3 января*

Далеко не так прекрасно прошла встреча 1936 года, как я предполагал. Лукомский днём впервые топил печь углём и, несмотря на инструкции, полученные от Витольда – нашего специалиста по топке печей, – топил так, что в момент, когда он сидел перед открытой печной дверкой, скопившиеся в печи газы вспыхнули, и пламя вместе с угольной пылью обдало Лукомского. Сильно засорил глаза, сжёг веки, брови, усы и часть волос на голове. Сутки почти не мог смотреть. Во встрече Нового года, конечно, участвовал – лёгкое промывание горла вином вредить глазам не должно. Сейчас он уже смотрит нормально, но беспокоят короткие колючие ресницы.

Во время самого празднования записывал Семёныч. Степан за столом сказал несколько слов тихо, чтобы слышал только я. Ни к кому из присутствующих они не относились, но Семёныч подумал, что речь идёт о нём, и, когда мы вернулись в свой дом, устроил истерику. Ему не доверяют или не довольны, о нём шепчут и т. д., пришлось успокаивать. Лёг спать лишь после 7-часового наблюдения. А наутро Семёныч извинился.

Надо сказать, что сейчас наше тёмное пятно – это Лукомский. Много раз проявил свою недисциплинированность. О нём я уже писал. Сегодня заставил его вымыть пол в юрте, он его лишь больше размазал. Утром, умывшись, сел завтракать за стол – и, ужас, что за руки у него были! В саже – объяснил он, когда я ему сделал замечание. И это сразу после утреннего умывания! Трудно ему остаться в комсомоле, совершенно нет желания работать, хотя бы немного следить за собой.

А с каким удовольствием вспоминаю я встречу 1934 года! Как прекрасно мы с Николаем её провели, какое хорошее было настроение!

И – только вдвоём на всём громадном острове! Последняя встреча не похожа на ту, «нашу», встречу. Жаль! Всё-таки слаб народ: на половине зимы сдаёт, психует.

### *10 января. Пятница*

7-го днём приехал Лепчиков с Чучаном. Промысел идёт хорошо, за 12 дней отсутствия собрали более 60 песцов. Одна из наших собак – Чёрный – единственная с Мальчиком собака из упряжки нашей первой зимовки, заболела в дороге чумкой и пала. У промышленников до сего времени пало 4 собаки, из них последняя – вчера. Как бы чумка не подкосила нашу и без того слабосильную упряжку.

Сделали новые нарты. Полозья мокли в корыте, в столовой, целый месяц. Промокли хорошо, но берёза слабая, пришлось укрепить железом. Нарты большие, 4-копыльные. С трудом их вытащили из столовой, где они собирались, на улицу.

Сегодня провели собрание. Ещё раз потолковали о делах, связанных с моим отъездом на о-в Ляховский. Объявил Приказ № 1 об отъезде и инвентаризации имущества станции.

Предполагали выехать сегодня, но не успели управиться с работой. Выедем завтра утром, после чаю.

Еду я без особой охоты, т. к. чувствую, что дальше Ляховского мой путь не ляжет. Вот если б на Тикси! И потом оттуда – напрямиком на Котельный! Я бы поехал с радостью.

Везу кучу писем и телеграмм. Пару дней ст. Шалаурова, очевидно, будет исключительно обслуживать нас.

Моим заместителем остаётся Чугреев. Ничего сложного не предстоит, с текущими работами же справятся. Обстановка заставит справляться – без дров, например, не проживёшь!

*ПРИКАЗ № 1.*

*По полярной станции Главсевморпути о-ва Котельный от 10 января 1936 г.*

*Параграф 1.*

*Выезжая 11 января с. г. по делам станции на о. Б. Ляховский, назначаю своим заместителем на всё время моего отсутствия ст. радиотехника Чугреева Степана Кондратьевича.*

### *11 января. Суббота*

Погода стояла великолепная, а выехать не удалось. Вчера Степан печь в доме рации топил углём и слишком рано закрыл трубу. Все пятеро угорели, Лебедев же настолько сильно, что едва стоял на ногах. Много

раз его рвало. Пришлось отложить выезд ещё на одни сутки. Погода и завтра обещает быть хорошей. Воспользовавшись свободным временем, написал пару писем – Гилюковым и Песлякам – и дочитал «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова.

### **Выезд на Б. Ляховский, за помощью на п/с мыса Шалаурова**

*12 января. Воскресенье. Стан Суылбыт (далее – Сулбут)*

Вот мы и в пути. Сiju в маленькой урасе. В ней не бывал ни разу, лишь видел издали, когда два года назад покидали станцию.

Нас трое: я, Лепчиков и Чучан. Выехали со станции в 9 час. утра после обычных в таких случаях взаимных пожеланий всяких благ. Чучан ехал на 7 собаках, мы – на 12. Нарты лёгкие, грузу мало. Не обошлось без мелких приключений: с нашей нарты упал рюкзак Лепчикова, и каким-то образом это увидел Чучан, ехавший впереди нас. Спихнулись вовремя. Второе приключение – под передним копыльем полоз у нарт Чучана переломился пополам – заняло у нас полтора часа. Хорошая, тёплая погода весь день нам благоприятствовала. Ехали большими зигзагами и поэтому проехали восемь с лишним часов. Перед отъездом со станции удовольствовались лёгким чайком, поэтому, приехав сюда, проявили аппетит волчий.

Из наших собак скверно везли экс-передовой Дружок, Пусик и Жучок (Пьяница).

Завтра предстоит такой же путь: до Кенг-Урасы (далее – Киенг-Ураса), у оз. Дурное.

*13 января. Понедельник. Киенг-Ураса*

Встали сегодня ни свет ни заря – в 3 часа утра. И сразу – за чай, его Лепчиков подготовил ещё раньше. В 6 час. снова вышли в путь, распрощавшись с Сулбутом. Несколько слов о Сулбуте. Это обычная промысловая маленькая ураса с низкими нарами на трех человек.

Погода ясная, и нет-нет да и подует слева острый-острый ветерок. Пересекая образуемый между Сулбутом и о-вом Усук-Стан выступ, вышли не прямо к Усук-Стану, как в тот раз, когда весной 1934-го мы покидали Котельный, а на берег моря, значительно правее. Это удлинило наш путь. Проходили то место, где в 1933 году на м. Бельковском был оставлен наш груз до возвращения с южного берега. Место это отметил Лепчиков маленьким знаком из плавника. Его мы и видели. Мороз весь день крепкий, значительно ниже  $-30^{\circ}$ . Да ещё этот ветерок! Сильно мне мешают очки. Беспреданно они замерзают, покрываются тонкой ледя-

ной коркой, сквозь которую ровно ничего не видно. Приходится, сняв рукавицу, голой рукой протирать стёкла. От этого руки быстро стынут. Пришлось, ещё не доходя до Усук-Стана, очки снять. Солнце низко, южная половина неба ещё окрашена слишком бледно, и потому почти ничего не видно. Водну из минут, когда меня очень сильно донял ветерок, я решил надеть доху – пока ехал в полушубке, но голова не пролезла в предоставленное ей место, прорезь слишком мала. Снова бросил доху на нарты и продолжал путь по-прежнему в полушубке. Кстати, ветерок вскоре совсем утих, и больше я уже не зяб. В Усук-Стане побаловались чайком. Здесь я впервые почувствовал боль в мускулах ног – ведь давно уж больших расстояний не проходил, и вот теперь пришлось не только идти, но и порядочно бегать вприпрыжку. Дорога от Усук-Стана морем до лагуны Дурное и по лагуне хорошая, твёрдая. Всё-таки больше половины пути мы шли пешком. Сегодня по случаю сильного мороза нарты скользят с трудом.

Невдалеке от Киенг-Урасы, сегодняшнего конечного пункта, у меня руки от непрерывного протирания очков так замёрзли, что снова пришлось снять очки. Наконец добрались до Киенг-Урасы. Здесь нас ждал Иванов, бригадир. Ураса большая, просторная, и было приятно с холода сразу же попасть в тепло.

Завтра у нас здесь днёвка – промышленники будут подготавливать последних песцов, – а послезавтра снова в путь. За оба дня дороги мы прошли 80 км.

#### *14 января. Вторник. Киенг-Ураса*

Вот спал, так спал. Лёг вчера в 9-м часу вечера, в 3 часа утра проснулся, посмотрел время и уснул снова. Встал тогда, когда часы остановились – вышел завод – и, по мнению Лепчикова, было около 2-х часов дня. Встал, попил чаю и вот – пишу. Погода сегодня трижды хуже вчерашней: изрядной силы ветер при совершенно чистом небе и, значит, при весьма низкой температуре. Урасу нещадно выдувает, и тепло в ней лишь у самой печки да в спальном мешке. Если и завтра погода будет такая же, придётся отъезд отложить. Некоторые из наших собак весьма чувствительны к холоду, и переход в такую холодную погоду может оказаться для них пагубным. Лепчиков для Серого и Пушка сделал прикрытие от ветра. Сегодня вряд ли придётся кормить собак, они предпочтут спокойно лежать на своих местах, и даже корм не заставит подняться их на ноги.

Буду приводить доху в удобный для использования вид.

**По носу – о ветре: нос пострадал с левой стороны,  
очевидно, ветра юго-восточные**

*15 января. Среда. Киенг-Ураса*

Утром, проснувшись, узнал о неприятности: пала наша собака Дружок. Это была старая, меланхолически настроенная собака, полученная из Тикси в качестве передовой. Службу передовой она выполняла плохо, и поэтому мы от промышленника Иванова получили во временное пользование его собственного старого Туркана. Он и служит нам передовым. Не перенёс бедный Дружок пурги!

Сегодня по-прежнему сидим в Киенг-Урасе. Ветер потихоньку стихает, и в урасе много теплее, чем вчера. Покормили собак. Завтра, по всей вероятности, сможем тронуться дальше, в Нерпалах. До него всего лишь 20 км. Весь день читаю «На вольном воздухе» – роман Синклера Льюиса. Действие развивается во время длительной автомобильной поездки по Америке. Ну а у меня тоже нечто сходное – длительная поездка на собаках. Тоже на чистом воздухе! Да ещё на каком чистом!

*16 января. Четверг. Нерпалах*

Осилили ещё 20 км. День ясный, холодный, с маленьким холодным юго-восточным ветерком. Из-за проклятых очков сильно страдали руки. Очки, в конце концов, всё же пришлось убрать в карман; неумоготу стало их ежеминутно протирать. Придя в Нерпалах, долго не мог отогреть руки. Этому способствовало то, что я, налаживая «стол», хватался за холодные миски, сахар и пр.

Ночуем в маленьком, знакомом ещё с 33-го года срубе экспедиции Толля (*Эдуард Толль – руководитель Русской полярной экспедиции 1900–1902*). Здесь, очевидно, была баня (?). Потолок низок, я не могу выпрямиться, пол дощатый, кажется, имеет слабый уклон в одну сторону.

По моему носу можно следить о преобладающих за последнее время ветрах: он пострадал с левой стороны, очевидно, ветра юго-восточные. До сих пор ехал, не употребляя шарфа и дохи. Завтра применю и то и другое, хотя первое – шарф, если им повязать нос, способствует замерзанию очков, а второе – доха – мешает бежать рядом с нартами.

*17 января. Пятница. Большой Чуоралах*

Тяжёлый день. Утром проспали слишком долго и потому часть сумерек упустили. От Нерпалаха до Хос-Тёрюттяха шли ещё при свете, а последние 10 км Хос-Тёрюттях – Чуоралах пришлось идти в темноте, постоянно натываясь на торосы. Гораздо больше половины пути шёл

пешком. Сильно устал. Шёл в бодрых темпах, иногда приходилось и бежать, и потому спина всю дорогу была мокрая. Очки пришлось снять вскоре после выхода из Нерпалаха. Забыл сказать, что сейчас наши нарты изрядно нагружены – везём песцовые и медвежьи шкуры.

У Нерпалаха видели свежий волчий след. Вчера вечером собаки несколько раз принимались лаять – очевидно, волк и был тому причиной.

Как хорошо после трудного дня сидеть в тёплой, хоть и маленькой урасинке, ждать, когда будет готово оленьё мясо (чай-то мы уже пили), и знать, что скоро будет отдых в тёплом спальном мешке. Эти минуты вечернего отдыха и тепла искупают всю тяжесть дня. А завтра придётся встать рано, часов в 5. Сейчас скоро 11. Ляжем около 12-ти. Спать остаётся пустяк.

Сегодня слегка поморозил правую щёку. А дул ветер слева. Очевидно – завихрение около носа. Ничего не поделаешь! Вазелин есть, буду мазать. У Иванова «пропал мурун» (*употреб. шуточно в значении «нос»*), у Лебедева и мурун, и щеки. Ну, и мне не обидно.

### **30 км прошёл пешком, ни разу не садясь на нарты**

*18 января. Суббота. Амбардах*

Сегодняшние 30 км прошёл пешком полностью, ни разу не садясь на нарты. Мороз сильный, нарты тяжёлы, собаки идут с трудом. Ушёл вперёд за полчаса до выхода упряжек и так всё время впереди них и держался. Лишь пройдя мыс Шилейко, т. е. в 3–4 км от Амбардах, дал себя обогнать: пусть приедут раньше меня, я приду, когда будет топиться печь.

За последние два года здешнюю урасу увеличили вдвое, удлинили. Долго мы её не могли согреть, сейчас же, когда Иванов заделал окно и обрывает её снегом, стало тепло.

Применил шарф, было хорошо, но нарастают большие льдины под подбородком.

У Лепчикова в пути совсем развалились подошвы у камус, прямо в дороге пришлось переменить их на катанки. Катанки же жёстки, намяли ему ноги. Запасные камусы есть, но тоже рваные.

Пусик и Серый страдают от холода. Везут плохо. Серый к тому же сильно хромот. Сейчас оба они сидят в урасе. Пусик свою долю мяса съел, а вот Серый что-то не ест. А что ему дашь лучше медвежатины?

Да, вчера был комичный случай: Иванов вместо мяса чуть не сварил нам... котелок, самый обыкновенный жестяной котелок. Котелок был в большом ведре, когда Иванов насыпал в него лёд. Он его не заметил и поставил ведро со льдом и котелком на печь – вариться. Вспомнили о котелке, когда вода была уже горяча. Пришлось всё выливать и рас-

тапливать лёд заново. Над Ивановым подшучивали: хоть с дороги мы и голодны, но всё же котелок от оленины отличим!

*19 января. Воскресенье. Усук-Стан*

Лучший из всех предшествующих дней пути. Пасмурно – и потому не холодно и не запотевают очки. Слабый ветерок. Собаки шли хорошо, часто, почуяв соблазнительные запахи с берега, несли нарты вскачь. Дорога к тому же хорошая, ровная, лишь изредка встречался мелкий торос. Шёл пешком мало, большую часть пути провёл, сидя на нартах. Еду вместе с Ивановым на маленьких нартах. Сегодня нас везло 6 собак – остальные все запряжены были в большую нарту с основным грузом, шедшую позади. Мы с Ивановым часто сидели на нартах одновременно, и если к нашему весу прибавить изрядный вес груза, лежащего на нартах, то, что 6 собак бодро шли вперёд под такой нагрузкой, делает им честь. Две передние собаки – собственные Иванова. Одна, передовая, Кутуяк, и другая, помощник, Турукан. Кутуяк замечательно слушается команды, любо смотреть на него, когда он после каждого слова команды её сразу же выполняет.

Остановились на ночёвку в Усук-Стане. Это маленькая, но хорошо построенная старая ураса с пристройкой, образующей нечто вроде сеней. Они низенькие и тоже с наклонными стенами. Ураса сделана тщательно, даже лес, пошедший на неё, обтёсан. Очень тепло. Сейчас, когда варится мясо, даже слишком жарко. Придётся приоткрыть дверь.

...

*Из бесед с промышленниками*

О-в Новая Сибирь всегда давал меньше песцов, чем любой из других островов. Последним в зиму 1925–1926 года на Новой Сибири промыслял Костромин. Он собрал лишь 80 песцов, тогда как одновременно с Фаддеевского взяли 180. Такое же приблизительно соотношение, по словам Лепчикова, наблюдалось и раньше. Малое количество песцов на о-ве Новая Сибирь Лепчиков объясняет тем, что там «травы мало», слишком редок травяной покров, много оголённой земли. В то время, когда на Н. Сибири был Лепчиков, там было 5 станов: один на северном берегу, два на западном и два на южном. После голодовки 1925–1926 года Костромин ходил на Н. Сибирь ещё два раза: в 1926–1927 и 1927–1928 годах.

*20 января. Понедельник. Орто-Стан*

Совершенно ясное небо и ветер метров в 5. В результате правую щёку поморозил ещё больше. Поморозился и Иванов. Шли замечательно хорошо,

лёд ровный, собаки тащили дружно, и в какие-нибудь 3–4 часа мы были уже на Орто-Стане. Жаль, что не взял с собой достаточно литературы: единственную захваченную книгу дочитал вчера. С Ляховского захвачу литературы побольше. Хорошо, если добуду побольше газет.

Сегодня – день мелких неприятностей. Кроме того, что дополнительно поморозил щёку – поставил вверх дном банку с молоком (молока, к счастью, было на одну треть) в наш дорожный посудно-пищевой ящичек (содок). В результате долго пришлось вычищать и его, и находившиеся в нём предметы; несколько раз ронял свечу на стол, перевернул кружку, полную чая – часть его попала на камусы. День ещё далеко не окончился, только лишь 5 часов, и, быть может, будет пополнение моим двадцати двум несчастьям.

Сфотографировал при магнии нашу группу за чаем.

### *21 января. Вторник. Стан Делисей*

День подобен вчерашнему: ясно, резкий ветерок, морозно. Собаки шли хорошо, и в половине второго дня мы были на Делисее. По пути видели недавние оленьи следы. Такие же следы видели и около Нерпалаха. Очевидно, не все олени уходят с острова на зиму, часть остаётся зимовать. С ними остаются зимовать и волки.

Делисей за последнее время переделали: подняли потолок на два венца и убрали камелёк, сени превратили в жилое помещение, а к нему пристроили новые сени. Сейчас нас 8 человек, и все мы свободно разместились.

Застали мы на Делисее остальных четырех промышленников бригады Котельного. Заняты приготовлением к отправке песцовых шкур. Всё помещение завешано песцами. У бригады, работающей по южному берегу, из 8 собак осталось 4. Таким образом, промышленники из 30 собак потеряли уже 8. Как бы во время пути чума не покосила наших собак.

Сегодня имел возможность ещё раз оценить, насколько хороши оленьи языки. Угостили промышленники.

...

### *Из бесед с промышленниками*

Лепчиков рассказывает, что поздней весной и летом 1925 года они нашли около 40 павших песцов. Время было позднее, и шкурки были уже испорчены.

По мнению промышленников, пролив Санникова бывает без торо-сов в те годы, когда замерзает рано. Позднее замерзание даёт большую торосистость.

Если хорошо идёт песец в первую половину промыслового сезона, то во вторую идёт меньше, и обратно. В этом году полагают, что вторая половина сезона даст меньше первой. Наибольшее количество песцов даёт Б. Ляховский, затем следуют Котельный, Фаддеевский с М. Ляховским. На Б. Ляховском сейчас 1700 пастей. Даст много песцов, потому что находится на большой дороге с материка на острова и песцы, идя с материка, его не минуют.

...

Вечером – собрание. Решали вопросы, связанные с отправкой пушнины на Б. Ляховский. Решили послать трёх промышленников: Иванова, Протодияконова и Горохова Алексея. Остаются на Котельном Слепцов (зам. бригадира), Лебедев и Горохов Гавриил. Пойдём на 24 собаках, из них 10 наших. Слепцов на трёх собаках будет осматривать пасти по южному берегу, Лебедев с Гороховым на пяти собаках пойдут вдоль западного берега до самой станции. На станции один день помогут подвозить дрова. Здесь на Делисее работа с подготовкой песцов далеко не закончена. Надеются, что за двое суток подготовят, и на третьи, т. е. 24-го утром в случае хорошей погоды, мы сможем отправиться через пролив.

### **Стан Делисей. Рассказ Лепчикова о голодовке на о-ве Новая Сибирь**

*22 января. Среда. Делисей*

Спал до 9-ти, попил чаю и снова проспал до 12-ти. Прошёл к востоку от Делисей, с винтовкой, ради прогулки. Погода замечательная: совершенно тихо при ясном небе. Иванов с Лепчиковым гнули полозья для нарт, остальные промышленники заняты подготовкой песцов.

Вечером с Лепчиковым чинил палатку промышленников – будет нужна во время ночёвки в проливе.

А послезавтра нам, пожалуй, отсюда не выбраться, песцы не будут готовы.

...

*Лепчиков рассказывает о голодовке на о-ве Новая Сибирь в 1925–1926 году*

«Нас было 4 человека: Костромин (Сурин) – старший артели, Марков – старый промышленник, Фёдоров – промышлявший один год на Котельном, и я. Я шёл на острова в первый раз. Летом 1925 года охота была хорошая. В мелких озерах мы убили 3400 гусей (линных), трёх медведей. Но мы не сэкономили, рассчитывая на осеннюю охоту на диких оленей. Но осенью поздней выпал дождь и сразу же ударил мороз, и земля

оказалась покрытой льдом. Разбить своим слабым копытом лёд олень не может, и вот быстро они погибли. Мы находили мёртвых оленей: это были лишь кости да кожа. Попали в тяжёлое положение. Гусей кончили, медведей тоже. Было жалко – говорит Лепчиков, т. е. трудно. Кормились кое-как песцами. В декабре Костромин с Фёдоровым на 10 собаках ушли на северный берег осматривать пасти. Мы остались на западном берегу вместе с Марковым. Пешком обходили ближайшие пасти, но в них ничего не находили. Марков всё время почти лежал и скучал, всё время говорил, что мы пропадём, что пришла смерть. А что ж мне тогда было делать, попавшему на острова в первый раз, если старый опытный промышленник так скучает?

Но я не скучал. У нас было ещё 10 собак, и я подсчитал, что если их зарезать, то можно прожить почти 40 суток. А Марков говорит, что «лучше умру, собак есть не буду». А я говорю, что в Москве золотник собачьего мяса стоит 7 руб. – а он вдруг есть отказывается. Костромин как-то сделал барабан из ровдуги (*ровдуга – замша из оленьей кожи*) такой, какой бывает у шаманов. Я возьму барабан и начинаю играть и петь: пусть к нам придёт много медведей, много оленей, много песцов. Марков сердает, отнимает барабан – ломаю, говорит, а я смеюсь. А не ломает. Дня через два я опять приду играть на барабанах, найду его, снова Марков сердает, ругается, отнимает барабан. Я не скучал. Мы решили, что, если долго пролив не замёрзнет, убьём всех собак, сделаем салазки, поделимся пополам и пешком обойдём пасти – одни по северному берегу, двое других – по южному. Песцы должны были попасть, и мы от голода не умрём. Но вышло хорошо, пролив скоро замёрз, и мы ушли на Фаддеевский на 10 собаках. Собаки были очень сухие, и, конечно, всю дорогу мы шли пешком. Вот если б у промышленников тоже была голодовка, было б жалко (трудно). Промышлял там в тот год Иванов с 5 товарищами. Но охота у них была хорошая, почти в каждой юрте было много оленьего и медвежьего мяса.

Когда мы голодали на Н. Сибири, я спрятал в карман два кусочка стрихнина: думаю, когда с постели не смогу встать, съем их, чего мучиться. Об этом я рассказал только на Фаддеевском, когда мы ели сколько хотели и отдыхали перед дорогой на М. Ляховский. Когда мы с Марковым сидели на зап. берегу вдвоём, а Костромин с Фёдоровым ушёл на северный берег, вся наша норма состояла из половины песка на двоих в день. Это очень мало. Раз в сутки поедим суп с мясом – и всё. А нужно ходить пешком, осматривать пасти. С Фаддеевского пошли проливом на М. Ляховский. На льду ночевали три раза. Вышли прямо

к знаку, Костромин очень опытный и знал, как вести. Всю дорогу почти до Казачьего шёл пешком. Солнце увидел в первый раз, когда шли проливом (Д. Лаптева) к Чай-Поварне. Весь наш промысел на Н. Сибири дал 120 песцов».

*24 января. Пятница. Стан Делисей*

Подсчитали общее количество добытых песцов, оказалось – 1200. Из них 82 шт. поедено другими песцами, 10 шт. – бешеных. Завтра повезём 24 куля песцов. На нарты груз класть не пробовали, но, по-видимому, будет очень громоздко.

Отложили продукты на обратный путь, убрали в погреб. Лепчиков нашивает на камусы новые подошвы, старые совершенно разорвались. Добраться бы до ПОСа, там есть женщины, починят. Найдётся и материал.

Пишу помаленьку письма. Начал Пете Большакову, нужно написать большое письмо Мише, но ему ещё и не начинал.

Дым вечером поднимался столбом, обещая на завтра хорошую погоду. Нам нужно сейчас, по крайней мере, шесть суток хорошей погоды.

### **Тронулись с Делисея. Обе нарты гружены и высоко, и тяжело. Встреча с ляховцами**

*25 января. Суббота. Делисей*

Сборы в путь заняли утром столько времени, что тронулись с Делисея только в 11 часов. Обе нарты были гружены и высоко, и тяжело. Медленно среди торосов продвигались вперёд. Погода стояла тихая, чуть-чуть лишь тянуло с острова на пролив, но крепко морозная. Я шёл впереди, выбирая путь, обе нарты следовали сзади. Пройдя километров 10, если не больше, совершенно неожиданно Иванов увидел впереди и несколько вправо быстро пробиравшуюся упряжку собак. Это ехали ляховцы выяснять положение промышленников и, если нужно, помочь им. Пришли пушник Баншев, которого я знал ещё по Казачьему, и промышленник Старостин, тот самый, который прошлой весной вместе с Поповым должен был прибыть на Котельный на оленях. Хорошо, что не разъехались в проливе и что встретились близ Делисея. Утреннее запоздание оказалось на руку. Новостей, конечно, много, не выходящих за узкий круг Новосибирских островов. Промысел всюду хороший, но всё же не такой выдающийся, как на Котельном. Подвоза кондёвки с материка, несмотря на хороший её улов, нет совершенно, поддержать дальние острова ПОС не может, и поэтому Баншеву поручено на Котельном пасти закрыть, а промышленников с острова снять. Оплата промышленников производится

по-новому – договора считаются аннулированными и промышленники получают не зарплату, а стоимость сданной ими пушнины. Промышленники нашего острова заработали, таким образом, замечательно, тысяч по 15–20 на человека. Я рад за них, это достойная оплата их необычайно тяжёлого в этом году труда.

Получил два письма. Одно от директора ПОСа Маршева и второе – от Максима Бурцева из Казачьего. Маршев просит оказать содействие Баншеву, сообщить некоторые сведения о Котельном и пишет, что в будущем сезоне на Котельном и Фаддеевском намечается организация промысловых баз с охотоведом, большим количеством промышленников и собак каждая. Максим Бурцев пишет о своих успехах в работе в Казачьем и спрашивает, не может ли он быть снова принят на работу при станции. Есть ли какие телеграммы для меня на ст. Шалаурова, Баншев не знает. Комаров, нач-к станции Шалаурова, о поездке Баншева знал, но никаких писем или телеграмм не передавал. Связь с Казачьим редкая и потому мои надежды на получение писем через Большой Ляховский едва теплятся.

Завтра проведём собрание, на котором решим вопросы, связанные с новым положением, созданным приездом ляховцев. Завтра же Лепчиков с Лебедевым на протяжении километров 20 от Делисея по проливу расчистят путь для нарт от торосов. Середина пролива чистая, торосы около берегов. Если не расчистить предварительно, то придётся ночевать в проливе не раз, а два. Заодно завезут в пролив дрова и собачий корм.

Баншев со Старостиным привезли промышленникам немного «аргы». Сейчас выпили по второму разу и ложатся спать.

#### *26 января. Воскресенье. Делисей*

Лепчиков с Лебедевым работали в проливе, подготовили дорогу. По их возвращении провели собрание. Учили, что для закрытия всех пастей и сохранения в погребах имеющегося в запасе корма потребуется 43 дня – если не помешает непогода. В Нерпалахе придётся вырыть погреб – это сделать можно скорее, чем везти мясо в Орто-Стан или Сулбут (где уже есть погреба). Крепко отчитали лодыря бригады Горохова А. Он в прошлом году за лодырничество исключён из колхоза, нынче проявил себя на острове безобразно. Решили, по моему предложению, ходатайствовать перед ПОСом об оплате его труда исключительно по ставке, указанной в договоре, без всяких добавлений. Разница в зарплате между ним и другими промышленниками в таком случае будет огромная, и он на собственной шкуре почувствует, к чему приводит лодырничество.

Сегодня пала ещё одна наша собака. Правда, она ни черта и не возила, но всё же и это потеря. У нас в пути теперь 9 собак. Серко совсем плох, а Пьяница – не возит.

На станцию с промышленниками отправляю письмо со всеми новостями, какие удалось узнать.

*27 января. Понедельник. Утро. Ст. Делисей*

Порядочной силы восточный ветер. Позёмок. Проложенную вчера дорогу вряд ли сумеем отыскать. Всё же решили выйти.

Вечером.

Никуда не пошли. Ветер, видимость совсем скверная. Чучан с Гороховым Гавр. ушли по западному берегу с одной упряжкой. Начал письмо Мише. Написал 18 страниц. Как бы не засидеться на Делисее. Мы в пути уже 18 суток, а прошли ещё только половину.

*28 января. Вторник. Пролив Санникова*

Утром собирались в дорогу при довольно сильном ветре. Но когда вышли, ветер был совсем слабый. Прибрежная полоса пролива шириной около 20 км довольно сильно торосиста. Шли дорогой, проложенной позавчера Лебедевым и Лепчиковым. Она всюду хорошо заметна. Там, где полоса торосов резко переходит в ровный лёд, мы нашли завезённые сюда дрова и собачий корм. По ровному льду шли около 10 км и остановились на ночлег у группы торосов. Собаки устали сильно, хотя за день прошли около 30 км. На завтрашний день норма – 70 км, остающиеся до Станчика. Из них торосистых будет только около 5 км у М. Ляховского. Остальное – ровный лёд. Как бы всё же не пришлось заночевать в проливе ещё раз.

Сидим сейчас в палатке, только что попили чаю. Чуть было не поморозил сегодня пальцы правой руки. Пилил дрова со Старостиным и чувствовал, что рука совсем застыла. Когда кончил пилить, кончики пальцев были жёсткими. Оттёр мехом рукавицы.

Время ещё очень раннее, только четвёртый час. Спать придётся ложиться рано, пока держится в печи огонь. Дров не так уж много.

*31 января. Пятница. Утро. Станчик*

29-го до М. Ляховского не дошли – помешали торосы и темнота. Пришлось заночевать снова на льду, несмотря на то что дров было очень мало. Используя тыллары (*ветки*), удалось согреть чай и вечером и утром. Ночь провёл скверно: три раза вылезал из палатки наружу в

одном белье. Вспоминал не раз ночёвку в лесу под Ленинградом – мою, Миха и Стабрикова.

Вчера после трёх часов хода прибыли на Станчик. Решили ночевать, т. к. вчера собакам дали лишь по маленькому кусочку мёрзлого песка, а до следующего ночлега 4,5 км.

Сегодня ночью неожиданно щенилась Лайда. По нашим подсчётам роды должны были произойти не раньше марта, и потому мы Лайду взяли в дорогу. Роды преждевременные. Принесла 5 щенков, одного в самом стане. Много потрудился Лепчиков, прежде чем освободил примёрзшую к земле Лайду. Чтобы не замёрзла в пути, Иванов шьёт Лайде набрюшник. Всех щенков придётся бросить. Четыре уже замёрзли, остальные двое обречены на то же. Лишь вчера мы с Лепчиковым говорили, что придётся Лайду оставить на Ляховском.

Вечером. Стан экспедиции (Фёдоровской).

Лайда принесла шестого щенка уже здесь, на стане экспедиции. Он был мёртвый. К тому, что лишилась щенят, относится довольно спокойно.

Январь закончился очень холодным тяжёлым днём. Вновь поморозил правую щёку; на Делисее она совсем уж было зажила. Почти всю дорогу шёл пешком, присаживался лишь изредка. Долго и не усидишь.

Во второй день движения по проливу Санникова пала одна собака Иванова (принадлежавшая ПОСу).

## **Б. Ляховский. Юрта Бочкарёва. Болезнь собак.**

### **После прол. Этерикан впервые после полярной ночи увидели солнце**

*1 февраля. Суббота. Юрта Бочкарёва. Кигилях. Б. Ляховский*

Такой же морозный день, как вчера, но с более слабым ветром. Он не изменил направления, но т. к. мы сегодня шли несколько на запад, то и ощущали ветер слабее.

Вчера Лайда и ещё она собака (наша) всё чаще и чаще набрасывались на других собак и кусали их.

Сегодня с ними совсем беда, Лайда бросается на кого попало, лишь бы укусить. Очевидно, они заболели. Если это так, то мы остаёмся с половинным количеством собак, да при том ещё и плохих.

Здесь, на Ляховском, узнали, что с кормом дело обстоит катастрофически. В ПОСе есть лишь около 400 кг мяса павших осенью домашних оленей. Говорят, что оно – кожа да кости. А через два дня в Дымной соберётся больше 50 собак. Варить мясо с мукой – нет дров и помещения

для варки. У шалауровцев 8 собак, но тоже кормят кое-чем. наших же нужно кормить как следует, иначе мы не дойдём до Котельного. Завтра мы должны ночевать в Змевье (зимовье), но там для собак корма нет.

Покормили сейчас собак кондёвкой. Лепчиков говорит, что наши больные ничего почти не едят. Одна – не Лайда – съела две штуки, но её тут же вырвало. Одна из посовских, приходивших с Ляховского на Котельный, тоже больна.

Положение с собаками очень тяжёлое. Буду ставить вопрос о помощи нам перед ПОСом и станцией Шалаурова.

## *2 февраля. Воскресенье. Стан Ыпсы*

В Змевье не пошли, остановились ночевать в хорошо памятных по прошлым годам Ыпсах. Дело в том, что в Змевье сегодня должен зимовать Бочкарёв с двумя спутниками, да нас шла компания в 9 человек (двое, Кондинский и Слепцов, присоединились к нам на М. Ляховском, на стане Фёдоровском), и 12 персонам в Змевье бы не уместиться. Поэтому остановились в Ыпсах. Баншев, Слепцов и Горохов (присоединился сегодня), попив в Ыпсах чаю, отправились дальше, в ПОС, с целью предупредить о приезде нашей большой собачье-людской компании. ПОС, вероятно, будет сильно озабочен прокормом собак. О людях же беспокоиться не приходится, они обеспечены.

Нашли здесь на столе записку от одного из промышленников, что он в Ыпсах нашёл мёртвого песца, провалившегося в стан в дырку от трубы. Позавчера вечером, когда мы ужинали в стане Фёдоровском, пришли промышленники Кондинский и Слепцов, обходившие пасти по южному берегу М. Ляховского. Они рассказывали, что на соседнем стане нашли двух мёртвых песцов, так же провалившихся в дыру для трубы. Промышленники полагают, что это песцы больные. С час тому назад здесь сорвалась одна из собак и загрызла песца, оказавшегося носителем очень хорошей шкурки. Собака прокусила песцу голову.

На Котельном в эту зиму встретилось около десятка бешеных (как говорят промышленники) песцов. Эти песцы бросаются на людей и собак. Обычно их убивают просто палкой.

Утром Лайда никого не подпускала к себе. Ночью была привязана к колу, на который Лепчиков надел трубу от печи, чтобы она кол не сгрызла. Верхний край трубы оказался весь развороченным, середина трубы тоже прокушена. О железо Лайда изорвала себе челюсть, кожа висела клочьями. Рвала всё, что ни попадёт. Я решил, что дальше ожидать нельзя, нужно её пристрелить, она безнадежно больна. Баншев прикончил

её из винтовки. Мы хотели оставить Лайду на попечение жителей юрты до нашего приезда ещё по пути на Котельный, но здесь остались лишь женщины и мальчик, и случись, Лайда сорвётся с цепи – и никто тогда не решится выйти из дома, Лайда же перекусает всех щенят и взрослых собак. Жаль, очень жаль Лайду, нашу любимую собаку. Лучше было оставить её на станции. Но кто мог предполагать, что получится с ней несчастье?

Заболевшую вчера посовскую передовую собаку оставили при юрте. Она совсем плоха, едва держится на ногах.

...

Вчера, когда мы переехали пролив Этерикан, впервые после полярной ночи увидели солнце. Оно довольно долго катилось по Большому Ляховскому. На Б. Ляховском солнце видели 31 января. В этот день мы шли вдоль М. Ляховского, но, несмотря на ясное небо, нам солнце своего края не показало.

...

Сегодня вышли в ветер, и провожал он нас до самой ночёвки. И чем позднее, тем становился холоднее и сильнее. Дул прямо навстречу. Поморозил нос до переносицы. Не серьёзно, только с поверхности. На станции заживут и нос, и щёки. Всё же несколько неприятно видеть изуродованную физиономию. Сейчас, вечером, изуродованную физиономию всё же побрил. Может быть, станет от этого несколько благообразнее.

Выйдем с Ыпсов завтра ранним утром, чтобы в ПОС прийти среди дня.

Что-то сильно завывает ветер в трубе!

### **Полярная станция м. Шалаурова.**

#### **Дом зимовщиков сгорел.**

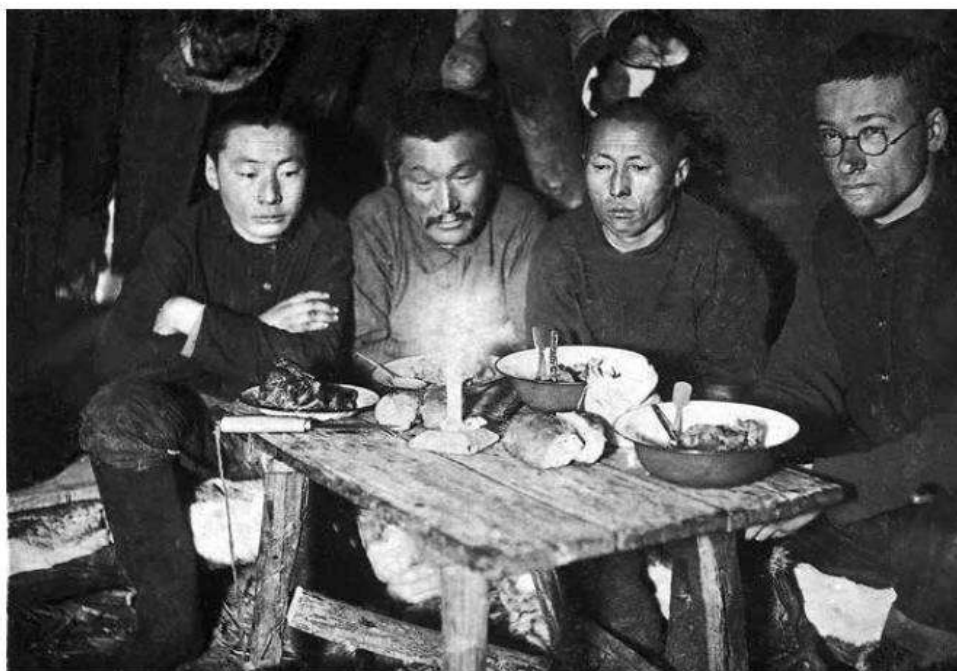
#### **В ПОСе никакого корма для собак не оказалось**

*20 февраля. Четверг. Ст. мыс Шалаурова*

Ещё 3 февраля по пути от Ыпсов к ПОСу узнали от встретившихся промышленников Берёзкина и Попова (шедших от ПОСа нам на помощь), что на полярной станции случилось несчастье: сгорел старый дом, в котором жили почти все зимовщики. Пожар произошёл от свечи, оставленной зажженной в комнате плотников. Здесь раньше помещался мотор. Всё было пропитано горючими веществами. Стены были обиты байкой, что тоже способствовало распространению огня. Четверо сотрудников были на проливе. Вернувшись, они застали пожар в самом разгаре. Все сотрудники, бывшие в доме, бросились тушить огонь, но под



12 января 1936 года В. И. Соколов отправился  
в дальнюю дорогу на о. Ляховский

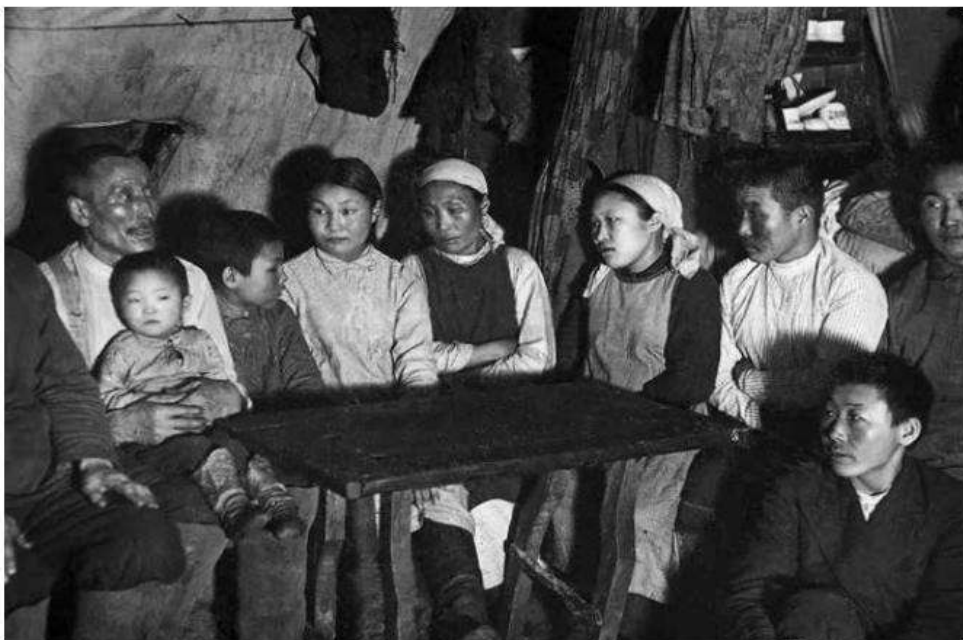


В. И. Соколов в дороге находил приют  
в урсах промышленников

---



*Промышленник Бочкарёв с семьей*



*Население юрты Бочкарёва*

---

руками не оказалось никаких действенных средств. Не было ни одного огнетушителя, не было пожарных топоров, воды. Когда убедились, что внутри дома пожара не затушить, прорубили в крыше дыру и стали заваливать горящую комнату снегом. Но это не помогло. Приступили к спасению имущества тогда, когда почти ничего спасти было нельзя. Вытащили барометр, барограф, универсал и хронометр, портфель начальника с второстепенной важности документами – вот, кажется, и всё.

На станции зимуют: начальник Комаров Вас. Ник., радист Листов Леон. Вл. и Шиманов (Листова я встречал в Якутске в 1934 г.), метеорологи Плотников и Куцев, механик Камышев, повар Соловачёв, каюр Акимов, два плотника-сезонника, зазимовавшие после постройки дома радиостанции, уцелевшего от пожара, и 5 человек гидрографического отряда. Кроме того, здесь жил служитель Фёдоров Осип с женой Аннушкой – мои старые знакомые. В штате станции есть ещё и врач – Евдокимов Кон. Ал.

Жизнь зимовки, по словам всех её участников, проходила далеко не гладко. Недоразумения внутри состава, недоразумения между гидрографической партией и сотрудниками станции были часты.

#### *25 февраля. Вторник. Ст. мыс Шалаурова*

В ПОСе никакого корма для собак не оказалось. 7-го Лепчиков вместе с промышленниками ПОСа выехал за кондёвкой в Муксуновку. Должен был вернуться обратно 19–20-го числа, но лишь сегодня прибыли промышленники, ездившие за кондёвкой на полярную станцию. Оказалось, что Лепчиков и Иванов дорогой заболели, и вместе со Старостиным остались на Чай-Поварне. У них озноб, высокая температура.

Послезавтра упряжки выезжают за ними. Я сильно обеспокоен болезнью Лепчикова.

В ПОС доставлено лишь 3000 шт. кондёвок. Около такого же количества лежит на Чай-Поварне с прошлого года. В пути за кондёвкой пало пять собак.

Теперь попадём к себе домой, пожалуй, не раньше 20 марта!

#### *27 февраля. Четверг. Ст. Шалаурова*

Вчера узнал, что Лепчиков с Ивановым остались не на Чай-Поварне, а на Аджергайдахе. Сегодня за ними выезжают. Вернутся в лучшем случае 1 марта. Всё бы ничего, лишь бы Лепчиков был здоров. На станции Витольд, вероятно, с большим нетерпением ждёт нас – пора развёртывать геодезические работы. А март для них уже пропал, будет сделано лишь то, что можно будет сделать без собак, близ самой станции.

...

Сразу по прибытии на ст. Шалаурова я послал телеграммы.

МОЛНИЯ. МОСКВА. ГЛАВСЕВМОРПУТЬ. КОПУСОВУ. КОПИЯ БЕРГАВИНОВУ.  
 ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ КИЛОГРАММОВ СЕРНОЙ КИСЛОТЫ ПОЛУЧЕННОЙ  
 19 ИЮЛЯ АРХАНГЕЛЬСКОМ АРКТИКСНАБЕ СТАНЦИЕЙ КОТЕЛЬНОГО  
 ОКАЗАЛИСЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СОЛЯНОЙ ТЧК ВЫБЫЛА ИЗ СТРОЯ  
 ПОЛОВИНА АККУМУЛЯТОРОВ ЗПТ ВОЗМОЖНОСТЬ УСТАНОВИТЬ СВЯЗЬ 35  
 ГОДУ СОРВАЛАСЬ ТЧК ПОСЛЕ 24 ДНЕЙ ПУТИ ПРИБЫЛ СОБАКАХ СТАНЦИЮ  
 ШАЛАУРОВА ТЧК ПОСЛЕДНЯЯ ОБЕСПЕЧИВАЕТ ЩЕЛОЧНЫМИ АНОДНЫМИ  
 АККУМУЛЯТОРАМИ ТАКЖЕ ВЫДЕЛЯЕТ НАХОДЯЩИЕСЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ  
 КИСЛОТНЫЕ АККУМУЛЯТОРЫ 12 ВОЛЬТ 60 АМПЕР-ЧАСОВ НЕОБХОДИМЫМ  
 КОЛИЧЕСТВОМ КИСЛОТЫ ТЧК УДАРНЫМ ПОРЯДКОМ МОНТИРУЕТСЯ  
 ДОПОЛНИТЕЛЬНО ИМЕЮЩЕМУСЯ КОТЕЛЬНОМ РАДИООБОРУДОВАНИЮ  
 ДЛИННОВОЛНОВЫЕ ПЕРЕДАТЧИКИ РЕЙДОВЫЙ ЗПТ МОЩНЫЙ ТЧК МАРТЕ  
 НАДЕЮСЬ УСТАНОВИТЬ НОРМАЛЬНУЮ СВЯЗЬ ОБЕСПЕЧИВ ОБСЛУЖИВАНИЕ  
 НАВИГАЦИИ ТЧК ПРОШУ ВЫЯВИТЬ ВИНОВНЫХ СРЫВА СВОЕВРЕМЕННОГО  
 ПУСКА РАЦИИ ТЧК СОТРУДНИКИ ЗДОРОВЫ ПОДТВЕРДИТЕ ПОЛУЧЕНИЕ  
 СРОЧНО ВВИДУ СКОРОГО ВЫЕЗДА КОТЕЛЬНЫЙ НАЧСТАНЦИИ КОТЕЛЬНЫЙ  
 СОКОЛОВ

И вторая:

МОСКВА ГЛАВСЕВМОРПУТЬ КОПУСОВУ  
 СЕРЕДИНЕ ОКТЯБРЯ ЗАКОНЧЕНА ПОСТРОЙКА ДОМА ДОСТАВЛЕННОГО  
 ТИКСИ ТЕМПОМ ТЧК СЕДЬМОГО НОЯБРЯ ВСЕЛИЛИСЬ НОВЫЙ ДОМ  
 ПОСТРОЕННЫЙ СИЛАМИ СОТРУДНИКОВ ИЗ ПЛАВНИКА ТЧК НОВЫЕ  
 ДОМА ПЛЮС СТАРЫЙ ОБЕСПЕЧИЛИ НОРМАЛЬНЫЕ БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ  
 ЗИМОВКИ ПОСТРОЕН СКЛАД СТОЛЯРНАЯ МАСТЕРСКАЯ ИЗГОТОВЛЯЮЩАЯ  
 МЕБЕЛЬ ЗПТ ЗАГОТОВЛЕННЫ ДРОВА ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ЗИМУ УБИТ ОДИН  
 МЕДВЕДЬ ТЧК МОНТАЖ МЕХАНИЧЕСКОГО ЗПТ РАДИООБОРУДОВАНИЯ  
 ЗАКОНЧЕН НАЧАЛЕ ДЕКАБРЯ ПУСК РАЦИИ ЗАДЕРЖАЛСЯ ПРИЧИНЕ  
 ОТСУТСТВИЯ КИСЛОТЫ ТЧК ПОМОЩЬ ОКАЗАННАЯ ШАЛАУРОВЫМ  
 ОБЕСПЕЧИТ ПУСК РАЦИИ МАРТЕ МЕТЕОСТАНЦИЯ РАБОТАЕТ  
 НОРМАЛЬНО ТЧК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ МАРТА НАЧИНАЕМ РАЗВЕРТЫВАНИЕ  
 ГЕОДЕЗИЧЕСКИХ РАБОТ СЕВЕРОВОСТОЧНОЙ ЗПТ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ  
 ОСТРОВА ВКЛЮЧАЯ ЗЕМЛЮ БУНГЕ ПРОШУ СРОЧНО СООБЩИТЬ  
 ШАЛАУРОВА ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ НЕТ РАБОТА ЭКСПЕДИЦИЙ РАЙОНЕ  
 КОТЕЛЬНОГО ФАДДЕЕВСКОГО ЦЕЛЮЮ УВЯЗКИ РАБОТ ТЧК ПРЕДПОЛАГАЯ  
 ВОЗМОЖНОСТЬ ПОСЫЛКИ САМОЛЁТА КОТЕЛЬНЫЙ ВЫСЫЛАЮ ТИКСИ  
 ОПИСАНИЕ УСЛОВИЙ ПОСАДКИ РАЙОНЕ СТАНЦИИ ЗИМНЕЕ ЛЕТНЕЕ  
 ВРЕМЯ ТЧК СОТРУДНИКИ ЗДОРОВЫ ЗАДЕРЖИВАЮСЬ ШАЛАУРОВА

ШЕСТЬ ТИРЕ ВОСЕМЬ ДНЕЙ ЗПТ БУДУ ВНОВЬ СТАНЦИИ КОТЕЛЬНЫЙ КОНЦЕ  
ФЕВРАЛЯ НАЧАЛЕ МАРТА ТЧК ЗАЯВКИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕ ОБОРУДОВАНИЕ  
ПОСЫЛАЮ

СОКОЛОВ

Первым пришёл ответ на мою вторую телеграмму:

ТЕКУЩЕМ ГОДУ УТВЕРЖДАЮ СТРОИТЕЛЬСТВО ВАШЕЙ СТАНЦИИ  
ОДНОГО ДОМА СЕМЬ ЧЕЛОВЕК ЗПТ ОДНОЙ РАДИОМАЧТЫ ЗПТ  
РЕМОНТ ИМЕЮЩИХСЯ СТРОЕНИЙ ЗПТ ЗАВОЗИТСЯ КАТЕР ПЯТНАДЦАТИ  
СИЛ ОДИН ТИРЕ ДВА ВЕЗДЕХОДА ЗПТ ШТАТ ТРИНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК  
ДОБАВЛЯЮТСЯ АЭРОЛОГ АСТРОНОМ МЕХАНИК ДВА ПОДСОБНЫХ  
РАБОЧИХ ТЧК ПРОЛИВЕ САННИКОВА МЫС МЕДВЕЖИЙ СТРОИТСЯ НОВАЯ  
СТАНЦИЯ ЗАВОЗИТСЯ ДОМ СЕМЬ ЧЕЛОВЕК СКЛАД БАНЯ ДВЕ МАЧТЫ КАТЕР  
ШТАТ ВОСЕМЬ ЧЕЛОВЕК ТЧК ГЕОДЕЗИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НЕОБХОДИМО  
РАЗВЕРНУТЬ СЕВЕРОВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КОТЕЛЬНОГО ЗПТ ГИДРОГРАФИЯ  
ПЛАНЕ ВАШИХ РАБОТ ОСВЕДОМЛЕНА ТЧК ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ БУДУЩИХ  
РАБОТ СЪЁМКА ПОБЕРЕЖЬЯ ЗПТ С ПРОВЕДЕНИЕМ ВОЗМОЖНОГО  
ПРОМЕРА ТЧК РАДИРУЙТЕ ПУСК РАЦИИ ПОЛНУЮ ИНФОРМАЦИЮ  
ДАДИМ НЕПОСРЕДСТВЕННО КОТЕЛЬНЫЙ ТЧК ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ВАШИ  
СООБРАЖЕНИЯ ПЛАНЕ КАКИЕ НУЖНЫ СРОЧНЫЕ РАБОТЫ ЧТО ВЫПОЛНИТЕ  
ПРИ УСЛОВИИ ЗАВОЗА СТРОЙМАТЕРИАЛОВ 04742

ЗАМ НАЧ ПОЛЯРНОГО МИХАЙЛОВ

А затем и на первую:

ШАЛАУРОВО СОКОЛОВУ ТВОЮ ПОЛУЧИЛИ РАССЛЕДУЕМ ТЧК СООБЩИ  
МОЁ ИМЯ ЧТО НЕОБХОДИМО ВЕЗТИ ЭТОМ ГОДУ ДУМАЮ ВЫЕХАТЬ  
ЭТОМ ГОДУ НА КОТЕЛЬНЫЙ ПЛАН РАБОТ НАМЕЧАЕТСЯ УПОРОМ НА  
ТОПОГРАФИЧЕСКУЮ СЪЁМКУ ТЧК КОГО ДУМАЕШЬ ОСТАВЛЯТЬ НА  
СЛЕДУЮЩИЙ ГОД КОМУ ТРЕБУЕТСЯ ПОДМЕНА ТЧК ВЕРОЯТНО ЗАВЕЗЁМ  
ВТОРОЙ ДОМ И ВЕЗДЕХОДЫ ТЧК СРОЧНО ОТВЕТЬ 04719

АНАНЬЕВ

Послал следующие ответы:

МОСКВА ГУСМП МИХАЙЛОВУ 04742 ПРЕДЛАГАЕМУЮ ПРОГРАММУ  
СТРОИТЕЛЬСТВА ВЫПОЛНИМ УСЛОВИИ ЗАВОЗА ДОМА ПОЛНЫМ  
ОБОРУДОВАНИЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ КИРПИЧОМ ПЕСКОМ ГЛИНОЙ  
ПЕЧНЫМИ ПРИБОРАМИ ПРОЧИМ ЗПТ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ НАШИХ  
ЗАЯВОК 04 05 06 07 08 СОСТАВЛЕННЫХ РАСЧЁТЕ СОХРАНЕНИЯ  
ЗИМОВКИ НАСТОЯЩЕМ СОСТАВЕ ТЧК НЕОБХОДИМО ПОЛУЧЕНИЕ  
КОМПЛЕКТОВ СЛЕСАРНОГО ПЛОТНИЧНОГО СТОЛЯРНОГО КУЗНЕЧНОГО  
ИНВЕНТАРЯ ОБОРУДОВАНИЯ ЗПТ ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ ШТАТ  
ВРАЧА ЗПТ СТАРШЕГО МЕТЕОРОЛОГА НАЙМА ПОДСОБНЫМИ РАБОЧИМИ

ПЛОТНИКОВ УСЛОВИЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЮБОЙ РАБОТЕ ЧАСТНОСТИ  
ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ТЧК ОБРАТИТЕ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ  
МЕХОВОЙ ПРОЧЕЙ ОДЕЖДОЙ ОСВЕТИТЕЛЬНЫМ ИНВЕНТАРЁМ  
МАТЕРИАЛАМИ ТЧК ЧАСТИЧНО РЕМОНТ СТАНЦИИ ПРОВЕДЁМ ДО  
НАВИГАЦИИ УЧТИТЕ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОСТРОЙКИ ВТОРОГО СКЛАДА  
ЗАДЕРЖИВАЮСЬ ШАЛАУРОВЕ ЕЩЁ МИНИМУМ 8 ДНЕЙ 12

СОКОЛОВ

МОСКВА ГУСМП АНАНЬЕВУ 04719 НАШИ НУЖДЫ ИЗЛОЖЕНЫ ЗАЯВКАХ  
04 05 06 07 08 09 РАСЧЁТЕ СОХРАНЕНИЯ СУЩЕСТВУЮЩЕГО СОСТАВА  
ЗИМОВКИ ТЧК НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПЛОХО ОСВЕЩЕНИЕМ ЛИТЕРАТУРОЙ  
ЧАСТИЧНО ОДЕЖДОЙ ТЧК СЛЕДУЮЩИЙ ГОД ДУМАЮ ОСТАВИТЬ  
ВСЕХ КРОМЕ МЕХАНИКА ПОВАРА ЗАМЕНЫ ПОСЛЕДНЕГО БОЛЕЕ  
КВАЛИФИЦИРОВАННЫМ ЭТОМУ ВОПРОСУ БУДУ СООБЩАТЬ ПОВТОРНО  
РАЦИИ КОТЕЛЬНОГО РАД БУДУЩЕЙ ВСТРЕЧЕ ЗАПРОС 04742 ОТВЕТИЛ  
МОЕЙ 12 БУДУ ШАЛАУРОВЕ ЕЩЁ 8 ТИРЕ 10 ДНЕЙ

В СОКОЛОВ

...

Один из пришедших сегодня на станцию промышленников сказал, что  
в Аджергайдах вышли две упряжки. Вернутся лишь через шесть дней,  
т. е. 3-го числа! Весь март уйдёт на возвращение.

### *1 марта. Воскресенье. Ст. Шалаурова*

Упряжки за больными вышли не 27-го, а лишь 28-го. Врач п. с. Евдо-  
кимов, проживавший долгое время в ПОСе, на днях ушёл на Кигилях.  
Посылаю телеграмму с просьбой срочно прибыть в ПОС для оказания  
помощи больным.

### *3 марта. Вторник. Ляховская ПОС*

Пришёл сегодня сюда. Часа четыре спустя после моего прихода прибыли  
нарты из Аджергайдаха. Лепчиков совсем болен, сильно колет правый  
бок, кашляет, похудел неузнаваемо. Завтра посылаю молнию.

МОСКВА ГУСМП КОПУСОВУ ТЯЖЕЛО ЗАБОЛЕВШИЙ КАЮР ЛЕПЧИКОВ  
ДАЛЬНЕЙШЕМ РАБОТАТЬ КОТЕЛЬНОМ НЕ МОЖЕТ ДИАГНОЗ СООБЩУ  
ПРИБЫТИЕМ ВРАЧА КИГИЛЯХА ТЧК ПРОШУ РАЗРЕШЕНИЯ ВЫВОЗА  
ЛЕПЧИКОВА ПРЕДСТОЯЩИМ РЕЙСОМ САМОЛЁТА ДАЛЬНЕЙШЕЙ  
ОТПРАВКОЙ ЯКУТСК ПАРОХОДОМ ЗПТ РАЗРЕШЕНИЯ НАЙМА КАЮРА  
ЛЯХОВСКОМ ОТВЕТ МОЛНИРУЙТЕ ИЗБЕЖАНИЕ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ЗАДЕРЖКИ  
ВЫЕЗДА КОТЕЛЬНЫЙ 28

СОКОЛОВ

Как мне жаль расставаться с Лепчиковым! Он был надёжный, старательный работник.

### **В обратный путь. Шалауровец Куцев едет на нашу станцию младшим метеорологом. Нашли свой старый след**

*10 марта. Вторник. Юрта Бочкарёва*

Ответ на молнию не получил, но это не важно. Комаров обещал посадить Лепчикова на самолёт и в случае отсутствия ответа из Москвы. Лепчиков хотел пожить в ПОСе, подкрепиться, а потом ехать через Казачье. С трудом я его уговорил лететь в Тикси.

5 марта я вместе с приказчиком ПОСа Жидлевым и Старостиним приехал на ст. Шалаурова. Здесь закончил все дела, послал последние телеграммы и 6-го – обратно в ПОС. Погода была плохая, встречный ветер, большую часть пути шёл пешком, сильно утомился.

Шалауровцев всех, за исключением 4–5 человек, отправляют в Тикси. В числе отправляемых был мл. метеоролог Сергей Куцев. Он попросил меня, чтобы я взял его на нашу станцию младшим метеорологом. Утром 6-го поговорил на эту тему с Комаровым, и в результате Куцев за полчаса собрался на Котельный. С Москвой по этому поводу буду говорить после, сейчас о передаче Куцева нам поставит в известность Москву Комаров. Куцев будет работать под руководством Дудкина. Буду ставить вопрос о переводе его в старшие метеорологи. У меня теперь руки будут развязаны, за метеоработой буду лишь приглядывать. Смогу помочь Витольду в его работе, смогу уделить время метеорологии.

Много думал о предстоящем приезде Ананьева. Не знаю, согласится ли Полярное управление зачислить меня геоморфологом и предоставить в этой области свободу действий. Оставаться на станции в какой-либо другой роли нет смысла, лучше выехать в Москву.

Вместо Лепчикова взяли каюром Горохова Николая Иннокентиевича, Никушку, старого нашего знакомого по островам Б. Ляховский и Котельный.

8-го расстались с ПОСом. Заночевали в уресе Бычагый, в 15 км от ПОСа. Собаки слабы. В подкрепление оставшимся у нас четырём собакам получили пять от Шалаурова. Из них четыре суки и лишь один кобель. У Иванова, с которым мы идём вместе, 12 собак. А ещё несколько дней тому назад их было у него 14. Две пали, из них одна его собственная. Вместе с нами четырьмя с ПОСа вышло ещё 4 промышленника: Старостин, Слепцов, Болтунов и Горохов.

Вчера вышли из Бычагыя, в Малом Зимовье пили чай. Там встретили доктора Евдокимова и плотника Петра, возвращающихся на Шалаурова из Кигиляха. Взяли у них суку Зимку, предназначавшуюся в нашу упряжку. Конец пути к юрте Бочкарёва проходил уже в темноте. Я с Сергеем и Слепцовым шёл впереди, нарты были где-то далеко сзади. Пройдя Ыпсы, я почувствовал, что устал сильно и далеко не уйду. Пытался отдыхать лёжа на снегу. Но это не помогало, вставать и идти после такого минутного отдыха очень трудно. Появились озноб и испарина в одно и то же время. Я видел, что нужно присаживаться на нарты – но где они? Стали кричать назад, в темноту. Услышали лай собак не сзади, а южнее, мористее нас. Упряжка нас обходила. Закричали снова и услышали лай собак уже значительно более впереди. Послали Слепцова, чтобы он остановил нарты. Он быстро исчез в темноте. Лишь через значительное время мы услышали его крики: «Тохто! – Стой!» Наших первых криков промышленники не слышали, очевидно, заглушали скрип нарт и лай щенков (мы получили кроме взрослых собак 3-х щенков от ст. Шалаурова). Пошли с Сергеем вперёд, часто подавая голос, но ничего в ответ не слыша. Решили круто повернуть к берегу. Закричали, подходя к нему, и услышали впереди громкий лай собак. Решили, что нас промышленники услышали. Подходя к берегу, закричали снова, но лай собак на этот раз был слышен много правее и дальше. Промышленники шли вдоль берега, удаляясь от нас. Тогда мы снова стали громко кричать и, наконец, увидели идущие к нам нарты. Груз сложили у рассохи, по которой идёт путь с моря к юрте Бочкарёва. Вторая нарта ушла туда, взяв лишь груз, необходимый для ночёвки. Скоро мы догнали и её.

Прибыли в 11-м часу вечера. Все спали. Хозяева встали и угостили нас чаем. Надо сказать, что и пить хотелось мало, сильно клонило ко сну.

Сегодня доставили оставленный вчера груз. Днём здесь, собаки отдыхают. Завтра пойдём через Этерикан.

#### *11 марта. Среда. Стан экспедиции (Фёдоровский, о-в М. Ляховский)*

Ушли утром от Бочкарёва в сильный позёмок, ожидали пургу. Но всё сошло благополучно, даже позёмок утих. Ветер был попутный, и потому мы его не замечали. Путь проливом сейчас изумительно хорош: снег всюду твёрдый, скользкий, нарты идут легко. Собаки весь путь бежали бодро, идти пешком пришлось совсем мало. С сегодняшнего дня держим путь вчетвером. Бригада М. Ляховского пойдёт позднее. Пасти здесь не осматривались больше месяца, промышленники отсюда пошли на Б. Ляховский одновременно с нами, т. е. в самом начале февраля.

*12 марта. Четверг. Станчик, о-в М. Ляховский*

Большую часть сегодняшнего пути шли при чудесной тихой солнечной погоде. Лишь вторая часть пути была несколько испорчена слабым встречным ветерочком. Мороз был очень сильный. Пешком почти не шли.

Завтра – через пролив Санникова и ночёвка в проливе. Так нужна хорошая погода! Даже небольшой, но встречный ветер доставляет одни неприятности.

*13 марта. Пятница. Палатка в прол. Санникова*

Очень холодный день со слабым западным ветерком. Вышли со Станчика в 10 час. утра. Вскоре нашли свой старый след и его не покидали. К заходу солнца достигли места нашей первой на пути с Котельного ночёвки в проливе. До Делисея осталось лишь километров 30. Должны прибыть туда завтра довольно рано.

**Котельный. Стан Делисей. Одна нога дома!**

**20-го должны быть там обе**

*15 марта. Воскресенье. Стан Делисей*

Вчера к полудню достигли южного берега Котельного. Одна нога дома! 20-го должны быть там обе.

Среди торосов шли старым следом и потому – без особого труда. На Делисее все четверо промышленников: Слепцов, Лебедев, Горохов Гавр. и Протодияконов. За время нашего отсутствия убили 6 оленей (в окрестностях Делисея) и одну медведицу – у Нерпалаха. Медведицу убил Лебедев. С медведицей был маленький медвежонок, его свезли на станцию. Есть теперь там новый воспитанник! Получил со станции две записки – от Степана и Николая. 10/II встречали солнце, праздновали, но увидели его не раньше 13-го (письма от 12/II). Все здоровы, две сучонки, полученные с Диксона, пали, рыжего больного кобеля застрелили. Осталось три щенка да Женька и Серый. Ждут с нетерпением моего прибытия. Да, новостей везу много! Завтра намерены ночевать в Усук-Стане.

*17 марта. Вторник. Амбардах*

Вчера дошли до Орто-Стана. Не пошли к Усук-Стану из-за малого количества находившегося там корма – а мы боялись, что будет ветер. Сегодня собаки шли тяжело – морозно. Идём безо всяких приключений.

Вечером сегодня Иванов у Амбардах видел трёх оленей. Нашёл павшего песца.

## **Прошёл пешком от Амбардаха до Нерпалаха побольше 60 км – на нарту не сядешь**

*18 марта. Среда. Нерпалах*

Запомнится мне сегодняшний день. Прошёл пешком от Амбардаха до Нерпалаха. Это побольше 60 км. Крепко устал, но всё же ноги идти не отказывались до самого конца. Погода держалась хорошая весь день: тихая и морозная. Последнюю часть пути шли в темноте. Собаки едва везут, на нарту не сядешь. Завтра проверим груз. Всё не первой необходимости оставим здесь, чтобы хоть немного облегчить нарты. Послезавтра мы должны быть дома. Как приятно это сознавать!

*20 марта. Пятница. Усук-Стан*

К сожалению, мы ещё не на станции. Встречный ветер помешал выступить в путь. В полдень позёмок перешёл было в низовую метель, но сейчас, к вечеру, затихло. Надеемся, завтра доберёмся до станции.

Корм собакам отсутствует, отдали весь. У нас хлеб тоже вышел, осталось по кусочку, сегодня налегаем на чай да сварили остатки (жалкие) риса и макарон – вышло по несколько ложек каши. Днём неожиданно вспомнил, что ведь мы везём с собой 6 с лишним кило сушёной картошки, и вот сейчас она уже отмокает, завтра будем есть тушёную картошку.

Вчера мы с Сергеем едва-едва добрались до стана. Вышли с Нерпалаха, пили чай в Киенг-Урасе. Тогда уже чувствовали себя усталыми. Вышли вперёд, и в пути через лагуну Дурное проехал километра 3 на нартах Иванова. Потом отправил его вперёд, сам остался позади. Скоро меня обогнали и нарты Горохова. Сергей плёлся позади. Я пошёл медленнее, чтобы идти с ним вместе. Он догонял тихо. До урасы было ещё далеко, километров около 10, а я уже чувствовал, что едва иду. Всё же понемногу брёл. Наконец, через некоторое время почувствовал такую слабость, что идти не мог и лёг на снег. Подошёл Сергей, я поднялся, и пошли с ним. Думал, что не дойду, и надеялся, что Никушка с Ивановым, видя, что нас долго нет, вышлют нарты. Но через некоторое время снова взялись откуда-то силы, и мы потихоньку брели и брели. И как были рады, что дошли, наконец, до урасы! Выпил чашку чаю и лёг спать, чтобы восстановить силы. Ноги болели ужасно. Ну а сегодня отдых.

## **Прибытие на станцию. Набросились на нас жадно**

*24 марта. Вторник. Станция*

21-го погода была великолепная. Пошли с Усук-Стана на станцию морем. У мыса, в 20 км от станции, пришлось выбраться на берег – идти дальше

было нельзя, лёд был очень тонок и с рассолом. Очевидно, здесь недавно лишь образовался свежий лёд. В 2 часа дня пришли на станцию. Все были дома, наш приезд вызвал общую радость. Все оказались здоровы. В ночь на день нашего приезда прорубь, в которой Николай брал пробы воды, посетил медведь. Прорубь была закрыта снегом и щитом – всё это он раскидал. Витольд со Степаном убили одного оленя, видели ещё четырёх.

Рассказывал обо всём отрывочно, набросились на нас жадно. Вчера было общее собрание с вопросами о стахановском движении, перспективах работы станции на ближайшее время.

Сегодня уехал Иванов. Никушка с Витольдом на наших собаках отправились с ним до Сулбута. Придут оттуда завтра с 70 песцовыми тушками. Получаем их взаимнообразно для проведения экспедиционных работ.

Сегодня же залили аккумуляторы и приступили к зарядке. Кислоты в запасе осталось около одного литра.

*ПРИКАЗ № 2*

*по полярной станции Главсевморпути о-ва Котельный от 21 марта 1936 г.*

*1. Сего числа возвратился из поездки на п. с. м. Шалаурова и приступил к исполнению своих обязанностей.*

*Начальник пол. станции о. Котельный В. Соколов*

**Два месяца спустя. Снова неудачи с радиосвязью.**

**Вторая поездка на Б. Ляховский – надо сообщить**

**Полярному управлению о положении станции**

*7 мая. Суббота. Нерпалах. 1 час ночи*

Прошло почти два месяца после моего возвращения с о-ва Ляховский на станцию. Связь мы не установили. Лукомский сжёг обмотку машины РМ-5 и чуть не запорол моторы. Зарядку аккумуляторов пришлось прекратить. Пробовали наладить связь при помощи РМ-2, работающего от ручного привода. Долго Семёныч возился с установкой этого привода, но всё же и эта попытка была обречена на неудачу. Несмотря на все наши старания давать одинаковое число оборотов, ток подавался слишком неровно. Лампы быстро выбывали из строя. Индикаторная лампочка, включённая в антенну, давала редкие кратковременные вспышки.

Приёма, даже самого минимального, также осуществить не удалось. И вот – я в пути на ст. Кигилях. Необходимо сообщить Полярному управлению о положении станции, попутно дать дополнительные заявки.

До Нерпалаха дошёл с Иннокентиевичем, Витольдом и Степаном. Они остаются здесь для установки знаков тригонометрической сети, я же на четырёх собаках с маленькой, подбитой сталью нарточкой попы-

таюсь дойти до Кигиляха. Вероятно, там удастся дождаться и ответа на все свои сообщения и узнать все подробности программы расширения станции на Котельном.

В день выхода со станции, 15 мая, встретили четырёх диких оленей. Встреча произошла неожиданно, олени, увидев нас ещё за километр, обошли стороной. Стрелять не пришлось. Перед приходом в Нерпалах видели свежий медвежий след. Собаки у мыса обнаружили нерпичью лунку.

17 час. 20 мин. Хорошо выспался и отдохнул. Сейчас – сборы в дорогу. Погода тёплая, пасмурная, с умеренным ветром.

Перед тем как лечь спать, очень ясно видел Бельковский. Взял направление на кажущуюся ближайшей его часть. Оказалось: WNW. Эх, если б удалось нынче на него попасть, чтобы определить положение обнаруженной ещё в 1933 году островка-скалы.

### **Из Отчёта о работе полярной станции на о. Котельный за 1935–1936 гг.**

15 мая я вместе с геодезической партией покинул станцию, а через 100 км расстался и с ней и дальше пошёл уже один. Часто встречался рыхлый снег, иногда – торосы и трещины, и снова, как и зимой, добрая часть пути до Кигиляха была проделана по образцу пешего хождения. В особенно тяжёлых участках пути приходилось запрягаться и самому. Всё же продвижение вперёд шло довольно быстро, и в ночь на 27 мая я был уже на Кигиляхе, откуда известил П. У. о новой неудаче с установлением радиосвязи. Вскоре была получена телеграмма П. У. о посылке на Котельный механика ст. Шалаурово Камышева. Узнал также, что в этом году наша станция расширена не будет.

#### *18 мая. Воскресенье. Ст. Чуоралах*

6 час. 15 мин. Вышел из Нерпалаха в 19.30. День очень пасмурный, с небольшим ветром. Только поравнялся с могилой Вальтера – обнаружил, что уронил с нарты рукавицу. Ну, пришлось возвращаться. Жаль бросать, хотя есть и запасные. Потерял на этом деле около получаса. Кто-то из ребят, оставшихся на стане Нерпалах, кажется, Степан, увидев, что я возвращаюсь, пошёл мне навстречу. Я нашёл рукавицу и махнул рукой Степану. Он, очевидно, догадался и повернул обратно. Сразу же по выезду из Нерпалаха пытался садиться на нарты, и сам, да и собаки сразу же вставали. Пришлось бежать рядом. А бег по рыхлому снегу быстро выматывает. Пройдя с километр за могилу Вальтера, влез в воду: оказалась открытой узкая, см около 20, трещина с выступившей вокруг водой. Пришлось держать дальше от берега.



*В. И. Соколов вторично отправляется на о. Ляховский,  
один с 4 собаками*



*...пришлось осиливать трещины*

---

В моей упряжке: Цуцик – собака приبلудшая, пристала к нам прошлой осенью; тиксинский Огонер – единственная собака, оставшаяся в живых из 12, полученных от Тикси; Мотор – совсем ещё щенок, его я получил на Шалаурова; Кыс – рыжая сука, полученная на Шалаурова.

Мыс близ Хос-Тёрюттяха прошёл хорошо, т. к. взял мористее, чем тогда, когда мы шли на станцию в последний раз. Тогда нам пришлось около этого мыса изрядно помаяться.

У Хос-Тёрюттяха выпил содержимое термоса – горячий, крепко заваренный чай. Закусил белым хлебом. Это небольшое количество горячего чая сильно облегчило дорогу и доставило лишний раз наслаждение. Да, чай в пути – наслаждение! Как его ждёшь, как о нём мечтаешь!

У Хос-Тёрюттяха же всё покрыл густой туман. Пришлось сквозь торосы лезть ближе к берегу. Цуцик, произведённый в бастыны, всё же команду почти, если не сказать совсем, не слушает. Во многих местах, среди торосов, приходилось трудно. Цуцик тянет всё влево, Огонер и другие интересуются охотой, ну и приходится поминутно кричать на них да забегать то справа, то слева.

К концу пути устал порядком. А тут, как назло, стена берега так и уходит в туман и не видно желанного Чуоралаха.

Был случай, рядом с нартами села куропатка, я выстрелил из винтовки, но промахнулся. Куропатка не улетела, а пересела лишь на другое место, тут же. Можно бы и ещё стрелять, да собаки прут нарту, да и патронов у меня теперь осталось лишь 14 штук. Махнул на куропатку рукой. Аллах с ней.

В Чуоралахе полчаса откапывал стан. Лопатка у меня маленькая, сапёрная, а занесено оказалось здорово.

Сейчас, после чаю, готовил ужин – суп, макароны с олениной. Поем – лягу спать. Много мелких дел сейчас переделал, часть отложил на завтра.

18 час. В 14 час. я уже затопил печь, правда, не вылезая из мешка. Лёг же я в 8 час. Оказалось, это ни к чему я рано проснулся, идти в путь всё равно нельзя: сильная пурга. Съел остатки ужина, попил чаю и занялся починкой распоровшегося камуса. Сейчас чай снова на печи, лишний раз побаловаться чайком не мешает. Хочется почитать «Жизнь Матвея Кожемякина» Горького – единственную книгу, захваченную с собой в путь. Она мне заменит собеседника.

### 19 мая. Понедельник

19 час. 50 мин. Вышел с Чуоралаха в ветер со снегом, но не прошёл и двух км, как погода улучшилась. Взял далеко в море и прошёл ровным льдом между торосов. Через 6 часов был на Амбардахе. Стана не откры-

вал. Сварил чай на маленьком костре. До Амбардаха немного ехал, после Амбардаха почти всё время пешком. Цуцик тянет всегда в ту сторону, с которой припряжен.

Поэтому пришлось часто менять его положение. Мотор почти не тянет, да что и спрашивать со щенка. Участок одолел большой, но сильной усталости не чувствую. Это действие содержимого термоса, т. е. чая. После Амбардаха я прибежал к нему дважды и пришёл в стан без надрыва, без мыслей о еде.

Погода сегодня тёплая (некоторые участки я шёл в одном свитере, без шапки и телогрейки), много раз валил мокрый снег, и я изрядно измок. Ноги – насквозь, телогрейка тоже, да и всё прочее. Как пришёл, устроил собак и перетаскал всё домой, в первую очередь переобулся (печь уже топилась), а затем уж занялся приготовлением чая. Сейчас вся ураса увешана сохнувшими предметами обуви и одежды. Дописываю последние строки, нужно взяться за мясо. Обнаружил, что часть правого полоза треснула и едва держится.

*20 мая. Вторник. Урук-Стан. 13 час. 30 мин.*

Погода продолжает быть по-прежнему очень тёплой. Ночью мелко, утром едва выбрался из урасы наружу – так здорово занесло дверь. Проспал с 9 вечера до 11 утра. Правда, просыпался и топил печь. Хочу выйти часов в 5 вечера, чтобы облегчить работу собакам. Хочу обязательно добраться до Делисея. Осталось километров 60. 20 – до Орто-Стана и 40 от Орто до Делисея.

В Чуоралахе оставил 8 белых и 3 чёрных хлебца, 2 куса мяса, кулёк риса, 2 свечи, 2 песка.

Занимаюсь делами по хозяйству. Все они мелкие, но их много. Телогрейка просохла хорошо, но с обувью – беда. Сейчас повешу на улицу, на ветер, может статься, поможет.

*22 мая. Четверг. Делисей. 15 час. 45 мин.*

Через два-три часа иду через пролив. Старого следа не видно, придётся идти исключительно по компасу.

Вышел с Усук-Стана 20-го в 7 час. вечера. С самого начала – встречный позёмок. Собаки шли бодро, снег хороший. Через три часа прошли мимо Орто-Стана. Позёмок всё усиливался, и к приходу на Делисей разыгралась настоящая пурга. Здесь людей не нашёл, очевидно, со времени ухода отсюда Горохова с Ивановым никто ещё не приходил. Вскрыл погреб, покормил собак и запасся кормом на дорогу. Много

времени ушло на подшивку подошв к летним торбасам. После пурги день был очень тёплый, и тундра значительно оголилась. Сейчас не слишком тепло, а к ночи должно подморозить, надеюсь пролив пройти без особых трудностей. Дров не беру, термос должен мне помочь в данном случае.

### **М. Ляховский, Станчик. Трудности пути**

*24 мая. Суббота. Станчик. 6 час. 30 мин.*

С Делисея вышел 22-го в 7 час. вечера при чудесной тёплой погоде. Дороги нет, скоро влез в торосы. Снег рыхлый, не держит ни меня, ни собак, ни нарты. В трудных местах приходилось идти вперёд с топором и, осмотрев и подготовив десятка два метров дороги, возвращаться назад за нартами. И что ни шаг, то провал в снег чуть не по пояс. А собаки не тянут! Огонер совсем опешил, Кыс смотрит, как бы лишь поудобнее пройти самой, а Мотора беспрерывно приходится извлекать из-под нарт. Отстаёт, теряется, и лишь бедному Цуцику да мне приходится волочить нарту. В самых тяжёлых местах тащил часто я один, поднимая куда-нибудь наверх, на торосы, нарту. Иногда толкал нарту сзади, и если собаки мало-мальски дружно потянули, то я сразу же оставался позади, увязнув в снегу по пояс и стараясь буквально на коленках поспевать за нартой. Было тепло, и я орудовал большей частью лишь в свитере, без шапки. Шесть часов мучился я в торосах. Наконец – одолел их. Вышел из тороса на полкилометра правее старого пути (западнее). Мучила жажда. Решил приложиться к термосу...

Готов ужин, надо закусить да ложиться спать. Скоро буду на Кигиляхе! Снова вести с Большой земли!

## 1937 ГОД

**Полярная станция о-ва Котельный. Со времени последний записи прошёл чуть ли не год. Описание событий 1936 г.**

*9 апреля (1937). Пятница. Полярная ст. о-ва Котельный*

Со времени последний записи прошёл чуть ли не год, год больших разочарований, неожиданных радостей, надежд и работы.

По-прежнему – я на Котельном. Жалею, что долго не записывал в эту тетрадь и хочется сейчас, с большим опозданием, восстановить наиболее интересное.

Вечер, 11-й час. Горит лампа. Слева, на кровати, лёжа читает книгу Александр Павлович, наш радист. Николай (Дудкин) уже спит. Семёныч усиленно храпит за стеной. Витольда Ивановича нет – он на геодезических работах на СВ берегу. Тихо. Лишь мерно стучит будильник да механизмы самописцев у Николая на столе.

...

**Воспоминания о поездке на Б. Ляховский за помощью**

Вспомню, как проходил мой путь с четырьмя собаками на Ляховский. Прервал я описание на полуслове. Сейчас продолжу, в памяти всё ещё сохранилось ярко.

Решил приложиться к термосу... Жажда мучила нестерпимо, хотелось весь термос выпить, не отрываясь, но сознание, что пролив широк и пить захочется ещё не раз, не допустило этого. Отпил немного и в пополнение выпитого добавил в термос снегу, в расчёте на то, что он растает. Два-три глотка жажды не утолили несколько, и дальнейший путь её только усилил. Скоро пришёл на знакомое место – то самое, где провёл две ночи в последнюю поездку: одну ночь по пути на Ляховский и другую при возвращении на Котельный. Под снегом темнели мелкие щепочки, пара штучек была воткнута в снег – хороший путевой обычай, – и я с трясущимися от нетерпения руками стал готовить костёр.

Собрал все щепочки, даже самые маленькие, выковыривая их из-под снега. Сейчас я буду иметь много-много воды, смогу напиться досыта! И даже пополнить запас на дорогу. Вылил содержимое термоса – чай с нараставшим снегом – в чайник и принялся подогревать, подбавляя всё новый и новый снег. И как велика человеческая жадность! Мне казалось, что если будет даже и полный чайник, то и он вряд ли сможет мою жажду утолить. И я подбавлял всё новый и новый снег. Лишь бы была вода, хотя бы и холодная. Но вижу, что воды уже много и можно поставить себе задачей довести её до кипения. Казалось, что это удастся, чайник уже запел, пошёл парок, но... не тут-то было! Мой костёр догорает, новой пищи для него нет, а чай так и не закипел. Но это не важно, я с исключительным наслаждением пью чай, подкрепляю свои силы. Скоро убеждаюсь, что жажду утолил до отказа. Термос наполнил вновь, а в чайнике остаётся ещё добрая часть драгоценной воды. И зачем погнался за таким количеством воды? И чай из-за этого не вскипел, и всё равно выливать её приходится теперь на снег.

Снова – в путь. Скоро мой путь преграждает неширокая открытая трещина, уходящая вдаль на восток и на запад. Трещина не широкая для длинных нормальных нарт. Но мои коротышки заставляют меня задержаться. Как их перетащить? Перекидывать груз попредметно не хочется – слишком большая потеря времени. И я решаюсь перетащить нарты резким рывком. Перетащил сначала всех собак через трещину. Затем поставил нарты так, чтобы они над трещиной нависли и, перейдя через трещину, взявшись за хомурган (?), резко дёрнул, повалившись всем туловищем назад. Но сила рывка оказалась недостаточной и – был момент – замерло сердце, когда я чувствовал, что скольжу по снегу к трещине, и нарта задком погружается в воду. В последний момент, ударив пяткой в снег, приостановил скольжение и, собрав все силы, вытянул-таки нарту на лёд. Вот когда вздохнул с облегчением! Ведь чуть-чуть не утопил или, в лучшем случае, не вымочил весь груз! А очутиться с мокрым грузом (спальный мешок!) посреди пролива – не очень-то приятно, не говоря уж об избегнутой возможности потопления груза!

Ну, беда миновала, всё кончилось хорошо, снова в путь. И снова бодро бегут мои собаки.

Местами мучительная дорога: пятнистый снег. Пятна плотного снега перемежаются с пятнами рыхлого, и мне приходится туго. По плотному снегу нарты скользят хорошо, я могу сидеть на них, по рыхлому же собаки меня не везут. И приходится поминутно (пятна очень мелкие) то садиться на нарты, то вновь с них соскакивать. А нарты низкие, и это

частое соскакивание выматывает. А бежать всё время рядом с собаками не хватает сил.

Шёл уже долго, должен бы уж показаться впереди о-в М. Ляховский, но помешал сильный снегопад. Было совсем тихо и тепло. Видимость исчезла. Решил отдохнуть и заодно переждать снег, чтобы иметь возможность точнее взять направление, выйти прямо к Станчику. Повернул нарту набок, постелил брезент и, покрывшись другой его частью, уснул в тёплом спальном мешке.

Через несколько часов бодрым, отдохнувшим продолжаю путь. Видимость улучшилась, собаки после лёгкой закуски шли хорошо.

Тормозил лишь довольно обильно выпавший снег. Скоро показался и Малый, а через некоторое время удалось увидеть и знак, поставленный экспедицией на «Таймыре» (или «Вайгаче»). Пересёк ещё одну трещину, на этот раз с меньшими волнениями, но опять-таки не разгружая нарт. Полосу торосов у Малого прошёл без всяких затруднений. Вышел на М. Ляховский очень хорошо, лишь в 1–2 км севернее Станчика. И 24-го в 6 час. 30 мин. утра в Станчике уже был готов мой «ужин».

Путь вдоль М. Ляховского прошёл без приключений. В стане экспедиции вновь отдохнул и затем вышел в предпоследний этап – через Этерикан (*пролив между о-вами Малый и Большой Ляховский*). Видимость была плохая, но вышел на Б. Ляховский удачно, в 1–1,5 км к востоку от юрты Бочкарёва. В юрте Бочкарёва застал жену хозяина, сынишку и дочку с грудным ребёнком. Все остальные обитатели были в отъезде. Немного отдохнув, пошёл дальше, огибая красивый полуостров Кигилях, к полярной станции. 27 мая явился туда к удивлению её четырёх обитателей.

### **Продолжение описания пути. Полярная станция Кигилях на о-ве Б. Ляховский. Помощь сотруddников.**

#### **Новый механик Камышев. Тяжёлый и опасный обратный путь**

*10 апреля. Суббота. Продолжаю краткое описание моей поездки на Б. Ляховский.*

Весь штат п. с. Кигилях состоял из четырёх человек: радиста (он же старший по зимовке) – Полякова Степана, Михаила Смирнова, старшего метеоролога Умнова и мл. метеоролога (фамилию не помню). Станция расположена в живописном месте, на берегу маленького заливчика, по соседству с округлой горой Санникова. Вдали в хорошую погоду ясно видны горы Святого Носа.

Дом станции имеет вид сараеобразный, собран из брусьев в 1935 году, с небольшими окнами. Разделён он на две части: кухню-

моторную и жилую (тут же и радиоустановка, и приборы метеоролога). Отапливается железной печкой (бочка). В кухне-механической довольно-таки холодно. Обитатели станции рассказывали, что бывали случаи, когда одеяла примерзали к спине. В жилой комнате большой беспорядок и грязь. Ни отдых, ни приём пищи не регламентированы. Пьют чай (с продуктами очень плохо), когда появляется аппетит. Отдыхают, часто ложась в постель не только в одежде, но и в обуви. Внутри дома стены, балки не строганы. Стол сколочен тоже из нестроганных досок, беспорядочно завален книгами, газетами. Здесь-то я почитаю газеты! Их доставил на Шалаурова самолёт, а с Шалаурова завезли попутчики и на Кигилях.

Рядом с домом станции стоит склад, в первый год существования станции служивший жильём. По качеству он ещё хуже теперешнего здания (собранного из материала, предназначенного для склада). П. с. Кигилях основана в 1934 году. Первый её начальник – Лях.

*12 апреля. Понедельник. Продолжаю о том же*

Поляков немедленно организовал телефонный разговор с Шалауровым. Там тоже чрезвычайно удивились моему прибытию на Кигилях.

Немедленно послал телеграмму Копусову с описанием причин срыва связи, полной непригодности Лукомского. Подал также дополнительные заявки на оборудование, сообщил о проведённой работе.

Комаров, начальник п. с. Шалаурова, узнав о непригодности Лукомского, предложил Копусову послать на нашу станцию Камышева – механика Шалаурова. Копусов согласие дал, и Камышев, договорившись со мной, вышел со станции, держа путь в юрту Бочкарёва, где мы должны были встретиться. На Шалаурове решили обойтись без Камышева. Там остались: Комаров, радисты Листов и Шиманов, метеоролог Плотников и каюр Осип Фёдоров.

2 июня утром я распрощался с кигиляховцами. В юрте Бочкарёва встретился с Камышевым, которого доставил сюда Бурцев (недавно прибывший из Казачьего). Бурцев же оставил в подкрепление нашей упряжки ещё трех собак. Теперь мы имеем уже 7 псов. Груз увеличился намного. На Кигиляхе я получил один 80-вольтовый аккумулятор, литр кислоты. Камышев набрал груза изрядно: большой чемодан, тяжёлый брезентовый на вате спальный мешок, рыбацкие сапоги... Нарты же наши едва дышали. Отремонтировал я их, сколь возможно, на Кигиляхе, но путь впереди был тяжёл, а главное – тяжёл для них груз.

Вечером 2 июня распрощались с жителями юрты Бочкарёва. С первых же шагов по прол. Этерикан встретились с водой. Она разлилась вдоль

берега длинной полосой. Глубина оказалась изрядная, не подмочив груза, не пересечёшь! С востока обойти воду не удалось, пришлось возвращаться и обходить с запада. Потратили на обход воды, по крайней мере, часа полтора-два.

Камышев страдал резью глаз, несмотря на то что весь путь с Шалаурова проделал в защитных очках. Видимость во время пересечения Этерикана была плохая, и мы взяли слишком восточно. Увидев же впереди справа землю, весьма похожую на М. Ляховский – я предположил, что это он и есть, – и стал держать курс на него. Отклониться на восток я не опасался, т. к. знал, что за день-два до нас с Хоостара (*Хастыр*) на М. Ляховский и дальше на Котельный прошла бригада Иванова, и мы, держа к востоку, должны были выйти на её след.

И увидев этот след, перпендикулярно секущий наш путь, я убедился в ошибке. Посмотрев внимательно в бинокль, удостоверился, что мы держим путь к одному из с-з мысов о-ва Б. Ляховский. Повернули влево, по следам промышленников, и через несколько часов, изрядно усталыми, пришли в стан экспедиции. После отдыха и текущего ремонта нарт отправились вдоль берега М. Ляховского – к Станчику. Местами на льду и здесь была вода, слышно было весёлое журчание воды, стекающей с острова на лёд. Тёплая погода, быстрое наступление весны вселяли в меня тревогу. Как бы ранняя весна не помешала нам добраться до станции! Речка у станции вздулась и во время нашего сна прорвала пересыпь и хлынула на лёд, заливая его на обширном пространстве. Ничего хорошего такая картина не предвещала. Ведь впереди ещё длинный путь вдоль берегов Котельного, богатого речками, и, чёрт возьми, не причинят ли нам эти речки горя? В Станчике – снова ремонт нарт, занявший несколько часов. Из инструментов есть лишь один нож и топор, и ножом приходится вырезать копылья, сверлить дыры. На руках быстро появляются мозоли. Одновременно приходится чинить и торбаса, быстро проносившиеся.

В пролив тронулись после 6–7 часов работы по ремонту. Пришлось сначала идти под береговым обрывом, обходя воды глубоким, по пояс, снегом. Пришлось помогать собакам тащить нарты. Обогнув, наконец, воду, наткнувшись вновь на след промышленников, пошли на пересечение пролива. В первой его части, несколько торосистой, Камышев недоглядел и допустил соскользнуть одному полозу в узкую, расположенную в направлении нашего движения трещину. Вновь пришлось приниматься за ремонт нарт. И всё же они теперь шли с трудом, бороздя снег. И пока пересекали пролив, принимались трижды чинить нарты.

Пройдя половину пути, в месте, где промышленники ночевали, устроили чаепитие, после чего снова тронулись в путь.

Наткнулись на свежий медвежий след. Он вышел на след промышленников и долго шёл по нему, потом куда-то свернул. У трещины, где я пережил по пути на Кигилях несколько неприятных мгновений, вновь предстояло приключение. Я с нартами шёл впереди, Камышев же несколько отстал. Оставив на некотором расстоянии от трещины собак, я пошёл искать место, где бы можно было удобно её пересечь. Трещина оказалась уже значительно шире, чем была, её ширина достигла метров четырёх. Вдруг в трещине впереди меня раздался сильный всплеск, и показалась отдувающаяся голова нерпы. Собаки мигом сорвались и бросились к трещине. Меня, пытавшегося их остановить, моментально сбили с ног, и я оказался скользким среди собак впереди нарт к открытой трещине. Гладкий лёд не давал возможности затормозить движение, и я уж подготовился выкупаться. Но на самом краю трещины и я, и нарты остановились. Дело в том, что передние собаки с разлёта сорвались в воду, и, видя эту картину, задние остановились. Купания удалось избежать и на этот раз. Трещину пересекли легко по ледяному мосту.

До торосов добрались благополучно. С первых же шагов по торосам нарты сдали окончательно. Камышев устал до того, что каждую остановку нарт использовал, чтобы лечь на снег и тут же уснуть. Пришлось весь груз сложить на возвышенном месте и, покрыв брезентом, оставить. Взяли с собой лишь постельные принадлежности, продукты, винтовку. Потащились к Делисею. Копылья одной стороны нарт чертили прямо по льду.

Чёрные берега Котельного в этот пасмурный сырой день имели особенно мрачный вид. Прежде чем лечь спать, несколько часов проводим в работе. И оказывается, что мы не спали 35–36 часов, из которых 24 потратили на движение через пролив, а остальные тоже на работу.

Опасения за дальнейший путь создавали такое нервное напряжение, что я часто просыпался и встал уже после лишь 6-часового отдыха.

Из записки, оставленной на Делисее, узнал, что часть промышленников ушла вдоль западного берега, часть – на Балыктах, а двое живут на соседнем стане Карга, в 20 км к востоку от Делисея. Не найдя на Делисее каких-либо нарт, которыми можно было заменить наши, решили отправиться на Каргу, чтобы там у промышленников попытаться найти нарты и попросить промышленников доставить наш груз из торосов на Делисей. Речка Делисей во время нашего короткого сна, прорвав пересяпь, щедро изливала свои воды на лёд. Видя, что полоса воды тянется по льду на восток пока хватает глаз, решил идти на стан Карга берегом,

полагая, что на пути не должно встретиться речек, могущих послужить препятствием. Вскоре, однако, я убедился в обратном. Пройдя километра два, наткнулся на бурную речку. Перейти её у устья не было возможности. Решил подняться выше по течению. Прошёл километр-полтора, но она всюду оставалась непроходимой. По ледяному дну быстро нёсся водный поток, и устоять в нём на ногах нельзя было и мечтать. Обдумав создавшееся положение, решил вернуться на Делисей, и своими силами отремонтировав нарты, продолжать путь.

Один полоз пришлось заменить. Сделал новые копылья. Работа заняла много времени и сил. Но об отдыхе думать было нельзя, нужно идти, идти и идти – иначе мы можем застрять. Камышев не понимает необходимости спешить и говорит, что если будет плохо идти морем, то мы пойдём берегом. Я подвожу его к речке Делисей и говорю, что такие речки очень часты. А Делисей рвётся на лёд бурным потоком, который не обойдёшь (островом), не пересечёшь. После этого Камышев, видимо, понял, что действительно спешить нужно.

Забив окна стана, засыпав дверь, засыпав крышку погреба землёй, покинули стан. Полосу воды близ берега пересекли без особых трудностей. Увидев, что впереди у берега много воды, пошли мористее, далеко обходя мыс Медвежий. Забыл упомянуть, что по выезде с Делисея я вскоре оставил в укрытом от ветра месте (за торосом) Камышева с одной из собак – Мотором – и грузом, а сам отправился за нашими оставленными в торосах пожитками. Собаки после отдыха шли хорошо, и я быстро вернулся с грузом. В торосах мне пришлось туго. За полтора дня образовалось много воды, залившей промежутки между торосами, и мне пришлось вымокнуть чуть не по пояс, помогая собакам вытаскивать нарты в тяжёлых местах. Комбинация глубокой воды и труднопроходимых торосов – весьма неприятная вещь.

Обходя мыс Медвежий, избегали почти каждой лужи, но потом этих луж становилось всё больше и больше, и пришлось идти почти напрямик. Собаки наши, в особенности идущие впереди Цуцик и Огонер, шлёпали по воде бесстрашно, часто пересекая широкие лужи по своей собственной инициативе. Обувь совершенно не препятствовала воде проникать внутрь. Ноги постоянно были мокрые, зябли. К тому же поднявшийся холодный ветер пронизывал меня, изрядно промокшего в торосах, до костей.

Мы должны были держать путь на Орто-Стан, где предстояло взять корм для собак. Чем дальше, тем воды становилось всё больше и больше, почти весь лёд скрылся под водой. Во многих местах глубокие участки

приходилось далеко обходить, теряя дорогое время. Попытались подойти к берегу, но тут дело не оказалось лучше. Идя у берега среди мелких торосов, нарта ударилась о ледяную глыбу – и опять принимайся за ремонт, дальше не пойдёшь. Вылезли на берег, разложили костёр, обогрелись, обсушились. Устроили укрытие от ветра, за ним уснули, решив заняться ремонтом после отдыха. Через несколько часов отдыха принялся вырезать новые копылья. Руки к этому времени загрубели, были исколоты и иголкой при бесконечных починках торбасов, и в особенности проволокой, которой была связана вся наша нарта. Количество воды на льду словно уменьшилось, очевидно, она быстро стекала в трещины. Тронулись дальше, к Орто-Стану. Он оказался недалеко, в каких-нибудь 8 км от нашей стоянки. Речка у Орто-Стана богато изливала свои воды на лёд. Торосистая полоса льда вдоль берега была покрыта сплошь водой. Ухудшал дело и глубокий снег. Попытался взять берег приступом, пересекая поток речки, но, забравшись в воду выше колен, это намерение оставил. На берег нужно было выбраться во что бы ни стало, иначе нет корма для собак. Пришлось действовать обходом. По торосам, по глубокому снегу с водой пробрались к берегу. В некоторых местах собаки вынуждены были почти плыть. Бахсу и Мотора – двух молодых собак, отпустили. Они, боясь воды, только мешали. Пришлось им пробираться к берегу самостоятельно, местами вплавь.

Наконец – на берегу. Оставив здесь груз, взяв лишь печь, продукты да винтовку с лопатой и топором, отправились к стану. Пришлось вести также и всех собак. В стане закусили, отогрелись, обсушились. С трудом откопали крышку погреба. Не скоро смогли и обнаружить. Достали песцов и на всякий случай взяли и на свою долю небольшой кусок медвежатины. В погребе оставил камусы и винтовку. Надеюсь, что с медведями не встретимся, а винтовка, всегда привязанная сверху груза, при боковых ударах нарт увеличивала опасность поломки, т. к. центр тяжести нарт был слишком высок. Громадный чемодан Камышев ни за что не хотел оставить, защищая право везти его дальше буквально с пеной у рта. Это отчасти и принудило оставить винтовку. Раньше, на Делисее, оставили одеяло Камышева, подушку, оба полушубка. На месте вынужденного отдыха в 8 км от Орто-Стана бросили тяжёлый брезентовый спальный мешок Камышева. Спали теперь под переделанным из собачьего мешка одеялом.

*13 апреля. Вторник. Продолжаю описание пути (1936) дальше*

За Орто-Станом, вскоре после того, как мы его покинули, видели красивую розовую чайку. Она подлетела к нам совсем близко и, держась

в нескольких метрах, дала возможность хорошо себя разглядеть. Размер её небольшой, близкий к размеру чайки, какие можно видеть на Москвереке, и имеет нежное розовое оперение и красивые очертания головы, шеи и туловища.

Подошли к мыску, у которого оканчивались бесконечные пространства надлёдной воды. Но, остановившись тут и глядя вперёд, мы готовы были прийти в отчаяние от открывшейся картины. Казалось, что всё видимое пространство занято мелкими торосами, забитыми в промежутках глубоким, рыхлым, насыщенным водой снегом. Ну, придётся тащиться по колено в снегу и в воде одновременно! Но какова же была наша радость, когда, ступив на этот «снег», мы увидели, что это твёрдый лёд, который ещё недавно покрывала вода, придавшая ему изъеденный, снегообразный характер! Лёд, правда, неровный, но твёрдый и совершенно без воды. Собаки шли великолепно, и мы вновь наполнились бодростью и быстро шагали вперёд. Без особого труда дошли до Усук-Стана, где и расположились на ночёвку. Попив чаю, закусив великолепным шашлыком и распив по маленькой стопочке разведённого спирта (я впервые взял спирт в дорогу), улеглись спать. Здесь Камышев оставил свой чемодан (порожний). Описывая наше передвижение, я намеренно не указываю чисел. Дело в том, что записей я не вёл, и хотя часы были, но часто установить, ночь сейчас или день, было просто невозможно. Плотные облака обычно закрывали всё небо, и от солнца не оставалось и следа. Шли и отдыхали, не считаясь со временем суток совершенно. Поэтому точное представление о числе, месяце потеряли, в чём убедились окончательно, придя на станцию и обнаружив расхождение нашего дорожного календаря с календарём станционным на целые сутки. Указания на числа будут позднее, начиная с описания нашего прибытия в Киенг-Урасу.

*14 апреля. Среда. Продолжаю о том же (1936)*

Путь севернее Усук-Стана был много легче. Вдоль берега лежала открытая трещина, в которую стекала вода с ближайших участков льда. Идя вдоль самой трещины, мы избегали воды. Правда, почти ежеминутно приходилось пересекать узкие и быстрые потоки стекающей со льда воды, но обычно эта вода текла уже в глубоких каналах, ею промытых, и брести через них приходилось редко. Идя вдоль трещины, приходилось быть внимательным: собаки часто интересовались охотой, вне зависимости, где находится объект её, на этой стороне трещины или же на противоположной, и время от времени мы вынуждены напрягать все



*На станцию В. И. Соколов возвращался уже с новым механиком*



*Окрик «Бата!» – и Дудкин с каюром поехали на охоту*

---

силы, чтобы предупредить купание нарт. Камышев нервничает, старается держаться дальше от трещины, но там – много воды.

В Амбардахе – короткий отдых. Чтобы открыть примёрзшую дверь, мне приходится лезть сквозь узкое окошко и стучать в дверь изнутри.

Начиная с мыса Шилейко стали встречаться гнездящиеся в большом количестве по каменистым обрывам красивые птицы (чистики?) с яркими красными лапками и тёмными крыльями. Они плавали по открытой трещине, чем весьма соблазняли собак. Подпускали к себе очень близко; чтобы согнать их, мне приходилось бросать в них палкой, хотя я был буквально в нескольких шагах от них. Птицы обычно в таком случае ныряли и показывались вновь впереди неподалёку от прежнего места. Снова летела в них палка, они снова ныряли и т. д. Наши собаки шли всё время бодрым темпом, и поминутно приходилось умерять их пыл: как бы не затащили в воду.

У красивого яркого мыса речки Малый Чуоралах – остановка. Громадные торосы подходят к мысу, оставляя узкую полосу гладкого льда, увы, покрытого толстым слоем воды. Фотографирую мыс (как оказалось позднее, малоудачно), и пробираемся по торосам в обход воды.

Скоро – снова на более сухом месте и можно продолжать путь дальше, к стану на р. Большой Чуоралах. Дошли до него без особых приключений, но изрядно уставшие.

Стан расположен таким образом, что, чтобы к нему попасть, нужно пересечь речку. А речка быстрая, с ненадёжными снежными берегами. Пока я устраиваю на отдых собак, Камышев укладывает «мост» – пару плавничин – через буйную реченьку. Наконец мы снова в тепле, у топящейся печки, можем согреться, обсушиться, отдохнуть. «Утром», т. е. после сна (может быть, это был вечер, не помню), смело иду по мостику через речку, но вдруг кусок снежного берега, на котором лежал конец бревна, рушится, и я оказываюсь по пояс в воде. Дно ледяное, вода, ударяя с большой силой, сбивает с ног, и я с трудом выкарабкиваюсь на надёжное место. Приходится возвращаться в стан, подкладывать дров, менять брюки (Камышев даёт свои, запасные), сушить кое-какие вещи.

#### *16 апреля. Пятница. Всё о том же (1936)*

После Чуоралаха бодро держали путь на Нерпалах, ожидая скорой встречи с промышленниками, вестей о делах нашей геодезической партии. Но по пути к Нерпалаху нас ждали новые огорчения. Во время нашего движения вдоль берега собаки однажды резко свернули влево и понесли. Все мои попытки удержать нарты ни к чему не привели, и через мгновение они со

всего маху ударились в гряды торосов. Потяг лопнул у самого хомургана, нарты остановились. Собаки всей гурьбой метнулись вправо, затем влево, ища, очевидно, чей-то след. Я погнался за ними, но они не давались. Закралась тревога: как бы не ушли наши собаки! В конце концов мне удалось броском вратаря футбольной команды на мяч овладеть всей связкой собак.

Нарты наши, и до того едва живые, теперь, после удара о торосы, едва дышали. Каждую минуту они могли развалиться. Приходилось сдерживать ход собак, идти не более 4 км в час. Пришлось принять такой порядок: Камышев идёт впереди, а следом за ним, упираясь мордами ему в пятки, идут собаки. Камышев служит тормозом их движения. Вторым тормозом служу я. Я иду рядом с нартами, и всё время тяну их назад. Иначе собаки обгонят Камышева, побегут, и нашим нартам придёт окончательная хана! Это очень утомляет. Четыре собаки идут спокойно, не натягивая алыков, а три – Майтрух, Бахча и Мотор – тянут изо всех сил (усердие не вовремя), и мне всё время приходится тянуть нарты назад.

Приближаясь к реке Хос-Тёрюттях, уже издали слышим рёв изливающейся в море воды. Подойдя ближе, убеждаемся, что речка действительно могучая. Как раз против устья речки, в торосах, ломаются нарты, и мы принуждены их чинить, слушая шум воды подо льдом.

После Хос-Тёрюттяха берег вскоре поворачивает вправо, описывая большую дугу. Резать по хорде – ближе, но на пути мелкие торосы (нам теперь столь опасные) и вода, и мы принуждены удлинить наш путь, идти по дуге вдоль береговой трещины.

Но вот мы и в Нерпалахе. Нашли здесь записку от Витольда. Их партия кончила работу в этом районе 23/V и перешла в Киенг-Урасу. В партии всё благополучно.

Отдохнув и хорошенько подкрепив силы (мы нашли в Нерпалахе оставленное нам продовольствие, своё уж совсем израсходовали), тихим шагом тронулись дальше.

В Киенг-Урасе мы должны найти промышленников, там или приобретём новые нарты, или капитально отремонтируем старые и уж спокойно дойдём до станции.

От стана на Косе Лагуны взяли почти прямо на мыс и шли почти сплошь по воде. Обувь превратилась в лоскутья, вода омывала ноги беспрепятственно. У мыса, выйдя на более сухое место, выжал портянки, ногам стало теплее. Но вскоре – вновь торосы полны воды, а ежеминутно выжимать портянки нет смысла.

Километра за два до Киенг-Урасы мы увидели две фигуры. К нам шли промышленники! Через несколько минут – радостная встреча. Нас



*Остальные начали срочно рыть погреб...*



*...применяя при этом механизацию...*

---

встретили Иванов и Горохов Михаил. Придя в Киенг-Урасу, встретили здесь третьего – старого знакомого Лебедева. Получил кучу писем с разных концов. И из Москвы, и из Волочка, и с Шалаурова, и с ПОСа.

Промышленники рассказали свои новости. Их бригада – 8 человек. Оленей (домашних) в этом году, как и в прошлом, не будет. Бригадиром – снова Иванов. В Киенг-Урасу они пришли за день (или за два) до нас. Здесь заняты устройством погреба (раньше была просто яма), позднее будут рубить дом.

Сговорились с промышленниками о дальнейшем нашем движении. В Киенг-Урасе мы переночуем две ночи и затем тронемся к станции на больших нартах промышленников, бросив свои здесь, на 22 собаках (7 наших и 15 – промышленников).

Встреча с промышленниками произошла 14 июня (мы считали, 15-го).

Жили в палатках, в самой урасе было мрачно, сыро. Наслаждались отдыхом. Этому способствовало сознание, что теперь – мы почти дома.

Всё описать подробно возможности нет. Придётся ограничиться перечислением событий, чтобы этим связать 1936 год с 1937 годом.

### **Прибытие на станцию Котельный. Полная профессиональная непригодность радиотехника Чугреева. Увольнение механика Лукомского за хулиганство и отказ от работы**

В ночь на 19 июня (1936 или 1937) я, Камышев, Иванов, Горохов Михаил прибыли на станцию. Последний участок пути пришлось идти тундрой с котомками за плечами, т. к. вокруг последнего мыса море было открыто.

Последующие дни – сдача оборудования Лукомским Камышеву. Произвели зарядку аккумуляторов и 25-го пробовали вызывать Шалаурово. Ни на этот раз, ни позднее попытки связаться ни к чему не привели. Обнаружилось лишь полное несоответствие Чугреева своему назначению и стремление всяческими путями скрыть своё незнание и нежелание работать. В результате – крайнее обострение отношений между мной и Чугреевым. Лукомского за хулиганство и отказ от работы пришлось приказом уволить, и он вёл растительный образ жизни. Камышев оказался человеком с чрезвычайно тяжёлым, неуживчивым характером. Перессорился буквально со всеми сотрудниками станции.

Так и жили лето без связи, а навигация проходила своим чередом. Из обрывков принимаемых Чугреевым телеграмм было известно, что навигация сильно запаздывает. Когда настал сентябрь, а судно всё не показывалось, приступил к подготовке станции ко второму году зимовки, не ориентируясь на приход какого-либо судна. Утеплили механическую

мастерскую внешней земляной рубашкой, у всех зданий засыпали завалянки, приступили к пилке, колке дров. Заново переложили плиту.

**Прибытие шхуны «Темп» с заданием закрыть зимовку.  
Протест зимовщиков. Телеграмма в центр. Разрешение  
центра продолжить работу станции. Помощь экипажа  
«Темпа». Перемены в составе зимовщиков**

В самый разгар этих работ поздно вечером 26 сентября (1936) прибыла шхуна «Темп». При полном безветрии Куцев услышал звук работающего мотора, когда «Темп» был ещё на расстоянии 10 миль от станции. Немедленно на берегу разложили большой костёр и, когда судно подошло поближе, выехали к нему навстречу на шлюпке. Надеялись, были почти уверены, что на борту «Темпа» прибыло пополнение нашего состава и оборудование.

И как неожиданно и больно было узнать, что «Темп» пришёл с заданием снять зимовку и поставить станцию на консервацию. Решение это было вызвано полным отсутствием каких-либо сведений о станции и возвратом судна, шедшего на Котельный, ввиду тяжёлых ледовых условий. Это решение меня как громом ударило. Неужели после того, что нами сделано, после строительства, двух поездок на Ляховский, потребовавших столько сил, после выполнения тяжёлой части геодезических работ и подготовки станции на зиму, неужели после всех этих трудов из-за каких-то двух негодяев, случайно попавших в состав зимовки, всем с позором возвращаться обратно! Я запротестовал. Меня горячо и искренне поддержал Авгевич. Капитан «Темпа» Жуков был удивлён таким оборотом дел. Он ожидал, что его встретят как спасителя от смерти, а вышло, что «спасаемых» хоть силой тащи на судно. Изложил Жукову положение дел. Он вместе с представителями команды осмотрел станцию и признал, что она, за исключением радиорубки, в полном порядке. Я просил Жукова о содействии в деле установления связи и в ходатайстве об оставлении станции. Провёл экстренное собрание, на котором поставил вопрос о снятии станции. Перед каждым зимовщиком (кроме Лукомского) поставил вопрос: желает ли он остаться продолжать работу или же желает выехать. Пожелали остаться: Авгевич, Дудкин, Селезнёв, Горохов, Камышев (с условием, что не останется на станции Чугреев), и Чугреев (с условием, что не останется на станции Камышев). Радист «Темпа» Бабич изъявил согласие остаться на станции с оборудованием «Темпа» и установить связь. Таким образом, нужды в Чугрееве не было. После собрания немедленно была подана молния:

МОСКВА ГУ СМП КОПУСОВУ КОПИЯ ЕРМАК КРАСТИНУ ТИКСИ  
 СВЕТАКОВУ. 26 СЕНТЯБРЯ ПРИБЫЛ ТЕМП ЗАДАНИЕМ СНЯТЬ  
 ВСЮ ЗИМОВКУ ТЧК ВЫПОЛНИВ ГОДОВУЮ ПРОГРАММУ  
 МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ ЗПТ ОСНОВНУЮ НАИБОЛЕЕ  
 ТРУДОЁМКУЮ ЧАСТЬ ГЕОДЕЗИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ЗПТ ПОДГОТОВИВ  
 ВТОРОМУ ГОДУ ЗИМОВКИ ЗАПАС ТОПЛИВА ОБЕСПЕЧИВ ОХОТОЙ  
 КОРМ СОБАКАМ ЗПТ ИМЕЯ ОСНОВНОЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЕ БЫЛИ  
 ГОТОВЫ БЕЗ КОЛЕБАНИЙ ПРОВЕСТИ ДАЛЬНЕЙШУЮ РАБОТУ ДАЖЕ  
 СЛУЧАЕ ОТСУТСТВИЯ СУДНА ТЧК ЕДИНСТВЕННЫЙ МИНУС ОБРЕКШИЙ  
 НАС НА БОЛЬ ПРИЧИНЁННУЮ РЕШЕНИЕМ СНЯТЬ ЗИМОВКУ ТИРЕ  
 ОТСУТСТВИЕ СВЯЗИ ВЫЗВАННОЕ ПОЛНОЙ НЕПРИГОДНОСТЬЮ  
 РАДИСТА ТЧК БЕГЛЫЙ ПРОСМОТР РАЦИИ РАДИСТОМ ТЕМПА  
 ПОЗВОЛИЛ СРАЗУ ЖЕ ЗАСТАВИТЬ РАБОТАТЬ РЕЙДОВЫЙ  
 ДЛИННОВОЛНОВЫЙ ПЕРЕДАТЧИК ВОЗМОЖНОСТЬ РАБОТЫ РАЦИИ  
 СОВЕРШЕННО РЕАЛЬНА СЛУЧАЕ ЗАМЕНЫ РАДИСТА ТЧК СЕЙЧАС  
 ПОЛЬЗУЯСЬ ПОМОЩЬЮ ТЕМПА НАЛАЖИВАЕМ ПРИЁМНИК НА  
 ОСНОВАНИИ ГОРЯЧЕГО ЖЕЛАНИЯ ВЫРАЖЕННОГО НА ОБЩЕМ  
 СОБРАНИИ 26 СЕНТЯБРЯ ПРОШУ РАЗРЕШИТЬ ОСТАТЬСЯ НА  
 ПОВТОРНУЮ ЗИМОВКУ ГЕОДЕЗИСТУ АВГЕВИЧУ МЕТЕОРОЛОГУ  
 ДУДКИНУ ПЛОТНИКУ СЕЛЕЗНЁВУ МЕХАНИКУ КАМЫШЕВУ КАЮРУ  
 ГОРОХОВУ МНЕ ЗАВЕРЯЮЩИМ РУКОВОДСТВО В ЕЩЁ БОЛЕЕ  
 УПОРНОЙ РАБОТЕ ОДНОВРЕМЕННО ПРОШУ ВЫВЕЗТИ МЕТЕОРОЛОГА  
 КУЩЕВА МЕХАНИКА ЛУКОМСКОГО РАДИСТА ЧУГРЕЕВА ДВУХ  
 ПОСЛЕДНИХ КАК СОРВАВШИХ СВЯЗЬ ТЧК ПОДЛИННО БРАТСКОЕ  
 ОТНОШЕНИЕ НАСТОЯЩИХ СОВЕТСКИХ МОРЯКОВ ПОЛЯРНИКОВ  
 ВСЕЛЯЕТ В НАС ЕЩЁ БОЛЬШУЮ БОДРОСТЬ И ЭНЕРГИЮ ТЧК РАДИСТ  
 ТЕМПА ТОВ БАБИЧ СОГЛАСЕН УЧИТЫВАЯ ПОЛОЖЕНИЕ ЗНАЧЕНИЕ  
 НАВИГАЦИИ БУДУЩЕГО ГОДА ОСТАТЬСЯ ЗИМОВКУ УСЛОВИЕМ  
 ВЫВОЗА САМОЛЁТОМ ВЕСНОЙ 37 ГОДА В ТИКСИ МОМЕНТУ  
 НАЧАЛА РАБОТЫ ТЕМПА ТЧК СТРАХОВОГО ЗАПАСА ТЕМП ВЫДЕЛЯЕТ  
 ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОДУКТЫ ТЕМ САМЫМ ПОЛНОСТЬЮ  
 ОБЕСПЕЧИВАЯ НОРМАЛЬНОЕ ПИТАНИЕ ТЧК ВСЕ ПРЕДПОСЫЛКИ  
 ГОВОРЯТ НОРМАЛЬНУЮ РАБОТУ СТАНЦИИ ЗПТ ПОЗДНИЙ СРОК  
 ИСКЛЮЧАЕТ ВОЗВРАЩЕНИЕ СОСТАВА СВОЕВРЕМЕННО МОСКВУ  
 СЛУЧАЕ СНЯТИЯ ПРЕДСТОИТ БЕЗДЕЯТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ТИКСИ  
 ПОЛОЖЕНИИ ИЖДИВЕНЦЕВ УБЕДИТЕЛЬНО ПРОШУ ПЕРЕСМОТРЕТЬ  
 РЕШЕНИЕ ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ СТАНЦИИ ОПРАВДАТЬ ПОЛОЖЕНИЕ  
 КРАЙНЕГО СЕВЕРО ВОСТОЧНОГО ФОРПОСТА МОРЯ ЛАПТЕВЫХ 65  
 НАЧ СТАНЦИИ КОТЕЛЬНЫЙ СОКОЛОВ

Жуков телеграфировал Копусову своё мнение, также ходатайствовал об оставлении станции. Телеграммы были отправлены 27-го утром. Следующие сутки прошли напряжённо. Несмотря на ночь, проведённую без сна, днём уснуть не мог. Наконец 28-го утром, когда «Темп», бравший в нескольких км от станции плавник, вновь встал на рейд и я выехал к нему на шлюпке, стало известно, что прежнее решение отменено и станция существовать будет. Это известие встретили криками «Ура!». Полученная из Тикси молния гласила:

ТЕМП ЖУКОВУ СОКОЛОВУ СОГЛАСОВАНО МОСКВОЙ БЕГИЧЕВЫМ  
УШАКОВЫМ УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАБИЧЕМ РАДИОСВЯЗИ  
ОСТАВЛЕНИЕ СЕМИ ЧЕЛОВЕК ЗИМОВКУ САНКЦИОНИРУЮ  
УКАЗАННЫХ ВАШЕЙ НЕГОДНЫХ ЗИМОВЩИКОВ ВЫВЕЗТИ  
ТЕМПОМ ТЧК ТЕМПУ СДАТЬ ВСЁ ПРОДОВОЛЬСТВИЕ НУЖНУЮ  
ОДЕЖДУ ГОРЮЧЕЕ ОСТАВЛЯЯ СЕБЕ ПРИХОДА ТИКСИ НЕМЕДЛЕННО  
ВЫЙТИ ТИКСИ 950

СВЕТАКОВ

Немедленно приступили к получению с «Темпа» продовольствия, одежды. Жуков горячо пошёл нам навстречу, ни в чём не отказывал. Вечером – объединённое собрание-митинг зимовщиков и команды «Темпа», прошедшее с большим подъёмом. Наутро 29 сентября расстались с «Темпом» и его замечательными людьми, включили в свой состав радиста Бабича и повара Дьякова и освободились от Лукомского, Чугреева и мало им уступавших Шияфитдинова и Кущева.

## **Начало работы радиостанции.**

### **Промеры глубин лагуны Станции и бухты «Темпа»**

1 октября (1936) – начало работы рации. Связь с Шалауровым, «Ленсоветом», Тикси и Челюскиным. Передано 860 слов. Рапортовали об установлении связи.

Усиленно продолжали работать по подготовке станции к зиме (перекладка и ремонт печей, подвозка дров). Выезды на охоту в октябре Горохова и Дудкина дали 9 оленей, медведей убили на самой станции. С одним из них я столкнулся на расстоянии 30 шагов.

В конце октября – начале ноября я с Авгевичем произвёл промеры лагуны Станции и бухты «Темпа». Первая оказалась с глубинами до 1,5 м, вторая – до 9 м, удобной для захода судов. С ноября начали песцовый промысел. Ноябрь и декабрь прошли в работе по подвозке и обработке плавника, заготовке льда. Начали работу кружки: политический, физической географии, геодезии, самообразования. Регулярно

выходила стенгазета. 1936 год пришлось закончить выговором в приказе Камышеву за неисполнение приказаний.

**Медвежонка оставили на воспитание,  
чтобы подарить Московскому дому пионеров**

НАСТУПИЛ 1937 ГОД!

6 января. Горохов выехал на о-в Б. Ляховский с разрешением посетить также Муксуновку. Поручено доставить с Ляховского гвозди, обувь и прочее необходимое для работы. На станции Горохова заменил Лебедев. Вернулся Горохов лишь 1 апреля, доставив с Кигиляха остро необходимые аккумуляторы, а из ПОСа – гвозди.

12 февраля Авгевич с Лебедевым и Дьяковым начали полевые геодезические работы.

22 марта Дудкин с Селезнёвым убили медведицу и взяли живым медвежонка. Они только что покинули берлогу, вырытую вблизи станции. Медвежонка оставили воспитывать, намеревались подарить его Московскому дому пионеров.

Лебедев в начале апреля зачислен временным рабочим станции и прикреплен к геодезической партии. В апреле же Бабиш наладил коротковолновый передатчик «Вьючка». Использовали его в случаях помех на длинных волнах.

К середине мая Авгевич закончил восстановление старых, прошлого года, знаков и строительство новых, продвинутых до Земли Бунге. Я смог выехать вместе с ним на восток, оставив заместителем Бабиша.

*На этом краткое описание событий, восполняющих пробел в дневнике, заканчивается, следуют записи день в день.*

**Геодезическая экспедиция на северо-восток. Должны дойти  
до конца тригонометрической сети, т. е. до Земли Бунге**

14 мая. Пятница. Губа Эбелях. Палатка

Примерно около 2 часов дня выехали сегодня со станции, держа путь на северо-восток. Участники поездки Соколов, Авгевич, Горохов, Лебедев при двух нартах: в маленькую впряжено 6 собак, в большую – 10. День пасмурный и тёплый: в 13 час. –4,4°. Большую часть пути удалось проделать, сидя на нартах. Временами путь тяжёл: рыхлый, иногда солёный снег. Видели две группы оленей: одну – в 4 шт. – у плато на участке между лагунами станции и р. Решетникова, вторую – 5 оленей – у губы Эбелях. В мясе не нуждаемся, и помыслов об охоте нет.

*Геоморфологические заметки*

Промежуток между лагунами Станции и р. Решетникова сложен четвертичными отложениями – всюду встречаются байджерахи. Тундра имеет волнистый характер. Ширину полосы этих отложений определить не удалось, предположительно около 4 км. Между р. Решетникова и лагуной Эбелях – ископаемый лёд, но полосой ещё более узкой, т. к. здесь плато подходит к берегу ближе. Ископаемый лёд доходит до SW конца лагуны Эбелях. Идя этой лагуной, заметил по склону плато отчётливо выделяющиеся параллельные 3–4 полосы, заснеженные больше, чем другие части склона. Очевидно – это выходы сравнительно легко разрушающихся пород, давшие прямолинейные углубления, в которых и скопился снег. После р. Решетникова с плато выходит лишь одна речка Эбелях, впадающая в северную часть лагуны Эбелях. Здесь кромка плато круто поворачивает на юг.

*15 мая. Суббота. Эбелях*

Погода продолжает быть тёплой. Вчера в пути лёд с нарт сошёл совершенно. То же было бы и сегодня, если б мы вышли в путь утром. Поэтому пришлось отложить выход на вечер. Днём же Горохов занялся подысканием листовенничного обрубка, годного для замены берёзовых подполозков. Один обрубок он нашёл ещё вчера у основания косы, другой же найти было очень трудно, пришлось затратить несколько часов, причём вырубать нужное дерево из толстого бревна.

Я занят ремонтом торбасов, порвавшихся за вчерашний переход. Витольд Иванович занят хозяйственными делами и вычерчиванием полевого журнала.

*16 мая. Воскресенье. Вечер. Голубая лагуна (Кыллах)*

Прошли за предыдущую ночь около 33 км. Пили чай в урочище Сат-тыган-Сылбах («гнилые дрова»). Я с Авгевичем весь путь за исключением километров трех-четырех проделал пешком. В пути видели две группы оленей близко (одна 6 шт., другая шт. 4) и у основания плато, в стороне от нашего пути видны были весьма подозрительные тёмные точки, возможно, олени. Охоту не предпринимали – мяса пока имеем достаточно.

Только что вернулся с маленькой экскурсии на ближайшую часть плато. Вся его поверхность и склоны засыпаны продуктами выветривания. В одном месте взял образец породы (выход гребнем нескольких

кусков известковистого сланца). С плато в направлении NE 70 градусов довольно отчётливо видел полоску земли. Виден чёрный, местами заснеженный берег. Полагаю, это остров Железнякова.

Вчера в пути всё время искали плавник, годный для полозьев. Нашли с трудом, притом качества весьма низкого. Никушка недоволен. Требуется, чтобы дерево было очень плотным. Притом – тёмные годовые кольца. Такое дерево Никушка называет «киль». На полозья берёт только лиственницу. Сегодня Никушка заменил у маленьких нарт берёзовые полозья лиственничными. Большие по-прежнему подмораживает.

Прошлая ночь была холодной, градусов до –10, такой же обещает быть и наступающая. С вечера уже – 8°. Вообще же весна нынче более ранняя, чем прошлогодняя, которую, в свою очередь, мы считали довольно ранней (по сравнению с весной 1933 года). Лебедев добыл пару куропаток. Сейчас варится оленьё мясо. Подзакусим покрепче – и в путь. Теперь мы должны дойти до конца тригонометрической сети, т. е. до Земли Бунге.

#### *18 мая. Вторник. Начало суток. Кыллах*

Вчера прошли напрямую около 30 км и достигли мест, отличающихся уплощённым рельефом, слабой его выраженностью. В пути видели три группы оленей, в 15, 9 и 6 штук. Убил одну куропатку. Сейчас обсуждаем вопрос о дальнейшем пути. Знаки тянутся на юг ещё на 18 км. Надо достигнуть последних знаков и оттуда продвинуться ещё сколько возможно на юг.

Того же дня. Знак 84.

Оставив Горохова, отправились втроём к последним знакам сети. Взяли продуктов и корма на четыре дня. Дорогой у 79-го знака на нас выбежало 4 оленя. Почуввав опасность, быстро скрылись. Пройдя 18 км, мы остановились у самого южного знака сети № 84, где и разбили палатку.

После чая Авгевич приступил к съёмке, я же совершил разведывательную экскурсию на 8–10 км к SE от лагеря.

Вся пройденная нами от Кыллаха до знака № 84 местность отличается весьма плоским рельефом. Обычно совершенно незаметны для глаза переходы с суши на лёд и обратно. Чтобы установить хоть приблизительно границу суши, нужно в снегу делать прикопки. Здесь всюду следы недавнего пребывания воды. Плавник не лежит какой-либо ясно выраженной линией, а разбросан по тундре. Встретил бревно в

обхват и соответствующей длины. Лежало оно посреди тундры (осушки с растительностью) на довольно высоком месте.

Район к северу от 84-го знака, очевидно, довольно мелкая лагуна с мелкими же берегами. Чтобы определить истинные очертания её берегов, приходится затрачивать много внимания и терпения. Во время экскурсии наблюдал кольцеобразные образования в местах осушек, свободных от растительности. Кольца овальной формы образованы валиками вспучившейся земли. Внутри – понижение.

В пути: шерсть оленя, зарезанного волком, нора лемминга, раскопанная песцом, навоз оленей. Редкий, преимущественно мелкий плавник.

#### *19 мая. Среда. Знак № 84*

Авгевич продолжал оконтуривание осушки, тянущейся от знака № 84 к северу. По его первоначальным предположениям – это уже Земля Бунге. Был несколько разочарован, когда её западный берег стал быстро поворачивать вправо, получая направление на юг. У этой осушки, имеющей на юге причленение к Котельному, большей частью совершенно низкие берега, граница их поэтому весьма трудно определима. Первую часть дня провёл в ознакомлении с этой осушкой, особого интереса, правда, не представляющей. Во вторую часть дня – экскурсия на 4–5 км по долине реки к югу от знака № 84. Долина у устья имеет ширину около одного километра. Дно совершенно плоское, илистое, гальки нет. Долина сухая, очевидно, имеет поток только весной. В долину с обеих сторон впадают редкие распадки с мягкими пологими склонами. Дно долины почти лишено снега, имеющийся же снег чрезвычайно загрязнён илом, что резко выделяет долину из всех окрестностей. От знака № 84 долина идёт к югу, затем в 4–5 км от знака берёт несколько вправо (к западу). Здесь она значительно уже, метров 300–400.

Погода холодная. Видимость скверная. Обувь не успевает просыхать, печи у нас нет, примус же даёт слишком мало тепла. Когда я вернулся со второй экскурсии, то застал Авгевича и Лебедева в палатке. Они приехали лишь для того, чтобы попить чаю и вновь продолжить съёмку.

#### *20 мая. Четверг. Лагерь в 7 км к ESE от знака № 84*

После обсуждения вопроса о дальнейшей работе решили перенести лагерь километров на 7 к ESE, в места, посещённые мною 18 мая. Быстро собрали лагерь и тронулись в путь. Видимость скверная, сне-

гопад, по компасу часто проверяли направление. Поставили палатку у самого берега на ровной песчаной площадке. Плавнику не оказалось, привязали палатку к двум кочкам, подрубленным топором. Закусили строганиной – сырым мороженым мясом, попили чаю и приступили каждый к своему делу. Авгевич и Лебедев – к съёмке, я же решил посетить холмы, отстоящие от палатки, казалось, километров на 7, весьма меня интересовавшие. В короткий момент хорошей видимости взял азимут 165 градусов. К началу экскурсии видимость вновь испортилась, шёл снег. Взял фотоаппарат и штатив. Желая хотя бы глазомерно положить холмы на карту, вёл счёт шагов. По мере удаления от берега тундра постепенно повышается. Подъём весьма плавный. Бросается в глаза полное отсутствие хотя бы незначительных долинок, распадков. Нет никакого внешнего проявления работы текучей воды. Очевидно, объясняется это тем, что этот район сложен жёлтым песком, легко пропускающим воду. Растительность весьма скудная, из-под снега торчат лишь колоски мятлика (?). Мак здесь не растёт. Не видно также мхов и лишайников. Удалось заметить три-четыре «блюдца», до 1 км. Выражены они слабо, установить глазом приподнятость краёв в сравнении с центром – трудно. Много оголённых мест, без растительности и снега. Кустики травы чем дальше в тундру, тем встречаются реже. Весь снег жёлт от песка. Многие холмики кажутся песчаными, но стоит лишь ткнуть в них ножом, и убеждаешься, что они – снежные и лишь снаружи прикрыты слоем песка. При таянии поверхностный слой песка таких куч утолщается за счёт песка, содержащегося в нижележащих тающих слоях. Надо полагать, что в солнечную погоду таяние снега на Земле Бунге должно происходить весьма энергично. Сильный снегопад давал возможность знакомиться лишь с узкой полоской моего пути. Часто видимость была менее 1 км. Пройдя 12 тыс. шагов, т. е. около 10 км, и не видя признаков холмов и улучшений в погоде – повернул обратно. К этому времени разыгралась настоящая пурга. Первые два-три км шёл по следу, находимому с трудом, но затем пришлось идти, ориентируясь вновь по компасу. Между тем пурга настолько усилилась, что кругозор ограничивался несколькими десятками метров. Определив положение солнца и направление ветра по отношению к моему пути, стал пользоваться компасом редко. Несколько раз ловил себя: взял то слишком влево, то слишком вправо. Был готов к мысли, что придётся поблуждать, прежде чем найду палатку. Когда казалось, что палатка должна быть недалеко, я вдруг увидел впереди знак из плавника. Как

он сюда попал? Или если я уже вышел на море, то когда же успели этот знак построить? Пока промелькнули эти мысли, я подошёл к знаку и убедился, что это всего-навсего торчащие на 30–40 см из-под снега... оленьи рога, которые я мог увидеть лишь с десятка метров и принял за далеко отстоящий знак. Рогам я обрадовался: проходил здесь, когда шёл к холмам, у рогов был ясно виден мой след. Посмотрев в записную книжку, я убедился, что до палатки остаётся 3 тыс. шагов. Теперь я пошёл смелее, и когда уже вновь стал сомневаться в правильности принятого направления, прямо передо мной в трёх-стах шагах открылась палатка. Мои товарищи не возвращались – или пережидают пургу, или ищут палатку. Они благополучно вернулись через полчаса после меня.

Это было в ночь с 20 на 21 мая.

#### *22 мая. Суббота. Палатка. Там же*

Работаем сейчас ночами, спим – днями. Часов не имеем, ориентируемся во времени с помощью солнца. То, что записываю сейчас, было ночью с 21-го на 22-е. Авгевич закончил съёмку осушки. Она оказалась, в конце концов, самостоятельным островом, вернее – двумя островами. Довёл береговую линию до палатки, но после чая отправился продолжать её дальше на восток. Я провёл глазомерную съёмку участка берега, лежащего на восток от палатки. Он первоначально имеет несколько юго-восточное направление и переходит в северо-восточное постепенно. Этот берег – уже берег Земли Бунге. По карте гидрографии он идет меридианально. Это действительности не соответствует. После съёмки, попив чаю, восстанавливал записи в дневнике за последние дни. Сейчас, одновременно с записями в дневник, занимаюсь варкой мяса для всей нашей компании. Последние дни мы потребляли мясо исключительно в виде строганины. Но у меня довольно значительный кашель, и от строганины пришлось отказаться. Остальным тоже захотелось варёное мясо с бульоном – ну и варю! Авгевич и Лебедев скоро должны вернуться.

Утром – замечательная видимость. Авгевич нашёл на берегу (незаливаемом) полуокатанный кусок кварца желтоватого цвета величиной в два кулака.



*Вид на бугры на Земле Бунге. Азимут от палатки 165 градусов*

*23 мая. Воскресенье. Лагерь Кыллах*

Утром вышли от стоянки на Земле Бунге на знак 84. Рыхлый снег затруднял путь. День пасмурный, но тёплый. Пройдя километра полтора за 84-й знак, Авгевич начал съёмку с намерением довести её до знака 82, чтобы завтра сюда уже не возвращаться. Здесь всюду весьма отмелые берега, повышенная часть – метров до 8 – отстоит от уреза воды часто более километра. Во второй половине дня – похолодание, ветер, восточный, усилился. Я потихоньку пошёл к знаку 82 и затем по направлению к Горохову, куда мы и держали сегодня путь, рассчитывая, что товарищи, закончив съёмку, меня догонят. Но пришёл я к Горохову первым, Авгевич с Лебедевым явились спустя часа два. Оказывается, утомившись, решили выпить чаю, который в пути и организовали. Вернулись в сильную пургу. Отметили окончание планшета № 13 и возвращение с Земли Бунге, кусочком попавшей на планшет, маленькой выпивкой, поднявшей, правда, и без того не унылое настроение.

Горохов за время нашего отсутствия дважды ходил на охоту, но оленей не встречал. Занимался хозяйственными работами. Корму для собак здесь на 7 дней (при его варке), что вполне обеспечивает собак до прихода на следующую базу – Голубую лагуну (Кыллах).

На Земле Бунге, в крайнем достигнутом нами пункте, маленький значок с бутылкой, в которую упрятали записку на русском и якутском языках о нашем здесь пребывании и работе.

*24 мая. Понедельник. Лагерь Кыллах*

По схематичной карте Воллосовича где-то поблизости от нашего теперешнего местонахождения должен быть нижний силур. Нижнесилуритскими отложениями отмечен мысок, которого не удаётся обнаружить – попросту он не существует. Полагая, что за мысок мог быть принят возвышенный участок берега около второго базисного знака (в 3 км отсюда), я совершил туда экскурсию с лопатой, намереваясь сделать очистку. К сожалению, ничего, кроме байджерахов, не обнаружил. Авгевич с Лебедевым продолжают съёмку. Начали от знака 82 и сейчас, когда пишу эти строчки, прошли уже наш лагерь с тем, чтобы, сняв ещё километра два, закончить планшет.

Ужин – оленьё мясо с бульоном и чай – уже готов. Ждём их возвращения, чтобы подкрепиться.

Снял копию с планшета № 13. Бумага плохо просвечивает, снимать трудно.

Горохов приготовил полозья для переделки больших нарт, замены берёзовых полозьев лиственничными. Один полоз требованиям Горохова не удовлетворяет и будет подбит сталью. Днём было тепло, снег таял довольно сильно, вечером же – похолодание. Горохов вновь мочит полозья – завтра снимаемся, переносим лагерь километров на десять к северу.

#### *26 мая. Среда. Р. Лагерная*

Вчера, встав около 12 часов дня, занялись приготовлениями к очередной «рабочей ночи».

Днём – интенсивное таяние, но температура воздуха на солнце не поднимается выше 0°. К вечеру подморозило, и Горохов вновь принялся «мазать» нарты. Авгевич и Лебедев отправились на съёмку на 6 собаках, 10 остались для переброски лагеря. Погрузил с Гороховым все пожитки. Нарта получилась громоздкая. Отправился пешком вдоль берега. Вся береговая полоса от лагеря Кумах до р. Лагерной сложена ископаемым льдом. Всюду видны многочисленные байджерахи. Многие сложены землястыми массами, во всю толщину пронизанными корешками растений. Иногда торф и крупный жёлтый песок служат составными элементами байджерахов.

В 9 часов вечера, когда я начал экскурсию, таяние наблюдалось только на крутых, обращённых к солнцу склонах (северо-западных). В прочих же местах снег и почва уже вновь подмёрзли. Некоторые участки тундры были даже сухими. Снеговой покров занимает, по крайней мере, ещё девять десятых площади тундры, поэтому время для геоморфологических наблюдений мало удобное. В одном из байджерахов увидел торчащую наружу кость – рог оленя. Вмёрз глубоко, вынуть не удалось. Кое-где виден обнажённый ископаемый лёд. Очевидно, четвертичные отложения занимают здесь полосу берега вплоть до самого плато.

Придя на р. Лагерную, нашли палатку уже разбитой. Пылал костёр – варился корм для собак, чай для нас. Палатка расположена на небольшой галечниковой косе, на прекрасном сухом месте. Тундра для разбивки палатки неудобна, быстро образуется грязь, мы рады, что выбрались наконец вновь на гальку.

Речка Лагерная (назвали сами) течёт с плато, откуда и принесён материал, слагающий гальку. Здесь известняк, песчаник, есть диабаз. Нашёл кусок кварца такого же вида, как и тот, что был найден Авгевичем на Земле Бунге.

К ночи погода испортилась, налетел туман, поднялся сильный позёмок, переходящий моментами в низовую метель. Авгевичу в Куранах-губе из-за плохой видимости съёмку пришлось прекратить, не доведя до палатки километра три. Лебедевым добыта одна куропатка.

Поужинав, легли спать.

За время сна погода вновь улучшилась. Позёмка нет, хорошая видимость при довольно низкой температуре. В 16 час. 30 мин. Авгевич с Лебедевым отправились снимать Куранах-губу. Часа через два-три будут уже у палатки, где в зависимости от состояния погоды и, значит, скорости дальнейшей съёмки решат, переносить лагерь сегодня дальше на север, к месту, где плато близко подходит к берегу, или оставить его здесь до завтра. Я готовлюсь отправиться на плато, которое отстоит от палатки километров на семь, и думаю, пройдя по его краю, выйти на место будущего лагеря.

#### *27 мая. Четверг. Лагерь в устье р. Поворотной*

Вчера путь от палатки к плато лежал местностью, сильно изрезанной распадками, с многочисленными байджерахами. Оголённых от снега мест ещё сравнительно мало.

Вскоре после выхода из лагеря повалил сильный снег. Всё же путь продолжал, ориентируясь по компасу. В двух-трёх километрах от плато местность меняет свой характер. Здесь несколько пониженная предгорная равнина без холмов и байджерахов. Встретил оленей 10 штук, выпустил два патрона, олени благополучно ушли. Описав полукруг, пошли к северу. Вскоре увидел ещё три партии, в 7, 5 и 3 оленя. Охоту не предпринимал.

Плато сплошь покрыто остроугольным обломочным материалом. Приходилось шагать осторожно, боясь порвать мягкую обувь (пока ещё ходим в зимней). Обнажения пород можно встретить лишь у самой бровки плато, приходится держаться её, но это нелегко, т. к. или приходится пересекать многочисленные распадки с крутыми склонами, что очень утомляет, или обходить их внутренней частью плато.

Путь держал к тригонометрическому знаку «Последняя гора», расположенному на поворотном пункте плато, где оно даёт выпуклый угол. До знака не дошёл – увидел оленей, решил не пугать их, сказать Горохову, чтобы он предпринял охоту. Направился к устью речки, где видел нарту Горохова, только что прибывшего туда. В пути с Гороховым встретился – он, увидев оленей, оставил собак и, не разбивая палатки, снарядился на охоту. Олени паслись на от-

крытом месте, и Горохов ходил в отдалении, облизываясь. Я пошёл к нартам, оставив Горохова пытаться счастье. Он вернулся вскоре. Стрелял, но ни одного оленя не убил. Речку, в устье которой мы расположились, назвали Поворотной. В этом месте и плато, и берег дают крутые повороты.

Дров в устье речки очень мало. Возможно, что есть количество более значительное, но всё покрыто снегом.

Сейчас 11-й час вечера. Встаём к концу дня, чтобы работать ночью. Недавно к палатке подошли три оленя. Собаки подняли лай, рванулись к ним и чуть было не завалили палатку, одной из верёвок которой была привязана нарта. За оленями ушли три собаки: Калтус, тиксинский Огонер и Бахча. Приходится ждать их возвращения, не выезжая на съёмку. Лебедев несколько раз по оленям стрелял, но они были уже слишком далеко.

Сейчас отправляюсь на ближайшую часть плато. Тут видно два обнажения. Опишу их, попытаюсь сделать несколько снимков. Лебедев за вчерашний день добыл три куропатки.

### **День моего рождения, 29 лет, «речи» на русском и якутском языках**

*28 мая. Пятница. Палатка на косе Большой лагуны*

В два часа ночи, когда я вышел на экскурсию, была отличная тихая погода при хорошей видимости, и я смог спокойно и не торопясь описать обнажения. В дальнейшем же дело пошло к худшему – посыпал снежок, подул ветерок, причём всё сильнее, и сильнее и скоро настал момент, когда Авгевичу пришлось оборвать съёмку. Я работу тоже прекратил – ведь плато поворачивает круто влево, далеко отходя от берега. Берег же сложен ископаемым льдом, о чём говорят многочисленные байджерахи.

За время экскурсии и съёмочных работ Авгевича Горохов перенёс лагерь на новое место, на косу Большой лагуны, где плавник имеется в достаточном количестве. Лагерь наш приблизился к северному мысу ещё на 6–7 км.

К нашему приходу палатка была уже поставлена, и один из двух чайников вскипел. Сегодня – день моего рождения, исполнилось 29 лет, отметили лёгкой выпивкой и «речами» на русском и якутском языках. Это празднование, прошедшее в дружной и своеобразной обстановке – в палатке, когда снаружи бушевала весенняя пурга, – будет мне памятно.

Сейчас – вечер. Встали после довольно продолжительного сна. По-прежнему бушует непогода, работы предпринять нельзя. Переключаемся на выполнение различных «мелких дел».

Лебедев за время последней работы добыл попутно двух куропа-ток. Мы же видели семь оленей, прошедших неподалёку от нашего пути.

*30 мая. Воскресенье. Северный конец косы Большой лагуны*

Дела наши идут как-то нескладно. Вчера, встав рано утром, пережидали пургу. Наконец установилась хорошая для съёмки погода. Авгевич с Лебедевым не замедлили выйти на работу, чтобы продолжить съёмку с прерванного непогодой 28 мая пункта. Горохов, взяв винтовку, пошёл побродить по окрестностям – не встретит ли оленей, вчера собакам отдали последний корм, и была нужда в одном олене. Я пошёл по косе, начинающейся недалеко от палатки и уходящей в море. Из плавника ставил значки, чтобы Авгевич смог получить косу засечками. Одно время я видел Авгевича у планшета, затем он куда-то исчез и планшет возвышался одиноко. Взглянув вскоре снова в бинокль, я увидел целое стадо оленей, быстро пробежавших около планшета. Авгевича и Лебеде-ва по-прежнему видно не было. Предположил, что они занялись охотой на оленей. Пришёл к палатке одновременно с Гороховым. Оказывается, он убил целых 4 оленя, притом двумя выстрелами.... На мой невольный вопрос: «Что же с ними будем теперь делать?» – Горохов успокаивающе ответил, что два оленя маленькие и после пары хороших кормёжек мяса останется немного. Сказал Горохову, что у мензулы никого нет. По его предположениям, у Авгевича ушла за оленями упряжка, и теперь они её ищут. Охотиться на оленей они не могли, кроме дробовика у них ничего не было.

Горохов снарядился за мясом и через час его доставил. Я занялся варкой мяса и приготовлением шашлыка из только что добытой дичи. Через некоторое время увидел Авгевича, работавшего в одиночку и за мензулиста, и за реечника. Пошёл навстречу и узнал, что действительно во время определения точки стояния собаки, услышав выстрелы Горохова, рванули и вместе с нартами ушли.

Авгевич бросился вдогонку, бежал километра три, но потом, вспомнив об оставленной мензуле и кипрегеле, вернулся. Лебедев же отправился по следам упряжки. Авгевич продолжал съёмку один и довёл её до палатки. Высказывал опасения за полевую сумку, она осталась на нартах открытой, а в ней – документы съёмки. Но всё обошлось бла-

гополучно. Лебедев вернулся с упряжкой и всей поклажей, исключая брезентовый чехол планшета.

Поужинав, Авгевич снял ближайшую часть косы. Легли спать, когда вновь гуляла пурга. Сегодня встали в час-два. Ветер стих и сменился... сильным туманом! Всё же решили с места сниматься и перебраться на северный конец косы, т. е. переехать на 6 км. Авгевич в конце концов дождался прояснения и приступил к съёмке. Однако «недолго длилось счастье» – только он перешёл на вторую точку, как вновь навалил туман, заставивший работу прекратить. Горохов с трудом добрался до назначенного места – стоящая сегодня тёплая погода не способствует движению на подмороженных нартах. Я прошёл пешком вдоль всей косы. Плавник разбросан по ней в умеренном количестве. Следы деятельности человека – на каждом шагу: дощечка-поплавок от сетей, поленья дров, чурки от карбасов, просто пиленые брёвна или брусья, обгоревшие куски дерева.

До Голубой лагуны (Кыллах) осталось 4 км, но их нужно снять. В ожидании хорошей погоды разбили палатку и, не видя пока улучшений, часа в 4 дня улеглись спать.

На нескольких местах косы – бугры гальки от вылезавшего на косу льда.

29 мая видели первую чайку – прилетела к только что добытым оленям.

### *31 мая. Понедельник. Лагерь на сев. конце косы Большой лагуны*

Раннее утро. Улучшений в погоде нет. К сильному туману присовокупился изрядной силы ветер – вот все «перемены».

Лебедев на маленьких нартах отвезёт в Кыллах часть груза и доставит оттуда хлеб и листовенничный полоз для замены берёзового (второй полоз есть у нас здесь).

...

Туманное утро занято выпечкой оладий. Организовал это дело Авгевич. Внезапно туман рассеялся, установилась прекрасная погода. Немедленно переключились на съёмку. Лебедев ещё в туман на маленьких нартах отвёз в Кыллах часть груза и доставил оттуда хлеб и сахар, надобность в которых отпала ввиду хорошей погоды и общего переезда в Кыллах. Тёплый солнечный день. Термометр показывал до +8° с лишним (на солнце). Быстрое таяние снега, на льду появилась снежница. К вечеру – пасмурно, моментами туман. Экскурсия на плато. Авгевич снял 14 км береговой линии.

*1 июня. Вторник. Голубая лагуна (Кыллах)*

Раннее утро. Сильный туман. Собираемся в путь, чтобы перебросить лагерь на несколько километров далее на север. Вчера Горохов поставил лиственничные полозья и закопал в маленькой яме-складе в тундре против арангаса олень и медвежье мясо, которое увезти мы не в состоянии.

...

В 2,5–3 км к N от Голубой лагуны расположено устье речки, которую мы называли Ущелистой. Она даёт врезанную в прибрежную равнину долину с крутыми склонами. В плато склоны её также весьма круты и приближают долину к ущелью.

*2 июня. Среда. Сатыган-Сылбах*

Ночевали. Собираемся в дальнейший путь.

*3 июня. Четверг. Устье р. Санникова*

Первого был тёплый, настоящий весенний день. На север тянулись утки. Во время работы на плато дважды встретил оленей: одного и девять. Авгевич увидел на льду лежащую на спине небольшую нерпу и принял её за мёртвую. Однако, когда приблизился к ней, оказалась живой. Метнулась к трещине, но отверстия не нашла, и Горохов её застрелил. Летели к северу турканы.

Вчера, 2 июня, – холодная, хотя и солнечная погода. Снег крепкий, сухой, но обнажённая тундра «раскисла». Довольно сильный северо-западный ветер. Шёл глубинными частями плато, покрытыми моховой растительностью. Снеговой покров на поверхности плато ещё сохранился. Встретил по склонам лишь два обнажения. Авгевич видел шесть оленей, уток. Лебедев убил молодую нерпу, уползшую от лунки в тундру и проделавшую по ней около 5 км.

Сейчас – полдень. Готовимся к дальнейшему пути. Предстоит съёмка северного мыса (м. Анисьи). Я же осмотрю ближайшие части плато. Диабаза обнаружить пока нигде не удалось. День сегодня тоже холодный, ветреный, но солнечный.

...

По склону плато к ЮВ от знака «Гребёночный» среди обломков серого песчаника найдено два куса диабаза. В 400 м от знака «Гребёночный» в сравнительно большом количестве рассеяны большие глыбы и мелкие обломки диабаза.

...

Странные образования – валики у начала ложбин. Наблюдение по краю плато севернее устья р. Решетникова.

*4 июня. Пятница*

Сегодня во время экскурсии спугнул трёх оленей, мирно дремавших в устье реки Эбелях. Несмотря на то что ветер был от меня на них, олени меня быстро обогнули и ушли к лагуне, где, наткнувшись на Лебедева, вновь повернули влево и ушли на плато.

Весна замедлила своё шествие. Вчера было настолько холодно, что Авгевич весь день проработал в камусах. Сегодня теплее, но всё-таки без полушубка не обойдёшься. Пишу эти строки, сидя в палатке на косе р. Решетникова.

**Возвращение геодезической экспедиции на станцию Котельного. Сообщение об открытии станции «Северный полюс»! Решение зимовщиков построить дом для новой смены в рамках стахановского обязательства**

*7 июня. Понедельник. Станция*

5-го – переход устье р. Решетникова – станция. 4-го вечером отметили успешное окончание съёмки северо-восточного берега «порцией». Внёс предложение: в связи с задержкой весны после кратковременного отдыха на станции отправиться на юг в Нерпалах для съёмки наиболее удалённых планшетов. Оказалось, что эта же мысль возникла в тот же день и у Авгевича, Горохов же вынашивал её уже несколько дней. Ну, конечно, предложение было одобрено. Ночуем на станции ещё раз и завтра выходим в направлении на Нерпалах.

В день прибытия на станцию узнали новости. Наиболее интересная, прямо-таки сенсационная – организация станции «Северный полюс»! От такой новости даже дух захватило. Встретили мы её восторженно.

Новости по нашей станции, конечно, масштаба другого, но, будучи «нашими», принимаются, тем не менее, близко к сердцу.

Камышев изувечил в порыве ярости медвежонка, и как раз после того, как была получена телеграмма от пионеров Московского дома пионеров и октябрят, что они с восторгом встретят наш подарок – медвежонка. Бабич выпил часть спирта и вёл себя недостаточно авторитетно. Но «наши» дела не только плохи. Орловский, начальник Гидрографического управления СМП, прислал пожелание успеха

в геодезических работах и «сердечное приветствие» по поводу выполнения 250 километров триангуляции.

Мы, конечно, поблагодарили и сообщили, что сняли СВ берег на 10 дней ранее намеченного срока и выходим на съёмку района Нерпалаха, предположенного к съёмке летом, шлюпкой.

Селезнёв и Дудкин изложили мне свое намерение – построить новую баню, взяв стахановское обязательство. Но тут же, после того как я согласился с таким обязательством, заявили, что думали было строить дом (!), да не знают, как будет встречено такое предложение. Ну, я сразу же ухватился за такую мысль и предложил им – уж если строить, так строить – взяться за стройку нового дома, тем более что новая смена будет состоять из 12 человек, новое же строительство не предположено.

И вот сегодня на общем собрании принято коллективное обязательство о постройке вчерне нового дома для новой смены. Пристроим его к дому метстанции с западной стороны. Потолок, пол и крышу сделает новая смена. Ей также придётся поставить печь, остеклить окна, проконопатить стены. Основные исполнители – плотники Селезнёв и Дудкин. Все остальные – подсобная сила: сплав, подноска и пр. Сообщили об обязательстве нач Пол. управления Михайлову, начальнику новой смены Анисимову и Бергавинову.

### **Геодезическая экспедиция в район Нерпалаха. 10 июня, вновь наст, снег сухой, лёгкий позёмок**

*10 июня. Четверг. Нерпалах. Постройки Русск. пол. экспедиции*

8-го вышли со станции. Я с Авгевичем направился к Бысах-Карге тундрой, Горохов с Лебедевым на двух упряжках (17 собак) – морем. Было холодно. Авгевич пошёл даже в камусах (как и Горохов с Лебедевым), но некоторые речки вздулись, да и тундра раскисла. Пришлось много кружить, обходя речонки. В пути до Бысах-Карги в разных местах встретили восемь оленей – самок с телятами. На одного телёнка наткнулись вплотную, подошли к нему на расстояние в несколько шагов. Он лежал, потом встал, такой короткий, но очень высокий, на тонких ножках. Мать его носилась вокруг нас метрах в 100–200. Мы поспешили в сторону от телёнка, но он, дурной, с жалобным блеянием побежал за нами. Мы ускорили шаги, и телёнок догадался повернуть обратно.

Подошли к стану Бысах-Карга одновременно с упряжками. Попив чаю, отправились на Усук-Стан. Лёд сравнительно ровный, но покрыт

толстым слоем снега. Наст выдерживал нашу тяжесть. В некоторых местах – замёрзшая снежница глубиной чуть ли не до колена. В одном из таких мест нарта провалилась и пришлось звать на помощь. Ехал на ней я и, вытаскивая её, промочил ноги по колено, что заставило шагать споро.

В самом Усук-Стане не ночевали – неуютно, сыро, – расположились в палатке. Во время перехода с Бысах-Карги Лебедев застрелил одну маленькую нерпу, кило на 15.

Вчера – скверная погода, мокрый снег. Опять с Авгевичем ушли вперёд. Пересекая оз. Дурное, Авгевич одной ногой провалился в трещину, зачерпнул за голенища сапог. Чай пили в Киенг-Урасе, но не в урасе, а в доме, прекрасном доме, построенном в прошлом году Ивановым. Пришли в Нерпалах сегодня ранним утром при хорошей видимости и холодном ветре с позёмком (!). И это 10 июня! Весна нынче оригинальная. Сначала взяла весьма быстрые темпы, но затем замедлилась, и вот, 10 июня, вновь образуется наст, снег сухой, лёгкий позёмок.

Сейчас – вторая половина дня. Выспались, собираемся работать. Хорошая видимость, холодный ветерок с позёмком. Оставляем здесь, в стане, часть продуктов и корма – через два дня, сняв Нерпалах, будем близко проходить от стана.

Лебедев в озерке неподалёку от стана убил двух турканов-самцов.

### **Сфотографировал могилу доктора Вальтера.**

#### **На венке: «Команда «Зари» своему возлюбленному доктору»**

*11 июня. Пятница. 5 часов утра. Нерпалах.*

*Лагерь у стана «Нерпалах. Киенг-Ураса»*

Как-то бесполезно прошёл день. Сфотографировал обнажение у могилы Вальтера, но осмотреть не удалось; у основания – вода и половина высоты обнажения закрыта снегом. Кроме того, нависшие снежные надувы готовы каждую минуту сорваться вниз, о чём говорят многочисленные комья снега, недавно сорвавшиеся с обнажения и лежащие у его основания.

Сфотографировал могилу доктора Вальтера. Она пришла в полный упадок. Все колонки ограды покосились, некоторые почти лежат, железный крест из труб тоже покосился. С двух сторон к могиле подходят обрывчики – следствие таяния ископаемого льда. Не пройдёт и несколько лет, как могила совсем разрушится и гроб может оказаться на поверхности.



*Могила доктора Вальтера из экспедиции Толля*



*Установка геодезических знаков*

---

*Надписи: Dr Hermann Walter.*

*Geb. 21 X 1864 gest/ 21 XII 1901*

*На венке: «Команда «Зари» своему возлюбленному доктору».*

Все распадки забиты снегом и, кроме того, богаты водой. Приходилось пересекать их с риском провалиться по пояс. Лебедев переходит, положив рейку на снег, используя её в качестве «моста». Один распадок с журчащей водой и далеко уходящим верховьем пришлось обходить льдом лагуны. Одной ногой провалился в трещину. Влетел выше колена, но брезентовые брюки защитили, и вода в сапог не залилась.

Со всех сторон, кроме морской, к Нерпалаху подходит плато. Общий вид побережья – плавно-волнистая, мелко-кочковатая тундра. На коренных породах во многих местах лежит ископаемый лёд, о чём свидетельствуют многочисленные байджерахи. По моим предположениям, предыдущим наблюдениям и показаниям промышленников, байджерахи расположены лишь в прибрежной полосе Нерпалаха, высоко на плато не забираясь. Вдоль всей береговой черты Нерпалаха – узкая лента галечника. Плавник – по всей окружности Нерпалаха, но распределён неравномерно. На северной и южной косах – озёрки с пресной водой, сохраняющейся круглый год. Распадков, впадающих в Нерпалах, много, но рек мало. Горохову удалось убить двух турканов.

*13 июня. Воскресенье. Раннее утро. Нерпалах.*

*Постройка Русск. пол. экспедиции*

За вчерашний день, отличавшийся холодной (даже тундра замёрзла!) и снежной погодой, закончена съёмка Нерпалаха. Сейчас собираемся в путь, в Киенг-Урасу, до которой сегодня должны быть доведены съёмки.

Горохов добыл одну куропатку.

*14 июня. Понедельник. Киенг-Ураса*

Вчера день выдался удачный. Осмотрел обнажение морского берега (о-ва) Тас-Ары до распадка. Обрыв почти лишён снега, но поминутно с него срываются камни. Это не помешало ознакомиться с обнажением, взять образцы. Сегодня – хуже. С утра сильный ветер, настолько сильный, что Авгевичу не пришлось работать. Когда ветер спал, Авгевич вышел на работу, но пришлось всё же вернуться вновь – помешал густой туман. Я совершил небольшую экскурсию в тундру на восток от стана.

*15 июня. Вторник*

Лебедев убил двух самцов-турканов и одну чайку.

*16 июня. Среда. Северный берег оз. Дурное*

Авгевич снял восточный берег Тас-Ары, западную косу и северную часть оз. Дурное. Таким образом, закончен второй планшет. Приступили к съёмке третьего. Замечательно тёплый день. Переход из Киенг-Урасы на север оз. Дурное проделали почти целиком в свитерах, без телогреек. В начале пути, проходя обнажённые от снега участки косы, мостили дорогу плавником, иначе подбитые сталью нарты не протащить. Воды ещё нет. Она есть лишь в южной части озера, где изливается на лёд довольно мощная текущая с плато речка. На льду много нерп, однако близко не подпускают.

*17 июня. Четверг. Сев. берег оз. Дурное*

Дело к вечеру. Легли спать часа в два и утром собрались было встать, но по палатке забарабанил ровный, «солидный» дождик, и мы продолжили наш сон. Сейчас встали. Довольно ветрено, прохладно и пасмурно. Временами – дождь.

*18 июня. Пятница. Лагерь на мысе Бельковском*

Обнажение, тянущееся от речки Дурное до Усук-Стана, почти целиком закрыто снегом. Вчера удалось осмотреть лишь небольшие обнажённые участки. Августович снял береговую полосу от оз. Дурное до лагеря. Хотел было работу несколько продолжить, но пошёл снег, поднялся сильный ветер и работу пришлось прервать. Во время нашего сна непрерывно бушевал ветер, не прекратившийся и сейчас. Снег, быстро покрывший белой пеленой всю тундру, стоял. Будем держать путь к знаку «Рогулька», где попьём чай и тронемся дальше на Бысах-Каргу. Там будем ночевать и затем – на станцию. У «Рогульки», заканчивается третий планшет нашей съёмки. Район Сулбута Августович намеренно оставляет на лето, чтобы иметь возможность разобраться в этом сложном месте, богатом косами, протоками, лагунами.

*19 июня. Суббота. Стан Бысах-Карга*

Прошлый день изрядно допёк Августовича. Сильный ветер, туман, морось и к тому же холод создали весьма трудные условия для работы. Несмотря на длительное выжидание улучшения погоды, съёмку всё

же пришлось прекратить, не доведя 700 м до «Рогульки». Я от места ночёвки шёл к «Рогулке» тундрой. Пришлось изрядно петлять, обходя наполненные водой распадки. На месте, где в прошлом году почти в это же время я с Камышевым и промышленниками ночевал в палатке, нынче мы пили чай. Иннокентич ходил на лагуну искать чаячьих яиц, но, оказалось, чайки по случаю продолжающейся холодной погоды кладку отсрочили. (В Киенг-Урасе мы завтракали чаячьими яйцами – нашёл Лебедев над обрывом Тас-Ары.)

От места чаепития к Бысах-Карге пошёл один. Сверху морской лёд покрыт тонкой ледяной корочкой, под которой сантиметров на 10, а где и больше – снежница. А поверх гуляла настоящая метель.

Лебедев якобы видел чистую воду к северу от Бельковского. Лёд нынче стоит крепко, надёжно, и мы ведём разговор о возможности третьего года зимовки, о съёмке Бельковского и Котельного до южной оконечности.

**Возвращение экспедиции. Новости поражающие: расстрел Тухачевского, Уборевича, Эйдемана, Фельдмана и др., самоубийство Гамарника. Самолёт Чкалова, Белякова и Байдукова, вылетевший 18-го из Москвы через Сев. полюс в Сев. Америку, вчера потерял связь. Полярные станции мобилизованы для несения непрерывной вахты**

*20 июня. Воскресенье. Станция*

Ранним утром вышли из Бысах-Карги. Нарты облегчённые – основная часть груза оставлена в стане для нужд съёмочных работ (предстоящим летом). Значительная часть пути шла торосами, между которыми воды по колено. Пасмурно и холодно. Морось. Даже в полущубке пробирает. Иннокентич и Авгевич всю дорогу проделали в сокуях.

На станции новости поражающие: расстрел шпионов – членов военно-фашистской организации: Тухачевского, Уборевича, Эйдемана, Фельдмана и др. Самоубийство Гамарника.

Бабича застал за работой в радиорубке. Сидит с покрасневшими от бессонницы глазами. Оказывается, самолёт Чкалова, Белякова и Байдукова, вылетевший 18-го (1937) из Москвы через Северный полюс в Сев. Америку, вчера потерял связь. В это время он был уже за полюсом. Полярные станции мобилизованы для несения непрерывной вахты. Через каждый час – сообщение в Москву через Тикси о результатах. Бабича оставил в рубке и отправился отдохнуть. После сна узнал, что самолёт Чкалова благополучно достиг Сев. Америки.

Сразу словно гора с плеч свалилась! Какая новая замечательная победа нашей страны!

...

Новости по станции: Авгевич с приходом «Седова» переводится на съёмку берега к югу от Нерпалаха. Поход «Садко» будет обслуживать лётчик Черевичный на двухмоторном самолёте. Черевичный уже выехал в Красноярск, откуда начнёт свой перелёт. На него возложена ледовая разведка района от мыса Челюскина до Амбарчика по трассе «Садко», т. е. севернее Котельного.

Полярное управление одобрило наше обязательство – построить дом для новой смены.

### **Принята первая ледовая сводка, охватывающая весь Севморпуть**

*24 июня. Четверг*

Стали получать новости навигационного характера. Получена телеграмма от нач. гидрографической экспедиции на «Седове» Орловского о том, что «Седов»... вошёл в Карское море!!! Это для нас совершенно неожиданно: мы полагали, что «Седов», как и другие суда, выйдет числа 20 июля. Прибытие к нам «Седова» предполагается в середине августа, зависит от ледовых условий.

Принята первая ледовая сводка, охватывающая весь Севморпуть. Даже сейчас, в сравнительно раннее время, во многих местах или чистая вода, или мелкобитый лёд. Очевидно, условия для навигации будут нынче действительно лёгкие.

«Темп» сегодня совершил трёхмильное плавание по Тикси, не считаясь со льдом. Испытана машина.

Селезнёв, Дудкин, Горохов вышли на работу по подготовке брёвен для строительства дома (стахановское обязательство). Место работ – коса в 6 км от станции. Подготовили к окантовке 15 брёвен. Лебедев совершил поездку на собаках к устью лагуны за чайчьи яйца. Прошли на островок, где чайки насиживают яйца, Горохов – вброд и Дудкин – на ветке. Взято 32 яйца. Лебедев убил нерпу (ок. 4 пудов).

*25 июня. Пятница*

Авгевич сделал заголовок к бюллетеню «Новости навигации». Принята метеосводка «Седова». Стоит во льду близ западного берега острова Белого. Дудкин добыл нерпу (ок. 2 пудов).

*26 июня. Суббота*

Получено сообщение, что «Смольный» первым рейсом пойдёт на нашу станцию для заброски горючего самолёту Черевичного.

*27 июня. Воскресенье*

Горохов на мысу Домашнем подготовил к вывозке мох для дома. Селезнёв и Дудкин, как и в прошлые дни, продолжали окантовку брёвен. Лебедев приводил в порядок двор.

Вечером – общее отчётно-выборное собрание, проводимое по новой Конституции. Собрание длилось 6 час. 20 мин., затянулось до глубокой ночи. Тайным голосованием проформом вновь избран Бабич.

**Полярное управление одобрило наше обязательство – построить дом для новой смены. Начало строительства дома. Подписались на заем укрепления обороны СССР**

*29 июня. Вторник*

Дудкин, Селезнёв, Горохов, Камышев и Дьяков сплавили все брёвна (51 штуку) к станции.

Лёд стал всплывать над покрывающей его водой прямо на глазах, и плоты неоднократно садились на мель. Сплав шёл лагуной, весьма длинным, извилистым путём.

Среди плавучего льда приходилось выбирать открытые промежутки, которыми можно было бы пробраться к станции. Работу по сплаву закончили лишь в 11-м часу ночи, начали же утром. Пройдено сплавом около 12 км.

Получено расписание радиовахт, вводимое с 1 июля. Сюда вошли и судовые вахты, и работа с будущей станцией на о-вах Де-Лонга.

*30 июня. Среда*

До 12 часов дня все за исключением Авгевича, занятого черчением и приготовлением обеда, и Соколова (метеоработы) вытаскивали на лёд сплавленные вчера брёвна и подвозили их по распадку к месту стройки. Собаки тянули дружно, работа выполнена быстро. Лёд на лагуне всплыл, сегодня сплавить возможности уже не представилось бы. Доставка всего строительного леса гарантирует выполнение работ в срок.

*2 июля. Пятница*

Утром – митинг и подписка на заём укрепления обороны СССР. Подписались на сумму 3650 рублей, что составляет 290% двухнедельной зарплаты коллектива.

До обеда Горохов и Лебедев подвезли одну партию моха с мыса Домашнего. Препятствовали прибрежные трещины, дальше же на лёд выходить нельзя из-за глубокой снежницы.

Дудкин и Селезнёв положили первые три бревна – основание сруба, поставили два вертикальных столба вплотную к стене дома метеостанции (от этих столбов пойдут стены сруба), прикрепили эти столбы к дому деревянными шпильями.

Днём в кладовую Дьякова через открытую дверь пробрались щенки, утащили мясо. Дьяков, узнав об этом, обрушился на них с лопатой и кирпичами. Камышеву остановить мирно Дьякова не удалось, и разыгралась «сцена». В результате Дьякову приказом вынесен выговор за халатное хранение продовольствия и за расправу со щенками. Дьяков считает выговор несправедливым и заявил, что работать отказывается. Бабич всячески уговаривает Дьякова образумиться, разъясняет всю недопустимость такого поведения.

Получено предварительное сообщение о полёте Громова. Телеграмма говорит лишь о сроках работы, маршрут же и время вылета нам пока неизвестны. Вероятно, вновь через Северный полюс.

#### *9 июля. Пятница*

Все предшествующие дни велась энергичная работа по постройке дома. Уже поставлены стропила крыши. Начата подготовка оконных колод.

После обеда пришли на станцию: охотовед Бакута и промышленники Слепцов Вас. Вас., почти мальчик, и Барабанский. Привезли несколько писем, из них два дальних: из Москвы и с мыса Шмидта. Доставили большую пачку газет. Охота плохая, им удалось убить лишь одну нерпу и двух оленей.

#### *10 июля. Суббота*

Горохов поставил сети в 1,5 км от станции у Мас-Юрях, в широкой забереге. Вечером сети осмотрел, рыбы не оказалось.

#### *12 июля. Понедельник*

Вставлены дверные косяки. Осталось лишь изготовить две рамы и дверь. Радировали о досрочном выполнении обязательства.

Получено сообщение о полёте Громова. Он вылетел из Москвы в 3 часа по московскому времени. В 13 час. Бабич приступил к обслуживанию.



*Вот первые бревна легли на свои места*



*И вскоре сруб, стахановская стройка,  
был готов в подарок новой смене*

---

Бакута и промышленник Барабанский ушли в Бысах-Каргу. Ушли и Дьяков с Лебедевым, вернутся завтра.

**Радиовахта по обслуживанию перелёта Громова. Бабич смог лечь спать после полуторасуточного непрерывного дежурства**

*13 июля. Вторник*

Бабич непрерывно несёт вахту по обслуживанию перелёта Громова. К 7-ми час. вечера положение самолёта Громова – по ту сторону полюса: 74 град. СШ, 120 град. ЗД.

*14 июля. Среда*

В 5 часов утра Бабич был освобождён от вахты по обслуживанию перелёта Громова, смог лечь спать после полуторасуточного непрерывного дежурства.

**Получена телеграмма за подписью Михайлова и Воробьёва – благодарность полярным станциям за чёткое обслуживание перелёта. За шесть дней сняли планшет лаг. Пшеницына и зал. Стахановцев Арктики. Работали в тяжёлых условиях**

*15 июля. Четверг*

Авгевич с Гороховым – съёмка станции в 2-тысячном масштабе. Получена телеграмма за подписью Михайлова и Воробьёва – благодарность полярным станциям за чёткое обслуживание перелёта. По сообщению Челюскина, Громов совершил посадку между Лос-Анджелесом и Сан-Диего.

*18 июля. Воскресенье*

Авгевич и Бабич сделали из гальки тротуар перед домом рации. Селезнёв занят устройством каркаса для тамбура нового дома. Горохов произвёл опытный лов рыбы в протоке лагуны, но удачи не было, рыба в сети не попала. Лебедев ходил на «ледовую разведку» вдоль берега на запад. Признал, что двигаться в Бысах-Каргу завтра придётся по тундре, по льду идти нельзя из-за большой воды.

*20 июля. Вторник*

У Горохова заболела нога, а между тем было необходимо закончить съёмку в районе Сулбута. Я решил его заменить – хотелось к тому же ознакомиться с Сулбутом, которого я до сих пор совершенно не знаю.

Вышли вчера в 11 часов дня – я, Авгевич, Лебедев и промышленник Слепцов на 20 собаках. Груз – ветка (лодка), собачий корм, продовольствие, геодезический инструмент и всякая мелочь. Идти пришлось тундрой. Ну и шли 12 часов! А всего-то расстояния – 20 км. Всё время тянули лямки. Сто раз отдыхали, сто раз, разгорячённые, пили воду и добрались в Бысах-Каргу весьма уставшими. Здесь встретили Бакуту. Охота у них (промышленников) плохая, оленей не добыли. Стреляют лишь уток.

#### *26 июля. Понедельник*

В ночь на сегодня вернулся с Бысах-Карги, доставив ветку и палатку. Плыл на ветке прибрежной заберегой, но во многих местах она выклинивается и мне неоднократно приходилось тащить ветку по льду. Горохов с Лебедевым шли на нартах берегом. Авгевич остался заканчивать работу с помощником – пришедшим на Бысах-Каргу Камышевым. За дни с 20-го по 26-е сняли планшет лагуны Пшеницына и залива Стахановцев Арктики. Работали в тяжёлых условиях.

На станции жизнь шла своим чередом. Окончен тамбур (каркас), начато изготовление переносной клетки для медвежонка, проведён галечный тротуар между домами и между рацией и баней, очищен от мусора двор.

Получено сообщение от Черевичного о предстоящем полёте на Котельный. 23-го на станцию пришёл Бакута для снятия копий с геодезических материалов.

#### *29 июля. Четверг*

Ранним утром лёд пришёл в движение и к полудню ушёл от берега километра на три, но к вечеру приблизился вновь на 500 м.

**Сообщение из Тикси о подготовке нового перелёта через Северный полюс. Указан порядок обслуживания. Котельный несёт работу наряду со станциями Шалаурово и Четырёхстолбовым**

#### *30 июля. Пятница*

Получено сообщение из Тикси о подготовке нового перелёта через Северный полюс. Указан порядок обслуживания. Котельный несёт работу наряду со станциями Шалаурово и Четырёхстолбовым. По неофициальным данным, летит Леваневский.

*1 августа. Воскресенье*

Получено сообщение, что «Ермак» с судами первого каравана прошёл Челюскин. В числе судов каравана «Моссовет» и «Правда». Черевичный – в Тикси.

*2 августа. Понедельник*

После обеда, когда Селезнёва и Дудкина не было на станции, а я и Бабич, дежурившие ночью, спали, три собаки сорвались с цепи и довольно сильно покусали медвежонка. Порвано за ухом и в паху. Промыли раны марганцовкой.

«Литке» – у пролива Лаптева. «Урицкий» с двумя буксирами пришёл вечером в Тикси. Все эти суда пришли с востока. Черевичный летал на запад, но принужден был вернуться в Тикси из-за тумана, долетев лишь до о-ва Столба.

*3 августа. Вторник*

Погода тёплая, ясная, но ветер значительный. Авгевич, Горохов и Лебедев в полдень отправились на шлюпке последнего ещё не занятого участка: от устья лагуны Станции до устья р. Решетникова. Если погода будет благоприятствовать – возвратятся раньше, чем через двое суток.

Получено сообщение из Тикси от Шимановского, что на днях «Ленсовет» выходит на Котельный. На нём прибудет метеоролог новой смены Балыгин. «Литке» утром пошёл на помощь «Правде» и «Моссовету», стоящим во льдах ок. 77 град. с. ш. (у о-ва Петра). Вечером «Литке» проходил траверс Святого Носа.

*4 августа. Среда*

На коротких волнах двое суток полное непрохождение. Прекращён приём частных телеграмм. Утром радист Тикси Цветков сообщил, что вечером «Ленсовет» предполагает выйти на Котельный.

Рузов из Архангельска сообщил, что «Ильмень» (на нём идёт наша смена) выходит из Архангельска 5-го. Просит сообщить ледовую обстановку в нашем районе. Он едет организовывать станцию в прол. Санникова на южном берегу Котельного. Эту станцию должны были организовать в прошлом году, но помешали тяжёлые ледовые условия.

Поздно вечером вернулась геодезическая партия, закончив всю съёмку.

*5 августа. Четверг*

«Ленсовет» в рейс не вышел. Вечером вышел «Темп» на гидрографические работы. «Литке» продвигается к «Правде» и «Моссовету». «Седов» в районе о-ва Русский. Черевичный летал к «Литке».

*6 августа. Пятница*

В Тикси Черевичному посланы три сводки авиাপогоды. Предполагаемый полёт в центральную часть моря Лаптевых отменён из-за плохой погоды. Попытка установить связь с «Темпом» не удалась, Тикси сообщило, что на «Темпе» слабый радист. Бакута получил телеграмму от Грунина, из которой видно, что «Ленсовет» можно ожидать на Котельном числа 11–12-го. Неофициально Тикси сообщило, что «Ленсовет» предварительно пойдёт на Ляховский, затем на Котельный.

*7 августа. Суббота*

Приказом № 44 по станции Авгевич за хорошую работу премирован медвежьей шкурой. Авгевич закончил вычерчивание «сводного плана» всей своей съёмки для смены.

*ПРИКАЗ № 44*

*по полярной станции о-ва Котельный от 7 августа 1937 г.*

*Параграф 1.*

5 августа т. Авгевичем закончены полевые геодезические работы по съёмке побережья северной половины о. Котельный. Положено на карту 354 км береговой линии. 6 августа, т. е. почти одновременно с окончанием полевых работ, выполнено вычерчивание планшетов, материалы подготовлены к сдаче. Полевые работы большей своей частью проходили в тяжёлых условиях недостатка транспорта (1935–1936), экспедиционной обуви и одежды, в периоды сильных метелей и низких температур. Успешное выполнение работ достигнуто их правильной организацией и энергией возглавлявшего геодезическую партию т. Авгевича, действовавшего примером и не останавливавшегося перед трудностями. Тов. Авгевич проявил большую активность и инициативу во всей жизни зимовки, выполняя в её интересах различные работы, не имеющие связи с его специальностью.

Отмечая окончание геодезических работ и предстоящее включение т. Авгевича в состав экспедиции парохода «Седов», объявляю ему благодарность и премирую шкурой белого медведя.

*Начальник п. с. о-ва Котельный В. Соколов.*

«Седов» и «Ермак» – на 103-й меридиане, т. е. близ м. Челюскин.

Лёд там 9–10 баллов. Работа с «Темпом». Выяснилось, что он отправился с гидрографической экспедицией для работы в прол. Д. Лаптева. Рузов сообщил, что «Ильмень» идёт по маршруту Тикси – Санникова – Кигилях – Котельный. Таким образом, смену можно ждать не ранее сентября.

*8 августа. Воскресенье*

Селезнёв, Дудкин и Авгевич с помощью Горохова мыли медвежьи шкуры, выданные им как премии.

В 2 часа ночи из Тикси вышел «Ленсовет». Направляется на Ляховский с грузом ПОСа, затем идёт к нам с бензином. Груза ПОСа для Котельного не имеет. Это подозрительно! Не перепутали ли? Возможно, что «Ленсовет» должен идти с грузом ПОСа не на Б. Ляховский, а на Котельный, но недостаточная договорённость привела к ошибке. Бакута обеспокоен, запросил Грунина. Шалауровцы сообщили, что их смена тоже идёт на «Ильмени». «Ильмень» вышел из Архангельска 7-го. Раньше второй декады сентября нам смену ждать нельзя. «Ермак» передвинулся на 104-й меридиан, «Седов» – на 110-й (широта – 77 град. 30 мин). «Литке» – у Прончищевой, ещё до «Моссовета» не добрался. Лёд у Челюскина по-прежнему 10 баллов.

*9 августа. Понедельник*

К вечеру к станции пригнало мелкобитый лёд. Количество – 9 баллов, тянется до горизонта. «Литке» вывел «Правду» и «Моссовет» из льда, кажется, вышли на чистую воду и суда второго каравана («Андреев», «Кузнецкстрой», «Диксон», «Крестьянин»). «Ермак» – в проливе Вилькицкого, идёт за третьим караваном. «Седов» продвинулся значительно, по сводке ш. – 76 град. 40 мин., д. 116 град. 30 мин. Идёт к «Литке», берущему уголь с «Урицкого». «Ленсовет» – на пути к ПОСу.

*10 августа. Вторник*

По дополнительным сведениям, «Ильмень» вышел из Архангельска 8-го. Смена состоит из 13 человек. «Ленсовет» днём начал выгрузку на Б. Ляховском, у ПОСа. Предполагает сняться завтра в полдень. На южный берег доставит 4 тонны грузов ПОСа. У станции по-прежнему 9-балльный лёд.

*11 августа. Среда*

Бабищ и Авгевич работали по прокладке галечниковой дорожки от дома к складу.

«Ленсовет» производит разгрузку у ПОСа, обещает выйти завтра в 8 час. утра. «Седов» – ш. 75 град., д. 120 град.

Челюскин передал, что «Седов» направляется в Тикси. «Моссовет» уже на траверзе Индигирки.

У станции лёд без перемен, 9 баллов.

12 августа. Четверг

«Ленсовет» утром снялся с якоря, к вечеру обогнул Кигилях. В 20 часов был на ш. 73–44, д. 134–18. По сообщению Полякова, «Седов» идёт с грузом экспедиции на Кигилях. По сводке, «Седов» ещё на д. 127 град. 30 мин. У станции лёд стал ещё сплочённой, 10 баллов. Весь восток до моря Лаптевых – чистая вода. Пролив Вилькицкого – 10-балльный лёд, в Архипелаге Норденшельда – 8 баллов.

Капитан «Ленсовета» Качарава просит давать каждую вахту сведения о ледовой ситуации.

**Радиовахта Бабича по обслуживанию полёта Леваневского.**

**Последняя телеграмма: «...сообщите погоду по ту сторону полюса».**

**По запросу Дзержинского начата передача ежечасных метеосводок в Москву. Самолёт на Аляску не прибыл**

13 августа. Пятница

С 3 час. 50 мин. мск Бабич приступил к непрерывной вахте по обслуживанию перелёта Леваневского через полюс. Вечером полюс был пройден при весьма тяжёлых метеорологических условиях. С 13 час. мск приступили к ежечасной передаче в Москву экваторных метеосводок.

«Ленсовет» утром был у мыса Медвежьего. Вдоль берега полоса крупно-, мелкобитого 10-балльного льда. «Ленсовет» пытался идти к станции, но нигде прохода нет. Пришлось вернуться к Медвежьему. По последним сообщениям, он пытается продвинуться к берегу. Расстояние до берега – 7 миль.

Черевичный в Нордвике потерпел аварию, самолёт нуждается в заводском ремонте.

14 августа. Суббота

Продолжалась вахта Бабича по обслуживанию перелёта Леваневского. До 14 час. 33 мин. мск 13 августа всё шло хорошо, принятые сообщения с самолёта немедленно передавались в Тикси.

В 14 час. 33 мин. мск. Самолёт на волне 27 м сообщал: «*Uo de Rl N 19 = 34 правый крайний из-за маслосистемы идём на 3 очень тяжело идём в сплошных облаках = 28, 4600 – 92 ед*». Слышимость 6 баллов. После этой телеграммы никаких известий от самолёта не принято. Телеграмма, предшествующая этой, была тревожна.

В 13–15 мск. Самолёт сообщал: «*Cq de Rl N 19 = пролетаем полюс достался он нам трудно начиная от середины Баренцева моря всё вре-*

мя мощная облачность высота 6000 м температура минус 35 стёкла кабины покрыты изморозью встречный ветер местами 100 км/час сообщите погоду по ту сторону полюса = 38-92-94-96-99-97-98 de RI».

С 13 час. мск 13 августа по запросу Дзержинского начата передача ежечасных метеосводок в Москву. Вахта и передача метеосводок продолжалась до 7 час. мск 14 августа, когда Тикси разрешил Бабичу отдых. После 4-часового сна Бабич снова приступил к нормальной работе, но в 14 час. 55 мин. была получена телеграмма Воробьёва о продолжении вахты по обслуживанию самолёта Леваневского, т. к. он на Аляску не прибыл. Вахта была немедленно возобновлена.

«Ленсовет» утром сообщил, что пытался подойти к берегу. Это удалось, но нажим льда заставил быстро выбраться из льда, отложив выгрузку. «Седов» подошёл к «Ленсовету» и ждал возможности выгрузить топографические партии на берег. Вечером долго пытались вызвать «Ленсовет» и «Седов», но безрезультатно. Лёд у станции по-прежнему 10 баллов. «Ермак» в архипелаге Норденшельда в 9-балльном льду.

#### *15 августа. Воскресенье*

У Бабича был перерыв для сна лишь на 3,5–4 часа. Остальное время – непрерывная вахта, но ничего не слышно. Получено сообщение правительственной комиссии по перелёту о мерах, принятых по поискам экипажа Н-209. С востока к мысу Барроу идёт «Красин» с самолётами, с запада же помощь идёт исключительно воздухом: вылетает 3 самолёта – Молокова, Водопьянова и Алексеева на о-в Рудольфа, оттуда – на п. с. «Северный полюс», находящуюся на 0 меридиане, широте 87 град. 20 мин., которая будет служить базой для поисков.

Сообщений с «Седова» и «Ленсовета» нет. Видимо, они по-прежнему у мыса Медвежьего. «Ермак» – в Архипелаге Норденшельда. Лёд у станции – без перемен, прежние 10 баллов.

#### *16 августа. Понедельник*

Бабичу за сутки дали два перерыва общей сложностью около 7 часов. Сведений о Н-209 нет по-прежнему. Ледовую сводку не принимали: Бабич в это время спал. Получены две телеграммы с «Седова»: одна старая, от 13/VIII, с запросом о готовности Авгевича перейти на «Седов», возможности предоставления экспедиции одной шлюпки, и о глубинах у станции; вторая – запрос о состоянии льда близ станции и в лагуне и сообщение, что 15/VIII высажена топо-

графическая партия в составе 12 человек для съёмки участка мыс Медвежий – Нерпалах.

Бакута получил извещение о том, что груз ПОСа 14/VIII выгружен на южном берегу.

Во второй половине дня лёд у станции стало рассасывать, образовался водяной заберег к западу от станции и довольно большие разводья. В ночь на 17-е о возможности подхода к берегу извещены «Седов» и «Ленсовет». Поляков с Кигиляха сообщил, что «Седов» – у них.

#### *17 августа. Вторник*

О Н-209 сведений не поступало. За сутки у Бабича 2,5 часа сна. Получено сообщение, что «Ленсовет» выгрузил на южном берегу не только груз ПОСа, но и всё горючее и масло для самолёта и вышел в Тикси. Ну и капитан Качарава! Вопрос о создании здесь авиационной базы остаётся открытым.

«Седов» до вечера был на Кигиляхе. Вечером ушёл в пролив за катером, проводившим гидрологические работы. Сообщений о времени выхода «Седова» на Котельный не поступало.

Лёд до вечера – 8 баллов. Вечером средней силы юго-восточный ветер стал отжимать лёд к северо-востоку, где он стоял ещё неподвижно.

Работали по оборудованию тротуаров, таскали дёрн и гальку. Тротуары закончены полностью. Побелены все печи.

### **Вопрос с проводкой судов на восток стоит крайне остро.**

#### **Узнали, что на «Ильмени» идёт состав шести станций:**

#### **Тикси, Шалаурова, Мостах, Кигилях, Санникова и Котельного**

#### *18 августа. Среда*

Вахта по наблюдению за Н-209 продолжается. Н-209 не обнаружен. У Бабича за сутки перерыв для сна 7 часов. Через Челюскин получена телеграмма с «Ильменя» от Анисимова – просьба сообщить состояние сруба. 12-го «Ильмень» подходил к Ю. Шару. Челюскин сообщил, что 18-го вероятен выход «Ильменя» с Диксона к кромке льда, где он будет ждать включения в состав каравана «Ермака». Принята ледовая сводка. Весь пролив Вилькицкого и прилегающая часть Карского моря забиты льдом. «Ермак» на 93-й меридиане.

Вопрос с проводкой судов на восток стоит крайне остро. Узнали, что на «Ильмени» идёт состав шести станций: Тикси, Шалаурова, Мостах, Кигилях, Санникова и Котельного. Груз Шалаурова будет перегружен в Тикси на шхуну.

Слышали телефонный разговор «Седова» с Кигиляхом. Там шторм, бьёт катер «Петушок», залило баркасы. «Седов» отстаивается за ближайшим мысом. Лёд от станции сильным ЮВ ветром угнало, виден на горизонте.

#### *19 августа. Четверг*

Н-209 по-прежнему не обнаружен. Бабич имел отдых 6 часов. В 11 час. 40 мин. установили непосредственную связь с «Седовым». Принята телеграмма от вчерашнего числа: съёмка Бельковского и привязка его к Котельному поручается Авгевичу. Передвижение исключительно шлюпочное – катер выбыл из строя. После окончания операций у Кигиляха выходит к Медвежьему, где оставит для топопартии шлюпки и снимет астронома. Затем идёт к нам для формирования партии Авгевича и определения астропункта.

В 6 часов вечера «Седов» уже шёл к Медвежьему и был на ш. 73-12 и д. 139-18 (близ Кигиляха). Завтра, 20 августа, можно ожидать приход «Седова» на станцию.

Лёд – 1 балл (на горизонте). Кроме этого – отдельные стамухи.

#### *20 августа. Пятница*

Вахта по наблюдению за Н-209 продолжается. Ничего не обнаружено. Ночной отдых Бабича – 6 часов – кажется, получил права гражданства.

Утром, после того, как Бабич заявил Камышеву о необходимости зарядить аккумуляторы, последний учинил очередной скандал рыночного свойства и заявил, что аккумуляторы будет заряжать по своему усмотрению. Камышеву категорически предложено в ночь на 21 августа произвести зарядку.

Получено сообщение, что в Тикси из Дудинки через Нордвик вылетает самолёт Н-208 Грацианского для выполнения особого задания. Черевичный назначен вторым пилотом. Для обслуживания моря Лаптевых выделен самолёт Н-8 с пилотом Тихоновым, который вылетает из Красноярска на днях. «Красин» продвинулся к мысу Барроу, находится уже неподалёку на ш. 71-05, зап. долг. 159-06 среди ледяных полей в 7 баллов. «Ермак» – на старом месте: ш. 76-12, д. – 93-24 среди 10-балльного льда. «Малыгин» неожиданно оказался у восточного выхода пролива Вилькицкого, проводил суда. «Седов» в 1 час ночи был на траверсе о-ва М. Ляховский, в 8.30 утра – у мыса Медвежьего. Идёт медленно, с гидрографическими работами. Видимо, будет на станции утром

21-го. Сегодня – двухлетие нашего прибытия на Котельный. В первый раз после полярного дня вечером пришлось зажечь прежнюю 7-линейную лампу.

Лёд у станции – лишь отдельные стамухи.

### **Двухлетие нашего прибытия на Котельный.**

### **Н-209 по-прежнему не обнаружен. Прибытие «Седова».**

#### **Отъезд Авгевича**

*21 августа. Суббота*

Весь день прошёл в ожидании «Седова». Наконец, в 19 час. 15 мин. показался дым, и через час «Седов» был уже у станции. Спуск катера сильно задержался, потом мотор долго не заводился, и первые седовцы пошли к берегу на вёслах на маленькой шлюпке. Приехали помощник нач. гидрографии Воробьёв Всеволод Иванович и два сотрудника. Воробьёв, ознакомившись с работами Авгевича, остался весьма доволен.

Выехал на шлюпке на «Седов» с Воробьёвым и Авгевичем. Очень радушный приём оказал нам Орловский. После двух лет вновь удалось попить молока.

«Седов» принял на борт Авгевича и Бакуту. Последнего высажат на м. Медвежьем. Астроном на станции не оставлен, будет высажен на м. Анисьи.

Магнитолог производил на станции наблюдения, но, кажется, их не закончил из-за темноты. (Записано 22 августа.)

*22 августа. Воскресенье*

Между 5 и 6 час. утра «Седов» снялся с якоря и ушёл к сев. оконечности Котельного, оставив на берегу 63 места различного груза для аэросъёмочной экспедиции будущего года.

По сведениям «Седова». «Красин» на меридиане мыса Барроу достиг 73 град. с. ш. «Садко» вчера прошёл севернее Котельного. По имеющимся сведениям он обнаружил глубины до 2386 м с температурой нижних слоёв воды + 35°! Это сообщение – сенсационное!

Вчера и сегодня давали пеленги «Седову» и «Садко». «Ильмень» в караване ледокола «Ленин», ожидающего близ Диксона улучшения ледовой обстановки.

Ледовая обстановка по сводке – без перемен: весь восток – чистая вода; к западу от пролива Вилькицкого – 10-балльный лёд.

*23 августа. Понедельник*

Бабич принял телеграмму, передававшуюся с «Ильменя» на Диксон:

«МУРМАНСК СЕВМОРПУТЬ ЛУКАШЕВИЧУ =

22 ПОЛНОЧЬ ВЫШЛИ ДИКСОНА ТЧК 23 ПОЛДЕНЬ ШИРОТА 74 -23

ДОЛГОТА 81-54 ТЧК ИДУ КАРАВАНЕ ПРОВОДКОЙ «ЛЕНИНА». ПЕРЕХОДЕ

БУРУНОМ ПОТЕРЯНО 17 ЧАСОВ ДАНО 15 ТОНН ВОДЫ 30 УГЛЯ

КОНОСАМЕНТУ ТЧК АРХАНГЕЛЬСКЕ ПОГРУЖЕНО ПОРТ ТИКСИ ГРУЗА

300 ПАССАЖИРОВ 62 ЯНСКАЯ ГРУЗА 250 ПАССАЖИРОВ 14 ПОЛЯРНОГО

УПРАВЛЕНИЯ ЗИМОВКИ ГРУЗА 1100 ПАССАЖИРОВ 59 ДИКСОН ГРУЗА

10 ПАССАЖИРОВ 5 БУРУНУ ГРУЗА 10 ПАССАЖИРОВ 1 НОРДВИКСТРОЙ

ПАССАЖИРОВ 9 УГОЛЬ ЛЕДОКОЛОМ 200 = ИЛЬМЕНЬ».

Наконец – достоверные сведения о выходе «Ильменя» с Диксона. Можно надеяться, что к 1-му числу удастся миновать ему пролив, и числа 15–20 сентября он со сменой подойдет к нам. Целый Ноев ковчег. Одних пассажиров 150 человек!

Камышев извинился перед Бабичем за последний скандал.

Днём Авгевич говорил со станцией по телефону. Извинился, что впопыхах ни с кем не простился. Рассказал, что около лагуны Эбелях (близ мыса Анисьи) высажен астроном. Сейчас «Седов» – близ Бельковского, готовится высадить съёмочную партию.

Лёд у станции – отдельные стамухи. Вахта по наблюдению за Н-209 продолжается, но никаких результатов нет. «Садко» – ш. 77-50, д. 143-20.

*24 августа. Вторник*

Дудкин и Лебедев с утра были на охоте. Ходили к востоку вокруг лагуны, до восточного её конца. Оленей не встретили, не видели также свежих их следов. Нашли наполовину хороший мамонтовый клык.

Решили ставить каркас для скотного двора. Размер 9×3,5 м.

Построен он будет как для якутской юрты. Достраивать придётся новой смене. Сегодня врыты первые три столба, всего нужно девять.

Ледовую сводку полностью принять не удалось – мешала работа судов. Восток весь чист. «Ермак» продвинулся несколько на восток, видимо, вновь взялся за проводку. «Седов» – у западного берега Бельковского. Грацианский не может вылететь из Нордвика – нет бензина. Н-209 по-прежнему не обнаружен.

*25 августа. Среда*

Поднесли с косы плавник для строительства скотного двора. Вкопано два столба. Узнали, что «Ильмень» идёт вместе с «Володарским»

и «Рабочим» под проводкой «Ленина», который будет проводить их до мыса Челюскина. «Ермак» проводит сейчас «Беломорканал» и «Ванцетти». После их проводки вернётся, чтобы взять ещё один караван.

*26 августа. Четверг*

Совершил экскурсию на плато. Море на всём видимом протяжении чисто, плавают лишь отдельные льдины. Хорошо был виден Бельковский и островок к северу от него. Пролив «Зари» чист. Погода великолепная, летняя. Закончен каркас скотного двора.

Получили сведения о подходе «Ермака» к прол. Вилькицкого. Здесь он передаст суда «Малыгину» и, взяв «Сталинград», отправляется на Диксон за углём и очередным караваном. Караван «Ленина» – ш. 76-16, д. 85-20.

**«Ермак» провёл свои суда через пролив Вилькицкого.**

**«Ленин» с судами на ш. 76-34, д. 88-40**

*27 августа. Пятница*

«Ермак» провёл свои суда через пролив Вилькицкого и отпустил для самостоятельного следования в море Лаптевых на ш. 78-00, д. 107-21. «Ленин» с судами был на ш. 76-34, д. 88-40. Лёд от 5 до 10 баллов. Раньше 20 сентября прихода смены ждать нельзя.

*28 августа. Суббота*

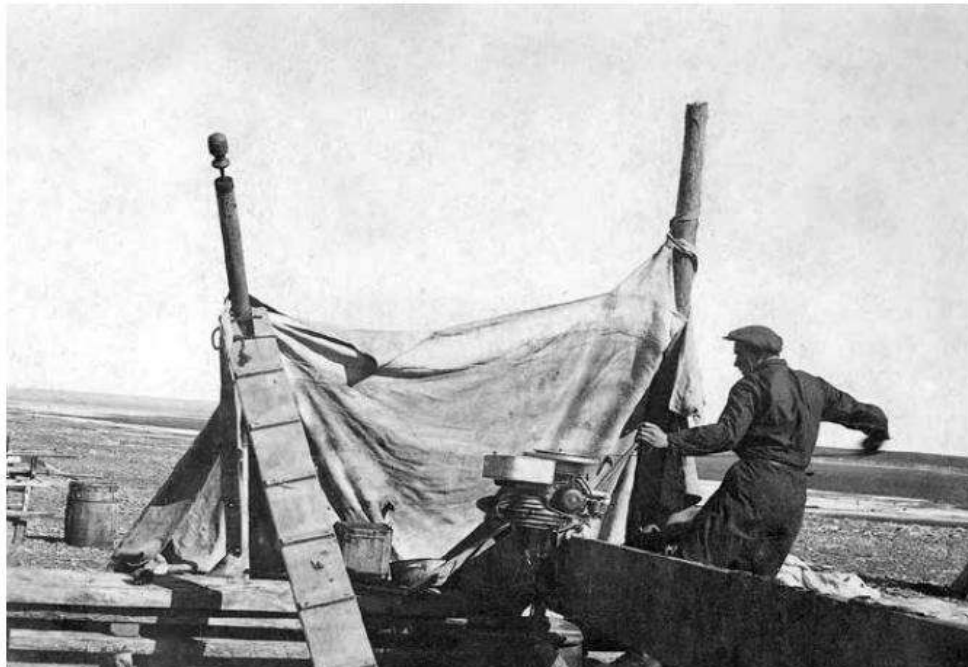
Утром Горохов увидел медведя, шедшего в полутора км от станции по ту сторону лагуны. Организовали охоту. Лебедев и Горохов пошли по пересыпи, чтобы отрезать медведю путь к морю, Дудкин пошёл в обход со стороны острова. Но медведь всё же ушёл! Он проплыл глубоко вдающийся в берег залив лагуны и этим оставил Дудкина далеко позади себя. Вернувшись на станцию, Дудкин и Лебедев снарядились на длительную охоту. Пошли с веткой, намереваясь дойти до восточного конца лагуны, где встретить медведя. Если охота на медведя не удастся – отправиться к устью реки Решетникова для охоты на оленей. Должны вернуться завтра к обеду.

«Ильмень» переместился на 76 град. с. ш и 91 град. 28 мин. в. д. Медленно, но продвигается. Вышел бы к 1-му из пролива!

Из передаваемой «Ленину» телеграммы узнали, что «Ильмень» погнул лопасть винта, требуется ремонт.



*Пасти на песка*



*Пробы руль-мотора*

---

*29 августа. Воскресенье*

Охотники вернулись после обеда. Допустили оплошность: придя к восточному краю лагуны, не пошли по её берегу навстречу медведю, а отправились на плато за оленями. В результате и оленей не видели, и медведя упустили. Наутро оказалось, что медведь направление держал прежнее и шёл всё время берегом лагуны, а дойдя до её конца, пошёл тундрой к р. Решетникова. Если б охотники подождали у конца лагуны или пошли бы навстречу медведю, то, вероятно, с пустыми руками бы не вернулись.

Днём имели телефонный разговор с «Садко», стоящим у о-ва Генриетты. Радист подробно рассказал об острове и ходе строительства. Дня через три будем слушать новую станцию, работа с ней включена в наше расписание.

Караван «Ленина» почти на вчерашнем месте: ш. 76-78, д. 91-48. Лёд мелко-крупнобитый, торосистый, сплочённый, 10 баллов. День ветреный, но тёплый: температура поднималась до 13,2°.

*30 августа. Понедельник*

Караван «Ленина» – ш. 77-03, д. 92-56. Двигается среди 10-балльного льда. «Седов» обходит Новосибирские о-ва с востока. «Красин» – к востоку от м. Барроу.

*31 августа. Вторник*

Горохов с Лебедевым отправились на охоту в район Бысах-Карги на один-два дня. Вечером же Камышев увидел медведя, идущего по пересыпи прямо к станции. Дудкин вооружился одной оставшейся на станции винтовкой и пошёл навстречу медведю, но тот, не будь дурак, свернул в море и был таков...

Караван «Ленина» по-прежнему в 10-балльном льду. Сегодня его положение – ш. 76-09, д. 93-01. Переместился за сутки на пустынный кусочек. Когда же он выберется из пролива?!

*ПРИКАЗ № 45*

*по полярной станции о-ва Котельный от 12 сентября 1937 г.*

*Параграф 1.*

*В течение последнего года наша станция имеет твёрдую бесперебойную радиосвязь с внешним миром.*

*Успешного её обеспечения, исключительно лишь маломощной аппаратурой, с момента своего включения в штат станции радист Бабич А. П. достиг благодаря знанию дела, добросовестному отношению к обязанностям и напряжённой работе, особенно требовавшейся во время помех в эфире.*

Установив постоянную сверхплановую связь с рацией Челюскина, т. Бабич добился скорейшего прохождения телеграмм в Центр и обратно, обеспечил своевременную обработку и служебной, и частной корреспонденции, полностью удовлетворяя нужды станции и её сотрудников, первый год зимовки проживших без связи с семьями.

Чёткая и напряжённая работа (непрерывные вахты до 35 часов) т. Бабича по обслуживанию перелётов отмечена районным диспетчером.

В навигацию т. Бабич оказал помощь судам, давая пеленги и выполняя роль посредника при затруднительной связи судов с Тикси.

Наконец, принимая обширные сводки ТАСС, передачу последних известий по радио и пр., т. Бабич в течение всего года держал коллектив станции в курсе общественно-политической жизни нашей страны и зарубежных, дал возможность зимовщикам регулярно следить за ходом арктической навигации.

Отмечая эти успехи в работе, сочетавшиеся с дисциплинированностью, объявляю т. Бабичу благодарность и премирую медвежьей шкурой.

Начальник станции В. Соколов.

*События тех лет описаны не только в личном дневнике Владимира Ивановича Соколова, но и в официальном документе – Отчете о деятельности станции. В частности, дополняет драматическую хронику второй зимовки следующая, 6-я тетрадь.*

# *Тетрадь № 6*

---

**1 июля 1936 – 30 мая 1937**



## Журнал деятельности полярной станции на о-ве Котельный

---

### 1936 год

#### Подъём оборвавшейся антенны. Поломка мотора

*1 июля. Среда.* Утром ст. радиотехник Чугреев заявил о необходимости подняться на радиомачты. На южной оборвался упор, связывавший коротковолновую антенну с верёвкой, прикреплённой к концу мачты. На северной же нужно достать упущенный сегодня Чугреевым конец верёвки, проходящий через блок верхушки мачты, без которой не может быть поднята коротковолновая антенна. Плотник Селезнёв и ст. механик Камышев отковали пару железных когтей. Вечером механик Лукомский взобрался на южную мачту и прикрепил коротковолновую антенну. Взялся и на северную, но безрезультатно, до болтающегося конца верёвки лезть не решился.

Чугреев налаживал коротковолновую антенну (припаивание вертикальной части), просматривал и прочищал передатчик Норд-К. Вечером при пробе Норд-К сгорели две лампы. Причины неизвестны.

Камышев с Лукомским разобрали мотор Л6-2. Собирая мотор вновь, Камышев обнаружил, что сломан шток масляного насоса, о чём мне и заявил. Эта поломка – результат деятельности Лукомского в апреле. Среди запчастей штока не имеется, и мотор выведен из строя. Отремонтировать также возможности нет.

Камышевым и Лукомским ремонтировались измерительные приборы Норд-К: антенный амперметр и вольтметр. Ремонт не закончен.

Производилась зарядка аккумуляторов.

Селезнёв – ремонтные работы (покрытие крыши дома метеостанции, укрепление толя).

Гороховым, каюром, вдоль южного берега лагуны поставлено для просушки 10 костров плавника.

Метеорологи работали по своей специальности. Дудкин начал сбор гербария.

2 июля. Четверг. Камышевым и Лукомским собран и поставлен в склад мотор Л6-2. Камышев приступил к разборке подвешного шлюпочного мотора, причём обнаружил, что сломан прерыватель магнето. Лукомский мне об этом никогда не сообщал и указывал как на причину, не позволяющую пустить мотор в ход, – размагниченные магниты. При проверке Камышевым магниты оказались в порядке.

Чугреев продолжает разборку и проверку Норд-К. Вечером поднялся на северную мачту и достал упущенный конец верёвки.

До обеда Горохов и Селезнёв были заняты укреплением столбов оттяжек радиомачт: утрамбовкой земли, навалкой земли к каждому столбу с целью поднять уровень мерзлоты и тем укрепить столбы.

После обеда – работы по уборке мусора. Сняты шкуры с семи убитых осенью собак, тушки сохранены в складе (корм собакам). Авгевич и Соколов – подъём упавшего тригонометрического знака (в 1 км от станции). Авгевич – вычислительные работы.

### **Халатность механика Лукомского**

3 июля. Пятница. Чугреевым производилась проверка Норд-К. Обнаружен обрыв провода, идущего к клемме трансформатора. Обрыв ликвидирован. Вечером произведена проба Норд-К. Повторилось прежнее, т. е. неожиданное повышение нагрузки на умформер до 40 ампер. Ток немедленно выключен. Причины, вызвавшие скачок нагрузки, не обнаружены.

Лукомский, работая по ремонту проводки из машинного отделения в радиорубку, отказался выполнить указания Камышева, настаивавшего на добросовестном выполнении работы, и обрушился на последнего с площадной руганью. Камышевым подан рапорт с просьбой освободить Лукомского от обязанностей его помощника. Приказом № 12 просьба Камышева удовлетворена: Лукомский за халатность и хулиганские поступки от всякой работы, связанной с механическим отделением, освобождён.

Камышев составлял акты на принимаемое оборудование, Лукомский – на сдаваемый инструмент и материалы.

Селезнёвым и Гороховым велась работа по заготовке стропил для дома рации и столовой. Приведена в порядок свободная тара: ящики и бочки сложены в одно место.

Дудкин и Куцев производили обычные метеоработы. Авгевич обрабатывал геодезические материалы.

*4 июля. Суббота.* Учитывая большие затруднения, встретившиеся при попытках пустить Норд-К, отдал Чугрееву распоряжение: попытки пустить Норд-К временно остановить и всё внимание переключить на устранение неполадок ПД-4 с тем, чтобы возможно скорее приступить к возобновлению попыток связаться при помощи рейдового передатчика.

Во время проверки ПД-4 Чугреев обнаружил обрыв в катушке сопротивления. Занимался перематыванием катушки. Лукомский производил сдачу, Камышев – приём инвентаря и материалов.

Селезнёвым и Гороховым убраны в погреб: капуста квашеная, лук солёный, сушёные овощи и пр.

Селезнёв приступил к тёске брёвен для двух дополнительных венцов к дому столовой.

Дудкин совершил экскурсию к плато с целью сбора растений. Авгевич – продолжение камеральной обработки геодезических материалов, фотоработы.

*5 июля. Воскресенье.* Чугреев продолжал выяснять неполадки ПД-4. Вечером пытался поднять антенну для длинных волн, но безрезультатно: верёвку, прикреплённую к антенне, заело на верхушке мачты.

Камышев производил ремонт подвесного лодочного мотора «Има» – делал новый прерыватель.

Селезнёв произвёл капитальный ремонт плиты. Горохов поднёс ему необходимые материалы. Поставил в костры плавник у механической мастерской. Убрал с Лукомским кислоту.

Лукомский складывал в клетки кирпич (на косе).

Авгевич – обработка материалов.

*6 июля. Понедельник.* Чугреев по-прежнему занят ПД-4. Попытки наладить его пока ни к чему не приводят.

Камышев изготовил новый прерыватель для мотора «Има».

Лукомский с Гороховым поставили на просушку 26 костров плавника по южному берегу лагуны.

Селезнёв сложил трубу (дом метеостанции). Дудкиным убиты две утки.

*7 июля. Вторник.* Чугреев отремонтировал детекторный каскад ПД-4. Появилась генерация, но сигналов всё же не слышно. Предложил Чугрееву изложить в докладной записке подробно состояние каждого передатчика, приёмника, что сделано для устранения обнаруженных

неполадок и каковы его намерения и предложения относительно дальнейших попыток установить связь.

Камышев изготавливал прерыватель для магнето мотора «Има». Изготовление весьма затруднено отсутствием старого прерывателя, утерянного Лукомским, каковой прерыватель послужил бы моделью при изготовлении нового.

Куцев от несения метеовахты освобождён, и на него и Лукомского возложена подготовка к ремонту домов. Ими поднесены с косы тёс и толь. Земля, служившая завалинкой, от юрты откопана, отброшена в сторону.

Горохов заготовил куль моха для дома, срыл с потолка столовой всю землю.

Селезнёв заготавливал балки для потолка столовой. Авгевич – продолжение вычислений. Дудкин – метеовахта.

### **Тщетные попытки наладить передатчик.**

#### **Увольнение Лукомского**

8 июля. Среда. От Чугреева получил рапорт, в котором он указывает на невозможность наладить ПД-4, неуверенность в рейдовом передатчике. Его мнение – продолжать выискивать причины срыва работы Норд-К. В письменном виде предложил Чугрееву: наладить длинноволновую антенну (она болтается на чрезвычайно незначительной высоте); ежедневно не менее получаса давать вызовы на рейдовом передатчике, принимая на КУБ-4; всё остальное время посвятить устранению неполадок Норд-К. Указал на необходимость самой интенсивной и продуманной работы.

Чугреев заявил, что антенну сможет поднять лишь по прекращении сильного дующего в настоящее время ветра. Я предложил попытаться поднять антенну, не дожидаясь хорошей погоды, по оттяжке, на что получил ответ, что это сделать невозможно, попытки им уже производились.

Видя отсутствие со стороны Чугреева должной энергии и инициативы в преодолении даже незначительных трудностей, решил действовать сам. Изготовил маленькое приспособление из комбинации толстой проволоки (биметалла) и блока, и при участии Камышева и Чугреева антенна быстро и легко по оттяжке была поднята на высоту около 17–18 метров (была возможность поднять и выше).

Лукомский сегодня работать отказался, не указав причины.

Приказом № 13 за отказ от работы из числа работников станции уволен.

Дудкин от метеовахты освобождён. Он вместе с Селезнёвым, Гороховым и Авгевичем производил работу по подъёму потолка столовой. Добавили два новых венца. Плахи потолка строгаются.

Работа закончена наполовину. В связи с ремонтом функции кухни и столовой выполняет баня.

*9 июля. Четверг.* Чугреевым поставлены на просушку трансформаторы. Производил вызовы на рейдовом передатчике. Слышал передачу Тикси на коротких волнах. Давала SQ метео Ленского полярного района. Вчера слышал «Красина», звавшего какие-то суда. Слышимость была замечательная.

Селезнёвым, Дудкиным, Гороховым и Авгевичем продолжались работы по переустройству верха столовой. Положен потолок, оказавшийся на 40 см выше прежнего. Закончена засыпка земли. Вымыты стены столовой, выброшен строительный мусор.

*10 июля. Пятница.* Сушка трансформаторов Норд-К продолжалась. По-прежнему повторяли вызов Тикси, Шалаурова, Челюскина. Сегодня была слышна передача Шалаурова Якутску. Слышимость хорошая. «Красин» стоит вблизи какой-то станции. Было принято сообщение, что баркасы вышли к «Красину».

Вымыты полы в доме рации, столовой, механической. Столовая вновь оборудована полками, вешалками и прочим. После обеда повар перебрался на кухню (столовую), баня же использована по своему прямому назначению (банный день).

Средняя температура за декаду 5,7 град.

*11 июля. Суббота.* Чугреев продолжает просмотр Норд-К, сушку трансформаторов.

Селезнёв – заготовка стропил для крыши рации и столовой. Горохов – уборка в костры плавника на косе. Вечером Соколов, Горохов, Авгевич, Селезнёв привели в порядок заготовленный на косе плавник (поставлен в костры), ссыпаны в одно место глина и песок.

Кущев и Лукомский отлучились со станции на несколько часов без моего разрешения.

*12 июля. Воскресенье.* Днём состоялась попытка пустить Норд-К. Испытание показало, что он по-прежнему не налажен. Последние два дня вызовы Чугреевым не производились.

Селезнёв и Горохов – установка стропил на крыше столовой и рации. Камышев – налаживание руль-мотора. Авгевич – составление отчёта о геодезических работах.

Дудкин и Куцев, кроме обычной метеоработы, – подготовка к отправке в Москву метеоматериалов.

Куцеву за самовольную отлучку вынес выговор (приказ № 14).

*13 июля. Понедельник.* Чугреев продолжал работу с Норд-К. Произвёл вновь испытания и вновь те же результаты.

Камышев произвёл испытания подвесного мотора на берегу. Заводился легко, с одного рывка. Необходимо испытать качества мотора на воде, чему препятствует сильный прибой.

Селезнёв и Горохов – покрытие крыши столовой и укрепление стропил обрезками железных обручей. Авгевич весь день был занят установкой двух вех (около 8–10 км от станции).

*14 июля. Вторник.* Чугреев – вызовы на рейдовом, просмотр Норд-К. Камышев – работа над подвесным мотором.

Авгевич – фотоработы и подготовка к поездке для геодезических работ к западу от станции.

Селезнёв покрыл тёсом крышу дома столовой и рации. Горохов оказывал ему помощь.

Вечером в 9 часов Авгевич, Куцев и Горохов выехали на шлюпке под парусом на запад (20–30 км от станции) для производства геодезических работ. Было необходимо построить и отнаблюдать два знака, чтобы этим сомкнуть две цепи треугольников, бывших до сего времени разомкнутыми.

*15 июля. Среда.* Чугреев и Камышев – то же, что и вчера. Селезнёв приготовил нижнюю раму обвязки сеней, которые должны быть закончены с прибытием тёса. Сени строятся на месте старых, временных, примыкающих к дому рации и юрте. Часть сеней будет отведена в распоряжение повара для хранения месячного запаса продовольствия.

Вечером пришёл Горохов. Сообщил, что дошли благополучно, но шлюпку на косу вытащили с большим трудом. Авгевич с Куцевым остались работать, Горохов пришёл за хлебом. Завтра утром Горохов вернётся к Авгевичу. Появиться на станции снова должны числа 18-го.

*16 июля. Четверг.* Чугреев по-прежнему безуспешно вызывает на рейдовом. Дал устные указания о необходимости насколько возможно увеличить число вызовов. Несмотря на то что работа над Норд-К за-

нимала мало времени, Чугреев до сих пор ограничивался минимумом вызовов, именно двумя-тремя, а иногда не выполнял и его. При такой работе, конечно, шансов на успех немного.

Селезнёв приготовил верхнюю раму обвязки и стойки сеней.

Камышев – испытания подвесного мотора.

*17 июля. Пятница.* Чугреев – вызовы на рейдовом, просмотр Норд-К. Селезнёв – изготовление стропил к сеням. Дудкин – метеовахта и подготовка материалов для отправки в центр.

*18 июля.* Чугреев продолжает вызовы на рейдовом. Камышев – налаживание подвесного мотора. Селезнёв – установка стропил сеней, кормёжка собак.

Вернулись на шлюпке бечевой Авгевич, Горохов, Куцев и промышленник ПОСа Лебедев. В нужных местах в результате работы поставлены два знака и отнаблюдены.

Проба подвесного мотора на воде. Завёлся скоро (на авиабензине), но не подавал воду насос охлаждения.

*19 июля.* Чугреев – то же. Камышев – работа по ремонту насоса подвесного мотора. Селезнёв – кладка временной трубы дома рации. Изготовление планок для покрытия крыши толем.

Куцеву приказом № 16 вынесен строгий выговор за убийство двух молодых песцов.

Повар Шияфитдинов подал рапорт с просьбой освободить от тяжёлой работы – носки воды и дров. Освобождён – эта работа возложена на каюра Горохова.

*20 июля.* Чугреев – то же, что и раньше.

Камышев – налаживание насоса и проба мотора на воде. Насос необходимо менять.

Селезнёв, Авгевич, Дудкин, Соколов – авральная работа с утра до обеда по уборке мусора.

Баннйй день. Впервые мылись солёной водой – по случаю отсутствия на близком расстоянии пресной.

Повар Шияфитдинов подал рапорт о предоставлении ему отпуска на несколько дней в связи с ухудшением здоровья. Отпуск предоставлен на 3 дня. Выпечка хлеба оставлена на обязанности Шияфитдинова. Дудкин убил 6 уток. Найден выброшенный на берег

морж, самка, очевидно, убитый около трёх недель назад Дудкиным. Видны следы пули.

21 июля. Чугреев – то же. Камышев – ремонт и чистка подвесного мотора. Селезнёв – изготовление планок и покрытие крыши толем. Покрыта почти вся крыша дома рации и сени.

Дежурный по кухне Горохов.

Промышленникам ПОСа выдано взаимобразно некоторое количество продовольствия.

Авгевич – отнаблюдено три пункта, находящихся на расстоянии 8–13 км от станции.

22 июля. Дежурный по кухне – Селезнёв. Камышев – проба подвесного мотора на воде. Авгевич – камеральная обработка геодезических материалов.

23 июля. Дежурный по кухне – Камышев. Селезнёв – распиловка и обработка берёзового кряжа (приготовление полозьев для нарт).

Горохов – складывание кирпича в штабели (на косе). Авгевич – вычерчивание схемы тригонометрической сети.

Общее собрание сотрудников с повесткой дня:

1) Обсуждение письма в Политуправление ГУ СМП по вопросу о сотруднике станции Лукомском;

2) Информация начальника станции о положении станции в настоящее время.

21 июля Чугреев слышал «Красин», находившийся в проливе Лонга. Стоял в 9-балльном льду.

24 июля. Повар приступил к работе. Чугреев – работа по обычной программе. Камышев – зарядка аккумуляторов. Селезнёв – упаковка аккумуляторов для отсылки в Москву.

Авгевич – чертёжные работы.

25 июля. Чугреев слышал «Красин». Последний вместе с «Ванцетти» и «Смоленском» подходят к Колыме. Селезнёв – упаковка аккумуляторов и РМ-5 для отсылки в Москву. Изготовление двух носилок.

Горохов и промышленник Лебедев поставили 35 костров плавника (около 50 кбм) на ближней западной речке и две пасти (первые).

Авгевич – отнаблюдал два знака на расстоянии 8 км от станции.

26 июля. Чугреев вечером слышал передачу телеграммы со Шмидта на Челюскин об аварии самолёта. Принял лишь обрывки. Самолёт перевернулся вверх колёсами и опрокинулся в воду.

25-го принята телеграмма об аварии самолёта Сизых в Булуне. Поломана рама мотора.

Селезнёв – настил пола сеней. Стены временные (до прихода судна), из фанеры и брезента.

Камышев, Лебедев, Лукомский на шлюпке с подвесным мотором повезли промышленникам продукты. На обратном пути мотор встал (засорился карбюратор). Пришлось тянуть шлюпку бечевой. Оставили её в 4 км от станции и пришли за помощью. Посланы были Горохов и Чугреев с собаками, которые справиться не могли, и пришлось снова помогать Лукомскому и Кущеву.

Авгевич – наблюдение сети (веха «Брусковый») в 7 км от станции. Фотоработы.

27 июля. Чугреев – проверка приёмника «Вьючки». Камышев – налаживание динамки «Вьючки». Селезнёв – устройство крыльца у сеней и подготовка материала для дверных косяков юрты.

Камышев заявил, что динамка «Вьючки» может быть использована при условии сообщения возбуждения от аккумуляторов. Быть может, окажется опыт удачным и связь установим при помощи «Вьючки»?

28 июля. Чугреев – налаживание передатчика «Вьючки». Произведена проба, показавшая, что передатчик в порядке. Установлена антенна для «Вьючки». Камышев менял старый фильтр карбюратора подвесного мотора на новый, сделанный из сетки защитных очков.

Горохов поставил 15 костров плавника (около 25 кбм) и сделал 3 пасти.

Селезнёв – работа над устройством двери в механическую мастерскую.

Авгевич – камеральная обработка геодезических материалов.

### **Попытки работы с ручным приводом к динамо**

29 июля. Чугреев – настраивание передатчика. До вечера добиться нужной передачи длины волны – 47 м – не удалось.

«Солдат-мотор» требует весьма большого приложения сил от лица, взявшегося его обслуживать. Один человек может без остановки давать динамо необходимые обороты лишь в течение 3–5 минут, не больше, и то при напряжении всех сил.

«Солдат-мотор» может быть использован лишь для одновременного короткого сообщения, держать же на нём регулярную, хотя бы и минимальную связь, возможности нет, если даже связь и будет установлена.

Селезнёв закончил устройство дверей (временных) в механическую. Горохов с Лебедевым поставили 30 костров плавника (около 50 км) и построили семь пастей.

Авгевич – камеральная обработка материалов и подготовка к съёмке: налаживание планшета и пр.

Вечером Соколов, Камышев, Дудкин и Августевич произвели неудачную попытку отправиться на шлюпке с подвесным мотором в лагуну с целью обследования входа в неё и промера. Мотор легко заводился, но, проработав минуту-две, затухал. По мнению Камышева – из-за недостаточной подачи горючего.

30 июля. Чугреев – вызов на коротковолновом передатчике – «Вьючке». Ответа не последовало.

Селезнёв – устройство наружной стены (южной) юрты. Для этой цели пришлось использовать ящики, досок нет. Подготовлены доски для фронтона дома рации и столовой – тоже от ящиков.

Пришли промышленники Иванов Гавриил и Горохов Михаил. Ими построено 98 новых пастей, дом у Киенг-Урасы и юрта в 20 км от станции. Эта юрта, вероятно, будет называться Танг-Де («дом у гор»).

Авгевич – камеральная обработка и ремонт «Лейки».

31 июля. Чугреев ночью слышал суда. «Ермак» находился на Диксоне, сообщал шедшему в Карском море «Литке» о скором выходе в пролив Вилькицкого. «Молотов» и «Крестьянин» подходили к Мурманску (вероятно, из Ленинграда).

Какая-то станция (позывные не приняты) сообщала, что «Красин» стоит у станции и готовится к выходу в ледовую разведку к Медвежьим островам.

Завтра, 1 августа, днём начнём ежечасные вызовы «Вьючкой» и продолжим их до полудня 2 августа, т. е. будем передавать в течение суток.

Селезнёв – обшивка юрты, замазка плиты, изготовление козел для подвесного мотора.

Баный день. Августевич – фотоработы. Дудкиным убиты 3 утки.

Соколов пытался подняться на мачту для подъёма опущенной антенны. Попытка не удалась: к вершине мачта тонка и когти скользят.



*Геодезист В. И. Авгевич*



*В. И. Соколов готовится лезть на мачту*

---



*«Солдат-мотор» для привода динамо вручную*



*Плотник Селезнёв делает дорожную печку*

---

Требуется сделать два новых зубца, и тогда можно подняться выше и тонким шестом поправить тросик.

Выдача продовольствия на август. Иванов – бригадир промышленников – ушёл пешком в Тас-Де, где будет устраивать «ороны» – нары и пр. Завтра уйдут Лебедев и Горохов со всеми собаками. Договорился с Ивановым о взаимной помощи и содействии друг другу.

*1 августа.* В 11 часов московского времени начаты вызовы на «Вьючке». Через 15 минут – 3 минуты работы передатчика. Более трёх минут одному человеку приводить в действие «солдат-мотор» трудно.

Авгевич и Селезнёв – мензальная съёмка окрестностей станции.

Каюр Горохов жалуется на боль в спине. Вечером 31 июля Авгевичем поставлен горчичник. От работы Горохов освобождён. Ушли на собаках, взяв ветку станции (взаимообразно), Лебедев и Горохов М.

*2 августа.* Ночью вызовы на «Вьючке» прерваны. Как объяснил радист – из-за изменения волны. Всего сделано 38 вызовов общей продолжительностью 1 час 47 минут. Ответа не последовало. Слышал вызовы судов, но местонахождение их осталось неизвестным. Авгевич – съёмка построек станции и фотоработы.

Селезнёв – ремонт плиты и хозяйственные работы.

*3 августа.* В ночь на 3 августа Чугреев и Камышев заняты были составлением отчётов о работе.

Авгевич и Селезнёв целый день были заняты топографической мензальной съёмкой окрестностей станции. Горохов – хозяйственные работы.

Вечером Селезнёвым замечены вдаль, в тундре, тёмные две движущиеся точки, которые он принял за оленей. Были посланы на охоту Горохов и Дудкин. Вернувшись ночью, они сообщили, что в указанном им Селезнёвым направлении ни оленей, ни их следов не встретили.

Вечером, после ухода на охоту Дудкина и Горохова, было поручено Кущеву принести на кухню воды. Он отказался, мотивируя тем, что принёс вчера и приехал на станцию не для хозяйственных работ. Кущев, за исключением вечера 2 августа, когда им была принесена вода, начиная с 7 июля на хозяйственные работы не отвлекался, тогда как другие работники несли суточное дежурство на кухне в период отпусков повара, работали по очистке площадки станции от мусора, по уборке плавника и пр.

На Кущева, как имеющего выговор и строгий выговор, нового взыскания не наложил и считаю необходимым сообщить о его поведении докладной запиской Полярному управлению ГУ СМП.

*4 августа.* Авгевич до 4-х час. утра составлял и вычерчивал план расположения сооружений станции. Вечером с Гороховым – мензурная съёмка.

Селезнёв – окончание обшивки восточной стены юрты, зашит досками (от ящиков) восточный фронтон дома рации.

*5 августа.* Авгевич и Куцев – мензурная съёмка окрестностей станции. Селезнёв – зашит досками (от ящиков) западный фронтон дома рации.

Поваром Шияфитдиновым подан рапорт с просьбой установить определённые часы для приёма пищи и воспретить работы в столовой после 12 часов ночи.

*6 августа.* Авгевич и Куцев до 2-х часов – мензурная съёмка. Куцев подал рапорт с просьбой освободить от работы на воздухе в связи с болью в ухе и зубной. После обеда Авгевич приступил к снятию кальки с планшета съёмки окрестностей станции.

Приказом № 18 назначил точное время для приёма пищи сотрудниками и воспретил какие-либо занятия в столовой после 12 часов ночи, чтобы обеспечить нормальный отдых повару.

Селезнёв покрывал крышу столовой толем. Горохов – заготовка дров на период выгрузки.

*7 августа.* Авгевич ввиду плохой погоды съёмкой не занимался. Снимал кальку с планшета (для отправки в Полярное управление).

Селезнёв сделал дверку на чердак дома рации.

Вечером – авральная работа по укреплению плотины водоёма – 1 час. Работало 8 человек.

*8 августа.* Авгевич – мензурная съёмка окрестностей. Селезнёв с утра до обеда – с Авгевичем, после обеда – хозяйственные работы. Куцев после обеда и до вечера – с Авгевичем.

Вечером Камышев сообщил новость: совершился блестящий перелёт Леваневского из Москвы через полюс в Сан-Франциско! Узнали также о событиях в Японии, фашистском мятеже в Испании. Передавала Хабаровская радиовещательная станция.

*9 августа.* Авгевич весь день занят мензульной съёмкой. До полудня в помощь ему был послан Селезнёв, после полудня – Куцев. Селезнёв закончил крыть крышу столовой и рации.

Хозяйственные работы: подноска мяса для вымачивания и т. п.

*10 августа. Вторник.* Авгевич – съёмка кальки с планшета. Селезнёв – устройство козел для выгрузки. Куцев и Дудкин – подготовка материалов к отправке в Москву.

Чугреев надежду на установление связи потерял. Это видно по всей его работе, или, вернее, по отсутствию последней.

Баннй день.

*11 августа. Среда.* Авгевич – мензульная съёмка окрестностей. Горохов – помощь Авгевичу (до обеда), хозяйственные работы. Куцев – помощь Авгевичу с обеда до вечера. Камышев – составление схемы электропроводки.

Селезнёв – окончание козел.

*12 августа. Четверг.* Авгевич – мензульная съёмка. Селезнёв до обеда – помощь Авгевичу, после обеда – мелкие работы (исправление ручки к ящику барометра и пр.). Горохов – работы по вымачиванию мяса. Куцев – после обеда до вечера – помощь Авгевичу в съёмке.

Авгевич мензульную съёмку окрестностей станции (3 кв. км в масштабе 1:50000) закончил.

Соколов и Дудкин принесли найденную Селезнёвым на берегу лагуны жердь длиной 13 м. Годна для верхушки проектируемой мачты.

Камышев – работа над руль-мотором.

*13 августа. Пятница.* Авгевич – вычерчивание кальки планшета мензульной съёмки. Селезнёв – конопатка столовой (паза, проложенного кошмой) и мелкие работы (изготовление ящика для метеоматериалов и пр.).

*14 августа. Суббота.* Авгевич – окончание кальки. Вычерчивание маленькой кальки для метеорологического отчёта. Фотоработы (к отчёту о работе станции и пр.).

Камышев – работа над ремонтом руль-мотора. Селезнёв – с утра отправился на ближнюю речку для розыска брёвен для флюгера и мачты. Нужные брёвна нашёл, с наступлением тихой погоды (спокойное море) будут сплавлены на станцию.

После обеда – изготовление лафетов для окон столовой.

*15 августа. Воскресенье.* Авгевич – весь день занят печатанием снимков. Селезнёв – изготовление оконных лафетов. Камышев – ремонт руль-мотора. Чугреев ежедневно принимает сводки ТАСС, зачитываемые вслух за утренним чаем. Последние известия: вскрытие контрреволюционных троцкистско-зиновьевских групп, фашистский мятеж в Испании, возвращение в Москву лётчиков Чкалова с товарищами, перелёт Леваневского.

*16 августа. Понедельник.* Селезнёв – изготовление оконных лафетов. Авгевич – окончание печатания снимков, сортировка их.

Утром состоялась новая проба мотора на воде. Запускается мотор быстро, но тут же и останавливается. Карбюратор требует замены, не может подавать горючее в нормальном количестве.

После вечернего чая – авральная работа по сплаву брёвен для новой мачты, флюгера и предполагаемой к постройке новой бани.

Камышев не участвовал, отказался.

*17 августа. Вторник.* Селезнёв – приготовление материала для рам столовой. Горохов – изготовление копыльев для новых нарт. Авгевич – составление отчёта о геодезических работах.

Утром обнаружили павшего Каюра. Вчера был здоров и весел. На теле никаких повреждений не обнаружено. Горохов вскрыл его, но ни в глотке, ни в желудке ничего подозрительного не нашёл. Причина смерти Каюра непонятна.

Вечером в собачьей драке сильно досталось тиксинскому Огонеру. На затылке вырван кусок шкуры, порваны уши. Всех буйных собак посадили на цепь.

*18 августа. Среда.* Авгевич – составление отчёта о геодезических работах. Селезнёв вставил новые оконные лафеты в западное окно столовой, увеличив его. Временно оконный проём закрыт брезентом. После обеда Селезнёв был занят изготовлением рамы для окна. Горохов поставил четыре новых пасти, доведя общее их количество до 18 штук.

*19 августа. Четверг.* Авгевич – вычерчивание схемы триангуляции, прилагаемой к отчёту, и карт маршрутов поездок на собаках в 1935/36 г. Селезнёв окончил раму и вставил её в западное окно столовой.

Камышев подал рапорт с просьбой снять с него ответственность за РМ-2, находящуюся в радиорубке и по какой-то причине за последние дни отказывающуюся работать. Чугреев подал рапорт с просьбой

передать РМ-2 на его ответственность. Предложил Чугрееву выяснить причины отказа в работе РМ-2.

*20 августа. Пятница.* Авгевич – окончание отчёта. Селезнёв и Горохов – хозяйственные работы.

Баннный день.

Так как Чугреев всё ещё неполадки РМ-2 не выяснил, обязал его приказом № 19 сообщить мне рапортом 21 августа о состоянии РМ-2. Тем же приказом предложил сдать Чугрееву вахтенный журнал и Камышеву – машинный для отправки в Москву.

*21 августа. Суббота.* Селезнёв, Дудкин, Горохов на весь день ушли на запад ставить пасти. За день поставлено 15 пастей. Общее количество пастей = 33 шт.

Камышев – ремонт карбюратора подвесного мотора.

Чугреевым сдан вахтенный журнал и рапорт о состоянии РМ-2. Причина отказа РМ-2 в работе – густая смазка подшипников (вазелин). Заменён трансформаторным маслом.

Во время постройки пастей найдена на берегу выброшенная волной мелкая рыбка в количестве около 20 шт., размером около 13–15 см. По предположению Авгевича – навага. Поджаренной оказалась высоких вкусовых качеств.

Камышевым сдан машинный журнал.

### **Авральные работы во время шторма**

*22 августа. Воскресенье.* Во вторую половину дня дождливая погода сменилась штормом. К 19 часам ветер усилился до 24 м/сек при направлении WNW. Набегающие валы стали размывать пересыпь и перекатывались через неё. На пересыпи находился груз: кирпич целый около 1200 шт. и битый около 600–700 шт., шлюпка, мука. Шлюпку общими усилиями перетащили в безопасное место под укрытие склона берега, муку, сложенную на довольно высоком помосте, но всё же некоторой опасности подвергавшуюся, также перенесли на безопасное место (муки было около 75 кулей). Кирпич был сложен в клетки на самом высоком месте косы – на гребне – и подвергся действию прибоя в первую очередь. Клетки рухнули, и большая часть кирпича была отнесена вниз по склону косы к лагуне.

Работы по переброске муки велись авральным порядком. Все сотрудники от ударов набегавших волн и брызг промокли насквозь.

*23 августа. Понедельник.* Шторм медленно затихал. К вечеру ветер упал до 6 м/сек. Велись мелкие хозяйственные работы. Обнаружилось, что тригонометрические знаки вблизи станции штормом повалены. Утром найдена с разорванным горлом ездовая собака Цюцик, одна из лучших наших собак. Собаки во время шторма были с цепи спущены, и в ночь на сегодня Цюцик погиб.

*24 августа. Вторник.* Утром умеренный ветер. Вечером усилился до 12 м/сек. Море продолжает быть бурным.

С утра – авральные работы по приведению в порядок груза на пересыпи, и пр. Куцев и Чугреев выкопали ямы для столба оттяжки и поставили столб вместо столба, стронувшегося со своего места во время шторма и ненадёжного. К одному из столбов сделана насыпь для уменьшения глубины оттаивания грунта. Соколов, Дудкин, Авгевич, Горохов, Селезнёв – сбор разнесённого по косе кирпича и перенос его на безопасное место. Сбор плавника. Устройство площадки для груза. Селезнёв – ремонт плиты. Камышев в авральных работах не участвовал, покинул их.

*25 августа. Среда.* Шторм возобновился. Сотрудники заняты мелкими хозяйственными работами и работали по самообслуживанию (стирка, ремонт одежды).

*26 августа. Четверг.* Расширено второе окно столовой, вставлены лафеты (Селезнёв и Горохов). Возобновили попытки наладить связь с помощью «Вьючки». Вольтметр просмотрен Камышевым, обнаружено небольшое повреждение сопротивления, им устранённое. Вызывали четыре раза по 2 мин., ответа на вызовы не получили.

*27 августа. Пятница.* Изготовлена и вставлена рама во второе расширенное окно столовой. Продолжались вызовы на «Вьючке». Произвели 13 вызовов общей продолжительностью работы 32 мин. Ответа не получили. Чугреев внёс предложение вынести передачу за пределы станции и испытать слышимость «Вьючки».

*28 августа. Суббота.* Расширено третье окно столовой, вставлены лафеты. С целью испытать «Вьючку» на расстоянии Чугреевым на пересыпи поставлены антенна и противовес. Вечером слышали переговоры Диксона с Москвой, из которых можно заключить, что западный караван только что покинул Диксон и направляется к мысу Челюскина.

*29 августа. Воскресенье.* Вставлены рамы в третье окно столовой. Изготовлены и навешаны двери сеней столовой.

До обеда – испытание «Вьючки» на расстоянии 1 км.

В 16 час. 40 мин. местного времени (10 час. 28 мин. московского) нас услышал Тикси, вызывавший в это время самолёт Леваневского. Попросили подождать до окончания работы с Леваневским. Чугреев решил, что, пока ведётся работа Тикси с Леваневским, нужно подзарядить аккумуляторы. Заряжали час. После зарядки услышать Тикси и связаться не удалось. Был услышан телефонный разговор о пролёте Леваневского без снижения в Тикси на Булун. Вызывали 13 раз. Общая продолжительность работы – 42 мин.

*30 августа. Понедельник.* С утра возобновили вызовы, но ответа не получили. Старались слушать в 10.00–11.00, когда вчера работала и слышала нас ст. Тикси, но на этот раз Тикси слышно не было.

Из принятых чужих телеграмм узнали о прилёте Молокова и Бергавинова в Нордвик и посылке самолёта Молокова на ледовую разведку к проливу Вилькицкого.

Собран и поставлен второй флюгер – с лёгкой доской. Изготовлена рама для окна сеней столовой.

Вызывали 7 раз, продолжительность работы – 35 мин.

*31 августа. Вторник.* Банный день. Селезнёв, Горохов и Дудкин ушли на 4 дня на постройку пастей. Должны вернуться 4 сентября. Будут работать по берегу лагуны станции. Слушали работу станций. Вызовов не слышали.

*1 сентября. Среда.* Вызывали 6 раз, продолжительность – 22 мин. Работа на ручном динамо весьма утомительна. Из подслушанных телеграмм узнали, что в этом году в районе пролива Вилькицкого чрезвычайно тяжёлые ледовые условия и караван находится:

88-30-00 и 75-00 N, т. е. ещё далеко не дошёл до Русского. В помощь «Ермаку» вызывается «Красин», находящийся в районе Ванкарема и отправляющийся на запад 2 сентября.

На свои вызовы ответа не получили.

*2 сентября. Четверг.* Днём Чугреев услышал, что Тикси вызывает Котельный. Немедленно стали отвечать, но ответа на наш вызов не последовало. Вызывали ещё несколько раз, но всё безрезультатно.

Наступили холода, лёгкий снег покрыл землю. Решил вплотную заняться хозяйственными работами, чтобы зиму встретить во всеоружии. Необходимо строить работу станции без расчёта на пароход.

*3 сентября. Пятница.* Вызывали 4 раза – 10 мин. Ответа нет. Вернулись, построив 67 пастей Селезнёв, Горохов и Дудкин. Общее количество пастей доведено до 100 шт. Признаков оленей или медведей не обнаружили.

*4 сентября. Суббота.* Первый день общих хозяйственных работ. Засыпаны землёй восточная стена юрты и большая часть крыши. Подготовлена под засыпку часть северной стены. Наполовину готова завалинка у домов рации и столовой. Камышев переделал выхлоп из вертикального в горизонтальный, чтобы оседающая на трубе влага не стекала в цилиндры.

Суда западного каравана за архипелагом Нордшельда вышли на чистую воду.

*5 сентября. Воскресенье.* Засыпана землёй часть северной стены юрты, закончена завалинка столовой и рации, насыпана завалинка у дома метеостанции и столярной мастерской. Подготовлена обшивка западной стены юрты и большая часть северной.

После обеда – подноска плавника с косы к жилым домам, распиловка.

Вечером, четыре раза меняя волны, вызывали на рейдовом и три раза – 26 мин. работы – на «Вьючке». Результат прежний.

Из перехваченной телеграммы узнали, что суда западного каравана в проливе Вилькицкого.

Заготовлено 7 ящиков глины на ремонт печей.

*6 сентября. Понедельник.* Общая работа: окончание обшивки и засыпки стен юрты.

В окрестностях станции найдено три нарты и остатки четвёртой, выброшенные морем в шторм.

Пополнен запас собачьего корма. Тщательно вычищена и приведена в порядок баня. Вставлена рама в сени дома рации.

Вызывали два раза на рейдовом и четыре раза – 39 мин. – на «Вьючке».

*7 сентября. Вторник.* До обеда Соколов, Авгевич, Кущев и Чугреев ставили костры плавника, упавшие в шторм. Камышев – зарядка аккумуляторов. Горохов нашёл и закопал в гальку 5 нерп (на участке от станции до протоки). Селезнёв – подготовка материала для двери юрты, сделана задвижка для вытяжной трубы, шкафчик.

*8 сентября. Среда.* Заготовлено и оставлено на месте заготовки до санного пути восемь ящичков песку для ремонта печей (в 1 км к западу от станции). Навешена постоянная дверь у юрты. Найдена 1 нерпа.

Вызывали на «Вьючке» 3 раза – 13 мин. Камышев предложил взяться за изготовление однолампового длинноволнового приёмника. Приступил к сборке.

### **Выход из строя динамо**

*9 сентября. Четверг.* Вызывали в течение 2-х минут, после чего динамо перестало возбуждаться. Проверка контактов дело не исправила. Камышев заявил о необходимости разборки динамо, отложенной на завтра ввиду позднего времени.

Камышев продолжал сборку длинноволнового приёмника.

Сведений о западном караване нет уже 4 дня.

Дверь юрты обита оленьей шкурой и брезентом. Разбитые стёкла в окнах юрты заменены новыми.

*10 сентября. Пятница.* Камышев – разборка динамо «Вьючки» и выяснение причин её отказа в работе. По его мнению, пробита изоляция обмотки возбуждения и местными средствами исправить дефект нельзя. Таким образом, дальнейшие попытки установить связь с помощью «Вьючки» повторены быть не могут.

Продолжение сборки длинноволнового приёмника.

*11 сентября. Суббота.* Соколов, Дудкин, Авгевич и Горохов утром на шлюпке, на бечеве, пошли на северо-восток по косе с целью установки опрокинутых знаков, промеров протоки и доставки найденных Гороховым нерп (6 шт.).

В полдень был отлив, и вода сильным потоком шла из лагуны в море. Произвести промеры было затруднительно. У протоки нашли большую нерпу. Переплыв через протоку, прошли по берегу косы до мыса, но нерп больше не видели.

Восстановили знак на мысу. Здесь берег сложен четвертичными отложениями. Ископаемый лёд залегает под мощными земляными массами, поэтому берег отступает медленнее, чем у станции.

Попив чаю у протоки, где была оставлена шлюпка, принялись за промеры протоки и ближайшего участка моря, что сделать было очень удобно, т. к. начался прилив и течения в протоке не было. Протока оказалась глубиной более 3 метров, но чтобы попасть в неё, нужно пройти с моря бар с полутораметровыми глубинами, причём близко около протоки есть место, даже обнажающееся от воды. В лагуне глубина также около 1 ½ метров.

На шлюпке или на небольшом катере в хорошую погоду войти в лагуну можно без затруднений. Во время отлива же несущаяся из лагуны вода создаёт у входа в протоку сильные буруны. В штормовую погоду, по моему мнению, вход весьма опасен, т. к. шлюпки на мелких местах могут быть разбиты.

На протяжении всей косы от станции до протоки, т. е. на расстоянии около 9 км, изредка среди гальки попадаются кирпичи. Очевидно, такое далёкое путешествие кирпич проделал за один год (с момента прошлогодней выгрузки).

На обратном пути обнаружили, что одна из нерп съедена медведем. Следы медведя и волочившейся нерпы вели в море.

После захода солнца, т. е. в 8-м часу вечера, на северо-северо-западном горизонте увидели столбы, весьма сходные со столбами дыма. Их было два. Небо было безоблачно, и столбы поднимались от воды прямо вверх и держались весьма устойчиво. Спустя некоторое время после того, как столбы исчезли, от воды вверх снова поднялся столб, медленно расплывшийся. По общему мнению наблюдавших дым, на Генриетту пошло судно для организации станции.

Селезнёв готовил материалы для новой двери столовой. Камышев – продолжение сборки приёмника.

*12 сентября. Воскресенье.* Сняты старые косяки двери столовой, дверной проём увеличен, поставлены новые косяки.

Горохов и Дудкин отправились на охоту на оленей, замеченных нами вчера километрах в 12 от станции на бровке плато. Вернулись вскоре, т. к. развалившаяся обувь требовала домашнего ремонта.

Камышев закончил сборку приёмника.

*13 сентября. Понедельник.* Навешена новая дверь в столовой.

Горохов рассортировал мясо и жир добытых нерп. Положил две пары полозьев в озерко для отмачивания.

Камышев испытал собранный приёмник. Работает, но никаких станций не слышно, очевидно, требуется усилитель. Завтра будет использован для определения длины волны работающего на станции рейдового передатчика.

Начали переделку одной собачьей дохи на одеяло – подготовка к осенним поездкам.

*14 сентября. Вторник.* Камышев и Чугреев проверяли длинноволновый одноламповый приёмник, вынеся его на косу, на расстояние 1 км от станции. По словам Камышева, сигналы слышны были.

Соколов, Авгевич, Селезнёв – пошивка мехового одеяла.

*15 сентября. Среда.* С утра до 4-х часов дня Соколов, Авгевич и Горохов работали по восстановлению упавшего знака «Домашний» в 6 км от станции и вехи – на 2 км дальше от станции. На обратном пути прибуксировали выброшенную морем нерпу, найденную несколько дней назад Гороховым.

Вечером – продолжение пошивки мехового одеяла.

Чугреев перехватил сообщение «Красина» в Анадырь о резком улучшении, произошедшем сегодня в проводке западного каравана. «Ермак» с судами вышел в море Лаптевых, успешно продвигается. «Литке» идёт на восток, находится на меридиане устья Индигирки. Восточный караван возвращается обратно, прошёл Медвежьих острова.

Камышев подал рапорт об отказе Чугреева проверить его, Камышева, вычисления длины волны, излучаемой рейдовым передатчиком. Обратившись к Чугрееву с вопросом о причинах отказа в проверке вычислений, получил ответ, что приёмник, изготовленный Камышевым, якобы не работает и работать не может из-за неправильного устройства гридлика. Завтра Чугреев даст приёмнику письменную характеристику.

Селезнёв сделал лесенку к вышке.

### **Охота на моржей**

*16 сентября. Четверг.* Ночью все были разбужены по случаю неожиданной охоты на моржей. Два моржа – большой и поменьше – подошли вплотную к берегу и стали «шипеть» на подбежавших собак. Видевший это Куцев разбудил Горохова, и они убили меньшего моржа, поплыв-

шего вверх брюхом, и, по-видимому, убили и большого, т. к. он сразу затонул и на поверхность воды больше не показывался. Поиски его не обнаружили. Убитого моржа, самку весом около 25 пудов, вытаскивали полным составом зимовки.

С утра и до вечернего чая Горохов и Селезнёв работали над разделкой туши моржа. Шкуру нарезали ремнями. Мяса и жира получилось 4 бочки. Печёнка – полное ведро – пошло в фонд нашего продовольствия. В обед ели свежую тушёную моржовую печёнку. Несмотря на хороший вкус и отсутствие какого-либо постороннего запаха, часть сотрудников печёнку есть не стали.

На моё обращение к Чугрееву о даче характеристики длинноволнового приёмника и возможности его использования как волномера Чугреев письменно ответил, что для получения характеристики приёмника нужно обратиться в радиолaborаторию в Москву. Все ссылки на невозможность изготовления гридлика являются лишь отговорками с целью избежать работы и иметь возможность сложить руки ждать прибытия парохода. Гридлик к приёмнику можно изготовить из материалов, имеющихся у нас. После того как на это было Чугрееву указано, он ничего возразить не мог. Считает всё же, что длину волны с помощью однолампового приёмника определить нельзя.

Закончена пошивка мехового одеяла.

*17 сентября. Пятница.* Провешены три створа перпендикулярно береговому обрыву – проведена подготовка к нивелировке обрыва с целью определения скорости разрушения берега.

Селезнёв – подготовил обвязку для внутренней стены маленькой кладовой, устраиваемой за счёт уменьшения размера сеней при доморации и столовой.

Камышев – смазка руль-мотора и прочистка запасной машины HN-30.

*18 сентября. Суббота.* Пронивелировано три створа поперёк берегового обрыва. Составлен профиль. Домашние работы – ремонт одежды и пошивка зимней обуви.

*19 сентября. Воскресенье.* Домашние работы – пошивка одежды.

*20 сентября. Понедельник.* Банный день. Ремонт одежды.



*Возле станции подстрелили моржа*



*Собираем плавник в кучи для просушки*

---

*21 сентября. Вторник.* До обеда Соколов, Куцев, Дудкин, Селезнёв, Горохов и Авгевич ставили плавник на косе, прилегающей к станции. Поставлено 30 костров. После обеда, до чая, те же сотрудники составили ещё 10 костров плавника. Таким образом, на протяжении полутора километров поставлено 40 костров. До шторма коса была почти свободна от плавника. Весь собранный плавник выбросило в штормовую погоду, продолжавшуюся с 22 августа до первых чисел сентября.

Камышев – ремонт и просмотр мотора. Зарядка аккумуляторов.

*22 сентября. Среда.* С утра до 2 час. 30 мин. дня Соколов, Авгевич, Куцев, Селезнёв и Горохов ставили на косе плавник. Поставлено 40 костров.

Чугреев – налаживание четвёртого 80-вольтового аккумулятора с целью использования всех 4 аккумуляторов для «Вьючки» (передачи).

*23 сентября. Четверг.* Домашние работы. Селезнёв – до обеда – текущий ремонт плиты. В обед при пробе плита лучшей не оказалась, дымила по-прежнему. Из-за подтаивания грунта плита сильно осела одной стороной и растрескалась. Решил, что необходимо, не дожидаясь прихода судна, переложить плиту заново. После обеда Селезнёв разобрал плиту.

Соколовым, Дудкиным, Авгевичем и Гороховым доставлены на шлюпке 5 ящиков песку.

Горохов подготовил копылья и полозья для новых маленьких двухкопыльных нарт.

Чугреевым произведены опыты передачи на «Вьючке», используя энергию аккумуляторов. Пока что опыт неудачен, необходимо устранить недоделки.

Камышев – зарядка аккумуляторов.

*24 сентября. Пятница.* С утра до вечернего чая Соколов, Дудкин, Камышев, Авгевич и Куцев были заняты распиловкой и расколкой плавника на косе. После обеда в этой работе принимал участие и Чугреев.

Селезнёв и Горохов – кладка новой печи и связанные с этим работы (замес глины, разборка пола, засыпка образовавшейся под плитой ямы землёй и пр.).

*25 сентября. Суббота.* Распиловка и колка плавника. Работа производилась с утра до 16 час. Камышевым, Авгевичем, Соколовым, Дудкиным, Куцевым.

Селезнёв – кладка плиты. Помощь Селезнёву оказывал Горохов.

**Прибытие шхуны «Темп» с заданием закрыть зимовку.****Протест зимовщиков. Телеграмма в Центр. Уезжать позорно**

26 сентября. Воскресенье. Работа по распиловке и колке дров производилась с утра до 7 час. вечера. Работали: Дудкин, Горохов, Соколов, Авгевич, Камышев (до 13 час.), Кущев (до 16 час.).

Селезнёв закончил плиту. Шияфитдиновым произведена побелка плиты, вымыты полы.

В 21 час. 15 мин. младший метеоролог услышал со стороны моря звук работающего двигателя. Вышедший к Кущеву Авгевич не только убедился, что действительно слышен звук двигателя, но и увидел огни шедшего вдаль судна. Немедленно же была вывешена на крыше юрты электрическая лампочка, а через несколько минут на косе запылал яркий костёр. Судно, продолжая идти полным ходом, достигло рейда станции через 1½ часа. Выехали на судно, оказавшееся шхуной «Темп»: Соколов, Авгевич, Чугреев, Горохов, Кущев. На борту были встречены капитаном Жуковым, который объявил задание, данное начальником порта Тикси Светаковым: снять всех зимовщиков и доставить в Тикси, законсервировав станцию. Это известие ошеломило. Уезжать позорно, тогда, когда проделана большая работа по строительству, заготовке дров, благоустройству станции, заготовке корма для собак и имея основное продовольствие и спецодежду, было нелегко, больно и обидно. Выехав на берег, экипаж «Темпа» нашёл, что станция находится в образцовом состоянии, кроме радиорубки, где хозяйничал Чугреев. Оценив положение, договорились о совместной посылке телеграмм руководству с просьбой об отмене консервации станции. Предварительно провели общее собрание зимовщиков, на котором, сообщив о положении, спросил каждого о желании остаться на второй год. Безоговорочно решили остаться: Соколов, Авгевич, Дудкин, Горохов, Селезнёв. Камышев согласился остаться в случае замены Чугреева радистом «Темпа» Бабиным. Чугреев также заявил, что вместе с Камышевым оставаться работать не может. Высказали желание выехать Кущев и Шияфитдинов. Мнение Лукомского запрошено не было.

27 сентября. Послал телеграмму Копусову, Крастину, Светакову, указал полную возможность продолжать работу, просил оставить зимовку. Указал согласие капитана Жукова оставить радиста. Заверил от лица желающих продолжать работу, что возложенные на нас задачи будут выполнены во что бы то ни стало. «Темп» ушёл к северо-восточной

части косы, где принимал плавник. Жуков выразил готовность оставить на станции продовольствие из зимовочного запаса.

### **Разрешение Центра продолжить работу станции**

*28 сентября.* Утром «Темп» возвратился на рейд станции. Выехав на шлюпке к «Темпу», узнали, что руководство решило станцию на консервацию не ставить. Встретили это известие криками «Ура!».

Немедленно началась отгрузка продовольствия, спецодежды на берег. Днём пришло подтверждение решения об оставлении на станции радиста Бабича.

Объединённое собрание остающихся зимовщиков и экипажа «Темпа» прошло с громаднейшим подъёмом. Послали телеграмму в Тикси Светакову, парторгу Когану о выполнении «Темпом» ударного рейса, оказании помощи станции, о жизнеспособности станции с заверением о приложении всех сил для выполнения поставленных перед ней задач.

Проведена подписка на заём и отчисления в помощь испанским женщинам.

После собрания – вечер спайки зимовщиков и экипажа «Темпа».

Передача рации Чугреевым Бабичу.

### **Помощь экипажа «Темпа». Перемены в составе зимовщиков**

*29 сентября.* Снятие радиооборудования с «Темпа» для пополнения технических возможностей рации станции. Капитан согласился оставить на станции матроса Дьякова, ранее работавшего поваром, пожелавшего включиться в коллектив зимовки. В 12 часов дня проводы «Темпа», прощание с замечательным капитаном Жуковым и экипажем под залпы винтовочных выстрелов.

Вечером – мытьё полов, приведение помещений в порядок, нарушенный приходом «Темпа». Выехали в Тикси зимовщики Лукомский, Чугреев, Куцев, Шияфитдинов.

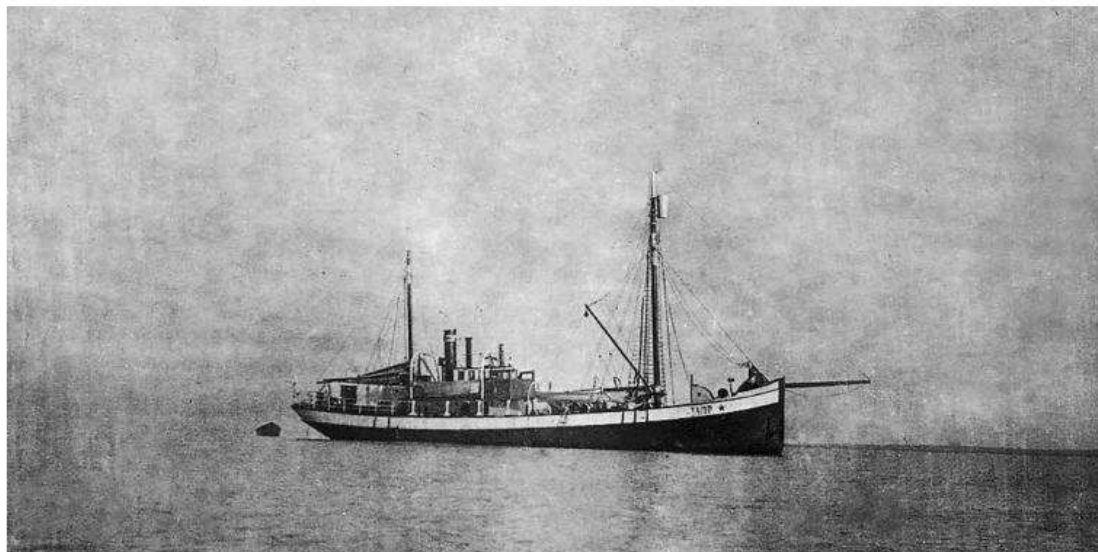
*30 сентября.* Подъём грузов с косы к складу. Переоборудование рации, установка оборудования с «Темпа». Попытка связаться пока не удалась.

Баный день.

### **День установления связи!**

#### **Полярная станция Котельного отныне не немая**

*1 октября.* День установления связи! Полярная станция Котельного отныне не немая! Имели связь на рейдовом передатчике со станциями



*Шхуна «Темп»*



*Выгрузка продовольствия с «Темпа». 28 сентября 1936 г.*

---



*Жена капитана – строгий судья  
нашего быта – готовится съехать на берег...*

---

Шалаурово, Кигилях, «Ленинградсовета», Тикси и Челюскина. Передано 860 слов. Послано приветствие экипажу «Темпа».

Подготовка станции к зиме: скрыта печь в механической мастерской с целью замены новой. Заново замазана часть окон.

Сообщены сроки подачи метеотелеграмм. Начата регулярная их передача. Первая официальная телеграмма – привет от Листова по случаю установки связи. Передан рапорт в адрес Копусова, Бергавинова, Ушакова об установлении связи (№ 69). Сообщено об отправке в Тикси Лукомского, Чугреева, Кущева, Шияфитдинова, о пополнении зимовки радистом Бабичем и поваром Шияфитдиновым.

*2 октября.* Кладка печи в механической. Замазка окон дома метеостанции, окраска окон дома рации. Изготовление нарт.

Послана телеграмма Копусову, Бергавинову о деятельности Лукомского и Чугреева и ряд служебных и частных телеграмм. Общее количество переданных слов – 1180.

*3 октября.* Доставлено на шлюпке пять ящиков песку для перекладки печей (Авгевич, Соколов, Камышев, Дудкин). Поднесено с косы 100 шт. кирпича. Перекладка печи в механической. Окончание нарт для выезда на охоту, подготовка к выезду. Приведение в порядок имущества в складе, выдача спецодежды. Зарядка аккумуляторов. Получено поздравление с началом связи от начальника ПОС Маршева. Поступили телеграммы промышленникам Иванову и Горохову Михаилу.

Получена телеграмма из Москвы следующего содержания:  
«МОЛНИЯ КОТЕЛЬНЫЙ СОКОЛОВУ = 69 ТАКИМ ЖЕ ЧУВСТВОМ  
РУКОВОДСТВО ВСТРЕТИЛО ВАШЕ РАДИО ЗПТ НАКОНЕЦ УСЛЫШАН  
ГОЛОС САМОГО СЕВЕРНОГО ВОСТОЧНОЙ АРКТИКЕ ФОРПОСТА ТЧК  
ЗАВТРА ПЕРЕДАЁМ ВАМ РЕШЕНИЕ ОТТО ЮЛЬЕВИЧА ОТНОШЕНИИ  
ЗАКРЕПЛЕНИЯ ВАС ПОВТОРНУЮ ЗИМОВКУ НАМ НЕОБХОДИМО  
УКАЗАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАНЦИИ ПОЛУЧЕНИЕ ВАС ОТДЕЛЬНО  
КАЖДОЙ СЛУЖБЫ КРАТКИХ ДОНЕСЕНИЙ ВЫПОЛНЕННОЙ РАБОТЫ  
ЗПТ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОДОЛЖЕНИЯ ЗАВИСИМОСТИ ИМЕЮЩИХСЯ  
ЗПТ ДОСТАВЛЕННЫХ ТЕМПОМ ГРУЗОВ МАТЕРИАЛОВ ТЧК РАДИСТ  
БАБИЧ УТВЕРЖДАЕМ ОКЛАДОМ 350 ПЛЮС НАДБАВКА КОТЕЛЬНОГО  
МОМЕНТА ПРИХОДА ВАМ ТЕМПА ТЧК СООБЩИТЕ НАМ ОТДЕЛЬНО  
ИМЯ ОТЧЕСТВО СТАЖ РАБОТЫ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ  
ТЧК ЖЕЛАЮ УСПЕХА РАБОТЕ = 0455 12 ВРИО НАЧ ПОЛЯРНОГО  
УПРАВЛЕНИЯ

БЕГИЧЕВ».

Телеграмма зачитана на летучем собрании всех зимовщиков, встречена аплодисментами.

Вечером собрание с обсуждением вопроса об обязательствах, принимаемых коллективом к выполнению в ударный месячник имени «Темпа». Составлена программа работ – хозяйственных, научных, технических и пр.

*4 октября.* Выехали на охоту на 12 собаках Горохов и Дудкин, на срок около 5 дней. Окончена кладка печи в механической, слегка протоплена. Метеовахту вместо уехавшего Дудкина несёт Соколов. Составлена подробная телеграмма о проделанной годовой работе. Частично отправлена. За день передано 350 слов. Больше передать возможности не было ввиду выгрузки «Ленсовета» в Кигиляхе и занятости радиста Полякова. Продолжалась и закончилась замазка окон дома метеостанции (Авгевич), начата переконопатка стен (Авгевич). Камышев – изготовление рубильников для нужд рации.

*5 октября.* Зарядка аккумуляторов – Камышев. Конопатка стен дома метеостанции – Августевич. Заготовка глины для ремонта печей. Штукатурка печи механической. Передано 686 слов. Принято несколько телеграмм.

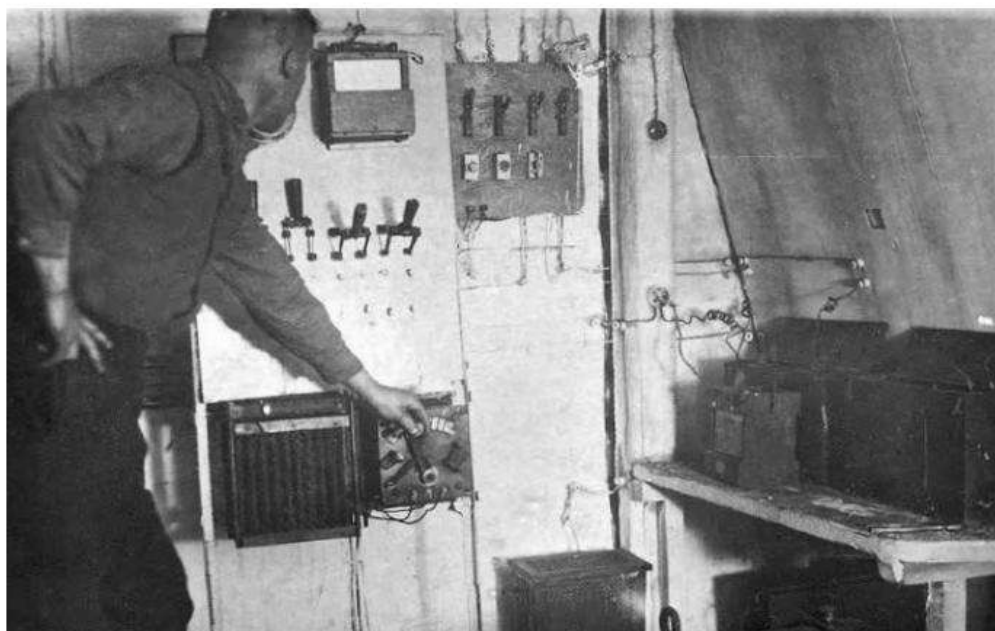
Проведена первая политчитка: «Партийное совещание работников Арктики и Крайнего Севера». Доклад Бергавинова: «Стахановское движение в Арктике и наши задачи».

*6 октября.* Отремонтирована печь в общежитии – рации. Закончена дополнительная конопатка дома метеостанции (Авгевич). Начата дополнительная конопатка домов рации и столовой с использованием как материала старых ватных костюмов. Замазка окон столовой, побелка их. Мелкие домашние работы. Установлены постоянные сроки работы с Тикси (3 срока). Обмен с Тикси.

*7 октября.* Ремонт печи дома метеостанции. Конопатка обоих домов старыми ватными костюмами снаружи – Августевич. Камышев – приборка механического отделения, полки в складе, мелкие хозяйственные работы.

*8 октября.* Побелка печи дома метеостанции, окон, косяков дверей – Августевич. Камышев – побелка окон и дверей столовой, зарядка аккумуляторов. Селезнёв – изготовление вторых рам для столовой.

После ремонта в доме метеостанции произведена генеральная уборка.



*Уже всерьёз дается ток...*



*Бесперебойно заработала радиостанция*

---

*9 октября.* Переоборудование внутренности комнаты метеостанции. Обивка части стен сукном и т. п. Изготовление рам для столовой. Окраска переборки, отделяющей общежитие от радиорубки.

Вернулись Горохов и Дудкин после пятидневного отсутствия. Ездили километров на 30 дальше северного мыса. Ни оленей, ни медведей не встретили.

Обсудили план дальнейшей охоты. Решили на днях совершить вторичный выезд на охоту, на этот раз – на запад, до Чуоралаха. На охоту отправятся Горохов и Дудкин. Одновременно с охотниками выйдут в дорогу Авгевич с Дьяковым. В первом стане они будут оставлены и приступят к съёмке береговой полосы. Возвратятся вместе с охотниками.

*10 октября.* Одна из шлюпок поставлена в зимнее положение. Во время работы со шлюпкой Авгевич крикнул: «Медведи!» И действительно, по лагуне по направлению к станции шли два медведя. Все бросились за винтовками. С горки увидели, что медведей не два, а три. Первым начал стрельбу Дудкин. Медведи повернули назад ещё раньше начала стрельбы. Спустили собак, но они медведей не остановили, и те в 1 ½ километрах от станции ушли в море, где снова были обстреляны. Следы обнаружили, что два медведя были ранены. Вернулись на станцию. И Дудкин, переобувшись, пошёл вдоль косы выслеживать медведей. Была надежда, что оба раненых медведя скоро снова выйдут на берег. Вслед Дудкину на собаках пошёл Горохов. В обед оба вернулись ни с чем, дойдя до протоки. Дальше идти было нельзя из-за открытой воды.

Подготовка ко второму выезду на охоту: ремонт одежды и обуви, выпечка хлеба, изготовление нарт.

Окрашена белилами часть радиорубки. Авгевич – вычисление координат.

*11 октября.* Изготовление рам для столовой – Селезнёв. Зарядка аккумуляторов, ремонт двигателя – Камышев.

Дудкин, Горохов – подготовка к выезду на охоту. Соколов – приведение в порядок грузов в складе. Авгевич – вычисление координат. Бабич – окраска радиорубки.

*12 октября.* Горохов, Дудкин – сборы в дорогу, починка одежды, получение продуктов и пр. Горохов достал из озера полозья, где они мокли в течение месяца. Бабич – окраска радиорубки. Камышев – монтаж щитка с рубильниками, окраска рам. Селезнёв – изготовление послед-

ней рамы для столовой. Авгевич – вычислительные работы. Общее собрание. Отчёт профорга. Выборы нового профорга – Бабича.

*13 октября.* Горохов и Дудкин выехали на охоту. Авгевич и Дьяков – на геодезические работы. Нарты полны груза, снегу почти нет, пошли с трудом.

Работа по приготовлению пищи распределена следующим образом: завтраки готовит Соколов, обеды – Селезнёв, ужины – Камышев.

Камышев – работы по переоборудованию проводки. Бабич – закончил окраску внутренности радиорубки.

*14 октября.* Камышев – монтаж проводки. Селезнёв – стирка кухонных полотенец и пр. Приведение в порядок кухонного хозяйства.

*15 октября.* Камышев – хозяйственные работы: мытьё полов в механической, столовой и общежитии. Селезнёв – заделка крыши столовой (у трубы), работа по обшивке стен кладовой при столовой. Ежедневно производится приём прессы (ТАСС). Новости зачитываются за обедом.

*16 октября.* Уборка бочек с горючим к обрыву – для устранения образования сугробов близ домов. Обшивка кладовой, устройство полок для продуктов.

### **Охота на медведя**

*17 октября.* Встал, как обычно в последние дни, в 6 час. 30 мин. Затопил плиту, чтобы приготовить завтрак. Дров было мало, отправился за ними вниз, на косу. Когда был почти на косе, услышал слева какое-то шипение. Посмотрел и увидел: шагах в 30-ти от меня за опрокинутой бочкой сидел медведь и издавал звуки, средние между свистом и шипением, очевидно, недовольный моим появлением. Я немедленно повернул обратно. Забежал на склад за патронами для берданки и трёхлинейки, разбудил Селезнёва и Бабича и отправился за Камышевым. Поднял того на ноги, и после того как Камышев был готов, начали вдвоём охоту. Я, скрываясь за перегибом берега, подошёл к уборной, Камышев пошёл прямо к склону. Когда подготовились, выстрелили почти одновременно. Я – из берданки, Камышев – из трёхлинейки. Медведь зарычал и бросился к морю, но ранен был основательно: перешиблена передняя лапа одной пулей и ранен в грудь второй, и потому почти на каждом шагу падал. Я больше стрелять не мог – заел патрон, пули Камышева в большинстве давали перелёт. Наконец, когда медведь был у самой

воды, последняя пуля уложила его окончательно. Это оказался старый самец, довольно тощий. Быстро освежали и в обед уже ели жареную медвежатину.

Днём Камышев занимался установкой столба для проводки осветительной линии на метеоплощадку. Бабич, кроме оперативной работы, – осмотр Норд-К. Найдены большие неправильности в монтаже.

*18 октября.* Бабич – продолжение просмотра Норд-К. Остекление рам для столовой.

*19 октября.* Камышев – проводка осветительной линии на метеоплощадку. Бабич – подготовка к монтажу длинноволнового передатчика. Селезнёв – мелкие хозяйственные работы: изготовление резервуаров для ламп, воронок.

*20 октября.* Подготовка к монтажу длинноволнового передатчика – Бабич. Камышев – зарядка аккумуляторов.  
Баня.

*21 октября.* Окончание проводки осветительной линии на метеоплощадку. Подготовка к монтажу длинноволнового передатчика. Работа над выпуском стенгазеты.

*22 октября.* Утром – Камышев и Селезнёв – заготовка льда на ближайшем озёрке. Соколов – протирка вторых рам, подготовленных для столовой. Изготовление рамы для кладовой.

*23 октября.* Продолжение заготовки льда. Замазка рам столовой. Изготовление полки для мощного передатчика.

*24 октября.* Заготовка льда. Изготовление полки для передатчика, монтаж деталей передатчика, работа над стенгазетой.  
Выпущена стенгазета № 3.

*25 октября.* Замазка рам в столовой, конопатка окон, изготовление каркаса для мощного передатчика.

В 4 часа вечера в 300 м к западу от станции убили медведицу (небольшую) с медвежонок. Медвежонок был добит на краю припая, и для того чтобы его достать, пришлось спускать шлюпку. Во время охоты вдали показались две фигуры: это возвращались Авгевич и Дьяков после

12-дневного отсутствия. За эти дни они видели одного медведя и свежие следы ещё четырёх. Произвели съёмку одного планшета – залива у губы Сулбут. Произведённая съёмка даст возможность в ближайшее время приступить к промерам. Монтаж длинноволнового передатчика.

26 октября. Изготовление рамы для кладовой, барабана для катушки передатчика. Разные хозяйственные работы. Баня – Авгевич, Дьяков. Монтаж длинноволнового передатчика.

27 октября. Камышев, Соколов, Авгевич – подвозка дров для столовой, рации и метеостанции. Селезнёв – изготовление наличников. Монтаж передатчика.

Вечером прибыли Дудкин, Горохов с промышленниками: Ивановым, Гороховым Гавриилом и Гороховым Николаем. Добыто 9 оленей, добротных, жирных. Монтаж передатчика.

28 октября. Соколов, Авгевич – промеры лагуны станции. По трём створам взяты глубины в 40 точках. Глубин более 140 см не обнаружено. Дудкин приступил к метеонаблюдениям. Вечером – Дудкин, Горохов и промышленники – баня. Селезнёв – изготовление двери для кладовой. Монтаж передатчика.

29 октября. Соколов и Авгевич произвели промеры в 30 точках по 2-м створам. Вновь обнаружены глубины не более 140 см. Выяснилось, что для посадки самолётов в летнее время лагуна использована быть не может.

Подвозка льда к станции. Зарядка аккумуляторов. Селезнёв – изготовление печи для промышленников. Разные хозяйственные работы. Закончен монтаж передатчика. Вечером – общее собрание с промышленниками с повесткой дня:

- 1) О подготовке к 19-й годовщине.
- 2) Информация о работе бригады промышленников.
- 3) О стенгазете.
- 4) Текущие дела.

30 октября. Селезнёв закончил изготовление железной печи для промышленников. Хозяйственные работы. Промышленникам отпущено продовольствие, кое-какой хозяйственный инвентарь. Вечером Соколов провёл беседу с промышленниками при помощи переводчика Горохова

на тему новой Конституции, об испанских событиях, о новом займе. Промышленники подписались на заём (Иванов 1000 р., Горохов Г. 1000 р., Горохов Н. 1100 р.) и внесли в фонд помощи женщинам и детям Испании (Горохов Н. 100 р., Иванов 100 р., Горохов Г. 50 р.).

Заместителем начальника на станции остался Бабич.

*31 октября.* Соколов и Авгевич совместно со всеми промышленниками вышли на стан Бхак-Карга (*далее – Бысах-Карга*). Задача Соколова и Авгевича – провести промеры бухты, обнаруженной в районе этого стана. Работа проводится в порядке выполнения стахановских обязательств, принятых коллективом зимовки к 19-й годовщине Октября. Промышленники с 1 ноября приступают к зарядке пастей.

*1 ноября. Бысах-Карга.* Промеры бухты. Взято 46 точек по трём створам. Толщина льда от 30 до 50 см. Обнаружено, что во входной части бухта имеет глубины до 8,9 м, в основной части 4–6 м. Вечером Авгевич занимался обработкой материалов в стенгазету.

*2 ноября. Бысах-Карга.* Пурга. Вынуждены отлёживаться, отложив работу.

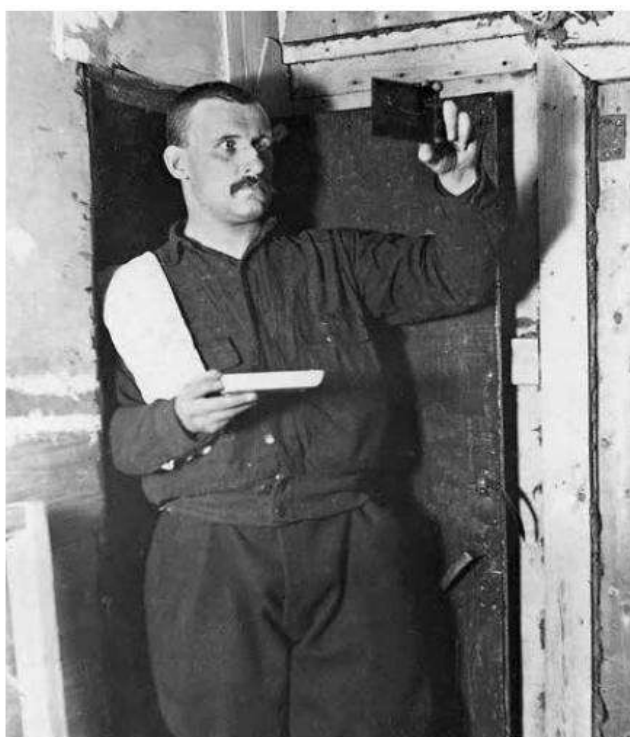
**На карте появились новые географические названия – бухта «Темпа», коса Капитана Жукова (капитан «Темпа»), залив Стахановцев Арктики**

*3 ноября. Бысах-Карга.* Промышленники выехали в Сулбут, по пути зарядая пасты. Продолжение промеров бухты. Взято 42 точки. Удостоверились окончательно в том, что бухта вполне пригодна для отстоя судов типа «Темп». Средняя глубина бухты 5½ метра. Бухте придано имя «Темпа», косе, отделяющей её от моря – капитана Жукова. Залив, частью которого является бухта, назван заливом Стахановцев Арктики.

Во время промерных работ подъехал Горохов, каюр, отправившийся в дальний Сулбут за мясом (2 оленя). Доставил поступившие за эти дни телеграммы. Сообщил, что за последние дни удалось выделить время и открыть часть пастей. В одну из пастей попал песок – первый в этом сезоне. Горохов оставил его в пасты и просил нас завтра, при возвращении на станцию, захватить его. Сговорились, что Горохов ближайшую ночь проведёт в ближнем Сулбуте вместе с промышленниками, а следующую, возвращаясь с дальнего Сулбута с мясом, – на Бысах-Карга, и вернётся на станцию 5-го числа.



*Редколлегия довольна: управились с выпуском  
гигантского номера к празднику*



*В фотобудке тесно, приходится вылезать...*

*4 ноября.* Возвратились на станцию Соколов и Авгевич. За последние пять дней жизнь на станции проходила по-прежнему нормально. Заряжена часть пастей. Вставлено окно в столовой. Велись хозяйственные работы. Взят первый песец.

Подготовка к празднику. Варка студня и пр. Авгевич закончил рисовку заголовка к стенгазете.

*5 ноября.* Подготовка к празднику. Уборка помещений. Работа над лозунгами и стенгазетой. Прибыл Горохов с промышленником Гороховым Г. Получено во временное пользование 2 собаки от промышленников.

*6 ноября.* Открыты все пасти (Горохов). Подготовка к празднику. Баня. Выпуск стенгазеты № 4.

Торжественное заседание за красным столом. Высказывались все присутствовавшие, в т. ч. и представитель бригады промышленников Горохов Г.

После заседания – товарищеский вечер.

### **Празднование 19-летия Октября.**

#### **Вечер самодеятельности**

*7 ноября.* Празднование 19-летия Октября. Вечер самодеятельности, прошедший исключительно организованно и весело. Выступали все участники.

*8 ноября.* Горохов закончил настораживать пасти. На пути к станции взял одного песца. Дудкин с Селезнёвым отправились на запад осматривать пасти. По пути увидели медвежью берлогу (4 км от станции), и Дудкин обитателя его – медведицу, жирную, – убил. Взяли в пастях двух песцов.

*9 ноября.* Соколов, Авгевич, Дудкин и Камышев с утра и до 3-х часов дня обморозили оба дома. Селезнёв – ремонт обуви Дьякова. Участие в сборке нарт. Горохов – сборка нарт.

*10 ноября.* Каюр Горохов и промышленник Горохов Г. вязали нарты. Селезнёв – переделка резервуаров ламп (укрупнение их). Авгевич – окраска реек, разные работы. Камышев – устройство будок для собак.

*11 ноября.* Окончание нарт. Работали Горохов и Селезнёв. Мелкие хозяйственные работы.

*12 ноября.* Подвозка дров. Доставлено 8 нарт, больших, при участии 12 собак (3 собаки – промышленников). Дрова подняты прямо к дому.

4 нарты за день обработаны, т. е. распилены и расколоты. Возка дров – Горохов. Пилка и колка – Авгевич, Селезнёв, Соколов, Дудкин.

*13 ноября.* Подвозка дров. Доставлено также 8 нарт. Обработаны почти целиком. Из пастей взят один песец (шестой). Работали: два Горохова, Селезнёв, Соколов, Авгевич, Дудкин, Камышев.

Испытание мощного передатчика. Получена телеграмма о предполагаемом полёте на Котельный.

*14 ноября.* Селезнёв – изготовление 2-х ламп для промышленников. Соколов, Авгевич, Камышев – колка, подвозка к сениям и укладка дров. Горохов и Дудкин – высмотр восточных пастей (взят седьмой песец). Горохов – подвозка льда. Баня.

*15 ноября.* Промышленник Горохов ушёл на высмотр пастей.

Подвозка дров – доставлено 5 нарт, причём две – с Мас-Юрях и три с ближайшей части лагуны. Распиловка, колка и укладка дров. Работали Селезнёв, Соколов, Авгевич, Дудкин, Камышев.

Авгевич приготовил заголовок для газеты № 5. Изготовление вводного изолятора из двух бутылок с отрезанными донышками с заливкой их сургучом и парафином.

*16 ноября.* Горохов и Камышев – заготовка льда. Селезнёв и Бабич – оборудование ввода антенны.

Дудкин, Авгевич – колка и пилка дров.

*17 ноября.* Соколов, Авгевич, Дудкин, Селезнёв – заготовка льда. Заготовлено общее количество, удовлетворяющее станцию месяцев на 4–5. Горохов – подвозка льда к станции. Подвезено 5 нарт.

Бабич, Камышев – изготовление рубильника, зарядка аккумуляторов.

*18 ноября.* Горохов – подвозка заготовленного льда, подвезено шесть нарт. Дудкин, Селезнёв, Соколов – помощь в подвозке льда, устройство помостов для льда и муки.

Камышев – устройство колпачков на выключатели и выключателя на доме метеостанции.

У Горохова сильная зубная боль. Раствор кокаина, положенный на зуб, оказывает слабое действие. Вечером – повышенная температура 37,2, принял аспирин и хинин.

Вечером – читка доклада Шмидта «Наши задачи в 1936 году».

19 ноября. У Горохова сильная зубная боль. Камышев заменил его при варке корма для собак. Селезнёв – ремонт плиты. Разные хозяйственные работы. Авгевичем начато увеличение карты Испании со словаря Павленкова.

20 ноября. Горохов продолжает страдать зубной болью. Авгевич продолжал работу над вычерчиванием карты Испании. Камышев – варка корма, зарядка аккумуляторов. Селезнёв – ремонт дверей юрты и дома.

21 ноября. Зубная боль у Горохова стихла. Вместе с Селезнёвым на собаках осмотрели восточные пасти. Не оказалось ни одного песца. На обратном пути подвезена нарта дров. Авгевич продолжал работу над картой Испании, а также переписывал статьи для стенгазеты. Мелкие хозяйственные работы. Вечером – маленькое торжество по случаю 33-летия Камышева.

Началась сильная метель при SW ветре 20 м/с. Вечерняя и ночная передачи по радио не состоялись.

22 ноября. Пурга продолжается весь день. Утром сводки передали по пяти адресам, но приём их подтверждён квитанциями быть не может из-за пурги.

Авгевичем закончена карта Испании. Селезнёв изготовил для неё рамку со стеклом. Карта вывешена в столовой. Положение фронта обозначено чёрно-красной передвижной ленточкой.

Вечером – общее собрание с повесткой дня:

- 1) О всеобщей переписи 1937 года.
- 2) О помощи республиканской Испании.
- 3) О кружковой работе.
- 4) Текущие дела.

23 ноября. Горохов и Селезнёв – пошив зимних шапок. Селезнёв изготовил проволочные каркасы для макетов Земли и Луны. Авгевич работал над изготовлением макета Земли, чинил бельё. Соколов – составление программы занятий по физической географии.

Пурга продолжалась, сводки передавались вслепую. Приказ об организации пожарной тройки в составе Камышева (председатель), Селезнёва, Дьякова.

*24 ноября.* Авгевич – работа по изготовлению двух глобусов для занятий по физической географии.

Горохов – устройство снежных сеней у бани, хозяйственные работы. Селезнёв – ремонт двери юрты, утепление стены у двери юрты, мелкие хозяйственные работы.

Камышев – зарядка аккумуляторов. Бабич – настройка длинноволнового мощного передатчика.

Вечером – собрание по поводу статьи Камышева в стенгазету. За нарушение элементарной дисциплины – оскорбление профорга Бабича – Камышеву общим собранием вынесено предупреждение.

*25 ноября.* Селезнёв – насадка багров, работа с Гороховым по устройству снежных сеней к бане.

Подняты с косы к станции: 2 бочки бензина, 2 бочки керосина, 1 бочка капусты, 2 нарты кирпича.

С 14 до 16 часов – первое занятие политкружка. Тема – проект Сталинской Конституции.

Вечером и ночью – с 10 час. до 02 час. 30 мин. – слушание передачи работы VIII Чрезвычайного съезда Советов.

Пожарная тройка представила проект правил по пожарной безопасности и список мероприятий, необходимых к проведению в жизнь для защиты от огня.

*26 ноября.* Бабич – приём части речи т. Сталина на VIII съезде Советов (станция им. Коминтерна). Закончено устройство снежных сеней при бане. Сени дополнительно сохраняют тепло в бане, т. к. защищают наиболее охлаждаемую стену от ветра и устраняют неудобства, причиняемые пургой (занос дверей, необходимость чуть ли не каждый день их откапывать).

Горохов, Авгевич, Соколов и Дудкин – устройство «снежного дома» для собак. В большом сугробе вырыта траншея в виде несколько согнутой буквы «Т», часть которой прикрыта снегом. После окончания «снежного дома» собаки в ветреное, холодное время будут жить в нём. Там же будет производиться их кормёжка.

Селезнёв – обкладка прилегающего к печи бани угла кирпичом, устройство кирпичного фундамента для печи.



*Регулярно занимались кружки*



*Сел за учебу каюр-национал*

---

27 ноября. Бабич – приём части речи т. Сталина (через станцию Хабаровска). Первое занятие по русскому языку Соколова с Селезнёвым и Дьяковым. Закончено строительство «снежного дома» для собак. Камышев – ремонт печи для бани. Авгевич – работа над стенгазетой. Камышев – зарядка аккумуляторов. Производственное совещание по вопросу о порядке зарядки аккумуляторов (Соколов, Бабич, Камышев). Камышев проводил занятия с Гороховым по обучению его грамоте. Обнаружено, что две бочки, считавшиеся с бензином и поднятые наверх, в действительности содержат керосин.

28 ноября. Бабич – приём части речи т. Сталина (через Хабаровск). Занятие политкружка. Тема – контрреволюционная деятельность троцкистско-зиновьевской оппозиции (процессы в Москве и Новосибирске). Авгевич – изготовление глобусов, работа над стенгазетой. Банный день. Соколов – переписывание речи т. Сталина

29 ноября. Бабич – приём начала речи т. Сталина. Горохов, Селезнёв, Камышев, Дудкин, Соколов – подъём с косы 9 нарт муки (71 куль), 4 нарты кирпича, 1 нарты дров, 1 нарты досок, 2-х нарт бензина (2 бочки). Авгевич – первое занятие по математике с Селезнёвым и Дьяковым.

Перед обедом Дьяков заметил появление дыма в общежитии при рации. Не найдя причин, заявил мне. Обнаружилось, что тлело бревно, к которому примыкали накалившиеся кирпичи. До подъёма потолка снять бревно было нельзя, т. к. на нём лежал старый потолок. Селезнёв вынул бревно, отремонтировал, заделал щель, образовавшуюся между плитой и голландкой.

Издан приказ № 29 о новом порядке зарядки аккумуляторов, а именно через день по 2 час. 30 – 2 час. 40 минут.

После обеда через радиста Баби́ча узнал, что Камышев чувствует недомогание и отказался заряжать аккумуляторы. Пошёл узнать, в чём состоит недомогание. Оказалось, болит голова, очевидно, в результате утренней работы по подъёму грузов с косы. В ответ на предложение определить, не повышена ли температура, Камышев грубо отказался, заявив: «Неужели вы думаете, что термометр мне поможет?» В дальнейших словах выразил уверенность в том, что я считаю его болезнь симуляцией и потому он термометром не воспользуется.

Через некоторое время (часа два) Камышев приступил к зарядке аккумуляторов. После ужина проводил занятие с Гороховым.

30 ноября. Бабич – приём речи т. Молотова. Соколов – переписывание речи т. Сталина.

Соколов – первое занятие по физической географии. Селезнёв – мелкие работы (изготовление фонаря и т. п.). Авгевич – работа над стенгазетой.

1 декабря. Горохов – подвозка дров (3 нарты). Авгевич, Селезнёв, Соколов, Дудкин и Камышев – пила и колка дров.

К полудню прибыли на двух нартах (12 собак) промышленники Иванов, Попов и Лебедев. Промысел, по их сообщению, плохой, осмотр всех пастей дал только 25 песцов.

Камышев – зарядка аккумуляторов.

2 декабря. Горохов и промышленники – раскопка и подъём с косы бочек с нерпичьим, медвежьим и моржовым мясом. Раскопано частично.

Селезнёв – изготовление пожарных лестниц. Камышев – ремонт чайника для промышленников, работы по механической мастерской.

Соколов – занятие по русскому языку с Селезнёвым и Дьяковым.

3 декабря. Соколов, Авгевич, Дудкин, Селезнёв и промышленники – распиловка, колка дров для столовой и рации.

Выкопано из снега и поднято к станции 4 бочки со зверовым мясом. Камышев – обивка железом пола в мастерской (у бензинового бака), ремонтные работы. Политзанятие. Тема – проработка доклада т. Сталина на (Чрезвычайном) VIII (Всесоюзном) Съезде Советов (25 ноября 1936 г.).

Камышев – зарядка аккумуляторов.

4 декабря. Подвозка дров на собаках промышленников и станции. Доставлено 4 большие нарты. Селезнёв – устройство подсвечников. Соколов – переписывание речи т. Сталина.

Занятие по физической географии и геодезии (объединённое) – Авгевич. Авгевич – приготовление бланков для геодезических вычислений.

Вечером Дьяков почувствовал недомогание, жаловался на головную боль, общую слабость. Дважды определённая температура дала 36,6. Принял пирамидон.

*5 декабря.* Промышленники выехали в стан Бысах-Карга. Утром Дьяков чувствовал себя по-прежнему плохо. В 10 часов утра температура 39,6, через полчаса 40,1. Принял аспирин. Днём в 13 час. температура 37,6, в 9 час. вечера 39,1. Молнией запрошен врач Тикси об уходе за больным. Ответ получен немедленно. По указанию врача Дьяков принял хинин.

Селезнёв замещал в работе Дьякова. Вместе с Бабичем и Авгевичем произвёл уборку кухни.

Камышев – зарядка аккумуляторов. Вечером – Соколов, Бабиш, Авгевич, Дудкин, Камышев (за стеной, в постели) слушали передачу о принятии Конституции РСФСР. Ночью – слушали передачу текста принятой Конституции.

*6 декабря.* Селезнёв – дежурство по столовой. Горохов – осмотр восточных пастей.

Взято 2 песка (9). Занятие по проработке Конституции. Дьяков продолжает болеть. Температура в 9 часов 39,8 в 21 час – 40,7. Продолжал принимать хинин.

Вечером – митинг по случаю принятия Конституции, затем вечер самодеятельности.

*7 декабря.* Дьяков по-прежнему болен. Температура в 1 час. 30 мин. 37,6, в 11 час. – 40,8. К вечеру почувствовал большое облегчение, температура стала нормальной (в 21 час. 36,8). Послано сообщение врачу Тикси, ответ не получен.

Дежурный по кухне Авгевич. Селезнёв – стирка кухонного белья, установка железной трубы у печи механической мастерской, выпечка хлеба.

Бабиш – ремонт передатчика. Камышев – зарядка аккумуляторов, очистка стока (вместе с Гороховым) у бани. Занятие с Гороховым по ликвидации неграмотности. Соколов – стирка белья.

*8 декабря.* Дудкин и Селезнёв обошли западные пасты, взяли одного песка (10). Горохов – очистка водостока. Камышев – устройство электропроводки внутри столовой и общежития. Авгевич – дежурный по кухне. Соколов – занятие по физической географии. Тема – положение Земли в мировом пространстве. Небесные тела.

У Дьякова температура в 10 час. 36,7, в 20 час. – 36,9. Чувствует себя хорошо.



*Обед всегда проходит со смехом и прибаутками*

---

9 декабря. Дежурный по кухне – Камышев. Занятие по политике. Проработка доклада т. Молотова.

Камышев – зарядка аккумуляторов. Селезнёв – мелкие хозяйственные работы. Авгевич – ремонт одежды. У Дьякова в 9 час. температура 37,3, в 20 час. 36,8.

10 декабря. Дьяков приступил к работе. Банный день. Пол столовой у западной стены, вспученный мерзлотой, поднят и убрана излишняя земля. Соколов – ремонт одежды, Авгевич – тоже.

11 декабря. Горохов – подвозка четырёх нарт льду. Камышев – помощь в раскопке льда, зарядка аккумуляторов. Селезнёв – изготовление чайных ложек, хозяйственные работы. Авгевич – начало изготовления заголовка стенгазеты. Занятие по геодезии. Тема – триангуляция. Зарядка аккумуляторов.

12 декабря. Селезнёв – работа по изготовлению стульев и доски для стенгазеты. Горохов – выделка оленьих лап. Занятие по политике – проработка доклада т. Сталина.

13 декабря. Изготовление доски для стенгазеты, продолжение работы над стульями. Занятие по русскому языку (Соколов). Зарядка аккумуляторов.

14 декабря. Осмотр восточных пастей. Взяты два песца (12) и один небольшой волк, попавший в одну из ближайших пастей.

Подвезена большая нарта дров. Занятие по физической географии (Соколов). Камышев восстановил оборвавшийся днём провод к метеоплощадке. Авгевич – ремонт фотоаппарата.

15 декабря. Камышев и Горохов – подвозка дров для кухни. Подвезено 5 нарт. Соколов, Авгевич, Дудкин, Селезнёв – распиловка и колка дров. Камышев провёл занятие по Конституции. Зарядка аккумуляторов.

16 декабря. Подвозка дров для дома метеостанции – Горохов и Камышев – 5 нарт. Селезнёв, Авгевич, Соколов – распиловка, колка дров. Авгевич проводил занятие по арифметике с Дьяковым и Селезнёвым – с каждым отдельно. Горохов сделал снежное помещение для щенят и маток.

17 декабря. Горохов и Камышев – подвозка дров – 3 нарты. Соколов, Авгевич, Дудкин и Селезнёв – распиловка и колка. Камышев – зарядка аккумуляторов.

### **Отчисление заработков в пользу постройки военных судов**

18 декабря – 24 декабря. Текущие работы по станции. Проведено два вымотра пастей – западных и восточных, взято два песка (14). 20-го – баня. 23-го и 24-го Горохов подвозил дрова. Доставлено 9 нарт. Селезнёв – работа по очередному ремонту плиты, изготовление чемодана, приготовление решётки для пола в баню.

Соколов – обработка месячных таблиц и снятие с них копий. Авгевич – ремонт обуви и работа над стенгазетой. 24-го общее собрание. Отчислен в пользу постройки военных судов дневной заработок. Дьяков – весь месячный заработок.

25 декабря. Авгевич – работа над стенгазетой. Занятие по русскому языку с Селезнёвым и Дудкиным (Соколов). Горохов – ремонт нарт, Селезнёв – изготовление чемодана.

26 декабря. Зарядка аккумуляторов – Камышев. Горохов – ремонт нарт.

27 декабря. Горохов – подвозка дров (5 нарт). Селезнёв – пошивка обуви.

28 декабря. Занятие по физической географии. Камышев и Горохов – подвозка дров (5 нарт). Селезнёв и Дудкин – обход западных пастей, взято два песка (16). Авгевич – вычислительные работы. Селезнёв – пошивка обуви. Камышев – зарядка аккумуляторов.

29 декабря. Селезнёв, Соколов, Авгевич, Дудкин, Камышев – пила, колка дров для столовой, механической, рации. Мытьё полов во всех жилых помещениях. Горохов – подготовка воды и дров для бани.

30 декабря. Баня. Камышев – зарядка аккумуляторов, устранение обрыва электропроводки к метеоплощадке. Авгевич – вычислительные работы.



*Встретили Новый, 1937 год*

---

31 декабря. Авгевич – окончание стенгазеты, Дудкин – составление сводок. Подготовка к встрече Нового года. Приказ № 31 – выговор Камышеву за нарушение приказа № 29.

**ПРИКАЗ № 29**

по полярной станции ГУ СМП о-ва Котельный от 29 ноября 1936 г.

Параграф 1.

Учтя мнения, высказанные 27 ноября на производственном совещании по вопросу об использовании электроэнергии на нужды освещения и о порядке зарядки аккумуляторов, а именно:

о необходимости более частой зарядки аккумуляторов, чем производившаяся до сего времени (1 раз в три дня), т. к. часть аккумуляторов имеет пониженную ёмкость вследствие сульфатизации пластин (12-вольтовый аккумулятор, 80-вольтовые аккумуляторы);

об обеспечении в течение полярной ночи освещения механической мастерской, радиорубки и метеоплощадки;

о необходимости иметь постоянно некоторый резерв электроэнергии для обеспечения связи в момент могущего произойти вынужденного простоя двигателя по непредвиденным обстоятельствам (напр., в случае заболевания механика), а также для освещения механической в период переборки и ремонта двигателя, предлагаю: старшему механику т. Камышеву производить зарядку аккумуляторов один раз в три дня в течение 2 ч. 30 мин. – 2 ч. 40 мин. (ориентировочно), с расчётом обеспечения нормального напряжения аккумуляторов, как служащих непосредственно для нужд связи, так и для нужд освещения.

Примечание: в каждом отдельном случае необходимости выключения каких-либо осветительных точек ввиду падения напряжения в аккумуляторах предупреждать меня.

Потребителям энергии для освещения ст. механику Камышеву, радисту Бабицу и метеорологу Дудкину обеспечить бережное отношение к расходованию энергии, имея в виду, что дополнительная работа мотора между установленными сроками может быть допущена лишь для нужд связи.

Начальник полярной станции о-ва Котельный  
В. Соколов.

## 1937 год

*1 января. Пятница.* Провели вечер встречи Нового года. Слушали передачу речей О. Ю. Шмидта и Бергавинова. Выполнялись технические работы: метео- и радиовахта и пр. Производилась зарядка аккумуляторов.

*2 января. Суббота.* Селезнёв начал изготовление новых стульев. Соколов провёл занятие по русскому языку с Дьяковым и Селезнёвым. Авгевич продолжал вычисления. Дудкин – обычные метеоработы. Бабич провёл первое занятие по азбуке Морзе с Соколовым и Авгевичем.

*3 января. Воскресенье.* Селезнёв и Дудкин осмотрели западные пасти, песцов не нашли. Камышев – зарядка аккумуляторов. Авгевич – вычисления. Проведено занятие по изучению Конституции (речь т. Молотова). Днём прибыли промышленники Иванов и Лебедев. Промысел очень плохой. По неполным данным, взяли лишь 76 песцов.

*4 января. Понедельник.* Горохов подвёз 4 нарты плавнику. Селезнёв – изготовление стульев. Авгевич – вычислительные работы. Соколов – обработка метеорологических материалов за 1936 год, снятие копий.

*5 января. Вторник.* Камышев и Бабич – ремонт аккумуляторов. Селезнёв продолжал работу по изготовлению стульев. Авгевич – вычислительные работы.

### **День всесоюзной переписи населения**

*6 января. Среда.* Иванов уехал на южный берег, будет вновь на станции через месяц. Каюр Горохов выехал на о-в Б. Ляховский. Ему дано задание доставить из ПОСа гвозди, обувь, ленты для самописцев. Вернётся в марте. Замещать его остался промышленник Лебедев, прекративший промы-

сел. Лебедев выехал вместе с Гороховым и Ивановым до Бысах-Карги. Переночевав там, вернётся, захватив имеющееся в Бысах-Карге мясо.

Селезнёв продолжал столярные работы. Закончили ремонт аккумуляторов, произведена зарядка.

Занятие по изучению книги т. Сталина «Вопросы ленинизма».

День всесоюзной переписи. Послана телеграмма в Якутское бюро переписи о числе жителей Котельного.

*7 января. Четверг.* Лебедев из Бысах-Карги не вернулся, очевидно, ввиду плохой погоды. Авгевич продолжает вычислительные работы. Соколов – проверка записей по определению солёности за август – октябрь 1936 года, снятие копии, сверка подлинника и копии. То же – по температуре поверхности почвы.

Селезнёв – столярные работы, подготовка глины для ремонта печи дома метеостанции.

*8 января. Пятница.* Приехал Лебедев. Сильная пурга. Селезнёв ремонтировал печь дома метеостанции, ремонтировал кладовую. Дудкин – обработка лент. Авгевич – вычисления. Камышев – зарядка аккумуляторов. Бабич – составление отчётности.

*9 января. Суббота.* Селезнёв – столярные работы (стулья). Авгевич – вычисления, приготовление бланкового материала. Занятие политкружка. Тема – вопросы ленинизма. Бабич – составление квартального отчёта.

*10 января. Воскресенье.* Банный день. Камышев – зарядка аккумуляторов. Занятие по физической географии. Селезнёв – продолжение столярных работ.

*11 января. Понедельник.* Авгевич – занятие по арифметике с Дьяковым. Селезнёв – столярные работы. Авгевич – вычисления. Соколов, Дудкин – обработка метеорологических материалов.

*12 января. Вторник.* Занятие по русскому языку с Дьяковым и Селезнёвым (Соколов). Камышев – зарядка аккумуляторов. Авгевич – вычисления. Обработка метеорологических материалов – Соколов, Дудкин. Очистка западных пастей. Взят один песок (17) – Лебедев, Селезнёв, Дудкин.

*13 января. Среда.* Мелкие хозяйственные работы. Авгевич – вычисления.

*14 января. Четверг.* Лебедев и Дьяков – подвозка 4 нарт дров. Соколов, Дудкин, Авгевич, Бабич – пила, колка дров (для метеостанции). Камышев – зарядка аккумуляторов. Селезнёв – ремонт баков. Сильная головная боль у Дьякова. Вечером определена температура – 38,9 град. Принял на ночь аспирин. Дежурный по приготовлению обеда Камышев.

*15 января. Пятница.* Продолжение подвозки дров. Камышев с Лебедевым доставили 4 нарты для кухни. Селезнёв, Авгевич, Дудкин, Соколов, Бабич – колка, пила дров. Дьяков чувствует себя лучше, но вечером температура 38 град. Вновь принял аспирин.

*16 января. Суббота.* Подвезено 5 нарт дров. Продолжалась распиловка и колка их. Камышев сделал сообщение о докладе т. Калинина на XVII Всероссийском съезде Советов. Зарядка аккумуляторов.

*17 января. Воскресенье.* Лебедев – подвозка льда. Авгевич – камеральная обработка геодезических материалов. Конфликт между Дьяковым и Камышевым. После обеда – неофициальное собрание зимовки, на котором конфликт разобран и поведение Дьякова осуждено. Соколов – обработка метеоматериалов.

*18 января. Понедельник.* Камышев – зарядка аккумуляторов. Занятие по вопросам ленинизма. Авгевич – камеральная обработка материалов. Вечером у Дьякова повышенная температура.

*19 января. Вторник.* Соколов – занятие по физической географии. Банный день. Авгевич – камеральная обработка материалов. У Дьякова – повышенная температура, от работы освобождён, заменяет его Селезнёв.

*20 января. Среда.* Зарядка аккумуляторов. Дьяков продолжает болеть. Авгевич – камеральные работы.

*21 января. Четверг.* Собрание зимовщиков, посвященное 13-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Дьяков продолжает болеть, заменяет его Селезнёв, вечером заменил Камышев.

Селезнёв – текущий ремонт печи в машинном отделении.

*22 января. Пятница.* Дьяков чувствует себя лучше, но от работы ещё освобождён. Камышев до обеда ставил столб на линии электропроводки

к метеоплощадке. Закончил работу до обеда, но в 13 часов линию не включил, и вследствие этого Дудкину пришлось провести наблюдение в 13 часов с опозданием на 5 минут (возвращение с метеоплощадки за фонарём). К 19 часам свет также не включил. Вновь наблюдение проведено с опозданием на 5 минут, т. к. Дудкин не предполагал, что работа до этого времени не закончена. После 19 часов Камышев заявил, что он выключил линию на сутки, чтобы политая у основания столба вода могла замёрзнуть и укрепить столб. Выключение света без предупреждения является вторичным нарушением приказа № 19 от 29 ноября 36-го г. Через час после заливки столб стоял уже окончательно твёрдо (мороз –30 град.), и оттяжка включения света на сутки является результатом нежелания Камышева дать освещение на метеоплощадку.

*23 января. Суббота.* Приказом № 32 Камышеву вынесен строгий выговор. Обратился к профоргу с просьбой поставить вопрос о недисциплинированности Камышева на общем собрании зимовщиков.

После обеда – общее собрание по вопросу о недисциплинированности Камышева, на котором последний присутствовать отказался. Поведение Камышева получило резкое осуждение всех зимовщиков. Принято постановление, в котором говорится, что общее собрание считает его поступки направленными к сознательному торможению работы станции; снимает его, как потерявшего авторитет, с руководства политзанятиями; считает его непригодным для использования на работе на полярной станции в будущем, о чём считает своим долгом сообщить руководству; ставит вопрос о замене его другим механиком при первой же возможности; порицает за отказ присутствовать на общем собрании.

Вечером – сообщение Соколова об обвинительном заключении по делу антисоветского «Параллельного Центра».

Подвезено Лебедевым три нарты дров.

*24 января. Воскресенье.* Дудкин и Лебедев – осмотр и очистка восточных пастей. Взято два песца (19). Авгевич – обработка материалов летних работ. Зарядка аккумуляторов.

*25 января. Понедельник.* Селезнёв осмотрел западные пасти, взял одного песца (20). Дудкин прорубил новую прорубь, определил толщину льда. Камышев заявил о своём желании перед лицом общего собрания признать свою вину. После обеда – общее собрание. Заявление Камышева о признании своей вины, а также о стремлении его изжить в будущем

все допущенные ошибки встречены собранием с большим удовлетворением. Собрание признало возможным вновь поручить Камышеву руководство политзанятиями.

*26 января. Вторник.* Митинг и принятие резолюции с требованием расстрела привлечённых к пролетарскому суду троцкистов «Параллельного Центра». Зарядка аккумуляторов. Столовая перенесена в помещение общежития, жильцы же общежития переселились в кухню. Сделано это переселение с целью отделить общежитие от радиорубки, т. к. работа в ночное время нарушает нормальный сон. Авгевич – камеральные работы.

*27 января. Среда.* Лебедев и Дьяков подвезли 3 нарты дров (последние с лагуны) и 1 нарту льду. Обед готовил Камышев. Проведено первое занятие по метеорологии (Соколов). Авгевич – камеральные работы.

*28 января. Четверг.* Зарядка аккумуляторов. Авгевич – камеральная обработка материалов. Соколов – обработка метеоматериалов.

*29 января. Пятница.* Пурга. Занятие по изучению ленинизма. Селезнёв – заготовка материалов для стульев. Авгевич – камеральная обработка. Соколов – обработка метеоматериалов (месячная таблица барографа за октябрь). Банный день. Авгевич – ремонт дорожной обуви.

*30 января. Суббота.* Зарядка аккумуляторов. Занятие по изучению ленинизма. Прослушана обвинительная речь прокурора СССР по делу антисоветского троцкистского центра, также и приговор по этому же делу. Селезнёв – изготовление двух этажерок для общежития. Авгевич – ремонт обуви. Соколов – продолжение обработки метеоматериалов.

*31 января. Воскресенье.* Авгевич и Лебедев – подвозка дров с косы – 5 нарт. Селезнёв – работа над этажерками. Соколов – обработка метеоматериалов. Дудкин – составление сводок.

*1 февраля. Понедельник.* Зарядка аккумуляторов. Авгевич – стирка белья, подготовка к отъезду на зимние работы. Селезнёв – работа над этажерками. Вечером Камышев провёл беседу о Пушкине.

*2 февраля. Вторник.* Селезнёв – продолжение работы над этажерками. Авгевич – стирка белья. Селезнёв с Лебедевым осмотрели восточ-

ные пасти, взяли 4 песка. Дудкин осмотрел западные пасти, взял 3 песцов. Общее количество добытых песцов – 27. План на сезон (25 штук) выполнен.

*3 февраля. Среда.* Авгевич и Лебедев – подвозка дров (4 нарты). Соколов, Селезнёв, Камышев, Дудкин – пила и колка дров для кухни. Бабич – пайка приёмника. Зарядка аккумуляторов. Проведена вторая беседа о Пушкине (Камышев). В присутствии всех зимовщиков испытан огнетушитель машинного отделения. Показал нормальную работу.

*4 февраля. Четверг.* Заряжен вновь и установлен на своё место огнетушитель. Закончена вторая этажерка. Авгевич – работы, связанные с предстоящим отъездом в Нерпалах (восстановление знаков). Занятие по метеорологии (Соколов).

*5 февраля. Пятница.* Зарядка аккумуляторов. Авгевич и Лебедев совершили поездку на р. Решетникова за оставленными там в прошлом году гвоздями. Селезнёв – изготовление железной печи.

*6 февраля. Суббота.* Лебедев – расчистка двора. Селезнёв – окончание железной печи. Авгевич – сборы в дорогу (изготовление чемодана и т. п.). Занятие по ленинизму. Дьяков от варки обеда освобождён для приведения в порядок одежды к предстоящему пути. Выезд геодезической партии назначен на 10 февраля. Соколов – стирка белья. Камышев заменил Дьякова на кухне (до ужина).

*7 февраля. Суббота.* Лебедев и Селезнёв – подвозка 4 нарт льду. Зарядка аккумуляторов, текущий ремонт (очистка) динамо. Дудкин осмотрел несколько пастей, расположенных к югу от станции. Авгевич – работа над стенгазетой.

*8 февраля. Понедельник.* Авгевич – работа над стенгазетой. Дудкин и Селезнёв осмотрели восточные пасти, песцов не обнаружили. Селезнёв – подшивка собачьих торбасов – для Дьякова. Получено сообщение о прибытии Горохова в ПОС. Банный день.

*9 февраля. Вторник.* Авгевич – окончание стенгазеты № 7. Газета вывешена в столовой. Днём приехали промышленники Горохов Николай,

Попов, Барабанский, Горохов Гавриил. Иванов остался на южном берегу. За осмотр пастей от Эбелях до конца пастей промышленники взяли 34 песка. Селезнёв – мелкие работы (оттянул два лома и пр.).

*10 февраля. Среда.* Авгевич, Лебедев – сборы в дорогу – получение продуктов, корма для собак, пр. Промышленники вымылись в бане.

Промышленникам выдано продовольствие.

*11 февраля. Четверг.* Из-за сильной пурги выезд пришлось отложить. Дьяков выпек дополнительный хлеб. Обед приготовил Селезнёв, ужин – Камышев. Зарядка аккумуляторов.

*12 февраля. Пятница.* Тихая морозная погода. К 9 часам утра все сборы окончены. Геодезическая партия в составе трёх человек – Авгевича, Дьякова и Лебедева – начала полевые работы. Участок работ: станция – Нерпалах. Задание: восстановить опрокинутые штормом 22 августа тригонометрические знаки, усилить некоторые знаки с целью достижения лучшей их видимости с моря, определение истинного азимута в одной точке, установка дополнительного знака и его наблюдение. Одновременно с геодезической партией выехали и промышленники. Геодезическая партия вышла на 12 собаках.

На станции – очистка столовой, общежития, механической, мытьё полов во всех этих помещениях, очистка посуды, приведение в порядок кладовой и т. п. Обед и ужин готовил Селезнёв. Дудкин – обработка метеоматериалов.

*13 февраля. Суббота.* Вновь метель. Обязанности готовить завтраки и обеды возложена на Селезнёва, ужины – на Камышева. Последний ведаёт также питанием собак.

Зарядка аккумуляторов. Соколов и Дудкин – обработка метеоматериалов.

Облачность на горизонте не позволила увидеть солнце в первый день его появления на горизонте.

*14 февраля. Воскресенье.* Пурга продолжается. В 11 часов увидели на горизонте солнце – впервые после полярной ночи. Светило прошло вдоль горизонта, солнечное сияние длилось около двух часов. Продолжение обработки метеоматериалов (Дудкин, Соколов), работы, связанные с самообслуживанием.

15 февраля. Понедельник. Зарядка аккумуляторов 3 часа 15 мин. Дудкин определял толщину льда – 142 см. Осмотрел западные пасти, но песцов не обнаружил. Обработка метеоматериалов. Пурга продолжается.

16 февраля. Вторник. Пурга продолжается. Связь с другими станциями невозможна. Обработка метеоматериалов, хозяйственные работы.

17 февраля. Среда. Камышев и Соколов – заготовка дров. Камышев – зарядка аккумуляторов. Бабич – осмотр приёмника. Дудкин – обработка метеоматериалов.

18 февраля. Четверг. Дудкин прорубил новую прорубь для взятия проб воды. Селезнёв с Дудкиным обошли все восточные пасти, песцов не обнаружили. Работы по хозяйству.

19 февраля. Пятница. Топка бани. Мытьё полов во всех помещениях. Зарядка аккумуляторов. Текущие хозяйственные работы.

20 февраля. Суббота. Селезнёв – ремонт двери дома метеостанции и печи механической мастерской. Текущие хозяйственные работы.

21 февраля. Воскресенье. Зарядка аккумуляторов. Нормальные работы по хозяйству, самообслуживанию, связи, метеорологии. Камышев – устройство помещения для щенят (очистка хлева). Слушали передачу траурного митинга с Красной площади (похороны Орджоникидзе).

22 февраля. Понедельник. Обычные работы.

### **Недисциплинированность механика Камышева**

23 февраля. Вторник. Соколов, Дудкин, Селезнёв – пила и колка дров. Селезнёв и Дудкин осмотрели западные пасти, ни одного песца не оказалось. Бабич перебрал два дефектных аккумулятора, договорился с Камышевым о зарядке несколько более продолжительной, чем обычно. Во время зарядки Бабич пришёл из радиорубки, где следил, как отражается на перебранных аккумуляторах зарядка, и лёг спать. Через несколько минут услышал, что мотор остановлен. Зарядка продолжалась менее двух часов. Предположили, что, очевидно, мотор стал греться и это является причиной прекращения зарядки.

Вечером во время радиовахты в присутствии меня, Селезнёва, Дудкина Бабич спросил Камышева: «Почему так мало заряжали, динамо не выдержало?» Камышев на это сам задал вопрос – откуда известна продолжительность зарядки, на что ему Бабич разъяснил, что в соседнем доме слышна работа мотора и было слышно, когда он был остановлен. Совершенно неожиданно Камышев разразился потоками брани, применяя такие эпитеты, как «сволочи, провокаторы» и т. п. Выбежал из столовой в общежитие, схватил гитару, разбил в куски. С криком «застрелю» снова вернулся в столовую и пытался ударить Бабича, чему помешал я, встав между ними. Камышев ударил по столу, пролил компот и выбежал обратно в общежитие. Вся эта дикая картина вызвана одним деловым вопросом Бабича: почему так мало продолжалась зарядка.

Намеченный маленький вечер с воспоминаниями о Гражданской войне, чем мы хотели отметить 19-ю годовщину Красной армии, был сорван Камышевым.

*24 февраля. Среда.* Камышев снова настаивает на передаче ему аккумуляторов, обслуживающих передатчик. Т. к. восстановить дефектные аккумуляторы без дополнительной зарядки невозможно, а эту дополнительную зарядку Камышев всячески срывает под разными предложениями, как это было вчера, и заставить его работать – значит вызывать новые и новые эксцессы, – решили аккумуляторы в ведение Камышева передать. Бабич перешёл на аварийное положение, совершенно выключив два дефектных аккумулятора. Радиоработа продолжается нормально.

*25 февраля. Четверг.* Камышев заряжал аккумуляторы 4 часа. Предполагает заняться ремонтом двигателя, т. к. последний работает плохо.

Ночью гулявшая на свободе сука Кокетка попала в одну из пастей, расположенных в полукилометре от станции. Нашёл её утром Селезнёв.

Пришёл на 4 собаках Иванов. Привёз записку от группы Авгевича. Работы идут, в общем, хорошо, но всё же геодезическая партия должна вернуться на станцию. Иванов, двигаясь с южного берега до станции, взял только 8 песцов. Иванов доставил одного песца, взятого из лежавшей на его пути станционной пасты (28).

*26 февраля. Пятница.* Камышев – ремонт двигателя. Иванов, Соколов, Дудкин – поиски бочки с машинным маслом, оставленной Камыше-

вым на косе под скатом и занесённой снегом. Толща снега более 3 м. Отыскать бочку не удалось.

*27 февраля. Суббота.* Камышев продолжал ремонт мотора. В ночь на 28-е сборку закончил и заряжал аккумуляторы.

Иванов покинул станцию, взяв продовольствие для Горохова и хлеб для партии Авгевича.

*28 февраля. Воскресенье.* Бабич и Соколов – пилка дров. Камышев – зарядка аккумуляторов.

*1 марта. Понедельник.* Камышев – зарядка аккумуляторов. Дудкин и Селезнёв обошли восточные пасти, но вновь ни одного песка не оказалось.

*2 марта. Вторник.* Соколов, Дудкин, Камышев, Селезнёв, Бабич – заготовка дров. К обеду прибыла геодезическая партия. Задание выполнили, кроме одного знака. Отнаблюдать один знак (новый) не пришлось из-за сильных морозов – замерзает инструмент. Банный день.

*3 марта. Среда.* Выпечка хлебов на дорогу, ремонт дорожных вещей (члены геодезической партии). Камышев – зарядка аккумуляторов. Лебедев – сушка песцовых шкур.

*4 марта. Четверг.* Продолжение выпечки хлеба и ремонт дорожной одежды и обуви. Селезнёв – изготовление корыта для кормёжки собак. Лебедев – продолжение работы над песцами.

*5 марта. Пятница.* Камышев – ремонт железной дорожной печи. Зарядка аккумуляторов. Все члены геодезической партии ведут работы, связанные с предстоящим выездом к северу. Дудкин с Селезнёвым осмотрели западные пасти, песцов нет. Определение толщины льда.

*6 марта. Суббота.* Авгевич, Лебедев, Дьяков на 12 собаках вышли во вторую поездку для проведения геодезических работ.

Задание – восстановить знаки на участке от станции до мыса Северный, продлить линию тригонометрических знаков в направлении Земли Бунге на 50–60 км, промерить контрольный базис в районе мыса Северный. Продолжительность работ – около 20 суток.

7 марта. Воскресенье. Камышев – зарядка аккумуляторов. Текущие работы по станции.

8 марта. Понедельник. Камышев – зарядка аккумуляторов. Текущие работы по станции (стирка белья – Соколов, пр.).

9 марта. Вторник. Установка анеморумбографа – Камышев, Соколов, Дудкин. Туго вращаются полушария Робинсона. В ближайший день необходимо приёмную часть снять и устранить дефекты. Селезнёв и Дудкин осмотрели восточные пасти, ни одного песца вновь не обнаружили. Заметили довольно большое количество следов лемминго.

10 марта. Среда. Камышев – зарядка аккумуляторов. Текущие хозяйственные работы.

11 марта. Четверг. Бабич – чистка бани. Камышев, Соколов, Дудкин, Селезнёв – пила дров. Банный день.

12 марта. Пятница. Камышев – зарядка аккумуляторов. Бабич – чистка щелочного аккумулятора. Текущие работы.

13 марта. Суббота. Текущие работы. Селезнёв и Дудкин осмотрели западные пасти. Песцов не оказалось. Переборка и установка анеморумбографа.

14 марта. Воскресенье. Получена телеграмма от Горохова о прибытии его 2 марта в ПОС. Выезжает оттуда через три дня (со дня приезда или со дня подачи телеграммы?). Собак в Муксуновке не приобрёл.  
Зарядка аккумуляторов.

15 марта. Понедельник. Технические работы по станции.

16 марта. Вторник. Прибыл бригадир промышленников Иванов на 4 собаках. У Киенг-Урасы убил медведя – самца весом около 25 пудов. Общее количество добытых за февраль месяц песцов – 65.

17 марта. Среда. Камышев – переборка аккумуляторов. Иванов выехал на промысел. Посетит станцию до выезда на Ляховский один раз, числа 1–2 апреля.

18 марта. Четверг. Текущие работы.

19 марта. Пятница. Текущие работы.

20 марта. Суббота. Текущие работы.

21 марта. Понедельник. Камышев заявил о хорошем состоянии мотора и возможности длительной зарядки. Дано 5 часов зарядки вместо обычных двух. Заявление Камышева совершенно неожиданно, т. к. до сего времени каждый час работы мотора сверх двух часов нормальных буквально брался с бою.

Т. к. за последние дни не довелось даже обычной 2-часовой зарядки и аккумуляторы разрядились, приступил к их перезарядке.

В 6 часов вечера Дудкин с Селезнёвым, будучи в 200–300 м от станции, увидели идущую медведицу с медвежонком. Дудкин вернулся на станцию за винтовкой и погнался за медведицей. В 4 км от станции её удалось догнать и убить. Медвежонок взят живым. Ещё до ужина медведицу доставили на нартах вручную на станцию.

23 марта. Вторник. Снята шкура с медведицы, разделана туша. Окорока и лопатки оставлены на питание сотрудникам, остальное мясо и жир – в корм собакам.

Зарядка вновь производилась 5 часов.

24 марта. Среда. Зарядка 3 часа. Аккумуляторы доведены до кипения. Текущие работы по станции.

25 марта. Четверг. Селезнёв отремонтировал плиту и дымоход голландки дома рации. Камышев скрепил чугунную плиту.

26 марта. Пятница. Возвратилась геодезическая партия: Авгевич, Лебедев и Дьяков. За 20 дней поставлено 13 знаков, из них 3 арангаса, т. е. пирамиды с приспособлением для хранения груза. Отремонтировано 4 старых знака. Измерен вспомогательный базис. Сеть продвинута на 43 км к юго-востоку за последний знак постройки 1936 года. 21 марта убит один олень, самка; 24 марта убита медведица и два медвежонка.

27 марта. Суббота. Дудкин и Селезнёв установили, что убитая 22-го числа медведица зимовала в берлоге в полутора км к западу от станции.

Авгевич подал рапорт, в котором указал на полную недисциплинированность Дьякова и просил из состава геодезической партии его вывести.

Утром Камышев категорически отказался произвести зарядку аккумуляторов, чего требовал Бабич. О невыполнении распоряжения начальника станции сообщено Копусову. Селезнёв – ремонт плиты.

*28 марта. Воскресенье.* Лебедев и Соколов подвезли 8 нарт дров с ближайшего участка косы. Селезнёв, Дудкин, Августич – пилка, колка дров. Камышев – зарядка аккумуляторов.

### **Вывод Дьякова из состава геодезической партии**

*29 марта. Понедельник.* Камышев и Лебедев подвезли 4 нарты дров. Августич – хозяйственные работы по подготовке нового выезда на работу. Общее собрание, на котором заслушана информация о ходе геодезических работ. Приказом № 33 Дьякову вынесен строгий выговор за недисциплинированность. Дьяков из состава геодезической партии выведен. Селезнёв – ремонт печей.

*30 марта. Вторник.* Соколов, а затем Селезнёв с Лебедевым подвезли 4 нарты дров. Селезнёв – ремонт печей. Августич – подготовка к выезду. После ужина – читка доклада т. Жданова на пленуме ЦК ВКП(б) 26 февраля сего года. Дудкин определил толщину льда (182 см). Дудкин и Селезнёв закрыли западные пасти. Песцов не обнаружили.

*31 марта. Среда.* Лебедев и Августич на 12 собаках выехали на запад, в Бысах-Каргу, для наблюдения знаков сети, сроком на 3–4 дня.

Селезнёвым сняты шкурки с медвежат, добытых партией Августича 24 марта.

*1 апреля. Четверг.* В ночь на сегодня возвратились Августич с Лебедевым. Оказалось, что во время движения по льду в 13 км от станции наткнулись на двух медведей – самца и самку – и удачно проведённой охотой добыли их. Шкуры привезли на станцию, мясо оставили на месте охоты. Наутро Соколов, Августич и Лебедев доставили медведей на станцию. Чистый вес мяса (без голов и шкур) 340 кило.

Дудкин – подготовка бани (банный день). Камышев – зарядка аккумуляторов. Прибыл бригадир промышленников Иванов после закрытия всех пастей. Общее количество добытых промышленниками Котельного песцов за сезон – 267.

Прибыл с о-ва Ляховский каюр Горохов. Доставил трёх новых собак, два анодных аккумулятора, вилку сцепления, масляный насос, частично – обувь.

*2 апреля. Пятница.* Обсуждён вопрос о дальнейших геодезических полевых работах. Решено выехать на СВ, отложив поездку на запад на будущее. Пойдут трое: Авгевич, Лебедев и Горохов. Возбуждено ходатайство перед ПУ о зачислении Лебедева временным рабочим станции.

Авгевич – подготовка к выезду на работы. Селезнёв – мелкие подделки.

*3 апреля. Суббота.* Селезнёвым и Дудкиным закрыты восточные пасти. Взято 3 песка. Промысел дал 31 песка за сезон.

*4 апреля. Воскресенье.* Иванов выехал на Ляховский, оставив во временное пользование станции 1 собаку собственную и 3 ПОСа. Иванову поручена сдача 12 песцов ПОСу и получение за них оплаты.

Зарядка аккумуляторов.

*5 апреля. Понедельник.* Авгевич, Горохов, Лебедев выехали на СВ на работы. Задание – построить 25 новых знаков, закончить сеть, отнаблюдать сеть, промерить один базис. Сеть должна быть доведена до Земли Бунге. Ориентировочная продолжительность работ 30–40 суток. Вышли на 2 нартах при 16 собаках. Учтено горючее, обнаружено, что 2200 кг, принятых на Диксоне в качестве бензина, являются керосином. Составлен акт.

*6 апреля. Вторник.* Селезнёв – замена старых пробок на бочках с горючим новыми, работа по изготовлению стульев.

*7 апреля. Среда.* Зарядка аккумуляторов. Селезнёв – изготовление стульев. Текущие работы.

*8 апреля. Четверг.* Текущие работы. Селезнёв – изготовление стульев.

*9 апреля. Пятница.* То же.

*10 апреля. Суббота.* Дудкин определил толщину льда – 188 см. Наблюдение за полётом Фарика (перелёт в Амбарчик). Зарядка аккумуляторов.

11 апреля. Воскресенье. Наблюдение за полётом Фарика (перелёт Амбарчик – ст. Шалаурово). Селезнев – топка бани (банный день). Соколов, Дудкин, Камышев – пилка, колка дров.

<...>

### **О медвежонке Мишке**

30 мая. Читка сообщений ТАСС. Получили ответ от пионеров Москвы о желании принять Мишку. С момента отъезда экспедиционной группы на работы Камышев всячески старается уязвить Мишку: то поколотит так, что Мишка еле таскает ноги, то заведёт куда-нибудь подальше от станции и бросит – приходится Семёновичу его разыскивать, и всегда гонит его от корыта во время кормёжки собак. Такое отношение к Мишке сильно нервирует Семёновича и всех остальных и создаёт благоприятную почву для нового скандала. На эту тему один раз говорил с Камышевым, но он заверил, что это всё только так кажется и он, если и делает что-либо плохое Мишке, то без злого умысла. В последние дни этот вопрос обострился, но Камышев стал заявлять, что Мишка облизал шерсть на больной собаке Бабке и что поэтому Бабка ходит теперь с облезлыми боками. Очевидно, в его голове не укладывалось, что эти двое животных могут жить вместе, и он ненавидел Мишку.

Сегодня получил ответ от московских пионеров, я прочёл его вслух и попросил Семёновича усилить присмотр за жизнью и воспитанием Мишки, т. к. с сегодняшнего дня он уже считается за Московским домом пионеров. Телеграмму и все разговоры Камышев слышал. После этого у нас в комнате произошёл разговор с Селезнёвым и Дудкиным, из которого выяснилось, что Мишка хворает, т. к. Камышев его избил на днях, и что он во время пурги ночью выгоняет Мишку от собак из сеней на улицу. Говорилось о том, что Камышева необходимо отстранить от собак и болезни Бабки. Желая сдержать всё в нужных рамках, я предпочёл решительных мер не принимать до приезда Соколова, но, посмотрев на калеку Бабку и обнаружив у неё признаки чесотки (на боках вылезла шерсть), решил, что Бабку нужно вывести в «расход». Об этом я сказал Дьякову, который находился при осмотре Бабки. Во время послеобеденного отдыха пришёл ко мне Камышев и заявил, что Бабка застрелена Дьяковым – давал ли я ему на этот счёт указания? Я ответил, что разговор был и Бабку нужно застрелить. После незначительных пререканий Камышев вспылil окончательно и вылетел из комнаты пробкой. Пришедший Селезнёв заявил, что

Бабка ещё не застрелена и никто её ещё не стрелял, а что Камышев в разговоре с Дьяковым «договорились» до ручки, и чтобы узнать истинное положение вещей, он и вылез ко мне с вымышленным заявлением. Через некоторое время Семёнович заявил, что Камышев расстрелял Бабку сам. Затем Камышев сообщил Селезнёву, что ввиду сложившихся обстоятельств он решил застрелить Бабку, но, выйдя с винтовкой, увидел, что Мишка сосёт Бабку. Он его пристукнул прикладом, а Бабку застрелил. Когда нашли Мишку, то оказалось, что у него отбит весь зад и он не может двигаться и есть. Составили акт. Необходимо привлечь этого бандита к ответственности. Ведь он это сделал по своей вредительской натуре, чуждой всякого здравого смысла, и, искалечив медвежонка, который принадлежит целому коллективу московских пионеров, считает себя правым или сделавшим поступок, который можно извинить. После этого он рыдал по Бабке и приходил к Семёновичу (очевидно, извиняться), но тот его выгнал.

Со мной после этого случая он не говорил. Мишка заперт в бане.

Начал заметно таять снег.

Камышев меняет фундаментную деревянную раму под движком, сделав из одной, общей, две отдельных (малых размеров). Работу производил вечером и ночью.

*Запись сделана тов. Бабичем А. П.  
в Журнале деятельности станции*

# *Тетрадь № 7*

---

**1 сентября 1937 – 5 апреля 1938**



# Журнал деятельности полярной станции на о-ве Котельный

---

## *Продолжение*

### 1937 год

*1 сентября. Среда.* Соколов и Дудкин – варка корма для собак. У Селзнёва четвёртые сутки боли в верхней части седалища, не дающие возможности свободно двигаться.

Вечером вернулись с охоты Горохов и Лебедев. Ходили до Малого Сулбута. Видели оленье и медвежьи следы – и только. Медведь опрокинул знак «Играющая нерпа».

Положение «Ленина» в 12 час. мск – ш. 76-36, д. 93-23, дрейф во льдах. Такое положение дел с продвижением смены не предвещает ничего хорошего.

Камышев – зарядка аккумуляторов. По ледовой сводке десяти-балльный лёд распространяется от Челюскина на юго-запад за 90-й меридиан.

*2 сентября. Четверг.* Положение «Ленина»: ш. 76-46, д. 94-14. Дрейф в 10-балльном льду на NE со скоростью около 0,5 мили в час. У Русского лёд 7 баллов, в проливе 10 баллов.

Получено сообщение о потоплении итальянской подводной лодкой советского теплохода «Тимирязев» в Средиземном море.

*4 сентября. Суббота.* Караван «Ленина»: ш. 76-48, д. 95-00. По телеграммам, переданным в Тикси с «Ильменя», видно, что там израсходовали сено и принуждены часть коров заколоть. Лёд у судов по-прежнему 10-балльный. У Русского – 8 баллов, но караван относит к югу от Русского, 8-балльный же лёд – к северу от него.

*5 сентября. Воскресенье.* Караван «Ленина»: ш. 76-46, д. 94–16, т. е. на 44 мин. западнее, чем вчера. Лёд 10-балльный. «Ермак» в частном разговоре сообщал, что около него лёд постепенно начинает рассасывать.

«Садко» ведёт пробные переговоры с Генриеттой, пока стоит у острова, не сегодня-завтра должны установить связь с Генриеттой мы. «Моссовет» вместе с «Литке» следуют к проливу Вилькицкого. «Литке» поручено помочь «Ленину» в проводке каравана судов в море Лаптевых. «Смольный», окончив Анадырскую операцию, вышел в Тикси, послал туда телеграмму с просьбой подготовить груз для Котельного. Очевидно, на днях состоится рейс «Смольного» на нашу станцию.

У Челюскина лёд 5 баллов. В бухте образование ниласа и шуги. У Русского – туман.

*6 сентября. Понедельник.* Положение каравана «Ленина» без особых перемен: ш. 76-48, д. 94-36. Лёд 10 баллов. В прол. Вилькицкого – 8 баллов. У Русского – туман.

Банный день.

*7 сентября. Вторник.* Положение каравана «Ленина» по-прежнему без перемен: ш. 76-42, д. 94-24. Лёд 10 баллов.

Сообщение о потоплении теплохода «Благоев» итальянской подводной лодкой, ноте протеста, переданной итальянскому правительству.

В районе чувствуется тревога по поводу долгой задержки смены. Беспокоятся шалауровцы, «ленсоветовцы». Кигиляховцы выжидают спокойно. У нас также настроение выжидательное. Если будет к тому необходимость, нужный минимум сотрудников останется и на третий год зимовки.

*8 сентября. Среда.* Караван «Ленина» на прежнем месте. Координаты не приняты. Сегодня к «Ленину» прилетел самолёт Махоткина, очевидно, для ледовых разведок. Суда, идущие на запад, отстаиваются у о-ва Мал. Таймыр. Лёд у Русского 8–9 баллов, у Челюскина 8 баллов.

Горохов и Лебедев поставили 10 костров плавника по косе.

*9 сентября. Четверг.* Поймали обрывки телеграммы Махоткина о результатах разведки. С севера к архипелагу Норденшельда примыкает открытая вода с мелкобитым льдом. Очевидно, что от каравана до кромки недалеко и, возможно, «Ленин» попробует пробиться.

«Ермак» на прежнем месте в 10-балльном льду.

В 7 час. впервые связались со станцией Генриетты, работавшей на «Вьючке». Слышимость 1–2. В скором времени намечают наладить более мощный передатчик.

Передали на Генриетту поступившую через Тикси телеграмму из Москвы. Телеграммой приветствовали новую зимовку.

Караван «Ленина»: ш. 76–48, д. 94–42.

«Ленсовет» вышел на разведку от о-ва М. Таймыр к западу и продвигается вдоль берега о. Большевик чистой водой. Предполагает иметь чистую воду до м. Неупокоева. Предлагает следовать туда же всему остальному каравану, отстаивающемуся у о-ва М. Таймыр.

*10 сентября. Пятница.* Координаты «Ленина» не изменились. У о-ва Кучум (район каравана) образовалась полынья в 1 милю. Остальное пространство – лёд 10 баллов.

У Русского лёд 10 баллов.

«Кузнецкстрою» дано задание на пути с Нордвика к прол. Вилькицкого снять зимовку в бухте Прончищевой – по распоряжению Шмидта.

Горохов и Лебедев поставили в 1,5 км от станции у Мас-Юрях 15 костров (20 кубометров) плавника.

Получен ответ на приветствие от зимовщиков Генриетты. Имели с ней связь в три срока.

*11 сентября. Суббота.* Вечером Бабич услышал телефонный разговор «Ленина» с «Ермаком». Выяснилось, что обстановка меняется в лучшую сторону, караван готовит машины, чтобы двигаться в путь. Предстоит пройти 5 миль льдом, затем выйти в большую полынью, тянущуюся к сев. части Русского. По разведке Махоткина от Русского к северу тянутся большие разводья, проход возможен. Наконец-то перелом! «Седову» дано задание помочь «Ермаку» в проводке судов и обслуживании станций.

*12 сентября. Воскресенье.* «Литке» дано задание идти на Нордвик и помочь «Моссовету» и другим судам, застрявшим вместе с ним. После их проводки и бункеровки на Диксоне с новым караваном идти в море Лаптевых, где и пробывать до конца операции.

Положение «Ленина» – ш. 76-42, д. 96-42.

Ночью с 11-го на 12-е Камышев заряжал аккумуляторы.

В 16 час. мск 12 сентября «Ленин» с караваном был на ш. 76-33 и д. 97-22. «Молотов» сел на мель близ северного края дельты Лены у не отмеченного на карте песчаного острова. К нему на помощь вышли другие суда.

*13 сентября. Понедельник.* Караван «Ленина» медленно продвигается. По сводке Тикси его положение: ш. 76-30, д. 98-06! В 11 час. местного встал ввиду сжатия льдов. Суда в двухчасовой готовности. От места положения каравана до Челюскина мелко битый лёд и каша 10 баллов (по разведке Махоткина).

Соколов – экскурсия к западу от станции для сбора геологических материалов.

*14 сентября. Вторник.* Караван «Ленина» вечером был на ш. 76-42, д. 98-56. «Ермак» на последнем угле вырвался из льдов, оставив «Сталинград» и «Русанова», и идёт к Диксону чистой водой. На «Рабочем» умер старший помощник. Завтра в 9 час. мск похороны.

Камышев – зарядка аккумуляторов. Селезнёв изготовил модель ветряка, приспособленного для пилки дров.

*15 сентября. Среда.* Утром с трудом, с помощью Тикси, связались с «Темпом». Он выгружал на южном берегу Бельковского знак, а затем пошёл вдоль острова искать партию Авгевича, после чего должен был идти к нам на станцию, чтобы принять пассажиров: Горохова, Лебедева и Дьякова. Вечером – баня.

Положение «Ленина» с судами: ш. 76-42, д. 100-30.

*16 сентября. Четверг.* «Темп» партию Авгевича до вечера не обнаружил, начнёт розыски вновь утром 17-го.

«Ленин» с караваном: ш. 76-42, д. 100-22.

Лёд 10 баллов. Северо-западный ветер, дувший сегодня, закрыл все разводья. Караван вновь дрейфует.

*17 сентября. Пятница.* К вечеру «Темп» нашёл и снял партию Авгевича. Темповцы добыли на Бельковском трёх медведей. После сдачи партии Авгевича на «Седов», стоящий у р. Урасалах, «Темп» направится на нашу станцию. «Ленин» – ш. 76-48, д. 100-24.

*18 сентября. Суббота.* Вызывали «Темп» с утра, но безрезультатно. Лишь после обеда он откликнулся и сообщил, что идёт на станцию, находящуюся против ложины Дурное, и предполагает быть у нас в 20 часов. Появился же он в 18.30. С радостью встретились с друзьями – темповцами, с капитаном Василием Константиновичем Жуковым. Вся ночь прошла в беседе на самой станции и на шхуне.

«Ленин» – 77-00, 101-07. Лёд 10 баллов.

*19 сентября. Воскресенье.* «Темп» снялся в 6 ч. 30 мин., взяв на борт сотрудников станции Горохова, Лебедева и Дьякова. Получено с «Темпа» кое-какое продовольствие и взятые партией Авгевича мензула, шлюпка, винтовка и спальный мешок. Принята также мемориальная доска Академии наук в память Э. В. Толля. Доска будет установлена на стене дома метеостанции.

Караван «Ленина» – ш. 77-00, д. 101-06.

Между сотрудниками станции распределены хозяйственные работы. Селезнёв – приведение в порядок кухни, мытьё посуды.

*20 сентября. Понедельник.* Шторм, ветер 9–10 баллов, с NE до NW. Шторм, видимо, захватил всё море Лаптевых. Шхуна «Челюскин» и гидрологическое судно «Хронометр» терпят бедствие у м. Борхая. К ним на помощь вышел «Садко». «Искра» получила пробоину, креном подняли её выше ватерлинии, поставили цементную заплату. У «Молотова» и «Ванцетти» оторвало и унесло баржи, на которых есть люди.

В 12 час. мск «Ленин» на ш. 77-08, д. 101-23.

Камышев – зарядка аккумуляторов.

*21 сентября. Вторник.* «Хронометр» выброшен на косу мыса Борхая. Люди на берегу, целы. «Садко» пока их снять не может из-за сильного прибоя. Караван «Пятилетки», шедший по Лене, разбросало, пару посудин потопило. «Молотов» и «Ванцетти» подбирают баржи. «Садко» после возвращения в Тикси должен взять около 200 тонн дополнительного угля и идти к каравану «Литке». «Ермак» ещё с Диксона не вышел.

«Ленин» по утренней сводке – ш. 77-12, д. 101-24. По вечерней, ш. 77-45, д. 101-23. Вероятно, какая-нибудь ошибка в минутах широты, т. к. «Ленин» продвигался лишь дрейфом и так далеко попасть на юг не мог. Выясним завтра. «Седов» уже у восточного входа в пролив Вилькицкого.

*22 сентября. Среда.* Утром обнаружили разорванным собаками нашего любимца – Мишку. Он, видимо, подошёл ночью к привязанным собакам и те накинулись на него, а позднее и сорвались с привязи. Одна из собак – тиксинский Огонер – тоже сильно пострадала, к обеду пала.

После обеда Бабич увидел на льду лошины медведя, преследуемого собаками. Бросились вдогонку втроём с Дудкиным и Камышевым. Медведь провалился в тонком льду и уйти не мог. Убит был одной

пулей в голову. Оказалось – самка среднего размера. Вновь имеем к столу мясо (после 7–8-дневного перерыва) и собачий корм.

*23 сентября. Четверг.* Вечером получена телеграмма из Тикси от Шимановского и Дицкална с просьбой сообщить, кто из зимовщиков остаётся на третий год и в чём ощущается острая нужда. На днях на Котельный рейсом пойдёт «Темп». 24-го будет передан ответ, что желающих остаться на третий год нет, и перечислено всё, остро необходимое для дальнейшей работы станции.

Днём Камышев заряжал аккумуляторы. «Ленин» вечером дрейфовал с караваном у островов Гансена.

*24 сентября. Пятница.* «Ленин» с караваном дрейфуют со скоростью 1,5 мили в час. «Володарского» у мыса Веги вжало в припай, остановился. «Ленин» помочь не мог. У «Сталина» лопнула часть шпангоутов, разошлись швы, есть течь. «Садко» выделен в помощь «Седову» на проводку судов на восток. В Тикси нет угля, Ковель требует присылки угольщика с востока.

Пять суток сильный шторм, охвативший район от о-ва Генриетты до Диксона. Днём «Ермак» отстаивался на двух якорях, боясь потерять палубный груз. Постройка станции в прол. Санникова отменена, Рузов остаётся на Челюскине.

*24 сентября. Суббота.* Караван «Ленина» продолжает дрейфовать в 10-балльном льду.

По некоторым сведениям, у двух судов сломаны рули. Из Тикси сведений о смене нет. «Садко» с находящимися в Тикси судами направляется на восток. «Малыгин» – в помощь «Седову».

*26 сентября. Вторник.* Сообщений из Тикси о заброске смены нет. Караван «Ленина» продолжает дрейфовать в 10-балльном льду к востоку от о. Самуила. «Ермак» идёт на помощь «Володарскому», миновал о-в Русский, лёд 10 баллов. На Диксоне 10-балльный шторм SSE направления. У «Русанова» и «Сталинграда» облегчение ледовых условий, готовятся в путь.

*27 сентября. Понедельник.* Получена телеграмма о выходе «Темпа» на Котельный с механиком и метеорологом. Готовятся к выезду Камышев, Дудкин, Селезнёв. Вопрос о выезде Соколова и Бабича остаётся открытым.

Баня.

*28 сентября. Вторник.* Телеграмма от Жукова. Имеет распоряжение сменить только Камышева, вопрос об оставлении метеоролога должен быть решён на месте. Весь остальной состав, как полагает Жуков, должен зимовать до прибытия смены в навигацию 1938 года.

*29 сентября. Среда.* В 11 час. местного времени прибыл «Темп», прошедший ночью мимо станции до северного мыса. Доставил моториста Рютина, мотор Л-3, спаренный с динамо, продовольствие, незначительное количество метеоматериалов.

Бабич произвёл обмен с «Темпом» аккумуляторами. Переданы дефектные, получены исправные. Метеоролога Заболоцкого на Котельном не оставил, т. к. пятый человек вынудил бы жить в двух домах. Прибывший на «Темпе» Горохов вновь остался на станции. Во время передачи механической Рютину (ранее ни механиком, ни мотористом не работавшему) договорились о передаче моториста «Темпа» Бема Бориса Евгеньевича станции взамен Рютина. Жуков согласие дал, и Рютин, только что приняв механическую, передал её вновь Бему. Выехали в Тикси Камышев, Дудкин, Селезнёв. Остались ещё на год Соколов, Бабич, Бем, Горохов. Отправлено не могущее быть использованным оборудование и 12 ездовых собак. «Темп» снялся около 7 час. вечера местного времени.

*30 сентября. Четверг.* Груз, доставленный «Темпом», поднят в склад. Отправлена телеграмма в Москву в ПУ о прибытии «Темпа», выезде сотрудников, продолжении работы станции.

Опробование мотора Бемом.

*1 октября. Пятница.* Переход Бабица и Соколова из дома метеостанции в дом рации. Перенесено всё метеоборудование. Дом метеостанции в целях экономии дров поставлен на консервацию. Первая непродолжительная зарядка аккумуляторов Бемом. Мотор работает неровно, с перебоями. Годовщина установления связи.

*2 октября. Суббота.* Продолжали оборудование нового обиталища. Горохов отремонтировал пасти к западу от станции. Телеграмма Тикси об установлении наблюдения над РЛ на волне 48 м. Бабич слушал, но безрезультатно: непрохождение.

«Темп» прибыл на м. Шалаурова, куда забросил работников закрываемой станции Кигилях, сменяющих уезжающих шалауровцев.

*3 октября. Воскресенье.* Горохов отремонтировал пасти к востоку от станции. Обнаружил десять штук, сломанных медведем, их ремонт может быть произведён лишь летом. Бабич и Бем смонтировали щиток с лампами (сопротивление к аккумуляторам).

Соколов – разборка и сортировка полученного с «Темпа» груза.

*4 октября. Понедельник.* Горохов подвёз 5 нарт дров с ближайших окрестностей. Соколов – разборка груза. Зарядка аккумуляторов в течение 7 часов. В конце зарядки мотор остановился из-за недостатка бензина в бачке. Бем установил полученный с «Темпа» мотор Л-3, спарив его с HN-30.

*5 октября. Вторник.* Поднято к дому 5 бочек бензина – зимний запас. Убраны в склад моторы «Искра» и Л-6. Гороховым утеплена дверь бани – обита оленьими шкурами и мешковиной.

*6 октября. Среда.* Баня. Соколов – первая выпечка хлеба (чёрного). Бабич – переустройство электропроводки, изготовление рубильника. Бем – работа по установке мотора Л-3.

*7 октября. Четверг.* Получено разрешение Орловского на изъятие из продовольствия, сданного на хранение, части, необходимой для питания сотрудников. Взято 9 мест: 72 кг клюквы, 80 кг риса, 103 кг сельдей, 62 банки свинины с фасолью, 48 банок зелёного горошка, 30 кг вишнёвого варенья, 5 бутылок кетчупа и 108 банок (по 320 г) стручковой фасоли.

*8 октября. Пятница.* Горохов – подвозка дров. Доставлено 5 нарт. Соколов, Бабич, Бем – пила, колка дров.

*9 октября. Суббота.* Бабич и Горохов – ремонт двери столовой. Соколов – изготовление полочек для самописцев. Бабич и Бем – восстановление части осветительной линии к метеоплощадке.

*10 октября. Воскресенье.* Соколов и Горохов – установка чугунной печи в механической мастерской, ремонт двери мастерской. Бабич и Бем – работы по проводке осветительной линии на метеоплощадку: насадка изоляторов, подготовка провода.

*12 октября. Вторник.* Зарядка аккумуляторов. Соколов – выпечка хлеба. Горохов – подготовка к выезду на восточный берег к Голубой лагуне за

закопанным весной мясом. Выезд назначен на завтра. Переход на электроосвещение при метеонаблюдениях. Бем – установка двигателя Л-3.

*13 октября. Среда.* Утром – низовая метель. Выезд Горохова и Бема отложен. Горохов и Бем – заготовка льда. Заготовлено на 2 месяца. Соколов и Бабич до обеда – распиловка дров. После обеда – переговоры с Генриеттой.

*14 октября. Четверг.* Утром на восточный берег выехали Бем и Горохов. На станции осталась одна ездовая собака – промышленников – Матрёна. Соколов и Бабич – колка дров и различные хозяйственные работы помимо своих основных.

*15 октября. Пятница.* Бабич готовит обеды, Соколов – завтраки и ужины. Соколов – первая выпечка белого хлеба.

*16 октября. Суббота.* Соколов – изготовление доски, обшитой старой ватной тужуркой для прикрытия трубы снаружи, т. к. внутренность печи настолько разрушена, что при топке нет нужды открывать конфорки. Мелкие хозяйственные работы. Бабич – стирка белья.

*17 октября. Воскресенье.* Распиловка плавника – утром. Текущие работы по самообслуживанию.

*18 октября. Понедельник.* Распиловка плавника. В 13 час. вернулись Горохов и Бем. Мясо привезли, но гнилое, годное лишь для корма собакам. Оленей не видели. Пересекли лишь медвежий след.

*19 октября. Вторник.* Колка дров, мытьё пола, баня. Переговоры с ледокольными судами, идущими к прол. Санникова от каравана «Ленина». Идут «Малыгин», «Седов» и «Садко». Днём находились на ш. 76-20, д. 129-00 в 10-балльном молодом льду.

*20 октября. Среда.* Соколов и Горохов до обеда заняты подвозкой дров. Подвезено 6 нарт. Бем закончил зуммер. Бабич – трёхкратная дача ледокольным судам. «Красин» пробился к каравану «Ленина». «Ермак» ушёл на запад, оставив зимовать караван «Литке». Снял 140 человек. Оставил 126 на все суда: «Литке», «Правда», «Крестьянин», «Моссовет», «Урицкий» и буксир «Молотов».

21 октября. Четверг. Горохов подвёз 4 нарты дров и две нарты льду. Мелкие хозяйственные работы. Ледокольные суда в 90 милях от станции, продвигаются с большим трудом.

22 октября. Пятница. Зарядка аккумуляторов. Соколов – выпечка хлеба. Горохов выехал в Киенг-Урасу на 4–5 суток для охоты. Попутно возможно достанет у промышленников приманку для зарядки пастей, свечи и чай, в которых весьма нуждаемся.

23 октября. Суббота. Бем разобрал и промыл керосином мотор Л-6. Соколов – хозяйственные работы – ремонт печи и плиты. Бабич – составление квартального отчёта.

24 октября. Распиловка и колка дров. Бем и Бабич совершили короткую прогулку к западу. Кроме песцовых следов ничего примечательного не обнаружили.

25 октября. Понедельник. Распиловка и колка дров. Бем – сборка двигателя.

26 октября. Вторник. Распиловка и колка дров. Вернулся из поездки Горохов. Охоты не было.

Промышленников не встретил, хотя ездил до Киенг-Урасы. Прол. Зари ото льда свободен.

«Красин» ставит на зимовку суда каравана «Ленина» в бухте Кожевникова. «Садко», «Седов», «Малыгин» – в дрейфе. Относит к NW со скоростью 11–12 миль в сутки.

27 октября. Среда. Распиловка и колка дров. Горохов оборудовал ящик для готовящейся щенильи Бахчи, подготавливает зимние нарты. Бем продолжает сборку мотора.

Самойлович обратился за помощью к Дриго («Красин»), но тот ледокольным судам помочь не может – нет угля. Дрейф судов продолжается к северу. Скорость уменьшилась.

28 октября. Четверг. Пилка дров и заготовка льда на ближайшем озерке. Бем закончил переборку двигателя и собрал его.

29 октября. Пятница. Колка дров. Горохов – сборка двух нарт. Щенилась Бахча.

*30 октября. Суббота.* Обмороживание дома.

*31 октября. Воскресенье.* Горохов и Бем зарядили 41 пасть к востоку от станции.

Соколов – выпечка белого хлеба.

*1 ноября. Понедельник.* Зарядка аккумуляторов. Соколов – заготовка (сбор) плавника на заливе лагуны. Горохов зарядил 23 пасти.

*2 ноября. Вторник.* Горохов зарядил последние пасти. Бем – установка и первое испытание Л-3. Результат удовлетворительный, требуются доделки. Соколов – ремонт одежды и т. п.

*3 ноября. Среда.* Горохов подвёз пять нарт плавника. Соколов и Бабич – распиловка плавника.

*4 ноября. Четверг.* Горохов подвёз четыре нарты плавника и одну нарту льду. Соколов – помощь Горохову, выпечка чёрного хлеба.

*5 ноября. Пятница.* Прибыл Бакута с промышленниками Захаровым и Старостиным. За лето у них не было никакой охоты, не убили ни одного оленя, ни одного медведя. Погибло 12 собак. Прибыли на станцию на 6 собаках, 2 из них восседали на нартах пассажирами: не могли идти сами. Промышленники доставили одного попавшего в нашу пасть песца.

Банный день. Вымылись и промышленники. Мытьё пола.

*6 ноября. Суббота.* Выпечка пирогов, подготовка к встрече годовщины Октября. Вечером банкет, посвящённый годовщине. Пурга заставляет давать все телеграммы (метео) вслепую.

*7 ноября. Воскресенье.* Пурга продолжается, метео передаётся вслепую. Производились лишь самые необходимые работы (самообслуживание и т. п.).

*8 ноября. Понедельник.* Пурга к вечеру утихла. Установилась нормальная связь. Горохов и Бем осмотрели западные пасти. Они почти все оказались сломанными недавно прошедшим медведем. Медведь съел пять песцов, попавших в пасти.

*9 ноября. Вторник.* Промышленники и Бакута вышли на Бысах-Каргу. Бем и Горохов – ремонт западных пастей. Прошедший минувшей ночью второй медведь доломал остальные пасти и унёс два песца. Все пасти вновь отремонтированы. Бабич – варка обеда, Соколов – хозяйственные работы.

*10 ноября. Среда.* Горохов и Бем осмотрели восточные пасти. Взят один песец (второй). Три самые дальние пасти оказались сломанными медведем. Одну из них Горохов отремонтировал.

Соколов – выпечка белого хлеба. Бабич – приготовление обеда. Горохов и Бем подвезли две нарты льду.

*11 ноября. Четверг*

Горохов – заготовка льда и устройство снежного дома для собак.

Бем – зарядка аккумуляторов (до обеда). Соколов – изготовил крышку для проруби. Прорубь засыпана снегом для предотвращения сильного промерзания.

*12 ноября. Пятница.* Горохов закончил устройство снежного дома для собак. Бем осмотрел западные пасти, песцов не обнаружил. Соколов и Бабич – распиловка дров.

*13 ноября. Суббота.* Горохов – домашние работы, стирка белья. Соколов – выпечка чёрного хлеба.

*14 ноября. Воскресенье.* Горохов и Бем подвезли три нарты дров. Соколов и Бабич – распиловка дров.

*15 ноября. Понедельник.* Горохов подвёз 4 нарты дров с пересыпи. Соколов и Бабич – распиловка, колка дров. Бем – выпечка пирожков. Вечером – первое занятие Бабича с Соколовым и Бемом по обучению азбуке Морзе.

*16 ноября. Вторник.* Сильная метель. Приём радиотелеграмм невозможен из-за сильных помех. Метео передаётся вслепую. Наружные работы не производились. Все заняты мелкими хозяйственными работами: точка пил, ремонт одежды и т. п.

*17 ноября. Среда.* Пурга продолжается. Бем – правка пилы, обед. Соколов и Горохов – пилка, колка дров.

18 ноября. *Четверг*. Пурга утихла, восстановлена нормальная радиосвязь. Горохов и Бем подвезли 3 нарты дров (39).

19 ноября. *Пятница*. Соколов и Бабич – пила дров для бани. Горохов – подготовка устройства сеней у бани.

20 ноября. *Суббота*. Баня. Горохов устроил снежные сени у бани. Бем осмотрел западные пасти, взял одного (3) песца. Бабич – приготовление обеда. Соколов – пошивка рукавицы.

21 ноября. *Воскресенье*. Бем – зарядка аккумуляторов. От проникших в помещение мех. мастерской выхлопных газов страдал головной болью, утихшей после ряда горячих компрессов на голову. Соколов – мелкий ремонт одежды. Горохов доставил одну (40) нарту дров и осмотрел восточные пасти. Взял лишь одного наполовину съеденного песца.

22 ноября. *Понедельник*. Горохов подвёз 4 нарты (44) дров. Бем – изготовление рубильника. Соколов – ремонт одежды. Пурга. С 13 час. Радиопередача – вслепую.

23 ноября. *Вторник*. Горохов осмотрел западные пасти, песцов не нашёл. Соколов и Бабич – распиловка дров, Бем – колка.

25 ноября. *Четверг*. Горохов подвёз пять нарт (49) дров. Соколов и Бабич – распиловка и колка дров. Бем – перекладка трубы.

Приехали Бакута, Старицын и Захаров. Песцовый промысел плохой. Обе бригады (от Киенг-Урасы до Бысах-Карги) взяли 20 песцов. Медведи поломали 84 пасти.

26 ноября. *Пятница*. Мелкие хозяйственные работы.

27 ноября. *Суббота*. Захаров и Старостин выехали на промысел. Предполагают быть на станции около 8 декабря. У Бакуты сильная опухоль ноги, остался временно на станции.

Мелкие хозяйственные работы.

28 ноября. *Воскресенье*. Соколов – выпечка чёрного хлеба. У Горохова – сильная головная боль. Мелкие хозяйственные работы. Бем устранил прорыв газов в выхлопной трубе наложением асбестовой заплаты.

29 ноября. *Понедельник*. Соколов – выпечка белого хлеба. Горохов – подвозка дров – 3 нарты (52). Бабич – стирка белья.

30 ноября. *Вторник*. Соколов и Бабич – распиловка дров. Горохов подвёз 5 нарт дров (57). Бем осмотрел западные пасти, песцов не обнаружил. Обед готовил Бакута.

1 декабря. *Среда*. Горохов осмотрел западные пасти. Семь пастей оказались только что сломанными медведем, унёсшим, по-видимому, одного песца. 5 пастей Горохов восстановил. Во всех остальных пастях песцов не обнаружено. Возвращаясь, Горохов привёз одну нарту дров (58).

2 декабря. *Четверг*. Горохов подвёз 3 нарты дров (61). Бем помог в распиловке толстых кряжей.

3 декабря. *Пятница*. Метель. Горохов готовил воду для бани. В обед, когда выпустил собак из снежного дома, все они бросились с лаем в темноту. Слышен был ожесточённый лай всех собак. Полагая, что собаки лают на медведя, Горохов побежал за винтовкой. Действительно, собаки гнали медведя, убегавшего на запад. Горохов побежал за ним и в 300 метрах от станции, вблизи озера, убил медведя у входа в берлогу, только что начатую. Горохов выстрелил пять раз. Попал тремя пулями. Добыча оказалась медведицей пудов на 12 живого веса.

Мытьё пола.

4 декабря. *Суббота*. Баня, выпечка пирожков (Бем и Бакута).

5 декабря. *Воскресенье*. Производился лишь минимум работы.  
Праздник – День Конституции.

6 декабря. *Понедельник*. Метель. Домашние хозяйственные работы.

7 декабря. *Вторник*. Горохов подвёз 3 нарты дров (64). Бем – переборка двигателя. Приехали промышленники Старостин, Захаров и 2 человека западной бригады. Приехал также охотник с о-ва Фаддеевского – Свешников. За летний сезон фаддеевцы добыли оленей, 970 гусей и 200 с лишним штук другой пернатой дичи.

Погреб, в котором хранились разные грузы, затопило водой, и промышленники добывали огонь порохом (спички погибли). На 5 чело-

век промышленников, оставшихся на Фаддеевском, было к моменту ухода Свешникова 1 куль муки и две оленьи туши. Больше – ничего. Ни сахару, ни масла, ни даже чая. Сейчас необходимо отправить на Фаддеевский продовольствие и снять промышленников. Из 27 собак 22 – погибли. На оставшихся пяти Свешников с бригадиром Гороховым пришли на Котельный.

*8 декабря. Среда.* Промышленники истопили баню и вымылись. Занимались распиловкой дров. Соколов – очистка метеоприборов и будок от снега и т. п. Бабич – колка дров.

*9 декабря. Четверг.* Промышленники и Горохов – распиловка плавника. Убит Мойтрук, заболевший чесоткой. Весь живот и даже лапы облезли, возможности лечить без угрозы заражения других собак нет никакой. Вечером на собрании зимовщиков совместно с промышленниками проработано Обращение ЦК ВКП(б).

Весьма тёплый день. Температура колебалась от –13,7 до –8,3.

Соколов – выпечка чёрного хлеба.

*10 декабря. Пятница.* Температура поднималась до –5,6 град. Средняя  $t = -8,5$  град. Горохов подвёз 6 нарт льду. Соколов – выпечка чёрного хлеба.

*11 декабря. Суббота.* Промышленники во главе со Свешниковым выехали. Оставшиеся на Фаддеевском промышленники будут сняты. За ними посылается упряжка в 8 собак. Выдано промышленникам ПОСа взаимнообразно: 1 куль муки пшеничной 96%, 1 куль – 75%, один спальный мешок, 2 ведра.

*12 декабря. Воскресенье.* Горохов с Бемом осмотрели большую часть восточных пастей. Взяли 2-х целых песцов (5) и объедки одного. Очистили пасти от снега. Налетевшая пурга заставила высмотр прекратить.

*13 декабря. Понедельник.* Бем и Горохов очистили западные пасти от снега, добавили приманку. Ни одного песка не оказалось. Горохов осмотрел оставшуюся невысмотренной часть восточных пастей, взял одного песка (6).

Получена телеграмма о предполагаемом в марте прилёте самолёта на о-в Котельный.

14 декабря. Вторник. С утра до полудня – метель. Домашние работы. Соколов – выпечка белого хлеба. Бем – высверливание пальцев.

15 декабря. Среда. Горохов – подвозка дров – 4 нарты (68). Соколов – выпечка чёрного хлеба. Бем – ремонт голландки и плиты.

16 декабря. Четверг. Горохов подвёз 4 нарты дров (72). Соколов и Бабич – распиловка дров.

17 декабря. Пятница. Горохов осмотрел восточные пасти, взял 2-х песцов (8).

18 декабря. Суббота. Баня. Выпечка пирогов.

19 декабря. Воскресенье. Горохову – 56 лет. Его день рождения отмечен вечеринкой.

20 декабря. Понедельник. Горохов осмотрел западные пасти, песцов не оказалось. Мелкие хоз. работы.

21 декабря. Вторник. Горохов – ремонт нарт. Зарядка аккумуляторов.

22 декабря. Среда. Горохов подвёз 3 нарты дров (75). Бем – переборка двигателя.

23 декабря. Четверг. Горохов откапывал костры плавника к западу от станции, подготавливал его к перевозке. Бем – закончил переборку мотора. Бабич заменял Бема при варке обеда. В пасти взят съеденный волком песец.

24 декабря. Пятница. Соколов и Бабич – распиловка дров. Горохов подвёз пять нарт плавника (80). В западных пастях взят один песец (9).

25 декабря. Суббота. Горохов осмотрел восточные пасти, взял одного песца (10).

Бем – пробное изготовление торта. Проба мотора Л-3. Динамо (HN 30) тока не дала.

26 декабря. Воскресенье. Горохов и Бем выехали на собаках на Бысах-Каргу. Доставят кое-какие вещи Бакуты. Должны возвратиться 27-го.

*27 декабря. Понедельник.* Горохов с Бемом не прибыли, очевидно, из-за пурги.

*28 декабря. Вторник.* Прибыли Бем, Горохов и Свешников. Путь был очень тяжёл – глубокий снег.

*29 декабря. Среда.* Соколов – выпечка чёрного хлеба. Разные хозяйственные работы.

*30 декабря. Четверг.* Получена телеграмма Михайлова о снятии в марте самолётом с дрейфующих льдов пятидесяти человек и использовании нашей станции как базы.

Бем – выпечка торта. Горохов – топка бани, сборка нарт.  
Общая баня.

*31 декабря. Пятница.* Горохов осмотрел восточные пасты, взял двух песцов (12). Подготовка к встрече Нового года и вечер встречи.

## 1938 год

*1 января. Суббота.* Горохов – мелкие хозяйственные работы (съёмка шкурок с песцов и т. п.).

*2 января. Воскресенье.* Зарядка аккумуляторов – около 7 часов. Горохов осмотрел западные пасты, взял одного (13) песца. Соколов – очистка проруби.

*3 января. Понедельник.* Соколов, Бабич, Бем – распиловка, колка дров. Горохов подвёз семь нарт льду. Занятие по Морзе.

*4–10 января.* Мелкие хозяйственные работы, выпечка чёрного, белого хлеба. Осмотр восточных пастей. Песцов не оказалось.

*11 января.* Горохов и Свешников выехали на Б. Ляховский, Бакута – на Бысах-Каргу.

*12 января.* Соколов – выпечка чёрного хлеба, распиловка дров (вместе с Бабичем). Бем – колка дров, очистка бани от снега.

13 января. Бем – высмотр западных пастей, песцов нет. Соколов – стирка белья. Бем – мытьё пола.

14 января. Соколов – выпечка чёрного хлеба (1 запас). Бабич – топка бани. Баня.

15 января. Соколов – выпечка чёрного хлеба (2-й запас). Мелкие хозяйственные работы.

16 января. Соколов, Бабич, Бем – пила, колка дров. Мелкие хозяйственные работы. Очищен гигрометр.

17 января. Сильная пурга. Работы по самообслуживанию. Занятия по радиodelу.

18 января. Пурга. Мелкие хозяйственные работы. Занятия по радиodelу.

19 января. Соколов – очистка будок, гигрометра. Соколов и Бем – осмотр западных пастей. Песцов не оказалось. Бабич – домашние работы.

20 января. Соколов – выпечка белого хлеба. Мелкие хозяйственные работы.

21 января. Соколов – выпечка белого хлеба. Зарядка аккумуляторов.

22 января. Бем – высмотр восточных пастей. Взят один (14) песец. Соколов – выпечка белого хлеба, расчистка проруби. Бабич – приготовление обеда, прочие работы.

23 января. Около 13 час. местного времени радист шхуны «Смольный», зимующей у острова Эркого (дельта Лены), сообщил следующее о гибели парохода «Рабочий», шедшего в караване «Ленина»:

«Наблюдение велось с «РТКС». 22 января в 10 час. местного – астрономическое место парохода «Рабочий» 75-08 с. ш., 121-26 в. д.

В 11 час. 45 мин. местного ощутили толчок, одновременно судно стало качать. В 13 час. 30 мин. под кормой образовалась гряда торосов, заваливших подзор и руль. Ощущались сильное напряжение корпуса и вибрация борта, а также скрип.

До 22 час. 45 мин. «Рабочий» держался хорошо, оказывая сопротивление льдам.

В 5.00 началось новое сжатие, которое разорвало левый борт от кормы до машинной переборки; образовался сплошной прорыв общей высотой 6–10 футов. Первое время благодаря сжатию льдов эту пробоину завалило льдом, и вода поступала медленно, но затем прорвало фланцы вала (у дейдвуда) и вода стала наполнять машинное отделение. Одновременно увеличился доступ воды в бортовую пробоину. Команда судна всё время вела разгрузку, несмотря на то что судно быстро наполнялось водой. В 3 час. 30 мин. мск судно начало медленно погружаться, уровень воды достиг верхней палубы. Затем вся корма ушла под воду и над водой была только передняя половина судна. В 3 час. 35 мин. носовая часть медленно поднимается, и судно продолжает погружение с поднятым носом, поддерживая плавучесть машинным отделением и третьим трюмом. В 3 час. 45 мин. «Рабочий» стал почти вертикально носом вверх. В 3 час. 51 мин. погрузился до спардека. Согнулась мачта, лёд наторосило до бот-дека. В 4 час. 15 мин. труба исчезла под водой; вода доходит до фок-мачты. В 4 час. 17 мин. московского «Рабочий» затонул. Команда вылавливает всплывающий груз».

Шторм 9 баллов. Соколов – выпечка белого хлеба. Срок 19 час. – передача «вслепую» – сильные помехи.

24 января. К вечеру ветер стих до 12 м. Проводились мелкие работы по самообслуживанию. В 19 час. началась нормальная радиосвязь. Приняты координаты «Ленина» – 75-20,7 с. ш., 122-57 в. д., и «Садко» – 78-05,5 с. ш., 152-43 в. д. «Ленин» передал распоряжение начальника каравана Дриго о размещении 25 человек из команды «Рабочего» на «Ленине» и 10 человек на пароходе «Диксон».

25 января. Соколов, Бабич, Бем – распиловка, колка дров. Соколов – чистка будок от снега, чистка гигрометра. Бем – пайка дождемерного ведра, правка пилы.

...

«Сталин» благополучно выдержал сжатие льда. «Седов» одним бортом выходит на разводы. Положение опасное, т. к. первое сжатие льда серьёзно угрожает судну.

26 января. Соколов – выпечка белого хлеба, расчистка проруби. Бабич – крепление растяжек. Бем – разные работы.

27 января. Соколов – выпечка чёрного хлеба.

28 января. Бабич – стирка белья. Бем – работы в мастерской.

29 января. Соколов – выпечка чёрного хлеба. Бем – мытьё пола.

30 января. Соколов – выпечка чёрного хлеба. Бабич – очистка собачьего жилья ото льда. Бем – работы в мастерской.

31 января. Бем – зарядка аккумуляторов. Соколов – выпечка чёрного хлеба.

1 февраля. Соколов – выпечка чёрного хлеба, топка бани. Бабич – топка бани и высмотр с Бемом западных пастей. Взят один целый песец (15), а один с отъеденной ногой и хвостом. Баня. Первое наблюдение в 13 час. без электрического света.

2 февраля. Бем – высмотр восточных пастей, взято два песца (17). Бабич – варка обеда. Соколов – выпечка хлеба (чёрного). Вечером Бабич и Бем сняли шкурки с двух песцов.

3 февраля. Соколов, Бабич, Бем – распиловка, колка дров. Соколов – выпечка чёрного хлеба. Бем снял шкурки с двух песцов. Получена телеграмма Михайлова об отсутствии предположения по снятию нас самолётами в марте-апреле.

4 февраля. Соколов и Бабич – распиловка дров. Бем осмотрел четыре южные пасти. Песцов не оказалось. Наточил пилу. Соколов – выпечка чёрного хлеба.

5 февраля. Соколов, Бабич, Бем – пилка, колка дров. Бем – ремонт колуна. Соколов – выпечка чёрного хлеба. Соколов – осмотр посадочной площадки на море.

6 февраля. Соколов, Бабич, Бем – пилка, колка дров. Соколов и Бем – выпечка белого хлеба.

7 февраля. Мелкие работы. Бем – стирка белья.

8 февраля. Бем – разборка части двигателя, осмотр.

*9 февраля.* Соколов – выпечка чёрного хлеба. Бем – подготовка наждачного порошка и пр.

*10 февраля.* Соколов – выпечка белого хлеба. Бем – зарядка аккумуляторов.

*11 февраля.* Соколов – стирка белья, приготовление обеда. Бабич – высмотр западных пастей, Бем – восточных. Песцов не оказалось. В дневной срок Поляков сообщил, что на Шалаурово прибыл Горохов. Задержались в пути долго из-за тяжёлой дороги и болезни Горохова. 13-го выходит в Муксуновку. Бакута также прибыл в ПОС.

После обеда прибыли промышленники Захаров и Старостин. Доставили записку от Бакуты, 1,5 кило чая и 2 кило свечей. Пришли пешком, собак нет.

*12 февраля.* Бем – выпечка мясо-рисовых пирожков. Встреча солнца. Над горизонтом показалась лишь небольшая расплывчатая часть солнца, скрытая тонкими облаками.

*13 февраля.* Соколов, Бем, Бабич – заготовка льда на озере.

*14–16 февраля.* Мелкие работы. 16-го – ремонт плиты.

*17 февраля.* Зарядка аккумуляторов. Баня.

*18 февраля.* Соколов – высмотр южных 3 пастей. Бем – ремонт (чистка) плиты.

*19 февраля.* Мелкие текущие работы.

*20 февраля.* Узнали о снятии папанинцев со льдины, завершении блестящей экспедиции.

Соколов – приготовление обеда, выпечка баранок. Бабич – высмотр западных пастей (ничего не оказалось), перевод щенков из мастерской в коридор. Бем – высмотр восточных пастей, взят один (18) песец. По сообщению Авгевича координаты станции 75-58,4 с. ш. и 137-59 в. д.

*21 февраля.* Соколов – обработка старых записей. Бабич – очистка механической мастерской от следов пребывания там щенков. Бем – работы по хозяйству.

*22 февраля.* Соколов и Бабич – пилка дров. Бем – мелкие хозяйственные работы.

*23 февраля.* Празднование дня рождения Бабича и 20-летия Красной армии и флота. Работа по расписанию шла своим чередом.

*24 февраля.* Мелкие хозяйственные работы.

*25 – 26 февраля.* Мелкие хозяйственные работы.

*27 февраля.* С утра до вечернего наблюдения – зарядка аккумуляторов (с перерывом на обед).

*28 февраля.* Сильная пурга, ветер до 18 м/сек. Мелкие домашние работы.

*1 марта.* Получено распоряжение Бегичева о выпечке одной тонны хлеба к 20 марта. Взвешен и убран в склад ранее выпеченный хлеб. Его оказалось 127 кг. Бабич осмотрел западные пасти, Бем – восточные, песцов не оказалось. Бем отремонтировал плиту.

*2 марта.* Соколов – выпечка хлеба – 7 кг, оборудование новой, большего размера квашни.

*3 марта.* Соколов – выпечка 34 кг хлеба. Бем – разборка, ремонт двигателя.

*4 марта.* Соколов – выпечка хлеба (ок. 32–35 кг). Бем – ремонт двигателя. Вечером отказал в работе длинноволновый передатчик.

*5 марта.* Всю ночь с 4-го на 5-е выявлял неполадки в передатчике.

Утренний срок пришлось вызывать на коротких волнах, но никто (ни Тикси, ни Генриетты) не догадался на них слушать. К 13 час. выяснить и устранить неполадки ещё не удалось, опять – вызовы на коротких. На этот раз услышало Шалаурово – Поляков. Взял метео и все имевшиеся телеграммы.

После дневного срока Бабич устранил дефект (конденсаторы), и к 19 час. передатчик был вновь налажен. Нормальная работа возобновилась, Бабич смог лечь спать.

Бем закончил работу с двигателем. Соколов – выпечка хлеба, хозяйственные дела. Общее количество выпеченного хлеба – около 230 кг. Наблюдение в 7 час. произвёл без электрической лампочки.

6 марта. Соколов – выпечка хлеба. Зарядка аккумуляторов.

7 марта. Соколов – выпечка хлеба. Сообщено о наличии 330 кг. Баня.

8 марта. Соколов – выпечка хлеба. Бабич – колка дров, снабжение ими бани. Международный женский день.

9 марта. Соколов – выпечка хлеба. Самолёты вывозят людей с каравана «Ленина» в Тикси. Н-177 прибыл в Булун.

10 марта. Соколов – выпечка хлеба. Бабич осмотрел западные пасти, взял одного (19) песца. Н-177 прибыл в Тикси.

11 марта. Соколов – выпечка хлеба. Бем в восточных пастях взял 2 песца (21). В ночь на 12-е получена телеграмма о готовящемся полёте Н-177 на Шалаурово, Кигилях и, возможно, Котельный. Полёт назначен на 12/III. Даны сроки работы с Тикси для сообщения авиапогоды.

12 марта. Полёт на Шалаурово и Котельный отставлен на неопределённое время. Соколов – выпечка хлеба.

13 марта. Зарядка аккумуляторов. Соколов – выпечка хлеба.

14 марта. Перелёт Н-177 Тикси – Шалаурово. Вечером узнали, что на 15-е назначен вылет Н-177 на Котельный. Срочная подготовка дома, находящегося на консервации, топка, уборка его. Мытьё пола в общестии и кухне. Соколов – выпечка хлеба. Общее количество наличного хлеба 610 кг.

15 марта. В 14 час. прилетел Н-177, пилотируемый Купчиным. Штурман – Штепенко, второй пилот – ..?, механики – Берендеев и ..?

Аэродром признан неудовлетворительным из-за заструг. Может служить для посадки лишь в крайнем случае. Знак Т нужен большего размера. Самолёт не доставил ничего: ни газет, ни писем. Прилетел с целью разведки. С прилётом Алексеева решится вопрос об участии нашей станции в операциях по переброске людей с «Садко».

16 марта. Н-177 в 10 час. 30 мин. снялся и прямым рейсом пошёл на Тикси, которого благополучно достиг через 4 часа. Самолёты

Алексеева и Головина вылетели из Якутии на Тикси сегодня около 5 час. мск.

Пропуск наблюдения в 19 час. из-за неисправности будильника.

*17 марта.* Соколов – осмотр посадочной площадки на ближайшей части лагуны. Сильный позёмок заставил осмотр прервать. Бабич – колка дров. Бем – хозяйственные дела.

Снятие людей с каравана «Ленина» закончено. Осталось перебросить некоторый груз с «Ленина» на «Сталин». Вылетевшие к судам самолёты принуждены были вернуться из-за плохой погоды.

Вечером слушали приезд папанинцев в Москву. Вечернее наблюдение – без света.

*18 марта.* Два 4-моторных самолёта Алексеева прибыли в Тикси.

«Садко» не может связаться с Тикси, последний его не слышит.

Пришли на трёх собаках Захаров и Старостин, доставили 2 ½ кг чая. На участке Киенг-Ураса – Бысах-Карга взяли в этот осмотр 12 песцов. Всего обоими добыто 57 песцов. У западной бригады успехи лучше – 100 песцов. Остальные – плохо. На Фаддеевском, несмотря на раннее прекращение высмотра, взято 200 песцов, очевидно, там нынче набег лучший. Шесть собак из упряжки, посланной на Фаддеевский, погибли, замёрзли во время сильного ветра. У Эбеляха убили одного медведя, хозяйничал в грузе. Следов медведей или оленей не встречено. Песцовые есть. У Эбеляха промышленники южной бригады добыли 2-х оленей.

*19 марта.* Бем – капитальный ремонт плиты – замена чугунной плиты котельным железом. Работал весь день.

Соколов – осмотр окрестностей с целью выбора посадочной площадки для самолётов. Наиболее удобным местом является лагуна, в 2 км от станции.

Бабичу нездоровится, головная боль, общая слабость. Нарушена работа кишечника.

Н-177 летал на Бельковский, оставил там партию Рузова, вернулся вновь в Тикси.

Алексеев сообщил «Садко» списки остающихся на дрейфующих судах. Их 34 человека. Все остальные – снимаются. Начальником каравана назначен капитан «Садко» Храмцов. Помощником – помполит «Седова» Литвинчук.

Каждому выбывающему на материк разрешается взять 10 кг личных вещей.

Обязательное условие для обеспечения перелёта – пуск мощного передатчика на каком-либо из судов. Желательно увеличение аэродрома с 1000 м до 1500 м, что даёт возможность взять сразу большое количество людей.

*20 марта.* Генеральная чистка помещений, мытьё полов, столов и пр. Промышленники истопили баню. Все вымылись. Бабичу нездоровится, но лучше вчерашнего.

*21 марта.* Ночью пришла телеграмма об обслуживании перелёта Алексеева, назначенного на сегодня. С 22 часов московского начались ежечасные наблюдения. Берём сводки с Генриетты и «Садко» и вместе со своей передаём Тикси. После утреннего наблюдения пришло извещение, что полёт переносится на завтра, порядок обслуживания остаётся прежним.

Старостин с Захаровым ушли со станции. Зарядка аккумуляторов.

*22 марта.* Ежечасные телеграммы дали четыре раза, затем нас известили об отмене обслуживания до распоряжения. Получен циркуляр о введении наблюдений через каждые три часа, что необходимо для определения времени вылета самолётов.

Бем осмотрел западные пасты. Песцов нет. Вчера Шалаурово сообщил, что 14 /III Горохов выехал из ПОСа на Котельный.

*23 марта.* Бабичу сильно нездоровится. Ставил клизму. Принимал карлсбадскую соль. Послали запрос врачу Тикси Камынину.

Соколов – стирка белья.

*24 марта.* Бем – очистка собачьего дома от снега. Самочувствие Бабича лучше. Ответа Камынина нет.

*25 марта.* Бем – высмотр части восточных пастей, взят один песец. В ночь на 26-е получили телеграмму – советы Камынина. Бабич чувствует себя много лучше, с применением средств, указанных Камыниным, повременим.

*26 марта.* В 9 час. вечера пришёл Горохов на 11 собаках. Доставил добытую между Бысах-Каргой и станцией медведицу с двумя медвежатами.

Одного из них привёз живым. Будем воспитывать, он совсем ручной. Кроме того, Горохов добыл ещё одну медведицу с двумя медвежатами – в пути у мыса Шилейко. Вновь имеем мясо. Горохов привёз из ПОСа сушёный лук, перец, лавровый лист.

*27 марта.* С медведицы Бем и Горохов сняли шкуру. Медвежонок живёт пока в столовой. К обеду – вновь котлеты. Перерыв был небольшой – шесть дней.

Сильный позёмок и к вечеру – низовая метель, ветер 14 м/сек.

*28 марта.* Весь день продолжалась пурга. Горохов – снимал и сушил песцовые шкурки, работал по хозяйству. Бем – зарядка аккумуляторов. Получена телеграмма от Дицкална, что в случае тяжёлого, угрожающего жизни состояния больного можно вызвать самолёт. Отвечаю, что состояние Бабича улучшается.

*3 апреля.* Прилёт самолётов Н-170 Головина, Н-171 – Орлова, Н-172 – Алексеева. Экипаж 21 человек, пассажиров – 22. Самолёт Орлова ввиду поломки лыжи пассажиров не имел.

*4 апреля.* Плохая погода в Тикси вылет самолётов задержала. Все прибывшие размещены в доме метеостанции, бане, столовой и общежитии.

*5 апреля.* Самолёты Н-170, Н-171, Н-172 вылетели в Тикси.

## *Тетрадь № 8*

---

**22 августа 1938 – 2 апреля 1939**



## Дневник В. И. Соколова

---

### *Продолжение*

**1938 год**

#### **Наладить старое динамо не вышло**

*22 августа. Понедельник*

Вчера полдня провозились со старым динамо, надеялись наладить его, но ничего не вышло. К счастью, сейчас работа небольшая, помаленьку тянем, все сроки радиоработы выполняем.

На днях «Темпу», выгружавшему бензин на Оленёке, было дано распоряжение срочно сниматься и идти прямо на Котельный, где имеющееся на борту горючее – сгрузить. Но вчера из-за шторма «Темп» простоял у о-ва Дунай. Сегодня же А. П. Бабич с ним связался. Выяснилось, что «Темп» получил распоряжение Дицкална немедленно идти в Тикси, где взять горючее и динамо для Котельного и срочно выходить. Шторм продолжается. Утром «Темп» был на траверзе Баркина Стана и шёл со скоростью 0,9 мили в час! Хорошо, что Дицкалн догадался вернуть «Темп» за динамо, я уж было написал телеграмму Алексееву с просьбой о переброске динамо самолётом. Сейчас эту телеграмму придержал. «Темп», вероятно, завтра утром будет в Тикси, и числа 25–26-го может быть у нас. Придёт, по-видимому, без смены, она, кажется, идёт на «Уралмаше», в Тикси ещё не прибывшем.

Вчера днём в Тикси пришло первое с запада судно – «Мироныч». Вчера «Ермак» достиг 78 град. с. ш. и 136 град. в. д. Это было утром. Сегодня же утром узнали, что он уже на ш. 80-20 и д. 137-38, где остановился вследствие густого тумана. Сообщал «Садко», что по улучшению видимости будет продолжать поиски прохода. «Садко» же продолжает дрейфовать к северу чрезвычайно быстро. Сегодня дважды давал новые координаты, в последний раз 82-43 с ш. и 136-50 в. д.

*23 августа. Вторник*

Получили сообщение, что к нам из Тикси вылетает Головин с динамо. Погода неблагоприятная, и полёт отложен на завтра. Скорее бы он

здесь появился, скорее бы поставить динамо и убедиться, что связь может продолжаться нормально! Как и почему Головин вновь оказался в Тикси – нам пока неизвестно.

Купчин продолжает ждать погоды, чтобы слетать на Медвежий, Шалаурово или Кигилях за бензином. Продолжаются сильные южные ветры, посадка во всех этих пунктах невозможна. О «Темпе» сейчас ничего нового не слышно, по-видимому, пришёл в порт. Возможно, что он будет ждать там нашей смены.

«Садко» сегодня на 82-48 с. ш. и 136-30 в. д. «Ермак» – 80-30 с. ш. и 141-00 в. д. Стоял у кромки сплочённого льда, ждал авиаразведки. Предполагался полёт Козлова.

Купчин обещает устроить мне полёт над Новосибирскими островами. Это было бы замечательно. Крайне интересно посмотреть на Землю Бунге, разобраться хоть приблизительно, что она собою представляет. Очень интересно также совершить полёт над Новой Сибирью и осмотреть юго-восточный берег. Там, думаю, вскоре будет организована полярная станция.

Помимо полёта над Новосибирскими островами Купчин обещает даже вывезти меня отсюда прямо на Красноярск. Полёт туда будет выполнен по окончании операций в море Лаптевых и пройдёт через залив Кожевникова, Хатангу, Енисей. Это было бы крайне интересное путешествие. Но главное всё же – полёт над Новосибирскими островами. И есть много шансов, что он будет проведён.

### **Прилёт самолёта Головина с новым динамо и мотором**

*24 августа. Среда*

Исключительно ясный, но, правда, ветреный день. Купчин соблазнился погодой и, не глядя, что ветер южный, полетел на Медвежий. Он оказался закрыт полосой льда шириной метров в 500. Пришлось вернуться ни с чем. Теперь приходится сидеть и спокойно ждать подвоза бензина. Кстати, «Темп» из Тикси вышел, и, если удержится попутный ветер, его можно ждать в ночь с 25-го на 26-е. Завтра ожидается приход в Тикси «Уралмаша», а с ним – нашей смены.

Около двух часов дня прилетел Головин, доставил динамо HN-20 и мотор Л-3. Головин сразу же вылетел на Индигирку. С Барабанским, Гороховым и Шайбиным на шлюпке доставил мотор и динамо с лагуны на станцию, и сейчас, поздно вечером, часть аккумуляторов поставили на зарядку. Через полтора часа после ночного наблюдения поставим на зарядку все аккумуляторы.

*26 августа. Пятница*

Оказалось, что динамо даёт малую мощность и при этом приходится давать мотору сверхнормальные обороты. Работа повышенными оборотами в течение пяти минут привела к перегреву мотора. Пришлось его остановить, зарядку прекратить. Вчера Борис вместе с бортмеханиками приступил к ремонту мотора. Сейчас ремонт закончен, приводится в порядок зажигание. Ещё раз попробуем, не даст ли напряжение старое динамо, и, если результат будет отрицательный, придётся заряжать новой динамо в две очереди.

Через несколько часов ждём «Темп», он сейчас в прол. Зари. Везёт 15 тонн авиабензина и 30 угля. После выгрузки отправится на Медвежий, перебросит находящийся там бензин на станцию и после этой операции пойдёт в Тикси за сменой. Таким образом, смену можно ожидать числа 5 сентября. Между прочим, в Тикси диспетчером вновь Пикус.

Ночью старая смена тиксинцев несла последнюю вахту.

*27 августа. Суббота*

Вчера в 18.30 вечера на западе показался «Темп». Вскоре он бросил якорь у косы, против самолёта, и приступил к выгрузке бензина. На «Темпе» встретил знакомых: Федю Герасимова и Риттера. На станции побывали Герасимов и гидрологи Барташевич и Овчинников.

Удалось договориться с Риттером о заброске в Киенг-Урасу, а затем и на Медвежий – Шайбина, до сих пор продолжавшего обитать на станции. Часа в 3 утра «Темп» снялся с якоря и пошёл на Медвежий. Днём Купчин летал к «Темпу», хотел дать ему ледовую разведку, но район Медвежьего оказался под туманом. От мыса Шилейко (примерно) Купчин пошёл на северо-северо-восток, вышел в район Большой лагуны (на сев.-вост. берегу) и пошёл над морем. Достиг примерно 77-го градуса. К северо-востоку от мыса Анисьи вновь увидели не нанесённый на карту маленький островок, впервые видели который во время полёта 20 августа. Островок маленький, серповидный, во время прилива от него остаётся лишь узкая коса. Вокруг островка было много льду, очевидно, выжатого на мель.

Купчин написал Алексееву и Барскому (*парторгу Тикси*) о безобразиях с присылкой динамо. Вечером Бас... (*неразборчиво*) рассказал, что предлагал Дицкалну отправить с полярной станции новую динамо РМ-5, которая должна была нас вполне удовлетворить. Дицкалин же ответил, что у него в порту такая динамо есть и он её пошлёт. И послал... Теперь предполагается полёт к нам лётчика Николаева с РМ-5, которая сейчас испытывается в Тикси.

«Ермак» был сегодня на ш. 81-10, «Садко» – 83-00 с. ш. и 137-30 в. д.

С нашей зарядкой ничего не выходит. Ночью заряжали один час при нагрузке 7 ампер, и мотор вновь перегрелся, вышел из строя один шатунный подшипник. Остался ещё шанс поставить динамо на ремённую передачу. Этим Борис и занимается.

### **Охота на медведя, забредшего на станцию.**

#### **«Ермаком» побит рекорд достижения судном наивысшей широты в активном плавании**

*28 августа. Воскресенье*

Ночью, когда все спали, а я месил хлеб, вдруг раздался ожесточённый лай нашей своры. Выскочил на улицу и увидел медведя, потихоньку идущего к собакам. Пройдёт несколько шагов, остановится, попятится и вновь идёт к собакам. Он был уж совсем близко... Я подумал, что медведь сейчас убежит, и поспешил в дом к лётчикам, чтобы они полюбовались живым медведем. Вскочил лишь штурман Ивлев. Когда я подбежал к нашему дому, то увидел, что стрелять всё же придётся: медведь расправлялся с крайней нашей собакой Майтруком. Моя правая рука была залеплена тестом, но пришлось, невзирая на это, схватить винтовку и случайно оказавшиеся под рукой четыре патрона и предпринять охоту. В первый раз выстрелил, будучи в нижней части спуска к косе. Как потом оказалось, пуля была смертельной, угодила медведю в шею, вышла насквозь. Медведь сразу осел и медленно, едва ступая, пошёл к лагуне. Я подошёл ближе и выстрелил ещё раз. Медведь свалился, но вскоре встал. Пришлось стрелять ещё два раза, причём последний патрон пружина не подавала, пришлось с ним повозиться. Убитый медведь среднего размера. Хотел было Купчин взять шкуру, но попробовал снимать да и бросил, это дело ему не понравилось. Гидролог Ульянов наполовину шкуру снял, да так и оставил. Медведь пока что продолжает лежать на косе: у меня абсолютно нет времени им заниматься – сейчас всё приготовление пищи лежит на мне, а из экипажа идут на это дело крайне нехотя.

Утром радостная весть: «Ермак» подошёл к каравану «Садко»! Широта 83-04, долгота 138-22! «Ермаком» побит рекорд достижения судном наивысшей широты в активном плавании.

Вчера «Темп» высадил в Киенг-Урасе Шайбина. Промышленники оказались на месте, смогли продержаться благодаря тому, что убили двух оленей. Ко времени подхода «Темпа» они всё продовольствие кончили и собирались идти вновь на станцию. «Темп» оставил пока один

куль муки и, взяв на борт вновь Шайбина и одного промышленника, пошёл на Медвежий. Сегодня утром он был там, но полоса прижатого льда шириной 200–500 м препятствует погрузке бензина. «Темп» просил разрешения Алексеева и Дицкална, ввиду невозможности погрузки, идти сейчас в Тикси за нашей сменой, доставку же бензина с Медвежьего несколько отложить. Шайбин и промышленник вышли на берег по льду.

Скоро к нам будет Николаев. Об этом сообщил Алексеев. Пока же продолжаем установку динамо, завезённого Головиным. Уже производили опыт работы с ремённой передачей. Требуются некоторые переделки. Теперь, кажется, мы зарядимся даже дефектной динамо-машиной.

**Трудности при зарядке аккумуляторов.  
Предстоят ответственные разведочные полёты,  
а тут – радиосвязь на волоске!**

*29 августа. Понедельник*

Прошли ещё сутки, а зарядить аккумуляторы так ещё и не пришлось. Ремень задевал за раму мотора и за радиатор и быстро рвался на соединении. Пришлось поднимать радиатор и мотор, но вновь через 20 минут работы мотора ремень лопнул. Пришлось, в конце концов, раму под мотором повернуть, теперь шкив приходится сбоку рамы и задевать ремень не может. Борис поставил также дополнительное охлаждение. Сейчас будет проба новой «конструкции». Удалась бы она, наконец! Предстоят ответственные разведочные полёты, а тут – радиосвязь на волоске!

Алексеев сообщил Купчину, что на Котельном будет базироваться Николаев, он же доставит динамо. «Темпу» поручено идти к станции и обслуживать своей рацией самолётные нужды. Утром «Темп» вышел с Медвежьего, а сейчас, вечером, стоит на рейде станции. Вероятно, будет сгружать имеющиеся для станции 30 тонн угля.

Ветер сегодня изменился, подул с северо-востока, нагнал немного мелкобитого льду. К вечеру ветер перешёл на ост и лёд отжало. Купчин сегодня летал по направлению к «Садко», из-за низкой облачности дошёл лишь до 77 град. 20 мин. с. ш. Говорит, что лёд имеется лишь в районе станции, и то в ерундовых количествах.

Предполагался полёт Козлова из Тикси к «Садко». Отложен, по видимому, из-за плохой погоды. Козлов запросил Купчина о возможности посадки его самолёта на нашу лагуну.

**Зарядка налажена! Рация работает в полном объёме***30 августа. Вторник*

Наконец дело налажено! Путём использования ремённой передачи добились возможности получить большие обороты динамо при нормальной работе мотора. Много раз пришлось переставлять динамо, заново перешивать ремень и т. п. И вот мы вновь с заряженными аккумуляторами, и рация работает в полном объёме.

«Ермак», так прекрасно дошедший до каравана «Садко», потерял, оказывается, два винта и идёт сейчас при работе одной машины.

Только что слушали «Последние известия». Сообщили, что «Ермаку» пришлось оставить «Седова», снабдив его членами своего экипажа. Караван идёт в таком порядке: «Садко», «Ермак», «Малыгин». Достигли 82-40 с. ш. и 138-54 в. д.!

«Темп» выгрузил два кунгаса угля. При выгрузке второго начался сильный прибой. Катер ушёл на «Темп», а кунгас с 9 человеками команды остались у нас. Пришлось организовать чай, согреть промокших людей «порцией». Устроились ночевать на станции. «Темп» же отошёл штормовать в открытое море миль за 5.

Темповцы сняли шкуру медведя, разделали тушу. Отдал им два окорока.

Днём сообщил Алексееву, что наша рация вновь работает нормально. «Темп», кажется, получил распоряжение Шевелёва идти в Тикси за нашей сменой. Из-за шторма задержка. Быть может, завтра команде, оставшейся на станции, придётся идти в бухту «Темпа», там, возможно, сесть на шхуну.

*31 августа. Среда*

9 человек темповцев пробыли у нас до сегодняшнего вечера. К утру ветер спал. Посадка на катер у станции была невозможна вследствие того, что берег был блокирован полосой ледяной каши мелкобитого льда шириной метров сто. Команде пришлось идти к западному мысу и совершить посадку там. «Темп» ушёл в Тикси за сменой. Утром из Тикси к нам вылетел Николаев, но быстро вернулся обратно из-за неисправности самолёта.

«Литке» с «Моссоветом» идут к каравану «Ермака» и находятся к северу от нас.

Впервые слегка замёрзли земля и мелкие лужи.

Ночью опять был «аврал»: собаки чуть не загрызли Колтуса. В 3 часа я проснулся от собачьего лая, выскочил в «шлёпанцах» на ули-

цу и увидел, что собаки рвут одного из своих товарищей. «Шлёпанцы» слетали с ног, и я нёсся по грязи, очертя голову. Разнял дерущихся и спустил всех собак с цепи. Вернувшись, мыл ноги под умывальником.

### **Не сегодня-завтра все суда уйдут, и все наши надежды на выезд судами каравана «Ермака» лопнут**

*1 сентября. Четверг*

Кто из нас мог предполагать, что сентябрь мы будем встречать ещё на Котельном? А сидеть нам здесь, по крайней мере, ещё семь суток – «Темп» ждать обратно можно лишь числа 8-го.

Караван «Ермака» идёт к югу быстро, вечером подходил к 80-й параллели. Много чистой воды. Можно сказать, что операция по выводу судов проходит даже слишком успешно: того и гляди, что не сегодня-завтра все суда уйдут и все наши надежды на выезд судами каравана «Ермака», которые мы питали последние дни, лопнут. Больше всего шансов на выезд через Тикси последним Ленским пароходом на Якутск. Этот вариант имеет много отрицательных сторон и лишь одну положительную: возвращаемся в Москву в декабре и часть нашего отпуска придётся на лето.

Стирал бельё, но почему-то вода оказалась какая-то жирная и бельё чище не стало.

Купчину надоело сидеть, собирается завтра лететь к «Ермаку».

*2 сентября. Пятница*

Утром послал молнию на «Ермак» в адрес Шевелёва и Алексеева с просьбой дать распоряжение о доставке на станцию самолётом метеоролога и радиста новой смены для принятия станции. Просил также о посылке одного из судов каравана «Ермака» к Котельному для принятия нас на борт после сдачи станции. Кажется, что лишь такой вариант может помочь нам своевременно очутиться в центре, все же остальные обрекают на путь через Якутию.

«Ермак» с «Садко» и «Малыгиным» уже вышли на кромку льда, бункеруются у «Моссовета». Караван находится на широте 78-25.

Погода скверная, со снегом и моросью, Купчину приходится сидеть на месте. Ему обидно, что «Ермак» вышел из льдов без его помощи.

Сегодня Борис приготовил на обед замечательные пирожки с мясом и рисом. Всем пришлось по вкусу.

Занимаюсь упорядочением материалов за август – нужно их вывезти.

*3 сентября. Суббота*

В ночь на сегодня телеграмма от Алексеева:

«КОТЕЛЬНЫЙ СОКОЛОВУ КУПЧИНУ = КОТЕЛЬНЫЙ ЗАЙДЁТ  
САДКО ТЧК ПРОШУ КУПЧИНА ПЕРВОЙ ПОГОДОЙ ДОСТАВИТЬ  
ИЗ ТИКСИ ДВУХ НОВЫХ ЗИМОВЩИКОВ ТЧК ХОДЕ ВЫПОЛНЕНИЯ  
ИНФОРМИРУЙТЕ = 292 АЛЕКСЕЕВ».

И телеграмма от Шевелёва:

«СРОЧНАЯ КОТЕЛЬНЫЙ СОКОЛОВУ = ИМЕЮТСЯ ЕРМАКЕ  
ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАПАСЫ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ МАТЕРИАЛОВ ТЧК  
СООБЩИТЕ ЧЕМ НУЖДАЕТСЯ СТАНЦИЯ НА БУДУЩУЮ ЗИМУ ЗПТ  
ЧТО ПРИСЛАТЬ НА САДКО = 2910 ШЕВЕЛЁВ».

Обо всём этом немедленно сообщил Анисимову. Пока что попросил у Шевелёва кое-какие мелочи (лампы, пешни и т. п.). Купчин с удовольствием взялся выполнять поручение: ему надо побольше налетать часов. Днём, в 13 час. 30 мин., в довольно неприглядную погоду вылетел на Тикси.

«Литке» пошёл в Тикси, брал у нас пеленг. «Малыгин» и «Садко» продолжали днём бункероваться у «Моссовета». Если завтра Купчин пойдёт обратно на станцию, то завтра же можно ожидать прихода «Садко».

Помылись в бане. Я заново перестирал почти всё бельё, которое стирал позавчера.

*4 сентября. Воскресенье*

У нас погода хорошая, в Тикси же – туман и морось – вылет Купчина не состоялся. Воспользовались отсрочкой, вымыли полы.

В 14 часов мск «Садко» после бункеровки у «Моссовета» взял курс на нашу станцию. Утром будет пеленговаться, к обеду мы должны его увидеть. Отсюда пойдёт к бухте Прончищевой, где будет формироваться караван. Сейчас, в ночь на 5-е, прекрасная погода: слабый юго-восточный ветерок, высокослоистые облака по всему небу, около градуса тепла. Спокойное тихое море.

Быть может, проводим на станции последнюю ночь?!

**Новая смена отказалась лететь самолётом, вышла «Темпом», такого «фокуса» мы не ожидали. Отъезд Бабича и Бема на пароходе «Садко»**

*6 сентября. Вторник*

Дни незабываемые! Вчера утром ожидали вылета Купчина из Тикси, но запросов авиাপогоды не было. Днём же получили телеграмму:

«КОТЕЛЬНЫЙ СОКОЛОВУ = ЗИМОВЩИКИ ВЫШЛИ ТЕМПОМ ЛЕТЕТЬ  
НЕ ИЗЪЯВИЛИ ЖЕЛАНИЯ = КУПЧИН 23811».

Такого «фокуса» со стороны нашей смены мы, конечно, не ожидали. И чем объяснить отказ от полёта? Идиотизм это или что-либо ему равное? Наше негодование, к сожалению, на головы виновников излить мы не могли. Впрочем, мои чувства в отношении всяких неожиданностей, препятствующих выезду, достаточно притупились, и к вести об отказе смены от полёта на Котельный я отнёсся совершенно спокойно. А. П. же (*Бабич*) не мог подобрать достаточно сильных слов для выражения своих чувств.

Была и ещё телеграмма:

«КОТЕЛЬНЫЙ СОКОЛОВУ = ПЯТОГО ТРИ ЧАСА СНЯЛИСЬ  
ЯКОРЯ ТЧК СТАЛИНГРАД БАЛХАШ УЙДУТ ДВЕНАДЦАТОГО ТЧК  
РЕЧНОЙ КАРАВАН УЙДЁТ ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОЗДНЕЕ ТЧК ПОГОДА  
ХОРОШАЯ ХОД ШЕСТЬ МИЛЬ = 112 РИТТЕР».

Решил сделать так: А. П. и Бориса отправить на «Садко», самому же нести и метео- и радиовахты до прибытия смены «Темпом», т. е. до вечера 7 сентября.

«Садко» подошёл к станции и встал на якорь вскоре после обеда. В разговоре по телефону с Храмцовым выяснил, что после выгрузки 35 бочек бензина «Садко» снимется.

Вслед за «Садко» подошёл и «Моссовет». Цель его прихода была нам совершенно неизвестна. После выгрузки первого кунгаса с горючим я выехал на «Садко». Он блистал свежими следами только что перенесённой зимовки. Ст. помощник Румке и некоторые матросы рассказали, что якобы «Моссовет» будет ждать прихода «Сталина» (очевидно, ледокола). Пошёл в радиорубку, познакомился с радистом Куприхиным, он подтвердил слышанное. Связаться с «Моссоветом» сейчас же не мог – опробовал новый передатчик. Пришлось обращаться к капитану с просьбой разрешить воспользоваться катером для визита на «Моссовет». Храмцов оказался совсем не таким, каким я его себе представлял по слышанному по телефону голосу: вместо пожилого и толстого встретил человека молодого и примерно моей комплекции. Николай Иванович любезно разрешил воспользоваться катером, и через несколько минут я был в салоне, где ужинали Бочек и др. Познакомился с Бочеком. Он рассказал, что получил предписание стоять у станции до прихода ледокола «Сталин», чего можно ожидать не ранее числа 15 сентября. Бочек согласился принять меня на борт после прибытия смены. Таким образом, дело улаживалось.

Вечером, когда уже темнело и опускался туман, распрощался с Александром Павловичем и Борисом. Остался на станции один с 18 собаками. Ночную метеосводку передал благополучно, ответ и две телеграммы принял запросто: «Садко» давал телефоном. Утром передал сводку и телеграмму в 59 слов на «Ермак» и получил подтверждение приёма. Обеденная сводка тоже прошла благополучно, но «Садко» отвечал не телефоном, а ключом, и сильные помехи дали возможность понять лишь часть. Вечерние вызовы остались без ответа, и я передал метео дважды вслепую.

Основное (после метео и радио) дело сегодня – стирка. Выстирал все остатки грязного белья, не будут они путаться среди грязного багажа.

Завтра ожидаю «Темп». Погода беспокойная: ветер восточный, 6 баллов, морось, значительный прибой. Нужен поворот ветра на юг, чтобы «Темп» сразу же после прихода смог приступить к разгрузке, а я – к сдаче станции.

### **Передача станции новому начальнику Анисимову**

*8 сентября. Четверг. Борт «Моссовета»*

Стоянка в районе зал. Стахановцев Арктики. Вчера без 10 мин. 6 час. вечера сквозь туманную дымку я увидел подходивший «Темп». Сегодня станцию передал Анисимову и вечером перешёл на «Моссовет». Устроился прекрасно: мне предоставлена двухместная просторная каюта. Помылся под душем. Принарядился в костюм, чувствую себя прекрасно. Послал около десятка разных телеграмм.

### **На борту «Моссовета». Чем ближе к центру, тем чаще мысли – очень надо переделать свою одинокую жизнь**

*15 сентября. Четверг. Борт «Моссовета». Сев. пол. море, ш. 78-15, д. 136-00*

9-го «Моссовет» вошёл в бухту «Темпа» и стал на якорь. В тот же день прилетел и сел в бухте «Темпа» самолёт СССР Н-243 Козлова. Его экипаж 6 человек, среди них один знакомый – Ал. Павлович Штепенко, штурман самолёта. Бочек остался весьма доволен бухтой, давшей надёжную защиту от непогоды.

Вчера ещё до обеда бухту покинули и пошли на север по 136 меридиану для встречи со «Сталиным» у кромки льда. Сейчас, когда я пишу дневник, «Моссовет» стоит борт о борт с «Иосифом Сталиным» и передаёт ему уголь. Первое впечатление ледокол оставляет прекрасное. Постараюсь побывать на нём, чтобы осмотреть подробнее. На палубе у «Сталина» три самолёта.



Самолёты в Арктике

---



Стенд, посвящённый о. Котельный.  
Экспонат, переданный В. И. Соколовым  
музею Арктики и Антарктики

*22 сентября. Четверг. Карское море, близ о-ва Русский*

17-го расстались со «Сталиным». Сегодня он на 83-й параллели, «Седов» же – 83-56! «Сталин» идёт вместе с «Литке», сегодня вечером предполагает быть у «Седова». Очевидно, «Седов» будет выведен. Этот вывод будет прекрасным началом работы «Сталина».

Вчера подошли к м. Челюскин, где нас ждал «Ленин». Получили распоряжение выгрузить с помощью команды «Ленина» 100 тонн угля на ст. Челюскин. Ночью участвовал в аврале. За короткое время мы, восемь человек, приготовили к выгрузке 260 кулей угля. Используя всю тару и не дождавшись катера со станции, легли спать. Проснулся и увидел, что «Моссовет» уже идёт полным ходом.

Получил записку от Бабича. «Садко» идёт к о-ву Домашний с зимовщиками и грузом, будет восстанавливать станцию. Эта операция займёт некоторое время, и разница в сроках моего прибытия в Москву и Бабича с Бемом сократится. Все полагают, что «Моссовет» пойдёт в Игарку за лесом. Заход интересный, увижу новый индустриальный полярный центр. Правда, придётся задержаться в пути лишних недели две.

Чем ближе к центру, тем чаще мысли останавливаются на тех, с кем должен скоро встретиться, всё чаще думаю о том, что надо, очень надо переделать свою одинокую жизнь. С ужасом думаю, что вновь придётся быть одному в своей комнате на шестом этаже и измышлять средства избавления от гнетущего одиночества.

## 1939 год

**Ленинград. О передаче в Арктический музей доски с надписью, установленной Воллосовичем**

*2 апреля. Воскресенье. Ленинград, Геслеровский, 5, кв. 35, 6-й этаж*

Только что рылся в старых дневниках, отыскивая кое-какие записи по Котельному. Попались под руки и тетради времён студенческих. С каким громадным интересом я их перечитывал! Сколько в них строк о борьбе с самим собой, борьбе, до сих пор успехом не увенчавшейся!

Прочтённые старые страницы вновь заставили меня взяться за дневник. Хочется хоть вкратце написать о настоящих днях – как интересно и полезно будет прочесть о них в будущем!

...

В моём распоряжении сейчас времени очень мало: скоро надо идти обедать, а потом придёт Миша и с ним должны отправиться к портному, к его знакомой, по вопросу об обмене комнатами.

Мишу вызывают в военкомат. По-видимому, вновь придётся ему идти на подготовку. Вечером всё будет известно.

Времени мало, пишу вкратце. В ночь с 3-го на 4-е еду в Москву, веду сейчас подготовку к отъезду. Написал письмо в Арктический музей по поводу доставленного мной экспоната – доски с надписью, установленной Воллосовичем на продовольственной базе у р. Дурное, на Котельном, в 1890 году, в связи с экспедицией Нансена на «Фраме». *(Вл. Ив. ошибается. Доска установлена Воллосовичем для эксп. Толля в 1901 г. В наст. время её можно увидеть на стенде, посвящённой истории о-ва Котельный в экспозиции музея Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге.)* Доску сдал в музей ещё 29-го. В связи с этим-то письмом и рылся в дневниках.

Много о чём можно бы написать, да лучше отложить, т. к. наспех что напишешь?

Только что получил из Москвы от Дудкина – ему предлагают ехать метеорологом на Шпицберген. Спрашивает совета. Ничего не отвечу, по этому вопросу поговорю с ним послезавтра.

Да, ещё дело. Надо срочно писать Борису Бему: он тоже спрашивает, ехать ли ему с курорта в Москву для выяснения дел? Его безответственность привела к тому, что его по окончании отпуска попросту уволили...

## СТЕНОГРАММА

---

**совещания при начальнике Управления полярных станций (*Эрнст Кренкель, начальник Управления полярных станций и связи Главсевморпути при СНК СССР*) по отчёту начальника полярной станции о-ва Котельный за зимовку 1935/36/37/38 годов**

1 октября 1938 года

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. Никитин, Петров, Соколов, Авгевич, Дудкин, Жуков, Бабич, Бассин, Бем, Капитохин, Царёв, Петров Г. Г., Сидоров (*Сидорин?*), Цветков.

ДОКЛАД ТОВ. СОКОЛОВА

Мне предстоит сделать доклад о работе на полярной станции за период 1935/36/37/38 гг. Впервые полярная станция была организована в связи с проведением Второго международного полярного года ГИМом. В то время в море Лаптевых не было плавающих средств, кроме шхуны «Полярная звезда». Организация была слабая, поэтому был избран довольно сложный путь организации – не путём заброски людей и грузов морскими судами, а путём организации экспедиций на собачьих упряжках с материка.

По ряду причин полярная станция была открыта не в 1932 г., как предполагалось, а в 1933 г. Заброска грузов производилась из Тикси «Сибиряковым» сквозным рейсом на ст. Шалаурово, затем весной 1933 г. на двух собачьих упряжках мы перебросили весь груз до широты 76 градусов, где и организовали полярную станцию.

Так как мы были ограничены в средствах, то и полярная станция была небольших размеров. Мы пришли на место, поставили дом из плавника, юрту. Я, тов. Дудкин, наши помощники – 4 каюра с собаками, перезимовав 1933–34 г. и не получив никаких сведений о нашей

дальнейшей работе, в апреле 1934 г. станцию покинули и на собаках ушли на материк и затем в Москву. Зимую на Котельном, в первый год мы истратили всё продовольствие и работу вынуждены были свернуть. Вернувшись в Москву, мы узнали, что о-в Котельный передан в ведение Севморпути, и в 1935 г., уже в составе новой зимовки, я был послан вновь на о-в Котельный, чтобы станцию переоборудовать. Штат был – 8 человек. Мы должны были иметь радиостанцию, провести геодезические работы, гидрометрические работы. Средством передвижения была шхуна «Ленсовет».

Утверждение штата произошло очень поздно, поэтому целый ряд положительных мероприятий был проведён без участия зимовщиков и некоторые из этих мероприятий были ошибочные. Затормозило наше отплытие и внесло большую дезорганизацию в отправку следующее: радиослужба грузы вместо Архангельска отправила в Мурманск, и мне пришлось ехать в Мурманск, разыскивать всё радиооборудование. В Архангельск прибыл в начале июля и столкнулся с большими дефектами в организации отправки: когда пришли на продовольственный склад – оказалось, что телеграммой начальником Арктикснаба аннулирована наша продовольственная заявка, произошла ошибка: нужно было аннулировать четыре пайка лётчиков, а аннулировали нашу заявку. В конце концов, на месте мы добились, чтобы нам отпустили необходимое от Комс. Правды.

Горячее мы должны были получить на рейде. Перед самым моментом получения горячего оказалось, что пожарная охрана запретила отпускать нам горячее, говорят, что это общее положение. Несмотря на то, что был заключён договор на погрузку горячего, однако брать нам его не разрешили. Тогда я договорился с тов. Виньковским, он говорит: «Отправляйся сегодня, а я на «Куйбышев» погружу ваше горячее». 20 июня мы из Архангельска вышли.

В последний же день мы должны были получить оружие и боеприпасы, но оказалось, что уполномоченного на месте нет, и мы ушли, ничего не получивши, кроме охотничьих ружей. Получили 20 собак, совершенно негодных. Нам полагалось 24 собаки, но я, видя, что и с этими ничего не выйдет, взял только 20 собак. Впоследствии ни одна из них не стала ездовой. Некоторые из них прошли путь в упряжке с Котельного до посёлка Мас... и обратно и, тем не менее, не стали ездовыми.

Мы никак не могли погрузить на «Ленсовет» всё, что было нужно, пришлось сокращать груз, взяли только половину лесоматериалов, совершенно отказались от фуража для скота, взяли только одну

свинью и поросёнка; из мебели – только две кровати, ни стола, ни стульев не взяли.

Посылаю телеграмму на «Куйбышев» – погружено ли наше горючее? Капитан сообщает, что никакого груза горючего не имеется. Выручало то, что Диксон имеет хорошую прямую связь с Москвой. Договорились, чтобы Диксон отпустил нам горючее, смазочное и боеприпасы со ст. Челюскин. В керосине нам на Диксоне отказали, дали одну бочку, остальное – бензин. Взяли бензин. И только через месяц выяснилось, что половина его является керосином, т. е. тем, что нам было нужно.

После Диксона мы сначала шли самостоятельно, затем в караване «Литке» и 20 августа прибыли на о-в Котельный. Там всё было в порядке, станция была законсервирована, приборы, оружие, всё сохранилось. Это дало нам возможность быстро налаживать работу.

Надо сказать, что выгрузка с «Ленсовета» производилась силами небольшой команды и нашими: грузы на берегу принимали мы, а выгружала команда.

Затем «Ленсовет» пошёл в Тикси. Вторым своим рейсом он должен был доставить нам дом, радиопередатчик, каюра и радиста. Радист был послан на пароходе «Сталин» в Тикси получить там дом в разобранном виде и переправить на «Ленсовете» на о-в Котельный. Проходил день за днём. Мы весь груз перенесли на берег, построили склад, отремонтировали тамбур, а «Ленсовета» всё нет. И сведений о причине отсутствия тоже не было. Радиосвязи у нас пока ещё не было.

Наступил сентябрь, видим, что дело затягивается. Тогда, по предложению нашего плотника, человека очень энергичного, мы приступили к постройке дома из плавника. Он рассчитал, что мы, энергично взявшись за дело, сможем прирубить к нашему дому сруб. В один день сплывили лес, подняли на берег.

Кроме плотника Селезнёва, он же был у нас и печником, в строительстве прямое участие принял Дудкин – метеоролог, который знал плотничное дело ещё в деревне. Они оба работали одинаково, каждый рубил свой угол. Тов. Авгевич также принимал участие в поисках брёвен, остальные подтаскивали, и к 20 сентября был возведён сруб под крышу.

20 сентября совершенно неожиданно пришёл «Темп», заменивший «Ленсовет», потому что он был послан в Индигирку в связи с аварийным положением некоторых судов. «Темп» нам доставил разобранный дом со стройматериалами, привёз также каюра, радиста и ещё удалось добыть в Тикси 12 собак. Выгрузка прошла быстро, «Темп» ушёл, и мы приступили к сборке дома.

При сборке дома мы встретили ряд затруднений: были перепутаны брёвна, часть брёвен не доставлена, не подходили рамы и т. д. Всё же 14 октября мы в этот дом вселились, но пока ещё не покрыли крышей, потолок был застелен толстым слоем земли.

Закончили начатый сруб и 7 ноября вселились в него, имея уже площадь для нормальной жизни. Нам не нужно было двухэтажного жилья, каждый имел свою кровать, которая стояла на полу.

После 7 ноября мы приступили к монтажу оборудования в юрте. Юрту тоже отремонтировали, обили фанерой и проконопатили. В конце декабря монтаж оборудования был закончен, мотор установили. Приступили к последней стадии – подготовке к пуску и зарядке аккумуляторов.

Как-то вечером, когда я занимался с плотником, ко мне подходит радист и говорит, что кислота оказалась не серной, а соляной. Я вначале не поверил, как это может быть, когда по документам кислота серная, на бирках – серная, а в действительности – соляная. И всего 7 бутылей. Но это было бы полбеды, если бы наши радист и механик разобрались в этом деле. Механик ещё сначала мне заявил, что кислота у нас недостаточной концентрации, нескольких градусов не хватает. Но это – ерунда. Главное – все аккумуляторы перегорели. Как выйти из положения?

Ждать решения вопроса силами извне – не приходилось, это значило ждать новой навигации, т. е. год. Это демобилизовало бы всю станцию.

Я решил – надо как-то действовать: поеду в Шалаурово на полярную станцию, на собаках, путь мне был известен и ничего страшного я в этом не видел. Приступили немедленно к подготовке отъезда. Нужны были нарты берёзовые, их соответствующим образом оборудовать, полозья квасили в специальном корыте, и тогда только к ним приставал лёд.

К началу января я на 12 собаках вместе с каюром вышел на Шалаурово. Было ещё достаточно темно и очень низкая температура. Как раз вторая декада января была характерна особенно низкими температурами и свежими ветрами.

Только 4 февраля мы пришли в Шалаурово. Тёмное время допускало движение только скачками – по 30 километров, кроме того, задержал ещё пролив Санникова, его часть, прилегающая к Котельному, оказалась торосистой, и пришлось два дня потратить, чтобы подготовить путь. Помогли нам промышленники, и тогда мы вместе пошли через пролив, перебросили груз промышленников, и поэтому часть пути пришлось идти пешком.

4 февраля мы прибыли на Шалаурово. Там только что был пожар, и 18 человек жили в одной комнате, спали посменно, много переживали случившееся, а тут я ещё явился за помощью. Но они оказались очень любезными людьми: тов. Комаров и ст. техник нам помогли. Немедленно я сообщил на место о той помощи, которую оказало Шалаурово. Они дали кустарный рейдовый передатчик, длинноволновый, мощный, кислоты несколько литров, аккумулятор 12-вольтный, который может послужить для рейдового передатчика.

Но с Шалаурова не удалось уйти быстро обратно, потому что, придя на Ляховский, у нас не оказалось корма для собак. Понадеялись на промышленников, мы оказали им помощь, перевезли пушнину, думали, что они дадут нам корм для собак, но им самим нечем было кормить их. Пришлось нашего каюра посылать на материк за рыбой и продолжить его путь на материк на 250 километров. Часть собак у нас пала во время таких поездок. Год был богатый песцами, в такие годы отмечается большое распространение чумы, поэтому собаки пали.

На Шалаурово нам выделили часть собак. Там я прожил до 8 марта, и только 8 марта, когда пришла наша упряжка с материка с кормом, можно было идти в путь. Заболел воспалением лёгких каюр. С трудом удалось среди промышленников достать каюра и тронуться на Котельный, оставив больного на Шалаурово.

На станции остался только один метеоролог Дудкин, поэтому я воспользовался предложением своих услуг со стороны тов. Кущева и взял его с собой. Таким образом, обратный путь мы проделали втроём: я, каюр Горохов и метеоролог Куцев.

21 марта я прибыл на станцию. Здесь уже потеряли надежду на прибытие и были очень рады тому, что я вернулся и привёз как будто всё необходимое для того, чтобы пустить радиостанцию.

Жизнь здесь проходила в работе. Собак, которые могли возить, я взял с собой. Всего 5–6 собак, оставшиеся на станции, погибли от чумы, заготовку плавника приходилось делать вручную. Геодезист до 10 километров поставил знаки, таская их на себе.

По прибытии на станцию провёл общее собрание, ознакомил со стахановским движением. Коллектив помогал принять ряд стахановских обязательств, каждый сотрудник по своей специальности и, кроме того, общее обязательство.

Уезжая с Котельного на Шалаурово, я поручил механику привести в полный порядок моторы, чтобы без хлопот зарядить аккумуляторы. Когда я приехал, он заявил, что моторы готовы. Стали заряжать, и к

концу первого дня зарядки приходилось зарядку переносить с одного мотора на другой. Был плохо устроен выхлоп, горел сурик, работать в этом виде было нельзя, и приходилось зарядку переносить на другой мотор. Во время зарядки падает почти без памяти механик, который следил за мотором, в результате угара.

Тогда старший радиотехник Чугреев заявляет, что в выхлопной трубе находится зубило. Выхлоп трубы выходил вертикально кверху, там образовался лёд, стали его разбивать и уронили зубило в трубу. Развернуть трубу и вытащить зубило – 15 минут работы. Тем не менее, в результате всего этого мотор оказался забитым нагаром, и продолжать работу было невозможно.

Хотел бы сказать о характеристике Лукомского. Он был послан старшим механиком на станцию по окончании им курсов Полярного управления. Курсы он окончил на отлично, и ему даже был предоставлен двухнедельный отпуск. Приехав на радиостанцию, он оказался совершенно негодным человеком ни в быту, ни в работе.

Он собирал мотор, спрашиваю: всё в порядке? Отвечает: «Да, всё в порядке». Беру гайку, она под пальцами поддается. Когда тов. Лукомский несколько оправился и исправил выхлопную трубу, продолжили зарядку на Р-5. В первый же день Р-5 выходит из строя. Он говорит, что причина – обрыв шунта. Проверили, попробовали, всё в порядке. Обращаемся к нашему плотнику, он и слесарь, и кузнец. Оказалось, дело не в шунте. Тут Лукомский признаётся, что он слишком на себя понадеялся и подаёт рапорт: он подготовлен только теоретически, в области механической отказывается что-нибудь делать.

Тут мы сели у разбитого корыта. У нас есть РМ-2, нельзя ли от него пустить ручную привод? Поговорили с радистом, он пожимает плечами. Ставим РМ-2 на большой привод, делаем большое деревянное колесо, к нему маленький шкив. Энергия получается, но т. к. работа ручную, то долго удержать энергию нельзя. Выяснилось, что этим путём мы добиться ничего не можем, пришлось эту затею оставить. Апрель идёт к концу. Опять ждать судна, чтобы оно нас выручило, но дело в том, что Полярное управление не осведомлено о нашем положении. Нужно было в первую очередь известить Полярное управление о наших делах.

Предпринять такую поездку, какая была зимой, это значит сорвать геодезические работы. Тут наш каюр предложил довольно хороший выход из положения: поехать мне на 4-х собаках на Кигилях, оставив других собак для геодезиста. Сделали лёгкие нарты, взяли корм для собак, продовольствие и 15 мая вместе с геодезической

партией вышли с полярной станции. Шли мы вместе до Нерпалаха, а дальше до Кигиляха я проделал путь один. Собаки наши были весьма посредственные, передовика я не имел. Из 4-х собак один был шестимесячный щенок, и он оправдывал свою кличку Мотор, всё время давал задний ход. У тов. Авгевича было два шестимесячных щенка из 6-ти собак, и приходилось применять свои силы при доставке плавника.

Всё-таки мы смогли сообщить Полярному управлению о втором срыве нашей радиосвязи. Вышли с Котельного 15 мая, и 27 мая я был уже на Кигиляхе. Путь провёл хорошо, таяние слабое, воды не было, и день за днём я был в пути. Только один день отдохнул перед проливом Санникова, перед самым тяжёлым этапом. Были большие затруднения в торосах, но всё же была тёплая погода, и через пролив я шёл в одном свитере.

Придя на Кигилях, немедленно сообщил в Москву о положении, получил распоряжение о посылке механика Камышева для того, чтобы наладить механическую часть и радиоработу.

2 июня я вместе с Камышевым вышел из Кигиляха. Упряжку собак увеличил до семи, получил бутылку кислоты и т. д. и сейчас же вошёл в воду. Весна была очень ранняя. Весь путь до самой станции мы брели в воде, обувь изорвалась, чинить было нечем, ограничились тем, что если выходили на сухое место, на лёд, то снимали рваную обувь, выжимали портянки и шли дальше.

Приходим на Малый Ляховский, выходим к речке, остановились на ночлег. Наши нарты не были приспособлены к серьёзному грузу, а тут ещё у Камышева разболелась нога, старая рана, а затем он, непривычный в пути, стал страдать снежной слепотой. Приходилось ему садиться на нарты, и они терпели одну аварию за другой. Чинить можно было одним ножом, кожа имелась запасная, но очень немного, и вместо отдыха на остановках мы чинили нарты.

24 часа мы были в ходу, пока достигли Котельного, причём груз пришлось оставить в торосах, которые были полны воды. Пришлось вытащить только спальные мешки, винтовки.

Придя на Котельный, ещё 6 часов работали, конопатили погреб. Таким образом, у нас вышло подряд 36 часов без сна, при самой напряжённой работе.

Здесь отремонтировали нарты, сходил я в торосы за грузом, доставили к Котельному и пошли вдоль западного берега. Всюду ручьи не давали нам проходу: ни сесть, ни идти, всюду вода. Брали забереги

приступом, не приходилось стесняться, что глубоко, собаки вплавь выбирались на берег, там согревались и опять в путь.

Последняя часть пути была лучше потому, что вода ушла под лёд. Затем мы догнали промышленников, которые шли впереди нас, вместе с ними отдохнули два дня и продолжили путь на полярную станцию. Объединили с промышленниками упряжку, стало у нас 22 собаки, нарты совсем выбросили, бросили всё, что нам было не нужно: два спальных мешка было – оставили один, оставили полушубок, оставили винтовку. Добрались до Котельного. Последние 10 километров уже нельзя было идти, у станции было открытое море. И до конца лета, до новых заморозков, мы в 1936 г. льда не видели.

Мы думали, теперь всё у нас налажено, механик доставлен. Один мотор нельзя было пустить, требовались запасные части. Второй мотор страдал под руками Лукомского, но всё-таки к 25 июня мы имели заряженные аккумуляторы. Приступил к работе радист – ничего не получается. Ни рейдовый, ни мощный передатчики ничего не дают. Оказался совершенно непригодным Норд-К, новый передатчик, полученный в Тикси. Чугреев был послан в Тикси специально для того, чтобы получить радиооборудование. Пробыл он там целый месяц, имел сколько угодно свободного времени – не удосужился проверить Норд-К, потому что побоялся выявить своё незнакомство с радиоаппаратурой, принял его на слово.

Здесь большая вина диспетчера Шашина, он знал, что передатчик негодный, и, тем не менее, сплавил его с рук долой, а Чугреев не стал настаивать на проверке. Лампы горят, наэлектризован, чёрт знает что творится, а причин не видно.

У нас опять руки опустились. Как будто всё готово – ничего не выходит. Был у нас маленький коротковолновый передатчик «Вьючка». Стали на нём работать. Чугреев налаживал его две недели, настраивал на волну. Говорит: «Это дело непростое». А имеется у нас замечательный волномер. И две недели пишет в журнале: настройка на волну, настройка на волну.

Когда пришёл новый радист, он в один день наладил на волну.

Крутили мы эту «Вьючку» посменно, менялись через 2 часа и даже, по словам Чугреева, отвечали нам из Тикси. Оказалось, ничего подобного, никто нас не слышал, никто нам не отвечал. К концу лета стало ясно, что радист никуда не годится, он даже не мог принять телеграмму. Хорошо работает приёмник У-4. Он же принимает только обрывки фраз, из которых можно догадываться о событиях, ни одной целой

телеграммы в эфире он не смог принять. По обрывкам мы знали, что навигация задержалась, что в проливе суда замёрзли.

Наступает сентябрь, судна нет. Тогда я решил готовить станцию ко второй зимовке. Утеплили юрту, сделали завалинку у всех домов, дополнительно проконопатили, были поставлены крыши, подняли потолок, расширили окна, двери. Занялись заготовкой топлива.

Когда вели работу по заготовке топлива, по распиловке плавника, 26 сентября ночью приходит «Темп». Мы безмерно рады. Очевидно, он нам поможет и мы будем зимовать с радиосвязью.

Выходим навстречу «Темпу». Капитан Жуков приглашает нас в салон и заявляет, что на основании имеющегося распоряжения он явился с тем, чтобы поставить станцию на консервацию. Это было для нас совершенно неожиданно. Мы думали, что будет механик или радист. Они шли к нам, но судно, на котором они были, до нас не дошло.

Это заявление нас огорошило. Я сразу же заявляю тов. Жукову протест, говорю, что станция подготовлена ко второму году зимовки и т. д. Мы выстроили дом, заготовили корм для собак путём охоты, кроме того, шторм выбросил на берег нерп. Всё было налажено, чтобы продолжать работу. Тогда тов. Жуков говорит, что необходимо осмотреть станцию и сделать заключение. Вместе с представителем команды осмотрели станцию и заявили, что закрывать станцию – преступление. Только радиорубка была в полном беспорядке.

Тогда вместе с лучшими зимовщиками, пожелавшими остаться работать, я решил молниировать в Полярное управление. Было созвано собрание всех зимовщиков, на котором я изложил суть дела, что пришёл «Темп», чтобы законсервировать станцию и т. д., и что нам теперь предстоит возвращаться с позором. Была предоставлена возможность свободного выбора – желает ли кто-нибудь оставаться на второй год или не желает.

Выясняется, что 6 человек зимовщиков, основные специалисты, желают продолжать зимовку второй год. Остаётся геодезист Авгевич, остаётся каюр, метеоролог, затем – я. Нужен был радист. Прежний радист – негодный. Я обратился с согласия тов. Жукова к радисту «Темпа» тов. Бабичу: «Для того чтобы обеспечить радиосвязь, нужна Ваша работа». Он был к этому не подготовлен. Он проработал год в Тикси и считал себя судовым радистом. Но, видя такое положение, согласился.

Тогда мы немедленно молнируем в Москву и описываем наше положение – есть горячее желание продолжать работу. Через два дня, в продолжение которых «Темп» заготавливал топливо для себя,

приходит ответ, что продолжение работы разрешается при условии обеспечения радиосвязи тов. Бабичем. Зимовщики были в восторге, но часть зимовщиков, которые хотели уехать, были огорчены: мы остаёмся на второй год. Надо сказать, что мы не имели никакого оборудования. Радиооборудования у нас было недостаточно для того, чтобы наладить радиосвязь.

Мы только могли обратиться к тов. Жукову, чтобы он выделил нам всё необходимое для полярной станции, и он пошёл нам навстречу. В наше распоряжение была передана вся радиостанция «Темпа». Мы получили аккумуляторы, рейдовый передатчик, изготовленный самим тов. Бабичем в Тикси, получили спецодежду (а она уже была роздана матросам на руки). Так, матросы снимали с себя валенки, рукавицы и приносили нам. Видя такое отношение, мы зарядились энергией. Мы устроили вечер спайки, который прошёл очень ярко, провели подписку на заём, чего раньше сделать не могли, отчислили полуторамесячный заработок. В общем, вошли в курс всех событий в нашем Союзе.

Октябрь объявили стахановским месячником. За это время мы должны были подготовить станцию к зиме. Мы заново переложили часть печей, часть отремонтировали, провели конопатку, заготовили дрова, лёд. Мы не имели свежего мяса, а зимовать без свежего мяса было очень трудно. Отрядили на охоту партию людей, привезли 8 оленей, что обеспечило нас на продолжительное время.

Геодезист, не теряя светлого времени суток, вместе с поваром ушёл на съёмку бухты в 25 километрах. Бухта до сего времени не была нанесена на карту и представляет собой большой интерес. Кроме того, мы произвели промер лагуны станции, для небольших гидросамолётов годится.

Произвели промер глубин бухты Темпа, мы так её называли в честь наших друзей. Средняя глубина 5,5–6 метров, вполне годная для небольших транспортных судов.

Через два дня после того, как тов. Бабич у нас остался, мы уже имели полную связь с радиостанцией Тикси, с Шалауровым, с Челюскиным. Шли большие телеграммы, ведь целый год сотрудники не знали, что у них творится дома. Радиосвязь работала великолепно, без всяких затруднений. Мы получили все телеграммы, которые шли к нам, и отправляли свои.

Зимой мы провели большие хозяйственные работы, угля у нас было только несколько килограммов для нашей кузницы. Всё наше топливо состояло из плавника, нужно было его заготовить. А печей у

нас было 6 штук. Нужно было заготовить корм для собак, нужно было провести геодезические работы.

Зимой этого года мы впервые узнали, какое огромное значение имеет радиосвязь для станции. Ежедневно мы получали информацию из Тикси, примерно 1200 слов в среднем, потом мы слушали новости «Полярных известий», слушали открытие VIII чрезвычайного съезда Советов, слушали речь тов. Сталина о новой Конституции.

Жизнь стала совершенно иной. Закипела общественная работа, стали выпускать стенгазету, заработали кружки по самообразованию, работал кружок по изучению Конституции. Но нельзя сказать, что наша вторая зимовка так блестяще проходила. У нас были и теневые стороны. И самой большой теневой стороной была недисциплинированность двух наших сотрудников: повара, который остался из состава шхуны «Темп» – 19-летний парень, никогда в коллективе организованно не живший, работавший грузчиком и не имеющий представления о дисциплине, и особенно нарушал нормальную жизнь механик Камышев. Был целый ряд фактов прямого отказа от работ.

Он считал, что его послала Москва, что он подчинён прямо Москве, что начальник станции не имеет права вмешиваться в работу механика, какая бы она ни была, и держал всё время радиостанцию на голодном пайке. До марта месяца мы не могли добиться зарядки аккумуляторов больше 2-х часов через день. Он ссылался на то, что у моторов 50-процентный износ, и отказывался заряжать.

Потом мы уже заряжали аккумуляторы этим же движком по 10 часов, правда, аккумулятор у нас был несколько лучше.

Вот эта недисциплинированность, постоянные склоки, бесчисленные рапорты создавали настолько напряжённую обстановку, что приходилось созывать общие собрания, выносить решения, затем выслушивать раскаяния и опять сталкиваться с фактами недисциплинированности. В конце концов, пришлось об этом поставить в известность Полярное управление.

Весной 1938 г. у нас развернулись геодезические работы, которые тормозились из-за отсутствия транспорта и поездок на Шалаурово и Кигилях. Корма было мало, и Авгевичу приходилось везти с собой на геодезические работы корыто, муку, т. к. кормили собак похлёбкой, мяса не хватало. Работа была построена таким образом, что к лету план геодезических работ был выполнен и перевыполнен.

В конце мая мы получили, как и все зимовщики, известие, что

открыта полярная станция «Северный полюс». Это для нас было настолько неожиданно, настолько подняло настроение, что работа наша показалась настолько пустяковой, хотелось сделать что-то большое, и вот возникает такое предложение: взять на себя стахановское обязательство – построить ещё один дом из плавника. Мы знали, что к нам на смену едет не 8 человек, как в нашем составе, а 12–13 человек. Им было бы очень удобно разместиться в нашем помещении, и мы решили, что при определённой организации работы мы выполнить обязательство сможем. Это обязательство было предложено нашим плотником Селезнёвым и метеорологом Дудкиным.

Надо сказать, что мы ко времени принятия этого обязательства уже перевыполнили план геодезических работ, заготовили топливо, вели обработку метеорологических материалов и поэтому не могли уделить достаточно внимания постройке дома.

Взялись за дело энергично и сплавили 50 брёвен плавника на расстоянии 10–12 км. Пришлось работать на заготовке, доставке брёвен. Подняли на площадку и через 18 суток сруб закончили. Конечно, строили начерно, у нас не было пиломатериалов. Мы возвели стены, поставили балки половые, потолочные, навесили двери. Но из-за отсутствия пиломатериалов готовый дом преподнести смене мы не могли.

Выполнив это обязательство, мы рапортовали Полярному управлению, что стахановское обязательство, взятое нами, выполнено. К нашему огорчению, на наше сообщение мы не получили никакого ответа.

Эта работа по постройке дома из плавника, потребовавшая большого напряжения, послужила хорошим экзаменом качеству зимовки в конце второго года. Если бы коллектив был гнилой, не было бы здорового, крепкого ядра, такая работа нам была бы не под силу.

В свободное время мы занялись благоустройством станции, сделали галечные тротуары и подготовили станцию для передачи новой смене.

Но со сменой произошла накладка. Всем известно, что смена наша зазимовала вместе со всеми судами в море Лаптевых. 17 сентября к нам пришёл «Темп».

Когда была надежда, что смена придёт, мы отправили повара, каюра, а сами остались. Но в конце сентября стало ясно, что смены не будет, нужно было или уезжать, или оставаться.

Мы разговаривали с Тикси. Право разговаривать с нами было предоставлено районному центру. Нам предложили: выезжать можем, но станцию придётся прикрыть. Вообще, желательно, чтобы мы остались в сокращённом составе. Делать было нечего. Закрывать

станцию – это свести на нет всю ту работу, которую мы провели.

Поговорив с сотрудниками станции, с тов. Бабичем, который уже два года зимовал здесь, и каюром, прибывшим на «Темпе», я решил остаться на 3-й год.

Вместо механика Камышева согласился остаться моторист «Темпа». Мы остались вчетвером: я, каюр Горохов, Бабич и моторист «Темпа». Полагали, что придётся нам вести замкнутую, нудную жизнь, когда нет живой работы, но делать нечего.

Мы получили пополнение продовольствия, но из спецодежды нам из Тикси ничего не прислали, ни одной пары рукавиц, а за тот год мы сильно пообносились, и со спецодеждой у нас было очень напряжённо. Кое-как мы обойтись могли.

Когда мы остались на третий год, выяснилось, что закрывается станция на Комсомольской Правде, в бухте Прончищевой, на Встречном и на Кигиляхе. Совершенно обнажалось море Лаптевых, и сохранение Котельного нам казалось чрезвычайно важным.

Начали подготовку к зиме, вновь заготовка плавника, заготовка льда, а в свободное время изучали радиодело. Тов. Бабич очень охотно руководил учёбой, и к февралю месяцу наши успехи стали очевидны.

В конце января выяснилось, что для снятия зимовщиков с дрейфующих судов организуется Правительственная экспедиция под руководством Героя Советского Союза тов. Алексеева.

Вначале по телеграммам было видно, что наша станция будет служить базой, но когда мы сообщили, что у нас нет бензина, разговоры о Котельном как о базе прекратились. Бензин к нам был направлен за год до этого и выгружен «Ленсоветом» на мысе Медвежьем, до нашей станции не дошёл.

С февраля месяца мы начали заготавливать хлеб. Затем, в начале марта, мы получили ещё раз указание от Полярного управления о необходимости приготовить хлеб в связи с переброской людей с каравана «Садко», больше ничего не сообщили. Каждый день мы выпекали по 24 килограмма хлеба. Хлеб пекли конвейерным способом – из духовки в духовку, в то же время приходилось вести остальную работу. К 15 марта мы имели 600 с лишним килограммов хлеба.

15 марта к нам прилетел головной самолёт тов. Алексеева Н-177 с первым пилотом тов. Купчиным. Они осмотрели район и высказали мысль, что ввиду отсутствия у нас бензина наша станция не может служить базой, а будет только вспомогательной станцией для обслуживания радиосвязью и данными о состоянии погоды.

Я думал, как отправить хлеб на караван, чтобы использовать. И вот в конце марта мы начинаем регулярное обслуживание экспедиции тов. Алексеева, прибывшей в полном составе в Тикси. Ежедневно, каждые три часа шли сообщения о погоде, и только один перерыв на 6 часов в сутки.

1 апреля состоялся первый вылет на «Садко». Как он проходил – вам известно. Самолёты вылетели из Тикси, пошли на «Садко», минуя Котельный, благополучно сели. Когда пошли в обратный путь, получаем известие от тов. Головина: «Идём к вам, будем ночевать, подготовьте бочки для масла, посадочный знак, костёр». У нас был случайно промышленник, и мы все поехали на аэродром для того, чтобы сделать посадочный знак. Нужно было натопить дом, нужно было каждые полчаса давать сводку погоды, нужно было подготовить бочки для нагрева масла. Летят самолёты – сначала тов. Головин, потом тов. Орлов и тов. Алексеев. 22 пассажира и 21 лётчик являются на станцию.

У нас негде шагу шагнуть – мы не подготовили нары, основываясь на сообщении, что мы не будем служить базой. И пришлось всем разместиться на полу, в механической, в бане, в общежитии. Сумели их обеспечить питанием и кровом. Переночевали два дня и вылетели в Тикси. Я спросил тов. Алексеева – будет ли наша станция служить базой. Он пожал плечами. Я сказал, что будем подготавливать всё так, как нужно.

16 марта к нам опять пришли 3 самолёта из Тикси, и здесь выяснилось, что наша станция будет базой, отсюда будут производиться полёты к каравану «Садко», будут привозиться зимовщики и т. д.

Тут уже мы встретили зимовщиков во всеоружии. У нас не было досок, но мы накололи плах из плавника, настроили нары в три яруса, подготовили продовольствие, и когда прилетели 20 лётчиков – так они прямо-таки потерялись в этом помещении.

18-го числа прилетели 83 пассажира и 20 человек лётчиков. У нас на станции было 110 человек, все помещения были заняты, но всё же плотность была не больше, чем когда на станции находились 40 человек, у каждого было своё определённое место.

Жили они у нас целую неделю. Организовать питание было очень трудно, но всё же нашли кое-какую посуду, группы по 20 человек сами готовили себе питание, хлебом же мы их обеспечили, причём расходование было больше, чем приход.

В общем, прожили 6 суток, тов. Орлов вывез 40 человек в Тикси и вернулся к нам. После этого у нас осталось 70 человек, и было весьма

просторно. Тов. Орлов привёз нам рыбы, немного мяса, каждому по свитеру, по паре сапог.

Наконец, 26 апреля предпринимается последний полёт на «Садко», доставляют нам ещё 78 человек. Мы сумели подготовиться, поставили большую палатку из брезента, которым покрываются грузы. Он довольно объёмистый, пол был из плавника, и там смогли разместиться ещё 20 человек. Часть людей жила на самолётах.

28 апреля все три самолёта, распростившись с нами, взяли курс на Тикси. Мы остались вчетвером. Тут уже стало совсем свободно.

Через два дня мы расстались с каюром и стали приводить в порядок нашу станцию.

После того как улетели самолёты и мы наладили нормальную жизнь – приступили к подготовке сдачи станции новой смене.

Лето в этом году оказалось достаточно бойкое. Перелёты для обслуживания нужд навигации проходили в нашем районе, и наша радиостанция обслужила перелёты т.т. Козлова, Черевичного, Головина, Асямова. На нашу долю выпала довольно солидная работа.

Наш радист тов. Бабич был тяжело болен, у него был катар желудка и катар кишечника, он мог питаться только молоком, бульоном, сухарями. Когда встал вопрос о его вывозе, мы поговорили с тов. Алексеевым. Но тов. Бабич остался заканчивать зимовку с коллективом, и хотя ему было трудно – он не снижал темпов своей работы.

Смена наша всё-таки задержалась. Когда у неё была возможность прибыть – наш район окружал лёд, а когда лёд ушёл, оказалась занятая шхуна, которая могла бы доставить смену.

Наконец, мы узнаём, что к нам на станцию идёт «Садко», который будет выгружать бензин. Выгрузит и уйдёт. Тогда я попросил тов. Алексеева послать тов. Купчина в Тикси с тем, чтобы нам прислали радиста и метеоролога и мы могли бы сдать им станцию. Тов. Алексеев согласился. Послал самолёт Купчина, и мы получили от него телеграмму: зимовщики вышли «Темпом», лететь не изъявили желания.

Я сказал т.т. Бабичу и Бему, чтобы они покидали станцию на «Садко», а я дождусь «Темпа» и передам станцию смене.

Я провёл здесь ещё двое суток один и дождался «Темпа».

Когда прибыл Анисимов, я спросил: почему Вы не послали смену, чтобы мы в спокойной обстановке могли передать станцию, радист – радисту, механик – механику и т. д. Он ничего не смог ответить.

Передал станцию Анисимову, 8 сентября пересел на «Моссовет», который пришёл сюда в ожидании ледокола «Сталин», и в начале октября прибыл в Москву.

Этим закончилась наша третья зимовка. Подводя итоги трёхлетней работы станции, у нас, у зимовщиков, сложилось такое мнение, что мы более или менее справились с нашей работой.

За работу по обслуживанию экспедиции тов. Алексеева весь наш состав получил благодарность. Это было первым признанием наших успехов в работе за три года. Если посмотреть работу каждого отдельного зимовщика, мы увидим целый ряд достижений. Радио-работа всегда выполнялась без задержки, бесперебойно, с момента прихода на станцию тов. Бабича. Несмотря на болезнь, он с работой справлялся, не было ни одного пропуска вахты.

Наша станция имеет только 20 ватт, но она даже давала пеленги для самолёта потому, что у неё была большая отдача и чистый тон. Лётчики даже удивлялись. Годовой план по радиообмену выполнили на 150%. Работа тов. Бабича была безукоризненна по оперативности. Если нужно передать телеграмму, он передавал через Шалаурово, нельзя передать в Тикси, он какой-нибудь путь найдёт, но передаст.

Кроме того, тов. Бабич как один из лучших зимовщиков вёл большую хозяйственную работу. В последний год мы вырастили ещё 8 собак, и все они были в ведении тов. Бабича. Уход был непростой, корм приходилось варить, а не давать готовым в виде сырого мяса.

**ГЕОДЕЗИЧЕСКАЯ РАБОТА.** В результате геодезических работ совершенно изменилась карта северо-западной части берега Котельного. Здесь обнаружили большую бухту и залив. Бухту мы называли Темп в честь наших друзей, которые нам оказали помощь. Залив называли заливом Стахановцев Арктики. Там имеются аэродромы, морской и сухопутный. Бухта послужит убежищем для судов в этом году. Нынче там отстаивался «Моссовет», в течение 8 дней стоял на якоре.

Заснята вся северная половина Котельного, снята в тяжёлых условиях, когда не было специальной одежды. Выявлено существование двух островов, совершенно иная конфигурация берегов Котельного.

Заключение приёмочной комиссии: просмотрев работы геодезиста Авгевича, инспекторская группа Гидрографического управления считает работу как по геодезической съёмке, так и по топографической съёмке выполненной хорошо, в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми в настоящий момент Главсевморпути.

Следует особо отметить достигнутую производительность труда. Им (Авгевичем) выполнено 464 километра топографической съёмки масштаба 454 м линейных. По количеству и по качеству топографические, геодезические работы, выполненные им, являются лучшими из работ, предоставленных другими станциями.

Я хотел бы сказать о других зимовщиках: о метеорологе Дудкине. Он приехал работать метеорологом, но, зная плотничное дело, он участвовал в строительстве наравне с плотником, и это дало нам возможность поставить дом из плавника. Кроме того, он был лучшим охотником. За два года мы добыли 50 оленей и 20 медведей. В основном это было достижением тов. Дудкина. Уезжая, я всегда был уверен, что его работа будет в порядке. И действительно, материалы, переданные на заключение за 1935–36–37 гг. получили в части наблюдения оценку – хорошо, и по обработке – удовлетворительно. За 1938 г. материалы ещё не сданы.

Хорошую работу провёл плотник-печник тов. Селезнёв, мастер на все руки. Он был инициатором нашего дополнительного строительства. За зиму 1935–1936 г. он изготовил всю мебель полярной станции. Мы получили только 8 кроватей железных, а сделали письменные столы, шкафы, ящики, был сделан буфет, стулья, кресла и вообще всё, что нужно.

Т. Селезнёв великолепно относился к своим обязанностям, заменял повара и работал аккуратней и чище повара.

Ещё об одном зимовщике – это о тов. Беме. Он остался на третий год зимовки, а это у него был уже четвёртый год работы в Арктике.

Он относился к своим обязанностям честно, обеспечил работу рации до передачи её новой смене и нёс на своих плечах большую нагрузку, связанную с обслуживанием перелётов зимой и летом этого года. Я хотел бы сказать о промышленниках, но это тема большая.

ВОПРОСЫ:

1. Почему собаки были плохие?
2. Почему произошёл пожар на Шалаурове?
3. Вы говорите, что собаки погибли от чумы. Вы уверены, что это чума, а не какая-нибудь другая собачья болезнь?
4. Почему попало зубило в трубу, какие меры были приняты?
5. Как можно было оставить ружьё?
6. Почему Норд-К не работал? Это прекрасный аппарат.
7. Если механик или радист отказывается идти на аврал, Вы должны были приказать.

ОТВЕТ: Почему плохие собаки. Их было 20 штук, и все разные: низкие, высокие, маленькие, большие, беспородные. Везли их с Архангельска, собирали по дворам; испытывали, мучались, но ничего не достигли.

Причина пожара. Дело было так. Была большая скученность, кроме сотрудников станции там находилось ещё пять человек гидрографической партии и три плотника. Один из этих плотников оставил у себя на столе горящую свечу. Стены были обиты байкой, здесь находилась механическая мастерская. Радиотехник заметил пожар, но было поздно. Плотник чуть ли не на самоубийство покушался.

Относительно болезни собак. Я не ветеринар и не могу констатировать, что это за болезнь была – это наши предположения.

О зубиле. Это касается не только Лукомского, но и Чугреева. Он знал об этом и не предпринял никаких мер, чтобы вытащить зубило. А Лукомский вообще очень не хозяйственный. Например, бельё выстирает и в скрюченном состоянии вешает сушить. Объявили строгий выговор с предупреждением. Приехал Камышев, стал моим подручным, он с ним поступил по-хулигански, обругал. Потом отказался от помощи, стал участвовать только в хозяйственных работах, а затем вообще отказался от всяких работ и с 8 июля до прихода «Темпа» жил паразитом. На общем собрании мы обсудили письмо в Политуправление, в котором ярко и беспощадно охарактеризовали его. Все проголосовали «за».

Относительно винтовки. Это вопрос спорный. Обстоятельства так сложились, что винтовку пришлось бросить.

Об авралах. Отказ от авральных работ был в тот период, когда Лукомский отказался что-либо делать, и когда Чугреев оказался совершенно негодным радистом.

#### ТОВ. ЖУКОВ

Я только дважды в течение двух лет соприкасался с работой на станции Котельный. Один раз мне было дано распоряжение начальника порта – пойти разыскать станцию на Котельном, зимовщиков. Если они живы – их забрать, если есть постройки, их забить и вернуться обратно. Сколько зимовщиков – мы не знали, сведений в порту не было. Место их зимовки, где они находятся, также не было известно.

С этим предписанием 28 сентября я отправился. Встретил на пути льды. Были предположения: может быть, у зимовщиков нет связи, но

там есть радиостанция... Может быть, у них не работает передатчик.

Я говорю тов. Бабичу, который был у нас лучшим радистом, – давайте им короткие телеграммы: «Мы идём вас снимать. Приготовьтесь, разожгите костёр». Было уже темно.

Когда прошли залив Заря и направились к северной оконечности Котельного, заметили костёр на берегу, один и другой. Значит, они нас слышали. Не успели отдать якорь, как все зимовщики приехали к нам. Говорим: значит, вы нас слышали? Говорят: «Да, мы вас слышали, но только не по радио, а по звуку мотора за 25 километров».

Предъявляю тов. Соколову свой мандат – ликвидировать все Ваши дела. Вижу, тов. Соколов стал грустным, прямо-таки слёзы на глаза навернулись: «Позвольте, мы два года работали». А я думал, что они все обрадуются – мы их спасать пришли...

Видя такое положение, выбрали комиссию, осмотрели работу на станции, и я убедился, что это одна из лучших наших станций. Обезоруживать нашу крайнюю северную точку было бы нецелесообразно. Это была образцовая станция. Они построили домик, один и другой, кругом очень чисто, нет той грязи, которая обычно наблюдается на зимовках: груды банок из-под консервов прямо перед дверью и т. д. Здесь было вполне культурное место, между службами проложены дорожки из галечника, в помещении висят занавески – как будто там женщина орудовала. Посмотрел я их работу и понял тов. Соколова. Решил во что бы то ни стало им помочь. У меня было только куцее задание – снять и уйти. Я решил – давайте молниировать, каждый час был дорог, мы могли зазимовать. Послали телеграмму, что зимовка на месте, все живы, здоровы, но нет связи. Нам ответили, что при условии обеспечения связи зимовку оставить.

Мы обратились к тов. Бабичу. Он – радист только шхуны, заставляя его я не имел права. Но тов. Бабич оказался сознательным человеком и согласился остаться.

Но оставить тов. Бабича и не дать ему материальной базы – тоже невозможно. Тов. Бабич обнаружил в радиорубке полярной станции полный разгром, станция разворочена по винтику. Восстановить станцию – это затратить неделю. Я решил на свой страх и риск, получив согласие тов. Бабича остаться на зимовку и дав ему обещание, что сниму его при первой возможности, снял со шхуны оборудование, тот длинноволновый передатчик, который он сам же и смонтировал, дал затем кислоты в бутылке, вообще всё, чтобы обеспечить станцию и наладить связь.

Кроме того, я там оставил ещё 8–10-месячный запас продовольствия. Это был риск – уйти с Котельного с двухнедельным запасом продовольствия и без связи. Чуть что – меня за борт выбросили бы.

Но я настолько был уверен, что дойду, что спокойно пошёл на этот риск. Правда, были в команде люди, которые препятствовали этому, и формально они были правы. Оформили всё это, получили разрешение центра и порта – оставить зимовку. Ушли. Тов. Соколов обратился ко мне с просьбой дать повара и взял его под свою ответственность. Говорит – я сам его кулинарии научу. Человечек оказался неважный. Насколько тов. Бабич оправдал наши надежды, настолько тот сплхоловал.

Если бы мы в 36-м году не оставили зимовку, в 1937–1938 г. зимовки не было бы.

К моему удивлению, в 38-м году зимовка оправдала себя, когда прилетел тов. Алексеев. Впоследствии мы имели с зимовкой очень тесную спайку. Экипаж вместе со мной взял шефство над зимовкой. Время от времени сообщались по радиотелеграфу, как они живут, они интересовались нашей жизнью. И у нас была моральная поддержка: они в честь нас называли бухту нашим именем.

Тов. Соколов – очень скромный человек, а также т.т. Бабич, Бем, Авгевич и Дудкин. И если в нашей терминологии установлено звание лучших полярников, лучших зимовщиков, образцовых зимовщиков – то это звание вполне им подходит. Таких людей немного.

Механик Лукомский, радист – как они смели называть себя специалистами и ехать на такое ответственнейшее место.

Тов. Бем, скромный человек, он был у нас мотористом, а проявил себя и мотористом, и пекарем. Это молодой человек, который прошёл тяжёлую жизнь беспризорника, но на него можно положиться и сейчас, и на будущее время.

Уже на второй год, когда я пришёл выполнять обязательство, данное тов. Бабичу – его снять, он, несмотря на то что у него кишечник не в порядке, говорит: «Нет, я закончу зимовку». Также и тов. Бем. Вот это настоящие советские люди, которые заслуживают уважения.

Наш сектор кадров на 60% посылает туда людей негодных. А таких людей надо оттенить. Тов. Соколов – организатор с исключительными способностями, с неутомимой энергией. Это надо же, в полярную ночь проехать несколько тысяч километров на негодных собаках... Этими людьми надо дорожить.

ТОВ. БАБИЧ

Я прибыл в Тикси в 1935 г. Попал туда совершенно случайно. Я плавал в заграничном плавании и люблю новые и новые места. Попал в Арктику, пробыл две навигации на шхуне «Темп».

В конце второй навигации в 1936 г. нас просят снять зимовку острова Котельный. Мы прибыли 26 сентября. Я попал в комиссию по обследованию зимовки и там второй раз встретился с тов. Соколовым. Он вообще на меня производил прекрасное впечатление. Домики были в прекрасном состоянии. Перед этим мы были на Шалаурове и на Кигиляхе, никакого сравнения нельзя провести. Домики в хорошем состоянии. Но когда я пришёл в радиорубку – увидел нагромождение старого барахла. Стояла какая-то аппаратура, какие-то провода и растерянная физиономия радиста. Он целый год просидел без связи, и его это мало волновало.

Когда я убедился, что с той станцией, которая имеется, ничего не сделаешь, надо было подумать о каком-то выходе. Не так-то всё было гладко на судне, как кажется. Часть экипажа была за то, чтобы договориться с Москвой, часть за то, чтобы снять зимовку и возвратиться в Тикси. Но у нас был более весомый костяк, и перевес был на нашей стороне. Молнировали в Москву, договорились. По результатам судя, мы, конечно, были правы.

Я никак не предполагал зимовать на станции. Вторая навигация у меня была закончена. Но, увидев в чём дело, я не мог отказаться.

То оборудование, которое там имелось, было приведено в полную негодность. Наше оборудование было также бедно потому, что в Тикси никакого завоза не было. Я всё-таки решил снять свой рейдовый передатчик, который сам смонтировал, и аккумуляторы забрал, кроме того, гвозди, шурупы и т. д. Затем явился на станцию и наладил радиосвязь. Длинноволновый передатчик во время опытов Чугреева был разгромлен. Я всё это выкинул и брал силовую энергию исключительно из тех аккумуляторов, которые привёз. Связь наладил за один день. Увидел, что риска большого не было, но на продолжительную работу станции я рассчитывать не мог. Впоследствии выяснилось, что я попал впросак тем, что не поставил вопрос о механике. Механик сослался на акт, подписанный Чугреевым, Камышевым, – о том, что нельзя давать энергию. Дело доходило до хулиганских выпадов: один раз он брал меня за грудь, хватался за винтовку (Камышев).

Я был профоргом, кроме того, у меня была нагрузка по организации стахановских темпов. Я изучил людей в течение одной недели,

и у меня была опора в лице т.т. Авгевича и Соколова. С ними я договорился, что будет проведена любая работа при условии моральной поддержки. Только моральной, а с технической мы справимся.

Тов. Соколов обещал. Вообще, тов. Соколов довольно скромно говорил о том, что мы «от скуки» начали учиться радиodelу. Мы для учёбы по радиосвязи отнимали время от сна. Вы знаете, что при метеорологических наблюдениях больше трёх часов спать не приходится. Мы смотрели на это таким образом: мы находимся на станции, и в любую минуту каждый из нас может выйти из строя. Поэтому желательно, чтобы каждый из нас был знаком с работой, которую проводит другой товарищ. Никто из нас из строя не вышел. Хорошо получилось, хотя я был на грани выхода из строя, но не боялся потому, что знал, что тов. Соколов кое-как сводку передаст. Это оправдалось в дальнейшем.

Когда за нами был прислан «Садко» и когда новая смена по своим личным соображениям не поторопилась к нам на самолёте, тов. Соколов отправил меня и Бема на «Садко», и до прибытия смены тов. Соколов там был один на все руки. Прожил один два дня. Отмечу, что тов. Соколов иногда замазывает моменты, которые касаются его. Мы всё время были в курсе дел навигации прошлого года и поэтому к концу года чувствовали, что нам не смениться. И поэтому, ещё не получив официального сообщения, вырабатывали уже программу и план в случае, если смена не придёт.

Мы заранее знали – кто из нас уйдёт, а кто останется. Это опять-таки говорит о том, что никаких разногласий не было и не могло быть. Владимир Иванович (Соколов) как организатор и как товарищ оказался на высоте. Я лично мог работать так только потому, что там был Вл. Иванович. Он был очень спокойный и всегда мог разобраться во всех вопросах.

Здесь у многих возникал вопрос – что было предпринято по отношению к тем, кто отказывался от работы. В Тикси была практика – посадить под арест. Что можно сделать, если человек подаёт рапорт начальнику станции и в глаза ему заявляет, что он не желает выполнять его распоряжения. Остаётся одно – с ним считаться до тех пор, пока мы не уберём его со станции. Если уволить такого человека, он будет жить как паразит, он будет смеяться нам в глаза.

Третий год зимовки, который должен быть очень тяжёлым, оказался самым лёгким, несмотря на то что нагрузка была больше, чем когда-либо. У меня по радиосвязи во время прилёта тов. Алексеева было выполнено 450%, при выполнении годового плана на 150%.

Это говорит о том, что на зимовке были спайка и желание работать, а также инициатива. А инициативу мы черпали из радиосообщений. Как приятно было слушать, что вот на такой-то станции Котельный то-то и то-то. Вы знаете, как это воодушевляет.

Кстати, мы слышали Ваше выступление на параде физкультурников, не приходится говорить, как это выступление взбадривало.

Зимовку мы закончили, по нашему мнению, чётко, пробелов не было. Могли быть, конечно, какие-либо неувязки, но всё это мы ликвидировали на месте.

ТОВ. АВГЕВИЧ

Дополню характеристику тов. Соколова, данную тов. Бабицем. Я третий год зимовки был на «Садко», поэтому мне удастся быть более объективным. Я с тов. Соколовым познакомился за три дня перед отъездом из Москвы. Вообще, я человек не новый в Главсевморпути, и если сейчас у нас имеются блестящие начальники зимовок, то тогда в этом отношении было бесцветно. В другое время я подошёл бы осторожно к возможности своей поездки на зимовку на три года с человеком, которого я знаю три дня. Но то, что он идёт вторично на Котельный, и не самолётом, не шхуной, а на собаках; по пояс в воде брёл через пролив – это дало мне уверенность и спокойствие.

Владимир Иванович – в первую очередь не только администратор и организатор, но это блестящий товарищ. Если у нас на протяжении трёх лет состав и сменился, то полярную станцию все три года представлял тов. Соколов. Его отношение к людям, его работоспособность говорят о том, что в первую очередь – это товарищ, и в последнюю очередь – администратор, который негодного человека берёт за ворот, используя уже все человеческие методы воздействия.

Скажу о тов. Соколове по опыту общения с ним в выполнении работ. В первый год зимовки я работал с напряжением, работал один, без его помощи. На второй год имело место недисциплинированное поведение механика Камышева, который пытался создать склоку на станции и чернил и меня, и т.т. Соколова и Бабича. Работе мог быть нанесён существенный ущерб, люди могли работать в неполную силу. Это было в решающие дни второго года, когда мы должны были взять реванш за вынужденный простой первого года зимовки.

И вот тогда на помощь мне приходит тов. Соколов. Он покидает станцию, имея законное право быть только администратором, только начальником, и никто не мог бы заставить его поехать куда-либо. Он

сам, самостоятельно идёт на дополнительные тяготы для того, чтобы своим примером и авторитетом воздействовать на каюров. Таким образом, они сделают вывод – если начальник помогает геодезисту, то им должно быть стыдно. Он не в качестве спутника ездил со мной, он выполнял научные работы и дал материал в части, касающейся описания северной части Котельного.

Я, находясь на «Садко», имея только радиосвязь, знал, что Владимир Иванович выпекал по 32 килограмма хлеба в день. О других работах и говорить нечего.

#### ТОВ. БАССИН

Я хочу сказать о радиосвязи Котельного, как это выглядело со стороны. До зимовки я тов. Бабича не знал. Но в результате зимовки 1937–1938 г. у меня и у многих работников Тикси создалось хорошее о нём впечатление и о том, что Котельный является лучшей радиостанцией во всём этом полярном районе.

Когда собиралась экспедиция, выяснялась возможность избрать Котельный в качестве базы. Котельный был избран базой ещё и потому, что имелаась твёрдая уверенность в том, что в деле связи он не подкачает и всегда сможет обслужить экспедицию тов. Алексеева. В дальнейшем это предположение оправдалось.

У нас на очень многих зимовках проходит радиоучёба. И очень редко она доходит до конца так, чтобы один мог заменить другого. Когда Бабич уехал на «Садко», остался на станции один тов. Соколов в качестве радиста, связь у нас не прекращалась ни на минуту. Когда тов. Соколов, такой, если можно выразиться, суррогатный радист, выехал с Котельного, связь оборвалась. Тот радист, который поехал туда, – это не радист. До момента моего выезда связи с Котельным не было.

В этом году в район моря Лаптевых прислали достаточно плохих людей. Такие зимовки, как Шалаурово, людьми не обеспечены. Остался там человек: он и радист, и механик, и начальник зимовки. Но в действительности он не радист, не механик, а как начальника зимовки я его не знаю. Второй механик Шалаурова – также не радист.

#### ТОВ. ДУДКИН

Когда тов. Соколову пришлось организовывать станцию на острове Котельный в 33-м году, я с ним работал. Если бы за дело взялся кто-нибудь другой, я не сказал бы, что станция будет организована. Кто

знаком с передвижением в Арктике на собаках, тот знает, с какими трудностями это сопряжено. Когда тов. Соколов уезжал на собаках за кислотой и за механиком, я лично всегда был уверен в благополучном выполнении задуманного, даже в трудных условиях.

Тов. Соколову приходилось зимовать со всякими людьми: и с плохими, и с хорошими. И со всеми людьми он уживался. Он ни с чем не считался. Мне пришлось всё время работать с ним по метеорологии и по гидрологии, и я должен сказать, что получал от него большую помощь. Благодаря тем знаниям, которые я от него получил, я смог выполнять научную работу.

#### ТОВ. ПЕТРОВ

В основном уже огласили отзывы Арктического института. Тов. Соколов это уже сделал. Я только несколько заострю ваше внимание. 1935–1936 г. – у меня имеется отзыв – наблюдения в порядке, признаны вполне пригодными к печати. Все они заслуживают оценку «хорошо».

1936–1937 г. – наблюдения чёткие, без опозданий, оценка – «хорошо». Обработка, учитывая некоторые пробелы, удовлетворительная. Работа велась в основном одним метеорологом. Нагрузка большая. Отзывы по метеорологии – хорошие. По гидрологической части общая оценка работы по береговому наблюдению – очень хорошо. Товарищи справились со своей работой. В этом отношении стиль работы везде одинаков.

#### ТОВ. ХОДОВ

Выводы, которые я сделал, вполне оправдались. Радиоработники полярной станции на острове Котельный работали не за страх, а за совесть. Такими работниками надо дорожить, таких работников слишком мало. Они отличаются ещё и тем, что без кичливости, без шума и крика приехали сюда, отчитались, и вы не заметили, что они являются именно теми полярниками, на которых мы должны опираться. Я помню приезд афериста Чугреева и Лукомского, с которыми нам пришлось много повозиться. Мы хотели возбудить против них дело, но у нас нет документов. Стали вычитать с них за то, что они вывели из строя оборудование. Беда в том, что эти люди приехали, и мы не имели ещё о них никаких данных. Хотя бы они приехали вместе с вами, тогда мы взяли бы их за жабры.

В этом году мы к проверке сотрудников подходили очень жёстко, но это не значит, что мы могли послать на полярные станции только

старых работников. У нас есть полярные курсы, которые дают нам определённый контингент работников. В этом году ещё не было случая, чтобы на станцию поехал непроверенный работник. На Котельный поехали Анисимов, Пронин. В этом году мы подобрали более крепких работников, чтобы они не провалили зимовку.

В общем, надо признать, что работа радиостанции, при той аппаратуре, которая там имелаась, проведена на «отлично».

ТОВ. СИДОРОВ (СИДОРИН?)

Я достаточно хорошо знаю работу по двум причинам: первое время я работал в Тикси. Второе, я давно мечтал поработать на Котельном и поэтому внимательно старался изучать людей и проходящие телеграммы.

Помимо основной государственной работы, которую каждый из нас старается хорошо выполнить, отдалённость этой зимовки имеет большое испытательное значение. Все отдалённые зимовки, как в будущем году будет на о-ве Домашний, я не говорю уже о «Северном полюсе» – они имеют громадное значение. Тов. Соколову надо написать книгу. И район интересный, и люди погибали, и Санникова искали – не нашли. Всё это очень интересно.

Действительно, большие моральные силы должны быть у людей, чтобы во время склоки удержаться и не сойти с позиций.

Лукомский был в Тикси. Тикси – это свалочное место, что негодное – идёт в Тикси. На один движок в 6 л. с. имелось 6 механиков, в т. ч. был и механик Лукомский. Когда стали сокращать это количество механиков и сделали его механиком катера – он расплавил подшипники. И был самый грязный во всей бухте Тикси.

Насчёт тех ребят, которые на сегодня являются именинниками, – говорить не приходится.

Камышев на балалайке играть – он мастер, а как лунку долбить, так у него сердце больное.

Т.т. Алексеев, Жуков, Низовцев – это очень требовательные ребята – все они отзываются о зимовке хорошо. Есть смысл их как-то отметить.

Хочется отметить и ту помощь, которую оказала шхуна «Темп», возглавляемая капитаном тов. Жуковым. Это была помощь и моральная, и материальная. Тов. Жуков и зимовку выручил, и радиста дал, и ухитрился для Тикси полную шхуну дров привезти. Действительно, силы советских людей на Севере – неисчерпаемы.

Лукомский, по приезде оттуда, после всех художеств был назначен в лёгкую кавалерию и всех здесь разносил.

ТОВ. КАПИТОХИН

Крайне обидно, что такие люди попадают, но ещё обиднее, когда такие прохвосты пытаются устроиться в нашем аппарате. Это обидно не только для зимовщиков, но и для самой работы.

В чём дело? Каким путём эти явления имеют у нас место? Первой из причин является довольно небрежное отношение к характеристикам со стороны сектора кадров. Я тоже писал характеристики, но они даже не использованы. Даже охота пропадает к этому делу.

На это надо обратить самое серьёзное внимание.

ТОВ. НИКИТИН

Мы прослушали все отрицательные моменты, которые были на зимовке. К великому сожалению оказалось, что один из этих людей (это о Камышеве) остался в нашем аппарате, и надо эту ошибку в течение завтрашнего дня исправить.

Нельзя обойти молчанием то обстоятельство, что товарищи, несмотря на исключительно тяжёлую работу, с которой приходилось сталкиваться в условиях трёхлетнего пребывания в Арктике, с честью выполнили всю эту работу. Это обстоятельство должно быть здесь отражено не только в нашем решении, очевидно, дело примет несколько более широкие размеры. Мы должны показать, как мы поощряем людей за честную и добросовестную работу в арктических условиях. А тех, кто попадает туда случайно, мы от них стараемся отделаться как можно быстрее.

От имени Полярного управления надо будет вынести благодарность, отметить в приказе, что мы и сделаем в ближайшие дни.

ТОВ. КРЕНКЕЛЬ

Тов. Сидорин правильно сказал, что вы являетесь сегодня именинниками. Блестящая зимовка – и разговаривали долго, и сидели долго. Если блестящая зимовка, тут разговора на пять минут, и всё в порядке. Но просто хотелось вас послушать и лишний раз узнать о вашей работе, потому что это чрезвычайно приятное и отрадное явление, когда коллектив приезжает с хорошим настроением, в хорошем политико-моральном состоянии, все дружны, выглядят отлично и, самое главное, сделали отличную работу.

Всему коллективу станции на острове Котельный будет объявлена благодарность приказом, а были случаи, когда одним приказом увольнялась целая зимовка – это на острове Домашний. Эти работни-

ки в системе Главсевморпути работать больше не будут, потому что они сидели на зимовке, грызлись между собой, а работы не делали. Писали в Москву тов. Сталину истеричные телеграммы: «Вы о нас забыли, мы погибаем». На праздники прислали телеграмму: «Вы гуляете, а мы сидим голодаем». А на самом деле собак медвежатиной кормили.

Вчера говорили с тов. Алексеевым, он дал отзыв, как об образцовой зимовке.

Тов. Никитин от имени Управления полярных станций уже поблагодарил вас, я тоже к этому присоединяюсь. Сейчас закончите все дела, подберёте все хвосты, поедете в отпуск. Отпуск у вас большой, надо полагать, что отдохнёте месяц-два, а потом, когда надоест отдыхать, милости просим, будем с вами дальше работать.

В будущем году будет строиться новая станция. Кто из вас захочет зимовать – давайте, пошлём на новое строительство, это особенно интересно. На новое строительство мы посылаем только заслуженных людей. Новое строительство мы даём не всем товарищам, а в качестве поощрения.

Если кто из вас захочет учиться, пошлём на учёбу. Вот, тов. Бем, куда Вы хотите?

ТОВ. БЕМ: Я хочу в лётную школу.

ТОВ. КРЕНКЕЛЬ: Ну, что же делать, насильно мил не будешь, но были бы очень рады, если бы Вы работали у нас. Тов. Бабич, надеемся, останется у нас, поедете зимовать.

ТОВ. БАБИЧ: Да, поеду.

ТОВ. КРЕНКЕЛЬ: Тов. Авгевич, Вы куда поедете?

ТОВ. АВГЕВИЧ: Я поеду на зимовку.

ТОВ. КРЕНКЕЛЬ: А тов. Соколова мы никуда не пустим. Большое вам спасибо, товарищи.

## П р и к а з № 462

По Главному Управлению Северного Морского Пути при СНК СССР.

г. Москва.

28 октября 1938 г.

Полярная станция о. Котельный организовывалась при крайне неблагоприятных условиях. С первого дня и на протяжении всего первого года зимовки остров совершенно не имел радиосвязи с материком, по вине пробравшихся на станцию лесспецалистов — б. механика Лукомского и б. радиста Чугреева.

Несмотря на оторванность, основной костяк коллектива не сложил рук, а по-большевистски работал на строительстве станции, непрерывно вел научные наблюдения, самоотверженно добивался восстановления радиосвязи. Начальник станции т. Соколов с риском для жизни совершил два тяжелых похода на п/ст. м. Шелаурова, в результате добившись частичного восстановления радиосвязи.

Непрерывно борясь с трудностями, т. Соколов и лучшие члены зимовки сумели высококачественно провести научную работу.

Геодезист т. Авгевич добился перевыполнения своих заданий, произведя съемку на протяжении до 500 километров и сделав точную карту северной части о. Котельного. Эта работа признана ВАИ отличной и лучшей из всех представленных с пол. ст. Все представленные работы получили оценки хорошо и отлично.

Оставшийся на вторую зимовку радист шх. "Темп" тов. Бабич (взамен вывезенного Чугреева) с первых же дней образцово наладил радиохозяйство. Механик шх. "Темп" т. Бем (заменивший вывезенного Лукомского) отлично содержал машинное отделение.

Станция приведена в образцовый порядок, выдвигающий ее на первое место среди полярных станций Арктики; что особенно ценно в условиях 3-х летнего незавоза на станцию грузов. Путем широкого использования местных строительных материалов, план строительства выполнен на 300%.

К концу второго года радиостанция о. Котельного заслужила репутацию лучшей в Тиксинском р-не, что частично послужило причиной к организации там базы летной экспедиции к дрейфующим судам. В связи с чем, четырем зимовщикам пришлось подготавливать не только аэродром для больших самолетов, но и питание и жилище для 150 человек летного состава и пассажиров. По оценке командования работа проведена отлично и отмечена благодарностью Нач. экспедиции — Героя Советского Союза тов. Алексеева.

После 3-х летней зимовки станция сдана новой смене на ходу и в рабочем состоянии. Весь коллектив станции возвратился в Москву и получил блестящую оценку проделанной работы.

От имени руководства Главсевморпути выношу благодарность с занесением в личное дело - отличным полярникам: т.т. Соколову, В.И. - нач. станции, Бабичу, А.П. - радиотехнику, Дудкину, Н.П. - гидрометеорологу, Авгевичу В.И. - геодезисту, Бему, Б.Е. - механику, Селезневу, Г.С. - строителю.

Ходатайствую о представлении к награде знаком "Почетный полярник" товарищей: Соколова, В.И., Бабича, А.П., Дудкина, Н.П., Авгевича, В.И., Бема, Б.Е.

Зам. Нач. Главсевморпути  
при СНК СССР - И. Папанин.

Верно:

*Медведев*

МК-90  
29. X

## О ГЕРОЯХ ЭТОЙ КНИГИ

---

Прошло много лет с тех пор, когда была написана последняя страница дневника. Много изменилось с тех пор в стране и в Арктике. Появились мощные атомные ледоколы, они стали доходить до самого Северного полюса, что в 1930-е считалось невероятным. Открытие новых дрейфующих полярных станций «Северный полюс» стало почти рядовым событием, их было уже 40. На морском дне подо льдами Северного полюса установлен Российский флаг. Обнаружены богатейшие запасы полезных ископаемых. Арктика обживается. Это стало возможным благодаря тому опыту, который был приобретён предыдущими поколениями с невероятными трудностями и оплачен многими жизнями. Сколько отважных исследователей Арктики прошлого погибло в её ледяных просторах при попытках разгадать её тайны! В 1902 году, например, погибла экспедиция Эдуарда Толля, исследовавшая Новосибирские острова, в состав которых входит и остров Котельный.

В 1930-е годы XX века начался новый, массовый этап изучения и освоения Арктики. Дневник Владимира Ивановича Соколова отражает как раз этот период. Именно в это время в нашей стране открывается полярная станция «Северный полюс-1», другие полярные станции. Совершаются беспосадочные перелёты через Северный полюс в Америку. Осваивается Северный морской путь. Полярная станция острова Котельный, открывшаяся 1 июля 1933 года, была признана одной из лучших станций того времени.

И в этом заслуга замечательных людей, которые составляли костяк коллектива зимовщиков. Хочется отметить вклад каждого из них.

Это Дудкин Николай Павлович, единственный, кроме В. И. Соколова, участник обеих зимовок, – метеоролог, он же опытный строитель, самый удачливый охотник. Принимал активное участие во всех строи-

тельных работах. Его охотничье искусство часто выручало зимовщиков в условиях затруднённого снабжения продовольствием.

Авгевич Витольд Иванович, геодезист. Значительно перевыполнил задания по геодезической съёмке. При этом подчас ему приходилось таскать на себе брёвна для установки триангуляционных знаков за много километров. Съёмка побережья острова существенно изменила прежние представления о его очертаниях. Была обнаружена удобная для захода судов бухта, впоследствии «Темп». Работа Авгевича была признана отличной и лучшей из всех представленных с полярных станций, что отмечено приказом И. Д. Папанина № 462 по ГУ СМП.

Бабич Александр Павлович, старший радиотехник. Радист шхуны «Темп», добровольно оставшийся на зимовку. Без него станцию, около года не имевшую радиосвязь, пришлось бы закрыть. Помимо повседневной работы обеспечивал связь с самолётами Чкалова, Леваневского, с караваном зажатых льдами судов «Седов», «Садко», «Малыгин». При этом дежурил в эфире сутками, имея на сон подчас около двух часов. А кроме того, взял на себя обязанность ухода за собаками, варку корма, воспитание молодняка.

Селезнёв Григорий Семёнович, плотник. Мастер на все руки. В своей небольшой мастерской изготовил мебель – столы, стулья, полки, – не уступавшую промышленным образцам. Он же и печник, и кузнец, и слесарь. При случае мог удалить больной зуб. А когда пришлось временно заменить приболевшего повара, готовил лучше, чем он. И это всё помимо строительных работ, изготовления и навески дверей, оконных рам и т. д.

Бем Борис Евгеньевич, ст. механик. Член экипажа шхуны «Темп», оставшийся на зимовку. Он вошёл в состав четвёрки зимовщиков (Соколов, Бабич, Бем и каюр Горохов), которая обеспечила приём самолётов, ночлег, горячее питание людям, вывозимым самолётами с каравана «Седова». При этом удалось разместить и обеспечить всем необходимым более полутора сотен людей там, где раньше жили восемь.

Именно в эту смену на карте Котельного появилось новое название: залив Стахановцев Арктики. Вклад этих людей отмечен в приказе по Главсевморпути № 236: «За отличные образцы стахановской работы, за образцовую постановку хозяйства в 1938 году на полярной станции острова Котельный, что выдвинуло эту станцию на одно из первых мест среди других, награждены нагрудным знаком «Почётный полярник» следующие работники полярной станции острова Котельный:



Архангел 104, Фонтанка, 34  
Телеграммы: Арктический Институт

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ ПРИ СНК СССР

# АРКТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

Тел. Ж-813-22, 818-44

№ 19-20

17-июля 1941 г.

## СПРАВКА.

Выдана Арктическим научно-исследовательским Институтом Главсевморпути в том, что бывш. сотрудник Института т. СОКОЛОВ Влад. Иван. с 9-го июля 1941 г. выбыл в Армию Народного Ополчения добровольцем.

Справка выдана жене т. Соколова В.И. - гр. Соколовой З.П. для представления при поступлении на работу.

Зам. Директора АНИИ



*В.А. Соболев*



*В. И. Соколов. Фронтное фото. Август 1941 г.*



*Приморский мемориал в Петергофе*

---

1. Соколов Владимир Иванович – начальник полярной станции;
2. Бабич Александр Павлович – ст. радиотехник;
3. Бем Борис Евгеньевич – ст. механик;
4. Авгевич Витольд Иванович – геодезист;
5. Дудкин Николай Павлович – метеоролог;
6. Селезнёв Григорий Семёнович – плотник».

(*«Советская Арктика», 1939, № 4, стр. 111*)

Отдельно хочется упомянуть местных промышленников, якутов. С ними зимовщиков связывала большая дружба и взаимопомощь. Это Горохов, Лепчиков, Васильев, Аммосов и многие другие. Промышленники участвовали в строительных и геодезических работах, помогали собачьими упряжками, снабжали продовольствием, привозили вести с Большой земли. Зимовщики обучали их грамоте, проводили занятия по устройству Солнечной системы, научили строить избы наряду с якутскими кочевыми жилищами.

Мне всегда хотелось узнать, как в дальнейшем сложилась жизнь первых зимовщиков Котельного. Первое, что я выяснил, в списках погибших в Великую Отечественную войну нет никого из сотрудников станции, за исключением автора этого дневника, Владимира Ивановича Соколова.

К огромному моему огорчению, трагически сложилась судьба замечательного человека Александра Павловича Бабича. О нём написала газета «Мурманский вестник» от 03.03.2007 в статье «Арктический мученик», её легко найти в интернете.

По-иному сложилась судьба Витольда Ивановича Авгевича. Он окончил Московский институт геодезии и картографии, стал крупным специалистом в области аэрофотосъёмки, доктором наук, профессором. Долгое время преподавал в этом институте. Участвовал во многих полярных экспедициях. Его именем названа бухта на западе полуострова Таймыр (бухта Витольда), ледник к востоку от Воркуты. Но самой примечательной и трудной он считал зимовку в 1935–1937 годах на острове Котельный.

К сожалению, о дальнейшей судьбе остальных зимовщиков ничего узнать не удалось.

А Владимир Иванович Соколов несколько лет возглавлял отдел морской гидрологии Арктического научно-исследовательского института. В 1940 году, в свои 32 года, был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Мама рассказывала, что уважение в народе к этому

ордену было таково, что в транспорте люди пытались уступить ему место. Он, конечно, отказывался.

Когда началась война, мой отец, несмотря на освобождение от воинской службы, добился отправки на фронт уже 9 июля. Судя по рассказам о нём моей мамы и по его дневникам, трудно было ожидать от него другого поступка. Он погиб под Петергофом 7 октября 1941 года. Ему было 33 года.

Наша семья долгое время не знала, где он похоронен. Моя мама, Зинаида Петровна Соколова, несколько раз ездила из Москвы, где мы жили, в Ленинград, чтобы найти его могилу, но безуспешно. А 35 лет спустя, в 1976 году, мы получили письмо из Петергофа от председателя исторической секции при райвоенкомате А. Поповкина. Чудом разыскав нашу семью, он сообщил, что в Петергофе сооружён Приморский мемориал, куда среди других перенесён и прах Владимира Ивановича Соколова. Теперь есть куда прийти и возложить цветы. Имя его значится на стенах мемориала. И на карте острова Котельный, которому он отдал много сил и частичку своей души.

*ВЛАДИМИР СОКОЛОВ*

## ДИАЛЕКТИЗМЫ

*Анга* – утка

*Алык* – оленья и собачья лямка, часть упряжи

*Арангас* – здесь лабаз, пирамида с приспособлением для хранения груза

*Аргы* – водка, вообще спиртное

*Байдже́рахи* – конич. земл. холмы выс. 0,5–15 м и дл. до 20 м, обр. в рез-те термокарст. процессов в обл. развития многолетнемерзлых горн. пород

*Бар* – наносная мель при впадении реки в море

*Ветка* – лодка, выдолбленная из колоды, поднимает небольшие грузы

*Ичаги* – вид обуви

*Камусы* – полоса шкуры с оленьей ноги на подбой лыж и на обувь, шерстью наружу, также мягкие оленьи сапоги

*Каюк* – небольшая плоскодонная лодка с двумя веслами

*Кондёвка* – замороженная рыбешка, сибирская ряпушка

*Кунгас* – дерев. парусно-гребное судно с малой осадкой для лова рыбы и груз. операций

*Кырахи* – птицы

*Лекпом* – лекарь-помощник, исп. в первые годы сов. власти

*Морянка* – небольшая полярная нырковая утка

*Мурун* – употреб. шуточно в значении носа

*Пасть* – автоматич. ловушки (самоловы) – кулёмы, плашки, капканы, петли, садки и др.

*Поварня* – охотничья избушка

*Ровдуга* – замша из оленьей кожи

*Сокуй* – доха

*Стамуха* – отдельная глыба льда, торос, ставший на отмель

*Тозовка* – винтовка ТОЗ-8, сов. однозарядная малокалиб. спорт. винтовка, произв. на Тульском оружейном заводе

*Торбаса (торбаза)* – высокие сапоги из шкуры оленя, нерпы и пр., шерстью наружу на кож. подошве

*Тордох* – охотничья конусов. палатка с покрытием из оленьих шкур, переносное жилище якутов

*Торил* – короткая толстая палка с острым концом для торможения собачьей упряжки

*Тугут* – маленький оленёнок

*Тыллары* – ветки

*Уктасы* – оленьи чулки

*Урагас* – шест

*Ураса* – конусообразное летнее жилище, покрытое берестой

## АББРЕВИАТУРЫ

*ВАИ* – Всесоюзный арктический институт, создан 22 ноября 1930 г. на базе Института по изучению Севера

*ГГО* – Главная геофизическая обсерватория

*ГИМЕИН* – Гидрометеорологический институт мин-ва высшего и среднего спец. обр. СССР. Обр. в 1930 г. в Москве, с 1945 г. в Ленинграде. Филиал в Якутске

*ГИМЕКОМ* – Гидрометеорологический комитет при Совете народных комиссаров СССР

*Комсеверопуть* – Комитет Северного морского пути, передан Главному управлению северного морского пути при СНК СССР, ликвидирован в 1933 г.

*МАК* – Михаил Артемьевич Кузнецов, близкий друг со времен учебы на геогр. ф-те ЛГУ

*НКПС* – Народный комиссариат путей сообщения СССР

*ПОС* – промыслово-охотничья станция

*ПУ* – Полярное управление, подразделение Главного управления Северного морского пути

*РИК* – райисполком, районный исполнительный комитет Совета народных депутатов

# СОДЕРЖАНИЕ

---

Предисловие Артура Чилингарова .....	5
Жизнь и река Соколова. Владимир Соколов о дневниках отца .....	7
<i>Тетрадь № 1. 23 февраля 1932 – 4 февраля 1933</i> .....	11
<i>Тетрадь № 2. 6 февраля – 9 июля 1933</i> .....	69
<i>Тетрадь № 3. 10 июля 1933 – 7 марта 1934</i> .....	129
<i>Тетрадь № 4. 8 марта 1934 – 31 декабря 1935</i> .....	197
<i>Тетрадь № 5. 3 января 1936 – 31 августа 1937</i> .....	263
<i>Тетрадь № 6. 1 июля 1936 – 30 мая 1937</i> .....	353
Журнал деятельности полярной станции на о-ве Котельный	
<i>Тетрадь № 7. 1 сентября 1937 – 5 апреля 1938</i> .....	423
Журнал деятельности полярной станции на о-ве Котельный. Продолжение	
<i>Тетрадь № 8. 22 августа 1938 – 2 апреля 1939</i> .....	451
Дневник В. И. Соколова. Продолжение	
<b>Стенограмма совещания при начальнике Управления полярных станций по отчёту начальника полярной станции о-ва Котельный за зимовку 1935/36/37/38 годов</b> .....	467
О героях этой книги. ....	497

Соколов Владимир Иванович  
Дневник Соколова, основателя полярной  
станции на острове Котельный

Редактор Ольга Бараева  
Макет и верстка Наталья Гриц  
Корректор Ирина Розанова  
Обработка иллюстраций Владимир Беляев

Издательство «Паулсен». 107031, Москва, Звонарский пер., 7  
Тел. +7 (495) 624-86-05, [www.paulsen.ru](http://www.paulsen.ru)

Подписано в печать 04.08.2015. Формат 70×100/16. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 50,4. Тираж 500 экз. Заказ № 2406  
Отпечатано в типографии «Миттель Пресс».  
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6.  
Тел./факс: +7 (495) 619-08-30, 647-01-89, e-mail: [mittelpress@mail.ru](mailto:mittelpress@mail.ru)